ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XV.

Сѣверная Америка: Гренландія, Полярный Архипелагъ, Аляска, Канада, Нью-Фаундлендъ.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.
1900.

Элизе Реклю
Земля и люди. Всеобщая География

Том XV

Северная Америка

Гренландия—Полярный Архипелаг—Аляска—Канада —Нью-Фаундленд

Перевод под редакцией С. П. Зыкова,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГ

Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.
Дозв. Ценз. Спб. 30 января 1898 г.

Том XV. Северная Америка

Гренландия, Полярный Архипелаг, Аляска, Канада, Нью-Фаундленд

Глава I Новый Свет

1. История открытия

Имя Америки не окружено тайной происхождения, как имена трех частей Старого Света, Европы, Азии, Африки. В то время, как для объяснения этих последних имен ученые должны были до сих пор ограничиваться догадками, мы знаем положительно, что имя «Америка», примененное ко всему Новому Свету, было впервые написано в 1507 году в брошюре, изданной в городе Сен-Дье членами «Вогезской гимназии», общества ученых и книгопечатников, образовавшегося под покровительством герцога Лотарингского. Было ли это название, в первоначальной его форме *Amerige* (Amerigen), введено в «Cosmographiae Introductio» («Введение в Космографию») вогезским переводчиком Жаном Базен де-Сандокур[1], или типографским фактором, швабом Вальценмюллером (Hylacomylus)[2]—это в сущности не важно; достаточно знать, что тем или другим из них оно было употреблено в помянутом издании в честь Америго Веспуччи, одного из первых исследователей Нового Света, но одного из тех, слава которых меркнет в лучах всемирной славы Колумба. Латинский текст брошюры так ясен, что не оставляет никакого сомнения насчет точного смысла наименования, данного новооткрытым землям; ничто, однако, не дает права утверждать, как это часто делалось —и в первый раз уже в 1533 году Шенером[3], современником членов «Вогезской гимназии», —что Веспуччи находился в прямых сношениях с академией в Сен-Дье, и что он имел низость присвоивать себе заслугу открытия, давая свое крестное имя Новому Свету; напротив, он даже не знал, также как Колумб и все моряки того времени, что его морские путешествия способствовали ознакомлению с берегами неведомого континента, отличного от материка Азии[4].

Впрочем, имя «Америка» очень медленно входило в общее употребление. Обычным наименованием для новооткрытых земель было, естественно, то, которое распространила ошибка Колумба по поводу восточного берега Азии. Отправившись с намерением найти путь в Индию, он полагал, что открыл восточную окраину этой страны, вследствие чего название последней долго сохранялось за Новым Светом в обычной речи и ещё более в оффициальных документах, даже после того, как мореплаватели констатировали громадность расстоя-

1 Jules Marcou, „Bulletin de la Societe de Geographie", 3-me trimestre 1888

2 Alex. de Humboldt, „Examen critique de l'Histoire de Geographie du Nouveau Continent".

3 „Opusculum geographicum";—Michel Servet, edition de Ptolemee, 1535;—de Santarem, „Bulletin de la Societe de Geographie", sept. 1837;—etc.

4 H. Harrisse, „Bibliotheca Americana vetustissima".

ния, отделяющего Колумбовы земли от Индии и Китая, и после того, как торговые люди установили точное различие между «Восточной (Ост-) Индией», куда надо ехать преимущественно в восточном направлении, и «Западной (Вест-) Индией», дорога в которую лежит на запад, испанское правительство продолжало именовать свои заморские владения *las Indias*; название же «индейцы» или *Indios*, данное американским аборигенам, сохранилось за ними до настоящей минуты, а в странах испанского языка их даже называют *Chinos*, т.е. «китайцами». Карты шестнадцатого столетия, где ново-открытые земли изображены как независимые от азиатского материка и носят имя Америки, сравнительно редки. Первый лист с точной датой, где выставлено это слово, было выгравирован в 1520 г. Петром Апианом (Petrus Apianus), восемь лет спустя после смерти Америго Веспуччи; на других же картах, где появляется это имя, оно почти всегда смешано с другими названиями, как-то: Новая Земля (Ньюфаундленд), Бразилия, земля св. Креста (Санта-Круц), Атлантика или Атлантида, Перувианская земля, Новая Индия; очевидно, ни одно из этих названий ещё не было настолько общеупотребительным, чтобы картографы могли отдать ему предпочтение. Только с семнадцатого века, через сто слишком лет после открытия, имя Америки окончательно восторжествовало везде, кроме Испании: отсутствие в этом случае всякого оффициального давления и всякого вмешательства знаменитых писателей дает право заключить, что постепенное принятие слова «Америка» исходило от самих народов. Нет сомнения, благозвучие играло немалую роль в благосклонном приеме, который оказали этому слову европейские языки; благодаря новому слову, перечисление частей света оканчивалось очень красиво: «Европа, Азия, Африка, Америка». В летописях человечества, уже столь богатых несправедливостями, эта мерность слогов способствовала торжеству одной лишней несправедливости.

В виду имеющихся достоверных документов, казалось бы, не должно быть более места для сомнений относительно названия, данного новому континенту, а между тем существует уже целая литература, авторы которой пытаются доказать чисто местное происхождение имени, которым теперь обозначаются земли, омываемые на востоке Атлантическим океаном. Немцы предъявляют притязания на имя Америки, как на слово, будто бы принадлежащее их языку[1]; после этого неудивительно, что и американцы, в свою очередь, с радостью встречают всякие изыскания, находящие начало этого имени в их стране. И прежде не раз указывала на сходство местных названий некоторых из американских гор или рек с крестным именем Веспуччи, но только в 1875 году появился первый серьезный мемуар по этому вопросу[2]. По мнению автора этого мемуара («О происхождении имени Америка»), геолога Марку, сиерра Амеррика, лежащая к востоку от озера Никарагуа, между городами Жунгальпа и Либертад, есть та черта континентального рельефа, название которой, в конце концов, сделалось именем всего Нового Света. Хребет этот, вершины которого не выше тысячи метров[3], составляет часть раздельной цепи между маленькими притоками озера Никарагуа и рекой Блюфильдс, одной из самых многоводных рек Москитии; местами встречаются золотоносные залежи в восточных долинах гор Амеррика, оставшихся до последнего времена неизвестными картографам и впервые упоминаемых под этим именем натуралистом Бельтом, в 1874 году[4]. Геолог Марку высказывает предположение, что во время своего плавания вдоль берегов Караибского моря, в 1502 г., Колумб, всегда искавший богатств, слышал об этих золотоносных жилах гор Амеррика, находящихся в 160 километрах, по прямой линии, от моря, за лесами и болотами, но принадлежавших одному племени того же имени, может-быть, имевшему торговые сношения с побережьем. Америго Веспуччи тоже, будто бы, дважды посетил москитские берега и—что более, чем сомнительно[5]—знал по слухам об этих золотых месторождениях сиерры Амеррики, имя которой сделалось впоследствии именем

1 Von der Hagen;—Alex. de Humboldt, цитиров. сочинение.

2 Jules Marcon, „Sur l'origine du nom d'Amerique" („Bulletin de la Societe de Geographie", 6-e serie, tome IX)

3 Paul Levy, „Notas geograficas y economicas sobre la Republica de Nicaragua".

4 Thomaz Belt, „The Naturalist in Nicaragua".

5 Luigi Hugues, „Bollettino della Societa Geografica Italiana", giogno, 1888.

всего новооткрытого мира[1]. Всё это простые догадки; тем не менее, они понравились местному патриотизму, этой «язве исторического исследования», и многие американские писатели приняли их как нечто бесспорное. По мнению одного странного автора, являвшегося в печати под разными фамилиями: Горльбэта, Бирна, де-Бри, Ламберта[2], имя «Америка» имеет более благородное происхождение: это, будто бы, слово языка инков, означающее «Великую Страну Солнца» или «Святую Землю».

Первые открыватели, в том числе и сам Веспуччи, назвали новооткрытые земли «Новым Светом», но не желая этим сказать, что Америка—самостоятельный материк, отдельный от Азии; однако, данное ими название сохранилось до наших дней в этом последнем значении, впрочем, достаточно оправдываемом небольшим числом поколений, которые сменились там с того времени, как американские народы вошли в общую историю человечества. Но между наименованиями этого двойного континента, недавно присоединенного к известному миру, есть одно, смысл которого, совершенно относительный, верен лишь с исторической точки зрения, имеющей переходную цену. Наименование это—континент или мир «Западный». Во многих отношениях, особенно по своему рельефу, форме и расположению побережья, Америка скорее может быть названа «Восточным материком»: она лежит на восток от Старого Света и соединяется с ним островами, полуостровами, мелями и льдами Берингова моря.

В самом деле, пространства суши составляют в совокупности одно целое, расположенное в виде обширного полукруга, опоясывающего Великий океан; с одной стороны мыс Доброй Надежды, с другой—мыс Горн заканчивают собой громадный амфитеатр материков, следующих один за другим по окружности глубоких вод и вздымающих свои самые высокие хребты именно в соседстве океанских берегов. Можно сказать, вообще, что главный горный рельеф нашей Земли расположен в виде непрерывного полукруга, проходящего в некотором расстоянии от главного морского бассейна, при чём горы Африки и Азии образуют западную, а горы Америки—восточную ветвь этой кривой: горные цепи полуострова Аляски и Британской Колумбии составляют лишь продолжение цепей Манджурии и Камчатки. В круге гор, пребывающих в состоянии покоя, вписан другой круг—кольцо гор живых, т.е. действующих вулканов, криволинейные полосы которых окаймляют архипелаги Индии, затем берега материка Азии, прежде чем слиться с горными цепями Американского поморья. Очевидно, вулканы Нового Света составляют часть того же «огненного круга», к которому принадлежат дымящиеся кратеры Филиппинских островов, Японии, Курильских островов, и образуют восточную ветвь этого обширного вулканического кольца. Не только наидалее выдвинутый к западу выступ американского материка бывает, при исключительно ясной погоде, в виду крайнего мыса северо-восточной Азии, от которого он отделен проливом в 96 километров, но и цепь Алеутских островов также обращена к Азии своей западной оконечностью. Зимой, противоположные берега этих двух частей света соединены мостом из льдин, приносимых различными течениями Великаго и Ледовитого океанов в узкий проход, где они скопляются и спаиваются, образуя в одних местах ровные пространства, в других нагроможденные глыбы в виде пирамид. Иногда, даже среди лета, пароходы с трудом пробираются в проходе между массами плавающего льда[3]. Берингов пролив так мелок—всего 58 метров в самых глубоких местах,—что китоловные суда везде смело бросают якорь, даже вдали от берегов[4]; в среднем слой воды, покрывающий дно, имеет всего только 40 метров толщины. Наконец, по середине пролива лежит группа островов, Гвоздева или Демидова, служащая местом отдыха животным и людям, переправляющимся с одного континента на другой, с «Восточнаго» мыса Азии на «Западный» мыс Америки, т.е. мыс Принца Валлийского. Следовательно, можно будет без труда, как это заметил уже Адальберт Шамиссо, связать геоде-

1 „Bulletin de la Societe de Geographie", 3-e et 4-e trimestres 1888.
2 „The Origin of the name of America", „Bulletin of the American Geogr. Soc", 1883, n. 1.
3 Hooper, „The Tents of the Tuski";—Dall, „Alaska"
4 Whymper, „Alaska".

зические треугольники Старого Света с треугольниками Нового Света[1], его восточного продолжения. Напротив, со стороны Европы Америка отделена от противолежащих земель морским пространством в 1.500 километров, составляющим самую узкую часть северной Атлантики; однако, большое сходство, по составу горных пород, между Лабрадором, Гренландией, северными архипелагами и Норвегией оправдывает гипотезу о существовавшем некогда соединении частей суши в этих областях[2]. Скрытый перешеек, на котором глубина воды менее 700 метров, соединяет Гренландию с Шотландией и мыс Рат с мысом Линдеснес.

Исторически, Америка также, по крайней мере, в значительной степени, принадлежит к Азии, следовательно, должна быть рассматриваема как восточная земля. Азиатцам не было надобности открывать Америку, или американцам открывать Азию, так как земли одного материка были в виду земель другого. Даже без флотилии каяков туземцы обеих стран легко могли достигать противолежащих берегов. На юге от Берингова пролива, до Орегона, азиатским лодкам открывались многочисленные заливы: употребленное кем-то выражение об американском континенте, что «он повернулся спиной к Азии», не верно относительно северной части Нового Света. По мнению многих антропологов,—впрочем, сильно оспариваемому Мортоном, Ринком и некоторыми другими учеными,—гиперборейские населения Америки происходят от переселенцев из Азии, и на противоположных берегах Берингова пролива сходство типа, нравов и языка так велико, что не может быть никакого сомнения насчет единства расы[3]. Если принять взгляд тех, которые допускают сродство эскимосов и сибирских инородцев монгольского племени, то вся северная половина Северной Америки оказалась бы населенной жителями западного происхождения. Кроме того, усматривают полинезийское влияние в характере построек, одежды и украшений островитян северо-западной Америки, от Аляски до Орегона, и «Черное течение» (Куро-Сиво), пересекающее северный бассейн Тихого океана, часто приносило морские выкидки японского происхождения: с начала семнадцатого столетия было констатировано более шестидесяти примеров этого факта[4]. Случалось даже, как, например, в 1875 году, что течение приносило суда и потерпевших крушение из другой части света. Наконец, по мнению большого числа историков и археологов[5], буддийская пропаганда и, следовательно, азиатская цивилизация действовали непосредственно на жителей Мексики и Центральной Америки в первые века христианской эры; между остатками старины в городах Копан и Паленке находили мистические изваяния, совершенно подобные однородным изображениям, встречающимся в восточной Азии, особенно *тайки*, наиболее чтимый у китайцев символ, представляющий, по словам Гами, «сочетание силы и материи, действующего и страдательного, начала мужского и начала женскаго». Какова бы ни была степень вероятности гипотезы относительно буддийского влияния, во всяком случае не подлежит сомнению, что древнейшие заокеанские сношения американских континентов происходили с Азией, т.е. с западом по отношению этих континентов.

Но не то мы видим в позднейшей истории Нового Света. Если прежде ход цивилизации направлялся с запада на восток, то с тех пор, как ведутся наши летописи, он принял обратное направление, и культура, предшествуемая географическими открытиями, распространялась с востока на запад, из долины Нила в Средиземное море, из этого моря к Океану, и с восточных берегов Атлантики к западным её берегам[6]. В этом движении народов в западном направлении видели закон истории: «звезда владычества тяготеет к западу», повторяют на все лады англичане и американцы. Факт тот, что в течение Новых веков Америка является, относительно Европы, миром Западным, *West*, как говорят кратко британские моряки. По

1 Oscar Peschel, „Vorkekunde“.

2 Ed. Suees, „Das Antlitz der Erde“

3 A. de Chamisso;—Waitz;—Oscar Peshel;—Petitot;—Whymper, etc.

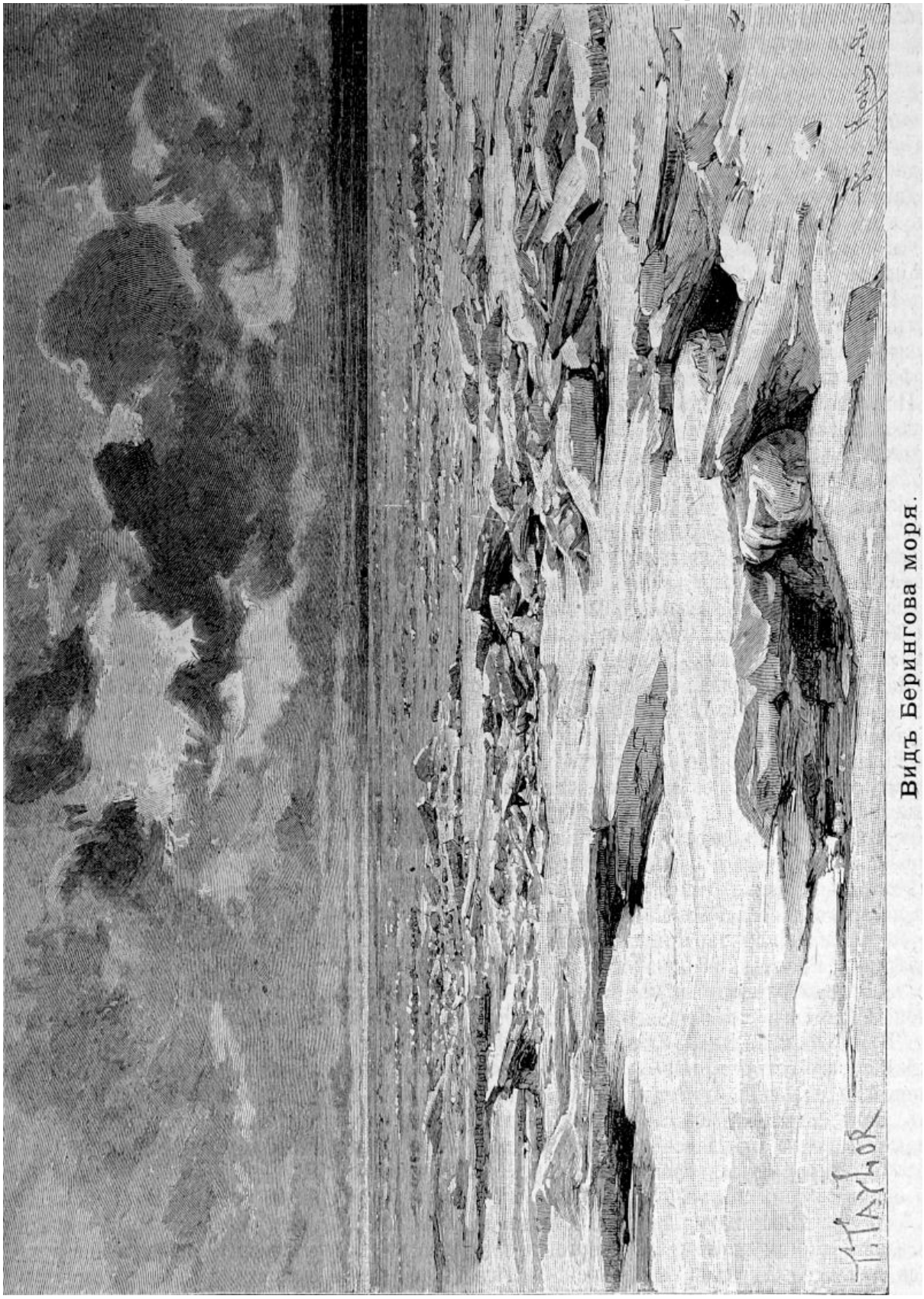
4 Brooks, „Comptes rendus de la Societe de Geographie“, 2 juillet 1886

5 De Guignes, „Les Navigations dos Chinois", 1761;—Al. de Humboldt, „Vues des Cordilleres et des monuments dos peuplee indigenes de l’Amerique“;—Kohl, „Geschichte der Entdeckung Amerikaś“;—Neumann;—Quatrefages;—Hamy;—Hervey de Saint-Denys;—Desire Charnay.

6 Лев Мечников, „La Civilisation et les Grands Fleuves historiques“.

ту сторону Миссисипи, равнины и горы, простирающиеся в направлении к Великому океану, составляют *Far West*, «Дальний Запад».

Возможно, что уже в очень отдаленные от нас эпохи суда Старого Света посещали мир

Видъ Берингова моря.

Запада. Давно уже указывали на дальние плавания финикиян, ссылались на греческие легенды, относящиеся к земле Атлантов; теперь приводят ещё валлийские предания, рассказы-

вающие об открытии Мадоком он-Овеном земель, лежащих на западе, среди туманов Океана[1]. Подобные же легенды существуют у ирландцев, но чудесные рассказы их бардов не подкреплены ни одним фактом, который бы придавал им характер правдоподобия. Первые достоверные документы о существовании новой части света восходят всего только за тысячу лет, к эпохе великих скандинавских переселений. Даже в отечестве Христофора Колумба и Америго Веспуччи ни один писатель не сомневается более, что Северная Америка была открыта норманнами; впрочем, на крайнем севере Океана, где плавали смелые викинги, путешествия с целью исследования и завоевания были сравнительно менее трудны, благодаря малой ширине пространства, разделяющего в этих областях Старый и Новый Свет. Правда, что со времен марсельца Питеаса эти моря сильно пугали мореплавателей своим «дыханием», т.е. густыми туманами, движущимися по водам в виде беловатой стены; боялись также проникать в «ноздри Земли», среди подводных камней, окруженных плавающими льдинами, в этих водах, наполовину отвердевших от покрывающего их слоя снега, которые породили легенду о «Вязком океане», о «Клейком море»[2]. Ходячие рассказы изображали эти моря очень мелкими или даже очень обширными болотами. Суеверие населило чудовищами эти страшные пространства: в них видели *Troldboten*, «страну ведьм»; однако, полагали также, что за этим миром нечистой силы тянется сплошной берег. На всех картах, внушенных географией Гомера, узкая кайма берегов окружает и великую «реку Океан»[3].

Хотя трудно сказать, какую именно землю древние обозначали именем *ultima Thule*, Исландию или группу Фарерских островов, во всяком случае не подлежит сомнению, что издавна известный этап был естественным исходным пунктом для открытия Западнаго материка. В конце восьмого столетия, когда ирландские *папасы* поселились в Исландии, и вслед за ними туда прибыл, в начале следующего века, скандинав Гардас, который дал ей имя «Ледяного острова», употребляемое доныне, две трети северной Атлантики были уже пройдены, и норманские мореходы, кроме того, владели в европейских водах несколькими промежуточными станциями—островами Шетландскими, Оркадскими, Фарерскими. В силу одного лишь факта плавания между этими островами, случайное открытие Гренландии, куда суда могли быть занесены бурей или течением, становилось неизбежным. Действительно, в 977 году, Гуннбьерн приметил вдали снежные вершины какой-то западной земли и дал свое имя некоторым передним скалам берега Нового Света. Пять лет спустя, Эрик «Красный», изгнанный с острова Исландии за смертоубийство, отправился к этим отдаленном горам Мид-Иокуль, т.е. «стоящим среди льдов»; затем, в следующую поездку, выстроил себе укрепленное жилище на берегу запада, за Гварфом, или южным мысом большой земли. Полагают, что этот дом Братталида, построенный более девяти веков тому назад на западе Атлантики, и от которого уцелело только несколько рядов каменной кладки, находится на берегу фиорда Игалико; впрочем, не могли точно установить тождество развалин[4]. Со времени прибытия Эрика, Гренландия всегда имела жителей европейского происхождения, и в разные эпохи существовали непосредственные сношения между западными скандинавскими колониями и метрополией; христиане Гренландской епархии были даже данниками Рима, и церковные летописи рассказывают, что оттуда регулярно каждый год присылались в Европу грузы мехов, китового уса, моржевых клыков, для уплаты десятинного сбора и лепты св. Петра; даже крестовые походы, как везде, проповедывались и в этой стране льдов[5]. Ещё и после овладения испанцами Антильскими островами и берегом соседнего материка, норманское епископство Гардар продолжало существовать в Гренландии; однако, с течением веков, сношения между двумя сторонами северной Атлантики становились всё реже и реже. В первые времена, следовавшие за открытием этого острова, норманны были ещё одушевлены сильной стра-

1 D'Avezac;—G. Gravier, „Decouverte de l'Amerigue par les Normands";—Rafn, „Antiquitates Americanae.
2 Adam de Breme;—„Petermann's Mittheilungen", 1869.
3 Al. de Humboldt, „Examen critique de l'Histoire de la Geographie du Nouveau Continent".
4 E. Nordenskiold, „Seconde expedition suedoise au Groenland", trad. par Ch. Rabot.
5 P. Riant, „Expeditions et pelerinages des Scandinaves";—Gravier, цитиров. сочинение.

стью к похождениям, как моряки и воины: не вынося ига, молодые удальцы бросались к морю, чтобы бежать от тирании сеньоров и завоевать, в свою очередь, сеньории на отдаленных берегах; но в 1261 году Гренландия подпала под власть короля норвежского: торговля сделалась правительственной монополией, вследствие чего экспедиции через Атлантический океан предпринимались всё реже и реже, и кончилось тем, что даже в Дании и Норвегии совершенно забыли об этих заморских колониях, завоеванных предками.

Южная Гренландия была не единственная область Нового Света, открытая норманнами. Мореходы их предпринимали плавания вдоль западного берега этого огромного острова, заходя за 72 градус широты, до пунктов, где находятся ближайшие к полюсу человеческие жилища; но более всего сделано ими открытий в областях, лежащих к югу от Гренландии. Уже в конце десятого столетия один мореплаватель, Бьярн Гериульфсон, направляясь к Гренландии, слишком уклонился к югу и ему показались вдали покрытые лесом холмы, принадлежащие, вероятно, к американскому материку; но он не пытался подойти к ним. По следам его, в эти воды отправился один из сыновей Эрика Красного, Лейф: он открыл сначала «каменистую землю», Геллу-ланд, пустынную, окруженную льдами; вероятно, то был берег Лабрадора, хотя большинство скандинавских ученых признают в этой земле остров Ньюфаундленд. Затем этот отважный мореход, продолжая плыть далее, встретил другой берег, на этот раз лесистый, которому дал имя Маркланд. По мнению Рафна, Коля, д'Авезака, это был берег Акадии или Новой Шотландии. Гипотеза была принята всеми, и комментаторы норманских саг обыкновенно приурочивают к нынешнему Род-Айленду, между 41 и 42 градусами сев. широты, Винланд или «Страну Вина», открытую также Лейфом, в конце тысячного года; в подкрепление своих доводов, они указывают, между прочим, на «писаный камень», лежащий на берегу реки Тонтон, в Массачузетсе, напротив деревни Дайтон, и говорят, что черты, вырезанные на этом камне, повествуют о завоевании края исландцем Торфином[1]. Однако, не подлежит сомнению, что одно место в древних рассказах, относящееся к длине дня в Винланде, было истолковано Рафном в смысле слишком благоприятном для важности открытий, совершенных его соотечественниками. Этот Винладл, открытый древними норманнами, скорее следует поместить около северного пояса дикого винограда, то-есть в Акадии или Новом Брауншвейге, где растет также «дикий хлеб» (zizania aquatica), упоминаемый в легенде[2].

Как бы то ни было, скандинавы основали на континентальном берегу Нового Света правильные колонии, легенда которых обнимает от 120 до 130 лет. Вступая во владение страной, они зажигали большие костры, зарево которых долженствовало распространить далеко вокруг весть об их приходе, вырезали свои метки на деревьях и скалах, водружали свое оружие на мысах и строили себе сараи и укрепленные дома. Саги рассказывают о рождении детей в этих колониях, о битвах и сечах воинов: между остатками древних построек, приписываемых скандинавам, находили могилы. Подобно последующим завоевателям всех европейских национальностей, норманские пираты убивали туземцев единственно из удовольствия проливать кровь: дело истребления началось с первого момента прибытия белых людей. Впрочем, древние рассказы, передававшиеся из уст в уста, перемешали сказку с действительностью, и многие из описываемых в них эпизодов обязаны своим происхождением единственно любви к чудесному. Одна из земель крайнего севера, открытых викингами и совершенно необитаемых вследствие царствующей там сильной стужи, носит имя Фурдустрандир, или «Берег Чудес», данное ей по причине странных видений, которые вызывали перед скандинавскими мореходами злые духи. По словам легенды, новые пришельцы должны были побороть не только «скреллингеров»—общее имя, под которым они смешивали всех туземцев западных земель, эскимосов и краснокожих,—но столкнулись также с белыми или «одетыми в белое» населениями, с предполагаемыми ирландцами-христианами, жившими

1 Rafn, „Antiquitates Americanae“

2 G. Storm;—Studier over Vinlandsreiserne; „Petermann's Mittheilungen", 1889. Heft 1;—Haliburton, „Proceedings of the R. Geographical Society", January 1885

на южных берегах или внутри страны, к западу[1]: это Гвитраманналанд, «Земля Белых», или Irland it Mikla, «Великая Ирландия». С другой стороны, если дошедшие до нас саги заключают в себе большую долю чудесного, то они, вероятно, содержат лишь незначительную часть действительной истории скандинавов в Америке: быть-может, потомство этих завоевателей сохранилось ещё, кроме Гренландии, среди населений Нового Света.

После открытий, сделанных норманнами в северных водах, мореплаватели южной Европы должны была искать новых земель в другом направлении—в теплых и умеренных заморских областях. Впрочем, память о первых экспедициях никогда не изглаживалась вполне, или, вернее сказать, она смешивалась с различными преданиями. Подобно валлийцам и ирландцам, арабы рассказывали историю своих героев-мореплавателей, восьми *альмагрурим* или «Странствующих братьев», которые в 1170 году покинули Лиссабонский порт, поклявшись не возвращаться до тех пор, пока не побывают на отдаленных заморских островах. Около того же времени другие «братья» или товарищи, фризы, севшие на суда в Бремене, ходили, будто бы, до самой Гренландии[2]. Затем, в конце четырнадцатого столетия, два венецианца, братья Зени, посетили ту же страну, которую и называют «Энгронеланд», и сообщаемые ими подробности, а также и некоторые части их карт не допускают сомнений в действительности совершенного ими путешествия[3]. Наконец, один поляк, Ян из Школьно, был послан прямо в Гренландию, в 1476 г., с поручением вновь завязать давно прерванные сношения с этой отдаленной землей.

Молва о всех этих путешествиях, конечно, распространялась из порта в порт, как о том свидетельствуют морские карты эпохи, где линии берегов, хотя проведенные наугад, были по крайней мере оправдываемы народными легендами. Кроме того, незадолго перед тем открытые земли в Атлантическом океане, на юго-запад от Европы, Мадера, Канарские и Азорские острова, более или менее смешивались в воображении моряков с древними преданиями о «Счастливых островах» и с христианскими мифами об островах, обитаемых святыми угодниками. Все эти рассеянные по океану архипелаги естественно должны были вызвать мысль о существовании других, более отдаленных групп островов, тем более, что волны иногда приносила какие-то неведомые растения, семена, необычно отесанные куски дерева. Однажды к берегу острова Флорес прибило два трупа, черты которых нисколько не походили на лица азорцев. Одна из этих блуждающих земель, «подобных иллюзии миража», по выражению Колумба, известна была под именем «острова Сан-Брандан» и составляла предмет поисков во всех частях Атлантики в даже в Индийском океане. Что касается острова «Семи Городов», *Sete Cidades*, колонизованного паствой семи легендарных епископов, бежавших из Португалии во время нашествия мавров, то он окончательно локализировался в главном из Азорских островов, Сан-Мигуэле, где теперь находится лагуна или «кальдера Семи Городов». Другой священный остров, Антилиа, то самостоятельный, то присоединяемый к «Семи Епископствам» или к Сан-Брандану, странствовал по земной поверхности до тех пор, пока имя его не перешло на Антильские острова, передовые земли Нового Света. Наконец, за островом Бразилия (isola de Brazi), найденными в Азорском архипелаге, где одна гора на Терсейре доныне носит наименование monte Brazil, продолжали искать землю «огненного дерева», verzin, пока не была действительно открыта обширная страна Санта-Круц (Св. Креста), вскоре после того переименованная в Бразилию[4]. Карты показывали, правда, остров Ман-Сатанаксио (вероятно, св. Афанасия), искаженное имя которого превратилось в «Ман де Сатанас» («Рука Сатаны»), и про который рассказывали, что это не что иное, как «Черная рука», высовывающаяся из моря, чтобы схватывать проходящие корабли и увлекать их в бездну[5]; но, с другой стороны, таинственная конная статуя, воздвигнутая на скале острова

1 Beauvois, „La Decouverte du Nouveau Monde par les Irlandais".
2 I. Kohl, „Petermanns Mittheilungen", 1869.
3 Maior, „Journal of the R. Geographical Society", 1873.
4 Fr. Kunstmann, цитиров. сочинение.
5 Chateaubriand, „Voyage en Amerique".

Корво, указывала пальцем направление, в котором нужно идти на поиски Нового Света, и этот знак каменной руки, говорят туземцы, был понят только одним человеком—великим Колумбом[1].

Математики тоже старались проникнуть в тайны экваториальных морей, очерчивая на поверхности земного шара пространство, заключающееся между западными берегами Старого Света и восточными берегами Китая. Так, за восемнадцать лет до открытия Колумбом «Западной Индии», флорентийский астроном Тосканелли, по просьбе одного придворного сановника Альфонса V, короля португальского, составил морскую карту, где город Квинсай (Ханчеу), столица могущественного царства «Китай», помещен всего только в 130 градусах к западу от Лиссабона: между этими двумя городами Атлантика и море, называемое теперь Тихим, сливались в один океан. Лежащее против восточного берега Китая большое островное королевство Зипангу (Япония) сокращало это пространство по крайней мере на 25 градусов, так как ошибочное толкование одного места в книге Марко Поло сильно преувеличило ширину пролива, разделяющего Китай и Японию: китайские мили *ли*, приводимые у венецианского путешественника, превратились в мили итальянские, вследствие чего страна Зипангу очутилась на карте на том месте, где на самом деле находится Калифорния, или даже восточнее, в местности, занимаемой Скалистыми горами. Наконец, на карте Тосканелли, теперь потерянной, но без сомнения, мало отличающейся от карты Мартина Бегайма, означен остров Антилья, как этап на полдороге при переезде через океан, и мореплаватели могли ещё сократить это расстояние, взяв за исходный пункт, как это и сделал Колумб, один из западных островов Канарского архипелага. Но это ещё не всё: астрономы того времени не была согласны между собой даже и относительно точного размера градуса, заключающагося между двумя меридианами, и по вычислениям большинства из них, это пространство оказалось значительно меньше, чем его определил уже Эратосфен, за восемнадцать веков перед тем. Одним из главных авторитетов, на которые ссылался Колумб, чтобы оправдать свой смелый план, была апокрифическая «книга Ездры», в которой сказано, что море покрывает только седьмую часть нашей планеты. Как видно, огромный пробел океана между Европою и Азией в большей части исчезал в глазах мореплавателей, и при таком взгляде, становится понятным восклицание Колумба: *El mundo es poco!* «Земля не велика!» Это-то блаженное неведение и позволило ему пуститься в дорогу к Индии, с целью «пробраться на Восток через Запад»: он, вероятно, отказался бы от своего намерения, если бы знал, что точное расстояние от Лиссабона до Зипангу составляет около 210 градусов по долготе, то-есть гораздо больше половины земной окружности: «величайшая из ошибок, по выражению д'Анвиля, привела к величайшему из открытий». Однако, событие это замедлилось бы не на долго, так как уже в 1500 году Альварес Кабрал, направляясь по следам Васко-де-Гамы в Восточную Индию, на пути встретил неожиданно берега Бразилии.

Если Колумб не успел в предприятии, о котором мечтал, то эта неудача только послужила к увеличению блеска его славы: он открыл новый неведомый мир, он нашел, как сам он говорил, рассказывая одно сновидение, «ключи от тяжелых цепей, в которые было заковано море»; землю, до того времени плоскую в понятиях людей, он окончательно превратил в шар, и тем сам открыл новую эру истории. Соперники осыпали его насмешками и бранью, называли пустомелей, *homem fallador*[2]; затем враги обвиняли его в государственной измене и арестантом отвезли в отечество через тот самый океан, который он первый переплыл. После его смерти произошла реакция: под влиянием присущей человеческому уму наклонности, многие писатели стали приписывать честь открытия исключительно смелому гению Колумба, гению, бесспорно, первоклассному, как о том свидетельствуют его наблюдения над ветрами, морскими течениями, склонением магнитной стрелки, и, наконец, та уверенность, с которой он ринулся в область неизвестного, в «Темное море». Тем не менее, главное участие, которое принимал этот человек в прогрессе своего времени, не дает право превозносить его в

1 Humboldt;—Navarrette;—L. Cordeiro, etc.

2 Joao de Barros, 1-re decade, livre III;—Luciano Cordeiro, „Decouverte de l'Amerique".

ущерб признанию заслуг многих других сотрудников, ни в особенности прославлять в нём всевозможные добродетели, как будто высокие качества души и сердца всегда неизменно сопровождают обширность ума и благосклонность фортуны. Между другими, менее счастливыми мореплавателями, быть-может, нашлись бы равные Колумбу по знаниям; можно было бы указать также превосходивших его бескорыстием. Но в этих великих коллективных делах, где миллионы людей содействуют, сознательно или бессознательно, достижению того же результата, всегда есть один человек, на долю которого выпадает выступить в надлежащий момент и совершить решительный акт. В деле открытия Нового Света между многочисленными конкуррентами пальма первенства досталась Колумбу, имя которого резюмировало его эпоху, и отныне 1492 год рассматривается как раздельная грань между двумя веками человеческого рода.

Прибытие каравелл Колумба в один из рейдов Нового Света в начале, повидимому, ничего не изменило в политическом и социальном состоянии народов; с другой стороны, некоторые значительные события, относящиеся к тому же времени, как падение Восточной римской империи, литературные и художественные триумфы Возрождения, изобретение книгопечатания, открытие пути в Индию вокруг Африки, тоже представляют факты капитальной важности, которые в широкой мере способствовали эволюции, положившей конец средним векам; но между всеми этими признаками великого преобразования нет ни одного, который бы имел более точное значение и был более чреват решительными переменами, чем счастливое плавание генуэзского моряка. С этого момента Старый Свет, который, впрочем, ещё не весь был открыт, не составлял уже один всей Земли; цивилизация, которая из первых государств, сгруппированных около точки соединения трех континентов, Африки, Азии и Европы, распространялась исключительно в пределах средиземного мира, затем по заливам и северным областям Атлантики, имела теперь перед собой всю поверхность земного шара; масса познаний возросла и, вследствие того, умственный кругозор расширился, область мысли увеличилась; история, до того времени отрывочная, получила всемирный характер; дни, ещё не наставшие, которые уводят союз всех народов и соединение их в одно человечество, уже провозвещались в далекой перспективе веков. Такова причина, более или менее ясно понимаемая, по которой весть о великом открытии наполнила умы современников радостным волнением. Красота природы, богатство растительности, великолепный климат недавно найденных земель также способствовали в значительной мере тому, что великое событие 1492 года выступило в ярком свете. Если путешествия норманнов в Гренландию, Маркланд, Винланд были забыты всеми, кроме ученых, тогда как первый вид Антильских островов остался в памяти народов, как единственное открытие Нового Света, то не следует ли приписать это в известной степени прекрасному небу тропиков? В сравнении с чудными островами юга, какую цену могли иметь ледовитые земли полярного круга и угрюмые скалы севера, покрытые снежной пеленой и окутанные туманами?

Первые исследования Колумба не достигли материка Нового Света. Первый островок, который увидели европейцы в 1492 году, после тридцати-четырех-дневного плавания от Гомеры, одного из Канарских островов, есть не более, как коралловое плато, туземное имя которого, Гванахани или Гванаханин[1], было изменено в Сан-Сальвадор (остров «Спасителя») мореплавателями, «спасенными» от водной стихии, и которое затем моряки снова окрестили разными именами: Great-Turk-island (остров Турецкого султана)[2], Cat-island (Кошачий остров)[3], Майагуана[4], Watling-island[5], так как ещё не известно в точности, на какую именно землю ступил Колумб после памятного перехода через океан. Как бы то ни было, он открыл впоследствии многие другие острова из группы Багамских, затем объехал большую часть се-

1 Письма Колумба к Луису де Сентанжель и к Санчесу;—H. Harisse, „Notes on Columbus“.

2 Fr. de Navarrete;—Gibbs, „New-York historical Society“.

3 A. Humboldt;—Washington Irving.

4 Ad. de Varnhagen, „La Verdadera Guanahani de Colon“.

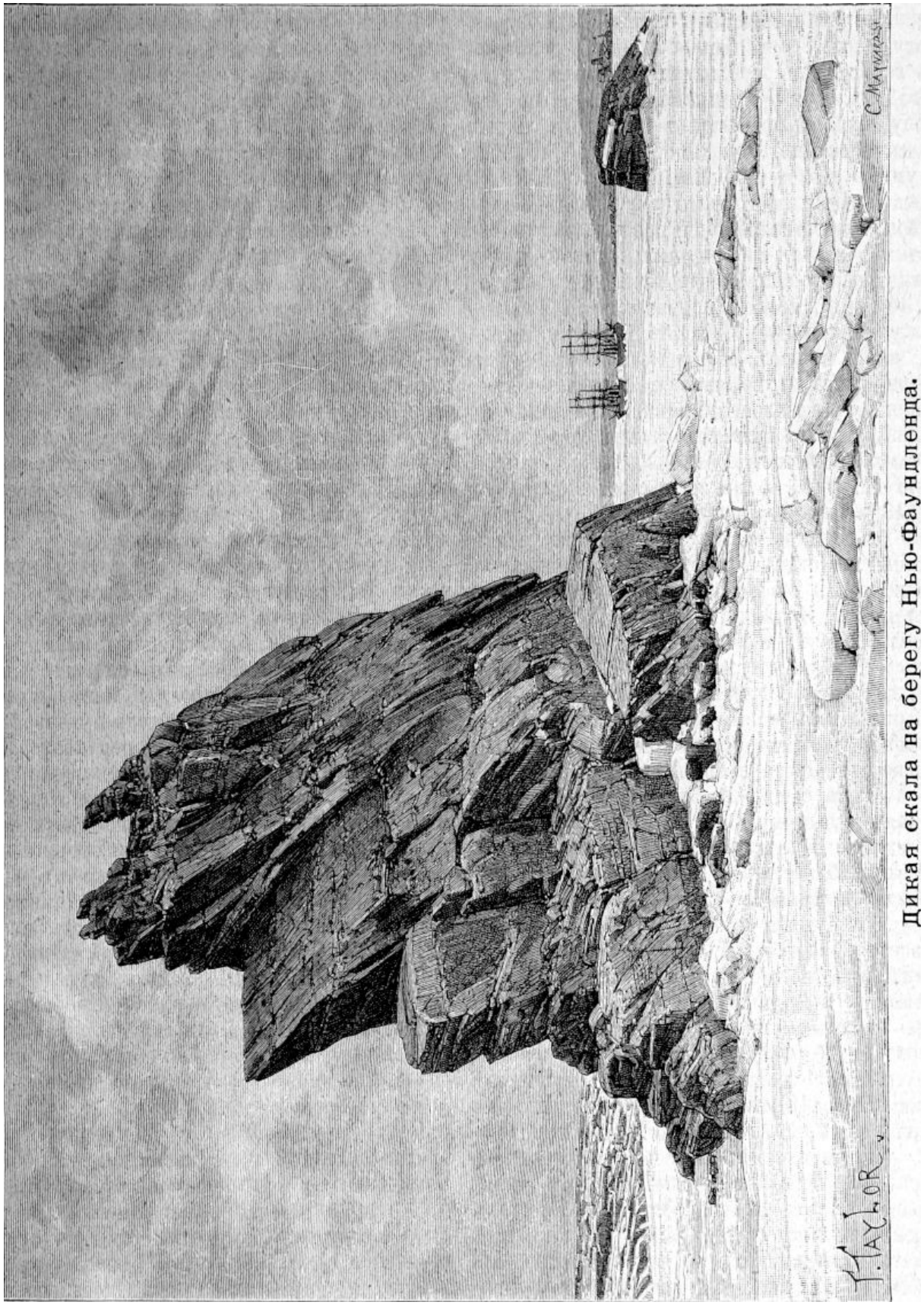
5 I. B. Munoz, „Historia del Nuevo Mundo“;—Becher, „The Landfall of Columbus“;—Major, „Journal of the Royal Geographical Society“, 1871.

верного берега Кубы и посетил северные гавани острова Гаити, получившего с той поры название Эспаньолы или «Малой Испании», которое и оставалось за ним в течение кастильского господства. Но, по мнению Колумба, Эспаньола была не что иное, как Зипангу, т.е. Япония, а Кубу он считал полуостровом Катая, т.е. Китая; в дальнейшем своем путешествии испанский адмирал имел в виду вручить великому хану Татарии письма от своих государей, Изабеллы и Фердинанда Кастильских, содержавшие уверения в дружбе и увещание обратиться в христианскую веру. Может-быть, среди его экипажа обнаружились некоторые сомнения: по крайней мере он распорядился удостоверить свое прибытие на азиатскую землю оффициальным документом, грозившим всякому прекословнику большой пеней, урезанием языка и кнутом[1]. Довольный тем, что достиг желанного берега Азии и нашел в Малой Испании золото и невольников, Колумб не пытался идти далее в западном направлении. Даже во второе свое путешествие, совершенное в следующем году, он довольствовался посещением двух ранее виденных больших островов и обследованием Ямайки, Пуэрто-Рико, а также северной цепи Малых Антильских островов. Только во время третьего путешествия, шесть лет спустя после открытия своего первого острова, Колумб достиг, наконец, «Твердого берега», т.е. материка Америки, в дельте Ориноко и на полуострове Париа: он направил путь на юг по советам одного еврея, Моисея-Иакова Феррера, который предсказывал ему более богатые находки золота и драгоценных камней под более южной широтой, «где живут чернокожие люди»[2]. Хотя обилие вод, изливаемых этой большой рекой, привело его к совершенно верному заключению, что Ориноко питается очень обширным континентальным бассейном, Колумб, однако, не захотел продолжать плавание вдоль открытых им берегов и поспешил вернуться в Эспаньолу, где его привлекали золотые прииски, долженствовавшие, как он мечтал, доставить ему столько богатств, что он в состоянии будет «набрать армию в 4.000 конницы и 50.000 пехоты и освободить Гроб Господень». Первый европеец, посетивший Новый Свет, он был также первый плантатор, поработивший туземцев и изнурявший их на своей службе. Но у него были конкурренты в этом фатальном деле, и соперничество других концессионеров на эксплоатацию рудников и индейцев привело к бунту, к междоусобиям и в конце концов—к отозванию Колумба; великого мореплавателя, несмотря на его преклонный возраст и болезнь, позорно заковали в цепи и арестантом отвезли в Испанию.

Перед третьим своим путешествием за океан открыватель Нового Света выхлопотал издание правительственного акта, которым монополия исследования новых земель сохранялась за ним и его потомством[3], и всякия, помимо него, экспедиции воспрещались, кроме тех, которые будут предпринимаемы из Кадикса и под условием получения на каждый раз особого разрешения, по исполнении предписанных, очень обременительных, формальностей относительно регистрации. Однако, закон этот не соблюдался на практике, и даже, говорят, многие заморские путешествия совершались контрабандой, во избежание уплаты казне пошлины за право разработки найденных рудных месторождений[4]. В то самое время, когда Колумб управлял Эспаньолой, два судна, под предводительством его врага Ожеды и двух знаменитых кормчих Жуанна де-ла-Коса и Америго Веспуччи, приставали тайно к берегам этого острова и уходили, не дожидаясь визита адмирала. Эти путешественники тоже видели побережье твердой земли и прошли вдоль него на протяжении гораздо большем, чем Колумб,—от низменных берегов Суринама до мыса де-ла-Вела, северной оконечности полуострова Гоажирос, между берегами Венецуэлы и Новой Гранады. В том же 1499 году, но ранее путешествия Ожеды, Пералонсо Ниньо и Гверра осмотрели часть земель Куманы. В 1500 году Бастидас де-Севилья докончил первоначальное обследование всех южных вод Караибского моря до залива Ураба, тогда как Висенте Пинсон, следуя в противоположном направлении, вдоль восточных берегов континента, обошел побережье до того места, где ныне находится

1 Navarrete;—Humboldt;—Oscar Peschel;—H. Harrisse, „Notes on Columbus“.
2 Navarrete, „Colleccion de los Viajes y Descubrimientos que hicieron per mar los Espanoles“.
3 Herrera, „Indias Occidentales“;—O. Peschel, цитиров. сочинение.
4 Al. de Humboldt, „Histoiro de la Geoggaphie du Nouveau Continent“.

город Пернамбуко, за мысом Сан-Рок, затем на обратном пути плавал по «Пресному морю», которое образует в своем устье река Амазонок. Диего Лепе посетил те же воды несколько недель спустя, и в том же 1500 году тринадцать португальских кораблей, под командой Альва-

Дикая скала на берегу Нью-Фаундленда.

реса Кабраль, пристали к предполагаемому острову Санта-Круц (св. Креста), который в действительности был не что иное, как континентальный берег Бразилии, в южной части нынешней провинции Бахиа. Наконец, в следующем году, Америго Веспуччи, сделавшийся

кормчим португальской флотилии, проник далее на юг и обследовал всё побережье Бразилии до бухты Кананеа, в умеренном поясе южного полушария. Оттуда он направил путь на юго-восток, но не встретил земли, кроме видневшагося вдали берега, около 52-го градуса широты; из островов южной Атлантики положение Новой Георгии всего более соответствует этому указанию знаменитого мореплавателя.

Таким образом европейским морякам открылось огромное протяжение берегов, на пространстве около 10.000 километров, с того времени, как Колумб проник в «пасть Змея» и обследовал дельту Ориноко. Он хотел покрыть себя новой славой и завершить свою карьеру открытием прохода, ведущего к собственной Индии: в предвидении своих встреч, он даже взял с собой арабского переводчика. Он достиг сначала берегов Гондураса, и полагая, что эта земля есть Золотой Херсонес Птолемея, т.е. южный полуостров Индо-Китая, поплыл вдоль побережья на юг, с намерением обогнуть её оконечность. Цель эта, конечно, не была достигнута, так как полоса земли, соединяющая два материка Нового Света, не имеет перерывов; но прибыв к островам Чирики туда, где перешеек становится уже очень узким, Колумб узнал, что немного южнее расстилается другой океан, и вообразил, что теперь остается «не более десяти дней плавания до Ганга», Однако, он тщетно искал прохода и должен был повернуть назад, дойдя до мыса Сан-Блас, находящагося вблизи того места, где надеются современем искусственно прорыть тот пролив, который он хотел открыть. С берега Верагуа, после безуспешной попытки основать там город для эксплоатации золотых рудников, Колумб отправился обратно в Европу, куда и прибыл в 1504 году, испытав в пути много опасностей и препятствий. Он умер два года спустя.

Изследование восточного побережья Северной Америки началось ещё прежде, чем Колумб совершил свое первое плавание вдоль берега южного континента этой части света. В 1494 году, другой мореплаватель, по происхождению тоже генуэзец[1], Габото или Кабот, вновь нашел берега, уже посещенные скандинавами. Этот моряк, один из лучших кормчих своего времени, сначала натурализовался в Венеции, затем переехал, со всем семейством, в Бристоль. Хотя имя его не названо, но известно достоверно, что в 1480 году «искуснейший мореход, какой только был тогда в Англии», отправился из Бристоля в океан на поиски острова Бразилии и спустя два месяца вернулся в один из портов Ирландии, не найдя искомого острова. По мнению д'Авезака, этот мореплаватель был не кто иной, как Кабот. В 1491, затем в 1492, в 1493 годах Кабот предпринимает новые экспедиции в западные моря и, наконец, в июне 1494 года открывает «Первую примеченную землю», как о том свидетельствует карта, составленная его сыном Себастианом, пятьдесят лет спустя. Какую землю следует понимать под этой *Prima Vista*? Сначала думали, что это был мыс Бона-Виста, находящийся к Северу от бухты св. Троицы (Тринити), на юго-восточном берегу Новой Земли (Ньюфаундленда), но карта Себастиана Кабота удостоверяет, что ранее всего была замечена северо-восточная оконечность острова Кап-Бретон, и что затем мореплаватели прошли между континентальной землей, носящей ныне название Новой Шотландии, и островом Принца Эдуарда[2]. В 1497 году Кабот возобновляет свои «нью-фаундлендские экспедиции» и проходит вдоль берегов твердой земли пространство около трехсот лье, водружая на всех выдающихся мысах большой крест, вместе с флагами английским и венецианским. В следующем году, Себастиан Кабот отправляется один и доходит вдоль континентального берега к северу до 56 или 58 градуса, то-есть до северного Лабрадора, затем спускается обратно на юг до берегов нынешней Виргинии, быть-может, даже до берегов Флориды. Таким образом американское побережье к концу XV столетия было уже известно в общих чертах на пространстве более 2.000 километров. Английские моряки и после того продолжала посещать эти берега[3]: так, например, указывают экспедиции в те воды, совершенные в 1501 и 1504 годах.

С своей стороны, португальцы, с давних пор водворившиеся на Азорских островах, в

1 D'Avezac, „Bulletin de la Societe de Geographie", octobre 1869.
2 Halton and Harvey, „Newfoundland".
3 Biddle, „A Memoir on Sebastian Cobot".

центре Атлантического океана, также старались принять участье в деле открытия этой части Нового Света. Уже в 1464 году Вас-Кортереаль, губернатор Терсейры, говорят, посетил «Тресковую Землю», *terra do Bacalhao*, вероятно, Исландию или Нью-Фаундленд[1]. В 1500 году, сын его Гаспар предпринимал, тоже из порта Терсейры, экспедицию в северные моря, где и открыл, как он утверждает, «Зеленую Землю»; но самое это имя, данное столь суровой стране, как Гренландия, доказывает, что прежния дальние плавания норманнов были не безъизвестны тогдашним морякам и служила последним указателем пути в их изысканиях. В следующем году Гаспар Кортереаль пристал к Нью-Фаундленду и обошел его богатые рыбные мели; затем, следуя вдоль берегов Лабрадора, плыл всё далее на север, пока только позволяли массы плавающего льда. Некоторые писатели высказали догадку, что португальский мореплаватель пытался проникнуть в северные проливы, с целью открыть «северо-западный проход» вокруг Северной Америки; но такой факт кажется мало вероятным: все эти берега предполагались тогда принадлежащими к «Татарии». Португальцы дали этим крайним северным областям общее название «страны Кортереалей», по имени Гаспара и его брата Мигуэля, которые оба погибли в американских водах. Среди моряков, которые начали приходить туда массами, привлекаемые обильным уловом рыбы, общеупотребительное название было *Bacalhaos* (Bacallaos), т.е. «страна Трески».

В это ли время, или ещё гораздо ранее, бретонские или баскские рыболовы дали острову Кап-Бретон имя, носимое им доныне, либо в память своей арморикaнской родины, либо,—что более вероятно,—в честь города, стоявшего тогда при устье реки Адур? Никаких исторических документов об этом не имеется, но предания единогласно приписывают баскам из Сан-Себастиана, Пазажа, Зароза, Сибура. Сен-Жан-де-Люз, Кап-Бретона, деятельным китоловам, открытие этих отдаленных земель «Трески»[2]; даже прямо называют одного наварца, Хуана де-Эчаиде, который, будто-бы, опередил в этих водах всех других европейских мореплавателей. Однако, название *bacallau*—нидерландского происхождения, и это слово, в форме *kabeljau*, употреблялось северными мореходами уже в тринадцатом столетии[3]. В ту же эпоху французы имели торговые сношения также с берегами Бразилиа: в 1504 году корабль сира де-Гонневилль, которому историки прошлого столетия приписывали открытие Австралии или какой-либо земли антарктического пояса, достиг бухты св. Екатерины (Санкта-Катарина), откуда повернул на север, к Бахии; «спустя несколько лет», по рассказам современников, эти воды посетили также корабли из Дьеппа, Сен-Мало и других французских портов[4].

Таким образом, в 1504 году, когда Колумб покинул Новый Свет, чтобы уже более не возвращаться туда, восточное побережье обоих континентов Америки было известно на большей части его протяжения, тогда как Антильское море, первое открытие великого мореплавателя, было обследовано только в южной его части. Впродолжении целой четверти века со времени открытия Колумбом Багамских островов испанские корабли не пытались проникнуть в Мексиканский залив к западу от Кубы: это объясняется тем, что новые пришельцы вовсе не заботились о методическом исследовании берегов Нового Света—для них главное было найти моря, изобилующие жемчугом, или земли, богатые золотом и невольниками. В 1508 году Винсент Пинсон объехал берега Гондураса до Белиза, а пять лет спустя другой испанский мореплаватель, Понсе де-Леон, и его кормчий Аламинос, приближаясь к Мексиканскому заливу другим путем, на западе от Багамских островов, открыли полуостров Флориду и прошли вдоль его берегов, на север—до бухты св. Августина, на юг—до мыса Флорида и до цепи Кайос, или «Рифов». Они искали, в это свое путешествие, вещь более ценную, чем золото,—именно чудесный «источник Юности», возвращающий старикам силу и красоту. Изумительные открытия, сделанные в последние годы, привели людей в состояние ка-

1 Luciano Cordeiro. „De la decouverte de l'Amerique“

2 Pierre Margry, „Les Navigations francaises“;—Duro, „Arca de Noe“.

3 Oscar Peschel, цитиров. сочинение;—Hugo Schuchardt, рукописные заметки.

4 D'Avezac, „Annales des Voyages“, juillet 1869;—Margry, цитиров. сочинение.

кого-то опьянения: теперь всё казалось возможным; мифы, о которых они слышали в детстве, представлялись им наполовину осуществившимися. Колумб, плавая в морских водах, смешанных с водами Ориноко, утверждал, что видел реку, вытекающую из «Земного Рая»; по его примеру, Понсе де-Леон искал воду, обладающую свойством давать молодость и вечное здоровье. Но на всех островах, даже на Бимини, где, по слухам, непременно должен был существовать священный ключ, он находил только известковые или солоноватые источники. Последующие экспедиции, предпринятые Памфило де-Нарваэсом, затем Фернандо де-Сото и Москосо, с целью найти золотые и серебряные сокровища, были не более счастливы. Один из спутников Нарваэса, Альвар Нуньес, по прозванию Cabeza de Vaca, или «Коровья голова», достиг Кулиакана, в Мексике, после восьмилетнего пребывания среди дикарей.

В том же году, когда испанцы открыли полуостров Флориду, совершилось капитальное событие в история географии: Нуньес де-Бальбоа, который давно уже слышал, как и Колумб, о соседнем море, перешел Дариенский перешеек и с вершины холма увидел у себя под ногами залив Сан-Мигуэль и расстилающуюся за ним необозримую поверхность Тихого океана. Вне себя от радости, Бальбоа бросился к берегу, затем в воду по-грудь, вооруженный мечем и щитом, и вступил именем короля Испании во владение Великим океаном. Однако, прошло два года, прежде чем было основано европейское поселение на берегу новооткрытого океана (около места ловли жемчужных раковин, в Панаме), и только в 1517 году Эспиноса построил первое судно и совершил плавание по этим девственным водам, от Жемчужного острова до бухты Никойя. Имя «Южное море», данное Нуньесом Бальбоа Тихому океану и доныне ещё употребляемое моряками для обозначения этих океанских областей, объясняется ориентировкой Дариенского перешейка, расположенного от запада к востоку. Для Бальбоа Караибское море было *mar del Norte* (Северное море), а открытые им заливы принадлежали к *mar del Sur* (Южное море). После того долго ещё искали пролив, долженствующий соединять эти два моря: в 1523 году Карл V повелел Кортесу приложить все старания к скорейшему отысканию этого канала между двумя океанами, ускользнувшего от Колумба.

Один работорговец, Эрнандес из Кордовы, отправившись в Гондурас на поиски живого товара, открыл, в 1517 году, северный берег Юкатана, где впервые встретил цивилизованные населения Нового Света. В следующем году, Хуан де-Грихальва, под руководством Аламиноса, лучшего кормчего того времени, проник далее к западу и к северу и прошел вдоль берегов Мексики до реки Хатальпа. Слух о сокровищах этой страны быстро облетел все испанские Антильские острова, и в Мексику со всех сторон устремились мореплаватели и завоеватели. Вскоре Кортес сменил Монтезуму в качестве властителя империи, и сеть исследований, которые до того времени ограничивались берегами, начала постепенно распространяться внутри континента; форма плоскогория Анагуак обрисовалась на картах между правильной кривой восточного залива и прямой линией западного берега, омываемого Тихим океаном.

Но хотя «Южное море» стало известно европейцам, и корабли испанские уже плавали по его водам, однако, всё ещё не удавалось найти проход из одного океана в другой. В 1509 г. Висенте Пинсон и Диас де-Солис доходили до обширного заливообразного устья рио де-Ла-Платы и даже, может-быть, несколько далее. Шесть лет спустя второму из этих мореплавателей поручено было обогнуть весь американский континент до областей моря, открытых Нуньесом Бальбоа, но Диас де-Солис был убит туземцами на берегах реки Ла-Платы, в которой он предполагал желанный проход, и наследие его досталось Магеллану. Географы того времени справедливо указывали на то, что берег Южной Америки постепенно отступает к западу под более южными широтами, подобно тому, как африканское побережье отодвигается к востоку[1], и заключали из этого, что Новый Свет оканчивается острым выступом, что он тоже имеет свой «мыс Доброй Надежды». Но Америка вдается гораздо далее в холодные моря, чем оконечность Африки, и чтобы достигнуть мыса «Одиннадцати тысяч Дев» и пу-

1 J. Burney, „Voyages in the South Sea“.

ститься через ряд диких фиордов—для этого нужна была непреклонная энергия, почти сверх-человеческая воля Магеллана. Два великих мореплавателя, доставивших Испании первое место в истории открытий,—Колумб и Магеллан, оба были иностранцы, первый—итальянец, второй—португалец. Если позволительно сравнивать этих двух людей, то Магеллан сделал больше. Дело, совершенное им, не имеет себе равного между всеми географическими исследованиями. Этот герой не только нашел морской проход из одного океана в другой, но он же первый объехал на корабле вокруг всего земного шара; он «снял землю с плеч Атласа и пустил её свободно кружиться в эфирном пространстве»[1].

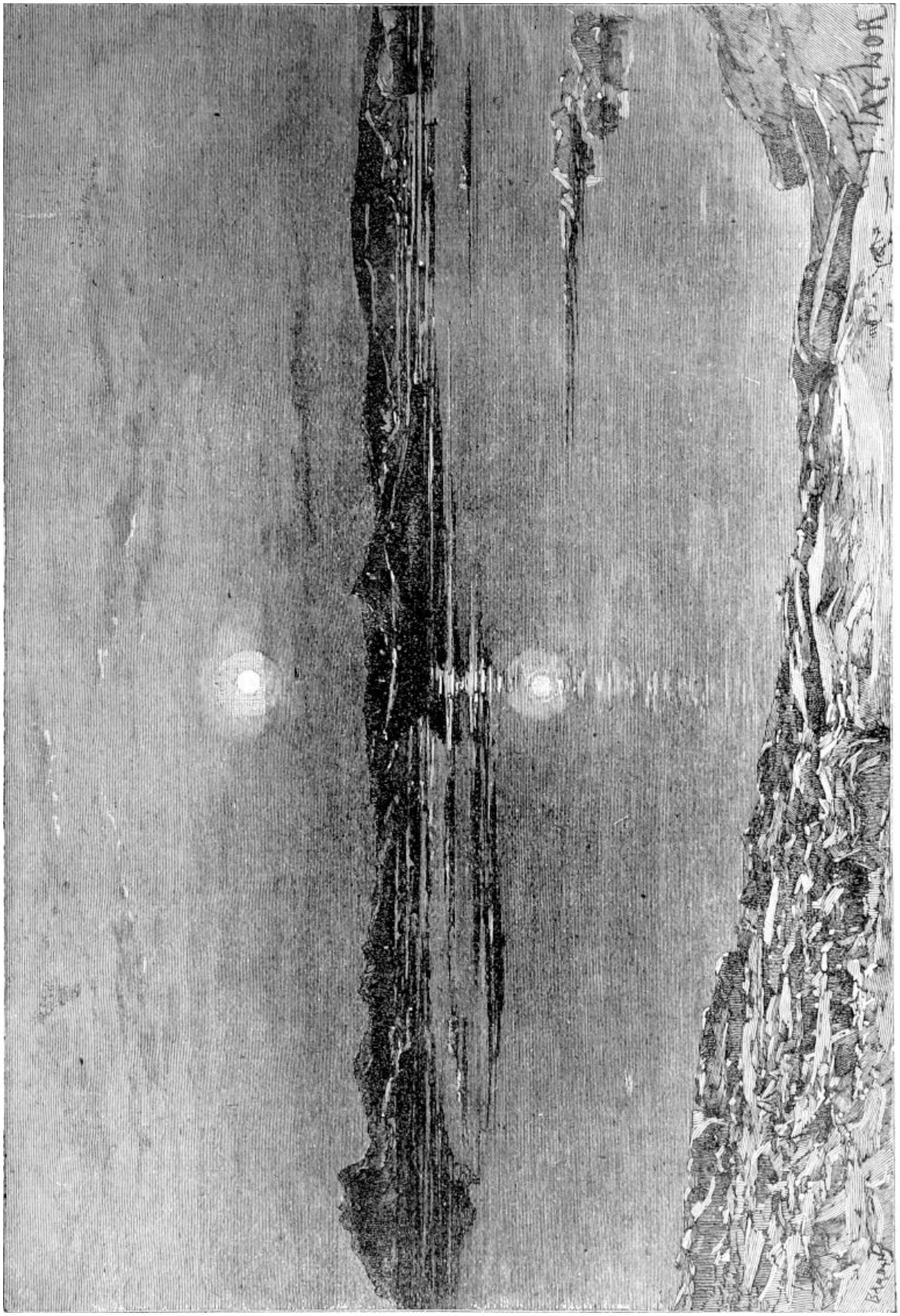
Хотя Магелланов пролив получил название «испанского пути», в противоположность «португальскому пути», который шел вокруг Африки, однако, испанские моряки почти не пользовались этой дорогой, открытой между двумя океанами; впрочем, в 1526 г., один корабль из эскадры адмирала Лоайса, гонимый бурей после перехода через пролив, должен был вернуться к берегам Америки и остановился в одной мексиканской гавани, в соседстве Тегуантепека; но во время этого перехода корабль, бывший под командой Гуэвары, не видел западных берегов южного континента. Открытия на побережье последнего продолжались другим путем—через перешеек. В 1522 г., Андагойя спустился вдоль западного берега на юг до речки Биру, маленького потока, которого не найдешь на карте, но который вдруг приобрел огромную важность в глазах золотоискателей, благодаря рассказам туземцев о богатых землях юга. Два года спустя основалась знаменитая «Компания Биру» или «Перу», между Пизарро, Альмагро, Эрнандо де-Люке, которая привела в результате к завоеванию несметных сокровищ, но также к истреблению целых населений и порабощению всех тех, кого пощадили меч или огонь. Пределами эксплоатируемой территории были границы покоренных земель: испанцы не переходили за речку Мауле, в южной части Чили: здесь, у ворот земли арауканов, остановился Гомес де-Альварадо, один из наместников Альмагро. От этого пункта ни один исследователь не доходил ещё, сухим путем, до берегов Магелланова пролива; западное побережье южно-американского материка было осмотрено только со стороны моря—в первый раз в 1540 году испанским мореплавателем Алонсо де-Камарго, который, отправившись из Севильи, переплыл океан и через Магелланов проход достиг гавани Каллао. В 1579 году, Сармиенто совершил такое же путешествие в обратном направлении; но слава первого кругосветного плавания в направлении, противоположном тому, по которому следовал великий португальский мореплаватель, выпала на долю английского мореплавателя Кука. Что касается крайней оконечности Нового Света, на юг от Огненной земли и её архипелага, то возможно, что она была уже осмотрена в 1526 году одним из спутников Лоайсы; некоторые другие путешественники, Дрэк, Сармиенто, тоже констатировали островной характер земель, ограничивающих пролив на юге; в 1616 году, спустя около столетия после Магеллана, мыс Горн был обогнут двумя голландцами, Лемером и Шоутеном.

Один порт Мексики, на берегу северного континента, был выбран Кортесом, как исходный пункт для флотилий Тихого океана; однако, исследование побережья с этой стороны шло медленнее. В 1533 г., Грихальва приметил острова Ревильяхихедо и южную оконечность полуострова Калифорнии; затем Кортес и другие мореплаватели проникли в Калифорнский залив, или «Багряное море», и осмотрели положение берегов; наконец, в 1542 г., Кабрильо достиг мыса Мендосино, к северу от 40-го градуса широты. В течение того же столетия географические летописи упоминают ещё только одно путешествие, достигшее более северной широты, именно путешествие Дрэка, знаменитого пирата: во время своего плавания по океану, он пристал к материку около 43 градуса, затем спустился вдоль Калифорнского берега в южном направлении. Другое морское исследование, относящееся к этой области, долго оспаривалось, но, по всей вероятности, оно действительно имело место, хотя о нём нет никакого упоминания в летописях Кастилии[2]. Подробности, сообщаемые самим мореплавателем, не допускают сомнения. По словам этого моряка, грека Апостолоса Валериану-

1 J. G. Kohl, „Geschichte der Entdeckung Amerikas“.

2 Relacion del Viaje hecho por las Goletas „Sutil y Mejicana“, 1792.

са, служившего, как он утверждает, в испанской флотилии, под именем Хуана де-Фука, на континентальном берегу «между 47—48 градусами северной широты» (вход в пролив Хуана де-Фука находится немного южнее, километров на пятьдесят), открывается широкая выем-

Видъ Мельвильской бухты.

ка, и пролив, защищенный большим островом, сообщается с морскими путями, направляющимися в ратные стороны—на северо-запад, на северо-восток, на восток и на юго-восток. Фиорд этот действительно существует, но это не «Анианские ворота»—как воображал Хуан

де-Фука,—через которые можно объехать вокруг северной части Америки. По странной судьбе имен, это слово «Аниан», быть-может, то самое, которое Марко Поло употреблял для обозначения королевства Аннам в Индо-Китае[1], стало, благодаря невежеству комментаторов, указывать морской путь на севере Америки, подобно тому, как название «Зипангу» применялось и к Японии, и к острову Кубе.

«Здесь дорога к Молуккским островам», гласит карта, изданная Себастианом Мюнстером в 1542 году, указывая или какой-то пролив на северо-востоке Америки, или большую реку, может-быть, реку св. Лаврентия. Мореплаватели употребили три с половиною века, чтобы найти этот «Северо-западный проход», и до сих пор ни один моряк не мог вполне объехать на корабле вокруг двойного континента Америки: открытие совершилось лишь отрывочными маршрутами. Если не считать попытки братьев Кортереаль[2], упомянутый выше Себастиан Кабот первый направился к арктическим морям Нового Света, в надежде найти знаменитый проход в Китай, и дошел до 67-го с половиной градуса северной широты: перед ним было открытое море на западо-северо-западе, и он твердо верил в возможность добраться до Китая этим путем по полярным морям, втрое более коротким, чем был бы путь через Панамский пролив; но он должен был вернуться назад по настоянию своего малодушного спутника, сэра Томаса Перта[3]. Через какой пролив проникли эти два мореплавателя—через Дэвисов или Гудсонов? По мнению Бидля и по указаниям карты Ортелия, можно думать, что Кабот проник в полярные моря на севере Америки через второй из этих проходов, открытый им задолго до путешествий Фробишера и Гудсона. Прошло более полстолетия, прежде чем нашелся другой мореплаватель, отправившийся по его следам и пытавшийся обследовать берега пройденных им морей. Следовавшие за ним, путешественники не достигали высоких северных широт. Эстеван Гомес, один из спутников Магеллана, дезертировавших с его корабля, повидимому, не переходил за бухту Фунди (Fundy), имя которой, несмотря на свое английское окончание, имеет испанское происхождение; Веррацано, флорентиец, посетивший побережья Нового Света по повелению Франциска I, открыл только вход в Гудсонов пролив, а путешествие португальца Альвареса по реке св. Лаврентия в 1521 г. считается сомнительным. Жак Картье, повидимому, первый констатировал, в 1535 г., речной характер вод, которые составляют продолжение залива, находящагося на западе от Нью-Фаундленда. Путешествие его приобрело важное значение в истории географии, так как послужило исходной точкой для последующих исследований внутри континента, до устьев Миссисипи, Скалистых гор и Ледовитого океана.

Географы того времени воображали известную симметрию в очертании различных материковых масс. Подобно тому, как они верили в существование южного континента, уравновешивающего в океанских областях юга земли северного полушария, так точно они думали, что Магелланову проливу, находящемуся на южной оконечности Нового Света, должен соответствовать такой же пролив на северном материке, те «Апианские ворота», через которые Жуан де-Фука, если верить его словам, прошел до Атлантического океана. Мала того—тогдашним географам казалось, что удлиненная, суживающаяся книзу форма Южной Америки должна повторяться в Северной Америке, и потому надеялись, что около оконечности Лабрадора существует короткий проход, позволяющий переходить прямо из одного моря в другое. Английские мореплаватели почти исключительно присвоили себе исследование этих областей крайнего севера. «Португальский» путь мимо мыса Доброй Надежды, «Испанский» путь через Магелланов пролив были им закрыты: естественно, что они искали «Британских» путей на севере материков. Так, Уиллугби и Ченслер попытались найти «северо-восточный» проход, чтобы попасть в Китай, плывя вдоль северных берегов России. Точно также в 1576 г., Фробишер хотел форсировать «северо-западный» проход, держась того же направле-

1 По словам Luciano Cordeiro („De la part des Portugais dans le decouverte de l'Amerique"), название „Аниан" произошло от имени португальского мореплавателя Eannes.

2 Burney, „Voyages in the South Sea".

3 Ramusio, „Navigacioni et Viaggi";—D'Avezac, цитированное сочинение;—Bidle, цитированное сочинение.

ния, которым следовал Себастиан Кабот. Проникнув далеко в канал, отделяющий, как он полагал, Америку от Азии, Фробишер вернулся возвестить эту новость в Англию; но в два следующие путешествия он не переходил за *Meta Incognita* или «Неведомый Предел», т.е. за полуостров Кингаит, который ограничивал его горизонт с западной стороны. Любовь к золоту отвлекла британского мореплавателя от дальнейших географических исследований: открыв какие-то черные камни, в которых предполагали богатое содержание металла, но из которых химики тщетно пробовали извлечь драгоценное вещество, Фробишер привел, во время своей экспедиции 1578 г., целый флот, состоявший из пятнадцати кораблей, чтобы нагрузить их этими бесполезными камнями, и построил нелепые укрепления, с целью воспретить доступ к этим мнимым золотым приискам всем другим нациям; но положение открытой им страны было так неточно им определено, что её долго искали в восточной части Гренландии; не могли даже установить тождество «черных камней», которые подали повод к этим, дорого стоившим, экспедициям[1]. В 1585 году, Дэвис продолжал дело исследования и проник очень далеко внутрь широкого залива, простирающагося на восток от Полярного архипелага, и который по его имени, после других мореплавателей, называют теперь «Дэвисовым морем». Он открыл также, в западных землях, извилистый фиорд, Northumberland-inlet, другой предполагаемый проход к морям Китая; но, пройдя его, в 1587 году, по всей длине, он убедился, что и тут также острова и скалы задерживают воды Атлантики. В 1610 г., знаменитый кормчий Гудсон, состоявший в то время на английской службе, думал, что ему больше посчастливилось: плывя вдоль берегов Лабрадора, после Себастиана Кабота, он обогнул весь этот полуостров, затем, между двумя островками, увидел открытое море, расстилавшееся перед ним на юг и на юго-запад. Какое это могло быть море, если не Тихий океан? Он радостно устремился туда и поплыл в южном направлении; но ему не суждено было докончить свое исследование: возмутившийся экипаж высадил его, вместе с несколькими спутниками, в узком челноке и почти без провизии. Неизвестно, где он погиб. По крайней мере, умирая, он мог утешать себя надеждой, что ему удалось разрешить великую географическую проблему.

После него и другие мореплаватели проникали в море, названное по его имени «Гудсоновым заливом»; но вскоре убедились, что этот обширный бассейн замкнут со всех сторон, сообщаясь с океаном только на севере и на северо-востоке, и, наконец, кормчий Баффин объявил, в 1616 году, что всякая надежда пройти этим заливом в моря Китая должна быть оставлена. Искомый проход должен находиться севернее. Под начальством Байлота, он поднялся по направлению к полюсу чрез Дэвисово море, продолжающееся на северо-западе нынешним Баффиновым морем, и дошел до 77°39', проникнув в Смитов пролив (Smith-sound), который после него не был посещен ни одним мореплавателем, в течение двух с половиною веков. Два широких отверстия виднелись на западе: канал Джонса, загроможденный льдинами, и Ланкастерский пролив. Баффин вошел в этот последний; но по мере того, как он подвигался вперед, льды смыкались перед ним, высота пролива заметно уменьшалась, и мало-по-малу надежда покинула отважного мореплавателя. По возвращении в Англию, он изрек свой вердикт, что «северо-западный проход не существует». Вопрос считали окончательно решенным, и попытки отыскания этого прохода почти совсем прекратились. К тому же Гудсонская Компания, основанная в 1669 г., которой Карл II даровал огромные привилегии, право владения, торговли, исключительной эксплоатации, ревниво оберегала свою монополию: таким образом несколько лондонских купцов явились полными хозяевами и господами не только побережья замкнутого моря, но и всей северной части Северной Америки, и, чтобы сохранить за собой торговлю пушным товаром, они не подпускали никаких соперников к своим владениям. Всякое исследование прибрежья было запрещено; всякое открытие, сделанное без их разрешения, пропадало в секретных архивах; распускались ложные слухи о непреодолимых, будто бы, трудностях плавания в тех водах, с целью обеспечить владельцам мирное пользование их торговой монополией: этому посмертному влиянию печальной памя-

1 Winsor, „America“.

ти компании, говорят канадцы, нужно приписать отчасти то предубеждение, которое препятствует заселению южных берегов Гудсонова залива.

Но если восемнадцатое столетие не ознаменовалось ни одним открытием в северо-восточной области Америки, то по крайней мере северо-западная часть континента в этом веке выступила, наконец, из мрака неизвестности, из которого не извлек её великий период испанских плаваний в неведомые моря. Явились новые соревнователи, русские, принявшие также участие в деле исследования неизвестных стран, и дебютировали капитальным открытием—нашли пролив, разделяющий две части света: с этого момента Америка не могла уже быть разсматриваема как земля, принадлежащая Китаю и Татарии. В 1725 году, Беринг обогнул восточную оконечность Азии через пролив, носящий его имя, но не видел американского берега, который был примечен Гвоздевым, пять лет спустя. Чукчи давно уже указывали на эту восточную землю русским казакам, которые заранее окрестили её именем «Большой Земли»; впрочем, о существовании этого материка свидетельствовали плавучий лес, выкидки кусков обделанного дерева, киты, носившие в своём теле гарпуны необыкновенной формы, и казакам даже случалось встретить в чукотских становищах людей из этой отдаленной страны. В 1741 году, Беринг и Чириков достигли американского берега близ изгиба побережья, доминируемого горой Св. Илии, затем, плывя вдоль берега к западу, открыли южную часть полуострова Аляски и Алеутских островов. По смерти Беринга, скончавшагося на острове его имени, другие смелые мореходы, рыболовы, звероловы и торговцы продолжали исследование Большой Земли, но истинное очертание этого берега было снято лишь во время путешествия Кука, в 1778 году. Знаменитый английский мореплаватель проник в Берингово море сквозь цепь Алеутских островов, прошел через Берингов пролив и, следуя вдоль американского берега на северо-восток, хотел пробраться между льдами, чтобы идти прямо в Англию; но у «Ледяного мыса» (саре Icy) сплошное ледяное пространство преградило ему путь; вторая попытка также не удалась ему. Дальше чем он, в этом направлении проникли только уже в настоящем столетии. Лаперуз и Ванкувер, следовавшие за Куком в деле исследования северо-западных берегов Америки, изучили только часть побережья, лежащую на юге от оконечности Аляски.

Попытка пройти сквозь полярные льды для завоевания «Северо-западного пути» была возобновлена только в девятнадцатом столетии, после Наполеоновских войн. На этот раз она имела более благородный характер, чем первыя изыскания. Англичане, взявшие на себя исполнение этой миссии, ставили себе целью не собирание золотоносных камешков, ни даже открытие более короткого торгового пути между Западной Европой и Китаем, но единственное продолжение начатого ранее географического разграничения Новаго Света, наблюдение всех явлений полярной жизни, изучение населений, разсеянных в этих странах снега и ветра, приумножение умственнаго богатства человечества. В виду грандиозности задачи, требовавшей для своего осуществления высоких нравственных качеств, мужества, настойчивости, самоотвержения, необходимо было сделать призыв к лучшим силам; однако, начали с несправедливости, отстранив Скоресби, который в глазах оффициального люда имел тот недостаток, что не состоял на службе в государственном флоте, но на которого все его предшествовавшие труды и голос общественнаго мнения указывали как на лучшего арктическаго исследователя. Несмотря на этот неудачный дебют, история «Северо-западных» плаваний свидетельствует о безпримерной отваге и энергии людей, участвовавших в этих миссиях, в качестве учёных или в качестве моряков. Решаясь на этот шаг, они знали заранее, что их ждёт впереди либо медленное гниение от цынги, либо удушение в снежном буране, либо опасность быть затертым ледяными массами; кроме того, им предстояло, так сказать, погрузиться в преждевременную смерть, провести целые годы вдали от семьи и родины, без вестей из Европы, без возможности сообщения с друзьями, и быть-может, погибнуть безвестно, умереть голодной смертью в какой-нибудь ледяной тюрьме, среди непроглядного мрака безконечной ночи. Эти безстрашные люди находились тысячами для многочисленных полярных экспедиций, следовавших одна за другой, и летописи этих путешествий доказывают, что среди жестоких испытаний моряки, за немногими исключениями, оставались верными пред-

принятому делу. В истории человечества, столь богатой печальными событиями, позорными деяниями и жестокостями, картина экспедиции в Полярный архипелаг Новаго Света, может-быть, выставляет человека в наиболее отрадном свете. Девятнадцатое столетие может с гордостью завещать этот пример грядущим векам.

В 1817 году, Джон Росс возобновил исследование в том самом месте, где оставил его Баффин, за двести лет перед тем,—в Ланкастерском проливе, но, подобно своему предшественнику, он пришёл к тому заключению, что этот канал, также как и все другие заливы этих морей, представляет замкнутое водное пространство, ограничиваемое цепью гор; однако, спутнику его, Парри, удалось, в следующем году, пройти сквозь пояс облаков, которыя Росс принял за скалы, и проникнуть в пролив Барров, между двух больших островов, которые с того времени стали называться по имени его «архипелагом Парри». Он прошёл уже более половины разстояния, разделяющаго два выхода Ледовитого океана; но, окруженный льдами, к югу от острова Мельвилль, принужден был зимовать девять месяцев, затем следующим летом, после долгих скитаний между плавающими ледяными горами, вернулся в Англию, не встретив исследователей, посланных ему на встречу сухим путем по берегу Ледовитого моря, Франклина, Гуда, Ричардсона. В 1821 году, Парри пытался пройти другим путем, именно каналами, открывающимися к северу Гудсонова залива, и благодаря указаниям, данным эскимосами, и карте, которую ему начертила одна эскимоска, он мог осмотреть, путешествуя пешком, во время длинного зимнего плена, узкий проход Fury and Hecla-strait, который ведет в лабиринт морей, разветвляющихся в Полярном архипелаге. Наконец, в следующую кампанию, он проник в Regent-inlet, южную ветвь Ланкастерского пролива, и проложил дорогу своему бывшему начальнику, Джону Россу, который провел целых четыре зимы подряд в этих ледовитых морях и выбрался оттуда благодаря тому, что обломки одного из судов Парри доставили ему материал для постройки двух лодок; но, упорствуя в своем мнении о невозможности существования «Северно-западнаго» прохода, он позволил себе утверждать, что полуостров Boothia Felix соединяет Америку с полюсом; он заявил даже перед специальной коммиссией, что будто им констатирована разность высот в «13 футов» между двумя морями, восточным и западным, разность, которую он будто-бы предвидел «на основании вращательного движения земли». Его спутники, однако, ничего не знали об этих яко-бы произведенных им нивеллировках[1]. Слава этой экспедиции принадлежит главным образом племяннику его начальника, Джемсу Кларку Россу. Последний открыл, на западном берегу полуострова Боотия-Феликс, место (70°5'17" северной широты и 96°45'46" западной долготы, от Гринвича), где 2-го июля 1831 года, свободно повешенная магнитная стрелка, приняла почти совершенно вертикальное положение, указывая таким образом магнитный полюс земного шара, точку, которая, впрочем, беспрестанно меняет место.

Спустя несколько лет, Франклин, совершивший перед тем два путешествия сухим путем в пустыни Новой Британии и на берега Ледовитого океана, был поставлен во главе новой морской экспедиции и отправился, в 1845 г., в Полярный архипелаг. Ожидали его возвращения через два года, но он не вернулся, и английское общество, встревоженное мыслию об опасности, которой подвергался этот всеми любимый и уважаемый мореплаватель, вынудило правительство послать на поиски его новые экспедиции—сухопутные и морские. Американец Гриннель тоже снарядил два корабля для принятия участия в этой рекогносцировке полярных областей: в течение десяти лет тридцать пять судов, с экипажем в тысячу слишком человек, объехали моря архипелага, осматривая все фиорды и каналы, оставляя знаки на мысах и запасы провизии в наиболее благоприятных местах, обещая награды эскимосам за малейшее сведение; ловили даже птиц, волков, лисиц и затем отпускали их на волю, привязывая к каждому пойманному животному записки для тех, кто мог случайно убить или поймать его. В августе 1850 года, около десяти кораблей, отправленных на поиски Франклина, собрались перед Бичи-Айленд, у входа в Веллингтонов пролив; никогда такой многочисленный флот, ни прежде, ни после, не появлялся в этих водах. Наконец, нашли остатки послед-

1 John Barrow, „Voyages of discovery and researches within the Arctic Regions“.

него становища Франклиновой экспедиции, недалеко от большого Рыбного озера, на твердой земле, а мореплаватель Мак-Клинток открыл даже, в 1859 году, письменный документ, где рассказаны последовательно несчастия, испытанные судами и их экипажами: все 158 человек погибли от болезней или лишений.

В этот период поисков за Франклином, проблема «Северо-западного прохода» была разрешена окончательно. В 1850 г., один из отыскивавших пропавшую без вести экспедицию, Мак-Клюр, проникнув в Ледовитый океан через Берингов пролив, поплыл вдоль Американского берега; он прошел мимо Ледяного мыса, открытого Куком, затем мимо мыса Барров, задержавшего Бичи в 1826 году, и переходя последовательно от одного выступа материка до другого, достиг, наконец, пролива Банкса, где Парри был задержан льдами, во время своего первого путешествия. Мак-Клюр должен был остановиться: вокруг него всё море было покрыто сплошным льдом. Он провел вторую и третью зимы в замерзшей бухте; к счастью, ему удалось весною перебраться через пролив по льду и отнести свои депеши в гавань острова Мельвилль, где корабль Келлета, прибывший чрез восточные проливы, тоже очутился в безвыходным положении, среди обступивших со всех сторон льдов. Установилось сообщение с одного берега на другой, и в тот момент, когда Мак-Клюр собирался уже послать половину своего экипажа на юг, по направлению к материку, люди Келлета прибежали, чтобы возвратить жизнь в радость несчастным умирающим от тоски и голода. Таким образом долго искомый «Северо-западный проход» был найден этим «северным Магелланом»[1]; теперь можно было пройти из одного океана в другой, но это путешествие сопряжено с такими опасностями, что со времени Мак-Клюра, Келлета и Коллинсона ни один мореплаватель не решился предпринять его. В 1853 году закончена эта глава истории географических открытий. Впоследствии, исследование, без сомнения, будет продолжаемо в деталях, благодаря опорным точкам, намеченным на северной окраине материка.

С попытками форсировать проход через льды Полярного архипелага, естественно, должно было соединиться желание подойти как можно ближе к северному полюсу или даже достигнуть его. Уже в предыдущие века некоторые мореплаватели направляли курс прямо к полюсу чрез бреши ледяных гор, и даже существовала легенда, будто голландские мореходы добрались, в 1670 г., до этой оконечности земли. Как бы то ни было, морские летописи называют многих моряков, по большей части китоловов, которые переходили за 80-ый градус широты в Северной Атлантике; Гудсон, говорят, достиг 82-го градуса, но далее возвышалась стена сплошного ледяного пространства. В 1773 г., Фипс лавировал за Шпицбергеном и «Семью островами»; Скоресби, в 1806 году, подвинулся по крайней мере километров на двадцать за 81-й градус широты, и по его мнению, неоднократно высказанному[2], ему легко было бы направиться в санях к полюсу, так как задержавший его лед представлял совершенно ровное пространство, без трещин и бугров, «дотого гладкое, что, не будь на нём снежного покрова, можно бы было ехать в экипаже на расстоянии миль и миль». Опираясь на примеры двух соотечественников, Парри убедил английское адмиралтейство принять на себя проект поездки по льдам к северному полюсу. Известно, что он достиг широты 82°45', до которой в течение целого полстолетия после него не мог подняться ни один мореплаватель; в этих водах Северной Атлантики он до сих пор остается передовым пионером. В последнее время этой экспедиции моряки тщетно напрягали всю силу рук, чтобы тащить суда по льду: хотя они шли на север, но встречное течение постоянно относило их к югу: нужно было уступить, и плавучая ледяная площадь, на которой они находились, доставила их обратно в исходный пункт[3].

Но впоследствии достигли ближайшей к полюсу точки не открытым морем, которым продолжается на крайнем севере Атлантический океан, а, напротив, через узкие загроможденные льдом проходы Полярного архипелага на западе от Гренландии. После рекогносциро-

1 Franz Schrader, "Republique francaise", 2 janvier 1874.

2 Scoresby, „Account of the Arctic Regions".

3 W. Edw. Parry, „Narrative of an Attempt to reach the North Pole".

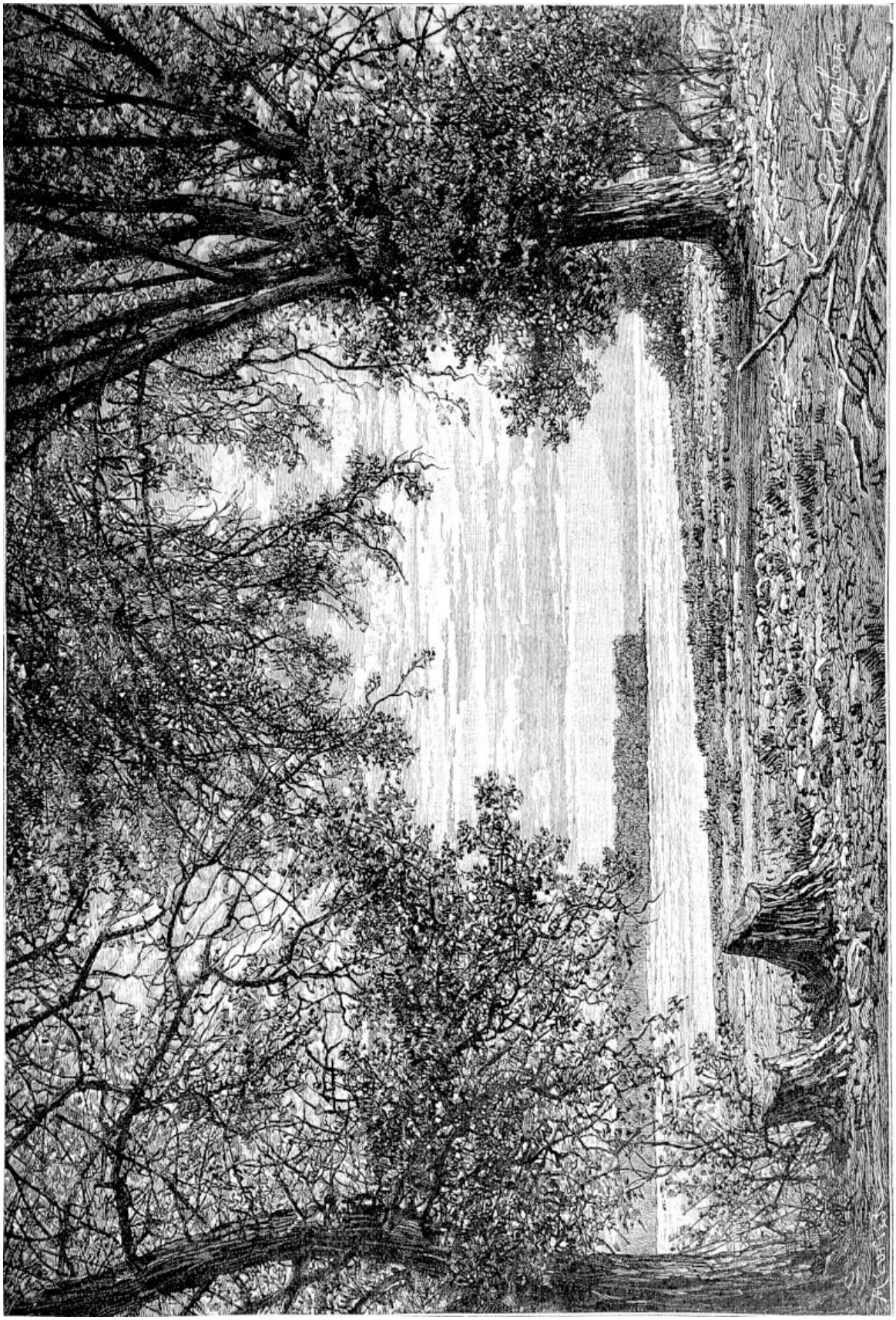
вок, сделанных англичанами Пенни и Инглефельдом около входа в Смитов пролив, американец Кэн первый попробовал этот путь в свою экспедицию 1858 г. На севере Баффинова моря и бухты Мельвилль, он проник в Смитов пролив, где ему пришлось форсировать проход чрез накопившийся лед, прежде чем достигнуть других бассейнов, продолжающих этот рукав моря на север и северо-восток. Редко, во время полярных путешествий, моряки встречали столько препятствий—неровную поверхность нагроможденных льдин, буруны, сильное волнение у берегов, болезни, жестокие холода: в первую зимовку ртуть в термометре оставалась замерзшей четыре месяца подряд. Но по возвращении из этого страшного путешествия, Кэн уверял, что на севере от пройденного им пролива простирается удобный для плавания канал, совершенно чистый от льда, и что за этим каналом открывается «свободное» море полюса. Эта надежда исследовать области северной конечности земной оси, плавая без труда и опасности по открытому морю, естественно должна была вызвать новые экспедиции по тому же пути.

В 1860 году, Гейс, сопутствовавший Кэну в его памятной кампании, снова пустился в лабиринт проливов и бассейнов, отделяющих Гренландию от Полярного архипелага, и действительно успел проникнуть далее по направлению к полюсу, перебравшись в санях через груды льдов, нагроможденных на севере Смитова пролива; но следующий затем канал Кеннеди оказался далеко не таким чистым от льда, каким он был во время путешествия Кэна; впрочем, льды на севере были сравнительно менее сплочены и слабее: Гейс вернулся из своей экспедиции с твердым убеждением в справедливости гипотезы о существовании «свободного полярного моря». Голль, который следовал за ним, в 1871 году, и умер не далеко от крайнего достигнутого им северного пункта (85°16'), посетил те самые воды, которые Гейс предполагал открытым морем, но оказалось, что там именно проход всего более суживается, чтобы образовать пролив Робесона, почти всегда загроможденный льдами. На обратном пути корабль *Polaris* («Полярный») потерпел крушение, попав меж огромных ледяных глыб, которые раздавили его, но он уже перед тем был на-половину покинут, и тогда девятнадцать человек, в том числе двухмесячный эскимосский ребенок, оставшиеся на льдине, с лодкой и запасом провизии, долго носились по волнам, увлекаемые течением на юг, пока, наконец, не были переняты на случайно встреченный пароход близ берегов Лабрадора. Пройденное пространство превышало 3.500 километров, и это медленное плавание потерпевших кораблекрушение на тающей льдине продолжалось не менее шести месяцев, из которых около половины в потемках Полярного моря; европейские моряки наверно перемерли бы с голода, если бы с ними не было двух эскимосов, искусных ловцов тюленей. Года три перед тем подобная же беда приключилась морякам немецкого судна «Ганза» на восточном берегу Гренландии, и их длинная одиссея, до станции Фредриксдаль, не далеко от мыса Фэруэль, продолжалась восемь месяцев. Летописи полярных плаваний рассказывают много других событий того же рода. В 1857 году, Мак-Клинток тоже совершил одно из таких невольных путешествий: окруженный плавучими льдами, он был унесен течением за 2.200 километров назад, пробыв в этом плену 232 дня, но судно его осталось цело и невредимо, так что, высвободившись из своей ледяной тюрьмы, он мог снова пуститься на север и продолжать прерванные исследования. Около того же времени двое гренландцев, муж и жена, унесенные на льдине чрез пролив, благополучно высадились на берег Баффиновой земли, близ мыса Мерси[1].

Английская полярная экспедиция Нэрса и Маркгама, следовавшая, в 1875 г., за американскими экспедициями Кэна, Гэйса, Голля, и избравшая себе путь чрез Смитов пролив, прошла ряд проливов и проникла, наконец, в море без видимых пределов, которое ограничивает на севере Гренландию и землю Гринеля; но это море не было «свободно», как его охарактеризовали предыдущие исследователи: напротив, оно оказалось наполненным огромными льдинами в 25—30 метров толщины, попеременно то разрываемыми ударом волн, то снова спаиваемыми морозом, с высокими буграми на поверхности, приподнятыми вследствие давления и перемещения центра тяжести. Поездка в санях на протяжении сотни километров

1 Kumelein, „Smithsonian Miscellaneous Collections“, vol. XXIII, 1882.

к северу показала море, сплошь покрытое этою ледяною корою, и впереди, далее к северу, видны были только льды и снега: название «свободное море» было заменено названием «море палеокристическое», или «море вечных льдов». Здесь Маркгам и его спутники достиг-

Видъ на рѣкѣ Оттава.

ли 83°20'26" сев. широты. Но несколько лет спустя, именно в 1882 году, американцы Локвуд и Бренард перешли за эту широту на несколько миль, и из достигнутого ими пункта, лежащего под 83°24', т.е. в 689 километрах от полюса по прямой линии, они явственно различили

на северо-западе мыс Вашингтон, самую северную землю, какая известна в настоящее время. Она находится на севере Гренландии и, вероятно, соединяется с этим большим островом ледниками промежуточных фиордов.

Путешествие Грили окончилось очень печально: две трети его людей умерли голодной смертью на льдинах мыса Сабин, в Смитовом проливе. Это была последняя из больших полярных экспедиций, предпринимавшихся до сих пор; с этого времени исследование северных вод Америки было продолжаемо только китоловами (шотландцами или другой национальности), которые не отваживаются проникать в проливы крайнего севера. Но не может быть никакого сомнения в том, что дело исследования земного шара будет продолжаемо, и что рано или поздно арктические области сделаются известными географам. Конечно, поиски той точки, вокруг которой располагаются круги градусов широты, были бы пустой затеей, если бы при этом не имелось также в виду изучить контуры островов и островков, форму морей и заливов, морские течения и приливы, движения атмосферы и другие явления земной жизни. Но этот труд будет постепенно облегчаться по мере увеличения числа наблюдательных пунктов в высших северных широтах и более подробного ознакомления с условиями и рессурсами соседних областей. Эти околополярные обсерватории, первоначальный план которых был разработан преимущественно известным арктическим исследователем Вейпрехтом, уже кое-где основаны на средства европейских наций и Соединенных Штатов; упомянутое путешествие Грили было предпринято именно с целью устройства такой обсерватории на самой границе «моря вечных льдов», в бухте леди Франклин. При том же не следует забывать, что могущественные рессурсы современной индустрии ещё не все были применены для целей полярных экспедиций: так, например, пока ещё ни разу не пользовались аэростатом для путешествия в арктические области. До сих пор было совершено уже около полутораста экспедиций для исследования ледовитых морей со времени открытия Америки, и кроме того, китоловы тысячами проникали в эти отдаленные области океана. Впоследствии, вероятно, будут предприняты и другие путешествия этого рода. Одно из них стоит уже на очереди, так как фонды, назначенные на это дело, слишком двадцать лет тому назад, лежат бесполезно в кассах государственного казначейства. Без сомнения, найдется охотник принять наследство, завещанное для этой цели Густавом Ламбером.

Путешествие на воздушном шаре к северному полюсу было предпринято в июле 1897 г. шведом Андрэ, вместе с двумя другими спутниками, но эти смелые воздухоплаватели пропали без вести.

В настоящее время, чтобы закончить начертание географических контуров Новаго Света, остается только обозреть северные берега Гренландии, между местностями, посещенными Локвудом, и крайними пунктами восточного побережья: это пространство, длиною около 500 километров по прямой линии, да некоторые другие менее важные пробелы в очертании островов Полярного архипелага—вот единственные пустые места, которые ещё предстоит картографам заполнить. Что касается внутренней части двух американских материков, то она вполне известна в главных её чертах: постепенное заселение страны цивилизованными людьми, белой или смешанной расы, необходимо должно было сопровождаться исследованием, если не научным, то, по крайней мере, топографическим, каждого края. При том последовательные периоды вступления различных областей в светлый мир истории были отмечены памятными географическими экспедициями.

На северном континенте, который первый был посещен европейцами, самая значительная часть открытий выпала на долю французских путешественников, благодаря преобладающему положению, которое им давали колонии, помещенные в центре разветвления больших рек, св. Лаврентия, Миссисипи, притоков Гудсонова залива и Полярного океана. Шамплэн, истинный основатель Канадской колонии, построивший первые хижины Квебека в 1608 году, доходил на запад до озера Ниписсинг и даже плавал по одной бухте озера Гурон, которое составляет часть пресноводного моря, уже изображенного на картах. Католические миссионеры, одушевляемые рвением «к завоеванию душ» и политическому устроению госу-

дарств, непосредственно подчиненных их власти или по крайней мере их влиянию, скоро заняли самые отдаленные станции внутри страны, и при помощи охотников на пушного зверя и новообращенных индейцев ознакомились с краем и частию обеспечили за собой его торговлю[1]. Сами они изучали страну во всех направлениях и в несколько лет проникли в самый центр континента. Пользуясь указаниями туземцев союзных племен, с которыми они делили образ жизни, труды и лишения, эти неустрашимые люди плавали по всем рекам, впадающим в реку св. Лаврентия, по всем озерам, рассеянным в её бассейне. В 1640 году, Бребёф первый из европейцев созерцал картину Ниагарского водопада и совершил плавание по озеру Эрио; в 1660 году, Менар поднялся вверх по реке Оттава, затем достиг берегов озера Гурон, прошел через водопад св. Марии при выходе Верхнего озера и плавал вдоль южных берегов этого озера, самого обширного пресноводного бассейна на земном шаре. Другой миссионер, Аллуэ, достиг западной оконечности Верхнего озера и всего Канадского Средиземного моря и открыл реку св. Людовика, главную ветвь всей речной системы св. Лаврентия. Аллуэ осмотрел также берега озера Мичиган и проник на запад, в землю племени Иллинойс, которую впоследствии торговец Жолье и миссионер Маркли прошли во всю её ширину, чтобы достигнуть «великой реки», следуя по течению реки Mesconsin, ныне Висконсин. В 1673 году, эти два путешественника смело пустились по водам Миссисипи, направление и устье которого в то время были ещё не известны, несмотря на экспедицию, совершенную испанцем Фернандо де-Сото слишком за 130 лет перед тем. Они обследовали устье Миссури, затем устье Огайо, великолепных рек, носивших в то время другие имена; но, дойди до притока Акамса (Арканзас), они не сомневались более в том, что главная река течет к Мексиканскому заливу, и не решились спуститься ниже, из опасения быть взятыми в плен испанцами, в качестве иностранных путешественников. Впрочем, кастильские солдаты, зашедшие в глубь «Флорид» в поисках за золотом, проникли до места, посещенного Маркетом, и, плывя оттуда вниз по течению, достигли Мексиканского залива.

Миссионеры-иезуиты принимали главное участие в открытии речных бассейнов Северной Америки, но они не любили, чтобы монахи другого ордена, а тем более простые торговцы или хотя бы даже военные начальники, вторгались в область исследований, которую они считали своим исключительным владением, и история XVII ст. в Канаде полна их раздоров с другими миссионерами и путешественниками. Так, они старались, посредством придворных интриг и помех всякого рода, запереть Кавелье де-ла-Саллю дороги, ведущие к Миссисипи; но этот нормандский путешественник, человек, замечательный умом, твердостью характера, храбростью, находчивостью, упорной настойчивостью, тем не менее добился своей цели. После нескольких путешествий в области, лежащие за большими озерами, после приключений всякого рода, войн, союзов, кораблекрушений, голодовок, штурмов, отступлений и тяжкой болезни вследствие отравления, он, наконец, пустился, весной 1682 года, в плавание по «Отцу вод» и через пятьдесят дней достиг дельты и осмотрел проходы или рукава, сообщающиеся с Мексиканским заливом. Два года спустя он вернулся из Франции с флотилией, чтобы подняться вверх по этой реке, в качестве вице-короля Луизианы; но начальство над судами было вверено его личному врагу, который изменил ему и высадил его, почти без провизии, на нынешний берег Техаса, чтобы самому исследовать устье Миссисипи. Неугомонный Кавелье де-ла-Салль решился тогда продолжать исследование сухим путем, но был убит одним из своих офицеров через несколько дней после отъезда к берегам великой американской реки[2].

Что касается обширных пространств, лежащих к западу от Миссисипи, до Скалистых гор, и на озерных и речных плоскогориях, покатых к Ледовитому океану, то они вошли в область географии, благодаря «лесным бродягам» («coureurs des bois»), по большей части вольным промышленникам, против которых канадское правительство издавало строгие за-

1 Francis Parkman, „The jesuits in North America“.

2 Francis Parkman, „The Discovery of the Great West“;—Pierre Margry, „Les Normands dans les vallees de l'Ohio et du Mississipi“;—Gabriel Gravier, „Cavelier de la Salle, de Rouen“.

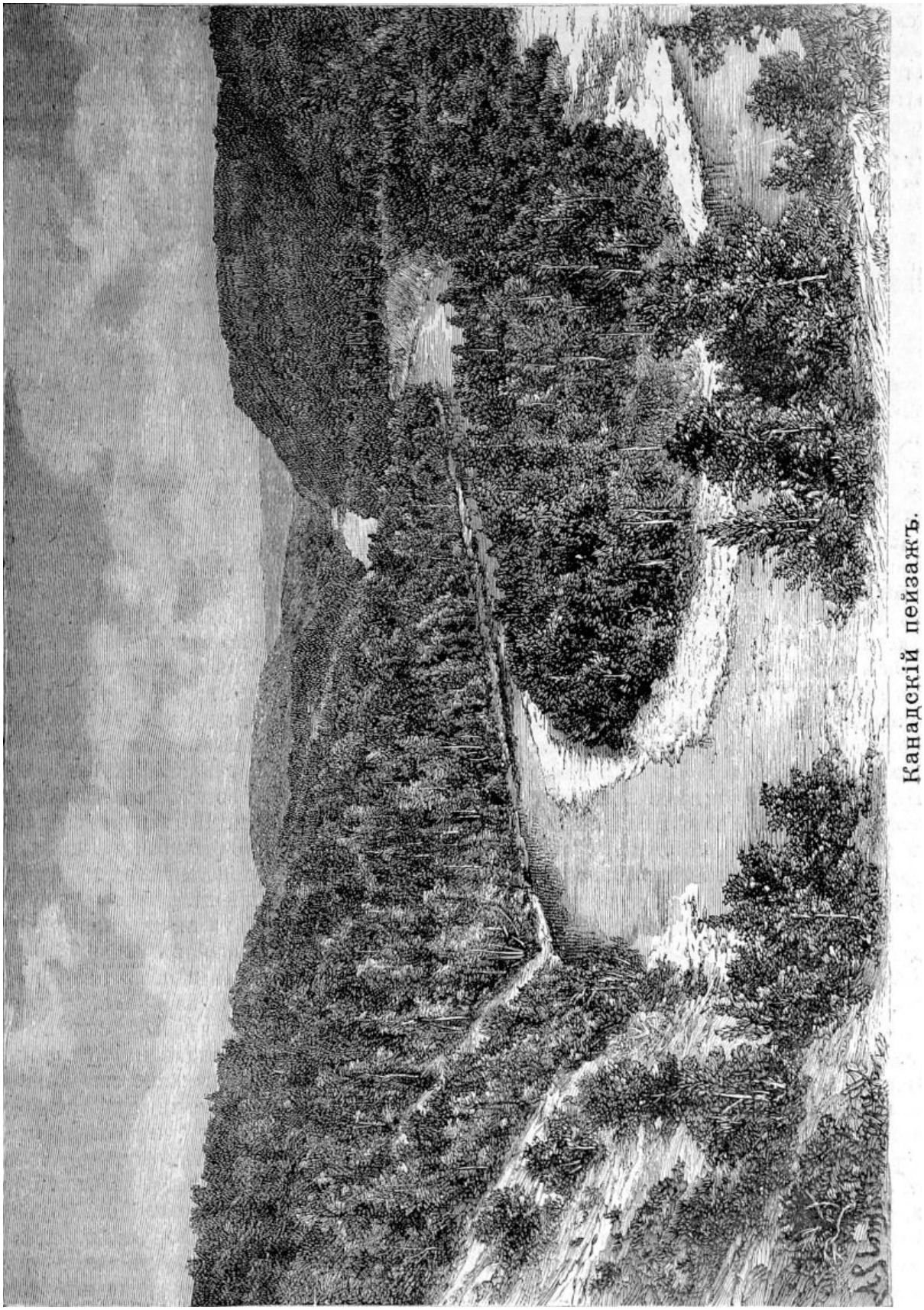
коны, но которые имели широкий простор для своих странствований: почуяв грозящую им опасность вблизи границы колонии, они тотчас же уходили далее в глубь территории кочевок краснокожих. Они жили с индейцами, женились на их дочерях, сохраняя свою французскую речь и поддерживая свои сношения с торговцами пушным товаром; они прилагали от моря до моря дороги, по которым следовали за ними европейцы в собственном смысле. Когда известный путешественник де-ла Верандри перешел, в 1731 году, «Высоту Земель», на северо-западе от Верхнего озера, и направил путь по скату Ледовитого моря, то проводниками ему служили эти метисы, указывавшие ему водоразделы озер и рек, места стоянок, обильные дичью леса. Этот путешественник обследовал берега озера Виннипег, затем берега рек Красной, Ассинибойна, Саскачевана, верхнего Миссури, Желтокаменной (Yellow Stone), и совершив восхождение на Скалистые горы, вернулся домой после четырнадцати-летних странствований. В течение нашего столетия, при помощи таких же «проводников-путешественников», белой или смешанной расы, сделана была большая часть дополнительных исследований, имевших целью связать пройденные пути на двух покатостях, атлантической и тихоокеанской. Даже и в этих сухопутных экспедициях многие канадские торговцы бредили «северо-западным проходом». За неимением открытого моря или цепи проливов и протоков между Атлантическим и Великим океанами, надеялись найти судоходные реки и озера, образующие непрерывный водный путь через весь северо-американский континент. Почти на всех картах восемнадцатого столетия северные области Америки представлены перерезанными сетью больших рек и внутренних морей, соединяющей два океана. Ещё в 1789 году капитан Мирс старался доказать существование «северо-западного прохода» между Гудсоновым заливом и Беринговым проливом через озера Виннипег, Атабаску, Невольничье, и через «реку, где находятся величайшие в свете водопады»[1].

На южном континенте исследование внутренности страны, следовавшее за завоеванием плоскогорий и приморских областей, производилось таким же образом, как и на северном материке,—торговцами и миссионерами; но на восточном скате Экваториальных Андов резкий контраст климата и почвы между равнинами и горами, непроницаемые девственные леса, большие реки, нездоровые болота и не без основания враждебные населения—всё это долго мешало исследованию низменностей, занимающих срединную часть Южной Америки, а после Орельяны, совершившего путешествие вниз по реке Амазонок, прошло два столетия, прежде чем явились новые исследователи, связавшие свои маршруты с пройденным им путем. В умеренном поясе, где препятствий было меньше, путешественники проникли далеко внутрь материка. «Паулисты» или бразильцы из Сан-Пауло, обыкновенно называемые «мамелюками», неоднократно предпринимали экспедиции на запад, в бассейн Параны, либо с торговой целью, либо—что бывало чаще—для набора невольников; с другой стороны, миссионеры-иезуиты, защитники туземного населения против паулистов, но в пользу своего собственного господства, поселились в Парагвае и основали там чисто теократическое государство, где вся жизнь была регулируема, при звоне церковного колокола, проповедями и религиозными обрядами. Испанский натуралист Феликс Азара путешествовал, в конце прошлого столетия, преимущественно в территории Миссий. Около того же времени Александр Гумбольдт и Амедей Бонплан исходатайствовали у испанского правительства отмену запрещения, тяготевшего над всяким иностранцем, который захотел бы посетить эту громадную территорию, и совершили, с 1799 по 1804 год, свое памятное путешествие по экваториальным областям Южной Америки, которое было, так сказать, новым открытием Колумбова мира и дало сильный импульс духу географического исследования и вообще изучению природы. После них Огюст де-Сент-Илер, Спикс и Марциус, д'Орбиньи, Дарвин, де-Кастельно и де-Сен-Крик, Маркгам, Рейс и Штюбель, Крево, Туар, Шафанжон и сотни других менее известных путешественников-исследователей объехали страну по всем направлениям, посетили истоки рек и определили точным образом расположение горных цепей.

Исследования, которые остается ещё сделать на двух американских материках, для пол-

1 „Voyages du capitaine Meares“, traduits par Billecocq, an III de la Republique.

ного ознакомления с их рельефом в главных его чертах, незначительны в сравнении с исполненными уже работами. Горы и реки Лабрадора и побережья Полярного океана, а также области между Мекензи и Ситхинской бухтой, представляют ещё, на картах, далеко не

Канадскій пейзажъ.

точное начертание, в которое каждое новое путешествие вносит ту или другую поправку. В Центральной Америке, несмотря на относительно небольшое протяжение земель, омываемых двумя океанами, некоторые территории остаются ещё не исследованными, именно Мос-

кития и коста-рикский край Таламанка. Территория Гран-Чако в Колумбии, область верхних притоков Ориноко и реки Амазонок, внутренность Гвиан и, около южной оконечности Америке, часть восточного ската Патагонских Андов пока ещё покрыты весьма редкой сетью пройденных исследователями путей; но звенья этой сети постепенно всё более и более сближаются, а с другой стороны—страны, где цивилизованное население достигло значительной степени густоты, были уже частию измерены геодезистами и землемерами: Америка представляет уже, в некоторых своих частях, отрывки больших топографических карт, не менее точных и детальных, чем карты стран Западной Европы.

II. Физическая география двойного американского континента

Новый Свет отличается от Старого простотой своей общей формы и симметричным расположением частей. Двойственность континентальной группы там гораздо яснее выражена, чем в четырех восточных материках, Европе и Африке, Азии и Австралии, которые тоже расположены по-парно, но с большой неправильностью контуров и размеров. В совокупности выступающих из-под воды земель Америка сама по себе составляет восточную, наиболее правильную часть полукруга, охватывающего Тихий океан; в сравнении с этой ветвью западная часть полукруга суши, обнимающая Китай, Индию, Африку, кажется разорванной, и при том она раздвояется, чтобы образовать ряд земель, направляющийся от Индо-Китая к Австралии. Тогда как неправильность форм Старого Света но позволяет распознать сразу его главную ось, которая для хребта страны имеет направление с северо-востока на юго-запад, а для пояса культуры и хода цивилизации—с востока на запад, ось Америки совпадает с её главными горными цепями на всём протяжении материка, от Аляски до Огненной Земли.

На первый взгляд два континента Нового Света, имеющие тот и другой треугольную форму и соединенные узким перешейком, кажутся как нельзя более точно разграниченными между собою; но в действительности промежуточный переход совершается постепенно, так что невозможно сказать в точности, где именно кончается Северная и начинается Южная Америка. Как и для делений Старого Света, географы затрудняются провести естественную границу между двумя Америками, и указываемая раздельная линия по необходимости должна быть, в большой её части, условной чертой. То же можно сказать о естественной границе между Европой и Азией: впадина Маныча и впадина, идущая от Каспийского моря до Аральского озера и до Обской губы, представляет во многих местах безразличные пространства, которые можно по произволу причислять к той или другой из этих частей света. Контрасты почвы, климата, флоры и фауны, позволившие разграничить мир азиатский и мир австралийский, почти изгладились в промежуточных островах, и распределение последних между двумя континентальными областями сделано на основании второстепенных соображений, именно—принимая во внимание подводный рельеф, племенной состав местного населения или национальность владетелей. Наконец, и самый Суэзский перешеек не всегда был рассматриваем как узел, связывающий Азию с Африкой: некоторые из древних географов присоединяли западную пустыню к восточной, как продолжение азиатского материка: по их понятиям, Африка начиналась только с долины Нила, и даже в наши дни ряд высот, идущий между этой рекой и Красным морем, обозначается именем «Аравийской цепи».

С геологической точки зрения, самая естественная граница между двумя Америками—Тегуантепекский перешеек. Последние скаты плоскогорья Анагуак сливаются в этом месте с равниной, а стена Гватемальских гор ещё не обозначилась ни одним выступом рельефа. К востоку от этой границы земли расположены в виде дуги, одна ветвь которой, Юкатан, продолжается в море длинным островом Кубой и другими Антильскими островами, тогда как другая ветвь образует Центральную Америку в собственном смысле, с её последовательными расширениями и сужениями. Но из всех раздельных линий самая отчетливая та, где Дариенский перешеек приставлен к огромной массе южного континента, на западе от дельты

реки Атрато. Там высоты перешейка понижаются, не примыкая к Андской системе, и низкий порог, где некогда предполагали прорыть междуокеанский канал, соединяет две покатости. Если изучать строение двух американских материков не только в поверхностной их форме, как она ныне очерчена морем, но также в их подводных частях, то оказывается, что Северная Америка оканчивается на юго-востоке двумя извилистыми, но почти параллельными выступами или косами, примыкающими к южному континенту: эти две связующие земли суть Центральная Америка и Антильские острова, остров Куба служит поперечным соединением между этими выступами, и глубокия морские пропасти открываются в двух средиземных бассейнах, ограниченных со всех сторон материками, островами и полуостровами.

Между двумя Америками замечается большая аналогия форм, но не такая, как воображали мореплаватели шестнадцатого века, отыскивая на севере «Магелланов пролив», подобный существующему на южной оконечности Нового Света. Оба эти материка, рассматриваемые в общем их строении, представляют треугольники, одинаково расположенные, стороны которых соответственно почти параллельны, и которые соединяются между собой двумя параллельными полосами земли—собственно перешейком Центральной Америки и цепью Антильских островов. Северный треугольник обширнее: площадь его приблизительно на одну восьмую больше площади южного; однако, нужно заметить, что северо-восточная часть Америки, обнимающая полуостров Лабрадор и около половины Канады, отделена от континентального туловища правильной цепью озерных бассейнов, которая тянется на пространстве 4.000 километров, от озера Онтарио до Медвежьего озера, как морской пролив, частию засыпанный: таким образом обширные полуостровные области оторваны от главного тела Северной Америки, которая без этой отдельной полосы удивительно напоминает форму Южной Америки.

В теперешнем своем виде, северный континент Нового Света имеет, сравнительно с южным, менее правильную форму, более изрезан заливами и бухтами, богаче полуостровами: в этом отношении он представляет такой же контраст с Южной Америкой, как Европа с тяжелой массой африканского материка. Относительные размеры двух американских континентов определяются следующими цифрами:

Пространство Нового Света (по Бему и Вагнеру): Северная Америка, без островов и без Центральной Америки,—19.817.305 кв. килом.; Южная Америка, без островов и Панамы,—17.732.117 кв. килом.: Центральная Америка и Панама—547.308 кв. килом.; острова и Гренландия—3.735.483 кв. килом.; всего—41.832.213 кв. килом.

По общему протяжению береговой линии северная половина Америки на целые десять тысяч километров превосходит южную, именно: длина берегов Северной Америки, без островов, до р. Атрато,—43.750 килом.; длина берегов Южной Америки, без островов, до р. Атрато,—33.750 килом.

Южная Америка, уступая Африке по ширине, при одинаковом почти протяжении с севера на юг, отличается от «чернаго» континента большей стройностью и изяществом в контурах, и благодаря архитектуре материка и характеру рек, центральные части там гораздо доступнее с моря. Южная Америка, как и Северная, имеет то огромное преимущество, что в ней есть большие реки, судоходные до центра континента, каковы Амазонка, Парана, Уругвай, Ориноко, Рио-Магдалена, тогда как африканские реки, по большей части менее обильные, все заграждены порогами уже в небольшом расстоянии вверх от устья. Между двумя южными материковыми массами замечается любопытная симметрия, происходящая от того, что та и другая из этих масс заканчивают собою обширный полукруг земель, опоясывающий океанский бассейн Индийского моря и собственно Тихого океана. Высокие хребты Южной Америки тянутся на западной стороне континента, тогда как в Африке значительнейшие горные цепи и массивы расположены преимущественно на востоке; два перешейка, соединяющие эти страны с северными материками, Панамский и Суэзский, представляют такое же симметричное расположение; главные реки, как американские, так и африканские, текут

в Атлантический океан, идя, так сказать, на встречу друг другу, и два крайние выступа суши, образуемые Северной Бразилией и Сенегамбией, расположены один против другого по обе стороны океана.

Две треугольные массы Америки сходны между собой не только внешними очертаниями, они представляют также большие аналогии по общему рельефу поверхности, по расположению плоских возвышенностей, горных цепей, равнин и рек. Цепь Скалистых гор и цепь Андов, обе очень высокие, тянутся параллельно западным берегам континента; обе они разветвляются во многих местах и представляют два или несколько хребтов параллельных или расходящихся, между которыми заключены высокие плоскогория; обе содержат вулканические кратеры, действующие или покоящиеся, и на скатах их осадочные формации на обширных пространствах покрыты лавами или туфами и вулканическим пеплом. В каждом из этих двух континентов треугольная форма определяется западной осевой системой и другой орографической системой, занимающей часть восточной территории: это Апаллахские горы в Северной Америке, и Серра-де-Мар (Приморские горы) и бразильские цепи—в Южной; в обоих континентах восточные хребты расположены по большей части параллельно морскому берегу, но они гораздо ниже западных горных цепей и отделены от последних обширными равнинами, бассейнами, в которых реки переплетаются своими истоками. Именно в центре обоих материков, там, где, казалось бы, должны находиться самые высокие массивы, простираются низменности, где скопляются континентальные воды, изливающиеся главной своей массой в Атлантический океан или в боковые моря; верхние притоки Миссисипи не отделены от верхних притоков реки св. Лаврентия и северной Красной реки сколько-нибудь значительною водораздельною возвышенностью; точно также, на южном материке, скат колеблется между двумя покатостями—Амазонки и Лаплаты. Озерная область, занимающая ныне центральную часть Северной Америки, прежде, несомненно, имела гораздо более обширное протяжение; Мичиганский полуостров был большим островом, и истечение вод, меняя направление в разные геологические века, происходило некогда чрез Гудсонов поток и через Миссисипи; в наши дни оно совершается чрез реку св. Лаврентия[1]. Констатировано, что фауна канадских озер представляет морской характер многочисленными видами, и многие озера, как, например Шамплен и озера Семи Наций, в штате Нью-Йорк, имеют форму, заставляющую видеть в них бывшие фиорды, постепенно отделившиеся от моря[2]. Некоторые реки Северной Америки тоже, повидимому, принадлежали некогда к числу таких глубоких бухт, служивших руслом для ледников. Такова, например, река Сагенэ, с её огромными глубинами в 200 метров; такова же и река св. Лаврентия, дающая доступ большим морским судам на тысячу верст внутрь материка. Нужно заметить также, что северная часть Северной Америки, уже освободившаяся от льдов, находится ещё в озерном периоде, следовавшем за ледяными веками. Озера эти уже значительно уменьшились, но во многих округах их причудливые лабиринты и теперь ещё занимают более половины территории; реки ещё не урегулировали своего течения, как реки умеренного пояса в Европе и Америке, но, подобно скандинавским и финляндским потокам, представляют цепь неправильных озер, соединенных одно с другим рядом порогов, обрывов, водопадов, «котловин». В этом отношении Канада самая любопытная страна во всём свете: даже самые большие её реки, ещё молодые в истории земного шара, прерываются огромными водопадами. У подножия этих препятствий, как известно, совершились некоторые из замечательнейших событий в летописях международных столкновений. Так, Ниагара и Оттава были предметом ожесточенной борьбы; Saut de Carillon (водопад «Трезвон») и другие пороги реки, охраняемые ирокезцами, на многие годы задержали ход колонизации.

Пока геология Америки не была отчасти изучена, географы часто задавали себе вопрос—не есть ли «Новый» Свет и по времени своего образования более юный материк сравнительно со Старым Светом? Вопрос этот разрешается в прямо противоположном смысле: из всех

1 J. K. Gilbert, „Forum“, Iune 1888.

2 Peschel;—Ratzel;—Ullrich. „Gestalt und Beschaffetheit Europa's und Nord-Amerika's“.

материковых масс Северная Америка, в её нынешней форме, повидимому, самая древняя; с конца мелового периода она является почти с теми же контурами, какие имеет и теперь[1]. Вся северо-восточная часть континента, к востоку от цепи больших озер, и включая сюда всю совокупность полярных архипелагов, состоит из кристаллических или осадочных формаций, озойских или палеозойских, принадлежащих к временам глубокой древности. Внешний выступ гор, окаймляющий побережье Лабрадора и продолжающийся на север и северо-запад, состоит главным образом из гнейса и других очень древних каменных пород, представляя со стороны моря крутой, а со стороны материка пологий скат. На западе простирается обширная плоская возвышенность из пред-силурийских пластов, которой Зюсс дал название «канадского щита», за её выпуклую форму; процесс размывания почти совершенно обнажил её от верхних палеозойских слоев, и Гудсонов залив весь был вырыт водами на небольшой глубине в её поверхностной части.

Американские континенты не представляют других областей, где бы форма и рельеф сохранились на обширных пространствах впродолжении ряда геологических веков. В сравнении с канадским «щитом» самые старые части Южной Америки—недавнего происхождения. Во внешних очертаниях материковой массы несомненно произошли значительные перемены, особенно в контурах перешейков и островов, соединяющих две Америки. Хотя невозможно изучать непосредственно поверхность земель, теперь поглощенных морем, однако, естественная истории островов позволяет распознать во многих местах первоначальную непрерывность суши. Так, распределение различных видов моллюсков в водах Антильских островов доказывает, что Центральная Америка и Мексика соединялись прежде с Багамским архипелагом большими островами Кубой и Гаити. С другой стороны, острова южных цепей принадлежали некогда одни—к твердой земле Венецуэлы, другие—к Гвиане[2]. Точно также различие фаун в Караибском море и Тихом океане, разделенных лишь очень узкой полосой перешейков, служит доказательством того, что две половины Нового Света с давнего времени составляют одну сплошную землю. Из 1.500 видов морских раковин, принадлежащих к караибской области, только около пятидесяти встречаются также по другую сторону Панамского порога, где, по Адамсу, число классифицированных до сих пор видов мягкотелых животных доходит до 1.350. Из этого заключают, что с конца миоценового периода уже не было сообщения между двумя океанами; может-быть, период их соединения восходить к гораздо более ранним временам.

В целом, Новый Свет представляет замечательный контраст между двумя своими берегами—западным, усаженным вулканическими конусами, и восточным, давно пребывающим в покое, разве на Антильских островах, и постепенно размываемым морем. Однако, огнедышащие горы запада распределены неравномерно, и цепь их в разных местах прерывается широкими брешами. Первый криволинейный ряд гор этого рода, не менее правильный, чем ряды Курильский и Камчатский на азиатских берегах,—составляют кратеры Алеутских островов, продолжаемые вулканами полуострова Аляски, затем, на континенте, следуют одна за другой несколько вулканических гор, с цирками и кратерами, наполненными льдом и тем не менее ещё дымящимися: такова, например, гора Врангеля, на северо-запад от горы св. Илии. К северу от реки Колумбии расположена третья группа вулканов, сохранивших ещё некоторые остатки деятельности, но почти угасших, в сравнении с теми грозными жерлами, которые некогда извергали в этих областях огромные потоки лавы. К югу от Колумбии, на всём протяжении Калифорнских берегов, единственными кратерами, ещё дымящимися, являются так называемые фумароллы, и только в Мексике встречаем опять трещину земной коры, идущую от одного моря до другого и уставленную по краям действующими конусами извержения. Область перешейков, от Гватемалы до Костарики, тоже пересекается цепью вулканов, стоящих на очагах постоянного горения. Что касается Южной Америки, более богатой, чем северный материк, каналами для выхода лавы и пепла, то она представ-

1 Ed. Suess „Das Antlitz der Erde“;—Em. de Margeric, „Annuaire Geologique”, 1888.

2 Belt, „Naturalist in Nicarugua”.

ляет три главные области подземных пожаров и землетрясений: это—Колумбия, Боливийское плоскогорие и Чили. Наконец, дымящиеся горы встречаются ещё на некоторых из Малых Антильских островов, между Атлантическим океаном и его боковым бассейном—Караибским морем. Судя по учащенности и силе взрывов, американские вулканы перешейка соответствуют вулканам Ост-Индского архипелага, на другой стороне Земли, расстояние между этими двумя очагами подземного огня составляет как раз половину земной окружности, и два ряда вулканов, костарикские и яванские, почти одинаково удалены от равноденственной линии,—первый на севере, второй на юге. Наша планета имеет как бы два огненных полюса, совпадающих тот и другой с переходной областью между двумя материковыми массами.

В Новом Свете, так же, как и в Старом, наибольшая часть земель сосредоточена в северном полушарии, как будто в этом случае действовала какая-то притягательная сила, исходящая из арктического полюса. Равноденственная линия проходит в Америке не через перешеек, но гораздо южнее, над рекой Амазонок, которую часто называют «движущимся экватором». Пространство американской территории и прилежащих островов выражается следующими цифрами; к северу от экватора—27.229.500 кв. километр.; к югу—14.602.713 кв. километр.

Следствием такого распределения суши Нового Света в отношении экватора является то, что умеренный пояс, наиболее благоприятный для заселения страны и промышленного развития человечества, занимает в Северной Америке самую широкую часть континента, тогда как в Южной Америке он отодвинут от главной массы материка к пространствам, сравнительно узким, которые продолжаются по направлению к мысу Горн. Следовательно, в этом отношении северный континент поставлен в более выгодные условия, чем южный; но, с другой стороны, он находится в гораздо худшем положении: огромное протяжение полярных областей делает большую часть его почти непригодной для культуры, по причине холодного климата и недостатка растительности. В Южной Америке только крайняя оконечность может считаться действительно негостеприимной для цивилизованного человека, тогда как в Северной необитаемые пространства Канады, Полярного архипелага и Гренландии равняются Европе по величине. Прежде пределы колонизации Нового Света европейцами составляли: на севере—берега реки св. Лаврентия, на юге—берега Лаплаты[1]. Последний предел теперь уже на много перейден, тогда как «Высота Земель», между рекой св. Лаврентия и Лабрадором, ещё не пройдена колонизацией. С той и другой стороны, оконечности Нового Света изрезаны фиордами; но южный континент представляет эти образования только на юге от собственного Чили, тогда как в Северной Америке глубокия иссечения берегов начинаются: на западе—от пролива Сан-Хуан-де-Фука, на востоке—от заливообразного устья реки св. Лаврентия, бывшего фиорда, ныне частию засыпанного.

Тропический пояс, лежащий между двумя умеренными, захватывает лишь весьма небольшую часть Северной Америки в собственнон смысле, но он обнимает всю Центральную Америку, Антильские острова и более половины южного материка. Этот пояс, отличающийся сильными жарами и, в сырых местностях, необыкновенно богатой и плодовитой растительностью, натурально гораздо менее благоприятен для возрастания и благосостояния населений, чем области с умеренным климатом; однако, тропические страны Нового Света, благодаря соседству моря, пользуются, по большей части, особым климатом, более мягким и ровным, чем климат стран Африки и Азии, лежащих под теми же широтами: на островах и перешейках Караибского моря климат имеет существенно морской характер. С другой стороны значительная часть Экваториальной Америки состоит из возвышенностей, плоскогорий и гор, высота которых уравновешивает своими холодами нормальные условия климата в нижних равнинах. Таким образом, благодаря своему возвышенному положению, многие страны жаркого пояса являются как бы перенесенными в умеренный пояс; таково, например, Мексиканское нагорье, нормальная температура которого, приведенная к уровню моря, равняется 28 градусам по Цельсию. Но низменные области, с сырым и жарким климатом,

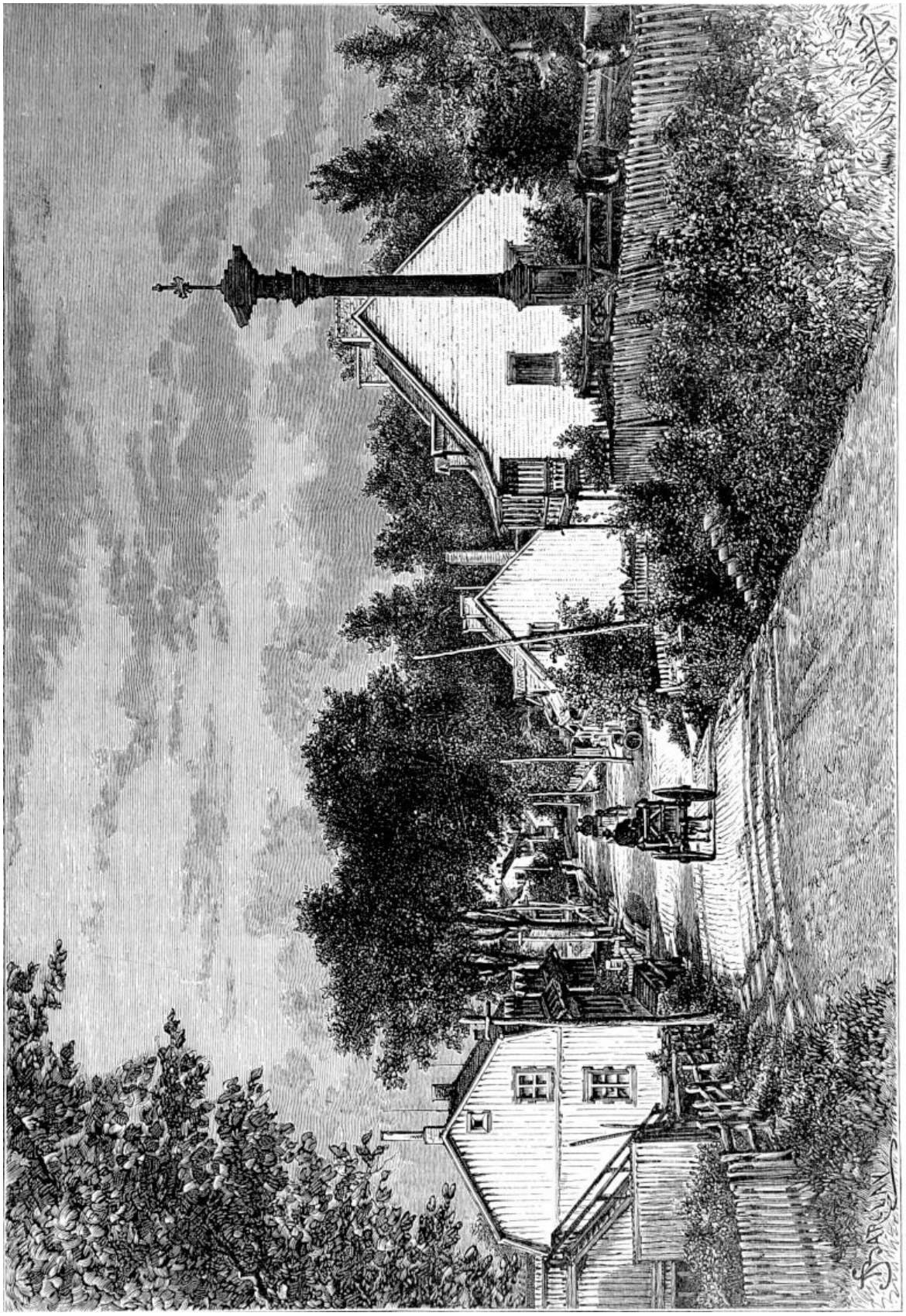
1 G. Kohl, цитиров. сочинение.

остаются враждебными человеку. Так, великолепная река Амазонок, самый обильный поток земного шара, протекает почти на всём своем протяжении по безлюдным местностям, хотя равнины её бассейна, по своим природным богатствам, были бы вполне достаточны для прокормления и содержания всех обитателей нашей планеты.

Характеристическую черту климата Америки, в сравнении с климатом Старого Света и особенно с климатом Европы, составляет его меньшая средняя температура: при равенстве широты он холоднее, по крайней мере в северном полушарии, и в некоторых местах разница доходит даже до 8 градусов. В то время, как термический экватор Африки и Аравии превышает 30 и 31 градусов, он показывает всего только 27 или 28 градусов в самых жарких областях Нового Света. Эта разность температуры между двумя атлантическими берегами не держится равномерно впродолжении всего года: не лето, а зима Северной Америки, так сказать, отодвигает весь континент по направлению к арктическому полюсу. В июле месяце жары в Соединенных Штатах не менее сильны, чем под соответствующими широтами за-атлантических стран, тогда как в январе на берегах Миссисипи господствуют такие же холода, как в Норвегии. Снег зачастую целыми месяцами покрывает землю в Сен-Луи и Вашингтоне, под той же широтой, как Лиссабон, Мессина и Смирна, города, где его почти совсем не знали бы, если бы он не виднелся иногда на вершинах соседних гор: чтобы найти зимний климат Нью-Йорка на европейских берегах, нужно подняться градусов на двадцать к северу.

Известно, какие влияния, атмосферные и морские, обусловливают этот замечательный контраст температуры между противоположными берегами, омываемыми Северным Атлантическим океаном. Господствующие ветры в приморской Европе—юго-западные, т.е. дующие из тропических областей Америки; в том же направлении движутся и воды океана: из Антильского моря и из экваториальных областей они текут на северо-восток, не оказывая сколько-нибудь заметного влияния на климат Северной Америки; действие их проявляется только на западных берегах Европы, вплоть до Скандинавии и Шпицбергена, тогда как вдоль северо-американского побережья проходит холодное течение, выходящее из полярных морей. Однако, движение этих морских рек не отличается строгой правильностью: пробегаемый ими путь не представляет, как это думал Мори, траектории, которую можно бы было вычислить, как вычисляют кривую, описываемую ядром по выходе из жерла пушки; течение их значительно уклоняется в ту или другую сторону, замедляется или ускоряется, осложняется приливами и водоворотами, подвергается бесчисленным влияниям климата и, в свою очередь, оказывает действие на смену времен года. Гидрографические исследования, произведенные моряками, преимущественно под руководством морского министерства Соединенных Штатов, доказали, что «Заливное течение», один из главных факторов в образовании климата Западной Европы, далеко не так правильно, как воображали прежде, по крайней мере на поверхности, ибо во многих местах имели случай наблюдать, что под изменчивыми поверхностными течениями более глубокие слои воды следуют правильному движению. Выкидки и разбитые суда, за движением которых всегда заботливо следят и отмечают их местонахождение, чтобы предостерегать экипажи отправляющихся в плавание кораблей от случайностей встречи, часто описывают извилистые пути и даже совершенно возвращаются к своему первоначальному направлению, когда они были подхвачены водоворотами или противными течениями. Иной корабельный остов направляется от Бермудских островов к Флориде, т.е. в обратную сторону с общим течением, воды которого несутся от Америки к Европе. В конце 1887 года один несчастный случай дал возможность констатировать, каково было в эту зиму общее движение океанской волны к западу от Лонг-Айленда: вся масса вод двигалась тогда почти прямо с запада на восток, под широтами Нью-Йорка, Азорских островов и Лиссабона. Один плот, состоявший из 27.000 бревен и имевший 180 метров в длину, при общем весе около 11.000 тонн, был приподнят ураганом, оторван от тянувшего его огромного буксирного парохода и брошен на произвол течения. На третий день все порты Атлантики были предупреждены об опасности, и несколько судов устремились на поиски выкидок, для того чтобы известить судохозяев о местонахождении этих обломков. Свыше пятисот усмотренных отрывков плота были отмечены на обсервационных

картах, и таким образом было дознано, что течение расходилось веерообразно по направлению к Азорским островам: в 255 суток обломки прошли путь в 6.000 километров, следовательно, двигались с средней скоростью одного километра в час; остатки плота занимали, с

Видъ канадской деревни.

севера на юг, под меридианом острова Флорес, пространство в одиннадцать градусов широты, между 34-й и 45-й параллелями.

Другие морские течения, идущие вдоль американских берегов, производят действие, ана-

логичное действию Гольфстрема и полярного течения, видоизменяя разнообразно континентальный климат, смотря по отклонению, ускорению или замедлению их движения. Так, тихо-океанское течение, в котором признают соответствии с Гольфстремом, Куро-Сиво или «Черный поток», производит на западных берегах Северной Америки климатические явления, подобные тем, которые наблюдаются в приморской Европе: оно тоже приносит из японских морей относительно теплые воды, переливающиеся через океан; оно подходит к берегам Нового Света на юге полуострова Аляски и идет вдоль побережья Орегона и Калифорнии; но, спускаясь из более холодных областей в более теплые моря, смешивается с водами, выходящими из полярных пространств, и постепенно превращается в холодное течение; у тропических берегов оно освежает окружающий воздух и умеряет жаркий климат. Впрочем, Куро-Сиво ещё менее правилен, чем Гольфстрем, в ходе своего течения: он образуется не в бассейне с определенными границами, как Мексиканский залив, и начинается не при выходе из ворот пролива, как река между двух твердых берегов; он, так сказать, плывет через океан, и движение его медленнее, чем движение соответствующего течения Северной Атлантики.

Два противоположные берега Южной Америки, как и берега Северной Америки, подчинены влиянию двух морских течений, оказывающих обратное действие на климат. В то время, как полярное течение, приходящее из Баффинова моря, понижает температуру берегов Новой Англии и Нью-Йорка, ветвь Куро-Сиво, омывающая калифорнское побережье, нагревает там климат, вследствие чего изотермические линии изгибаются в этом месте к северу. Точно также в Южной Америке вдоль западного берега проходит антарктическое полярное течение, холодные воды которого умеряют жары поморья, даже под экватором; восточный же или атлантический берег получает в своих бухтах теплую волну, приносимую ветвью великого экваториального течения, которое, перейдя Атлантический океан с востока на запад, ударяется в материк у мыса Сан-Рок и делится на две второстепенные реки, из которых одна проникает на северо-западе в Караибское море, а другая спускается на юг и юго-запад к заливообразному устью Лаплаты. Замечательно, что из четырех главных морских течений, влияющих на климат американских континентов, два повышают и два понижают температуру прибрежья. Одинаковое действие производят эти течения по диагонали от одного материка к другому: восток Северной Америки и запад Южной охлаждаются; запад первого континента и восток второго нагреваются морским течением.

Благодаря удлиненной форме двух треугольных половин Нового Света, ни одна область этих материков не удалена на очень большое расстояние от моря, и все ветры приносят некоторое количество влаги внутрь материка; дождей совсем не бывает только там, где горные цепи задерживают движение облаков, которые проливают свою водяную ношу прежде, чем перейти чрез эту высокую преграду. В среднем, выпадение атмосферных осадков в Новом Свете обильнее, чем в Старом, как это доказывает огромная масса воды, катимая американскими реками. Амазонка—величайший пресноводный поток на земном шаре; некоторые другие американские реки, как св. Лаврентия, Миссисипи, Ориноко, Парана, тоже мало имеют соперников между реками Старого Света. Хотя ещё не констатировано точными измерениями, чтобы Америка получала в каком-либо месте дожди, равные тем, которые выпадают на горах Черрапонжие, принадлежащих к покатости Брахмапутры, но, судя по огромному расходу реки Атрато, впадающей в залив Ураба, на северо-западном углу Южной Америки, не было бы ничего удивительного, если бы оказалось, что годовое количество дождей в этой области равняется количеству, найденному для при-гангской Индии: на равной площади, бассейн Атрато катит в двадцать три раза больше воды, чем Сена. Значительная часть равнин и плоских возвышенностей в Северной Америке, на запад от Миссисипи, состоит из пространств с редкими дождями, с бесплодной или мало плодородной почвой; но пустыни в собственном смысле встречаются только около Калифорнского залива и вдоль чилийского и перувианского побережья, на передних террасах Андов, закрытых от дождей громадной стеной гор, высящейся с восточной стороны. Что значат эти неудобные для обитания пространства в сравнении с цепью пустынь, которая занимает большую часть диагонали Старо-

го Света, от берберского Адрара до Китайской Манчжурии?

Расположение Америки по направлению с севера на юг, через все климаты, позволяло уже наперед предположить, что, по отношению к континентальной поверхности, совокупность её растений по численности превосходит растительное царство Старого Света[1]. И действительно, американская флора сравнительно богаче флоры других материков: занимая гораздо меньшее пространство, она, однако, обнимает почти столько же растительных поясов, ясно разграниченных присутствием характеристических видов и родов. От ледовитых островов крайнего севера до южной оконечности Нового Света, мы видим там последовательно—сначала земли совершенно голые, без всякой растительности, или покрытые только ковром мхов, затем редкие лески кривой приземистой березки, ивняка и других кустарников, менее высоких, чем большая трава; далее к югу деревья постепенно принимают всё более крупные размеры, и на восточной стороне континента, в Канаде и в Соединенных Штатах, группируются в разнообразные массивы, где господствуют лиственные породы, отличающиеся между собой формой и цветом, тогда как на западной стороне, в Британской Колумбии, Орегоне и Калифорнии, преобладают хвойные деревья, между которыми встречаются великаны растительного мира, как, например, секвойа, соперничающая толщиной и высотой ствола с австралийским эвкалиптом. Под теми же широтами простираются «прерии», менее обильно орошаемые, обширные моря травы, теперь постепенно обращаемые в пахатные земли, и высохшие водоемы плоскогорий, покрытые соляными растениями, в роде тех, какие прозябают на низменных берегах моря. В Мексике и в Центральной Америке растительные области расположены параллельными поясами, от «жарких земель» окраины до «холодных земель» внутренней части страны. Антильские острова тоже имеют свою особую форму, так же, как Твердый берег (Costa Ferma) и Анды. Бассейн Амазонки почти сплошь наполнен лесами, куда можно проникнуть только естественными путями—по рекам и их притокам; нет страны на земном шаре, где бы зелень покрывала почву на столь обширных пространствах: это область лесов по преимуществу, так что ботаники дали ей специально название Hylaea (Лесная). Южнее, в умеренном поясе, на плоскогориях господствуют араукарии, затем следуют травяные степи, пампасы, соответствующие прериям Северной Америки. Патагония тоже отличается специальной флорой, также как Огненная Земля, с её лесками приземистого бука, стелющимся кустарником и лишаями.

Американская фауна, подобно флоре, представляет большое разнообразие, соответствующее бесконечному различию почвенных и климатических условий: птицы, рыбы, земноводные, пресмыкающиеся, насекомые всякого рода представлены там в огромных количествах. Пропорция млекопитающих также весьма значительна, но крупные виды, свойственные Африке и Азии, не имеют себе подобных в Америке: уже натуралисты прошлого столетия заметили, что в этой самой узкой части света животные отличаются меньшими размерами. Америка имела мастодонта в недавнюю геологическую эпоху; в третичные века Скалистые горы тоже имели своих исполинских млекопитающих из класса Dinocerata; но в настоящее время в Новом Свете нет четвероногих, которых можно было бы сравнить с жирафом, слоном, носорогом; однако, между его дикими животными есть очень крупные, как например, полярный белый медведь и бурый медведь Скалистых гор, канадский лось и северный олень, ягуар Тропической Америки, которого туземцы обыкновенно называют, также, как и пантеру, «тигром». И в самом деле, это только особые виды, представляющие тот же самый тип в двух различных средах; точно также можно сказать, что вигонь—американский верблюд, а нанду—американский страус. Южный континент резко отличается от северного, как центр творения; он имеет очень большое число зоологических семейств, не встречающихся в Северной Америке. Так, например, птиц там насчитывают до 2.300 видов, тогда как на северном материке их всего только около 700, то-есть втрое меньше; относительно рыб контраст ещё поразительнее: северо-американские воды по своей ихтиологической фауне походят на воды Европы и Азии. Породы рыб, свойственные исключительно Южной Америке,

1 Alphonce de Candolle, „Geographie botanique raisonnee“.

насчитываются тысячами: Агассиц собрал до 2.000 различных видов в одном только бассейне Амазонки; одно большое озеро заключает в себе столько же разных пород рыбы, сколько воды всей Европы.

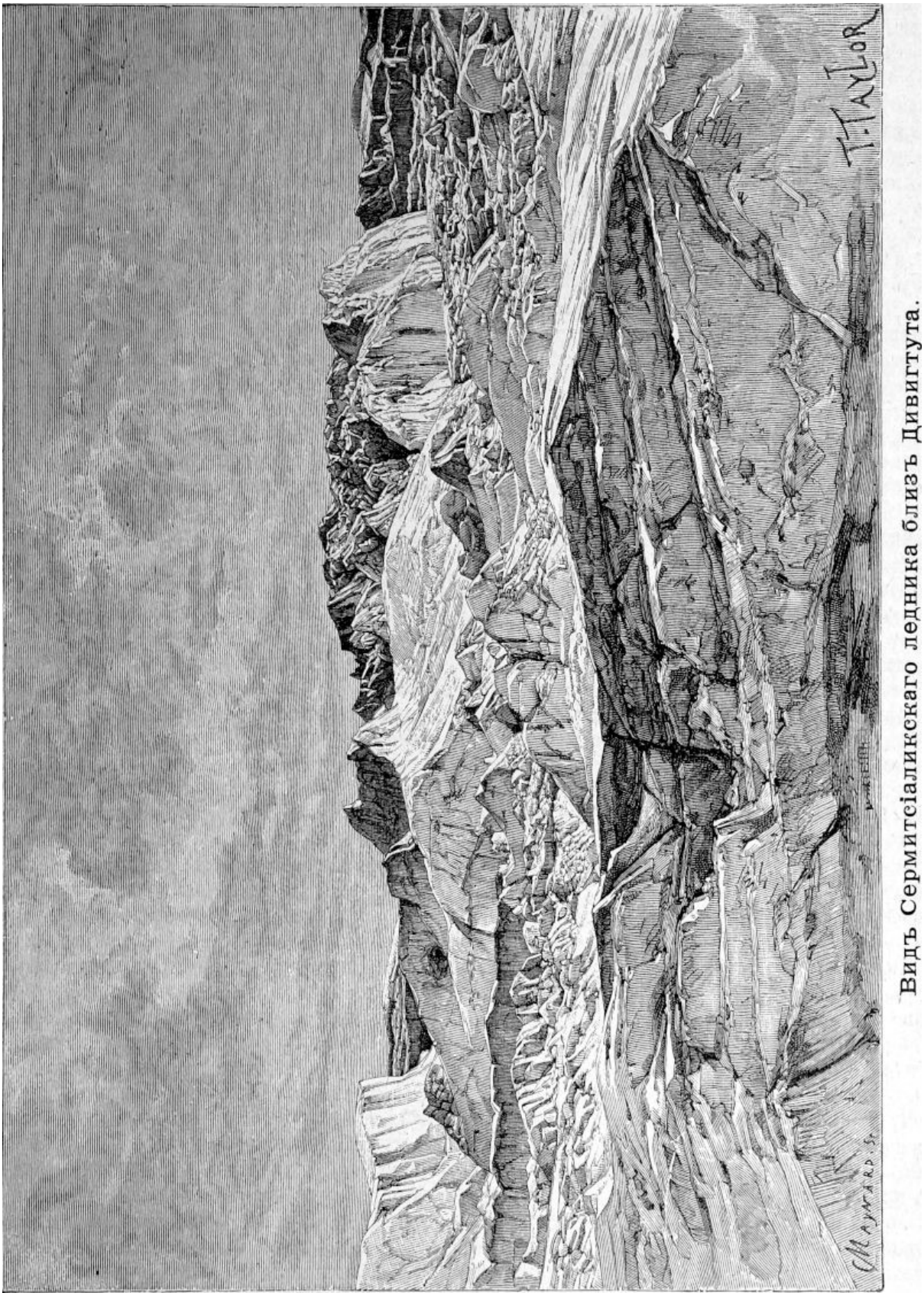
Что касается американского человека, то племена его удивительно сходны между собой на всём протяжении Нового Света, от одного конца до другого. За исключением эскимосов, которые, по мнению многих писателей, принадлежат к азиатской расе, и сородичи которых, чукчи, живут в северо-восточной Сибири, обитатели Америки шестнадцатого столетия, до европейской колонизации, повидимому, составляли одну и ту же этническую группу. Каковы бы ни были местные различия между северянами и южанами, цивилизованными и дикарями, земледельцами и бродячими звероловами; как бы ни были велики контрасты между отдельными народами, происходящие от различия образа жизни, нравов и четырехсот пятидесяти языков,—коренные жители Нового Света, почти все без исключения, имеют некоторые общие физические признаки и тот темный, желтый, оливковый или красноватый цвет кожи, за который аборигенам Америки дали название «краснокожих»; у всех у них волосы черные, жесткие, невьющиеся, походка медленная, вид важный, пульс менее быстрый, чем у обитателей Старого Света. Большинство американских туземцев свидетельствуют о родстве между собой угловатой формой лица, крепкими челюстями, выпуклой дугой бровей, орлиным носом, резкими чертами, мало разнящимися у мужчин и женщин, широким и могучим бюстом, сравнительно с развитием членов. Таков тип, называемый «индейским», впрочем, совершенно отличный от типа настоящих индийцев, обитателей Индии, с которыми их смешивало воображение Колумба и его испанских преемников.

III. Присоединение Америки к миру современной цивилизации

Открытие Нового Света имело на судьбы человечества влияние, далеко превосходящее всё, что можно бы было предсказать теоретически. Без Америки, род человеческий оставался, так сказать, неполным, история тщетно искала своего единства. Умаленная до шестой части своего истинного протяжения, не имевшая морских путей, которые дают человеку вездесущие, сближая самые отдаленные берега, представлявшая род островного тела с смутными очертаниями. Земля должна была казаться бесконечной именно потому, что люди не знали её пределов; но как широко раздвинулось поле человеческого знания, когда Америка, выйдя из мрака, заняла свое место между Европой и Китаем, и когда земная поверхность, наконец, получила точные границы! Пока люди не знали своего положения в пространстве, пока большинство их представляли себе свои владения неизмеримыми, все понятия о природе вещей были ошибочны, и прогресс науки становился невозможным. Чем могла быть астрономия в те времена, когда, несмотря на утверждение немногих ученых, наследников древних египтян и греков, огромное большинство людей воображали землю твердой плоскостью, на которую опирается свод небесный, или центром, вокруг которого тяготеют солнце и звезды. Вместе с астрономией все науки, которые с ней связаны или из неё произошли, не были ли осуждены вращаться в области гипотез, опираться не на математическую достоверность, а на чудеса или фантазии? Средние века ещё надолго продлились бы, вероятным следствием чего была бы умственная и нравственная смерть. Но какой толчек для человеческого ума, какое побуждение к научению природы и к прогрессу всякого рода, когда человек мог удостовериться, на основании решительного свидетельства чувств, что его земля плавает в эфирном пространстве, планета между планетами, одна из молекул, мириадами блуждающих в бесконечности! Влияние, оказанное географическими открытиями Колумбовой эпохи, было велико по тем непосредственным познаниям, которыми ему обязано человечество, но оно было ещё гораздо более велико по своему косвенному действию в смысле умственного освобождения людей.

Даже с матерьяльной точки зрения, как в Новом, так и в Старом Свете произошли значительные перемены с 1493 года. Обезлесение и лесонасаждение, постройка городов и дорог

изменили вид почвы, и многие породы растений и животных переселились с одного берега океана на другой. По отделу животных, группа земель, составляющих Европу и Азию, дала новой части света гораздо больше, чем сколько взяла от неё; Америка обогатила европейские

Видъ Сермитсіаликскаго ледника близъ Дивигута.

фермы только одним домашним животным—индейкой, тогда как сама получила в обмен все виды Старого Света, прирученные человеком, за исключением слона и верблюда; кроме того, представители дикой фауны, лесные птицы, морские, речные и озерные рыбы, насекомые

всякого рода были введены, намеренно или ненамеренно, из одного континента в другой. Что касается диких растений, ввозимых нечаянно с сельскохозяйственными продуктами или с тюками товаров, то они доселе не прекращают своего эмиграционного движения, и если большинство из них погибает в чужой среде, то некоторые приспособляются к ней и кончают даже истреблением вокруг себя туземных растений. Так же, как по передаче животных, Старый Свет и в обмене растительными видами был более щедрым: объевропеившаяся по своему населению Америка объевропеилась также в большой мере и по своей флоре. Если в Европе насыпи железных дорог поростают канадским мелколепестником (erigeron), и если многие каналы, в Германии, в Англии, во Франции засориваются «язвой вод» (anacharis alsinastrum), то взамен того Лаплатские области заполнены европейским репейником, а трилистник, отнимая почву у американских растений, покрывает уже половину северного континента, от берегов Мексиканского залива до Скалистых гор; большой подорожник, прозванный за форму его листа «ногой белого человека», окаймляет теперь тропинки, проложенные в прериях краснокожим. Все культурные растения, за редкими исключениями, зависящими от климата или местных привычек, сделались общими Старому и Новому Свету. Америка имеет все европейские плоды и очень многие даже в большем обилии; кофейное дерево Аравии, сахарный тростник Индии там плодоноснее, чем в Старом Свете. Американская флора подарила нам кукурузу (маис) и наиболее распространенный вид табака; она же, наделив нас картофелем, дала возможность обратить на пользу земледелия многие местности, бывшие прежде бесплодными пустырями, и тем способствовала увеличению населения; наконец, между многими другими лекарственными растениями, она доставила драгоценное хинное дерево плантаторам тропических колоний Старого Света, и если «опустошительница» филлоксера (phylloxera devastatrix) пришла к нам из Америки, то оттуда же мы получаем здоровую лозу, при помощи которой восстановляют европейские виноградники.

И коренные населения Америки испытали перемены, аналогичные тем, какие произошли в области флоры и фауны; они тоже были насильственно перемещены и даже, во многих странах, истреблены пришельцами из Старого Света. Но в этом случае не было взаимного обмена: американские туземцы не выслали своих колоний на другую сторону океана; они у себя на родине подверглись нападению более сильных чужеземцев и погибли в этой борьбе или приспособились к новой среде, созданной завоеванием их отечества. Известно, что многие из американских племен исчезли с лица земли: прибытие Колумба на почву Нового Света, это событие, которое с точки зрения всемирной истории представляется замечательнейшим фактом, было для жителей Антильских островов сигналом массового исчезновения. Травимые догами, как дикие звери, затем насильно окрещенные и ставшие таким образом «духовными братьями» испанцев, но осужденные в то же время на все тяжелые работы, барщину по снабжению продовольствием, разработке рудников, возделыванию плантаций, прикрепленные к земле и распределенные по-стадно между завоевателями, наконец, подчиненные инквизиции, эти несчастные вскоре обратились в толпу невольников: Эспаньола, Куба, где туземцы теснились сотнями тысяч, были превращены в безлюдные пустыни; целые племена отказывались от всякой цивилизации и убегали в леса, чтобы снова жить звериной жизнью предков; другие сами налагали на себя руки, чтобы только избавиться от жестокого господства иностранца[1]. Теперь стараются разрешить вопрос—существуют ли ещё на каких-нибудь островах или на материке слабые смешанные остатки прежнего островного населения? Во всяком случае последнее завещало испанскому языку, а через него и всем другим европейским языкам, большое число общеупотребительных слов, которые увековечат его память.

Злодеяния, совершенные на Антильских островах, повторялись во многих других странах Северной и Южной Америки. Известно, как мало ценили человеческую жизнь Кортесы и Пизарро: убийства производились сотнями тысяч; во многих округах всё туземное населе-

1 B. de Las Kasas, „Historia de la destruccion de las Indias“.

ние было истреблено. И не одни только испанцы предавались этой резне: все завоеватели, к какой бы расе они ни принадлежали, принимали участие в поголовном избиении туземцев. Те, которые сравнительно менее проливали кровь, португальцы, например, обязаны этим не своей доброте и справедливости, которых они, впрочем, не выказали в Восточной Индии, а просто своему поселению в крае, где они нашли лишь бродячия племена, убегавшие далеко в глубь лесов. Там, где не было избиения туземцев, происходило постепенное их вытеснение, приводившее к тем же результатам. Индейские народцы Соединенных Штатов теперь представлены на востоке от Миссисипи только отдельными индивидуумами или даже совершенно исчезли. Везде, где сталкиваются непримиримые образы жизни, борьба продолжается к выгоде белого человека: земледелец и ремесленник неизбежно уничтожают зверолова. Эпидемии, занесенные из Европы, особенно оспа, наконец, ядовитые спиртные напитки тоже истребили миллионы людей.

Даже в тех странах, где населения не были совершенно истреблены, их самобытная цивилизация не существует более: из культурных, какими они были, эти человеческие общества снова сделались варварскими, если только не приспособились к чуждому им образу жизни. Экспедиции, битвы, сечи, героями которых были Кортесы и Пизарро, обратили внимание современников на могущественные царства, ниспровергнутые испанскими завоевателями; но в то самое время, когда в Европе удивлялись их культуре, последняя уже не существовала. А между тем мексиканцы, искусные инженеры, построили плотины, шоссе, каналы, водопроводы, сточные трубы; у них были прекрасные дороги, по которым курьеры дополняли почтовую службу, в сравнении с которой аналогичные учреждения Европы были ещё в зачаточном состоянии; они умели обработывать золото, серебро, медь и другие металлы; насколько велики были их астрономические познания, видно из того, что они делили свой год на восемнадцать месяцев по двадцати дней каждый, с пятью добавочными днями, так что в сумме получалось как раз 365 суток; наконец, они писали кистью и резцом свои летописи, употребляли даже иероглифические знаки; на все эти произведения искусства и науки невежественные испанские патеры смотрели как на дело дьявола и предавали их пламени. Цепь истории была таким образом разорвана, и масса нации ввергнута в невежество и рабство. То же самое мы видим и в Перу: что осталось потомкам народов кичуа и аймара от той индустрии, которая научила их строить обширные здания, прокладывать широкия, вымощенные плитой дороги на боках гор, плавить и чеканить металлы? А чибчи Колумбии, майи Юкатана и гватемальцы различных языков—что сохранили они от до-колумбовских цивилизаций? По крайней мере эти нации ещё существуют, хотя и в состоянии упадка, тогда как во многих частях Америки коренные культурные населения совсем исчезли. Грандиознейшие храмы, драгоценнейшие скульптуры Нового Света были открыты в глубине лесов, а в горах Сиерра-Невада-де-Санта-Марта великолепными мощенными дорогами, которые встречаешь иногда в нескольких днях ходьбы от всякого человеческого жилья, теперь пользуются только ягуары, тапиры и пекари.

Несмотря на завоевание, туземная раса сохранилась, защищенная там и сям болотами, лесами, горами или разницей климата, и пробелы снова пополнялись. В настоящее время население, численно преобладающее более чем в половине американской территории, связано чрез своих предков с прежними владельцами страны. По конституциям испано-американских государств, различие происхождения не считается более причиной гражданского неравенства; и туземцы действительно завоевали своей кровью право называть себя равными своим бывшим господам, либо сражаясь против испанцев в рядах восставших республиканцев, либо—что бывало чаще—соединяясь с солдатами кастильской метрополии против креолов, затем принимая участие во всех междоусобных войнах, чтобы выместить на жителях городов накипевшую злобу угнетенной расы. Социальное равенство существует между людьми различной расы только благодаря богатству; но везде бедность создает неравенство, и богатые горожане, более или менее белые, претендуют на благородство крови, сравнивая себя с жителями деревень, происходящими от индейских предков. Каковы бы ни были эти притязания, во всяком случае сомнительно, чтобы в латинской Америке существовала ис-

тинно чистая раса, так как первые европейские переселенцы, от Мексики до Чили, почти все поженились на туземках, и с тех пор сменилось около двенадцати поколений, разнообразно видоизменявшихся вследствие браков между метисами всех степеней. Можно приблизительно определить в тридцать миллионов число американцев, которые, вследствие смешения крови, принадлежат одновременно к двум расам, называемым «белой» и «красной», по первоначальному цвету кожи. Этим слиянием двух столь различных этнических элементов, совершившимся в течение последних четырех веков, Испано-Америка выделяется между всеми странами земного шара. Американцы, родившиеся в Новом Свете, любят называть себя «сынами страны», чтобы доказать таким образом свое превосходство над иностранными колонистами, и этот титул действительно принадлежит им, так как они происходят, до некоторой степени, от древних аборигенов.

Но это ещё не всё: слияние совершается ещё с третьей расой. Белые не единственные люди, пришедшие из Старого Света в Америку. Африканцы тоже способствовали заселению Нового Света, но не в качестве добровольных иммигрантов. Их переселило сюда «жестокое милосердие» плантаторов, чтобы заставить работать в больших имениях вместо туземцев, которые, впрочем, уже вымерли во многих местностях от непосильного труда. Общее число чернокожих, изловленных на берегах Африки и проданных на американские плантации, определяют в пятьдесят миллионов, хотя невозможно проверить точность этой цифры. Во всяком случае европейские иммигранты составляли в сравнении с африканскими невольниками лишь незначительное меньшинство; но изнурение от тяжкой работы, жестокое обращение плантаторов, болезни уносили в могилу большинство новоприбывших; семейства их образовались только благодаря последовательному подвозу новых грузов человеческого товара, и теперь негры в Америке гораздо менее многочисленны, чем белые и индейские метисы. Однако, кровь их господствует в жилах двадцати слишком миллионов людей, но, так же, как и краснокожие, они не остались в чистом состоянии: почти все, на Антильских островах, в Бразилии, на Твердом берегу, даже в Соединенных Штатах, обратились, вследствие скрещиваний, в промежуточную расу: это «цветные люди», но не чернокожие. На острове Гаити, единственном месте Нового Света, где африканцы образовали независимое государство, более половины жителей классифицируются как «черные» относительно других граждан более светлого цвета кожи; впрочем, хотя бы даже они остались чистокровными африканцами по скелету и телу, они во всяком случае уже объевропеились, если не по нравам, то по крайней мере по учреждениям и языку. Известно, как мало белые расположены признавать за цветными людьми политическую равноправность и право на участие в социальных выгодах; рабство, в самой грубой его форме прямого порабощения человека человеку, было окончательно отменено в Бразилии только в 1888 году; но можно сказать, что в латинской или романской Америке главная масса населения состоит из трех элементов—белых европейцев, черных африканцев и краснокожих индейцев, разнообразно слившихся в новую расу. Напротив, в Соединенных Штатах и в английской Америке обычай поддерживает между расами, особенно между черной и белой, барьер, который, хотя и понижается постепенно, но, повидимому, ещё долго будет трудно переходимым. Что касается азиатского элемента, китайцев, которые ещё недавно переселялись массами в Калифорнию и в Орегон, то доступ им в эти страны отныне воспрещен, не взирая на существующие трактаты.

Таким образом Новый Свет делится, в отношении прогрессивного слияния рас, на две различные и по размерам неровные части, не совпадающие с естественными делениями. Эти две части обыкновенно обозначают именами англо-саксонской и латинской Америки, по преобладающим элементам белой расы, которые там находятся, или, лучше сказать, по главным языкам, которыми там говорят, на севере—английский, на юге—два «латинских» языка, испанский и португальский. Пространство и население этих двух делений Нового Света выражаются приблизительно следующими цифрами:

	Кв. километр	Жителей	На 1 килом.
Америка «англо-саксонская» и полярн. области	17.982.189	68.000.000	4 жит.
Америка «латинская» и полярн. области	23.850.024	48.000.000	2 „

	Белые и метисы	Негры и цветные	Краснокожие и племена	Итого
Америка «англо-саксонская» и полярн. области	60.000.000	7.500.000	500.000	68.000.000
Америка «латинская» и полярн. области	31.000.000	15.000.000	2.000.000	48.000.000
Всего	91.000.000	22.500.000	2.500.000	116.000.000

Но что касается происхождения жителей, то упомянутые названия не могут иметь действительного значения, ибо если бы было возможно подняться вверх по течению истории, чтобы выяснить истинное происхождение различных этнических элементов, то несомненно обнаружилось бы, что «англо-саксы» составляют меньшинство в обозначаемой их именем стране, а «латиняне», представляемые главным образом испанцами и португальцами, иберийского, кельтского или лигурийского корня, почти совсем исчезают в толпе окружающих их народцев, европейцев всех национальностей, негров и краснокожих. Кроме того, каждая из двух названных областей заключает в себе иноязычные анклавы или провинции. Так, нижняя Канада и многочисленные округи в Северной Америке прерывают единство английской территории, тогда как на юге многие из Антильских островов и британская Гвиана находятся вне испанско-американского мира. Между двумя частями Америки часть англо-саксонская по пространству меньше романской, но много превосходит её числом жителей, промышленной и торговой деятельностью, политическим могуществом; впрочем, с каждым десятилетием между ними всё более и более устанавливается равновесие.

Географ Коль давно уже указал на тот факт, что народы Западной Европы разделили между собой в Новом Свете дело открытия и колонизации, следуя по направлению с севера на юг в порядке, аналогичном тому, в котором они распределились в Старом Свете. Так, скандинавы, датчане, исландцы и норвежцы занимают берега Гренландии, и им именно мы обязаны первым знакомством с твердой землей до южного прибрежья реки св. Лаврентия. Англичане и французы долго оспаривали друг у друга Канаду и бассейн Миссисипи; наконец, далее на юг, испанцы и португальцы поделили между собою остальную Америку. Но и народы центральной и даже восточной Европы тоже захотели получить свою долю культурной территории, которая им открывалась за океаном, и из всех цивилизованных земель устремились колонисты в Новый Свет. Почти в каждом американском городе можно встретить представителей всех стран мира: большинство городов имеют больше жителей иностранного происхождения, чем местных уроженцев. Известно, с какой изумительной быстротой совершается заселение плодородных и пользующихся умеренным климатом областей Нового Света: с 1825 года число его жителей утроилось. Новоприбывающие колонисты ежегодно насчитываются сотнями тысяч, и эмиграционное движение приняло у некоторых европейских народов такие размеры, что его можно назвать исходом или великим переселением. Уже некоторые части Америки, почти пустынные два века тому назад или посещавшиеся только бродячими охотниками, теперь имеют население, по плотности равняющееся населению промышленных стран Европы.

Это всеобщее кружение, где иммигранта всякой расы и страны селятся рядом и сливаются в новые нации, регулируется, конечно, климатическими условиями. Трудности пересадки на другую почву, под другое небо, похищают много жертв среди новых пришельцев, и смертность тем сильнее, чем больше разница между климатом места происхождения и климатом нового отечества. Северным людям, скандинавам, англичанам, немцам, даже французам с берегов Средиземного моря не безопасно селиться в тропических странах; их энергия, физическая и нравственная, ослабевает там, и род их мало-по-малу угасает, если убыль не пополняется новыми переселенцами. С другой стороны, африканцы не выживают в холодных странах севера и юга Америки. Но история колонизации доказывает, что американский пояс, благоприятный для преуспеяния различных этнических групп Старого Света, представляет ещё значительную ширину. Так, французы живут, работают и благоденствуют так же хорошо под изотермой 2 градусов Цельсия, в прибрежных местностях озера Виннипег, как и под линией 22 градусов, в Миссисипской дельте: следовательно, подходящий для них пояс обитания представляет разности средней температуры, в три раза превосходящие раз-

ность, наблюдаемую между севером и югом Франции. То же самое можно сказать и о других европейцах, которые находят в Америке пояс поселения, где полная амплитуда термометрических колебаний гораздо больше, чем в их первоначальном отечестве. Кроме того, колонисты, приходящие из умеренных климатов, имеют в Новом Свете выбор между двумя пригодными для них областями—одной в северном, другой в южном полушарии: поселятся ли они на берегах реки св. Лаврентия или на берегах Лаплаты, у подошвы Калифорнских гор или у подошвы Чилийских Андов, они одинаково попадут в среду, соответствующую их природе. Расположение Америки по направлению с севера на юг, перпендикулярно к поступательному движению цивилизации в Старом Свете, изменило ход истории, расширяя различные потоки европейской эмиграции и направляя их одновременно к обоим полушариям. Не видно, чтобы раса выродилась в каком-либо отношении со времени её пребывания в Америке. Замечают перемены в цвете кожи, в походке, в звуке голоса, но не констатировано, чтобы белые люди Нового Света были ниже европейцев по росту, силе, выносливости, красоте; они живут так же долго, и женщины не менее плодовиты[1].

Открытие Америки и затем участие её в борьбах и превратностях исторической жизни Старого мира, естественно, должны были отразиться на судьбах народов, посылавших ей мореплавателей, завоевателей и колонистов. Одним из первых последствий этого события, открывшего торговле новые пути, было оставление дорог, которыми она следовала до того времени. Таким образом Колумб, Веспуччи, Габото начинали с того, что разорили свое итальянское отечество: Генуя уже ранее потеряла свою торговую дорогу через Черное море со времени взятия Константинополя турками, а после того, как совершен был переход через Атлантический океан, и Венеции нечего было больше делать со своими конторами на Востоке. Тогда как монополия пряностей была захвачена Португалией, благодаря открытию мыса Доброй Надежды, торговля золотом, монополизированная Испанией, сделала, так сказать, поворот фронта и направилась к Новой Индии. Финансовое разорение, затем политический упадок поразили итальянские олигархии, и для всего Апеннинского полуострова наступил период застоя, бедности и порабощения. Если уже разорение постигло христианских посредников в торговле Востока, то во сколько раз больше должны были пострадать восточные люди! Васко де-Гама, Колумб, Магеллан нанесли смертельный удар мусульманским государствам, через которые происходил торговый обмен между Индией и Западной Европой. Упадок магометан, устраненных с этого времени от международной торговли, сделался неизбежным[2].

Испания и Португалия, в пользу которых совершились эти великия открытия, и которые буллой папы Александра VI были провозглашены властительницами мира, и сами пришли в упадок вскоре после приобретения этих громадных заморских владений, доставлявших им благородные металлы, драгоценные камни и дорогия пряности. Эти государства получали, правда, целые грузы золота (по вычислению Робертсона, общая ценность золота и серебра, ввезенных в Испанию за время с 1492 по 1775 год, простиралась до 50 миллиардов франков), но эти баснословные богатства распространяли в обществе любовь к роскоши, страсть в игре, создавали монополии и банки, развивали презрение к труду: нравственная ценность нации уменьшалась по мере возрастания её денежных сокровищ. Однако, в половине шестнадцатого столетия, Испания, первая между европейскими державами по военной силе и доходам своего бюджета, казалась непоколебимой, и можно было опасаться, что Филипп II, уже столь сильный, при помощи своего оружия или интриг, в Португалии, в Италии, во Франции, в Нидерландах, в Англии, успеет осуществить свой план создания всемирной монархии, как это ему предрекал Фернандо Кортес в одной из своих депеш. Но уже главная пружина колоссальной машины была сломана. Различные государства Иберийского полуострова, жившие прежде своей автономной жизнью и пользовавшиеся вольностями, которых не осмеливался нарушать ни один король, были теперь безусловно подчинены воле

1 Schaler в Winsor's, „America".

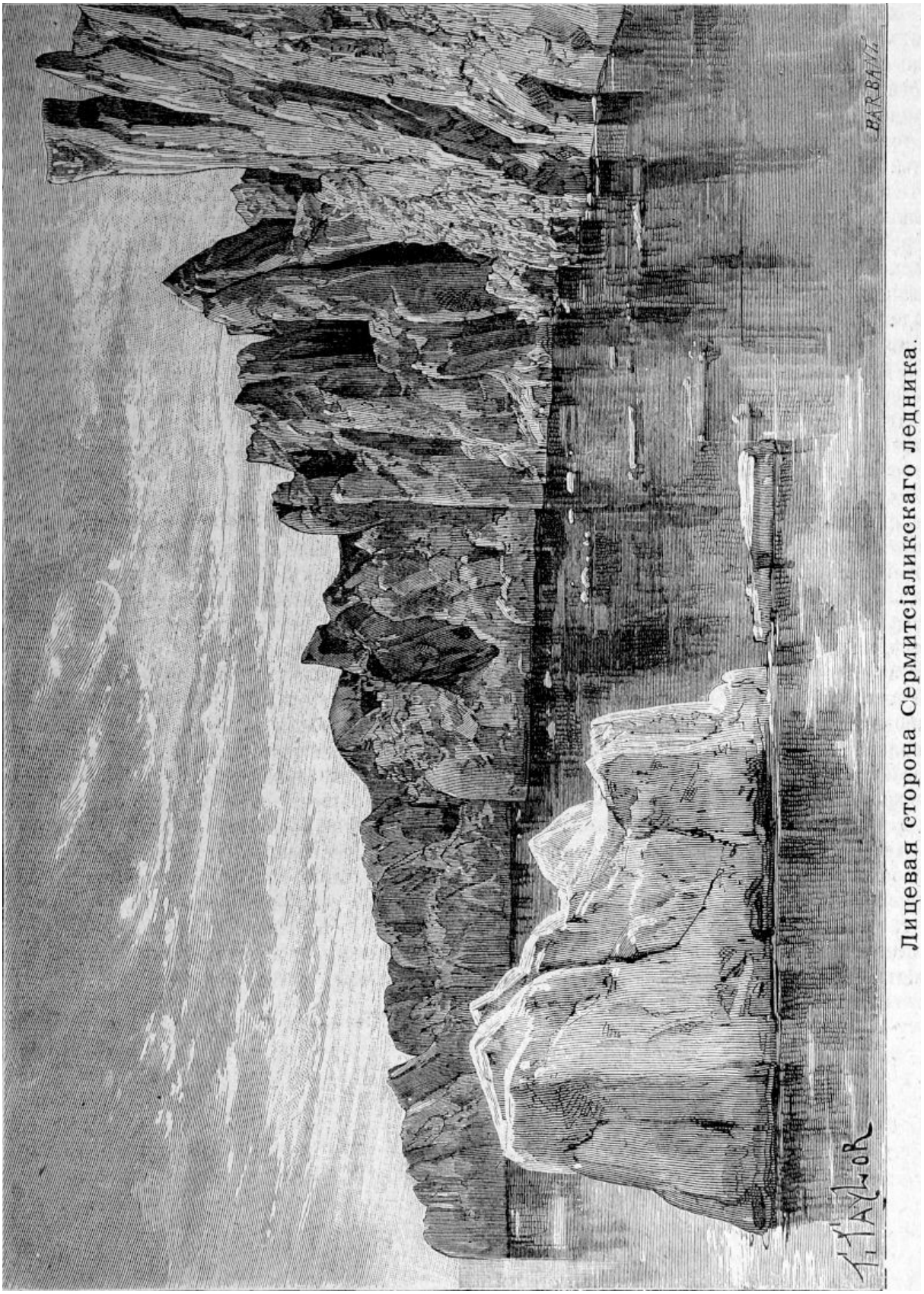
2 P. Margry, „Les Navigations francaises du XV au XVI siecle".

монарха; все местные энергии были подавлены, все граждане обращены в солдат, в чиновников, в подданных: пред властью государя они имели не больше цены, чем все эти безъименные народы, предоставленные в его владение папской буллой. В блестящий период, следовавший за покорением Гранады, изгнанием мавров и открытием Нового Света, громкая слава, выпавшая на долю новой монархии, казалась полным вознаграждением за потерю свободы, и испанцы безропотно покорились капризам королевской власти и страшным инквизициям судилища «Святого Братства». Но в конце шестнадцатого века, когда живые силы нации были израсходованы на европейских полях и в заморских экспедициях, Испания не имела более рессурсов для труда. Её мавританские мастера были изгнаны, а христианские ремесленники не работали более. Королевство получало грузы золота, но не могло взамен посылать произведений мануфактурной промышленности и должно было приобретать заграницей то, чего не могли фабриковать его собственные подданные: сокровища Мексики и Перу стали уходить в Нидерланды, в Германию, во Францию, в Англию. Торговый флот Испании, заключавший, в начале шестнадцатого столетия, не менее тысячи судов, постепенно уменьшился до ничтожной цифры; военных кораблей не хватало для конвоирования купеческих караванов, часто попадавших в руки морских разбойников. Испания изнемогала под тяжестью своей колониальной империи, и для неё было истинным счастьем, когда она, наконец, благодаря внешней войне и революции, избавилась от этого непосильного бремени. Колонии и метрополия взаимно разоряли друг друга. То же самое можно сказать о маленькой Португалии и её бывшем колониальном владении—Бразилии. Прежде разорявшие друг друга, эти два народа, португальцы и бразильцы, родственные по происхождению, языку и нравам, но без политической связи, теперь достигли цветущего состояния.

В Северной Америке, к северу от Мексики, первоначально сюзеренными державами были Франция и Англия, и долгое время трудно было предсказать, которой из них будет принадлежать владычество над этим континентом. Французская колонизация, направляемая, так сказать, внутрь материка течением реки св. Лаврентия, подвигалась шаг за шагом к центру Северной Америки и к истокам Миссисипи, откуда она направилась к области устьев этой реки. Она распространялась, следовательно, в виде полукруга, от залива Нью-Фаундленда до Мексиканского залива; но эта полуокружность, длиной в 4.000 километров, была не более, как линия,—так узок был пояс заселения; к тому же в нём были местами пробелы, особенно около вершины кривой. Английские колонии, так же, как колонии Голландии и Скандинавии, которые должны были скоро слиться с первыми, были основаны на атлантическом побережье, и из этой крепкой опоры постепенно подвигались внутрь страны, сплоченной массой, постоянно оставаясь в свободном сообщении с морем и не представляя на своей окружности ни одного уязвимого пункта. Таким образом, относительное положение двух этнических элементов, находящихся в борьбе, указывало заранее, на чьей стороне останется победа. Независимо от обстоятельств, чуждых самим колониям,—дипломатического таланта и широты взглядов у министров, военной науке генералов, численной силы вспомогательных войск, посылаемых метрополией, неподкупности администраторов,—очевидно, что колония более сплоченная, более сильная стратегической позицией и в то же время более населенная, должна была рано или поздно одержать верх. В какую бы сторону она ни направила силы, она легко могла разорвать тонкую завесу, которую ей противопоставляли её противники. Во время уступки Канады Англии, британские колонии, нынешние Соединенные Штаты, имели два с половиной миллиона жителей; французов на реке св. Лаврентия было всего около шестидесяти тысяч.

Довольно многочисленные, чтобы обеспечит за собой преобладание над соседями французского происхождения, даже без помощи ирокезов и европейских войск, колонисты английского языка обладали также достаточной силой, чтобы отделиться политически от Великобритания и оружием требовать признания их независимости. После войны, продолжавшейся девять лет, английские колонии образовали самостоятельное государство под именем Соединенных Штатов Северной Америки, и по любопытному стечению обстоятельств, канадские французы успели при этом сохранить свою фактическую независимость: из ненависти

к своим бывшим врагам, бостонцам, которые столько раз возбуждало против них ярость ирокезов и были главными виновными во время массовой ссылки акадийцев, жители Канады остались верными Англии; они даже не послушались инсуррекционного призыва со сто-

Лицевая сторона Сермитсіаликскаго ледника.

роны французов метрополии, союзников восставших английских колоний, и в награду за то сохранили свою полную административную автономию. С той эпохи они никогда не теряли её, и таким образом могли существовать и развиваться, как новая Франция, гораздо лучше,

чем если бы они оставались под непосредственным господством метрополии, подчиненные королевским и министерским капризам, стесняемые на каждом шагу законами, регламентами и административными запретами, в составлении которых они не принимали бы никакого участия: французское влияние в Северной Америке возросло именно благодаря политической независимости франко-канадцев.

Ещё гораздо с большим правом можно сказать, что английский мир возвеличился в силу независимости и процветания Соединенных Штатов. С начала своей жизни, в качестве самостоятельной нации, американская республика сделала в отношении роста населения и создания богатств такие успехи, каких ещё не видала всемирная история; в период времени одного столетия новое государство сделалось могущественнейшим в свете, хотя оно не держит постоянной армии, флот имеет только номинальный и не уставило своего побережья рядом крепостей; во многих отраслях промышленности оно уже заняло первое место, и честолюбие его состоит в том, чтобы превзойти во всём другие народы. Несмотря на различное происхождение жителей страны, их общее дело считается обыкновенно продуктом «англо-саксонской» энергии; отлитое в английской форме, американское общество сделалось как бы «Большой Англией» (Greater Britain), имеющей те же традиции, те же нравы и общий язык. Особенно чрез Соединенные Штаты английская речь и получает всё более и более тот характер всемирного языка, который она уже имеет в торговой сфере, и к которому она стремится, —как разговорный язык, общеупотребительный между цивилизованными народами. К группе английского языка каждый год прибавляется от двух до трех миллионов людей—англичан, американцев, австралийцев, южных африканцев, чернокожих жителей Ямайки и Гвиан; более половины писем, ежегодно отправляемых по почте, написаны по-английски. Правда, что в самом Новом Свете республики Центральной Америки и южного континента отличаются национальным гением и языком от англо-американского общества севера; но и они подвергаются «англо-саксонской» гегемонии в своих учреждениях, в своей домашней жизни и в общем ходе своей цивилизации.

«Америка американцам!»—таков девиз, который республики Нового Света противопоставляют попыткам вмешательства европейских держав во внутренния дела западного континента. С политической точки зрения не может быть никакого сомнения: американские государства не имеют более причины опасаться нападения какого бы то ни было противника, и даже можно задать себе вопрос, согласятся ли они долго терпеть существование колоний, зависящих непосредственно от того или другого иностранного правительства? Если Великобритания оффициально владеет четвертью площади Нового Света, то большая часть этого громадного пространства занята пустынными землями, а населенные области составляют в действительности независимую республику, где королевская власть представлена лишь чисто внешним декорумом, и вся её армия состоит из одного полка, квартирующего на крайнем мысе, в ближайшем от Европы пункте, как бы для того, чтобы всегда быть наготове вернуться по первому знаку в метрополию. Следовательно, народы Нового Света обеспечены в сохранении своей политической автономии вне всяких посягательств со стороны иностранных держав; но с социальной точки зрения Америка не есть исключительное достояние американцев, она принадлежит всем колонистам Старого Света, которые избрали её своим новым отечеством, принося с собой свои наследственные нравы и обычаи, но также свои стремления, свои надежды и необходимую силу приспособления к условиям новой среды. Те, которые называют себя «американцами», в отличие от других цивилизованных народов, сами суть сыны или внуки европейцев, и число их ежегодно увеличивается на миллион слишком от годового избытка рождений и ещё почти на миллион от прибытия новых колонистов, которые, в свою очередь, вскоре тоже провозглашают себя «американцами», иногда даже смотрят косо, как на непрошенных гостей, на следующих за ними соотечественников. Заатлантический мир представляет собою, так сказать, опытное поле для старой Европы, на котором, как и в старой Европе, подготовляется решение социальных и политических задач для общей пользы человечества.

Глава II. Гренландия

По своему географическому положению «Зеленая Земля»—промежуточная страна между Европой и Новым Светом; она даже не более удалена от одной из европейских земель, Исландии, чем от американского полярного архипелага. Однако; общее направление берегов и свойство почвы связывают Гренландию с западными островами, так что она составляет отрывок Америки; если она остается изолированной, то это потому, что льды окружают её сплошным поясом впродолжении двух третей года: климат её, так сказать, ставит её вне обитаемого мира. При равной площади (вероятное пространство Гренландии, по Бему и Вагнеру: 2.169.750 кв. километров), Франция, Великобритания с Ирландией и Центральная Европа, взятые вместе, имеют 175 миллионов жителей; в Гренландии же число их, вероятно, немногим превышает десять тысяч, считая тут и семьи туземцев, живущие не на виду у датских чиновников. Название «Зеленая Земля», которое дал Эрик Красный этой громадной территории, руководствуясь тем соображением, что «многообещающее имя привлекает жителей», не имело успеха, какого он от него ожидал: вот уже слишком девять веков оно звучит горькой иронией, и имя «Земля Запустения», которым назвал эту страну Баффин, кажется более подходящим. Тем не менее название Гренландия сохранилось, хотя самый край в течение долгого времени был забыт мореплавателями: из всей номенклатуры открытий, сделанных норманнами в Новом Свете до и после тысячного года, одно только это странное наименование удержалось ещё в общем употреблении[1].

Известно, как Гренландия была открыта Гуинбьорном и изгнанником Эриком Красным в конце десятого века, за пятьсот лет до Колумба. Первые скандинавские посетители были ещё язычниками, но в начале одиннадцатого столетия Лейф, сын Эрика, ездил в Норвегию и вернулся оттуда с священником, который и крестил викинга и всех его подданных. Около того же времени в «Зеленой Земле» поселилось много исландцев, которые сгруппировались в двух округах, разделенных необитаемой полосой. Положение этих двух округов, называвшихся один Восточным, другой Западным, Oesterbygd и Westerbygd, не определено с достоверностью. Следует ли видеть в них поселения, основанные на двух противоположных берегах,—одно на берегу, омываемом Дэвисовым морем, другое на берегу, обращенном к Исландии? Или, может-быть, оба они находились на западном берегу, но первое в части побережья, выдвинутой к западу, а второе—в соседстве мыса Прощания, при заливе Игалико, или «Покинутых Домов», лежащем действительно на восток или юго-восток от других колоний? Последнее предположение имеет более сторонников[2]; Ринк даже считает его вне всякого сомнения. Как бы то ни было, десятков шесть древних построек и несколько рунических надписей напоминают о пребывании скандинавских иммигрантов. Большая часть гренландских писанных камней, хранящихся в Копенгагенском музее, были найдены близ южной оконечности острова; но в 1824 году один такой камень открыли даже севернее Упернивика, т.е. за последней группой избушек, обитаемых цивилизованными туземцами, на вершине острова Кингикторсоак, или «Женскаго» (72°55'). Эти руны были дешифрированы, но неизвестно, на сколько верно; достаточно того, что форма их, сравниваемая с формой Норвежских рун, позволяет отнести их к одиннадцатому или двенадцатому столетию. Существует также памятник в соседстве мыса Прощания, но уже на восточной стороне: в 1881 г. миссионер Бродбек открыл на берегу фиорда эту развалину, несомненно норманнского происхождения, называемую Нарсак, или «стоящей на раввине», и туземцы говорили путешественникам, что далее к северу находятся ещё в нескольких местах берега остатки того же рода; однако, этот рассказ был опровергнут другими информаторами. Нарсак—это, без сомнения, остатки одной из четырнадцати или шестнадцати церквей, которые скандинавы соорудили в Гренландии для жителей 280 деревень и поселков, построенных в двух округах, Восточном

1 Isaak Taylor, „Words and Places“

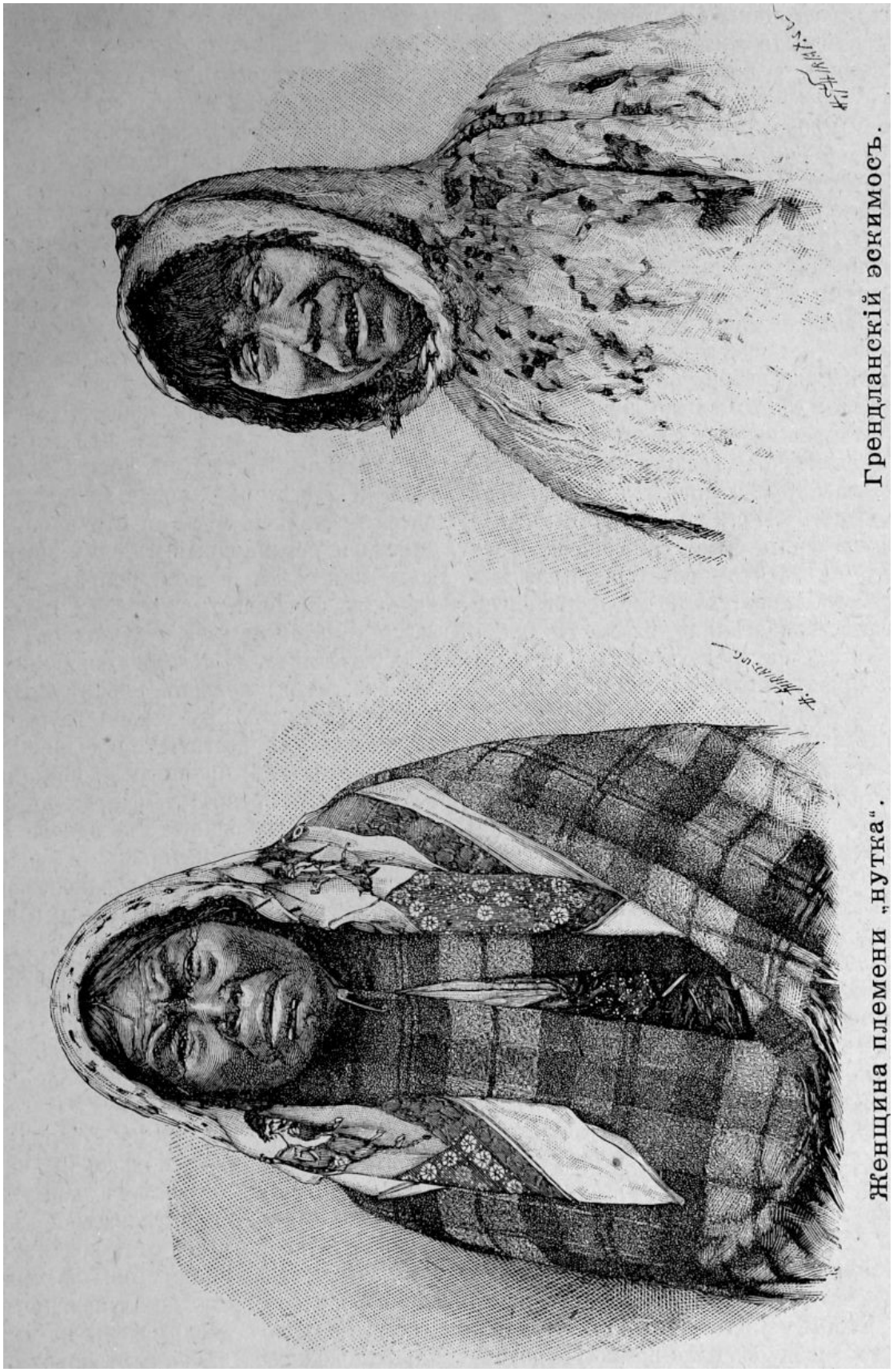
2 Malte-Brun, „Precis de Geographie univenselle“;—Alex. de Humboldt, „Histoire de la Geographie du Nouveau Continent“;—H. Rink, „Gronlnad“.

и Западном. В начале двенадцатого века была основана в Гарде, недалеко от южной оконечности страны, кафедральная церковь, приписанная к Бременской епархии.

Прилив и отлив колонистов, коммерсантов и миссионеров продолжался в течение четырехсот лет между двумя Скандинавиями, европейской и американской; но с 1261 г., после перехода гренландских колоний под власть королей Норвегии, сопровождавшагося уничтожением старых республиканских вольностей и установлением монополии торговли, эти сношения мало-по-малу ослабевали и, наконец, совсем прекратились: так как с этого времени торговля могла производиться только посредством одного, специально для того предназначенного, королевского судна, Gronlandsknarra, то достаточно было кораблекрушения, простого морского приключения, войны, перемены царствования, эпидемии, чтобы прервать всякое сообщение, и, действительно, в конце четырнадцатого столетия Гренландию совершенно перестали посещать, вследствие «черной чумы», свирепствовавшей в то время в северной Европе: страна Эрика Красного была забыта, сохранившись только в легендарных преданиях и как простое имя, наугад выставляемое на картах: желание снова увидеть её пробудилось после великих открытий Колумба и его соревнователей. Однако, первые путешествия, предпринятые скандинавскими мореплавателями для отыскания своих бывших колоний, не увенчались успехом, и начало исследования морей, заключающихся между Гренландией и Полярным архипелагом, было положено другими мореплавателями—Себастианом Каботом, Фробишером, Дэвисом. В семнадцатом столетии датские моряки возобновили свои попытки, побуждаемые надеждой найти месторождения драгоценных металлов, о существовании которых рассказывал Фробишер; но и на этот раз честь географического обследования этих областей крайнего севера выпала на долю иностранцев—Гудсона и Баффина. Первый проследил восточный берег Гренландии до 73 градуса широты, а второй прошел вдоль западного берега на всём его протяжении, от южной оконечности до Смитова пролива. Цепь времен была снова связана для скандинавов только в 1721 году, когда миссионер Ганс Эгеде, отправившийся из Бергена, высадился на западном берегу Гренландии и основал там деревню Годтгаб или «Доброй Надежды». Но он не видал там соотечественников, которых надеялся найти, или по крайней мере не узнал их крови в эскимосах, может-быть, метисах, которые толпились вокруг него. Со времен Эгеде западная Гренландия не переставала быть колониальным владением Дании, с административной и религиозной точки зрения.

В течение девятнадцатого столетия произведенными в разное время детальными исследованиями определены более или менее точно очертания побережья более, чем на половине гренландской окраины. Многие частные изучения местности принадлежат полярным мореплавателям, которые составляли карты гаваней и якорных стоянок, чтобы устроить там пристанища или сборные пункты; но, кроме того, по распоряжению датского правительства, предпринято было систематическое исследование береговой полосы Гренландии: в 1821 году, Граа изучил всю часть западного побережья, заключающуюся между мысом Прощания и 62 градусом широты; два года спустя он производил съемку северного берега, между бухтой Диско и Упернивиком; затем, в 1828 году, он пристал к берегам, обращенным к Атлантическому океану. Из всех путешествий на берега Гренландии нет ни одного, которое бы свидетельствовало о более добросовестном упорстве в преследовании цели. После предварительных разведок, продолжавшихся целый год, с 1828 до 1829 года, привезенные из Европы запасы провизии дотого сократились, что Граа решил отослать своих четырех белых спутников и тех из гренландцев, которые ему казались менее храбрыми и стойкими: он оставил при себе только двух мужчин и шестерых женщин, с которыми и продолжал путь через береговые льды, в единственной *копевааде* (большой гренландской лодке), пользуясь всяким узеньким проходом, открывавшимся в толще ледяного поля. Впродолжении двух последовательных компаний, прерываемых долгими зимовками, ему удалось сделать съемку всего берега, на пространстве от оконечности Гренландии до 65°18’ широты; но далее невозможно было пробраться через бордюр береговых льдов, и до сих пор земля, называемая Эгеде, по имени внука миссионера, издали приметившего её берега, есть наименее известная часть южной Гренландии: карты дают лишь общее её очертание, без полуостровов и иссечений бе-

реговой линии; однако, француз де-Блосвиль, командовавший судном «Lilloise», достиг, в 1831 году, побережья около 69-й параллели и проследовал вдоль его на некотором расстоянии; но в следующем году он пропал, вместе со своим кораблем, затертый льдинами. В

Гренландскій эскимосъ.

Женщина племени „нутка".

1879 г. датский капитан Мурье возобновил эту попытку и открыл высокие горы под широтами 67°7' и 68°10'. К северу от 69° широты, китолов Скоресби, один из замечательнейших исследователей полярных морей, осмотрел в 1822 году гренландский берег на протяжении око-

ло 650 километров по прямой линии и дал точную карту его, проверенную впоследствии и дополненную на некоторых пунктах Клаверингом, Сабином и, наконец, австрийской экспедицией, открывшей большой фиорд Франца-Иосифа.

С 1876 года работы по исследованию берегов Гренландии систематически контролируются коммиссиями из ученых, которые, изучая форму поморья и определяя высоту берегов и глубину соседних вод, в то же время наблюдают явления естественной истории и нравы туземцев. Таким образом успели уже довести до конца съемку всего западного берега до Упернивика и начали съемку восточного берега; но внутренняя часть страны ещё почти совершенно неизвестна. Много было попыток проникнуть туда, но редкие из путешественников переходили свободные от льдов земли, чтобы подвинуться далеко по снежной равнине. В 1728 г. тогдашний губернатор, не зная свойства почвы, по которой предстояло совершать путь, выписал из Дании несколько лошадей и собрал целую роту солдат, чтобы отправиться на восточную покатость, где он рассчитывал найти потомков прежних скандинавских колонистов и подчинить их власти датского короля; но лошади, предмет удивления для эскимосов, погибли, прежде чем экспедиция успела выступить в поход[1]. Двадцать три года спустя, один негоциант, Ларс Далагер, предпринял путешествие по леднику, на севере от Фредриксгаба, и взбирался на его высоты; но его экскурсия продолжалась всего около десяти дней, и он только три раза ночевал на льдах.

Прошло более столетия, прежде чем другие европейцы сделали попытки проникнуть на внутренние ледники. В 1860 году, американец Гэйс, судно которого в то время стояло на якоре в гавани Фульк, на берегах Смитова пролива, совершил восхождение по ледяным скатам гор и достиг, в сотне километров от берега, пункта, возвышающагося на 1.560 метров; сильный буран помешал ему идти дальше. В 1867 году, Уимпер, знаменитый «лазальщик» на Альпы, тоже захотел попытать счастья на льдах Гренландии и, в компании с Робертом Броуном, отправился в путь из Якобсгавна; но продолжительная непогода заставила его вернуться назад. В 1870 году, Норденшельд и Берггрен были счастливее: они подвинулись к востоку от Эгедесминде на несколько дней ходьбы, странствуя всё время по льдам, через опасные трещины и поверхностные речки. В 1883 году Норденшельд проник дальше того пункта, до которого доходил во время первого своего путешествия, а его проводники-лопари пробрались ещё гораздо дальше и достигли самой середины гренландского материка, на высоте 1.947 метров: пройденное пространство было 459 километров в 57 часов. В 1878 году, Иенсен, с двумя товарищами, отправившись из того же места на берегу, откуда предпринял свою экскурсию Далагер, шли по леднику одиннадцать дней до *нунатака*, или большой скалы, у подошвы которой им пришлось укрываться от урагана целую неделю, и с этого возвышенного пункта (1.537 метров) они могли созерцать вдали, на востоке, бесконечное ледяное пространство. Наконец, в 1888 году переход через Гренландию с одного берега на другой был доведен до конца Фритьофом Нансеном. Трудности этого смелого путешествия были так велики, что исследователь не мог придерживаться заранее начертанного плана. Не успев даже высадиться на твердую землю, он должен был пристать к ледяному полю восточного берега, которое он предполагал изборожденным легко переходимыми трещинами; но на самом деле поле это состояло из отрывков, увлекаемых в открытое море, и маленькому каравану стоило большого труда высвободиться из-под власти течения, которое уносило его в сторону, противоположную желанной цели. Это странствование на плавучем и разломанном ледяном пароме продолжалось двенадцать суток, и экспедиции удалось высадиться на берег только в четырехстах слишком километрах южнее наперед намеченного пункта, так что она должна была снова подняться на это расстояние вверх по берегу. Также и внутри страны пришлось изменить первоначальный маршрут. Скользя на лыжах и таща с собой несколько саней, на которых при попутном ветре ставили паруса, путешественники переходили ледник в северо-западном направлении, к Кристиансгабу, как вдруг разразилась сильная буря с метелью, заставившая их изменить путь. Чтобы не идти против ветра, они повернули к запа-

1 Erik von Nordenskiold, „La Seconde Expedition Suedoise au Gronland“, trad. par Ch. Rabot.

ду и мало-по-малу поднялись на плоскогорье, до высоты около 3.000 метров, останавливаясь для роздыха в углублениях ледовой поверхности. Тогда было лето; тем не менее температура всё время колебалась между —40 и —50 градусами, и, несмотря на эти страшные морозы, часто усиливаемые бураном, маленький отряд спустился, наконец, на сорок шестой день, к фиорду Амералик, недалеко от Годтгаба. Понятно, каких огромных усилий потребует полное исследование страны, где первый непрерывный маршрут от берега до берега мог быть исполнен лишь ценой таких неимоверных трудов и лишений!

Хотя контуры Гренландии теперь почти вполне известны, и неисследованная часть побережья, в северо-восточном углу, не достигает даже тысячи километров по длине, однако невозможно определить её пространство, разве с вероятной погрешностью по крайней мере в несколько десятков тысяч квадратных километров. В самом деле, так как страна почти на всём её протяжении покрыта льдом, и во многих местах береговые выступы являются в форме высоких мысов или даже гор, окруженных равнинами, то нельзя узнать, действительно ли это выступы материка, или же это острова, связанные с твердой землей ледяными потоками. Некоторые полагали даже, что вся масса Гренландии есть не что иное, как архипелаг, соединенный в одну землю покровом из снега и льда. Фиорд, в который проник Фробишер в 1572 году, прежде рассматривали не как бухту одного из островов, лежащих на севере американского континента, а как пролив, перерезывающий южный полуостров Гренландии; грубые ошибки в показаниях долготы, приводившие к таким крупным промахам, помогли также картографам превратить фиорды в открытые бреши, продолжающиеся от одного берега до другого через весь материк, и ещё недавно снова было высказано предположение об островном характере различных гренландских массивов[1].

Некоторые авторы, в доказательство верности своей гипотезы, ссылаются на рассказы рыболовов, которым будто бы случалось ловить в западных фиордах китов с гарпуном, вонженным другими китобоями в бухтах противоположного берега[2].

Однако, подробное изучение западных берегов, свободных от льда на значительном протяжении, позволяет констатировать тот факт, что, рассматриваемая в целом, Гренландия составляет одно континентальное тело. Существование береговых горных цепей, гребни которых, выступающие из-под ледяного покрова, расположены по прямой линии; однородность каменных пород, найденных геологами в разных частях Гренландии; форма иссечений берега и общий подъем гор и плато—всё это придает «Зеленой Земле» большое сходство с Скандинавией: и тут и там формации, строение одинаковы, и обе страны представляли бы аналогичный вид, если бы западный остров не был покрыт почти на всём его протяжении ледяной корой[3]. Как в Норвегии, континентальный берег Гренландии окаймлен бахромой полуостровов, перед которыми рассеяны островки и маленькие архипелаги, и эти передовые земли, соответственно вторжению или отступлению льдов, могут попеременно соединяться с материком и снова отделяться от него. Геологическая история побережья представляет множество примеров таких преобразований: острова, превратившиеся в полуострова или даже в *nunatakker* (то-есть горы, окруженные снегами) и затем опять отделившиеся; фиорды, которые были заполнены оконечностью ледника и потом снова открылись; заливы, которые изменились в замкнутые озера, но потом, после нескольких годов или веков, снова восстановили свое сообщение с океаном. Перемены, происходящие соответственно чередованию времен года и климатических периодов, совершаются так быстро в некоторых фиордах, что карты, составленные в разные эпохи, различаются очертанием внешних контуров. Всего больше изменилась от ледяного покрова первоначальная форма островов в северной части Гренландии, посещенной авангардом экспедиции Грили; там, кажется, многие параллельные проливы, разделяющие удлиненные острова, были сплошь засыпаны льдами Палеокристического моря и Северного Атлантического океана.

1 Payer, „Die Oesterreichisch-Ungarische Nordpol-Expedition“.

2 Poul Egede, „Nachrichten von Gronland“.

3 Carl Krahmer, „Ueber die Sunde welche Gronland durchschneiden sollen”.

Морские берега на всём их протяжении гористы и имеют грозный вид. Даже крайний южный мыс Гренландии, лежащий на оконечности архипелага, представляет высокую гору величаво мрачного вида: это Кантак-Кирглек или Уманарсуак, которому английские мореплаватели дали имя Farewell, или «Прощай», измененное в Фарвель скандинавскими моряками; последние называют его также Статенгук, или «мыс штатов», а в старинных документах почти везде этот конечный выступ обозначен словом Гварф, или «Контур». К северу от этого мыса, вдоль западного берега тянутся горные хребты, «с острыми, как зубы акулы, гребнями». Средняя высота этих хребтов около 500 метров; но внутри гренландской оконечности есть горы в 2.300 метров[1]. Обитаемые местности, в датской территории, имеют вершины, превышающие тысячу, в некоторых местах даже 1.200 и 1.500 метров; к северу от полярного круга, в области, глубоко изрезанной фиордами, которая граничит на севере с бухтой Диско, горы не так высоки. Прибрежье поднимается очень полого к полям внутренних льдов; но на севере этой бухты, гористый остров Диско, самый большой из островов, окаймляющих берег, переходит за 1.000 метров гребнями и куполами своих плато. Ещё более возвышенный, полуостров Нурсоак имеет горы высотой до 1.800 метров, а на соседней твердой земле некоторые гнейсовые вершины поднимаются выше 2.000 метров. За этими горами, составляющими главный массив западного берега, и с которых спускаются значительнейшие ледяные глыбы, береговая цепь постепенно понижается; одна из её гор, оканчивающаяся на верху скалой, в виде обелиска, «Чортов палец» (Devil's Thumb), привлекает взоры моряков своей странной формой. «Арктические горы» (Arctic Highlands), на севере бухты Мельвиль, имеют, по Кэну, не больше 600 метров в своих кульминационных точках; Гэйс всходил на один пик высотой в 1.525 метров, но лежащий уже на восток от Смитова пролива, а Нэрс определяет в 1.800 метров высоту одной вершины Вашингтонленда, полуострова, ограничивающего с восточной стороны пролив Кеннеди.

Восточный берег, подобно западному, изрезанный фиордами и окаймленный бахромой островов, выше и круче; там находится самый высокий из всех известных нам массивов Гренландии. В 1870 году, австрийская экспедиция, под начальством Кольдевея, проникла в неизвестный фиорд, вход которого был замаскирован сотней плавающих ледяных гор и который назвали фиордом Франца-Иосифа. Над этим длинным, извилистым корридором, усеянным льдинами, господствуют крутые горы, высотой в 1.500, в 2.000 метров, с горизонтальными разноцветными пластами кварца, сланцев, известняков; около западной оконечности фиорда, внутри материка, высится гора Петерманн, пик пирамидальной формы, поднимающийся, по исчислению Пайера, по крайней мере на 3.300 метров над уровнем моря. Вероятно, в Гренландии есть и другие вершины, столь же высокие, так как исследователи уже видели куполы высотой до 3.000 метров в южной части страны, там, где остров представляет гораздо меньшую ширину, чем под широтами, более близкими к полюсу: гора Риньи, названная так капитаном де-Блосвиль, имеет 2.300 метров высоты. По мнению Норденшельда, главная горная цепь, составляющая раздельную возвышенность между двумя покатостями Гренландии, тянется вблизи западного берега большого острова; Ринк и большинство других географов полагают, напротив, что становой хребет «Зеленой Земли имеет крутой скат на восточной стороне, а пологий на западной.

Большинство гор Гренландии, обнажившихся вследствие таяния снегов или отступления ледников, состоит из кристаллических пород, гнейсов, гранитов, порфиров: минералог Гизеке, объехавший в течение нескольких лет, в начале настоящего столетия, все округи Западной Гренландии, уже обследовал остов страны. Гнейсы утесов фиорда Франца-Иосифа заключают в себе огромные кристаллы граната, подобные гранатам эрратических камней Исландии, быть-может, перенесенных льдами[2]. Горные породы расположены в этой части Гренландии в том же порядке наслоения, как и на Шпицбергене; так же, как в этом скандинавском архипелаге, там находят отрывки юрской формации в соединении с каменноуголь-

1 Holm, „Meddelelser om Gronland“, vol. X.

2 Payer;—Walterschausen, „Die Oesterreichisch-Ungarische Nordpol-Expedition“.

ными пластами и с ископаемыми растениями[1]. На западном берегу Гренландии обнаружено несколько меловых пластов, прикрытых миоценовыми слоями. Базальты, вылившиеся в третичную эпоху, как в Европе, тоже встречаются в разных местах прибрежья.

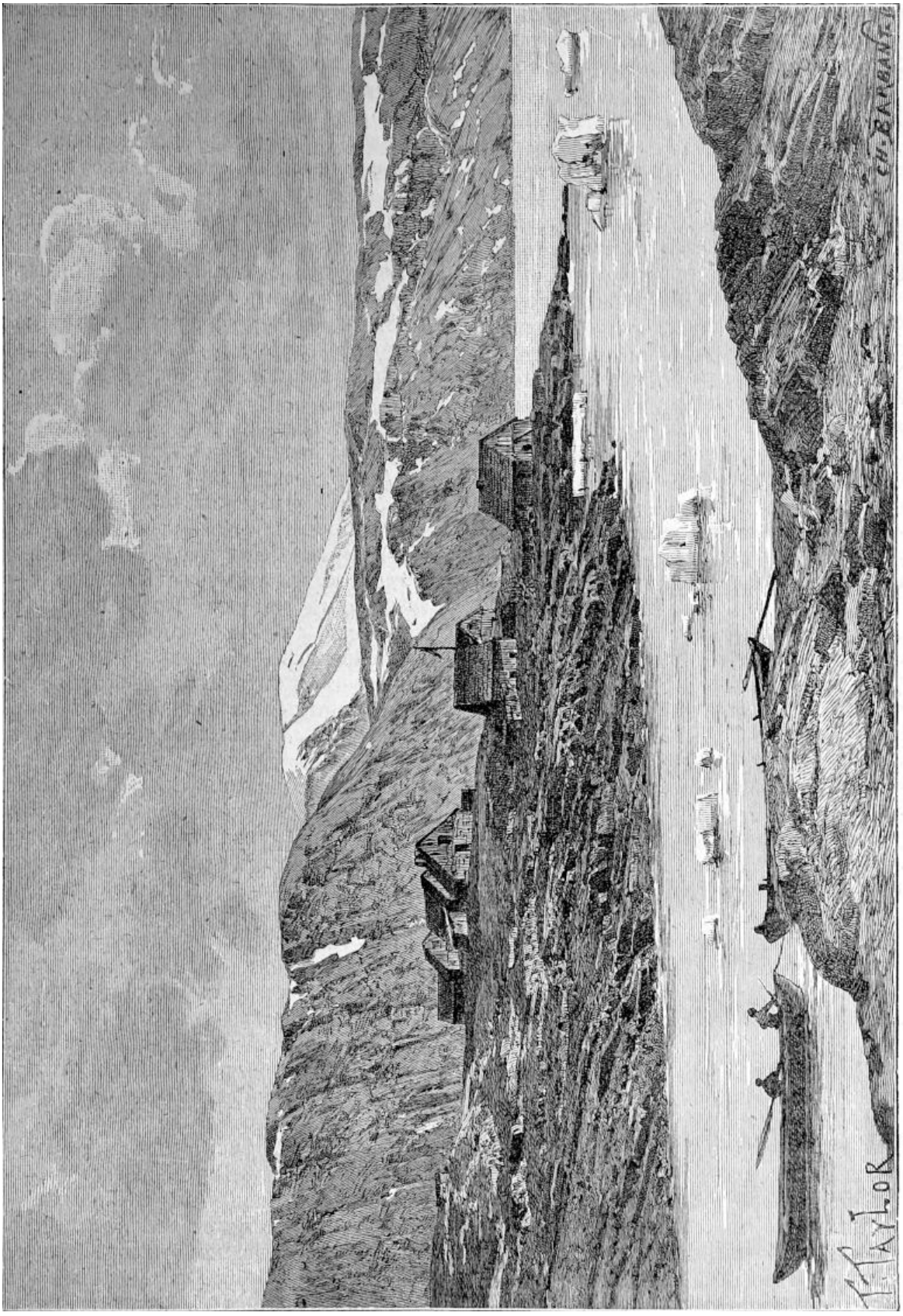
Геологи изучили в особенности базальты острова Диско, более доступного, чем другие подобные местности твердой земли. Близ Годгавна высится почти отвесная базальтовая стена в 600 метров, наверху которой виден синеватый край ледника, выступающий в виде конца крыши: время от времени от этого края отрываются огромные куски и обрушиваются лавинами на нижния скалы. Базальтовые колонны побережья, подвергающиеся действию волн, принимают самые причудливые формы: это плотины, перистили храмов, нефы, в которые с шумом вливаются воды моря. По форме источенных водой мысов можно заключить, что потоки острова Диско некогда соединялись с потоками Кронпринсенс-ора, лежащего гораздо южнее; если процесс размывания не происходил прежде гораздо быстрее, чем в наши дни, то время, употребленное морем на прорытие такого широкого пролива в толще базальта, продолжалось несколько миллионов лет[2]. У подошвы одной из базальтовых стен острова Диско, в Овифаке, Норденшельд нашел громадные глыбы железа, которые он перевез в Стокгольмский музей: одна из них весит 24 тонны (около 1.500 пудов). Сначала их приняли за метеориты, потому что самородное железо соединено в них с никкелем и кобальтом, как в камнях вне-земного происхождения. Теперь общее мнение геологов связывает эти продукты с массивами из эруптивных пород, базальтов и долеритов, расположенными в соседстве с местом находки и содержащими в большом количестве жилы железа того же рода[3]. В Совалике, на берегах бухты Мельвиль, по словам Джона Росса, существуют подобные же глыбы самородного железа, от которых туземцы отбивают куски для приготовления ножей посредством шлифовки.

Богатая эруптивными формациями древнего происхождения, даже в соседстве Упернивика, Гренландия не имеет ни одного действующего кратера в известной нам территории, и хотя там встречаются горячие ключи, как например, около Унартока, в южной части страны, но до сих пор не отысканы те теплые источники, «очень обильные», у которых стоял монастырь, упоминаемый в путешествиях братьев Зени; проведя ирригационные каналы, монахи получали из своего сада овощи, цветы и плоды, которых нельзя было найти ни в какой другой местности «Зеленой Земли»[4]; с другой стороны, теплая вода, изливавшаяся в море, образовала никогда не замерзавшую гавань, куда в зимнюю пору слеталось несметное множество всякой водяной птицы. По мнению некоторых ученых, упоминаемые в скандинавских сагах острова, лежавшие между Исландией и Гренландией, была не гренландские островки, которые у датского исследователя Граа обозначены под именем «Гуннбьорнских рифов», а вулканы, разрушенные уже в историческую эпоху взрывам, подобным извержению Кракатау. Так, например, «поглощенная Бассова земля» была, будто-бы, вторая Исландия, обломки которой теперь покрыты водами моря. Карта Руйша, составленная для издания географии Птолемея, вышедшего в свет в 1507 году, указывает в этой области океана местоположение одного острова, который, как там пояснено, «сгорел весь в 1496 году».

Ещё недавно некоторые ученые, между прочим, Гукер и Пайер, высказывали мнение, что внутренняя часть Гренландии представляет обширные пространства, свободные от льда, травяные долины, где пасутся стада северных оленей, и в подкрепление этой гипотезы ссылались на народные легенды. Норденшельд думал, кроме того, найти указание в пользу этих «садов» ледника в порядке ветров, которые, перейдя через внутренние горные хребты, спускаются в долины и равнины в виде теплых атмосферных течений, как *фен* в Швейцарии, и расплавляют снега. Однако, систематические исследования, производившиеся в эти последние годы, не позволяют допустить существование этих внутренних оазисов. Напротив, весь

1 Ed. Suess, „Das Antlis der Erde“.
2 A. F. Nordenskiold, цитиров. сочинение.
3 К.-I.-O. Steenstrup, „Zeitschrift der deutschen Geologishen Gesellschaft, 187(1.
4 R. H. Major, „Journal of the R. Geographical Society“, 1873.

остров, повидимому, покрыт сплошной пеленой льдов, изрезанной по краям кристаллическими реками, которые спускаются в долины окружности почти до самого моря, или даже выдвинуты, в виде полных фиордов, за черту берегов. Если бы начертить карту Гренландии,

Общій видъ Упернивика.

обрезав все полуострова и выступы побережья, так чтобы оставалось только островное туловище без всяких неправильностей в конфигурации, то линия окружности почти совпадала бы с окраиной поля внутренних льдов. Более, чем на половине этой окружности исследова-

тели нашли ледяной барьер, но немногим из них удалось взобраться на него и перейти через трещины на значительном пространстве. Весь рельеф сглажен. Долины исчезли, и, несмотря на местные неровности, трещины и ледяные бугры, средний скат постепенно поднимается к внутренности материка по правильному уклону; в некоторых местах во время такого восхождения от берега внутрь страны достигали высоте в 2.000 и 2.100 метров; но, вследствие оптической иллюзии, путешественник никогда не знает, идет ли он в гору или под гору: горизонт везде кажется приподнятым, «как будто находишься,—говорит Норденшельд,—на дне обширной котловины».

Вид беспредельного пространства, с едва заметным волнообразным повышением и понижением поверхности, где серый колорит снегов сливается вдали с серым цветом неба, дал первым исследователям повод заключить, что внутренность Гренландии представляет однообразное плоскогорье, род горизонтального стола. Теперь, однако, считают более вероятным, что каменистое дно страны, напротив, глубоко изрезано, что оно изборождено горами и холмами, долинами и оврагами, но что снег и лед, пластичные по своей природе, постепенно заполнили все впадины, присутствие которых обнаруживается на поверхности только легкими извилинами. Совокупность гренландского льда, если принять среднюю толщину его только в 150 метров, представляет массу объемом около 300.000 кубич. километров[1]. «Большой лед», *sermer suak* на языке гренландцев, *store is* (*storis*) на языке датчан, течет к морю на-подобие асфальта или дегтя, чрезвычайно медленно, и уровень его мало-по-малу выравнивается, благодаря снегу, который падает в течение веков и, разносимый ветром, скопляется особенно в углублениях[2]. Внутри страны поверхность ледника и покрывающего его снега совершенно гладкая, словно отполированная: можно подумать, что стоишь среди неизмеримого замерзшего океана, развертывающего до бесконечности ряд своих правильных волн[3]. Однако, поверхностные перемены сильно разнообразят внешнюю форму ледника, особенно в соседстве островной окружности, и делают его во многих местах трудно или даже вовсе непроходимым. В одном месте боковое сжатие массы выперло льдины, так что они образовали бугры; в другом—ледник вытянулся, раскололся, и параллельные трещины, кое-где соединенные ледяными мостами, зияют, словно пропасти, в толще кристалла. Действие тепла, испарения, просачивания вод разрезало во многих местах поверхность ледника на бесчисленные конусы в несколько метров высоты, напоминающие формой и цветом палатки лагеря. Лужи, лагуны, озера наполняют впадины белого плато; ручьи, речки бегут в снегу и льду по извилистым оврагам, с прозрачными стенками; каскады днем льются в трещины, а ночью замерзают в виде длинных сосулек. Во время своей экспедиции 1870 года Норденшельд видел также перемежающиеся фонтаны, бьющие на большую высоту из трещин льда: он не мог изучить их, но полагает, что это гейзеры.

Кроме как при основании ледников и в непосредственном соседстве падения, морен нигде нет на внутреннем ледяном поле: в некотором расстоянии от берега не встретишь ни одного камня среди бесконечной белой равнины. Однако, в некоторых местах из-под снежного покрова выступают, точно острова на поверхности моря, верхушки скал, *nunatakker*, внушающие страх эскимосам, как резиденция привидений; на некоторых из этих скал, освобожденных от снега действием летнего тепла, путешественники с удивлением открывают мох и кое-какие явнобрачные растения. Так, Йенсен видел там маленькие злаки, осоку, камнеломку, лютик, смолянку, мак, крохотные стебелька, укрывающиеся под мхом; фауну составляли личинка мотылька и два паучка; кроме того, одна птица была занесена бурей[4] на эту уединенную скалу, высотой в 1.337 метров, стоящую среди ледяного поля, в 40 километрах от его окраины. Существование этих маленьких центров растительной и животной жизни среди бесконечных снегов есть, так сказать, тайна Гренландии. И не только скалы, но даже льды и

1 Hayes», „Land of Desolation".
2 H. Rink. „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde", 1888, № 137.
3 Nansen, „Proceedings of the R. Geographical Society", August 1889
4 Jensen;—Kornerup;—Groth;—„Meddelelser om Gronland";—т. I

снега имеют свои организмы: на фирновых полях и ледниках встречаются желтые и красные пространства, цвет которых происходит от миллиардов бесконечно-малых существ, которые там развиваются. Наконец, льды внутри материка усеяны на поверхности бесчисленными ямочками разной величины, наполненными на дне каплями воды и слоем серой пыли, на которой родятся многочисленные микроскопические растения. Пыль эта, которой Норденшельд дал название криоконита, или «ледяной пыли», так обильна, что масса её наверно составляет несколько тонн на квадратном километре и присутствие её сообщает сероватый колорит поверхности ледника. Криоконит состоит из обломков всякого рода, приносимых ветром, но содержит, кроме того, и вещества космического происхождения; по мнению шведского ученого, в состав его входит главным образом пыль метеоров, пролетающих чрез земную атмосферу.

Несмотря на незначительность общего ската, льды Гренландии находятся в состоянии движения. Всякое изменение равновесия имеет следствием перемещение частиц по направлению покатости. Когда приложишь ухо ко льду, слышен глухой шум, сопровождаемый более ясными звуками, как бы отдаленными выстрелами или взрывами. Звуки эти происходят от ручьев, текущих в глубинах, от ледяных глыб, падающих в каскадах, от разверзающихся или смыкающихся трещин. Водяные жилы, выходящие из кристалла, часто меняют русло, вследствие обвалов нависшего льда, мороза и оттепели, и все эти движения распространяются от верховья к низовью, так что вся масса постепенно сползает из области внутренних возвышенностей к морскому побережью. Давление увлекаемого льда так сильно, что поток, встретив верхний фас *нунатака*, образующего запруду поперек ледяной реки, поднимается по скату скалы в виде груды сдвинутых с своего места кусков и ниспадает на противоположной стороне каскадами льдин.

Если внутренняя часть Гренландии ещё почти совершенно неизвестна, то по крайней мере нижния оконечности ледников своими размерами указывают относительную важность бассейнов истечения, на которые разделена страна. На севере, восточный берег, обращенный к Европе, кажется, менее богат, чем западный, ледниками, выдвинувшимися за черту побережья: причина тому, очевидно, меньшее протяжение бассейна истечения, который с запада ограничен хребтом, лежащим в соседстве берега. При том ледяные горы заперты при выходе из своих фиордов сплошной массой льда, облегающей восточное побережье; эта плавучая стена преграждает им путь и переменным давлением ломает их и раздробляет на бесчисленные отрывки[1]. Ледники атлантического берега, ближайшие к полюсу из обследованных до сих пор образований этого рода, впадают в обширный фиорд Франца-Иосифа. Один из них, выходящий с горы Петерман, несет на хребте величественную морену и спускается до самого моря извилистой лентой на протяжении около 20 километров; ледяные скалы, возвышающиеся на 50—60 метров над морским уровнем, плавают в глубоком бассейне фиорда, но не доходят до открытого моря, которое отделено от берегов сплошным льдом или скоплением тесно скученных льдин, образующим изменчивый пояс, шириной от 100 до 200 километров. Ледяные горы, запертые в стоячем фиорде, нагреваясь летом от действия теплоты, отражающейся от окружающих каменных стен, опрокидываются и переворачиваются, когда от массы отделится большая глыба, после чего нередко гора принимает другую форму, превращаясь из пирамиды в дворец или в триумфальную арку. Волны, производимые опрокидыванием ледяных скал, беспрестанно сталкиваются, перекрещиваются в бассейне и делают плавание опасным.

Около южной оконечности Гренландии, на восточном берегу, Гарде насчитал слишком 170 ледников, которые следуют один за другим на пространстве около 350 километров с севера на юг: более половины этих ледяных рек питаются фирнами внутренней части страны и более трети имеют ширину, превышающую 1.600 метров при входе их в море. Но по другую сторону полуострова, на западной покатости, снега, покрывающие плоскую возвышенность в южной её части, высовывают к морю лишь ледяные языки, относительно узкие, как,

1 H. Rink, „Petermann's Mittheilungen", 1889, Heft V

например, ледник Сермитсиалик, передний конец которого стряхивает свои льды в фиорд, глубиной около 500 метров[1]. Пространство между 62° и 68°30' широты—сравнительно самая теплая часть Гренландии, хотя и там многие ледники имеют громадные размеры: таков, например, ледник Фредериксгабс-Исблинк, извивающийся в долине, длиной около 44 километров, по выходе из фирнового поля, и фронтальная сторона которого имеет не менее 15 километров в ширину. Но эти ледяные реки не достигают моря; с корабля, плывущего вблизи берега, они ясно видны, точно прожилки белого мрамора между черной или сероватой массой скал. Эта гренландская область, свободная от береговых ледников, простирается приблизительно на 750 километров к северу, и в некоторых местах охотники на северного оленя удаляются на 150 километров от моря, прежде чем достигнуть окраины внутреннего ледяного поля: всё пространство, не покрытое кристаллической корой, можно считать равным 50.000 квадр. километров. Эта часть страны мало отличается по виду и характеру местности от норвежского побережья, лежащего под той же широтой; она также изрезана многочисленными фиордами, различно разветвленными, но ориентированными по большей части перпендикулярно к морскому берегу, на верхней оконечности этих длинных и узких заливов, по аллювиальным землям летом бегут ручьи и даже речки, вытекающие из основания ледников через конечные арки, подобно тому, как это мы видим на Альпах: эти временные потоки—самые обильные источники во всей Гренландии. Впрочем, они представляют лишь часть годового избытка атмосферной влаги, выпадающей в форме дождя или снега: небесная вода возвращается океану также под видом кусков льда, обваливающихся в море.

Место происхождения «ледяных гор или церквей»[2], спускающихся к Атлантическому океану и грозящих опасностью судам,—западный берег «Зеленой Земли», заключающийся между 68°30' и 75° широты. Из ледников, производящих эти горы, всего лучше изучен ледник Якобсгавн, изливающийся в бухту Диско, между двух высоких мысов, которые суживают его в проходе; он был наблюдаем как летом, так и зимой, и впродолжении нескольких годов. Ещё громаднее ледник Торсукатак, фасад которого представляет стену в 9 километров и который выбрасывает свои обломки в пролив Вайгат, на севере бухты Диско. Затем следует ряд других ледяных потоков, заключенных в фиордах, которыми изрезано побережье, за полуостровом Нурсоак; Упернивикский залив тоже принимает в себя большой ледник, разделенный при устье на несколько рукавов высокими островками, словно водопад, низвергающийся несколькими потоками между колоннами из скал. Далее на севере ледники мало известны. Они встречаются между большинством мысов, но мореплаватели не упоминают об них, как о производителях больших ледяных гор. Даже исполинский ледник Гумбольдта, который тянется, в виде белого утеса в 90 метров вышины, на пространстве около 110 километров над глубокими водами бассейна Кэна, не может сравниться с могучими ледяными реками Гренландии по числу и громадности обрушивающихся масс[3].

Большинство ледников, впадающих в море на окружности «Зеленой Земли», представляют довольно правильный фасад, теряя лишь мелкие обломки, отрываемые каждой набегающей волной и удаляющиеся длинными вереницами вместе с течением. Ледяные реки, откуда откалываются огромные полосы, такой величины, что им дали название «гор», относительно немногочисленны, так как необходимо совпадение многих условий—мощность льдов, форма русла истечения, глубина моря,—для того, чтобы явление могло принять грандиозные размеры: они происходят по большей части из той замечательной бреши, которая представляется в нормальном образовании берега Гренландии, между Эгедесминде и Черным мысом (Svarte Huk). Ринк насчитывает не более тридцати гренландских ледников, откуда обрушиваются действительно ледяные горы, и из этого числа только шесть или восемь, из которых пять хорошо исследованы, выбрасывают в море колоссальные глыбы льда. Средняя скорость этих замерзших масс воды, в стержне глетчерного течения, около 15 мет-

1 Hayes, „La Terre de Desolation“, trad. par L. Reclus.

2 Rabat, „Bulletin de la Societe Languedocienne de Geographie”, I trimestre 1889.

3 E. K. Kane, „Explorations”.

ров в сутки, или около одного сантиметра в минуту; но в некоторых местах были констатированы гораздо более значительные скорости, впрочем, очень изменчивые по временам года. Одна ветвь ледника Аугпадларток, к северу от Упернивика, сползает со скоростью 31 метра в день: это самое быстрое движение ледяной массы, какое до сих пор случалось наблюдать[1]. Понятно, как велик должен быть напор внутренних фирнов, чтобы извергать в море те огромные количества льда, которые ежегодно доставляются береговым течением. Сложенный в одну глыбу, годовой расход каждого из пяти лучше изученных ледников представляет массу в 5 миллиардов кубич. метров, или куб, имеющий около 1.700 метров в длину, ширину и вышину; обращенная в воду, эта масса изображала бы объем реки, изливающей море 150 куб. метров в секунду, 4.730 миллионов в год. Каждый глетчерный бассейн может быть уподоблен речному бассейну, ограниченному линиями водораздела и разветвленному на боковые бассейны. Подобно речному бассейну, он имеет свой аллювий, мелкий порошок растертых камней, образовавших выступы поверхности под ледяным потоком. Вероятно, впрочем, что большая часть выпадающей атмосферной влаги возвращается в море в жидком виде. Считая в 30 сантиметров количество воды, изливаемой дождем и снегом на Гренландию, Ринк полагает, что только шестая доля, т.е. 5 сантиметров, утекает в виде льда, остальные же пять шестых уносятся испарением и ледниковыми ручьями[2]. Собственно аллювий, т.е. грязь, происходящая от трения ледяной массы о стенки русла, уносится преимущественно течением вод; *drifis*, или «плавающий лед» редко несет на себе землю или камешки[3].

Вопрос об образовании плавающих ледяных гор возбуждал много споров, пока берег не был достаточно изучен, и никто из исследователей не присутствовал при катаклизме разрыва и падения ледяных масс. Там, где ледник течет в большой долине, имеющей одинаковую ширину и глубину на значительном пространстве и продолжающейся в море заливом тех же размеров, с постепенно понижающимся дном, лед может сползать без всяких случайностей, зависящих от неровностей русла, и сплоченная масса выдвигается далеко без разлома, скользя по каменистому дну. Но по мере сползания, передний конец её стремится приподняться, будучи легче вытесненной воды, по крайней мере, на одну двадцатую; к тому же обрыв русла за нормальной линией берегов оставляет спускающуюся массу без опоры; однако она продолжает подвигаться вперед в водах, точно плавучая дамба, до того момента, когда собственная тяжесть её возьмет перевес над силой сцепления с телом ледника, который толкал её вперед; разрыв совершается внезапно, с страшным треском, и ледяная гора, окруженная тысячами осколков, разлетающихся ракетами в пространстве, погружается в пучину и кружится, отыскивая центр тяжести, среди огромных волн, отступающих под ударом и снова набрасывающихся на ледяную громаду. Придя в себя от потрясающего впечатления, производимого этим хаосом и громом, зритель видит, что ледник как бы отступил на несколько километров в глубь бухты, а посреди рейда, гладкого, как зеркало, за несколько минут перед тем, высится хрустальный пик, медленно удаляющийся по течению. Это—глыба, отломившаяся от ледника, но редко можно узнать первоначальную её форму, так как большая часть её, по крайней мере шесть седьмых объема, скрыта под водой: в фиорде Якобсгавн, Гелланд видел несколько ледяных островов, возвышавшихся на 90 метров над морской поверхностью; одна глыба выступала из воды на 124 метра, и каждая из её сторон имела несколько километров в длину; однако, эти гигантские обломки слишком велики, чтобы перейти порог при выходе из фиорда: они застревают на баре и разламываются на куски, всё ещё громадные, но уже гораздо меньшие[4]. Самая высокая глыба, которую Нэрс измерял в открытом море, имела около 76 метров высоты; в Датском канале, на востоке Гренландии, Гарде не видел ни одной глыбы, которая была бы ниже 60 метров; объем этих чудовищных

1 Наблюдение Ришара, Блоха и Уссинга;—Rink, цитированное сочинение;—„Petermann's Mittheilungen", 1887, Heft II.

2 Robert Brown, „Quarterly Journal of the Geographical Society", February I, 1871.

3 Rabot, „Bulletin de la Societe Languedocienne de Geographie", I trimestre 1889.

4 „Meddelelser om Gronland", vol. IV, 1863.

льдин нужно считать сотнями миллионов, миллиардами кубич. метров[1]. Понятно, как опасно для судна соседство подобного ледника, когда он вдруг «разродится» ледяными горами. Разрыв массы и обвал громадной глыбы производит страшное волнение и во многих местах изменяет морской уровень на несколько метров. Мгновенно образуются течения, водовороты, водопады, как в реке, жидкая масса бешеным потоком устремляется в теснины фиорда, увлекая с собой кружащиеся обломки льдов, и корабль подвергается опасности быть раздавленным в этой толпе ледяных глыб, плавающих по воле ветра и течения.

В настоящем геологическом периоде некоторые ледники отступают, другие, напротив, как, например, Сермитсиалик, подвинулись вперед, иные даже на несколько километров[2]; но в общем невозможно сказать, находятся ли льды в поступательном или в отступательном движении. Сравнительно с предшествующей геологической эпохой, вид берегов, именно в обитаемых областях Гренландии, свидетельствует об отступлении нынешних ледников. Часть побережья, в наши дни открытая, прежде была одета ледяной корой, как одета теперь внутренность страны, и полуострова, прибрежные острова были соединены с твердой землей сплошным покровом ледников. Эрратические камни, отшлифованные бока скал свидетельствуют об этом прежнем положении вещей. В некоторых местах перед ледяной стеной видны борозды на земле, точно проведенные сошником плуга; в других—встречаются впадины, которые были постепенно вырыты давлением льдов, и из которых иные наполнены пресной водой. Со времени отступления ледников, не доходящих теперь до моря, в покинутом русле образовались песчаные или глинистые равнины, суживающие площадь фиордов. При входе в бухты подводный мост из обломков, skargard, или «сад островков и рифов», обозначает границу между открытым морем и внутренними водами: это—фронтальная морена ледника, прежде наполнявшего весь фиорд и мало-по-малу отступившего, вследствие таяния. Так, ледник Якобсгавн заполнял некогда всю бухту Диско; ледник Торсукатак выступал за пределы бухты Вайгат и выбрасывал глыбы гнейса, приносимые с гор, стоящих на базальтовых берегах его русла. Следовательно, Гренландия недавно пережила период согревания, так как ледники её уменьшились протяжением, и фиорды, прежде наполненные замерзшей водой, сделались морскими бухтами.

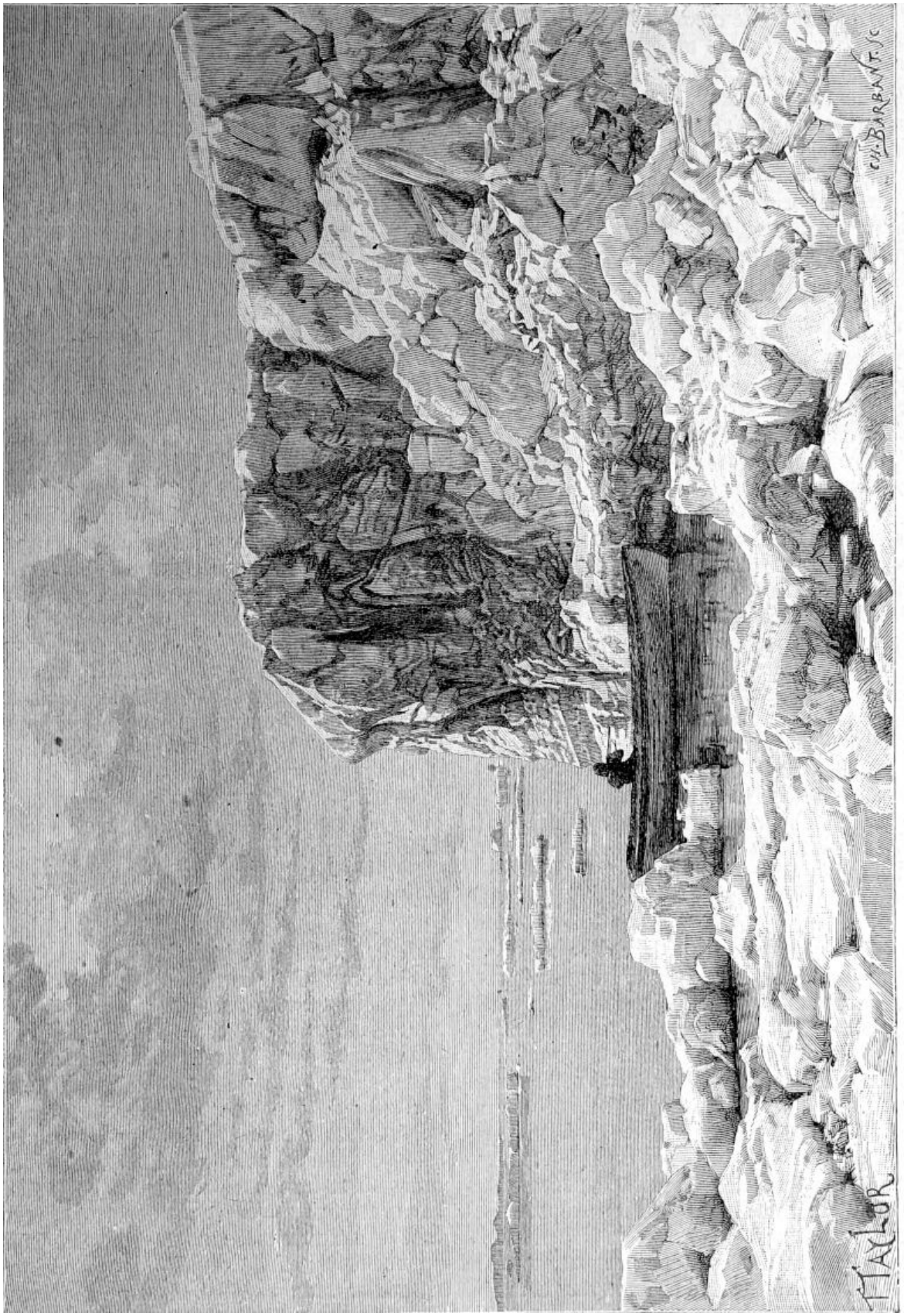
Большинство геологов полагают, кроме того, что на окружности Гренландии произошли значительные изменения уровня вод или берегов. Приводят в пример этого явления высокие плоские берега, начертанные некогда водами на различных высотах над нынешним уровнем моря: Гаммер и Стенструп указывают один такой берег, находящийся на высоте 145 метров; они же открыли, на высоте 58 метров, слои морских раковин, принадлежащих к современной нам фауне. Однако, существование этих террас и отложения раковин не есть ещё безусловное доказательство того, что море прежде достигало этого уровня, или что суша с того времени поднялась до такой высоты. Образование террас на различных высотах над нормальной линией морей может быть объяснено более обширным распространением льдов в прежнее время. В самом деле, когда ледник при своем движении в бухту запрет вход какого-нибудь бокового фиорда, то водная площадь, лишенная сообщения с морем, превращается в озеро, уровень которого постепенно повышается, пока жидкая масса, питаемая притоками, не найдет порога или трещины, через которые излишек вод может выливаться в море. Так образуются, с той и другой стороны ледника, озера, лежащие на различных высотах и вырезывающие на скалах своих бассейнов правильные плоские берега, подобные тем, которые окаймляют море. Но когда ледяная стена, запиравшая вход фиорда, подастся, озеро опорожнивается, оставляя на боках горы знаки своего долгого пребывания. На берегах Гренландии есть сотни подобных озер, которые исчезли бы с отступлением льдов, и берега которых, наблюдаемые снизу, легко могли бы быть приняты за старые берега моря[3]. Но есть другие озерные бассейны, которые, очевидно, были морскими бухтами и которые теперь находятся

1 Frobisher;—Ross;—Parry;—Hayes;—Kane;—Greely;—Nordenskiold, etc.

2 Hayes, цитиров. сочинение.

3 Ed. Suess, „Das Antlitz der Erde“

выше океана, не быв отделены от него рукавами ледяных рек: происхождение их нельзя объяснять иначе, как переменой в относительных высотах земли и моря. Таково озеро, открытое Кэном на севере Гумбольдтова ледника, лежащее метров на десять выше больших

Плавающіе льды въ Арктическомъ океанѣ.

приливов во время новолуния и полнолуния: воды его из соленых изменились в пресные, но фауна сохранила морской характер, так что не может быть сомнения в том, что оно некогда составляло часть соседнего залива. Галль посетил, вокруг бухты Поляриса, многия озера это-

го рода и видел, до высоты 540 метров, плоские берега, усеянные обломками приплывшего леса и остатками морских раков, образующими толстые слои. По мнению большинства геологов, земли северной Гренландии выступили над водой в течение современного периода, тогда как берега, лежащие к югу от 77 градуса широты, понизились относительно уровня моря. Прингель, Кэн, Пайер и другие исследователи приводят много фактов размывания и оседания почвы, которые они, вместе с эскимосами, считают доказательствами совокупного движения, тогда как Стенструп видит в этих фактах только местные явления, без всякого общего значения.

Порядок береговых течений трудно объясним в деталях, так как наблюдения противоречат одно другому, вследствие непрерывной борьбы, происходящей между теплыми водами средне-атлантического океана и холодными водами полярных морей, причем, эти два противоположные тока постоянно переплетаются, располагаясь то один на другом попеременными слоями, то один возле другого параллельными полосами. Вдоль восточного берега, который иногда, как это было, например, в 1787 году, соединяется сплошным ледяным пространством с Исландией и островом Ян-Майен, движение вод, параллельное берегу, направляется с севера на юг и юго-запад, следовательно, в обратную сторону с движением ветви гольфстрема, называемой «течением Ирмингера», которая огибает Исландию, проходя на западе, затем на севере этого большого острова; но точные исследования показали, что полярный поток течет по жидкому слою, принадлежащему к гольфстрему и направляющемуся на север, противно движению поверхностных вод: это доказывается возрастанием температуры и солености воды по мере увеличения глубины[1]: от точки замерзания, в верхнем слое, теплота возрастает до 5 и даже 7 градусов в глубинах, а соленость увеличивается на 4 или 5 тысячных: от 30 тысячных на поверхности она достигает в нижних слоях 35 тысячных и даже большей пропорции.

При повороте вокруг мыса Прощания, столкновение вод обнаруживается очень неправильными явлениями: часто можно видеть, как плоские льдины плывут в одну сторону, увлекаемые поверхностным течением, а огромные кристаллические глыбы, погруженные в море на большую глубину, уносятся в противоположном направлении встречным нижним течением; одна из льдин, выброшенных на берег, в 1884 году, близ Юлианагаба, была покрыта обломками с американского судна *Jeannette*, запертого льдами недалеко от устьев Лены. Этот выкидок употребил три года, чтобы пройти, через Ледовитый океан и кругом Гренландии, пространство около 5.000 километров[2]; оттуда же, т.е. из полярной Азии, прибывает и плавучий лес,—лиственница, пихта, ольха,—который подбирают жители восточного берега «Зеленой Земли»[3]. Обыкновенно льдины, приносимые с восточных берегов полярным течением, огибают тесно скученными массами южную оконечность Гренландии и заграждают подходы к ней; но они подхватываются ветвью гольфстрема, которая проникает в Дэвисов пролив, впрочем, смешанная с холодными водами: она приносит иногда лес, древесную кору из Америки и плоды растения *entada gigalobium*; Ринк определяет приблизительно в 360 кубич. метров количество плавучего леса, выбрасываемого на западный берег Гренландии. Относительно теплое море, омывающее это побережье, продолжается на север до Смитова пролива, до больших скоплений льда, обыкновенно облегающих эту часть морского прохода; может-быть, течение идет и далее под льдами, так как в проливе Кеннеди часто наблюдали, что вода движется в северном направлении[4]. Только благодаря этому сравнительно теплому течению, западная береговая полоса Гренландии составляет ещё часть обитаемого мира: там основались поселения на краю фиордов, окруженные теперь пахатными полями; рыболовы находят, для производства своего промысла, свободное от льдов море, и

1 Mourier, „Geografisk Tidskrift“, 1880;—Nordenskjold;—Alex Hamberg, „Proceedings of the R. Geographical Society“, oct. 1884.

2 „Geografisk Tidskrift“. 1885-86, trad. par Rabot.

3 Kraus, „Zweite Deutsche Nordpolarfahrt“

4 „Petermann's Mittheilungen”, 1867, Heft V.

суда могут беспрепятственно плавать от пристани к пристани вдоль берегов, тогда как средняя часть Дэвисова пролива и Баффинова залива наполнена скоплениями льдов, образующими иногда сплошное ледяное пространство, *midle-pack*, как его называют английские моряки. Иногда бывает поразительная разница температур между двумя близкими одно от другого местами, особенно около Смитова пролива, недалеко от окраины скопления льдов. Так, Китовый фиорд, или Whale-sound, и бухта Фульк имеют замечательно теплый климат в сравнении с бухтой Ренселер, где пришлось зазимовать Кэну, и которая находится всего только в 66 километрах далее к северо-востоку. Море там свободно от льдов, киты плавают в соседних водах, северные олени щиплют траву на «лугах» побережья; птицы летают тысячами: Гэйс говорит об этой стране, как об «оазисе», «райском уголке». Это по крайней мере земля, где эскимосы могут жить и находить себе пропитание. Однако, нужно принять во внимание то обстоятельство, что контраст климатов между двумя соседними портами был наблюдаем не в одном и том же году и, следовательно, может быть приписан исключительным отклонениям от нормального порядка. По словам некоторых исследователей полярных морей, влияние гольфстрема совершенно прекращается на севере Баффинова залива[1], и воды, проникающие в полярные проливы, увлекаются обыкновенно течением, выходящим из Палеокристического моря, где соединяются две приливные волны—одна, приходящая из Атлантического океана от северных берегов Ирландии, другая из Тихого океана через Берингов пролив[2].

Если в отдаленные века Гренландия имела свой ледяной период, то ископаемые остатки, сохранившиеся в наслоениях её почвы, доказывают, что в её геологический истории был также теплый и умеренный период. Древнейшие осадочные слои, где найдены ископаемые эпох каменноугольной, триасовой, юрской, заключают в себе типы организмов, сходные с теми, какие мы видим ныне в жарком поясе. Верхние меловые пласты, чрезвычайно богатые растительными формами, подобными формам подтропических и умеренных поясов, были уже обследованы натуралистом Гизеке, в начале настоящего столетия; они доставили Норденшельду богатую флору, замечательную в особенности первым появлением двусемянодольных растений, представленных многочисленными семействами саговых (cycadeae), одним древовидным папоротником, даже хлебным деревом; средняя температура должна была быть в то время не менее 20 градусов по Цельсию. Наконец, миоценовая флора Гренландии, общая физиономия которой соответствует более умеренному климату, с средней температурой около 12 градусов[3], известна благодаря великолепным находкам, сделанным в особенности на острове Диско и на соседних полуостровах. Целый ископаемый лес зарыт в одном железняковом пласте горы Атанекердлук, возвышающейся на 325 метров, против Диско, и окруженной со всех сторон ледниками. Вимпер, затем другие путешественники, в том числе Норденшельд, извлекли из этих залежей 169 видов растений, из которых около трех четвертей были кустарники или деревья, иные в человеческую толщину; всего открыли в слоях Гренландии 613 видов ископаемых растений[4]. Самое обыкновенное дерево было секвойа, очень похожая на орегонских гигантов текущей эпохи; рядом с этим представителем хвойных росли бук, дуб, падуб или каменный дуб, вяз, лещина, орешина, магнолии, лавры; виноград, плюш, сассапарель обвивали свои гирлянды вокруг деревьев девственного леса. Один саговый лист, найденный между этими ископаемыми обломками, есть самый большой из известных нам листьев; даже настоящая пальма, *flabellaria*, открыта в остатках древних полярных лесов. Чтобы развить подобную флору, климат северной Гренландии должен был быть тогда приблизительно такой же, каким ныне пользуются берега Женевского озера, находящиеся на 24 градуса ближе к равноденственной линии; предполагая ту же градацию температуры, нужно допустить, что суша на полюсе имела в ту эпоху свои осиновые и хвой-

1 Axel Hamberg, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1884.
2 Bessels, „Erganzungsheft zu Petermann's Mittheilungen”, № 62.
3 Oswald Heer;—E. von Nordenskjold, цитиров. сочинение.
4 Johnstrup, „Meddelelser om Gronland“, vol. V, 1883.

ные леса. По Освальду Геру, разность средней температуры между теми отдаленными временами и текущей эпохой составляет от 15 до 16 градусов Ц. для севера Гренландии, и в промежутке этих двух веков был ледяной период, следы которого ещё видны на западных берегах страны,

Эти контрасты последовательных климатов составляют факты первостепенной важности в истории земного шара, но геологи различно объясняют их. Не изменилось ли положение оси нашей планеты[1], и не находилась ли Гренландия прежде под другими широтами, в гораздо более значительном расстоянии от полюса? Были ли другие ледяные периоды, подобные последнему и чередовавшиеся с веками богатой растительности, или, напротив, температура постепенно и непрерывно понижалась с той эпохи, когда на земле появилась органическая жизнь? По мнению Освальда Геера и Сапорты, эта последняя гипотеза, согласная с теорией, изложенной в книге Бюффона «Epoques de la nature», вполне согласуется с известными нам фактами. Эти ученые полагают, что живые организмы образовались прежде всего в соседстве полюса, первого пояса охлаждения, когда температура воды понизилась настолько, что белковые вещества не подвергались более свертыванию: следовательно, начало жизни надо искать в этих областях, которые в то время имели жаркий климат, но, однако, не такой знойный, как в экваториальном поясе. Каждое охлаждение полярных стран сопровождалось образованием новых видов. За хвойными деревьями, которые одни только и встречаются в нижних меловых пластах, следовали лиственные породы, с той эпохи, когда установилось правильное чередование времен года. Появившись сначала под этими крайними северными широтами, организмы затем постепенно распространялись к югу, благодаря постоянному уменьшению теплоты на земной поверхности; флора и фауна из века в век переселялись всё далее и далее от полюса. Секвойя, сосна, тис, тополь, смоковница, магнолия и множество других деревьев, которых теперь уже нигде не увидишь в Гренландии, тем не менее происходят из этой страны, которая была их первоначальной родиной[2].

Как бы то ни было, нынешний климат Гренландии—один из самых холодных во всём свете. Нулевая изотерма пересекает страну около южной её оконечности, а в северных округах иногда несколько годов подряд не бывает ни одного настоящего летнего дня, т.е. имеющего температуру 15 градусов по Цельсию; в Упернивике термометр падает зимой до —44 градусов, и даже в июле бывали дни, когда температура не достигала нуля; в сентябре Нансену и его спутникам пришлось испытывать несколько ночей подряд пятидесятиградусные морозы. С другой стороны, самые высокие летния температуры в Гренландии не превышают 18 градусов в тени[3], но они вполне достаточны, чтобы согнать снег с равнин и даже с прибрежных холмов[4]. В восточной Гренландии часто случается, особенно вследствие контраста с обычными там холодами, что солнечный зной кажется нестерпимым путешественникам. Пайер рассказывает, что на берегах фиорда Франца Иосифа европейские матросы, истомленные жарой, впадали в летаргический сон, из которого их трудно было разбудить. Скоресби видел на восточном побережье многих туземцев, прогуливавшихся нагишом по пляжу, чтобы освежиться от зноя. По летней температуре гренландский климат довольно однообразен в различных частях страны; с юга на север короткий сезон теплых дней представляет разность температуры всего только в 4 или 5 градусов, тогда как зимой эта разность бывает втрое больше; около южной оконечности зимний климат такой же, как и в Норвегии, на севере же он имеет совершенно полярный характер. При крайнем непостоянстве, погода резко разнится между очень близкими одно к другому местами, особенно между оконечностью восточных полуостровов и оконечностью фиордов, далеко вдающихся внутрь материка. Очень часто холодные ветры, туманы, господствующие в открытых местах побережья, не распространяются на значительное расстояние к востоку: с одной стороны пасмурно и хо-

1 William Thomson, „Report of the Britich Association“, 1876.
2 J. D. Hooker, „Proceedings of the R. Geographical Society“, January 1879.
3 H. Rink, „Danish Greenland, its People and its Products”.
4 Pansch, „Bemerkungen uber das Klima, Pflanzen und Thierleben auf Ost-Gronland”.

лодно, с другой—температура высокая, небо ясное и солнце ярко сияет. В среднем лето на фиордах теплее, чем на полуостровах, но зима там холоднее: между двумя станциями, находящимися под одной и той же широтой, но различающимися по местоположению, морскому или континентальному, разность годовых температур превышает 5 градусов: на востоке лето теплее на два, зима холоднее на три градуса.

Правильные ветры, дующие на морских берегах, движутся взад и вперед в узких теснинах фиордов, как горные ветры, которые следуют по оси долин, попеременно поднимаясь и спускаясь. Что касается общих ветров, приходящих с открытого моря, то они направляются обыкновенно с юга на север или с севера на юг: первые, холодные и сухие, проясняют небо, но иногда сопровождаются туманом в летнюю пору; вторые, влажные, насыщенные водяными парами, приносят дождь или снег; в Годтгабе через каждые два или три года выпадает снег в июле месяце.

Температуры в некоторых станциях Гренландии:

	Широта	Сред. тем.	Тем. лет.	Тем. зимы
Юлианагаб	60°44'N	0°,55	8°, 8	—6°, 6
Годтгаб	64° 8'N	—2°,33	5°,33	—7°,95
Якобсгавн	69°13'N	—5°,22	2°,33	—12°05
Упернивик	72°48'N	—10° 5	3°, 3	—21°, 7
Остров Сабин	74°32'N	—11°, 7	13°, 1 (максим.)	—40°. 2 (миним.)

По кажущейся аномалии, самые теплые ветры—те, которые дуют на западном берегу, спускаясь с внутренних плоских возвышенностей, покрытых сплошным льдом. Подобно швейцарскому фену или *vaudaire*, эти ветры, зарождающиеся в относительно теплых норвежских водах Атлантического океана, проходят, охлаждаясь, над гренландскими горами, затем снова нагреваются, спускаясь к морю. Действие их ощутительно как в северных, так и в южных областях «Зеленой Земли»: под влиянием этого ветра, зимняя температура Упернивика иногда поднималась в январе месяце выше точки замерзания, и снег таял в изобилии. Часто эти воздушные течения, приходящие с востока, приносят сильные дожди, напоминающие ливни тропического пояса: в Ивигтуге, недалеко от южной оконечности Гренландии, двухдневный ливень, в октябре 1887 года, дал слой воды толщиной в 204 миллиметра; другой дождь, ливший тоже двое суток, в ноябре принес 115 миллиметров влаги, а в декабре, падение воды, продолжавшееся одиннадцать дней, превысило треть метра; средняя за год достигла 1.145 миллиметров. Северные дожди никогда не бывают столь обильны, так как облака во время перехода над льдами теряют значительную долю своей влажности[1]: на север от Упернивика климат даже отличается большой сухостью. На восточном берегу, обращенном к Исландии, дожди редки, и воздух почти всегда до такой степени сух, что в самые сильные морозы дыхание человека не образует видимого пара. Но в тех частях почвы, которые покрыты мхом, влага держится круглый год, даже на скатах гор: так как замерзший грунт не пропускает дождевую воду, то она остается на поверхностных слоях. В этих областях северный ветер, дующий параллельно морскому течению, господствует почти весь год и переходит иногда в бурю. Пески, даже камни на берегах выравниваются в линию от дуновения ветра; снег, падающий на льды, тоже располагается бороздами по направлению с севера на юг, так что в самую темную ночь можно регулировать ход саней по параллельным снежным сугробам[2].

Современная гренландская флора, очень бедная в сравнении с пышною растительностью миоценовой эпохи, достаточна, однако, в некоторых частях южного полуострова, для того чтобы название «Зеленая Земля», данное стране открывшим её норманном, не было чистой ложью. Гренландия имеет свой растительный наряд, состоящий из мхов, травы и кустарника; даже на льдах существуют организмы из класса водорослей. Повсюду, где снег растаял под влиянием ветра или солнца, даже на высоте 1.500 метров и на скалах nunatakker, совер-

1 Ch. Rabot, „Revue scientifique“, 19 janv. 1889.

2 „Zeitschrift der Oesterreichschen Gesellschaft der Mineralogie“, № 8, 1876

шенно изолированных среди льдов, прозябают кое-какие растения, лапчатка, смолянка, веснянка, камнеломка. Как только почва оттаяла, растения спешат укорениться и выгнать листья, цветки и плоды; благодаря интенсивности солнечного тепла, летняя флора почти одинакова в равнинах прибрежья и на вершинах гор[1]. На южном полуострове есть даже деревья: миссионер Эгеде говорит, что некоторые из меренных им дерев имели около 6 метров высоты[2]. Самое большое дерево, которое видел Ринк в своих долгих странствованиях, была белая береза, высотой 4 метра 3 дециметра, растущая между двух скал, близ какой-то норманской развалины. Но редко бывает, чтобы великаны гренландского растительного мира достигали человеческого роста, да и эти великаны встречаются только в совершенно защищенных местах. Почти все кустарники там ползучие: рябина, ольха, растущие на морском берегу до 65° широты, можжевельник, который распространился далеко к северу, до 67 градуса, травовидная ива, береза малорослая, которые живут ещё за 72-м градусом широты, и леса которых наполовину теряются во мху. В целом гренландская флора, состоящая из четырехсот явнобрачных растений и из нескольких сотен видов лишаев, представляют большое сходство с флорой скандинавской; по Гукеру и Роберту Броуну, они имеет тот же характер, как флора гор и озерных областей северной Европы; даже западное побережье, обращенное к Америке, имеет европейскую физиономию, хотя и в меньшей степени, чем восточное, которое значительно беднее растительными видами, насколько позволяют судить об этом произведенные до сих пор ботанические исследования; Варминг[3] придает большее значение, чем другие ботаники, американскому элементу в маленькой флоре Гренландии. Как ни бедна эта флора, она, однако, дает некоторые продукты, способствующие пропитанию туземцев, многочисленные виды ягод и водорослей; съедобные фукусы спасали целые племена в периоды голодовки. У европейцев тоже есть маленькие огороды, где родится салат, капуста, брюква и иногда картофель величиной с шарики детского биллиарда[4].

Гренландская фауна, как и флора, имеет существенно европейский характер: она походит на фауну Исландии, Шпицбергена, Лапландии, Новой Земли, с которыми Гренландия некогда соединялась в один северный континент. Млекопитающие «Зеленой Земли», северный олень, белый медведь, полярная лисица, арктический заяц, горностай, лемминг, свойственны крайнему северу Европы; один только мускусный бык—американского происхождения; но это животное не встречается в населенных местностях: оно бродит стадами в ледовитых землях, граничащих на западе с проливом Смита; недавно исследователь Пайер видел его на берегах фиорда Франца-Иосифа. Датчане ввели своих домашних животных, собак и кошек, коров и свиней, но в малом числе, а с другой стороны огнестрельное оружие, которое они принесли с собой, если не истребило, то по крайней мере сильно уменьшило первобытную фауну. Северного оленя теперь уже не встретишь стадами нигде в Гренландии, кроме северной части острова, лежащей за европейскими поселениями, а между тем в пятилетие с 1845 по 1849 год этих животных убивали ещё по 25.000 голов ежегодно[5], а по 8.500 в период с 1851 по 1852 год. Лебедь тоже стал очень редок, а другая туземная птица, вероятно *alca impennis*, совсем исчезла. Гагары с драгоценным пухом (sommateria mollissima) не видать больше, разве только на архипелагах островков, удаленных от датских деревень. Когда эскимосы находят колонии этих птиц, они забирают всё, яйца и пух. Жесткокрылые насекомые и сухопутные моллюски очень многочисленны в Гренландии, в сравнении с Норвегией, из чего, по мнению Норденшельда, нужно заключить, что ледяной период кончился в «Зеленой Земле» гораздо позднее.

Окружающие моря необычайно богаты животною жизнью. Семь видов тюленя, шестнадцать видов китообразных, рыбы, моллюски и неисчислимое множество бесконечно малых

1 Pansch, цитиров. сочинение.
2 R. Forster, „Voyages dans le Nord“.
3 „La Vegetation au Groenland“, „Revue scientifique“, 1888.
4 Robert Brown, „Geographical Magazine", May 1874,
5 Henrick Helms, „Gronland und Gronlander“;—Nordenskjold, цитиров. сочинение.

организмов населяют эти воды. Морская фауна имеет ясно выраженный европейский характер: по своим мягкотелым животным Дэвисов пролив принадлежит ещё к Европе[1]. По рассказам моряков, по меньшей мере четверть поверхности морей, омывающих Гренландию на западе, окрашена в разные цвета, в темно-коричневый, в зеленый, в молочно-белый, и эти оттенки происходят от присутствия диатом, которые покрывают воды слоем в 200 метров толщины, на пространстве тысяч и мириад квадратных километров. Медузы различных видов целыми стаями пасутся в этих необъятных морских прериях и, в свою очередь, пожираются китообразными животными: когда рыболовы вскрывают желудок огромных китов, они находят там миллионы диатом. Соседство окрашенных вод всегда хороший предвестник для гарпунщиков: она находят там обильную добычу, рыбу, тюленей и китов, доставляющих населению его повседневное пропитание. Тюлень—главный рессурс эскимосов; жир и сало этого ластоногого употребляют в пищу, из нервов делают очень крепкия нитки, служащие для сшивания кож; шкура идет на костюмы, юрты, челноки. Моржи дают, кроме того, бивни, которые ценятся дороже слоновой кости.

Очень малочисленны, в сравнении с преследуемыми ими морскими животными, люди, живущие на «Зеленой Земле». Хотя рассеянные почти в двухстах поселениях и деревушках, они едва наполнили бы маленький европейский городок, и между этими редкими обитателями обширной страны, цивилизованными или дикими, как мало таких, которые принадлежат ещё к первобытной группе туземцев! Датчане, их метисы и собственно эскимосы, более или менее измененные смешением их предков с скандинавскими завоевателями, составляют главную массу гренландского населения, и почти все жители, уже обращенные в христианскую веру и просвещенные миссионерами, сгруппированы в приходы, которые в отношении организации отличаются от европейских общин того же рода только кое-какими особенностями, обусловливаемыми климатом и борьбой за существование. Однако, в Гренландии сохранилось несколько племен чистой расы, как, например, те, которые недавно открыты европейскими путешественниками-исследователями за пределами датской территории, на севере бухты Мельвиль или на восточном берегу; может-быть, существуют и другие ещё неведомые племена, живущие на берегу какого-нибудь фиорда, защищенного поясом льдов от посещения европейскими судами. Самое северное из открытых до сих пор становищ, Ита или Эта, лежит в гавани Фульк (78°18'), на берегу Смитова пролива: в 1875 и 1881 годах его находили опустелым, но известно, что перед тем оно было обитаемо, и туземцы вернулись туда в 1882 и 1883 гг.[2] Когда Голль и его спутники посетили эту маленькую группу эскимосов, состоявшую из двадцати человек, наивные дикари, никогда не видавшие других людей, вообразили, что новые пришельцы призраки, души предков, сошедшие с луны или вынырнувшие со дна морских пучин. Корабли Джона Росса были, в их глазах, большие птицы; они видели, как эти птицы «махали крыльями»[3].

Имя «эскимосы», которым европейцы обыкновенно обозначают туземцев Гренландии, Полярного архипелага и берегов Ледовитого океана, вообще истолковывается этимологами в смысле «едящих сырую рыбу»: это название, альгонкинского происхождения[4], говорят, было дано «гипербореям» их врагами, краснокожими индейцами, гордящимися своей, якобы, высшей, цивилизацией. Но сами эскимосы, полагавшие, в своей отчужденности от остального мира, что они одни составляют почти всё человечество, называли себя различными именами, между прочим, именем иннуит или иноит, которое значит «люди по преимуществу». Одно из этих наименований, каралит, есть, повидимому, то самое, из которого древние скандинавские мореплаватели сделали слово «Skrallinger», для обозначения туземцев, с которыми они вступили в смертельную борьбу тотчас после своей высадки на берег. Что касается

1 Gwyn Jeffreys, „Britich Association“, Glasgow, 1878.

2 Ad. W. Greely, „Three Years of Arctic Service“.

3 John Ross, „Narrative of a Second Voyage in searsh of a North-West Passage“, 1819;—Bessell, „Archiw fur Anthropologie“, 1875;—Elie Reclus, „Les Primitifs“.

4 Lafiteau, „Moeurs des sauvages americans, comparees aux moeurs des premiers temps“;—Hind, „Labrador peninsula“.

европейцев, то они известны между туземным населением под именем «каблунак», или «увенчанных», т.е. носящих головной убор.

Гренландские иннуиты все живут на морском побережье, как их западные родичи и как сибирские чукчи, принадлежащие, вероятно, к той же расе. Ледники не позволяют им жить внутри страны, а рыбный промысел, главный источник пропитания для жителей, заставляет их селиться по берегам фиордов и далеко выдающихся в море полуостровов. Поэтому их легко можно было сосчитать в округах, где европейцы живут рядом с ними. Общее число их около тридцати тысяч во всей Северной Америке; в самой Гренландии их насчитывается около десяти тысяч, по ежегодным переписям. Вот точные цифры:

Гренландское население исследованного побережья:

	Жит.		Мужчин	Женщин
Инспекторат северн. Гренландии (1886 г.)	4.144	из них	2.119	2.295
Инспекторат южной Гренландии (1882 г.)	5.484	„	2.516	2.968
Восточная территория (1884 г.)	548	„	247	301
Итого	10.446		4.882	5.564

Численность населения Гренландии на западном берегу, 31 декабря 1891 г: 10.244 эскимосов и 280 европейцев.

Следовательно, в среднем, приходится по 1 жителю на 100 квадр. километров. В некоторых округах группы жилищ удалены одна от другой на большие расстояния, иногда на 100 и более километров, и туземцы могут посещать друг друга не иначе, как морским путем. И несмотря на то, что эта раса распространилась на огромном пространстве, именно от шести до семи тысяч километров с запада на восток, от берегов Тихого до берегов Атлантического океана, нравы, впрочем, регулируемые сходством среды, мало разнятся у различных племен, и говоры их, полисинтетические, как американские языки, имеют те же корни и одинаковую конструкцию, от Берингова пролива до Лабрадора, так что отдельные народцы легко понимают друг друга. Наиболее отличается от всех других наречие редких обитателей восточной Гренландии, отчасти, вероятно, вследствие долгой отчужденности, в которой пребывали эти туземцы, но главное потому, что они старательно избегают всякого сочетания слогов, которое напоминало бы имена умерших: каждая смерть способствует изменению диалекта.

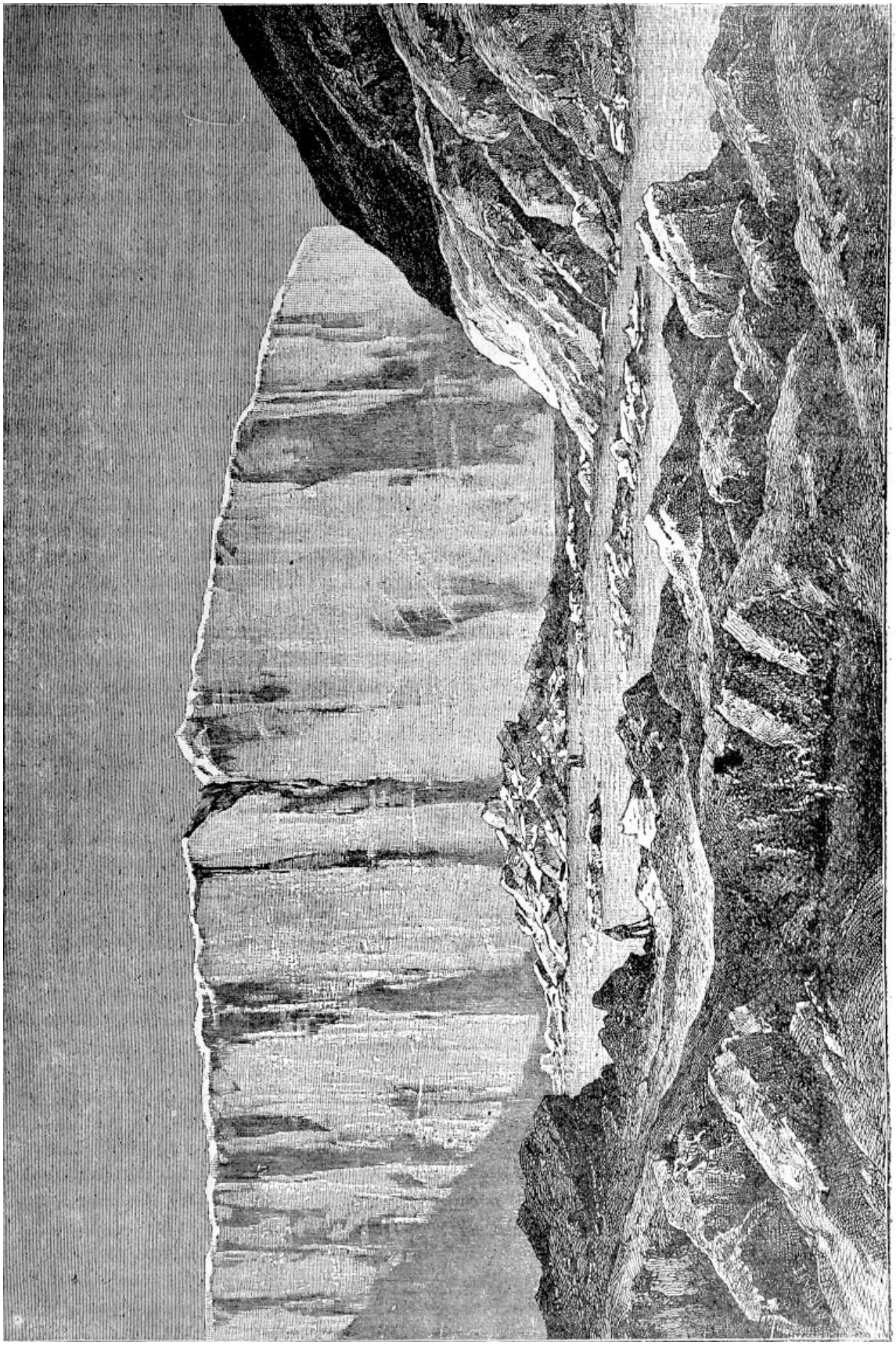
Поразительное сходство нравов гиперборейских эскимосов с нравами везерских троглодитов (обитавших на берегу реки Везеры), какими мы их знаем по остаткам всякого рода, открытым археологами, породило гипотезу о расовом родстве между этими двумя группами населения. Некоторыми исследователями высказано было мнение, что «магдаленцы» Галлии, жившие в эпоху, когда климат бассейна Дордони походил на климат, господствующий ныне в полярных странах[1], постепенно подвигались к северу, по мере того, как возростала средняя годовая температура: следуя в своем отступательном движении за снегами и зверями, живущими в их соседстве, пещерные обитатели достигли, наконец, полярного круга и сделались предками иннуитов. Однако, Ринк, который из всех датских ученых наидолее прожил среди гренландцев и наилучше изучил их обычаи, нравы и наречия, отвергает эту теорию, как не выдерживающую критики: по его мнению, эскимосы—чистые американцы, и хотя по виду сильно отличаются, в английских владениях, от своих ближайших соседей, краснокожих индейцев, но тем не менее представляют целый промежуточный ряд переходов через своих родичей, живущих на полуострове Аляске, на островах Шарлоты и в Британской Колумбии[2].

Между гренландскими эскимосами всего чаще встретишь людей среднего и даже высокого роста, преимущественно на восточном берегу, что, как полагали прежде и как полагает Норденшельд до сих пор, свидетельствует о смешении расы с скандинавами; некоторые из этих восточных туземцев отличаются тонкой талией. Большинство эскимосов западного бе-

1 G. de Mortiller, „Le Prehistorique“;—Lubbock;—Dall, etc.

2 Henrik Bink, „Meddelelser om Gronland“;—„The Eskimo Tribes“.

рега малорослы (средний рост эскимосов, по Сотерленду, 1,58 метра), но коренасты и сильны, с короткими ногами и тонкими кистями рук. Кожа их, если смыть с неё слой жира, которым она обыкновенно покрыта, имеет желтоватый цвет. Лицо у них широкое и плоское,

Видъ ледника лэди Генріэты, въ Гриннельлендѣ.

нос приплюснутый, глаза карие, немного скошенные, как у китайцев, волосы черные и жесткие, ниспадающие на лоб, усы очень редкие; выражение лица кроткое, напоминающее физиономию тюленя, животного, о котором они постоянно думают, и смерть которого дает

им жизнь[1]. Тюленя же они напоминают своей развалистой походкой и круглым телом, покрытым слоем жира, который защищает их от холода. Что существенно отличает эскимоса от монгола и китайца, которых прежде считали одной с ним расы,—это форма головы: он принадлежит к самым длинноголовым из людей; череп его, с вертикальными стенками, с выступающим гребнем, часто принимает ладьевидную форму[2]. По Даллю, вместимость черепа у эскимоса больше, чем у краснокожего.

Мужчины и женщины одеваются почти одинаково; впрочем, европейские моды проникли и в Гренландию, и теперь уже во многих местах можно встретить мужчин, одетых как европейские пролетарии, и многие женщины рядятся в бумажные материи и разноцветные ленты. Но узкия отверстия хижин не позволяют им носить пышные платья, а во время зимних холодов никакой костюм не мог бы заменить с пользой их сапог, вышитых панталон из тюленьей кожи и куртки с *амаутом* или капюшоном, где помещается грудной ребенок. Впрочем, эта одежда не безобразна, и молодые эскимоски довольно миловидны, с их смеющимся лицом, с шевелюрой, заплетенной в форме нашлемника сверху яркого платка: лента в волосах указывает своим цветом гражданское состояние женщины. В датской Гренландии женщины теперь уже не татуируют подбородок, щеки, руки и ноги и не продевают под кожу разноцветные нитки[3], потому что миссионеры запретили этот обычай, как языческий. Прежде они запрещали также пение, пляску, сказывание древних легенд. Даже гимнастические игры между молодыми людьми строго осуждались[4]. Водку позволено пить только раз в год[5], в день тезоименитства короля датского; для оправдания королевской монополии торговли в Гренландии, приводят тот резон, что эта монополия охраняет страну от ввоза спиртных напитков.

Все эскимосы датской территории уже обращены в протестантизм. Ганс Эгеде, первый миссионер, высадился в 1721 году, близ того места, где ныне находится поселение Годтгаб, или «Доброй Надежды»; затем двенадцать лет спустя, приехали «моравские братья» и основали свою «паству» в том же округе, но долго не имели «пасомых». Дело в том, что они стремились произвести полный переворот в гренландском обществе. Им недостаточно было отнять у *ангаковов*, или туземных шаманов всякий религиозный престиж,—они хотели также заместить их в качестве гражданских советников и судей, упразднить публичные судилища, пред которыми противники излагали пением и мимикой свои жалобы. Действительно, обращение в христианскую веру сопровождалось порабощением туземцев, и никогда не бывало возмущений между новыми христианами; единственные столкновения, какие случались, происходили от религиозного рвения некоторых из пасомых, провозглашавших себя пророками или выступавших в роли основателей сект. У туземцев западного берега не осталось никаких следов язычества, кроме того только, что верховный бог Торнарсук сохранился и при новой вере, но с переменой роли: теперь он считается дьяволом, и *бутакаки*, бывшие добрые духи, сделались его адский свитой[6]. Уже лет сто или более, как гренландские родители перестали класть на могилу новорожденных собачью голову, «дабы душа собаки, умеющая везде найти свое жилище, показывала душе ребенка дорогу в землю духов»[7]. В восточной Гренландии тела умерших бросают в море; только во время эпидемии их оставляют в хижинах, а пережившие устраивают себе новое жилье. Разные деревянные фигуры, напоминающие «генеалогические деревья» островитян южной Аляски, до сих пор ещё украшают вход домов в самых северных деревнях атлантического берега[8]. Часто во время охоты на окраинах ледников туземцам чудятся призраки, расхаживающие на высотах: это духи, приходя-

1 Elie Reclus, цитиров. сочинение.
2 Topinard, „Anthropologie“.
3 Henrik Helms, „Gronland und die Gronlander“.
4 H. Rink, цитиров. сочинение.
5 Hayes, „Land of Desolation“;—Rabot, „Societe de Geographie“, 7 decembre 1888.
6 H. Rink, „Danish Greenland“.
7 Cranz, „Geschichte von Cronand“;—P. Egede. „Efterretninger om Gronland“.
8 Graah, „Narrative of an Expedition to the East of Greenland“.

щие с того света, чтобы пугать живущих[1].

Хотя гренландцы стали «братьями» своих наставников в религии, но материальный быт их нисколько не улучшился против прежнего времени. Их зимники, построенные из камней, вперемежку с слоями земли и дерна, и крытые тоже кучами земли, поддерживаемыми несколькими бревнами из плавучего леса, малы, тесны и часто оседают. Большинство этих хижин без печей и нагреваются только лампой, этой душой жилища в длинные зимния ночи. Воздух проникает туда только через узкий проход в корридоре; оттого жилье превращается в страшный вертеп, окруженный навозными кучами и всякими нечистотами. В конце зимы обитатели, вырвавшись, наконец, из этих душных и смрадных нор, сбивают крышу с землянок для того, чтобы ветер и дождь очистили их зимники, и разбивают палатки в более здоровом месте. На восточном берегу каждое поселение состоит из одного лишь дома, построенного на склоне пригорка, фасадом к морю, а задней стороной глубоко врытого в землю; в среднем население каждого жилья состоит из десяти семей или около пятидесяти человек[2]. Восточные эскимосы добывают огонь первобытным способом—посредством трения двух кусков дерева[3].

Вынужденные, для отыскивания пищи, вести почти кочевой образ жизни, туземцы должны, под страхом крайней нужды, иметь упряжку собак для своих саней. Во всей Гренландии не насчитывается даже полсотни коров и быков; овцы, козы, даже куры встречаются лишь в редких дворах, ревниво охраняемых богатыми чужеземцами: единственное сколько-нибудь ценное домашнее животное—собака, да и это животное—крайне своенравное, почти дикое, часто мучимое голодом, так как у эскимоса редко бывает такое обилие съестного, чтобы он мог уделить что-нибудь своей скотине: последней предоставляется самой отыскивать себе пищу между отбросами и нечистотами. Но этой жалкой расе голодных собак сильно грозит опасность близкого исчезновения, и является вопрос, как сами туземцы избегнут вымирания, когда у них не будет больше собак для перевозки от фиорда к фиорду их самих и добычи их рыбной ловли. В шестидесятых годах между тамошними собаками вдруг распространилась какая-то болезнь в роде бешенства: ворча и яростно нападая друг на друга, они отказывались от всякой пищи и часто менее, чем через сутки, издыхали в титанических конвульсиях. Не нашли другого средства, как убивать каждую собаку при первых симптомах болезни; однако, удалось ограничить распространение эпидемии: она не переходила за фиорд Якобсгавн, в южном направлении. В 1877 году число упряжных собак было ещё около 1.800 во всей Гренландии, а саней насчитывалось 320[4]. Предлагали заменить, в качестве упряжного животного, собаку северным оленем; но гренландцы не умеют приручать его, и теперь олень стал очень редок в соседстве датских поселений: нужно было бы ввести колонистов из Лапландии с их стадами[5].

Лодки у гренландцев двоякого рода: рыболовные и перевозочные, *каяки* и *умиаки*. Хотя названию «каяк», заимствованному у тюрских народцев Сибири, соседей чукчей, посчастливилось распространиться во всём свете, на Антильских островах в форме *каюко*, в Константинополе в форме *каик*, гренландский челнок свойствен исключительно эскимоскому миру. Каяк сделан из деревянной рамы, длиной от 5 до 6 метров, шириной около 60 сантиметров, обтянутой тюленьей кожей, и имеет только одно узкое отверстие, через которое и влезает гребец, надевая на себя капот, пришитый к челноку; таким образом пловец составляет как бы одно целое с лодкой и, вооруженный двойным гребком, скользит по воде почти так же быстро, как сам тюлень: 130 километров в день—такова средняя скорость хода у хорошего гребца. Когда челн опрокинется, достаточно удара потеси, чтобы снова подняться; если бы древние увидели эти существа, полу-человека, полу-лодку, они, вероятно, сочинили бы из

1 Hayes, цитиров. сочинение.
2 Garde, „Petermann's Mittheilungen", 1886, Heft II.
3 Holm, „Comptes rendus de la Societe de Geographie", 1886.
4 H. Rink, цитиров. сочинение.
5 „Comptes rendus de la Societe de Geographie", 1882.

них особую расу, и с большим основанием, чем какое имели для создания своих центавров[1]. Кроме гребца, эта пирога может поднимать тяжесть до одного метрического квинтала (около 6 пудов); но сама она весит не более 25 килограммов (полтора пуда), так что один человек без труда тащит её по земле или несет на спине. Каяк—в своем роде совершенство: весла, остроги, удочки, костяные оправы, ремни—всё это так толково слажено и приспособлено к цели, что самый изобретательный европеец, говорит Норденшельд, не мог бы придумать ни малейшего усовершенствования. Другой род челнока, умьяк, или «женская лодка», действительно служит обыкновенно для плавания женщин, но редко пускается в открытое море, за линию прибоя; он плоскодонный и размерами больше каяка, так что может поднимать до трех тонн (около 183 пудов) груза, но устроен также из сшитых тюленьих кож, натянутых на деревянную раму, и сквозь просвечивающие бордажи его видны волны, бегущие вдоль боков ладьи. Удар большой ледяной глыбы мог бы разрезать и потопить умьяк; оттого гребщицы плавают вообще очень осторожно. Из всех эскимосских племен только у одного нет никаких лодок, именно у жителей Иты. Забыли ли эти туземцы искусство плавания, или рассудили, что на берегу моря, почти всегда покрытого льдом, они потеряли бы напрасно время, дожидаясь вскрытия вод, и что лучше безотлагательно заняться охотой на твердой земле и на сплошных ледяных пространствах?

Эскимосы выказывают замечательную ловкость в преследовании тюленя. Они обыкновенно нападают на него врасплох и маневрируют так, чтобы загнать зверя в какую-нибудь бухту и отрезать ему отступление. К гарпуну они привязывают длинную веревку, снабженную надутым пузырем; она указывает место, где тюлень нырнул, и заставляет его вернуться на поверхность, где его ожидают удары дротика или пули карабина. Зимой охотники тоже умеют ловить свои жертвы, несмотря на слой льда, покрывающий море. Животные, вынужденные время от времени дышать наружным воздухом, держатся в соседстве прорубей, сделанных силой прилива, или трещин кристаллической плиты: их «вентиляторы» обыкновенно представляют узкие каналы в толщине ледяной коры, отверстия в несколько сантиметров ширины, поддерживаемые их дыханием, и наружные края которых постепенно повышаются от осаждающагося пара. Иннуит издалека видит эти колоколообразные выступы на ледяной поверхности, он слышит тяжелое дыхание тюленя, и, подкравшись к отверстию, вдруг вонзает острогу в зверя[2]. Северный олень тоже издали выдает себя паром, образующимся от дыхания в поднимающимся, точно столб дыма, к ясному небу.

Эскимосу нипочем съесть десять или двенадцать килограммов мяса в день, но ему редко удается добыть такой запас провизии: по точной статистике, составленной Ринком, общее число животных, убиваемых в датской Гренландии, дает едва один килограмм мяса в день на каждого жителя.

Средний улов, за время с 1870 по 1877 г.:

Тюленей обыкновенных (phoca foetida)—51.000; других видов тюленя—37.000; моржей—200; белых китов и нарвалей—700; настоящих китов—3; трески—200.000.

Улов в 1893 г.: тюленей—90.000; моржей и китов—1.000, трески—700.000 штук.

Еслибы пища распределялась равномерно по временам года, её, может-быть, и хватало бы, но часто случается, что за периодом изобилия следует период недостатка. Большую часть года несчастные терпят голод. Древний обычай людоедства не существует белее, детоубийство редко практикуется, и хворые, старики, чувствующие себя бесполезными, не просят уже своих родных прикончить их; но смерть делает то же самое косвенно посредством нищеты. Однако, смертность оказывается гораздо слабее в период голодовки и зимней спячки, чем осенью, когда обилие жизненных припасов позволяет обжираться мясом.

Смертность в южной Гренландии (средняя за 26 лет):

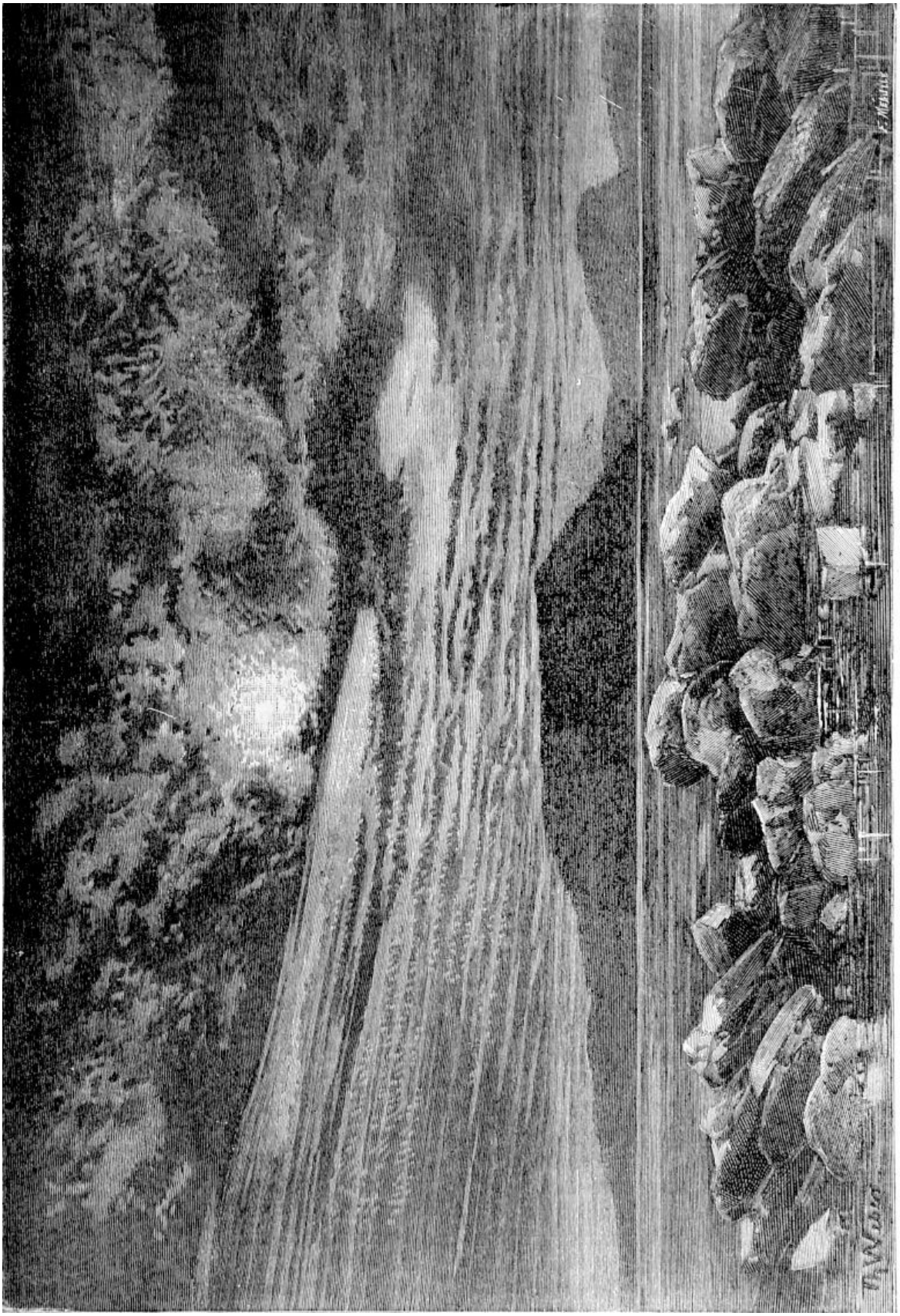
Зимние месяцы—192 смертных случая; осенние месяцы—382 смертных случая.

Около 8 процентов смертности приходится на долю крушения каяков; оттого женщины,

1 J. Bellot, „Journal d'un Voyage aux mers Polaires".

2 H. Rink, цитиров. сочинение.

хотя рождающиеся в меньшем числе сравнительно с мужчинами, гораздо многочисленнее в среднем, именно в отношении 115 к 100. Может-быть, ни в какой стране нет более значительной численной разницы между полами.

Полярный пейзажъ.

Писатели единогласно считают гренландское население находящимся на пути к вымиранию (так, например, в 1882 году книги «гражданского состояния» в датской Гренландии показывают 335 родившихся и 401 умерших) По исчислению миссионера Эгеде, на западном

берегу в начале прошлого столетия было около тридцати тысяч эскимосов; но уменьшение численности населения шло очень быстро, и сто лет спустя, во всей датской территории, по словам путешественника-исследователя Граа, насчитывалось уже только немногим более шести тысяч душ. Тем не менее, с этой эпохи число жителей постепенно возрастало до 1850 г., и в наши дни оно держится из года в год на цифре между 9.500 и 10.000 душ, благодаря смешанным бракам, которые дают более крепкое и живучее потомство, чем дети от чистой расы; при том иммиграция тоже противодействует обезлюдению, так как дикари восточного берега, повинуясь тому же притяжению, которое в Европе влечет сельских жителей в города, покидают свои становища, чтобы селиться на западном берегу, в соседстве европейцев. Очень любопытные и одаренные большим природным умом, гренландцы могут с полным правом называть себя цивилизованными: большинство их умеют читать и писать на родном (иннуитском) языке, петь европейские мелодии, и многие говорят по-датски и по-английски; почти каждая семья имеет свою домашнюю собственную маленькую библиотеку и читает эскимосскую газету, а также сборник народных легенд, украшенный гравюрами, работы артистов их расы; Гренландия даже обладает по крайней мере одной оригинальной книгой: это—разсказы о путешествиях Ганса Гендрика, спутника Кэна, Голля, Гейса и Нэрса. По Ринку, до 1874 года, на гренландском языке вышло в свет: 25 сочинений духовного содержания, 16 учебников и 16 литературных произведений, всего 57 изданий. Но если образование возросло, то социальные условия много изменились в ущерб нравственным качествам нации. Прежде солидарность была гораздо теснее между членами одной общины: право частной собственности ограничивалось предметами личного употребления, каковы одежда и оружие; семья владела безраздельно лодками, санями и упряжными животными; земля, где производится охота, принадлежала сообща всем жителям деревни и их гостям; добыча звериной и рыбной ловли, мясо тюленей делились по-ровну; в случае поимки кита приглашали всё окрестное население[1]. Права общинного владения регулировались и охранялись мирским сходом, который обыкновенно сопровождался пиршеством. Европейцы изменили всё это, введя куплю и продажу, расширив в свою пользу право личной собственности, возвестив новое евангелие «каждый для себя». Бедность, которой члены общины подвергались все вместе в черные дни и которая тогда редко была тягостной, стала уделом огромного большинства гренландцев, которые теперь скучились вокруг миссионеров и купцов, живя подачками и займами; они наперед закладывают кредиторам продукт своего труда и, следовательно, попадают в кабалу, своего рода рабство. Перемена социального быта отразилась и на нравственных качествах гренландцев. Про них уже нельзя сказать, как про эскимосов, виденных датским исследователем Граа и слывших в былое время людоедами, что это «самые кроткие, самые честные и самые добродетельные из людей»; однако, в языке их нет ни одного бранного слова.

Часть Гренландии, где Эрик Красный построил свой укрепленный дом и куда вслед за ним приходили искать убежища и другие изгнанники, всё ещё одна из наименее пустынных областей острова; это, вместе с тем, самая плодородная и наименее суровая, по климату, область. Юлианагаб, столица этого округа, где сосредоточена четверть гренландского населения, сгруппировал свои хижины на берегу речки, в луговой долине, близ глубокого фиорда; однако, судам очень редко удается проникнуть туда прямо с моря: вход почти всегда загроможден полосами плавучих льдин, гонимых отливом полярного течения, и суда только длинным обходом к северу, по береговому каналу, могут добраться до якорной стоянки перед Юлианагабом. В окрестностях последнего рассеяны во множестве норманнские или какие-то другие развалины; их насчитывают около сотни. У самой оконечности фиорда, на берегу которого расположен этот главный город округа, тоже видны остатки строений, приписываемых первому завоевателю; существуют также обломки зданий на конечном островке Гренландии, на мысе Прощания (Фарвель), но в настоящее время самое южное поселение—

1 H. Rink, „Tales and Traditions of the Eskimos“.

миссионерский стан моравских братьев, Фридериксдаль, пункт прибытия эскимосских эмигрантов с восточного берега. В этом месте поле внутренних льдов, суженное между двух гор, имеет всего несколько километров ширины, так что легко можно перейти с одной покатости на другую, и действительно, белые медведи иногда пользуются этим проходом[1].

Округ Фредериксгаб, следующий за округом Юлианагаб в северном направления, имеет границей языки ледника, наполняющего всю внутреннюю часть Гренландии: на юге льды достигают моря близ крутых островных гор мыса Дезолешен; на севере показывается исполинский *isblink* Фредериксгаба, и моряки, проходящие в открытом море, видят беловатый отблеск этой ледяной массы, освещающий небо. Деревня, давшая свое имя всему округу, обладает прекрасною гаванью, защищаемой островами, но окруженной скалами и болотами. Важнейшее поселение на этом берегу—Ивигтут или Ивигтот, прославившийся своими залежами криолита, единственными в свете. Этот минерал, беловатого цвета,—откуда и название его «ледяной камень»,—давно был известен гренландцам, и европейские минералоги давно уже дали его описание; но только в 1856 году Сент-Клер-Девиль нашел ему роль в промышленности фабрикации аллюминия. Но это производство не развилось, несмотря на радужные надежды спекулянтов, и криолит утилизируются теперь почти только для извлечения из него соды и квасцовых солей, употребляемых в красильном искусстве; туземцы измельчают его в порошок и прибавляют к табаку, для увеличения крепости; средний годовой вывоз этого минерала составляет 775 тонн. Криолитовые залежи в Ивигтуте сданы в оброчное пользование частной компании, за определенную годовую плату в пользу датского правительства. Незначительные по протяжению, эти залежи выступают на поверхность у основания вертикального утеса, на самом берегу моря, так что суда принимают груз прямо с места добычи[2]. Рабочие, в числе около сотни человек, почти исключительно европейцы и холостяки. Ивигтут даже не деревня, а просто каменоломня и пристань для погрузки выломанной плиты. Можно бы было также разработывать асбест (горный лен), залежи которого встречаются во многих местах Гренландии, и эвдиалит в Юлианагабе,—вещество, доставляющее лучшие запалы для электрического света[3].

Во всякой другой стране Годтгаб, по своему местоположению, представлял бы очень выгодные условия для торговли, благодаря разветвлению фиордов, проникающему далеко внутрь края; но эта область одна из наименее населенных в датской Гренландии; торговля туземными продуктами, каковы шкуры тюленя и северного оленя, треска, гагачий пух, почти совсем прекратилась, вследствие истребления животных или недостатка рессурсов. А между тем некогда это был самый богатый и первый по торговле округ, тот округ, где поселился Эгеде и впоследствии моравские миссионеры; он и теперь ещё литературный центр Гренландии, так как имеет семинарию и типографию. Лежащая севернее деревня Суккертоппен, или «Сахарная голова», названная так от конусообразной горы её острова, представляет более зажиточное поселение. Это многолюдное место Гренландии, и многие из его 360 жителей выучились строить суда европейской формы, для ловли трески.

Далее, в северном направлении, следуют одна за другой несколько менее важных деревень, как-то: Гольстенберг, окруженная ивняком и прежде обогащавшаяся китоловным промыслом; Эгедесминде, лежащая на островке, у входа в большую бухту Диско; Кристиансгаб, построенная на материке, на восточной стороне той же бухты; Якобсгавн, помещающийся при входе в фиорд, куда впадает знаменитейший ледник Гренландии, тот, от которого отделяются самые колоссальные глыбы; он находится теперь в поступательном движении: передний конец его выдвинулся в море на 3 километра с 1878 года, когда эти места посетил путешественник Гаммер[4]. Порт Годгавн, прежде известный у китоловов под именем Lievely, находится на южном берегу острова Диско. Это—наиболее посещаемая гавань Гренландии;

1 H. Rink, „Petermann's Mittheilungen", 1889, Heft V.
2 Rink, цитиров. сборник.
3 Nordenskjold, цитиров. сочинение.
4 Rabot, „Seance de la Societe de Geographie", 7 Dec. 1888.

большинство китоловов и путешественников-исследователей заходят туда во время шестимесячной навигации; по словам эскимосской легенды, в этом месте была завязана веревка, при помощи которой один древний волшебник оттащил остров Диско от материка. Сады и огороды Годгавна, расположенные на полдень, славятся во всей Гренландии своим плодородием. Пролив Вайгат, проходящий на северной стороне острова Диско и отделяющий его от гористого полуострова Нурсоак, приводит в другой маленький порт, Ритенбенк, а за полуостровом, на севере, находится островная деревня Уманак, промышляющая ловлей тюленя, которым изобилуют соседния моря. Графит, открытый в утесах Нурсоака, не имеет экономической ценности.

Упернивик (Упернавик) и Тасгусак, лежащий ещё севернее (73°24'),—последние станции Гренландии, где живут европейцы, печальные места, окруженные снегом, у подошвы желтоватых или темнобурых скал: зимой там солнце остается под горизонтом восемьдесят дней, и, по страшной иронии судьбы, это место продолжительных морозов носит эскимосское имя, означающее «весну». Бессмысленное зверство войны распространилось до этого конца света. В начале настоящего столетия Упернивик был сожжен английскими китоловами, и впродолжении семи лет, с 1807 по 1814 год, не существовало никакого сообщения между Данией, т.е. Европой, и Гренландией[1].

Оффициально Гренландия вся принадлежит Дании; однако, датская территория обнимает лишь обитаемую часть западного берега, между мысом Прощания и деревней Тасиусак. Кроме двух «губернаторов», северо-гренландского и южно-гренландского, агенты казенной торговли, имеющиеся в каждом посту побережья, тоже являются представителями власти между туземцами и состоят под ведением министра торговых дел в Копенгагене. Лютеранские миссионеры также представляют из себя правительственных чиновников, потому что они назначаются на должности министром народного просвещения в Копенгагене и самостоятельно управляют делами своих приходов, но будучи подчинены контролю губернаторов. Наконец, и моравские миссионеры, хотя не облеченные оффициальными правами, пользуются большим влиянием и исполняют одновременно функции мэров и судей в сгруппированных около них общинах, заключающих в совокупности пятую часть всего населения. Трем медикам, назначаемым датским правительством, поручен санитарный надзор на всем обитаемом побережьи, т.е. на пространстве слишком 1.600 километров. Каждая община имеет теперь муниципальное устройство, и общинный совет, избираемый из наиболее искусных рыболовов, действует также в качестве суда—разрешает споры, налагает пени и в особо важных случаях приговаривает виновных к палочным ударам. Это уже европейские новшества. Прежде единственным наказанием было публичное порицание, соразмеряемое со степенью важности проступка или преступления.

Торговля Гренландии составляет с 1774 года безусловную монополию датского правительства, которое содержит на побережье около шестидесяти контор, где оно продает европейские товары в обмен на произведения страны, жир и шкуры тюленя, гагачий пух, перья, моржовые клыки, зубы рогозуба (нарваля), шкуры лисицы, медведя и северного оленя. Годовой оборот, в среднем, около полутора миллиона франков. Так, например, в 1897 году ценность торгового обмена выразилась следующими цифрами:

Привоз в Гренландию—767.000 крон; вывоз из Гренландии—368.000 крон.

Плавание из Дании в Гренландию считается весьма опасным, по причине туманов и льдов; однако, «королевская» торговля потеряла не более трех судов за время с 1817 по 1862 год, т.е. на сто путешествий только одно было гибельным. Суда «монополии» построены очень солидно, с медной обшивкой, для защиты от льдов, и состоят под командою опытных капитанов, совершающих регулярно тот же рейс. Что касается обыкновенных купеческих судов, приходящих за грузами криолита и не приспособленных специально для плавания в гренландских водах, то они подвергаются большому риску: с 1856 по 1862 год их погибло не менее десяти из шестидесяти семи. Береговое сообщение между постами, вверенное эски-

1 A. de Humboldt, „Histoire de la Geographie du Nouveau Continent".

мосским морякам, которые путешествуют в санях или в каяке, очень редко прерывается по случаю крушения челноков.

В административном отношении Гренландия разделена на две провинции, которые, в свою очередь, подразделяются на следующие округи:

Южная Гренландия: Юлианагаб, Фредериксгаб, Годгаб, главный город, Суккертоппен, Гольстенборг.

Северная Гренландия: Эгедесминде, Кристиансгаб, Якобсгавн, Годгавн, главный город, Ритеибенк, Уманак, Упернивик.

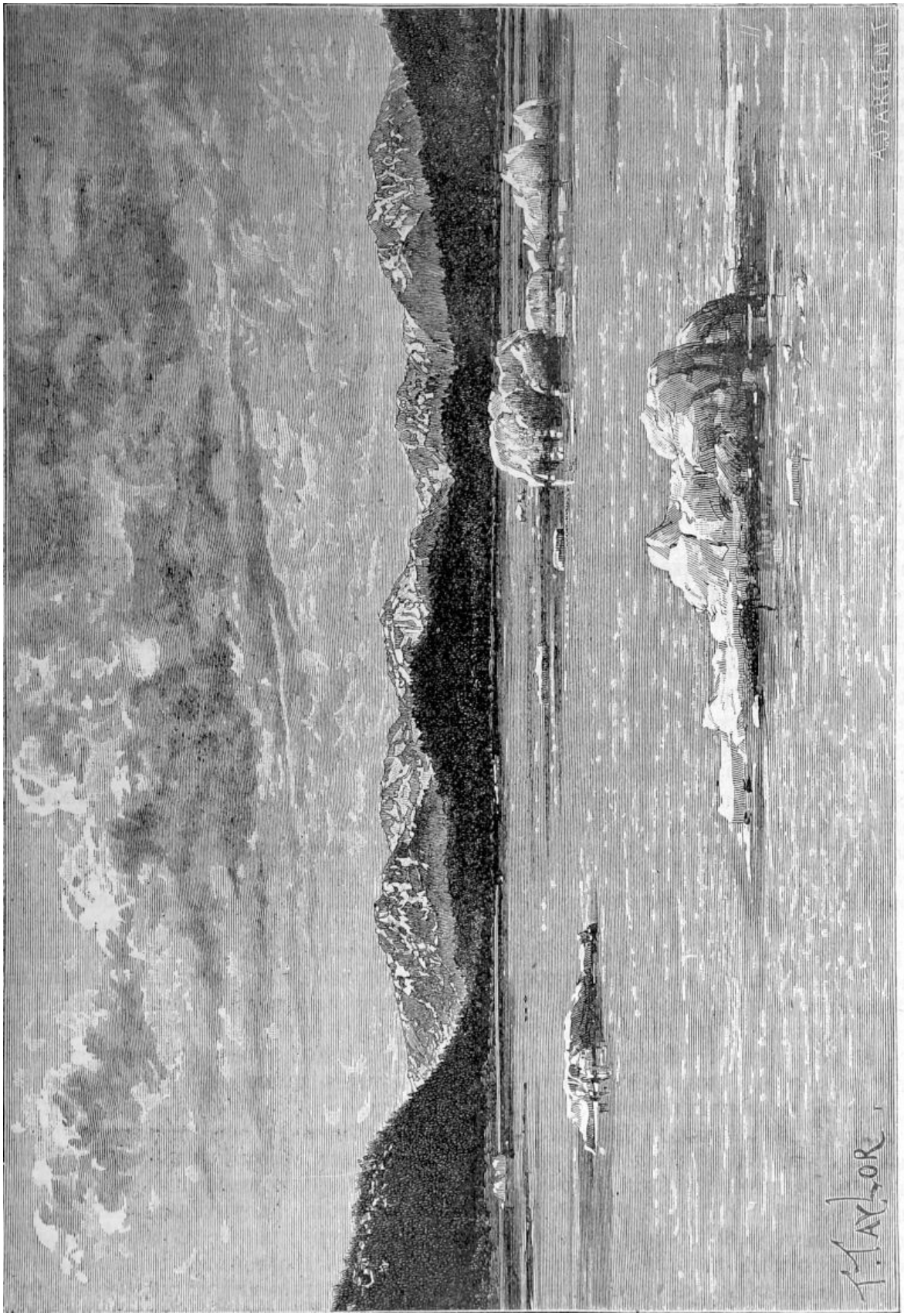
Восточная и северная части Гренландии, не присоединенные оффициально к Дании, не имеют административных делений.

Глава III. Полярный архипелаг

Острова, лежащие за полярным кругом и составляющие продолжение американского материка в направлении к полюсу, изображаются на картах ещё без достаточной точности на значительной части их контуров. Возможно, что многие мысы, указанные на картах, объявятся отдельными островками; предполагаемые фиорды превратятся в проливы, разделенные земли соединятся в один остров; другие, напротив, распадутся на несколько островов; относительно некоторых гор, тщательно нанесенных на карту, быть-может, окажется, что это были просто облака; в самом деле случалось, что мореплаватель, приметив вдали какую-то высокую гору, поспешит окрестить её тем или другим именем, но едва он успеет удалиться, как открытая им гора уже рассеялась в воздушном пространстве. При том же часть этого архипелага, простирающуюся на северо-восток от островов Парри, видели ещё только мельком, и следовательно, истинная форма её неизвестна. Поэтому пространство в 1.800.000 квадр. километров, которое дают совокупности Полярных островов Америки, имеет лишь временное значение, как приблизительная величина, допускаемая до более точных исследований.

Арктический архипелаг распадается на несколько отдельных групп. Первый ряд островов ясно ограничен: с одной стороны, проливами Смита, Кеннеди, Робесона, которые отделяют его от Гренландии; с другой—проливами Ланкастера, Барро, Банкса, образующими как бы длинную улицу между Баффиновым морем и морем Аляски. Большой остров, называемый Баффиновой землей, и береговые островки, которыми продолжается на север полуостров Лабрадор, и которые омываются на востоке морями Дэвисовым и Баффиновым, составляют вторую группу; наконец, далее к западу, земли, лежащие вдоль побережья Британской Америки и отделенные от неё лишь извилистыми каналами и заливами озерного вида, образуют особую часть архипелага. До недавнего времени только несколько эскимосских имен виднелись на картах, составленных путешественниками-исследователями. Встречая туземцев лишь в очень редких местах, они должны были сами сочинять географическую номенклатуру этих стран, и сочиняли её, как подобает «лойяльным» англичанам или американцам, крестя мысы, заливы, проливы, горы и острова именами королей, королев и президентов республики, принцев и государственных мужей. Фамилии знаменитых мореплавателей и ученых тоже послужили, в значительной мере, материалом для обозначения географических черт Полярного архипелага; к сожалению, усердие и поспешность этих крестителей различных национальностей привели к тому, что одно и то же место, иногда получившее два, даже три названия, становится трудно-находимым. Что касается политического завладения, то не считали нужным делать или по крайней мере ратификовать его. Если бы оно должно было совершиться, то совершилось бы, конечно, в пользу Великобритании относительно всех островов, лежащих в соседстве Лабрадора и Английской Америки, равно как всех земель, окаймляющих на севере соединительные проходы между Баффиновым заливом

и морями Аляски. Ледовитые области, находящиеся против северной Гренландии, по другую сторону Смитова пролива и проходов Палеокристического моря, вошли бы в состав территории Соединенных Штатов.

Пейзажъ на Аляскѣ.

Исследование Полярного архипелага сливается, в истории географии, с поисками «Северо-западного прохода» и с попытками завоевания полюса. Имена Себастиана Кабота, Фробишера, Дэвиса, Байлота и Баффина, Джона Росса неразрывно связаны с островными

берегами, составляющими продолжение берегов Лабрадора. Кэн, Голль, Гэйс, Нэрс, Маркгам, Грили наиболее прославились между мореплавателями, форсировавшими, вполне или отчасти, проход среди льдов, который ведет в море, названное сначала «Свободным» (т.е. чистым от льда), а потом «Палеокристическим». Парри стяжал себе славу, как герой, проложивший дорогу к морям Азии через проливы Ланкастера и Барро; Гудсоново море справедливо было названо именем моряка, который открыл его, или по крайней мере исследовал, может-быть, после Себастиана Кабота; полуостров «Счастливая Боотия» (Boothia Felix), где находится станция магнитного полюса, напоминает экспедицию, к составу которой принадлежал Джемс Кларк Росс, открывший этот полюс; наконец, острова, лежащие на западе и близ берегов Британской Америки, повествуют о приключениях и судьбе, счастливой или роковой, Франклинов, Коллинсонов, Мак-Клюров, Келлетов, Мак-Клинтоков, Шваток.

Широкий рукав моря, отделяющий Полярный архипелаг от Гренландии, очень глубок при входе: против мыса Прощания (Фарвель) лот достигает дна только на глубине около 4.000 метров (почти четыре версты); под той же широтой, как и Гудсонов пролив, морское дно понижается на 3.000 метров; севернее, Инглефильд нашел 5.250 метров глубины, не достав дна; толщина слоя воды везде достаточна для того, чтобы ледяные горы, высотой до 80 метров, могли свободно плавать в полярном течении, не рискуя сесть на мель, хотя их цоколь погружен в море метров на 500: в бухте Мельвиля уже в 15 километрах от берега, глубина достигает 830 метров, а у входа в Смитов пролив промеры Росса обнаружили глубину 1.920 метров. В этих морях, широких и поддерживаемых в постоянном движении быстрыми противоположными течениями, навигация свободна летом вокруг скоплений и полос льда, кроме некоторых частей прибрежья, где подводные камни, ледяной бордюр по краям земли и вереницы плавающих льдин не позволяют судам близко подходить к берегу. Но далее на севере, в проливах, льды, не находя достаточно широких выходов к южным морям, обыкновенно скопляются в виде трудно проходимого хаоса. Известно, ценой каких неимоверных усилий Кэн и Гейс успели перебраться на санях, хотя проводниками у них были сильные и смышленые моряки, и хотя они имели в своем распоряжении отборных упряжных животных. Глыбы громоздились на глыбах во всевозможных положениях, в форме обелисков, пирамид, столов, нависших масс: один из путешественников-исследователей, проезжавший по этой бугристой поверхности, уподобляет её кровлям Нью-Йорка, с их пиньонами, печными трубами и бельведерами. Гейсу нужно было тридцать один день нечеловеческого труда, чтобы сделать переезд, считаемый по прямой линии не более 125 километров со всеми изворотами кружного пути[1]. Это загромождение пролива объясняется постоянным наносом льдов, прибывающих туда со всех сторон. На востоке, ледник Гумбольдта беспрестанно извергает в пролив обломки своей обваливающейся стены; на севере, лед нагоняют часто дующие северные ветры; на западе, два фиорда приводят целые вереницы больших и малых льдин; наконец, с юга, гренландское береговое течение тоже приносит свой контингент льдов громадному ледяному барьеру. Однако, случается иногда, что сильные течения и яростные северные и северо-восточные ветры, дующие особенно зимой[2], очищают частию проливы, и таким образом суда исследователей могли проникать туда. Когда ледяные горы, гонимые сильным течением, наскочат на песчаную мель или на основание мыса, они разбиваются со страшным треском, похожим на пушечную пальбу, а через несколько минут на месте громадных глыб видны лишь кружащиеся ледяные обломки.

На север от проливов и архипелага Парри, как известно, простирается то Полярное море, которое первые американские исследователи, Кэн, Голль, Гейс, считали «свободными», и которое, напротив, во время путешествий Нэрса и Грили оказалось наполненным «старыми льдами», скоплениями льдин и сплошных ледяных полей, частию оттаивающих летом и снова замерзающих и спаивающихся в долгия полярные зимы. По словам Грили, толщина ледяного слоя, покрывающего, в виде плиты, воду фиордов или Полярного моря, редко превы-

1 „The Open Polar Sea“, „A Voyage toward the Pole“.

2 Tyson, „Arctic Experiences“.

шает 2 или 2 с половиною метра; однако, он нашел в одном из фиордов земли Гриннеля кору толщиной в 3,65 метров. Мощность кристаллической массы возрастает впродолжении всей зимы и даже весной, до половины или до конца мая, затем она уменьшается летом. Следовательно, более мощные льды, скопившиеся в проливах и в Палеокристическом море, не остаются неизменно в первобытном состоянии, а образуют груды скученных глыб, постепенно нароставшие от прибавления новых отрывков, проскальзывавших под основание массы или громоздившихся на верху её. Оттого сплошной кристаллический покров представляет глубоко изборожденную поверхность: везде бугры, остроконечные вершины, зубцы, через которые моряки, подталкивающие или тянущие сани, пробираются лишь с величайшими усилиями; путешествие состоит из непрерывного ряда трудных подъемов и спусков. Самые ровные места иногда бывают и самыми трудными для перехода в долгий летний день: снег, покрывающий ледяную площадь, стал рыхлым, наполовину растаявшим, так что ноги вязнут в нём; иногда на обширном пространстве расстилаются лужи, и соленая вода действием капилярности поднимается наверх сквозь разрыхленный лед. Среди бесконечного хаоса, где замерзшие массы воды нагромождены в страшном беспорядке, путешественник с удивлением находит там и сям уголки, где лед является в совершенно правильных формах, в виде кубических плит, многогранников, длинных игол, тесно скученных, как камыши на болоте. Многие груды имеют вид горных пород, где кристаллы, неравные по величине и блеску, расположены один возле другого, как в граните или порфире: Парри охарактеризовал льды этого рода словом «порфировидные»[1]. Иные напоминают своей формой грибы или цветки, поддерживаемые тонкой ножкой.

Над глыбами в несколько метров высоты плавают, в Полярном море, большие ледяные горы, по виду резко отличающиеся от тех, которые обрушиваются с ледников Гренландии и уносятся на юг Баффиновым течением. В противоположность горам гренландского происхождения, являющимся в форме пирамид, зубчатых вершин, неравных куполов, ледяные горы Полярного моря имеют вообще отвесные стены и плоские крыши: они походят на огромные массы, на исполинские кубы льда, плавающие в антарктических морях. Сходство форм, вероятно, обусловливается аналогичным происхождением. Эти ледяные громады с правильным профилем представляют из себя не отрывки кристаллической реки, далеко выдвинувшейся в море, подобно льдам Якобсгавна и других глетчеров Гренландии, а земные льды, слои которых отлагались на ровной почве и которые давлением внутренних масс были постепенно вытеснены и спущены на море, как плоты. Параллельные наслоения, различаемые, по крайней мере издали, в этих кубических глыбах и которые, очевидно, образовались из снега, выпадавшего каждую зиму и последовательно превращавшагося в кристалл, доказывают, что эти ледяные горы несомненно земного происхождения, а не простые аггломерации морских льдин, ибо обломки, гонимые течениями и волнами, всегда имеют хаотический вид, свидетельствующий о беспорядочности их соединения[2]. Камни, составляющие часть срединных морен, странствуют вместе с глыбами, вкрапленные в толщу льда.

Зимой почти все острова Полярного архипелага соединяются между собой и с материком Америки сплошным полом, состоящим из старых отрывков, спаянных новыми льдами. Смотря по температуре и способу замерзания, молодой лед более или менее свободен от примеси соляных частиц; он появляется сначала в виде кашицы или сала, затем эта клочковатая жижа сгущается мало-по-малу и превращается в войлочную массу, которая, вместо того, чтобы отвердеть и выкристализоваться, как лед из пресной воды, принимает консистенцию кожи, когда содержит значительное количество соли: канадские моряки так и называют её «кожей»[3]. Эта масса колышется, как ковер, на волнах; но она не менее крепка, чем пресноводный лед, и в конце концов также запирает суда, тем легче, что она довольно липкая и скоро склеивается с плавающим льдом в сплошную ледяную площадь. Суда обыкновенно

1 „Narrative of an Attempt to reach the North Pole“

2 Adolphus W. Greely, „Proceedings of the R. Geographical Society“, March 1886

3 Fortin, Daniel Padnet; см. предисловие к „Voyaga de la Jeannette“ (trad. francaise).

находят открытую дорогу вдоль берегов: подобно тому, как в реках наибольшая глубина и самое сильное течение у основания прибрежных скал, так точно море волнуется и вздымается от прилива вблизи своих высоких берегов, ломая тонкую ледяную пленку, покрывающую береговой фарватер. Но с течением времени и эти пути закрываются. Известно, как часто корабли исследователей были охватываемы со всех сторон ледяной корой и даже, после долгой зимовки, оставались в плену весь лучший сезон, в то время, как матросы, бродя по льду вокруг своего примерзшего судна, жаловались на нестерпимую жару. Иногда лед давал трещину, и суда, высвободившись на минуту, немного подвигались вперед, но скоро попадали в безвыходный закоулок, и льды снова замыкались за ними. Так, в 1830 году, Джон Росс мог тронуться со своим кораблем только в сентябре и прошел всего только пять с половиной километров. В следующем году он был счастливее и подвинулся ещё на семь с половиной километров: тринадцать километров—вот и всё пространство, пройденное в два года. Но эта невольная остановка ещё не самая большая опасность, грозящая полярным мореплавателям: действием течений, проходящих подо льдом, потрескавшиеся и разломанные ледяные поля морской поверхности часто наносятся одно на другое, и суда, захваченные между этих сталкивающихся громад, рискуют быть раздавленными; иногда их только приподнимет и отбросит в сторону от льдов; другой раз тимберсы не выдерживают удара, и кристаллические глыбы соединяются через разбитое судно. Боялись, что так случится, когда знаменитый корабль *Polaris*, уже «пощипанный» льдами, был покинут половиной экипажа, искавшей спасения на плывущем ледяном поле: постепенно обламываемая волнами, огромная льдина принесла несчастных в воды Лабрадора. С другой стороны, льды часто давали кораблям убежище во время бурь: распиливая лед, экипаж устраивает для своего судна правильный бассейн, где оно вполне защищено от волнения и рассеянных в море ледяных глыб[1].

Несмотря на ледяной покров, застилающий арктические моря, течения и приливы распространяются через проливы. Колебания уровня продолжаются от одного океана до другого, огибая Америку; оттого первые мореплаватели, ходившие в полярные моря на поиски «Северо-западного прохода», тщательно наблюдали эти колебания, в надежде, что направление их укажет сторону горизонта, откуда приходит большая приливная волна Тихого океана. Однако, эти явления, подчиненные разнообразнейшим условиям, каковы форма бассейнов, ширина и глубина каналов, направление и сила ветра, перемены температуры, соленость вод, обилие льдов, очень часто вводили в заблуждение моряков; последние нередко предполагали существование крутых берегов там, где перед ними открывался широкий рукав моря; так, Джон Росс указывал на проходы Смита и Ланкастера, как на замкнутые моря. Нередко также случалось наоборот: то, что принимали за пролив, оказывалось в действительности заливом, как например бухта, в которую далеко углубился Фробишер.

Огромное скопление льдов, часто загромождающее проливы Смита, Кеннеди, Робесона, повидимому, происходит главным образом вследствие столкновения встречающихся там морских течений. Одно из этих течений, как известно, есть ветвь атлантического гольфстрема, и нередко оно приносило лес и обломки судов; но самое сильное течение, то, которое часто ломает ледяной барьер и уносит его обломки в Баффиново море и к берегам Лабрадора,—это течение Полярного или Палеокристического моря. Плавучий лес, который видели в первых бухтах воронки проливов, доказывает, что течение приходит из более далеких мест, чем Ледовитый океан[2]. На берегах этого бассейна не растут деревья, кроме приземистой ивы в один или два сантиметра высоты; между тем виденные куски дерева, в которых признали волокна орешины, ясеня и сосны, могут происходить только из умеренного пояса[3]. Если моряки не ошиблись в определении собранного ими леса, то орешина приносится, вероятно, из южной Японии, именно ветвью течения Куро-Сиво, которая проходит через Берингов пролив, затем поворачивает на северо-восток, чтобы обогнуть архипелаг Парри по направлению

1 Sherard Osborn, „Stray Leaves from an Arctic Journal“.
2 Adolphus W. Greely, „Three Years of Arctic Service“.
3 Griesebach, „Petermann's Mittheilungen”, 1874 Hей V.

к Гренландии. Что касается сосны, то всего естественнее предположить, что она приплывает, с устья реки Макензи. Через тот же узкий проход, обращенный к Полярному морю, приливы распространяются и с севера на юг, к Баффинову морю, встречаясь там с приливной волной, идущей из Атлантического океан. Допускают, но без доказательств, что этот прилив берет начало в бассейне Тихого океана и проходит чрез Берингов пролив[1]; но возможно также, что он происходит из Северной Атлантики и огибает на севере огромный остров Гренландии.

В проливе Ланкастера и в других проходах, через которые Баффинов залив сообщается с западными полярными морями, течение и прилив мало чувствительны: самые высокие приливы не превосходят 1 метра, при обыкновенных же изменение уровня незаметно[2]. Под, льдами, покрывающими воды на юг от острова Мельвиль, низкие приливы повышают уровень всего только на 3 или 4 сантиметра. В Полярном архипелаге нет ледяных гор, странствующих по волнам, словно колоссальные храмы в движении; самые значительные глыбы —те, которые отделяются от восточных ледников на берегах, омываемых проливами Дэвисовым и Баффиновым. Во время своего путешествия по аллее проливов, начинающейся в проходе Ланкастера, Парри не видел ни одной ледяной горки, которая бы поднималась выше 9 метров над уровнем воды; почти везде ледяное поле, простиравшееся зимой от острова до острова, было очень неровное, усеянное буграми, которые образуются преимущественно из сугробов снега, постепенно отвердевающих. Мак-Клир видел подобный же сплошной лед, где бугры, нароставшие, быть-может, целыми веками, вследствие попеременного замерзания и оттаивания, достигали 30 метров высоты; но нигде не встречались тесно скученные огромные глыбы, как в проливах Смита и Кеннеди и в Палеокристическом море. Впрочем, количество атмосферных осадков, выпадающих в этих областях в форме дождя или снега, гораздо меньше, чем в Гренландии; впродолжении целого года Парри видел только сорок три раза падающие капли, иглы или хлопья, и обыкновенно дождь или снег выпадал в малом количестве; правда, иногда порывистый ветер поднимал поверхностный снег и кружил его в воздухе. Случалось, что полярные путешественники после годового отсутствия находили на снегу свои прежние следы. Пролив Ланкастера не каждый год замерзает на всём пространстве; иногда между побережьем и сплошным льдом остаются открытые каналы, препятствующие эскимосам переходить с Баффиновой земли на остров Северный Девон[3]. Течение, ломающее эти льды, весной, уносит их длинными вереницами в Баффиново море, где они, скопившись, образуют «средний ледяной мост».

Земли, лежащие против Гренландии, на запад от трех узких проливов Смита, Кеннеди и Робесона, вероятно, не составляют одного острова: по крайней мере они глубоко изрезаны фиордами и разделены на полуострова. Земля Гранта (Grant-land), самая северная в Полярном архипелаге, связана со своим южным продолжением, называемым землей Гриннеля (Grinell-land), лишь гористым перешейком; но земля Гриннеля ограничена на юге фиордом, Hayes-Sound, о котором эскимосы, бродящие в тех местах, единогласно говорят, как о проливе: Нэрс был неправ, когда утверждал, судя по движению приливов, что этот залив не сообщается с западным морем[4]. Землям, лежащим на юг от этого фиорда, у входа в Смитов пролив, дали имя «Эллесмир-ленд», а южная оконечность этого островного массива, обследованная преимущественно американцами, называется «Линкольн-ленд», у туземцев же он, вместе с землей Эллесмира, известен под именем Умингман-Нуна, т.е. «Страны мускусных быков». Широкий рукав моря, называемый проливом Джонса (Jones-Sound), отделяет эту землю от острова Северный Девон; пролив этот иногда бывает весь загроможден льдами, либо приносимыми отраженным течением Смитова пролива, либо приплывающими прямо из залива Полярного моря. В 1853 году Бельчер нашел пролив Джонса свободным от льда и мог подняться к северу на пространстве около 400 километров. Это один из путей, открыва-

1 Emil Besselt, „Petermann's Mittheilungen", 1871, Heft IV .
2 W. Edw. Parry, „Journal of a Voyage of discovery".
3 Fr. Boas, „Baffin-Land", Erganzungsheft № 80 zu Petermann's Mittheilungen.
4 Nares, „Narrative of a Voyage to the Polar Sea".

ющихся в направлении полюса, и нельзя не удивляться, что из полярных мореплавателей, которые с таким трудом пробирались вдоль гренландского берега к Палеокристическому морю, никто не свернул на эту боковую дорогу, повидимому, более легкую.

Альдрич и моряки, сопровождавшие его в 1876 году на пространстве около 400 километров к западу от северного выхода Робесонова пролива, вдоль берегов, обращенных к Ледовитому океану, не видели гор в этой части земли Гранта: самые высокие хребты там не превышают 300 метров; нигде холмы не расположены в виде непрерывных цепей, но рассеяны неправильными массивами, изрезанными оврагами во всех направлениях. Предпринятая этим исследователем экскурсия имела место в мае и июне, то-есть перед вскрытием, но лед, везде плотный и крепкий, повидимому, был очень старый, и не замечалось никаких признаков того, что он должен скоро сломаться; не видно было ни одной трещины в толще кристаллической массы, покрытой мощным слоем фирна: с высоты мысов путешественники тщетно искали взором точку беспредельного пространства, где бы блестела водная площадь. В равнинах побережья невозможно было узнать, где кончается земля, где начинается море, в некоторых местах зонд проходил через последовательные слои льда и землистых обломков, которые, вероятно, приносились летними ручьями и отлагались на поверхности ледяной коры: так образуются из года в год на этом замерзшем берегу попеременные пласты снега, превращающагося в лед, и речных наносов[1]. По всей вероятности, крайний пункт, до которого доходили Альдрич и его спутники, мыс Альфред-Эрнест, составляет северо-западный выступ земли Гранта, и линия берега загибается на юг к входу фиорда Грасли, открытого Локвудом, в 1882 году. Соседния моря, повидимому, неглубоки. Маркгам, делавший промер в 75 километрах от твердой земли, нашел морское ложе на глубине 132 метров; но на юго-востоке, близ мыса Май, при промерах, произведенных экспедицией Грили, лот опустился на 250 метров, не достав дна.

На юге границей земли Гранта служит горная цепь, называемая «горами Соединенных Штатов» (United-States Mountains) и ориентированная с юго-запада на северо-восток. Довольно однообразная по виду, она представляет ряд длинных хребтов ослепительной белизны, средняя высота которых от 1.000 до 1.200 метров. На западе эта цепь разветвляется к западному морю, и основание её поддерживается террасами. Около центра острова, который был пройден экспедицией Грили в разных направлениях, стоит гора Артур, поднимающаяся на 1.370 метров. Это, вероятно, самая высокая вершина земли Гриннеля: с верхнего купола видны многие другие горы, но более низкие; даже гора Диффикольт, с крутыми скатами, стоящая на юго-востоке, имеет только 1.354 метра высоты. У южного основания горы Артур, раздельный порог между двумя покатостями острова проходит на высоте 792 метров и служит сообщением большой бухты Лэди Франклин и её ветви фиордов с Грилифиордом, на западном берегу. С гор Соединенных Штатов спускаются мощные ледники; но фирновое поле не продолжается к югу, и область острова совершенно чиста от льда и снега в летнее время: только на высоте нескольких сот метров видна на боках гор линия постоянной зимы. На пространстве, которое Грили исчисляет в 250 километров длины (от востока к западу) и в 70 километров средней ширины, земля является обнаженной, с лужами, ручьями, водопадами, с покровом из зеленой травы и цветов. Существование этого бесснежного оазиса в подобном климате, между 81 и 82 градусами широты,—явление в высшей степени замечательное: Грили объясняет его малым количеством снега, выпадающего в этих областях, и формой скал, почти отвесных стен, на которых хлопья не держатся: но контраст, тем не менее, поразителен между этими зеленеющими долинами Гриннель-ленда, где пасутся мускусные быки, и бесконечными ледяными равнинами, которые занимают все посещенные путешественниками или только виденные издали части Гренландии. На юге перешейка, вертикальный разрез ледника, который сползает с гор с округленными вершинами, занимающих почти всю ширину острова, является в форме стены, которая тянется правильно на неровной почве, то взбираясь по склонам хребта, то спускаясь на дно долин: оттого сначала ей

1 Nares, цитиров. сочинение.

дали название «Китайский Стены» (Chinese Wall), замененное впоследствии именем «Ледяного моря Агассица». Кристальные утесы, высящиеся в соседстве с бухтой Лэди Франклин, имеют синеватый оттенок, кое-где слегка опаловый; местами отвесные ледяные стены содержат слои земли и мелких камешков[1].

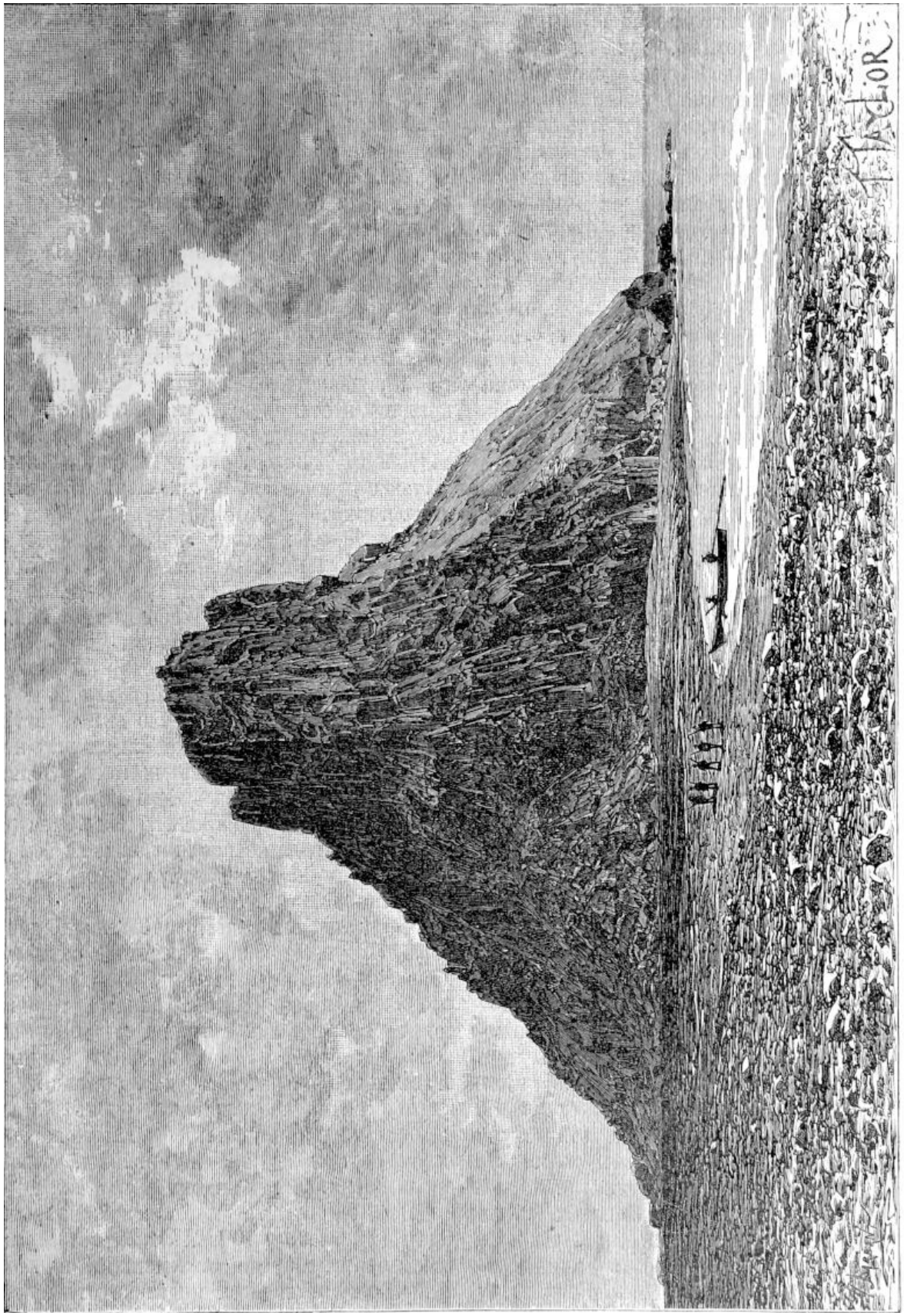
На юге от Гриннель-ленда, морские берега земли Эллесмир, обращенные к Гренландии, тоже состоят из крутых скал, высящихся по краям проливов; внутрь же страны до сих пор ещё не проникал ни один путешественник. Все высокие берега пролива, как в архипелаге, так и в Гренландии, представляют террасы, расположенные ярусами на разных высотах, до 450 и даже 600 метров, и находимые там раковины тождественны с раковинами соседних морей; Кэн насчитал на боках одной горы 41 правильный уступ, словно ступени исполинской лестницы. На берегах озер, бывших некогда морскими бухтами и постепенно отделившихся от моря, Грили открыл также стволы плавучего леса, настолько хорошо сохранившиеся, что он мог употреблять их в виде топлива. На берегах фиорда Арчер, одной из ветвей бухты Лэди Франклин, встречаются ископаемые растения, в форме угля, расположенные мощными слоями. Кроме старых повысившихся плоских берегов, в местах, подвергающихся давлению ледника, заметны также борозды, состоящие из земли и камешков и приподнятые скоплениями льда на несколько метров над сродним уровнем вод.

Самый большой остров Полярного архипелага, представленный на многих картах разделенным на несколько отрывков,—Баффинова земля, *Baffin's land*, ограничивающая на западе моря Гренландии, между проливом Ланкастера и проливом Гудсона. Поверхность всей этой земли, унизанной полуостровами, составляет, по меньшей мере, 660.000 кв. километров. Острова, тесно связанные с нею, по способу образования и по месту, занимаемому ими на продолжении мысов или в фиордах, ещё значительно увеличивают это обширное пространство. Два главные острова находятся как раз на двух оконечностях Баффиновой земли; один из них, Уиванг, получил от путешественника-исследователя Боас имя «Байлот», в память капитана, почти забытого, на корабле которого знаменитый Баффин был кормчим; другой остров, лежащий в юго-восточном углу, у входа в Гудсонов пролив, называется Туджакджуак, на английских картах Resolutions-island. Тем же Боасом были открыты туземные названия для различных областей Баффиновой земли: страна делится на три части, по направлению воздушных течений—Агго на севере, Акуднирн в середине, и Око на юге, т.е. «Земля на ветре», «Средняя земля» и «Земля под ветром». Кроме того, каждый полуостров имеет свое собственное имя. Так, полуостров, окаймляющий Гудсонов пролив, *Meta Incognita* Фробишера, называется Кингнаит, т.е. «Высокая страна».

По восточному берегу Баффиновой земли тянется цепь высоких гор, состоящих из гнейса и гранита, остроконечные вершины которых достигают и даже переходят за 2.000 метров во многих местах. Наидалее выдвинутые на восток мысы очень высоки, изрезаны крутыми пропастями, и через их стены видны внутри черные скалы, уединенные или в виде зубьев пилы, поднимающиеся с белой поверхности фирнов; в глубине фиордов виднеются ледяные языки, высунутые из губы долин. Одна из более известных гор, на юге Экзетерской бухты, пик Ралей (1.400 метров), упоминаемая уже Дэвисом, в 1585 году, имеет вид большой альпийской вершины. Океанский берег Баффиновой земли изрезан фиордами, проникающими далеко внутрь страны и оканчивающимися у невысоких порогов, по другую сторону которых, на западном берегу, открываются бухты того же рода: таким образом, иссечения берегов расположены соответственно от одного моря к другому, и страна разделена как бы глубокими порезами на параллельные полосы, которые в случае понижения почвы распались бы на самостоятельные островные массивы. Эти вырезки разгорожены через известные промежутки поперечными «запорами», естественными запрудами из скал или остатков морен, которые, по большей части, задерживают воды маленьких озер или прудов: можно путешествовать целыми днями, не зная, где, между всеми этими второстепенными порогами, находится истинный раздельный хребет.

1 Adolphus W. Greely, цитиров. сочинение.

Путешествие в относительно доступных частях Баффиновой земли сопряжено с большими трудностями, и до сих пор горные массивы остаются недосягаемы. Иногда даже невозможно, по причине чрезвычайной силы ветра, проникнуть в глубокия долины, составляю-

Пикъ „Старый Богословъ", на Алеутскихъ островахъ.

щия продолжение фиордов: стремительность воздуха так велика, что лед на лужах ломается и смешивается в куски различной величины; снег везде покрыт пылью и усеян камешками, приносимыми ветром; путешественник не в состоянии был бы бороться против подобного

воздушного течения. Самые удобные для путешествия времена года—зима и осень, по крайней мере, насколько позволят короткие часы дня: летом и весною всегда нужно опасаться быстрых перемен температуры, туманов, снежных буранов. В некоторых трудных проходах кучи камней, сложенные на известном расстоянии одна от другой, помогают путнику находить дорогу. Несмотря на все препятствия, льды, покрывающие сушу, заливы и озера, ветры и бури, горы и пространства без дичи, эскимосы успевают переходить всю Баффинову землю, от моря до моря: на карте Боаса обозначено семь таких проходов между противоположными берегами страны. Многие китоловы тоже проходили с востока на запад юго-западную часть большого острова, отделяемого проливом Фокса от полуострова Мельвиль. В 1876 году, американец Роч перешел невысокую береговую цепь, которая тянется по берегу залива Кумберленд, затем спустился через ряд озер в обширную равнину, где расстилается Неттилинг, или «озеро Кеннеди», один из главных сборных пунктов эскимосских звероловов и рыболовов[1].

Если кристальная цепь, доминирующая над всей Баффиновой землей, прерывается фиордами и продолжающими их долинами, то, по крайней мере, она обозначена, справа и слева от морских бухт, высокими мысами, суживающими канал, в котором при каждом приливе и отливе образуется быстрое течение: эти морские реки составляют, вместе с многочисленными рифами, плавающими льдами, сплошными ледяными полями и туманами, одну из главных опасностей этого пугающего мореплавателей берега. Стремительность прилива и отлива поддерживает, даже в зимнее время, трещины и полыньи в береговом льду, и с каждой такой трещины или полыньи поднимается, в виде занавеса или колонны, смотря по форме отверстия, густой туман, который ничто не может рассеять, разве только сильный ветер, дующий с материка. Положение ледяного поля уже издали указывается серой стеной стоящего над ним тумана. В нескольких метрах парообразная масса непроницаема для взора, но она редко подымается более, чем на 15 или 20 метров в высоту: иногда легко было делать астрономические наблюдения, тогда как внизу нельзя было различить в двух шагах. Эскимосы остерегаются покидать следы саней, когда переезжают по льду во время тумана. Часто случалось, что люди погибали голодной смертью потому, что не могли найти дорогу к своим становищам.

Редкия исследования, сделанные до сих пор внутри страны, на высотах раздельного порога, обнаружили, что к западу от восточной краевой цепи Баффинова территория занята гранитными холмами, которые постепенно понижаются к западным равнинам, состоящим из силурийских формаций, преимущественно известняков, очень богатых ископаемыми остатками. Многочисленные озера, бывшие заливы и проливы, разсеяне среди равнины, где находят остатка моржей, китов и других морских животных[2]. Одно из этих озер, Амакджуак, ещё не исследованное путешественниками, по словам эскимосов, находится недалеко от северного берега Гудсонова пролива; другая водная или ледяная площадь, гораздо более обширная, Неттилинг или озеро Кеннеди, соединяется с Кумберлендским заливом, на восточном берегу, почти непрерывным рядом прудов и луж: исток его изливается в пролив Фокса. Один из впадающих туда ручьев течет даже зимой, что, без сомнения, зависит от высокой температуры его вод. Путешественник Боас открыл близ морского берега, к северу от мыса Мерси, очень обильный горячий источник, кипень которого беспрестанно перемещается в пруде, куда он впадает, по причине образования льда вокруг выходного отверстия: лед постепенно наростает, слой за слоем, уровень повышается, и ключ должен пробивать себе новый выход.

Горы Баффиновой земли содержат рудные месторождения, пока ещё не эксплоатируемые. В различных пунктах берега найден каменный уголь. Залежи графита, открытые во многих местах, никогда не были утилизируемы, и промышленники из Филадельфии, задумавшие было отделять от скалы пластинки слюды, необыкновенной величины и чистоты, не

1 Tyson, „Proceedings of the R. Geographical Society“, Jan 1879.

2 Boss, „Erganzungsheft zu Petermanns Mittheilungen”, 1885;—Ed. Suess, „Antiltz der Erde“.

могли осуществить свой план. Жировик (стеатит), камень драгоценный для туземцев, которые вырезывают из него лампочки, редок; то же самое нужно сказать о складах плавучего леса, имевших неоцененную важность до прибытия европейцев, которые глубоко изменили нравы и промышленные условия страны. С этого времени жители должны были предпринимать далекия странствования, чтобы добыть себе необходимый лесной материал, который они собирали на берегах острова Туджакджуак, при входе в Гудсонов пролив; из того же плавучего леса туземцы строили лодки и сани, и продавали их своим посетителям. Лес и другие выкидки позволили исследователям констатировать на берегах Баффиновой земли, как и лежащего севернее Гриннелль-ленда последовательные поднятия почвы. Это повышение суши, следы которого видны на всём морском побережье, доказывается также «котлами великанов», встречающимися на различных высотах, и в которых находят ещё камни, вырывшие эти ямы своим круговращательным движением.

На островах, окаймляющих на севере длинную аллею проливов между морями Баффиновым и Беринговым, горы имеют во многих местах довольно величественный вид, благодаря крутизне склонов, террасам, поднимающимся одна над другой, местами отвесным стенам; но средняя высота их пиков, куполов или плато не превосходят 250 или 300 метров. Вершины, достигающие 500 метров, немногочисленны; однако, в этой части архипелага существуют выступы рельефа высотой в 700 метров и больше, как, например, гора на острове Северный Кент, у северо-западной оконечности острова Туджан, обыкновенно обозначаемого на картах именем «Северный Девон». Береговые утесы этого острова и других земель архипелага Парри местами имеют вид крепостей, с правильными входящими и выходящими углами, стены которых, состоящие из слоев известняка и глинистых осадков, расположенных горизонтальными пластами, представляют ряд чередующихся впадин и выпуклин. Большинство полярных мореплавателей указывают на эту странную форму скал. Некоторые мысы представляют мощные массы гнейса, усеянные гранатами; иные являются в виде базальтовых колоннад, но нигде в архипелаге не констатировано достоверно существование вулканических конусов, пепла или шлаков. Вообще говоря, древнейшие формации, на островах Парри, находятся на востоке, формации же западной его части принадлежат последовательно к векам менее отдаленным в ряде времен. На севере Ланкастерского пролива преобладают кристаллические горные породы, гранит и гнейс, затем, на западе, идут силурийские формации. Следующие острова, Батурст, Биам-Мартин, Мельвиль, состоят из каменноугольных песчаников и железистых известняков. Остров принца Патрика образован из известняка и заключает отрывок юры. Каменноугольные пласты островов Парри относятся к той же геологической эпохе, как и угли Медвежьего острова, на севере Скандинавии, и покрыты подобными же морскими известняками. Это сходство формаций, на столь большом расстоянии, есть один из фактов, приводимых в пользу гипотезы о существовании в прежния времена обширного материка, ныне частию затонувшего, который обнимал все полярные области на севере как Старого, так и Нового Света[1].

К западу от Баффиновой земли, полуострова, и острова, лежащие вдоль северного берега Британской Америки, должны быть рассматриваемы как географическое целое, независимо от линий касания, соединяющих или разъединяющих островные массивы с твердой землей. Проливы, извивающиеся между континентом и островами, имеют относительно незначительную глубину, не больше 500 метров. Легкое понижение вод превратило бы островные земли в полуострова; с другой стороны, маленькое повышение морского уровня изменяло бы в фиорды или даже в проливы цепи нынешних озер, которыя, очевидно, были рукавами моря в предшествующую эпоху. Контуры рассматриваемого архипелага, как они очерчены теперешней линией берегов, представляют явление преходящее, имеющее лишь условную важность для географа; в его глазах, вся полуостровная область, ограниченная на юге линией, проведенной от северного берега Лабрадора к дельте реки Макензи, составляет часть Полярного архипелага: полуостров Мельвиль, связанный с материком только узким перешей-

1 Oswald Heer, „Ueber die neuesten Entdeckungen im hohen Norden“.

ком, полуостров Боотиа-Феликс, принятый первыми исследователями за остров; наконец, земля Аделаиды, на половину отделенная от континента проливом Шермана,—все эти полуострова принадлежат к тому же естественному делению, как земля короля Вильяма (King Willam's land), земли принца Альберта и Баринга (Baring). Отрывки проливов, обозначенные, со стороны Гудсонова моря, фиордами или *inlets* Уэджера и Честерфильда, а со стороны Полярного моря—заливом Шермана, составляют естественные границы этой области арктического островного мира.

На этих землях, островах и полуостровах, нет горных цепей в собственном смысле. Самые высокие вершины, указываемые мореплавателями, не переходят за 500 метров, а снег, покрывающий эти горы, как и окружающие равнины, уменьшает их видимый рельеф; холмы снова являются в своей натуральной величине лишь в тех местах, где они высятся в виде утесов и отвесных стен, имеющих снег только на узких карнизах. Но в целом страна очень холмиста, и поверхность её усеяна озерами. На острове принца Альберта пики западного берега имеют форму вулканических конусов, но Мак-Клюр, видевший издали эти горы, не мог определить их истинное происхождение[1]. На обширных пространствах побережье состоит из доломита, пласты которого, почти горизонтальные, продолжаются правильно на далекое расстояние. В соседстве берегов, дно моря, видимое до значительной глубины, благодаря его белизне, походит на мраморный пол. Также как в других частях Полярного архипелага, в этой области нашли многочисленные следы поднятия почвы: там и сям старые берега усеяны раковинами и плавучим лесом; на острове Корнваллисе это покинутое водами побережье находится на высоте слишком 300 метров. На берегах острова Банкса, Мак-Клюр и его спутники собрали порядочный запас ископаемого леса, окаменелых желудей и веток, который они унесли с собой, когда им пришлось покинуть свой корабль, после долгого пребывания среди льдов. Теперь эти окаменелости хранятся, как сокровища, в британских музеях не только ради их высокой ценности для ученых, но также в память отважных моряков, которые их привезли из полярных стран. Даже на берегах Палеокристического моря спутники Грили открыли окаменелые леса. В 1826 году, Роберт Джемсон нашел ископаемые растения, свидетельствующие о существовании в прежния времена умеренного и даже тропического климата в нынешних полярных странах[2].

Климат, очевидно, сильно изменялся с той эпохи, когда прозябали растения, найденные Мак-Клюром на берегах полярных островов; он, без сомнения, изменится ещё, и одним из признаков этой изменчивости климатов служит постоянное перемещение магнитного полюса и полюса холода над Арктическим архипелагом, в далеком расстоянии от истинного полюса сжатия земного сфероида. В этих областях магнитная стрелка не имеет более никакой пользы в смысле указывания севера морякам, как это заметил уже Форстер в прошлом столетии[3],—так близко располагаются одна к другой линии неравного склонения; они сходятся со всех сторон не в направлении геометрического севера, но к южной части полуострова Счастливая Боотия; по мере приближении к этой части архипелага возрастает также и наклонение стрелки. Следя за показаниями буссоли наклонения, Джемс Кларк Росс за двадцать лет до того времени, когда было окончено полное плавание вокруг Америки, определил приблизительно место, где конец магнитной стрелки обращен прямо к центру планеты, т.е. где наклонение равно 98°: в том пункте, где была построена магнитная обсерватория, отклонение стрелки от вертикального положения составляло ещё шестидесятую часть градуса; точное место полюса должно было находиться по близости в море, к юго-западу от обсерватории. В то время, именно в 1831 году, точка сходимости всех радиусов магнитного наклонения в северном полушарии находилась в 2.213 километров к югу от географического полюса: так была открыта, под другой формой, «Полярная скала», магнит, существующий, как воображали средневековые мореплаватели, на крайнем севере и притягивающий воды и

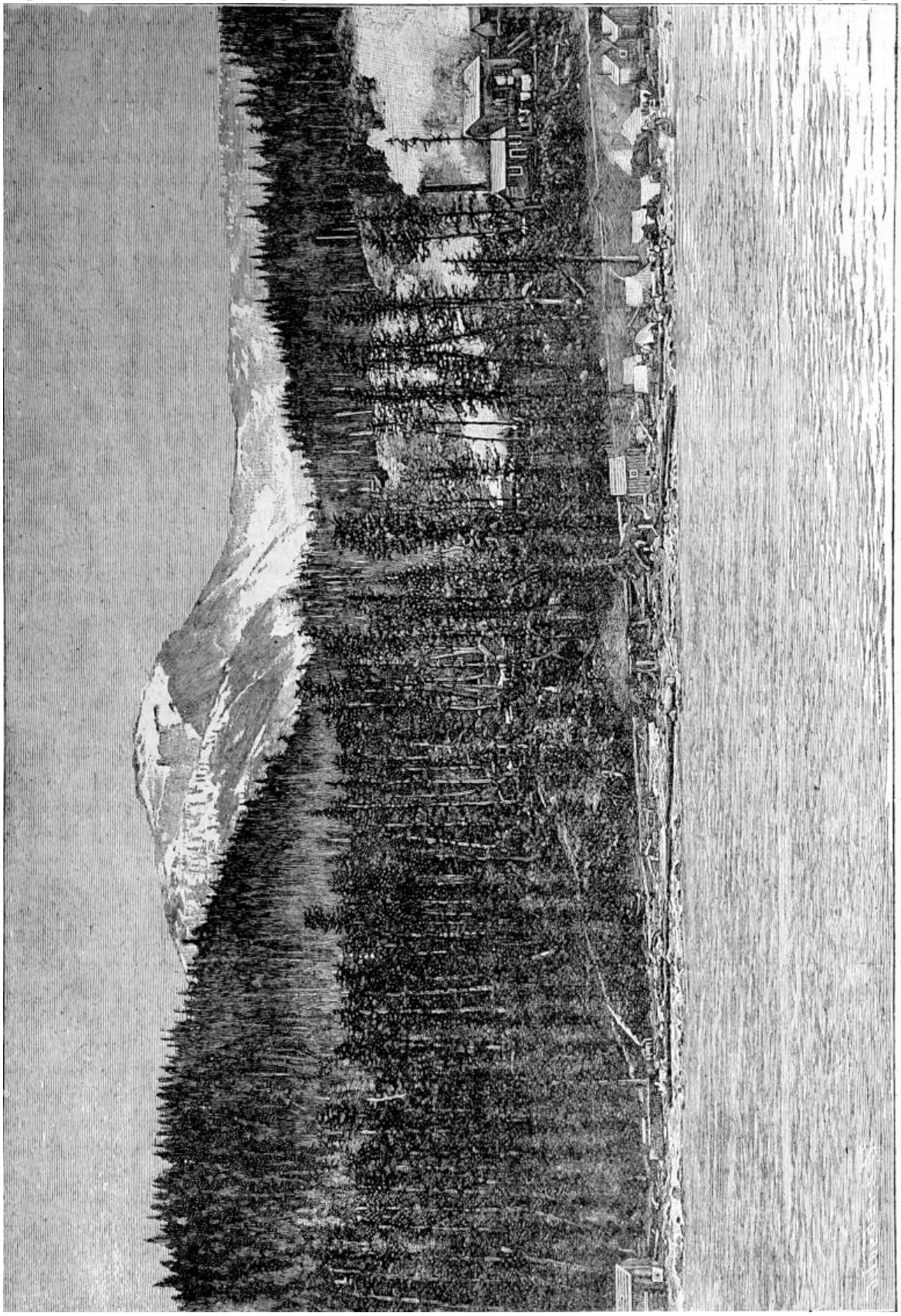
1 Sherard Osborn, „Stray Leaves from an Arctic Journal“

2 Parry;—Oswald Heer, „Ueber die Polarlander“.

3 „Voyages dans le Nord“

суда; вокруг этой скалы волны, по тогдашним понятиям, низвергаются водопадами в глубины земли[1].

Прежде думали, что полярные сияния увеличиваются в числе и силе по мере приближения к полюсу, и что, наконец, в странах крайнего севера они регулярно освещают, как отблески солнечного дня, длинную, двух, трех или пяти-месячную ночь, которую полярные

Пейзажъ на Аляскѣ.

1 Kohl, „Geschichte der Entdeckung Amerikas“

мореплаватели должны проводить под этими арктическими широтами. Это предвзятое мнение физиков не было оправдано наблюдением: северные сияния реже и обыкновенно беднее в Полярном архипелаге, чем в Лабрадоре и в северной Скандинавии. По большей части это сияние является в виде беловатых лент, пучков блесток, то вспыхивающих, то угасающих; оно представляется как волнообразное движение полос бледного света на темном фоне ночи. Явления рефракции очень обыкновенны в неравномерно нагреваемых воздушных слоях, простирающихся над поверхностью полярных морей: острова, корабли, ледяные горы принимают тогда самые фантастические формы. Часто отдаленные льды кажутся соединенными с их небесным изображением легкими изящными колоннадами; около луны, превратившейся из круглой в овальную или даже многоугольную, образуются разноцветные круги, и несколько солнц сияют в небе, соединенные крестами и кругами света. Вибрации звука слышны на невероятно большом расстоянии: скрип отвердевшего снега под полозьями саней можно слышать за 15 километров[1]. Рефракция иногда приподнимает линию горизонта высоко над её действительным положением: благодаря этому, Парри мог различить отдаленный берег на расстоянии 167 километров.

Если не принимать во внимание абсолютной высоты мест, то оказывается, что годовые холода всего сильнее в Полярном архипелаге, а не в собственной Гренландии. В порте Ренселер Кэн констатировал температуру 54°,2 ниже точки таяния льда; по наблюдениям Грили, в канале Робесона термометрический столбик опускался почти так же низко, до —53°,5, и в тех же водах Нэрсу и его спутникам пришлось испытать мороз в —52°,7. Мак-Клюр тоже отмечает в январе —53°,9 в бухте Мерси; однако, метеорологи принимают эти результаты лишь как вероятные указания, потому что ртуть замерзает уже при —40°,12, а спиртовые термометры дают несогласные показания при температурах ниже —50 градусов по Цельсию. В ту эпоху, когда Кэн делал свои наблюдения, разность между показаниями различных спиртовых термометров доходила в иных случаях до 8 и даже до 10 градусов[2]. Употребление более научных приемов для ректификации алкоголя дало возможность устранить в значительной мере эти причины неточности; но и теперь даже наиболее тщательно приготовленные спиртовые термометры всё ещё разнятся в своих показаниях на 1 градус: если алкоголь не абсолютно чист и содержит немного воды, то на дне трубки образуется сироповидный осадок[3].

Каковы бы ни были точные числовые значения этих крайних точек низкой температуры, во всяком случае средняя температура зим там очень холодна: в земле Гриннеля и в архипелаге Парри она опускается до —36 градусов; в порте Ренселер во всё продолжение марта месяца средняя температура равна —38 градусов. В этих областях ртуть держится выше точки замерзания лишь в одном месяце года, в июле: только тогда бывают дожди, в остальное время атмосферные осадки являются в форме снега или инея. Даже южнее, на западном берегу морей Дэвисова и Баффинова, находящемся в менее благоприятных условиях, чем восточный или гренландский берег, средний холод около —30 градусов.

Температура в различных частях Полярного архипелага:

	Широта	Средн. температура	Темп. лета	Темп. зимы
Зимний остров (Winter-island)	66°11’	—13°,5	1°,7	—29°,1
Бухта Неудачи (Repulse-bay)	66°25’	—14°	4°,3	—31°,7
Иглулик	69°20’	—15°	1°,6	—29°,6
Порт-Боуэн	73°14’	—15°,8	2°,4	—31°,7
Порт-Леопольд	73°50’	—16°	1°	—35°,5
Бухта Мерси	74°6’	—17°,5	3°,2	—35°,8
Порт-Ренселер	78°37’	—18°,8	3°,5	—35°

В Полярном архипелаге нет источников, кроме теплых ключей: вода должна разливаться по поверхности, так как почва, промерзшая до большой глубины, не пропускает дождь или

1 Schwatka;-Gilder, „Bulletin de la Societe de Geographie”, dec. 1881.

2 Muhry, „Petermann’s Mittheilungen”, 1861, Heft VIII.

3 Ad. W. Greely, „Three Years of Arctis Service“.

тающий снег. Замечательно, что всякий ветер, с какой бы стороны он ни дул, повышает местную температуру; в тихую, т.е. в нормальную зимнюю погоду, при высоком стоянии барометра, более плотный и более холодный воздух образует нижний, ближайший к поверхности слой атмосферы; но как только равновесие нарушится и воздушные токи устремятся к нижним слоям, действительный холод значительно уменьшается, хотя он становится более чувствительным и гораздо более беспокоит путников, чем сильный мороз без ветра; обыкновенно, говорить Нэрс, быстрое повышение температуры не радует путешественников-исследователей, потому что оно вызывает пертурбацию в атмосфере и предвещает бури и непогоды. Возрастание тепла вообще сопровождается густыми туманами, которые много способствуют исчезновению льдов: от действия их, последние делятся на тонкия вертикальные иглы и ломаются. «Туман съел льды», говорят эскимосы.

Легко понять, почему все ветры, дующие в Полярном архипелаге, сопровождаются повышением температуры: они или происходят из южных областей, или проходят обширные морские пространства. Даже северо-западный ветер, всего чаще дующий в Полярном архипелаге, приносит воздух относительно теплый, и в этом можно видеть если не доказательство, то по крайней мере большую вероятность того, что всё пространство, заключающееся между северными островами Америки и берегами Сибири, занято морскими областями, где простираются, может-быть, свободные от льда воды, и где по крайней мере лучеиспускание не оказывает такого же охлаждающего действия, как внутри земель. Следовательно, Америка имеет свой полюс холода не в областях океана, лежащих вблизи геометрического полюса планеты, но в своем северном архипелаге; иногда эта точка самой низкой температуры находится около средины линии, соединяющей географический полюс с магнитным. Этот полюс холода принадлежит собственно Америке, и наблюдения метеорологов дают право утверждать, что он никогда не сливается с другим полюсом наибольшего холода, с полюсом сибирской Азии, подвижная точка которого находится между Якутским и Нижнеколымском, приближаясь то к одному, то к другому из этих мест. Азиатский полюс, более континентальный, чем американский, гораздо холоднее последнего, так как термометр опускается в этом пункте Сибири до 60 и даже 63 градусов ниже нуля. Впрочем, точки, обозначаемые этим именем «полюсов холода», безпрестанно перемещаются, смотря по столкновению воздушных токов, и нигде они не представляют такой неопределенности в своем движении, как в этих полярных областях. Нэрс констатировал перемены температуры, составлявшие свыше 12 градусов Ц. впродолжении каких-нибудь двадцати минут. Оттого даже в самую хорошую погоду мореплаватели должны быть готовы встретить бурю: спасательные лодки всегда у них под рукой; запасы необходимой провизии всегда сложены на палубе на случай бегства; все приготовления сделаны в ожидании критического момента[1]. Нужно наблюдать состояние воздуха и воды, форму облаков, вид туманов, явления рефракции, не менее, чем высоту барометра. Особенно страшны бури в ночное время, когда беспомощные суда становятся игрушкой льдов, которые окружают их со всех сторон, ударяются об их бока, сжимают их члены или ломаются вокруг них. Можно только удивляться, что, несмотря на эти опасности, столько моряков вернулись благополучно из этих стран смерти!

Флора Полярного архипелага, как она ни бедна, не лишена своего рода красы. В земле Гриннеля «ивняки», где деревья так же тесно скучены, как былинки мха в лесах Европы, поднимаются на 2 или на 3 сантиметра в вышину, сообщая зеленый колорит обширным пространствам, и лишаи всякого рода, коричневые, желтые, красные, зеленые, блистают более яркими цветами, чем под другими, более счастливыми широтами. Уже с далекого расстояния можно различить эту разноцветную окраску пейзажа. Обширные пространства покрыты красными камнеломками и дриадами (альпийская серебрянка или устели-камень), маленькими разноцветными растениями, с пучками белых цветков. В несколько недель растения завершают свой жизненный цикл: едва высунулась их верхушка из-под снега, как они уже распускают свои бутоны. По берегам озер растет трава вышиной в полметра. Но, за ис-

1 Albert Markham, „A. Whaling Cruise to Baffin's bay".

ключением плавучего леса, очень редкого в Полярном архипелаге (встречающагося только при входе в Дэвисово море да на берегах, обращенных к Берингову морю), арктические острова не имеют древесных пород, которые могли бы служить топливом: только в землях, соседних с американским материком, прозябает скромное растение, *cassiope tetragoinia*, очень богатое смолистым веществом, и которое туземцы старательно собирают для зажигания медленно горящего топлива[1]. Гербарий растений, собранных во время экспедиций Пенни, главным образом на берегах канала Веллингтона, между Северным Девоном и островом Корнваллис, содержит 54 вида явнобрачных.

Полярный архипелаг имеет также свою фауну: на островах его, как и в Британской Америке, которой они составляют продолжение, рыскают волки, лисицы, лемминги, горностаи, зайцы, а эскимосы называют эти острова преимущественно «Землей белого медведя»[2]. Карибу (канадский северный олень) переходит летом на полярные острова, как только там наступит таяние снегов, позволяющее ему находить корм, и возвращается на юг, когда проливы замерзнут, или даже ранее в тех местах, где морской проход довольно узок, чтобы можно было перебраться вплавь[3]. Мускусный бык встречается даже в земле Гриннеля, около северной оконечности архипелага, а прежде там водился и северный олень[4]. Из птиц по крайней мере один вид, тетерев снежный (*lagopus rupestris*), проводит там весь год, и около тридцати видов прилетают с летним светом. Водяные птицы, отличающиеся яркостью оперения, населяют бухту впродолжении нескольких недель, затем улетают на континентальные раввины. По Отто Тореллю, число туземных видов птиц вдвое больше в лесной полосе Северной Америки, чем на островах, лежащих к югу от Ланкастерскаго пролива, а на этих последних пропорция пернатых втрое превосходит количество видов, посещающих архипелаг Парри и землю Гриннеля[5]; далее конечного мыса земли птицы никогда не заходят в своих перелетах. Воробьиный род, представленный в Английской Америке двадцатью видами, имеет их только два на островах Парри, а из хищных там нашли только одну породу—*stryx nyctea*. На полярных островах, как северных, так и южных, есть утесы и скалы, куда некоторые птицы, как, например, гага (somateria mollissima), прилетают миллионами сидеть на яйцах, тщательно выбирая места, безопасные от нападения лисиц; к несчастию, они не защищены там от человека. Пернатые различных пород всегда группируются так, чтобы не захватывать чужого владения. Некоторые кладут яйца только в углубления отвесных скал, другие устраивают себе гнезда только на обвалах; иные делят между собой террасы высоких берегов, обегая в особенности те острова, которые летом бывают соединены льдами с большой землей. Когда полярные исследователи в первый раз проникли на отдаленные острова архипелага, птицы позволяли себя брать рукой.

Количество рыбы, как и количество птиц, постепенно уменьшается по направлению с юга на север: в полярном поясе соленые воды содержат не более десятка рыбьих пород, а в пресноводных озерах почти полное безрыбье; один вид лосося встречается ещё в водах земли Гриннеля. К северу от мыса Сэбин, в канале, ведущем в Палеокристическое море, не видали ни одного китообразного животного, и только один вид тюленя проникает далее проливов[6]. Но в холодных морях Баффина большие китообразные были некогда очень многочисленны. Прежние мореплаватели рассказывают, что случалось встречать стаи настоящих китов, заключавшие до сотни особей. Погоня за этими животными играла видную роль в подробном исследовании заливов и бухт архипелага. В начале сороковых годов нынешнего столетия насчитывали ежегодно до полутораста китоловных судов в Баффиновом море, преимущественно в Кумберлендском заливе; в шестидесятых годах только десятка два китоловов продолжа-

1 H. W. Klutschak, „Als Eskimo unter den Eskimos“.
2 Mac-Clure „The Discovery of the North West Passage“.
3 John Richardson, „Boat-voyage through Rupert's land“.
4 Ad. Greely, цитиров. сочинение.
5 „Petermann's Mittheilungen”, 1852, Heft II.
6 Fielden;—Hart, „Nares Arctic Expedition”.

ли ещё посещать эти моря, где разные цвета воды указывают на чрезвычайное обилие животной жизни; теперь совсем не видать китобойных судов, так как кит почти совершенно истреблен в тех морях; впрочем, последние в 1886 году снова заселились, благодаря трехлетней блокаде Кумберлендского залива обложившим его сплошным льдом. Тюлени живут ещё во множестве в этих водах, и некоторые бухты населены треской; говорят даже, что треска из южных вод Баффиновой земли вкусом превосходит ньюфаундлендскую. Мир мелких животных, как и мир высших видов, представляет постепенное оскудение в направлении с юга на север. По странному контрасту, комары и мошка, этот бич полярных стран, лежащих южнее 70 градуса широты, почти совершенно исчезают на более северных островах: даже и для них климат крайнего севера становится слишком суров. Жуки, мотыльки, ещё довольно многочисленные на соседних с континентом островах архипелага, и из которых иные отличаются яркостью красок, проникли на острова Парри; там нашли только один вид пауков[1].

Островные эскимосы, ещё гораздо более малочисленные, чем гренландские, бесспорно родственны последним по расе и языку, хотя между разными группами замечаются большие различия, вследствие отчужденности. На пространстве приблизительно в 2 миллиона квадр. километров всё население состоит из 2.000, много что из 3.000 душ. Различные народцы или роды обозначаются по месту их обычного пребывания. Так, жители побережья, на Гудсоновом проливе, называются сикосуилар-миут, «люди (*миут*) берега без льда». На главном острове или материке Баффиновой земли туземцы также различаются по области, в которой обитают: агго миут (северные), акуднирн-миут (люди средней страны) и око-миут (южные). По образу жизни всего более отличаются от других племен талирпинги,—единственное племя, которое ещё в недавнюю эпоху обитало внутри страны: оно населяло берега озера Неттилинг, служившего убежищем тюленям; теперь талирпинги сделались поморами, подобно всем другим эскимосам архипелага. Торговые сношения с иностранцами привлекли их на берега моря: но, как и все их соплеменники иннуиты, они очень уменьшились в числе со времени прибытия европейских мореплавателей. Одно из наиболее сильных племен, если не самое сильное,—нечиллики, жившие прежде на перешейке Боотия, а с половины настоящего столетия переселившиеся на северные и западные берега земли короля Вильяма, где они находят в изобилии тюленя и рыбу и охотятся лотом на северного оленя: провизии, запасаемой в хорошую пору года, хватает им на всю долгую зиму[2].

Говорят, что в первые времена китоловного промысла, во второе десятилетие этого столетия, прибрежное эскимосское население Кумберлендского залива простиралось до 1.500 человек; в 1884 году Боас определял в сотню душ общее число туземцев во всей Баффиновой земле, одной из наименее пустынных стран Полярного архипелага. Заразительные болезни и преимущественно сифилис, занесенный матросами, были, без сомнения, главной причиной этого прискорбного вымирания расы: в 1883 году дифтерит, занесение которого эскимосы приписывают путешественнику Боасу, прибавился к другим болезням, чтобы ускорить истребление туземцев; кроме того, в некоторых племенах детоубийство составляет обычное явление. Частые голодовки, похищавшие много жертв среди населения, некоторые исследователи объясняли уменьшением лова, но это мнение ошибочно. Правда, киты почти совсем исчезли, и теперь эскимосы охотятся на них уже только в Гудсоновом проливе и в соседних с ним водах; но тюлени, не преследуемые европейскими китоловами, населяют ещё во множестве берега Баффиновой земли: весной они сотнями нежатся на солнце вдоль береговых трещин льда. Если в эту пору года эскимосам иногда грозит голод, то это потому, что лед, сделавшийся слишком слабым, чтобы выдерживать ловцов, всё ещё слишком крепок, чтобы напор лодки мог ломать его. Часто также продолжительные бури не позволяют туземцам пускаться в море, и положение становится крайне опасным, когда один из членов племени переселится в лучший мир, так как обычай запрещает тогда всякую охоту и ловлю в течение

1 Otto Torell, „Petermann's Mittheilungen" 1881

2 Klutschak, цитиров. сочинение.

нескольких дней траура[1]. Эскимос никогда не дает и не продает всего тела пойманного тюленя: он всегда оставляет себе кусок добычи, чтобы бросить его в море[2]. Это—в одно и то же время возврат взятого и молитва, обращенная к океану об удаче будущего лова.

Следы прежних жилищ были встречаемы большинством мореплавателей в разных пунктах побережья. На всех островах архипелага Парри видели остатки хижин; большие деревни стояли некогда в местах, удаленных ныне на сотни верст от всякого становища. Обломки человеческой промышленности, найденные в ближайшем к полюсу разстоянии, именно в 11 километрах южнее 82-ой параллели, были собраны Фильденом на берегу Палеокристического моря: это были сани, лампа и скребок. Грили тоже открыл развалины построек внутри Гриннель-ленда; но, после внимательного осмотра, эти остатки показались ему принадлежавшими к временным поселениям, а оставление саней, по его мнению, можно объяснить только каким-нибудь несчастным случаем. Он определяет границу пояса постоянного обитания в области проходов к Полярному морю линией, проходящей на севере от 80 градуса широты и совпадающей с крайним пределом территории, проходимой северным оленем и посещаемой моржем. У туземцев есть легенды о древних жителях страны, торнитах или (по Кюмлейну) тунуках[3], совершенных дикарях, не знавших лука и стрел, но искусных в колдовстве; в некоторых мифических рассказах они смешиваются с чудовищами, будто бы имевшими человеческое туловище и собачьи лапы. Торниты были истреблены или вымерли, потому что, объясняют иннуитские саги, «земля была слишком мала, чтобы носить две породы людей». Эскимосы, самое малочисленное из человеческих племен, тоже верят в закон Мальтуса: затерянные в неизмеримом пространстве, они воображают, однако, что мир так беден, что едва может прокормить их одних.

Вынужденные потребностями охоты, рыбной ловли и торговли вести кочевую жизнь, туземцы знают обширное пространство своей островной области, и путешественник-исследователь, переходя от племена к племени, мог бы в несколько привалов узнать полную сеть дорог между устьями реки Макензи и берегами Баффинова моря. Но эскимосские охотники могут пускаться в дальние экскурсии лишь с большими предосторожностями, так как традиции крови и мести поддерживают рознь и вражду между разными народцами, и даже те, которые не разделены наследственною ненавистью, относятся друг к другу с недоверием и завистью; иногда племена как будто живут в мире, но у каждого из них есть специальные бойцы, делегаты народца, которые являются носителями его племенной ненависти и принимают опасности на свою голову; они прячутся, подстерегают друг друга и часто вступают между собой в смертельный бой[4]. У печилликов женщина, вооруженная ножем, выходит на встречу посетителям, чтобы предложить им мир или войну.

Прием, оказываемый чужеплеменникам, свидетельствует об этом духе зложелательства. Когда иннуит Баффиновой земли приходит просить гостеприимства у чужого племени, в котором у него нет ни покровителя, ни друга, он должен остановиться в некотором расстоянии от хижин и ждать, пока кто-нибудь из молодых парней становища не выйдет к нему на встречу. Закинув руки назад и протянув щеку, он принимает без сопротивления пощечину, которую тотчас же возвращает; затем завязывается кулачный бой, продолжающийся до тех пор, пока один из противников не признает себя побежденным. В силу традиционного права, победитель мог бы убить на месте человека, которого он одолел, но в действительности случаи такого убийства очень редки, обыкновенно же единоборство кончается тем, что борцы дружелюбно обнимаются: чужак принимается в племя в качестве равного. Его женят, и он перестает принадлежать к материнскому племени. Брак—одна из главных причин экспатриации, так как женившийся почти всегда покидает родительский дом и поселяется у родных своей жены. Усыновление и удочерение детей тоже способствует смешению племен; на-

1 Boas, цитиров. сочинение.
2 H. Rink, „Petermann's Mittheilungen", 1889, Heft V
3 Kumlein, „Smithsonian Miscellaneons Collections", vol. XXIII, 1882.
4 Klutschak, цитиров. сочинение.

конец, и смешение с чуждой расой сделалось обычным явлением с тех пор, как китоловы стали посещать побережье и основали поселения, вокруг которых сгруппировались туземцы. Влияние белых людей было так велико, что торговым языком на всём пространстве от Баффиновой земли до Аляски служит теперь англо-эскимосский жаргон, с примесью слов датских, португальских и даже канадских[1]; французский термин «troc» (мена) обшеупотребителен в торговых сношениях. Впрочем, запас слов очень беден, несмотря на все эти иностранные вклады. У нечилликов нет выражений для обозначения цветов, кроме слова «темный», так что они принуждены прибегать к сравнениям.

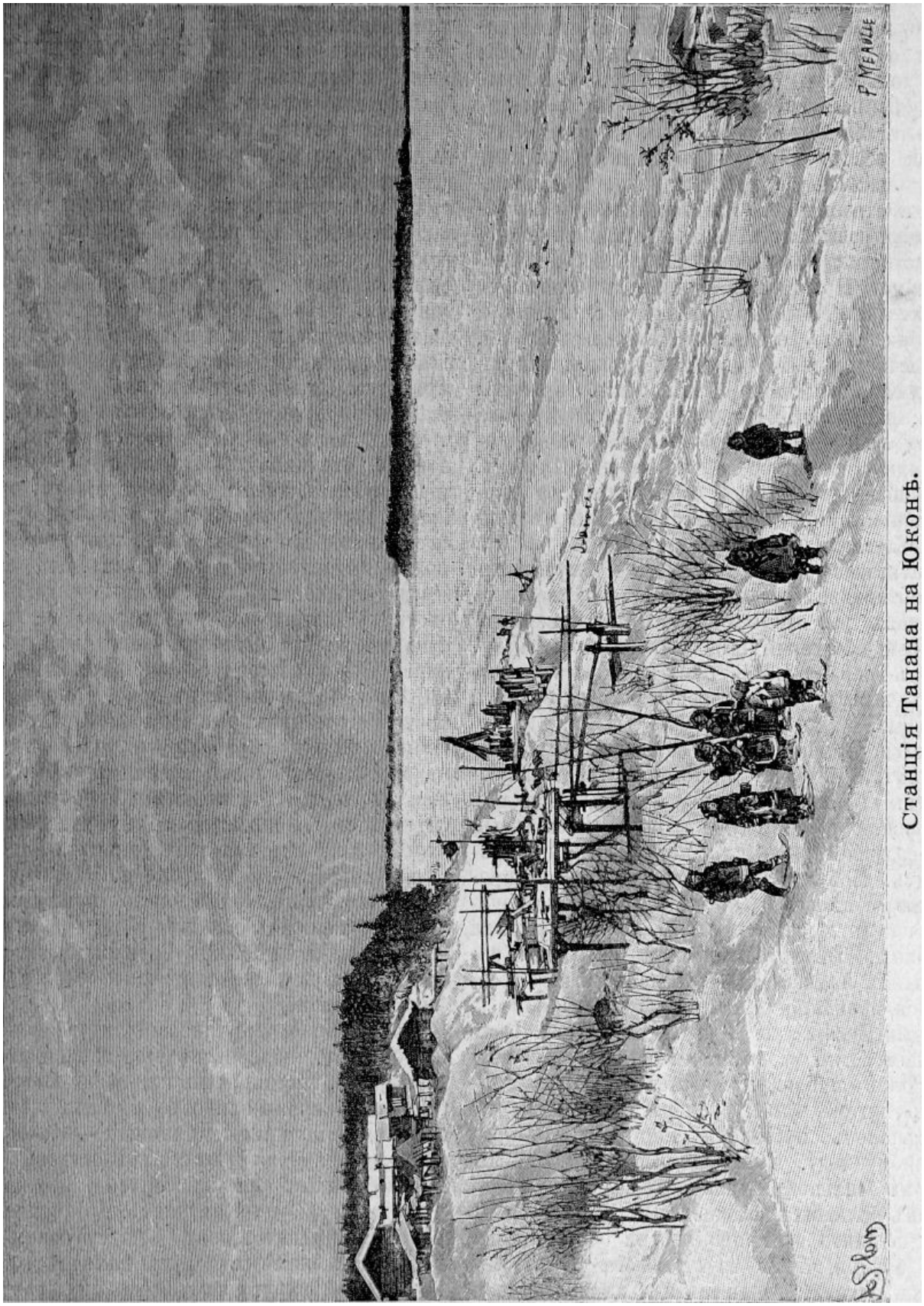
Эскимосы Полярного архипелага не признают никакой власти; единственный закон у них—обычай, и когда им приходится расстаться с тем или другим обычаем, вследствие какого-нибудь непредвиденного важного события, нужно общее согласие для совершения такой перемены. Островные эскимосы смутно веруют в верховное существо, но не изображают его в виде идолов: они не совершают также каких-либо обрядов, чтобы отвратить несчастие будущей жизни в вечной зиме или снискать благословение вечного лета. Очень преданные общине, они никогда не берегут для одной только своей семьи мясо убитого тюленя или северного оленя: напротив, все члены общины получают свою долю из добычи, и прежде всего больные и вдовы. Браки вообще решаются задолго вперед; иногда девушка бывает помолвлена ещё в колыбели; если невеста умирает в раннем возрасте, то жених в праве требовать, как свою будущую супругу, первую девушку, которая родится в племени[2]. Мужчины и женщины, также как люди различных народцев, различаются между собой прической, формой одежды, чертами татуировки на носу, щеках и подбородке. Прежде женщины Баффиновой земли татуировались только после замужества; теперь этот обычай уродования лица всё более и более выходит из употребления. По традиционным правилам разделения труда, одни мужчины имеют право охотиться на зверя и рыбу, но женщина должна вытаскивать тюленя из воды и тащить убитую дичь домой; она же носит камни и строит жилье.

Хотя не признавая над собой никаких господ, племена, пока они ещё не сводились, как теперь большинство их, к малому числу семей, оказывали особое почтение одному из стариков, «человеку всё знающему и понимающему», у которого всегда спрашивали совета, иногда падая перед ним ниц, как это делали прежде также перед европейцами. Он указывал благоприятные дни для перемены местопребывания, для предпринятия путешествия и охоты; он председательствовал на празднествах и был ходатаем за общину пред добрыми богами; по смерти ему воздавали большие почести, и в могилу клали драгоценные вещи, оружие, инструменты и наряды; не забывали также помещать рядом с покойником звероловные и рыболовные снаряды, дабы он мог добыть себе пропитание на том свете. В наши дни на этот счет уже не так щедры, но всё ещё бросают в могилу кое-какие малоценные приношения; теперь особенно ценятся, как предметы для украшения могил, фотографии и картинки из иллюстрированных журналов, получаемые в подарок от европейцев, имеющих торговые сношения с туземцами. Но боязнь пагубных влияний не позволяет эскимосам ухаживать за больными родственниками и друзьями до последней минуты. Когда тяжко больного оставляют спокойно кончаться в своей хижине, то все домочадцы перебираются в другое жилище; в других случаях умирающего выносят на вольный воздух. Все отворачиваются от трупа, а те, кому было поручено погребение его, устраняются на некоторое время от общения с другими жителями и должны подвергнуться известным обрядам очищения; не дозволяется употреблять собак для перевозки мертвого тела, из опасения, чтобы и их не захватил злой дух, постоянно бродящий около живущих; в период траура, или *гарбу*, даже кормить собак следует особенным образом, чтобы отвратить от них злой рок. Рождение ребенка тоже может сопровождаться большей бедой, во избежание чего обычай требует, чтобы роженица разрешалась от бремени одна в уединенной хижине. Отец берет ребенка на руки только месяц спустя после появления его на свет.

1 Boas, цитиров. сочинение;—H. Markham, „A Whaling Cruise".

2 Klutschak, цитиров. сочинение.

Когда островные иннуиты пользовались ещё для плавания каяком, они много уступали гренландцам, как строители и гребцы. Теперь они совершенно оставили этот род судов и употребляют исключительно лодки, покупаемые у китоловов. Но они сохранили большую

Станція Танана на Юконѣ.

часть своих прежних промыслов, и по части изделий ручного труда далеко превосходят эскимосов Лабрадора и прибрежных жителей Гудсонова моря. Предметы одежды, звероловные снаряды, резьба на дереве, всё у них делается более прочно и с большим вкусом, чем у

их южных соседей, что зависит, может-быть, от существования спроса на их изделия со стороны европейских китоловов: одни только эти эскимосы умеют обработывать белые пушистые шкурки новорожденных тюленей, употребляемые на куртки, которые носят поверх верхней шубы; женщины собираются на посиделки, чтобы подвергать эти шкурки предварительному вымачиванию, разжевывая их и покрывая слюной[1]. Известно из рассказов мореплавателей, что эскимосы Полярного архипелага обладают удивительным топографическим смыслом, и что они часто составляли детальные карты, точность которых вполне подтверждали последующие изыскания европейских моряков: так, например, Парри открытием пролива «Fury and Hecla» обязан карте, начерченной одним эскимосом, по имени Игилик. Обыкновенно иннуиты ограничиваются изображением контуров земель на снегу вертикальным или боковым движением ноги[2]. Но эскимосы также очень легко выучиваются чертить, как европейцы; путешественник Ключак рассказывают, что дети туземцев гурьбой обступили его, чтобы выпросить кусочек карандаша и бумаги, затем по целым часам усердно скопировывали буквы и образцы.

Долгия путешествия в однообразных местностях, где так трудно приметить какую-нибудь выдающуюся черту рельефа, очевидно, и развили у эскимосов тот замечательный топографический смысл, которым они отличаются. Побуждаемые голодом, они предпринимают иногда очень опасные странствования через морские проливы по движущимся льдинам. В холодные зимы они часто переходят Ланкастерский пролив, чтобы поселиться временно на острове Туджан или Северный Девон, на восточном берегу. Реже случается, чтобы эскимосы переходили через Гудсонов пролив, с целью пробраться сухим путем в Лабрадор; однако, партии смельчаков пускаются иногда и по этому опасному льду, часто ломающемуся под напором сильной приливной волны, даже в сезон больших холодов. Во все время перехода никто не проронит ни одного слова, из боязни, чтобы звук голоса не вызвал злых духов[3]. Одним из наиболее посещаемых пунктов перехода в Полярном архипелаге считается пролив «Fury and Hecla», между Баффиновой землей и полуостровом Мельвиль. Симпсонов пролив, между островом короля Вильяма и полуостровом Аделаиды, тоже лежит на одной из больших естественных дорог эскимосов; эту же дорогу хотели избрать и спутники Франклина, после постигшего их бедствия, чтобы выбраться из области льдов.

Знание мест много помогает туземцам во время охоты: они знают, где тюлени будут нырять, где снова появятся на поверхности воды и вылезут на ледяное поле, в какой трещине или полынье высунут голову, чтобы подышать воздухом. Эскимосы рассчитывают, правда, на свои суеверные обряды при ловле зверя, но ещё гораздо больше на свои зоркия наблюдения ветра, снега, тумана, тысячи различных явлений окружающего пространства. Во многих местах встречаются «каменные люди»: это столбы из камней с грубым подобием человеческой фигуры, сложенные охотниками, чтобы пугать оленей: преследуемые животные бросаются в топкия болота, откуда уже не могут выйти, и тогда их бьют без труда; такие же «каменные люди» поставлены на перевалах, где олени всегда переходят из долины в долину, и охотники ложатся за этими столбами, чтобы попадать в проходящих животных наверняка[4]. Но постоянное уменьшение численности туземцев повело к тому, что они стали пренебрегать прежними способами охоты, и промысел их всё более и более сводится к одной только ловле тюленя и рыбы. Большая смертность собак, этих необходимых спутников человека в его путешествиях и охотах, грозит положить конец периодическим переселениям племен. На берегах Кумберлендского залива число упряжных собак уменьшилось на две трети; по счастию, болезнь, занесенная из Гренландия, не распространилась далее восточного берега Баффиновой земли.

В Полярном архипелаге нет, конечно, ни городов, ни деревень, есть лишь несколько ста-

1 Schwatka, „Bulletin de la Societe de Geographie", 1881

2 F. F. Payne, „Eskimo of Hudsons strait, Proceedings of the Canadian institute". 1889.

3 Boas, цитиров. сочинение.

4 Boas;—Klutschak, цитиров. сочинение.

новищ, постоянных или временных. В настоящее время наиболее посещаемое европейскими моряками становище—Кекертен, расположенное на одном из островов Тиникджуарбинга или Кумберлендского залива у входа в фиорд Кингнаит. Две единственные станции китоловов, существующие ещё на Арктических островах, находятся в Кекертене, и вокруг каждой из них разсеяны лачуги эскимосов, сошедшихся сюда с разных сторон. На северной оконечности Кумберлендского залива, другая кучка хижин, Кингуа, к которой нужно пробираться лабиринтом извилистых проливов, обязана своей эфемерной известностью тому обстоятельству, что немецкая комиссия избрала её местом для основания одной из околополярных физических обсерваторий. Южнее, в бухте Фробишера, американец Голль открыл большое число предметов европейского изделия, веревки, кирпичи, куски железа, дерева, угля, происхождение которых он относит к экспедициям Фробишера (с 1576 по 1578 год), и которые теперь хранятся в морском музее Гринвича. У туземцев остров, где находились эти древности, называется Кадлунаран, что значит «Остров белого человека»[1].

Некоторые острова и бухты побережья тоже прославились в истории географии, как места, служившие пристанищем мореплавателям, или невольным пребыванием, когда они попадали в ледяную тюрьму. Так, форт Конгер, на берегу бухты Лэди Франклин, и красный сиенитовый мыс Сабин, в земле Эллесмира, напоминают пребывание и несчастия Грили и его спутников. Остров Бичи, на северо-западном углу Северного Девона, был главным сборным пунктом для полярных исследователей, благодаря его счастливому положению на распутии морских проходов, между проливами Веллингтона, Ланкастера, Барро, Принца-Регента, Пиля, „Зимний порт“, Winter-harbour, на южном берегу полуострова Мельвиль, известен со времени зпмовки Парри, в 1819 году; в этой же гавани совершилось, в 1853 году, соединение маршрутов плавания вокруг Америки встречей Келлета и Мак-Клюра, который перед тем провел два года сряду в бухте Мерси, на северном берегу земли Банкса. „Зимний остров“, Winter-island, также принадлежит к числу исторических мест Полярного океана, благодаря пребыванию там Парри во вторую его экспедицию, когда он завел свой корабль вглубь бухты Неудачи (Repulse-bay), и когда он тщетно пытался перейти пролив Fury and Hecla (Фурия и Гекла), которому оставил имя своих судов. Порт-Боуэн и Порт-Леопольд, лежащие один против другого на берегах пролива Принца-Регента, и где „нет ничего, кроме камня, снега и льда“, тоже повествует о страданиях полярных мореплавателей; пролив Беллота, между Северным Сомерсетом и Счастливой Боотией, напоминает о трудах этого отважного моряка, который исчез во льдах Веллингтонова канала; ему поставлен памятник на острове Бичи.

Наибольшую известность получили те места, где были открыты следы обратного путешествия спутников Франклина: Пойнт-Виктори, где Мак-Клинтон собрал первые сведения о злополучном исходе экспедиции; мыс Феликс, близ которого два корабля Франклина были задержаны ледяным полем; бухта Эребус, где начинают появляться могильные курганы вдоль берега; Симпсонов пролив, где оставшиеся в живых добрались, наконец, до твердой земли; бухта Голода, за которую перешел только один из скитальцев, чтобы умереть немного дальше, на берегу одного из фиордов полуострова Аделаиды. Печальный конец этой экспедиции, вызвавший, в следующие годы, посылку многочисленных кораблей, для отыскания потерпевших крушение, был главной причиной продолжительного перерыва в исследовании полярных областей. Но основание постоянных постов, могущих получать нужные запасы продовольствия из береговых станций американского континента, сделает в будущем изыскания более легкими. К тому же ещё далеко не все рессурсы, предлагаемые современной индустрией к услугам мореплавания, были утилизированы: только в 1871 году, было впервые употреблено паровое судно (*Polaris*) для арктических областей. В 1850 году Джон-Росс выпустил, в проливе Барро, двух почтовых голубей, из которых один прибыл в Шотландию через 120 часов, совершив путь в 4.000 километров[2].

1 Hall, „Life with the Esquimaux“.

2 Sherard Oborn, „Stray Leaves from an Arctic Journal“.

В следующей таблице приведены имена, обыкновенные или менее часто употребляемые, главных арктических земель, с их подразделениями;

Северо-восточный архипелаг	Гриннель-ланд, земля Гриннеля (земля Гранта и пр.)	
	Земля Эллесмира (Северный Линкольн и пр.)	
	Северный Девон (Туджан)	
Северный архипелаг	Остров Гриннель	
	Северный Корнваллис	
	Остров Батурст	архипелаг Парри
	Остров Финлей	
	Остров Биам-Мартин	
	Остров Мельвиль	
	Остров Принца Патрика	
	Остров Энглитон	
Юго-восточный архипелаг	Баффинова земля, включающая в себе Кокборн-ленд, Пенни-ленд, Фокс-ленд, Meta Incognita (Кингнаит) и пр.	
	Байлот-Айленд (о. Владения, Уиванг)	
	Остров Резолюшен (Туджакжуак)	
	Полуостров Мельвиль	
Западный архипелаг	Остров Северный Сомерсет	
	Полуостров Боотия-Феликс (Счастливая Боотия)	
	Земля Короля Вильяма	
	Земля Принца Валлийского	
	Земля Принца Альберта, с полуостровами: земля Уолластона и земля Виктория	
	Земля Банкса, заключающая в себе землю Беринга	

Глава IV. Аляска

Северо-западная оконечность Северной Америки оффициально обозначается именем «Аляска», происходящим, по мнению некоторых этимологов, от туземных слов Аль-ак-шак, т.е. «Большая Земля». Первоначально название это было присвоено полуострову, который выделяется из массы материка на юго-востоке Берингова моря и продолжается в океане цепью Алеутских островов; но мало-по-малу его распространили на смежные земли, и теперь оно применяется ко всей совокупности континентальной территории до 141 градуса западной долготы (от Гринвича). Территория эта принадлежала прежде России, которая в 1867 году продала её Соединенным Штатам, за сумму около 37 миллионов франков. Хотя американское общественное мнение долго протестовало против этой покупки, но нельзя не признать, что цена была слишком дешева за землю, занимающую площадь почти в 1.500.000 квадр. километров и состоящую не только, как это часто повторяли по незнанию, из гор, замерзших озер и снегов: Аляска обладает большими лесами, рудными месторождениями, местами рыбной ловли. Правда, рессурсы страны, за исключением островов с тюленьим промыслом, эксплоатируются ещё очень несовершенно, и белое население, опасный просветитель туземных племен, ещё очень редко на южном побережье, единственной удобной для обитания части Аляски. Тем не менее кажется странным, что русское правительство согласилось отделаться от своих громадных владений в Новом Свете, которые, если и не приносили казне никакого дохода, то во всяком случае своим географическим положением и огромным протяжением составляли немаловажную прибавку к величию империи. Решение это объясняют желанием, которое имели тогда Россия, соперница Великобритании, доказать свои симпатии Северо-Американскому Союзу и подготовить в будущем столкновения между этими двумя сопредельными государствами. Русские дипломаты, казалось, приняли девизы «Америка американцам!», уступая им это обширное владение, долженствующее служить приманкой для будущих завоеваний.

Юго-восточная часть Аляски отмежевана естественными границами: начиная от 54°40’ с.

широты она обнимает область побережья до раздельного хребта, образуемого береговой цепью; там же, где этот хребет удаляется от берега более, чем на десять морских миль (55 с половиной километров), граница будет проведена на этом расстояния, параллельно побережью. У величественного пограничного столба, представляемого горой св. Илии, вершина которой находится, вероятно, на американской территории[1], граница становится чисто условной и пока ещё обследована приблизительно только до того места, где её пересекает река Юкон: это не более, как мысленная линия меридиана, продолженная до берега Ледовитого океана. Если бы политическое деление придерживалось важнейшей географической черты страны, то оно направилось бы от горы св. Илии к горным цепям, окружающим на востоке истоки Медной реки, затем истоки Юкона и его притоков. С прибавкой этих возвышенных долин, Аляска увеличилась бы по крайней мере на одну треть в протяжении, но действительная её важность в экономии мира не изменилась бы, так как эти части Америки почти безлюдны. В Аляске, сделавшейся ныне территорией Северо-Американского Союза, насчитывается всего только около 32.000 жителей (по переписи 1890 г., 31.795 душ); к этой цифре, может-быть, прибавилось бы от двух до трех тысяч, если бы был присоединен весь верхний бассейн Юкона. Все соседние с побережьем острова, Чичагова, Баранова, Адмиралтейства, Куприянова, Принца Валлийского, Ревилья-Хихедо, и окружающие их архипелаги островков принадлежат политически к Соединенным Штатам, также как цепь Алеутских островов, до острова Атту. Общее развитие морских контуров Аляски, не принимая в рассчет ни мелких иссечений берега, ни островов, определяют в 13.000 километров, но это длинное протяжение побережья, обильно изрезанного бухточками, бухтами и заливами, имеет весьма малую цену в суровом полярном климате: линия арктического круга, так сказать, отрезывает от Аляски всю часть, лежащую на север от Берингова пролива. Любопытно, что геометрический центр всей территории северо-американской республики, от мыса Песчаного, на юге полуострова Флориды, до острова Атту, на оконечности Алеутской цепи, падает в открытое море, по близости берегов Калифорнии.

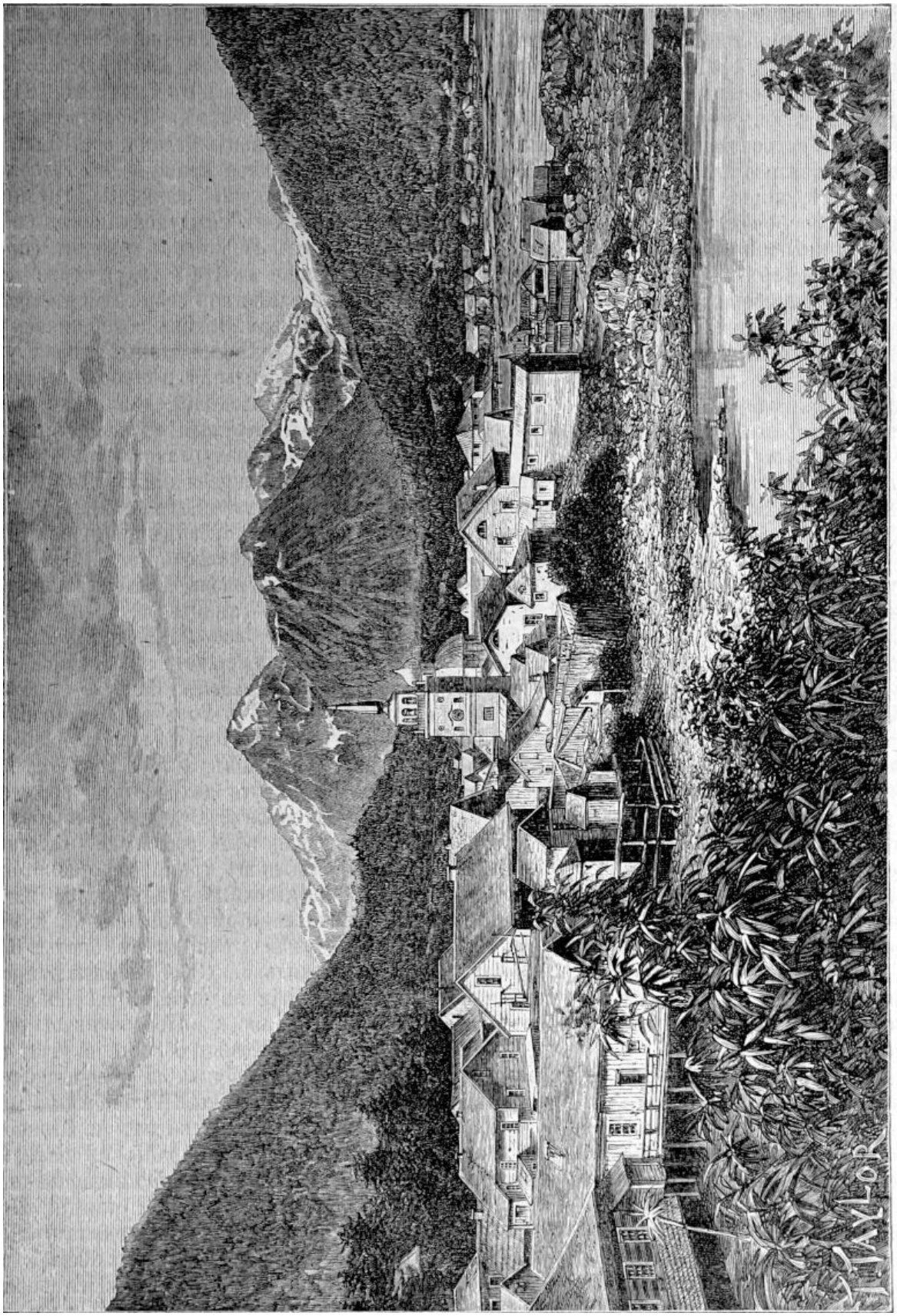
В первые десятилетия восемнадцатого века русские уже знали смутно о существовании «Большого восточного материка», и Гвоздев приставал к его берегам в 1730 году; но на картах, построенных на основании тогдашних рассказов, имя Аляска присвоено одному из островов пролива. Только в 1741 году началось исследование в собственном смысле, когда Беринг и Чириков,—первый в сопровождении натуралиста Стеллера, второй в сопровождении географа Делиль-де-ла-Кройер,—осмотрели, отдельно, американское прибережье в соседстве горы св. Илии и совершили плавание вдоль берега континента, а также вдоль цепи Алеутских островов. Но ни тот, ни другой не проникали внутрь материка. В 1745 году, Новодисков, отправившись из Камчатки, достиг острова Атту, и по его следам многие авантюристы пробирались в этот архипелаг. Испанец Кадра, в 1775 году, доходил только до полосы южных островов; Артеага не перешел через порог, образуемый Алеутскими островами; Кук, более подробно изучивший контуры берегов и проникший в Арктический океан до мыса Ледяного (Icy cape), также должен был ограничиться исследованием морской окраины земель; но Алеутские острова уже эксплоатпровались русскими торговцами и звероловами, дорогие американские меха направились в Европу и Китай, и истребление туземцев началось. В 1785 году, Елихов основал несколько поселений на берегу континента[2]. Владея побережьем и располагая внутренней торговлей посредством мены с туземными охотниками, русские не имели надобности для своих торговых оборотов делать большие путешествия внутрь края; однако, с течением времени они мало-по-малу хорошо ознакомились со всей юго-западной частью Аляски, к югу от реки Юкон. В 1829 году, русский метис Колмаков поднялся по реке Нушагак[3], притоку Бристольской бухта, и затем, через область, усеянную озерами, по реке Кускоквим, на берегах которой основал укрепленный пост Колмаковский, слишком в 400

1 Определение Далля в 1874 г.;—G. Davidson, „Proceedings of the Royal Geogr. Soc.“, Oct. 1889.

2 H. H. Bancroft, „History of Alaska“.

3 Для мало известных имен Аляски мы придерживаемся правописания, принятого в американских документах.

километрах от океана. Другой метис, Глазунов, объехал, в 1832 году, низменную страну, разделяющую нижний Юкон и Кускоквим. В 1838 году, на Юконе был основан пост Нулато, в том месте, где начинается нижнее течение реки. Экспедиция Загоскина, начатая в 1842

Общій видъ Ситхи.

году, обследовала всю западную часть Аляски, до бассейна р. Коюкук включительно: это было важнейшее и наиболее научно веденное из всех путешествий-изследований, совершенных русскими внутрь «американской Сибири». Некоторые другие, менее ценные, маршруты,

дополняющие сеть путей, проложенных русскими в Аляске, представлены в атласе, изданном в Ситхе в 1842 году, метисом или «креолом» Терентьевым.

Бывшие владельцы страны оставляли за собой исключительное право на исследование её; однако, американские служащие, трудившиеся над устройством междуконтинентального телеграфа через Берингов пролив (предприятие, прерванное в 1867 году), также способствовали в известной мере географическому обследованию края. Затем совершилась уступка территории, и американцы, желая узнать, какова действительная ценность купленного ими обширного владения, деятельно занялись продолжением научного изучения Аляски. С 1866 по 1868 г. натуралист Далль объехал её в разных направлениях; Петров составил статистику туземных племен; Раймонд Шватка, Эверетт проследили течение Юкона, теперь хорошо известное от истока до устья; Аллен проехал вдоль двух важных притоков Юкона—Тананы и Коюкука; кроме того, он поднимался по Медной реке почти до начала её и перешел цепь Аляскинских Альп. Один канадец, Мерсье, проживший в крае семнадцать лет и основавший там несколько постов, поднимался вверх по Танане до её истоков, а на севере от Юкона и полярного круга доходил до верхней долины р. Нунаток. Рудокопы, в большом числе, перешли цепь собственно Скалистых гор и проникли в приморской покатости в равнины британских владений; по их следам ходили в этом направлении и некоторые ученые, как, например, братья Краузе, Даусон, Ожильви. Сеть первых пройденных путей оканчивается в южной и западной частях Аляски; единственные ещё совершенно неизвестные области внутри территории—северо-западная и северо-восточная: даже съемки, сделанные Алленом на р. Коюкук, Мерсье на р. Нунаток и Стонеем на р. Кован, ещё не связаны с планами небольших экскурсий, предпринимавшихся Реем вокруг метеорологической станции Пойнт-Барро. Географическая номенклатура становится всё более и более английской внутри страны, тогда как на морском берегу сохранилось большинство русских имен. Среди этих разноязычных наименований, английских или русских, эскимосских или индейских, не без удивления встречаем также места с французским названием. Авторами имен последнего рода были канадские путешественники, метисы или чистокровные французы; им же обязаны американцы своим прозвищем «бостонцы», употреблявшимся до недавнего времени в Аляске и на берегах Британской Колумбии[1].

Цепь краевых гор южной Аляски не вполне привадлежит Соединенным Штатам своим приморским скатом, так как политическая граница проходит несомненно по сю сторону главного хребта береговой Кордильеры. Можно сказать, что до группы св. Илии, цепи, более или менее параллельные, которые тянутся вдоль берега Тихого океана, лежат в пределах английской Колумбии. Через аляскянскую территорию проходят лишь второстепенные кряжи, кое-где выделяющие из себя невысокие боковые отроги. Большинство высот не превосходят 600 метров, до 57 градуса широты, за которым область больших ледяных рек, заключающая их около пяти тысяч (по Эллиоту), начинается глетчером Паттерсон, с неровной и грязной поверхностью. Но на островах побережья встречаются более высокие горы. Гора Кальдер, на севере острова Принца Валлийского, была в извержении, когда Антонио Маурелле плавал в тех водах, в 1775 г.; с того времени она пребывает в состоянии покоя,—по крайней мере ни один путешественник не видел её горящей. Гора Эджекомб (или Сан-Хасинто, как её называли первые испанские мореплаватели), на островке, лежащем к западу от Ситхи (на острове Баранова), имеет 87 метров высоты, но, судя по её форме, представляющей усеченный конус, можно заключить, что прежде она была выше по крайней мере на треть; глубина её кратера 60 метров, а окружность основания около 2 километров; в 1796 году, во время путешествия Литке, она «ещё выбрасывала пламя».

Южная область Аляски замечательна в особенности характером образования её долин. Почти всё побережье в этой области глубоко изрезано фиордами, разветвляющимися до бесконечности на второстепенные рукава и каналы. Никакая другая часть американского берега Тихого океана, в северном полушарии, не представляет подобного лабиринта проливов,

1 Abby Johnson Woodman, „Picturtesque Alaska“.

отделяющих от твердой земли тысячу сто островов и островков, которые прежде, повидимому, составляли часть материка, или по крайней мере были соединены с ним льдами. К югу от Аляски, широкий пролив Диксон (Dixon-entrance), между островом Принца Валлийского и архипелагом Королевы Шарлотты, прерывает лабиринт островов, и береговой пояс фиордов там гораздо уже, хотя он продолжается до входа в пролив Хуан де-Фука, оканчиваясь у мыса Флаттери. К северу от пролива Кросс-зунд, отделяющего остров Чичагова от материка, морской берег, хотя местами изрезанный, имеет в общем гораздо более правильную форму, чем в южной Аляске, а по другую сторону полуострова и Алеутских островов он развертывается в виде длинных, слегка изогнутых линий и массивных полуостровов. На всём поморье Арктического океана он тянется с запада на восток без сколько-нибудь значительных выступов, и самые глубокия иссечения отмечены там узкими песчаными полосами. Очевидно, эти многочисленные, далеко идущие внутрь материка разрезы морского берега в южной Аляске обязаны своим происхождением строению гор, которые во время своего образования согнулись в складки и разломались, оставив в промежутках сеть изломов, которые прежде были наполнены льдом, а теперь заняты водами моря, разветвляющимися на бесчисленное множество проливов и каналов. Совокупность этих островов, из которых главные сохранили имена, данные им русскими мореплавателями прошлого столетия, иногда обозначают общим названием «архипелаг Александра». Однако, самая большая, из этих островных земель, Принца Валлийского, её соседка Ревилья-Хихедо и некоторые другие напоминают об участии, которое принимали испанские и английские моряки в деле первоначального открытия. Прибрежные пароходы плавают, под защитой от ветров с моря, в каналах, идущих вдоль собственно побережья, к востоку от больших островов: проходы эти—фиорды, открытые с обоих концов, но по способу образования сходные с фиордами, вдающимися внутрь материка. В среднем, глубина их громадна: так, например, «теснины» Тунга, при южном входе фиордов Аляски, имеют свыше 800 метров глубины.

Ряд высоких гор начинается тотчас за архипелагом, на морском берегу, который тянется почти по прямой линии к северо-западу. Гора Лаперуза, высотой 3.440 метров, стоит на конечном полуострове, огибаемом на востоке фиордом или бухтой Ледника (Glacier-bay); затем следует гора Крильон, вздымающая свою конусообразную вершину почти на 5.000 метров над уровнем моря; далее показывается гора «Хорошей Погоды», Fairweather, которая, несмотря на свое имя, большую часть года бывает окутана туманом. Обилие дождей и снегов, выпадающих на эти горы и их предгорья, породило могучия ледяные реки, изливающиеся во все расходящиеся долины. На восточной покатости, ледники соединяются в огромные потоки, спускающиеся до самого моря и даже выступающие за линию побережья: с переднего конца их беспрестанно обваливаются куски ледяного кристалла, которые путешественники сравнивают с стаями лебедей, плавающих по синим водам. К северу от Кросс-зунда и «Ледяной аллеи», горы образуют цирк вокруг ледяного поля, вдающагося своими белыми мысами в глубокое море; во многих местах можно проследить основание блестящих утесов на протяжении нескольких километров. Самый обширный из всех этих ледников—Мюр, конечный обрыв которого, высотой в 80 метров, погружен в воду, имеющую 150 метров глубины. Расход этого глетчера исчислен Райтом в 3.954.000 кубич. метров в сутки, что соответствует расходу реки около 45 куб. метров в секунду[1]. Эта часть Аляски представляет из себя альпийский мир, Швейцарию, с тою разницей, что здесь основание гор опоясано не зеленеющими долинами, а заливами и проливами. Сотни туристов приезжают ежегодно из Калифорнии, Орегона, Канады созерцать эти чудеса природы.

Гора св. Илии, вероятно, самая высокая из северо-американских вершин, составляет часть той же приморской цепи, как Крильон и гора «Хорошей Погоды». Она поднимается на 5.822 метра (5.638, по Топгаму и В. Вильямсу), в виде остроконечной пирамиды, и со всех сторон окружена льдами. Эта «Большая Гора», как её называют туземцы, имеет совершенно

1 „American Journal of Science“, Jan. 1887;—„Proceedings of the Royal Geographical Society“, February 1889.

правильную форму, по крайней мере на трех фасах, доселе виденных путешественниками; на всех выступах грани льда; там и сям кристальные карнизы нависли над глубокими пропастями. Под юго-западными кручами, почти на половине высоты горы, открывается обширный цирк, в форме кратера, бывший некогда, как полагают (хотя, впрочем, нет решительного доказательства в пользу этого мнения), вулканической отдушиной. У подошвы внешнего откоса этой котловины, наполненной льдом, спускающийся с горы кристальный поток извивается, при средней ширине около десяти километров, между снеговыми высотами, каждый овраг которых выделяет из себя маленький ледник, приток большой ледяной реки, названной по имени Тиндаля. Воды, скопляющиеся в глубинах ледника, выступают наружу у основания его, над громадными моренами и образуют временные озера, на поверхности которых плавают глыбы льда, но которые скоро опоражниваются через боковые трещины. В том месте, где скаты постепенно понижаются к морю, ледник как будто исчезает; груды мелкаго камня и большие глыбы шифера, гранита, порфира, трахита, базальта перемешаны там в хаотическом беспорядке, и сквозь них кое-где виднеются пласты синеватого льда, пенящиеся ручьи или площади тихой воды. Ниже, эта исполинская морена, протянувшаяся через ледник на пространстве около 15 километров, покрыта слоем земли, на котором растет целый лес переплетающихся ветвями высокоствольных деревьев, сосны, березы, клена, и вся эта масса камней, земли, кустов и деревьев движется чрезвычайно медленно, несомая текущей под низом ледяной рекой. Движущиеся холмы, постепенно приближаясь к морю, покрывают, наконец, другие лета, леса прибрежья; каждый год вид природы изменяется, смотря по движению вперед или отступлению ледника, обвалам, наводнениям, трещинам, внезапным прорывам реки, скрывающейся в глубинах. Река эта, Яхце, окрещенная английскими туристами банальным именем Jones-river, низвергается, «широкая как Темза», в скрытые галлереи льдов и морен, затем, после подземного пробега около 8 километров, снова выходит наружу бесчисленными потоками, извивающимися между галечными островками широкого заливообразного устья. Путешественники, предпринимавшие восхождение на гору св. Илии, поднимались только до хребта высотой в 3.499 метров, в амфитеатре второстепенных вершин, окружающих её кратероподобный цирк[1]. Из всех возвышенностей земного шара эта гора представляет наиболее длинный подъем по льдам и снегам, считая от нижнего предела фирна, на высоте около 900 метров, до конечной вершины. Можно даже идти всё время по льду, начиная от самого основания горы, так как ледник Агассица достигает моря, где он оканчивается обрывами в 50—100 метров высоты, белыми стенами, погруженными нижней частью в воду до 200 метров глубины[2]. Один из «мертвых» ледников, т.е. покрытых камнями и землей, спускается на северо-запад, к бухте Якутат; площадь его определяют в 200 квадр. километров.

На западе, гора св. Илии продолжается хребтом, быстро понижающимся, но вершины которого, тем не менее, имеют величественный вид и выделяют из себя значительные ледники. Один из этих глетчеров круто спускается из боковой долины, как бы за тем, чтобы преградить течение Медной реки, но лед его виден лишь сквозь трещины; почти во всей нижней части поверхность его покрыта камешками, землей, кустарником и даже деревьями. В небольшом расстоянии оттуда, глубокий залив King Williamsound, прерывает горную цепь, которая в этом месте обозначена лишь рядом островов, наполовину запирающих вход в залив; но далее орографическая система продолжается горами Кенай, оканчиваясь в море массивами островов Афогнак и Кадьяк, затем несколькими островками, ось которых параллельна оси Алеутских островов. Чугачския Альпы, опоясывающие снеговым амфитеатром (высотой 2.200 метров) северную кривую залива Короля Вильяма, примыкает своими предгорьями к цепи св. Илии; вулканические горы, сгруппированные на востоке от Медной реки, также могут быть рассматриваемы как принадлежащие к тому же рельефу. Самая высокая гора этой области, носящая имя Врангеля, иногда была указываема как соперница, по высо-

1 H. W. Seton Karr, „Shore and Alps of Alaska“;—Topham, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1889;—W Williams, „Scribner's Magazine“, April 1889.

2 Henry W. Elliot, „Our Arctic Province“.

те, горы св. Илии, но, по измерениям Аллена, она уступает последней, хотя всё-таки превосходит европейский Мон-Блан: она достигает 5.334 метров, а сосед её, Тильман, ниже её только на 300 метров. Гора эта—огнедышащая: хотя покрытая снегом и льдом, как сопки Камчатки, она выделяет столбы пара; в 1884 году, густые облака, выходившие из её кратера, обвивались вокруг склонов. Гора Друм тоже была некогда горящим очагом, но относительно других окрестных гор не известно, вулканического ли они происхождения; высокие берега всех притоков Юкона покрыты толстым слоем вулканического пепла, который, как полагают, вылетал из кратеров Врангеля и других соседних гор[1]. Над одной из теснин Медной реки высится «гора Духов» (880 метров), из которой иногда слышен глухой гул, страшный голос злых духов, говорят туземцы[2]. К западу от этой реки, хребты продолжаются, вокруг полуострова Кенай, горами в 3.000 и 3.500 метров высоты.

Аляскинские Альпы, составляющие продолжение собственно Скалистых гор, очень мало известтны в большей части их протяжения. На перевале Перье, между фиордом Чилькут и истоком Юкона, высота всего только 1.250 метров. Гораздо западнее, в проходе Майльс, открывающемся между долинами Медной реки и Тананы, брешь гор ещё ниже; по словам Аллена, переходившего этим перевалом, последний лежит на высоте 963 метров, но соседния вершины вдвое выше; в углублениях гористого плато, составляющего раздельный хребет, рассеяны маленькия озера. Кажется, что Аляскинские Альпы ни в одном пункте своего протяжения не достигают высоты 3.000 метров; но, уступая по высоте приморским горам, эти альпы отличаются более правильным расположением, образуя большую кривую, в общем параллельную южному берегу и долине Юкона.

Около основания полуострова Аляски, горная цепь тянется вдоль фиорда Кука (Cookinlet) и близко подходит к величественному вулканическому массиву Илиамна, которому испанский мореплаватель Артеага дал название «Миранда», т.е. «Удивительная». Вершина этого вулкана достигает высоты 3.676 метров, но кратер его, по временам выделяющий пары, лежит гораздо ниже; однако, Петров не мог добраться до краев кратера: так круты склоны, изрезанные к тому же опасными коридорами, куда часто обрушиваются снежные лавины. Рядом с Илиампой стоит другая гора, менее высокая, «Редут», громадная груда шлаков, совершенно правильной формы, дымившаяся в 1819 году, во время посещения тех мест Врангелем. Эти два конуса представляют собою восточные межевые столбы длинного полуострова Аляски, по средине которого высится величественный вулкан Вениаминов, окруженный целым кортежем снеговых пиков: он был в извержении с 1830 по 1840 год. Далее тянется ряд Алеутских островов, изгибающийся сначала с севера на юго-запад, затем на запад, в виде правильной кривой, дуги круга, радиус которого около 1.500 километров. Ни в какой другой части земного шара нет выступов рельефа, которые представляли бы большую аналогию форм и происхождения, чем две вулканические цепи островов: Алеутские, продолжающие собою американский полуостров Аляску, и Курильские, составляющие продолжение полуострова Камчатки. Сходство между этими островными валами сохраняется даже на дне морском. Тот и другой северной покатостью ограничивают моря относительно мелкие, тогда как южным склоном они погружены в пучины Тихого океана; впрочем, и внутри алеутской цепи находят глубины до 1.460 и даже до 2.000 метров[3]. Цепь эту обыкновенно подразделяют на четыре группы островов: Лисьи, Андреянова, Крысьи и Ближние (относительно Сибири). Пространство Алеутских островов исчисляется в 14.581 километр.

Хотя расположенные на одной и той же трещине земной поверхности, горы полуострова Аляски, называемые иногда Чигмит, перерезаны через известные промежутки очень низкими порогами, волоками или «переносами», которыми лодочники действительно пользуются для переноса своих челнов с одной покатости на другую: горная цепь как бы приготовляется образовать ряд островов, протянувшийся на юге Берингова моря. Бреши, следующие одна

1 George M. Dawson, „Report on an Exploration of the Yukon district“.
2 Allen, „Expedition to Alaska“.
3 Dall, „Petermann's Mittheilungen”, 1874.

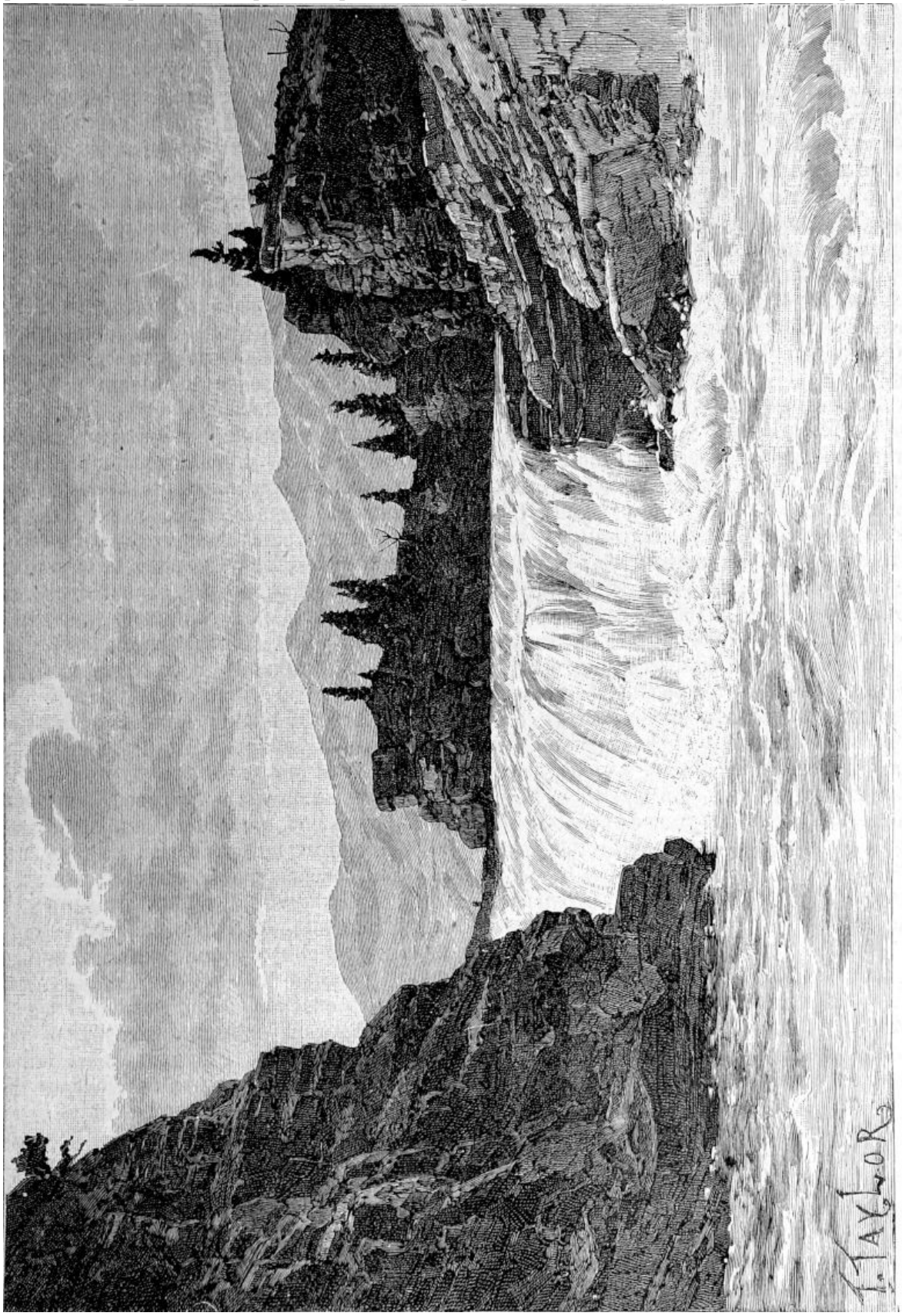
за другой по всей длине полуострова, постепенно суживающагося в направлений от востока к западу, образуют проливы, посредством которых некогда сообщались соответствующие фиорды двух противоположных берегов. Уже около основания полуострова, противолежащие заливы Бристольский и Куков наполовину соединены обширным озером, носящим имя Илиамна, как и соседний величественный вулкан. Далее идут другие озера, занимая каждое одну из поперечных вырезок, которые делят длинный полуостровной сегмент на отдельные отрывки[1]. Истоки этих озерных бассейнов открываются на север, к Берингову морю: в сторону мелких вод горы понижаются пологим скатом, тогда как на юге откосы их спускаются крутой стеной в глубокое море.

Вулканические извержения проявляются в местах, очень отдаленных одно от другого, но редко бывает, чтобы та или другая из вершин не отражала на небе пламени своего очага; пары или пепел всегда поднимаются из какого-нибудь аляскинского или алеутского кратера: более тридцати гор были отмечены, как проявлявшие вулканическую деятельность в течение исторического периода. Гора Алай, у основания полуострова, часто выбрасывает пары и лаву[2], вулкан Павловский, около оконечности рога, тоже имеет действующий кратер. Самый высокий вулкан острова Унимак, Шишалдинск (2.646 метров), выпустил, в 1826 году, целые тучи пепла, которые превратили день в темную ночь и истребили как на этом острове, так и на соседних землях, много животных, частию задохшихся в удушливой атмосфере, частию погибших от недостатка корма, вследствие уничтожения пастбищ, засыпанных пеплом. В следующем году опять было извержение, затем Шишалдинск отрыл себе новый кратер, к востоку от старого[3]. На западной оконечности того же острова, вулкан Погромный (1.780 метров) тоже приходит по временам в действие. Макушин (1.550 метров), на острове Уналашке,—один из самых деятельных вулканов по выделению паров, но настоящего извержения там не было в этом столетии. Известны также случаи появления новых островов в алеутских водах. Так, в 1796 году жители Унимака и Уналашки услыхали страшные взрывы, за которыми следовали долгие раскаты грома, и в воздухе распространялась густая мгла, продолжавшаяся несколько дней. Когда, наконец, мрак рассеялся, туземцы увидели, в северном направлении, пылающий островок, названный впоследствии «островом Иоанна Богослова». Конус горящих шлаков выступал в то время над поверхностью воды не более, как на тридцать метров, но он рос понемногу, и в 1825 году это был уже большой пик, с овальным основанием, около 8 километров в окружности, вздымавший слишком на 130 метров над уровнем моря свои почти неприступные склоны; морские львы вылезали из воды порезвиться на его ещё тёплых скалах. С тех пор размывы уменьшили размеры вновь образовавшагося островка, и в начале восьмидесятых годов он имел уже только 82 метра высоты. Но подземный очаг открыл себе новый выход: в 1883 году, одновременно с извержением вулкана Кракатау, в Зондском проливе, показался второй конус, в 200 метрах к северо-западу от Богослова: это вулкан Гревник, названный так по имени геолога, наиболее потрудившагося над исследованием строения Алеутских островов. Около того же времени последовало извержение горы Августина, находящейся близ острова Чернобурого, у входа в Куков залив; при этом образовался новый остров, и пепел, продукт разрыва, разбрасывался на далекое пространство; однако, первоначальное известие о появлении широкой трещины, идущей сверху до низу по всему конусу Августина, не подтвердилось, хотя такая трещина и теперь ешё изображается на местных картах[4]. При исследовании под микроскопом грязный дождь, выпавший на острове Уналашка, оказался наполненным кристаллами вулканических пород. Самые имена некоторых из Алеутских островов свидетельствуют о вулканических пожарах, которым подвергались эти земли: один остров называется Горелым (1.625 метров), другой Семисопочным; вулканы эти часто видели в извержении. Горячие ключи, вытекающие во

1 J. S. Diller, „Nature", May 22, 1884.
2 A. Pinart, „Bulletin de la Societe de Geographie", decembre 1873.
3 W. A. Dall, „Alaska and its resources".
4 Dall, „Petermann's Mittheilungen", 1884, Heft X.

многих местах из грязевых вулканов, встречаются на всех островах.

Два острова Прибылова, св. Павла и св. Георгия, севернее остров св. Матфея и двойной остров св. Лаврентия, посреди Берингова моря,—тоже земли вулканическаго происхожде-

Водопадъ на рѣкѣ Кананаски.

ния, но кратеры их уже изгладились, за исключением кратера Оттер-айленда (остров Выдр), близ острова св. Павла, и «Зубчатой Скалы», Pinnacled Rock, к югу от острова св. Матфея; из верхних трещин этой скалы, открывающихся на высоте 450 метров над уровнем моря, по-

степенно поднимаются столбы пара (пространство островов Аляски, лежащих к северу от Алеутских, определяют в 10.313 кв. километров). На берегу американского континента, маленькие мысы, вдающиеся в залив Нортон, на севере от равнин Юкона, состоят из древних потоков черного базальта. Островные горы Кусильвак (600 метров), пять остроконечных вершин Норденшельда (300 метр.), окруженных аллювиальной почвой, и вершины мыса Невенгам (750 метр.)—также были некогда вулканами[1]. Что касается внутренних гор, которые тянутся на севере от Аляскинских Альп, то они пока обследованы лишь в немногих пунктах, и нельзя даже сказать, каково их общее направление. Некоторые из них принадлежат к палеозойским формациям, другие к меловым или даже третичным, и содержат в большом числе ископаемые остатки, особенно отпечатки листьев. Во многих местах побережья натуралисты нашли залежи лигнита, которые, конечно, не оставались бы без разработки, будь это в соседстве многолюдных городов. К северо-востоку от Берингова пролива, на берегах Ледовитого океана, у мыса Лисборн, залегают мощные пласты каменного угля: Гукер во время своей полярной экспедиции 1880 года пользовался этим минеральным топливом.

Полагают, что горные хребты Аляски постепенно расходятся, приближаясь к Берингову морю и Ледовитому океану. Таким образом пучек Скалистых гор раскрывается веерообразно к северо-западу, подобно тому, как по другую сторону Северной Америки цепь Аллеганских гор разветвляется на несколько расходящихся хребтов: очевидно, вследствие меньшего бокового давления, на оконечностях материка складки почвы имели больше места для своего образования. Горы северной Аляски, по всей вероятности, ниже гор южной: цепь Румянцева, между р. Юкон и Ледовитым океаном, кажется, не имеет вершин выше 1.200 метров. Следовательно, в целом Аляска, окаймленная на южном берегу высокими краевыми цепями, представляет общий скат в направлении на север и северо-запад, к Ледовитому океану. Как заметил натуралист Земан, крайний мыс Азии, перенесенный на северо-восток, совершенно вошел бы, как в футляр, в залив Коцебу,—до такой степени берега того и другого развертываются соответственно параллельно.

Несмотря на свою более высокую географическую широту, северная Аляска не заключает в себе ледников, которые могли бы сравниться по размерам с глетчерами южной Аляски: это объясняется тем, что в первой нет высоких гор, с обширными приемными цирками и длинными долинами, где ледяные реки могли бы течь по извилистому руслу, на-подобие водяных потоков. Но если ледники имеют другой вид на берегах Арктического океана, то тем не менее и там ледяные массы постепенно спускаются с более высоких внутренних местностей к морскому прибрежью; только движение их там крайне медленное, и в некоторых местах они даже могут совершенно остановиться, вследствие недостаточного ската почвы или отсутствия напора со стороны других льдов. Уже Коцебу во время своего путешествия на борте *Рюрика*, на берегу залива, носящего теперь его имя, с удивлением заметил, что один мыс, покрытый слоем земли и обильной растительностью в полном цвету, состоит из языка ледника, изрезанного глубокими трещинами, открывающимися в кристаллической массе. Позднее, в том же заливе Коцебу, исследователь Земан и его спутники с корабля *Herald* сделали подобное же открытие, но ещё более замечательное: они имели случай наблюдать, так сказать, ископаемый ледник. Ледяная масса, высотой превосходящая соседние холмы, поднимается на 200 метров и продолжается к востоку вдоль морского берега. Как было констатировано впоследствии Даллем и другими исследователями, эта ледяная гора вся сплошь одета слоем ила в несколько метров толщины, где растут ивы, а также травянистые виды, мхи и лишаи. Уже эта земля и её растительный наряд указывают на возраст по крайней мере столетний для лежащего под ним льда, но многочисленные находки костяков обнаружили, что этот лед отложился здесь не столетиями, а целыми геологическими веками ранее; в облегающем его иле найдены остатки мамонтов, лошадей, красных и северных оленей, му-

1 „Jacobsen's Reise an der Nordwestkuste Amerika's.

скусных быков[1]. По мнению Далля, впрочем, не разделяемому другими геологами,—на западе от Скалистых гор не могут встречаться следы ледяного периода, далеко переходящие за нынешние пределы кристальных рек. Замечательно, что в тундрах, прилегающих к заливу Коцебу, нигде не находят эрратических камней. Но в южной Аляске, именно в заливе Линн и в Глесиер-бай, констатированы очевидные доказательства отступления ледников; некоторые из тамошних островов несомненно древние морены, и среди льдов Мюра высятся изборожденные полосами скалы, которые прежде были совершенно закрыты ледяным потоком[2]. Джордон Даусон старается доказать, что некогда всё пространство между Скалистыми горами и приморскими цепями было занято обширным ледяным полем, двигавшимся в северном направлении[3].

Несколько перемежающихся рек, течение которых каждый год останавливается вследствие замерзания, впадают в Ледовитый океан, неглубокий в тех местах, и воды их летом открывают себе канал через прибрежный сплошной лед: это—Нигалек-кок (Кольвиль) или «река Индейцев», Мид, Нунаток (Ноатак) или «Внутренняя река», Ковак; две последние—притоки залива Коцебу. Но к югу от этих рек, редко судоходных, с узким ледяным бассейном, в море изливается могучий поток: это—Юкон, самая многоводная река на всей американской покатости Тихого океана и одна из значительнейших рек земного шара по объему её жидкой массы. Некоторые американские географы[4] утверждают даже, будто количество воды, катимое этой рекой, на целую треть больше того, которое несет Миссисипи, что указывало бы для Юкона средний расход около 23.000 кубич. метров в секунду; однако, эта оценка, как кажется, была выведена не на основании точных измерений, и при том нужно принять во внимание то обстоятельство, что зимой, в то время, когда Миссисипи течет в полных берегах, Юкон, напротив, бывает лишен большего числа своих притоков, замерзающих иногда до самого дна, вследствие чего нормальный зимний расход его составляет лишь весьма малую долю нормального летнего. Как бы то ни было, Юкон во всяком случае может быть поставлен наряду с двумя другими большими потоками Северной Америки—рекой св. Лаврентия и Миссисипи. Длина его, измеренная Шваткой от истока, который он посетил, до устья главного рукава, равняется 3.290 километрам, а площадь бассейна, который простирается далеко за оффициальные границы Аляски, продолжаясь в территориях Канады, обнимает пространство, исчисляемое приблизительно в миллион квадр. километров, т.е. в два раза превосходящее поверхность Франции. Не имея надобности прорывать боковые каналы для обхода порогов или водопадов, можно подняться по Юкону на пароходе от устья до британской территории, и даже в её пределы, выше слияния рек Льюис (Юкон) и Пелли.

Верхняя область бассейна давно уже была известна путешественникам Гудсововой компании, французам и шотландцам, белым и метисам; но они не знали, как связать течение посещенных ими рек с течением главной реки Аляски, средней артерии всей северо-западной Америки. Наконец, один русский торговец, Иван Лукин, первый поднялся, в 1863 году, по Юкону до английской границы, но описание его путешествия не было издано в свет. Первая достоверная карта этой реки, в нынешних пределах Аляски, была составлена служащими телеграфной компании, Кенникоттом, Кечумом и Лабержем[5]. В 1867 году они перешли условную границу территории и ходили до форта Селькирк, в 640 километрах выше границы. Затем, после уступки Аляски Соединенным Штатам, северо-американское правительство поручило инженер-капитану Раймонду произвести рекогносцировочное обследование всей бывшей русской части великой реки. С того времени год от году всё точнее определяются детали в гидрографической съемке Юкона и его притоков.

1 „Botany of the Voyage of the Herald“, 1852.
2 G. F. Wright, „American Journal of Science“, Jan. 1887.
3 George M. Dawson, цитиров. сочинение.
4 Иван Петров, „United States Census in 1880“, vol. VIII.
5 Канадский француз, имя которого на всех английских картах ошибочно пишется „Lebarge“ (Mercier, рукописные заметки).

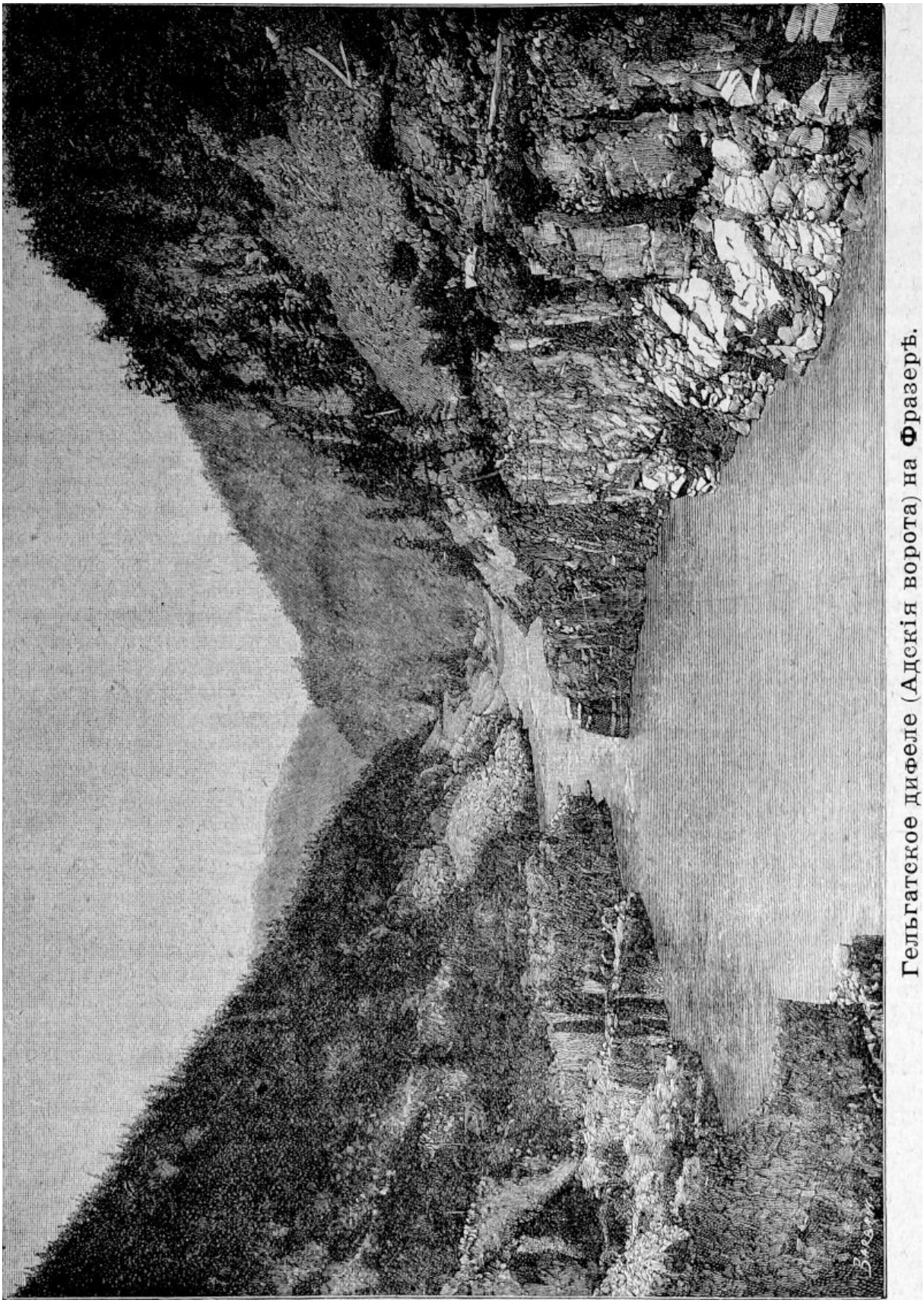
По словам Шватки, главная ветвь Юкона вытекает из горного прохода Перье (1.250 метров), названного так в честь французского геодезиста. Воды ручья скопляются в кратерообразном бассейне, так и названном Crater-lake (озеро Кратера); затем из этого озера, лежащего на обратной стороне гор Чилькат, близ фиорда Линн, горный поток Тахена бежит каскадами в другой резервуар, извилистый бассейн, доминируемый высокими горами, и от водопада к водопаду, от озера к озеру, речка, усиливаемая справа и слева многочисленными ручьями, вытекающими из ледников, является уже большой рекой, когда подходит к аляскинской границе. Ниже ущелья,—единственной ясно обозначенной теснины на всём длинном пути реки, съуживающейся в том месте до тридцати метров,—Юкон или Льюис (Lewis-river) становится судоходным и сохраняет этот характер без перерыва до самого устья, на протяжении 3.002 километров[2]. Важнейший из верхних его притоков, Хоталинква, берет начало гораздо южнее, в Британской Колумбии, и течет в долине, состоящей из ряда озерных впадин, разделенных скалистыми ущельями; по мнению Даусона, этот поток должен считаться главной рекой по длине его долины. Далее, на восточной покатости бассейна, следуют притоки: Ньюберри, Биг-Сальмон-ривер или Аббади и Пелли-ривер. Эта последняя река иногда обозначается под именем Юкона на всём её протяжении, согласно указаниям путешественника Кемпбеля, спустившагося по ней в 1852 году; но Шватка констатировал, что ветвь Льюис есть истинный Юкон: она катит количество воды, почти на одну пятую больше того, которое несет Пелли, именно (по Даусону) 1.055 кубич. метров, против 820. Затем, ниже перехода через Скалистые горы, к Юкону присоединяются Стьюарт и Поркюпайн, «река Дикобраза» или «Крысы», долина которой идет параллельно берегу Ледовитого океана. В месте слияния, русло Юкона лежит всего только на высоте 125 метров над уровнем моря; сплавная в верховьях, река становится здесь судоходной для пароходов с осадкой до одного метра. Далее, Юкон, отбрасываемый цепью скал, разливается в ширину по нескольку километров и делится на множество рукавов, вокруг островов и островков, скрывающих истинные берега. По выходе из этой части речного течения, берега, постепенно повышаясь, вздымаются, наконец, в виде стен, и быстрый поток, заключенный в одно русло, прерывается гранитным порогом, который делает плавание судов, если не опасным, то по крайней мере затруднительным: это ущелье называется «Валом», по причине господствующих над ним гранитных и сланцевых стен. За ущельем, река снова расширяется, напирая на правый берег, более высокий[3], согласно закону, регулирующему течение вод в северном полушарии. Эта часть долины Юкона всего более походит на пейзажи умеренного поясе: холмы Сукконилла, вздымающие на севере свои гребни и остроконечные вершины, одеты лесом,—тополями, березами и разными породами хвойных дерев. К реке присоединяются многочисленные горные потоки (*какат* или *каргут*); там же впадает самый большой приток всего бассейна, река Танана, по которой Мерсье, первый из белых, поднялся, в 1848 году, до слияния её с Таутлотом, в 240 километрах от устья; Аллен спустился по ней, в 1885 году, на севере от возвышенности, отделяющей её от верховья Медной реки. Танана приносит Юкону наибольшее количество плавучего леса.

По соединении с другим значительным притоком, Куюкук, приходящим из тундр и с северо-восточных гор, Юкон, имеющий 2.550 метров ширины, меняет направление: он течет к юго-западу и проходит всего в каких-нибудь пятидесяти километрах в стороне от залива Нортон. Проход, где путешественник не встречает других препятствий, кроме болот, обледенелой тундры и невысоких холмов, соединяет Юкон с морем: в другом климате наверно возник бы значительный порт в ближайшем пункте морского побережья, для сокращения пути внутренней торговле; но под небом Аляски этой дорогой лишь изредка пользуются странствующие торговцы. Ниже перешейка, Юкон продолжает свое течение к юго-западу, затем к западу, наконец, поворачивает на север, прежде чем разделиться на несколько ветвей, образующих его дельту. Именем среднего рукава, Квикпак, долгое время обозначали всю реку;

2 Frederick Schwatka, „Along Alaska's Great River".

3 Charles V. Raymond, „Reconnoissane of the Yukon-river".

когда Белль сообщил, в 1846 году, о существовании потока, называемого туземцами Юконом, полагали даже, что Квикпак и Юкон,—слова, означающие «Большую реку» в разных наречиях,—два различные потока, и первенство присвоивали первому из них. Северное

Гельгатское дифеле (Адскія ворота) на Фразерѣ.

устье, единственное практикуемое барками, называется Апхун: это—река в 500 метров средней ширины, извивающаяся между поросших ивняком берегов на протяжении около 65 километров и впадающая в море широким отверстием, которое на половину загреждено баром.

Другие устья дельты, Квикпак, Кусильвак и их боковые потоки, также отделены от моря песчаными порогами, закрывающими доступ значительным судам: наибольшая глубина воды на проходе—3 метра. Морское дно против дельты Юкона, очевидно, представляет мель, образовавшуюся из отложений речных осадков, так как глубины в десяток метров встречаются лишь на расстоянии 100 километров от берега: корабли могут плавать безопасно только вне вида материка. Летом и осенью река изливает в море огромную массу воды, которая расплавляет льдины и умеряет климат прибрежья: оттого морские животные не заходят в эти пресные и мутные воды. Севшие на мель льдины соединяются зимой и весной в цель островков вокруг дельты; речной лед также сковывает рукава в эту пору года, и однажды ледяной покров так долго держался на проходах, что лососи не могли во-время подняться вверх по реке для метания икры, вследствие чего прибрежному населению пришлось терпеть голод. Льды являются главными деятелями разлива и наносов, разрушения и созидания берегов. Они вспахивают пляжи, подтачивают крутые берега и отрывают от них полосы земли, вместе с растущими на ней деревьями. В русле отлагаются новые острова, так что после каждого разлива вид реки изменяется.

Кускоквим, который в другом месте, вдали от Юкона, считался бы могучей рекой, отступает на второй план в соседстве этой главной водной артерии северо-западной Америки: в общей гидрографии Аляски его даже можно причислять к системе Юкона, так как он близко подходит к последнему в нижней части своего течения и протекает по тем же аллювиальным равнинам: озера, пруды, пространства, попеременно затопляемые и обсыхающие, соединяют эти две реки; трудно узнать, когда находишься в том или другом речном бассейне. Важнейшая река южной покатости—«Медная» (Copper-river), текущая на всём её протяжении в пределах территории Аляски. Путешественник Аллен поднимался по ней до того места, с которого она становится судоходной, ниже легко доступных проходов, откуда можно спуститься в верхнюю долину Тананы. Главная река описывает сначала длинную кривую вокруг мощного массива гор, доминируемого конусом Врангеля, затем принимает в себя с востока приток Читтиниа, который и есть собственно «Медная река»; один из её притоков, с желтой водой, несет столь значительное количество металла в растворе, что лососи не могут там жить: поэтому Аллен был неправ, удерживая имя Copper-river за главной рекой в части её течения, лежащей выше слияния с этим притоком. В нескольких километрах ниже соединения вод, Медная река вступает в Wood's canon, одно из самых диких ущелий Америки. Это извилистая пропасть, длиной около 4 километров, имеющая в некоторых местах не более 36 метров между вертикальными базальтовыми стенами. При крутых поворотах эта трещина земной коры расширяется, образуя широкие бассейны, откуда долго ищешь выхода. Террасы, высотой от 30 до 150 метров, господствующие над узкой пропастью, состоят из черного камня и почти лишены растительности; только изредка показываются там и сям одинокия приземистые деревца, торчащия на дикой скале. С нависшего карниза в реку низвергается широкий ручей, но этот водопад почти всегда имеет вид неподвижной ледяной занавеси. От ущелья начинается нижнее течение. Река извивается на западе от цепи, оканчивающейся «горой Духов», затем принимает в себя ручьи белой воды, вытекающие из боковых долин, наполненных ледниками, и делится на несколько ветвей в болотистых аллювиальных землях своей дельты. Иногда выдвинувшийся передний конец того или другого ледника заграждает частию русло, и потому плавание в этих водах очень опасно. На юге, реки, впадающие в фиорды океана, Таку, Стиккен и другие, принадлежат Аляске только своими низовьями: бассейн их почти весь находится в пределах Канадской территории.

Эти реки, несущие такую массу воды в океан и скованные льдом восемь месяцев в году, этот ледяной пояс, обрамляющий северное побережье, эти ледники, выступающие, в виде бахромы, на южных берегах и останавливающие в некоторых местах течение рек,—ясно говорят, каков должен быть климат страны. Центральная долина, в которой течет Юкон, совпадает отчасти с естественной линией раздела между двумя половинами Аляски, из которых

одна принадлежит к полярной покатости, а другая омывается водами Великого океана. Полярный круг, условная раздельная линия, касается в одной точке течения этой реки, близ форта Юкон, затем идет через тундры, пересекает пролив Коцебу, наконец, проходит на севере от Берингова пролива, который весь лежит в зоне, называемой умеренной, несмотря на его ледяной мост и туманы. Климат в северной половине Аляски такой же, как и на полярных островах: колебание холодов около двух метеорологических полюсов часто приближает эти области к центрам наиболее низкой температуры. Во время пребывания Рея на мысе Барро термометр никогда не поднимался до 18° Ц., тогда как опускался часто до —25 градусов; морозы доходят там до —57 градусов. Полярные сияния чрезвычайно часты в этих странах крайнего севера, но иногда снежные бураны затмевают свет сияния.

К югу от Берингова пролива климат гораздо теплее, чем к северу; на равной широте средняя температура на несколько градусов выше, чем на восточных берегах Америки; для сравнения в этом отношении двух американских берегов возьмем два пункта приблизительно под одинаковой широтой.

	Широта	Средняя температура
Ситха, на западном берегу Америки	57°	3°,56
Наин на восточном берегу Америки	57°10’	3°,8

Сравнительно теплый климат южных берегов Аляски объясняется расположением гор. Высокие цепи, господствующие над этими берегами, защищают их от полярных ветров; с другой стороны, длинный полуостров Аляска, продолжающийся на запад барьером Алеутских островов, отбрасывает к Азии всякое холодное течение, выходящее из Ледовитого океана, тогда как теплые воды японского течения притекают свободно и проникают во все бухты. Зима приносит небольшое количество снега, но дожди и туманы скоро растопляют его, и горы Алеутских островов и прибрежных архипелагов до высоты нескольких сот метров не имеют снежного покрова; порты не замерзают, на поверхности их вод образуется лишь легкий слой сала, и суда могут во всякое время оставаться на своей якорной стоянке. Но если зимы довольно теплы, лето там сырое и относительно холодное: скопления облаков, беспрестанно образующиеся под влиянием юго-восточных ветров, скрывают солнце и разрешаются почти постоянными дождями. В Ситхе в продолжение года средним числом бывает 285 дней с дождем или снегом (Далль, по наблюдениям за 14 лет). Во время своего многолетнего пребывания на одном из Алеутских островов, Вениаминов не мог отметить ни одного дня, когда бы небо было совершенно безоблачно. Необходимо было бы связать западные Алеутские острой телеграфной проволокой с берегами Калифорнии, чтобы придать более точности предсказаниям погоды.

Гористая цепь Алеутских островов, прерываемая многочисленными брешами, не может получать столь большое количество дождевой воды, как континентальные цепи, лежащие восточнее, вдоль обширного полукруга, развертывающагося по направлению к Орегону. Количество атмосферных осадков особенно значительно в прибрежном поясе, который начинается горой св. Илии, и направление которого перпендикулярно к направлению ветров и течений северного Тихого океана. Годовое падение атмосферной воды достигает там нескольких метров. На всём американском берегу, от Берингова до Магелланова пролива, форт Тунгас, самое южное поселение в Аляске, получает наибольшее количество дождей. Но на задней стороне гор, в долинах Тананы и Кускоквима, климат более континентальный: бреши между гор дают проход лишь редким полосам облаков, и тепло, получаемое днем, теряется лучеиспусканием в ясные ночи. Во всех внутренних областях почва промерзла на несколько метров вниз от поверхности: близ порта св. Михаила вырыли яму глубиной в 9 метров, не дойдя до талой земли. Вследствие непроницаемости верхнего замерзшего слоя для падающей из атмосферы влаги, местность повсюду, даже на скатах высот, имеет болотистый характер: с другой стороны, ковер мха и сфагнума, покрывающий землю, задерживает дей-

ствие солнечных лучей в глубинах подпочвы.

Метеорологические условия некоторых пунктов Аляски:

	Широта	Средняя температура	Крайности		Разность	Количество дождя
			Холода	Тепла		
Мыс Барро (2 года наблюд.)	71°18'	−22°,2	−47°	18°,35	47°,8	0,203 метра
Форт Юкон (7 лет)	67°12'	−9°,9	−38°,6	19°,5	58°,1	? „
Порт св. Михаила (7 лет)	63°27'	−3°,8	−48°	24°,44	55°	0,5(?) „
Ситха (14 лет)	57°3'	5°,6	−20°	24°,9	44°,9	2,116 „
Форт Тунгас	54°46'	7°,8(8°,1)	−18°,8	33°,3	34°,4	2,866 „
Уналашка (5 лет)	53°29'	2°,8	−18°	25°	43°	0,850 „

Главный поток японского Черного течения (Куро-Сиво), несущий плавучий лес и другие выкидки из Азии, ударяется об аляскинский берег около южной оконечности территории, разветвляясь на две океанские реки, из которых одна течет на юго-восток, вдоль побережья Орегона и Калифорнии, тогда как другая направляется на запад и следует параллельно берегам Аляски и цепи Алеутских островов. Внутри этого обширного полукруга течений образуется большой водоворот, имеющий среднюю температуру от 9° до 10° Ц., т.е. на несколько градусов выше температуры соседнего побережья. Но на север от Алеутских островов температура жидкой массы быстро понижается, меняясь, конечно, с временами года, смотря по столкновению частных течений, встречающихся в Беринговом проливе. Большую часть года перевес, по словам большинства мореплавателей, принадлежит водам, притекающим с юга; в зимние месяцы холодный северо-западный ветер врывается в пролив и нагоняет туда огромные количества воды, которые обыкновенно следуют вдоль азиатского берега, тогда как воды менее холодные текут на север у американского берега. Происходит род круговорота, существование которого обнаруживается движением увлекаемых льдов и который перестает быть заметным, когда пролив замерзнет. В некоторых проходах, именно в Унимакском и в «канале Опасности», к северу от Ситхи, приливные течения стремительны и очень опасны при противном ветре. Фиорды Александровского архипелага тоже считаются опасными, особенно при юго-восточных ветрах, и парусные суда не отваживаются более заходить туда. Прилив поднимается на огромную высоту в воронкообразных заливах, следующих один за другим по обе стороны рога Аляски: в заливообразном устье Кускоквима разность высот прилива и отлива около 16 метров; в Куковом заливе или фиорде (Kook's-inlet) приливная волна, высотой в 8 метров, движется на-подобие стены, и в несколько минут высокие берега бывают залиты; вода прилива почти всегда мутная, и рыба в ней редко встречается. Моряки пуще всего боятся внезапных бурь или *woollies*, спускающихся с окружающих гор.

Существование различных по направлению и температуре воды морских течений и происходящий от того контраст климатов производят поразительную противоположность в наружном виде двух противолежащих континентальных берегов. Азиатский берег, омываемый холодными водами, почти совершенно лишен растительности: мхи, лишаи, кое-какие приземистые кусты в прикрытых местах—вот и весь его растительный наряд. На американском берегу, напротив, растут настоящие леса кустарника, достигающие 6 метров в вышину и изобилующие ягодами[1]. Весной равнины покрываются ковром зелени, пестреющим яркими цветами; террасы мыса Лисборн, в северо-западном углу Аляски, походят на цветущий сад[2]. Но деревьев в собственном смысле совсем нет на северных берегах, от залива Коцебу и мыса Лисборн до устья Макензи: единственный лес, какой знают в тех местах,—это плавучий, приносимый морскими течениями. Почти вся область, простирающаяся на север от полярного круга, представляет сплошные тундры или болотистые равнины, совершенно однообразные по виду, поверхность которых, губчатая или обледенелая, смотря по времени года, усеяна кочками, в несколько метров высоты, с растрепанными пучками травы или деревянистых растений на верхушке, отчего их прозвали «бабьими головами»: при переходе через эти печальные пространства, нужно всё время прыгать с кочки на кочку, рискуя каж-

1 Ed. Mohr, „Petermann's Mittheilungen", 1869.

2 Berthold Seemann, „The Voyage of „the Herald".

дую минуту упасть в промежуточные впадины, сырые ямы, где нога запутывается в сети корней[1]. Ива и ольха, на севере от Юкона, являются уже в виде кустов и растут обыкновенно не сплошными лесами, а отдельными рощицами на пригорках и менее губчатых почвах[2]. Даже Алеутские острова не имеют самородных лесов: там нет больших деревьев, кроме елей, посаженных в разные времена с начала нынешнего столетия; ввезенные деревья принялись, но не распространились, и без ухода со стороны человека маленькия древесные насаждения на Амакуаке и Уналашке скоро исчезнут. Замечательно, что травяная растительность Алеутских островов не представляет азиатского типа на ближайших к Азии островах: американская на востоке, она принимает чисто арктический характер около западной оконечности архипелага[3]. Европейский трилистник отлично произрастает в южной Аляске.

Большие леса, состоящие главным образом из хвойных пород, начинаются вместе с полукругом берегов, который тянется на юг, к Тихому океану. Одна половина острова Кадьяк, та, которая смотрит на запад, ещё одета дерном; другая, обращенная к востоку, покрыта лесом, и граница между этими двумя поясами соответствует разнице атмосферного порядка. На западе преобладают ветры, приходящие с континента Азии, на востоке—порывистые ветры, спускающиеся с американских гор, и сила их, особенно на островах архипелага Александра, такова, что все деревья наклонены и ветви изогнуты в западном направлении[4]. Эти леса южной Аляски, где самая драгоценная порода—«желтый кедр» (cupressus nutkatensis), не менее труднодоступны, чем непроходимые лесные чащи амазонских берегов и других тропических стран. Дождь, падающий впродолжении слишком трех четвертей года, вызывает к жизни под большими деревьями густую растительность сырых трав, скрывающую топи и лужи, широко разветвляющиеся корни, гниющие древесные стволы, в которых вязнет нога. Слишком большая влажность почвы, ускоряющая произрастание растений, отнимает всякий аромат у цветков, всякий вкус у плодов. Ягоды, собираемые в окрестностях Ситхи, почти совершенно безвкусны.

Фауна Аляски заключает, по Даллю, 62 вида, которые все встречаются в других странах, в Сибири, в Полярном архипелаге, в Канаде, в Соединенных Штатах; она отличается только большим или меньшим числом, особей. Продолжение Скалистых гор составляет раздельную границу между видами канадского и арктического типов и видами орегонского типа, а около рога Аляски эти две зоологические области сливаются[5]. Белый медведь встречается только в частях Аляски, обращенных к Полярному океану; во всех других областях, особенно на полуострове Кинай и на острове св. Матфея, распространен черный или бурый медведь (ursus Richardsonii): это он и пролагает тропинки в лесах и тундрах[6]. К числу аляскинских четвероногих принадлежат также лось и карибу (канадский северный олень), но они уже становятся редки, также как *тебай* (haplocerus americanus) или «горный баран», род серны, с длинной белой шерстью; собственно северный олень встречается лишь в диком состоянии, хотя по другую сторону Берингова пролива чукчи владеют большими стадами домашних оленей; бык мускусный оставил лишь свои кости на берегах Юкона[7]. В Аляске довольно часто можно видеть самую красивую породу чаек, с оперением персикового цвета, rhodostethia rosea. С другой стороны, теплый летний климат привлекает в леса южной Аляски, до горы св. Илии и даже несколько севернее, один мексиканский вид колибри[8]. Под влиянием крайней влажности воздуха, как говорит Нельсон, шерсть млекопитающих и оперение птиц принимают там более темную окраску. Пресмыкающихся нет в Аляске, есть только один вид лягушкообразных гадов. Южные реки изобилуют рыбой, кроме тех исключительных случа-

1 Francois Mercier, рукописные заметки.
2 W. Nelson, „Proceedings of the R. Geographical Society“, Nov. 1882.
3 W. H. Dall, „Petermann's Mittheilungen”, 1878.
4 Seton Karr, „Alaska”.
5 W. H. Dall, „Petermann's Mittheilungen”, 1874.
6 Иван Петров, цитиров. сочинение.
7 Elliot, „Our Arctic Province“.
8 Alfred R. Wallace, „Humming-birds“, Fortnightly Reriew. 1 decemb. 1877.

ев, когда вода замерзает до дна, или когда сплошной лед совершенно запирает устья рек; лосось, более мелкой породы, чем орегонский, поднимается по Медной реке до подошвы ледников и до покрытых снегом скатов. Одна из речных рыб—гулакан (thaleichthys pacificus), встречающийся на всём побережьи, от южной Аляски до фиордов Британской Колумбии,—так жирна, что туземцы употребляют её вместо свечей: отсюда её английское название *candle fish* (рыба-свечка). Что касается ластоногих и китообразных, которые составляют главное богатство Аляски, то они посещают лишь некоторые, немногие острова, и не все уже могут быть рассматриваемы как принадлежащие к общей фауне страны; впрочем, тюленей находят даже во внутренних озерах, как, например, в озере Илиамна[1]. «Морская корова» (*rhytina Stelleri*) уже в конце прошлого столетия была совершенно истреблена. Киты, на которых ещё недавно охотились сотни американских судов в Беринговом море и даже в Ледовитом океане, почти совсем исчезли из пролива и удалились за сплошные льды, в Полярный архипелаг; в открытое море они возвращаются только осенью, после ухода китоловов[2].

Редкие обитатели Аляски не составляют собой этнической группы; они, напротив, очень разнородного происхождения и примыкают к родственным народцам, живущим вне этой территории. Население северной Аляски и даже Алеутских островов состоит из эскимосов, единоплеменников гренландцев и сибирских народцев той же расы, переселившихся с американской территории[3]. Эскимосы—самый многочисленный элемент: половина аляскинцев принадлежит к их расе. Тиннехи, живущие в долинах Юкона и его притоков, составляют часть семьи «краснокожих», центр распространения которых находится в Английской Америке и в Соединенных Штатах; наконец, обитатели южных берегов и архипелагов, известные под разными именами, принадлежат к племенам тлинкит и гайда, как и прибрежные жители Британской Колумбии.

Эскимосы, повидимому, наименее смешанные с чуждыми элементами и наименее подвергавшиеся влиянию белых людей, живут бродячими группами на берегах Ледовитого океана; так, например, метеоролог Рей встретил их на мысе Барро. Эти туземцы, в числе около четырехсот душ, находятся, подобно большинству других племен той же расы, на пути к быстрому вымиранию, благодаря опустошению соседних морей американскими китоловами: некоторые эскимосские селения потеряли половину своих жителей с пятидесятых годов настоящего столетия. Развалины жилищ, рассеянные во многих местах, относятся к древнейшим временам, т.е., как говорят туземцы, к той эпохе, когда «человек говорил по-собачьи». Впрочем, местное население живет ещё в каменном веке. Эскимосы мыса Барро отказываются от употребления спичек, предпочитая добывать огонь при помощи трения двух кусков дерева. Туземные китоловы попробовали было действовать стальным гарпуном, которым их снабдили белые люди, но так как результат охоты оказался неблагоприятным, то старики приписали эту неудачу замене каменных дротиков новым орудием, и дети снова стали учиться обтесывать кремень для китобойного снаряда.

Кажется, нет на свете людей более смирных и кротких, чем иннуиты мыса Барро. Они не имеют никаких начальников или главарей, ни выборных, ни наследственных, и живут в состоянии полного равенства. Соседние народцы никогда не воюют между собой; проступки, если и бывают, никогда не наказываются. Право собственности едва существует, разве только в отношении лодок: оттого эскимос не совестится взять понравившуюся ему чужую вещь, лишь бы она находилась не в хижине или кладовой; но зато если и у него стащат что-нибудь, он не требует возврата похищенного. Ссоры у них неизвестны; нигде не услышишь брани или крика; дети весело играют вокруг хижин или подметают двор, строят маленькия *иглу*, лепят человечков из снега. Женщины пользуются полной равноправностью с мужчинами; никакой договор не считается окончательно состоявшимся, пока он не одобрен жен-

1 Иван Петров, цитиров. сочинение.
2 A. Woldt. „Kapt. Jagobsen's Reise".
3 Hooper;—Dall;—Nordenskiold;—Rink, etc.

щинами; никакое, даже самое близкое, путешествие не предпринимается без их согласия. Свадьбы справляются без всякой торжественности, но обыкновенно браку предшествует период искуса, во время которого невеста помогает своей будущей родне. Впрочем, брачные узы часто разрываются, особенно во время экспедиций для звериной или рыбной ловли, так как более слабые женщины остаются дома с больными и стариками, а более сильные сопровождают отправляющихся на промысел мужчин. Погребальных обрядов в этом племени не существует; однако, эскимосы боятся мертвецов, выходцев с того света, и их колдуньи стараются заклинаниями отвратить злой рок. Особенно страшным считается у них Тупья, невидимый дух, обитающий в земле, в воде, на небе; они боятся также Киолью, духа северного сияния, и когда эскимосу понадобится выйти из дому в темную ночь, он вооружается палкой из моржовой кости, чтобы оградить себя от злых духов.

В некоторых местностях аляскинского побережья убийство стариков и детей составляет обычное явление в периоды голодовки. Также как у сибирских чукчей, обыкновенно старики сами просят смерти, но родня всегда принимает меры к тому, чтобы не допустить их увидеть смерть лицом к лицу. Им дают выпить отвар челибухи, затем перерезывают сонную артерию, и тела их бросают на съедение собакам, которые, в свою очередь, будут съедены самими туземцами[1]: таким образом в этом отношении мы находим на крайнем севере Америки обычаи, сходные с обычаями горцев Тибета. У малемутов нижнего Юкона и острова св. Михаила существовавшие прежде частые сношения с русскими торговцами и американскими китоловами имели следствием одичание нравов, так что там нередко бывали случаи убийства из-за обманов или краж, совершенных чужеземцами.

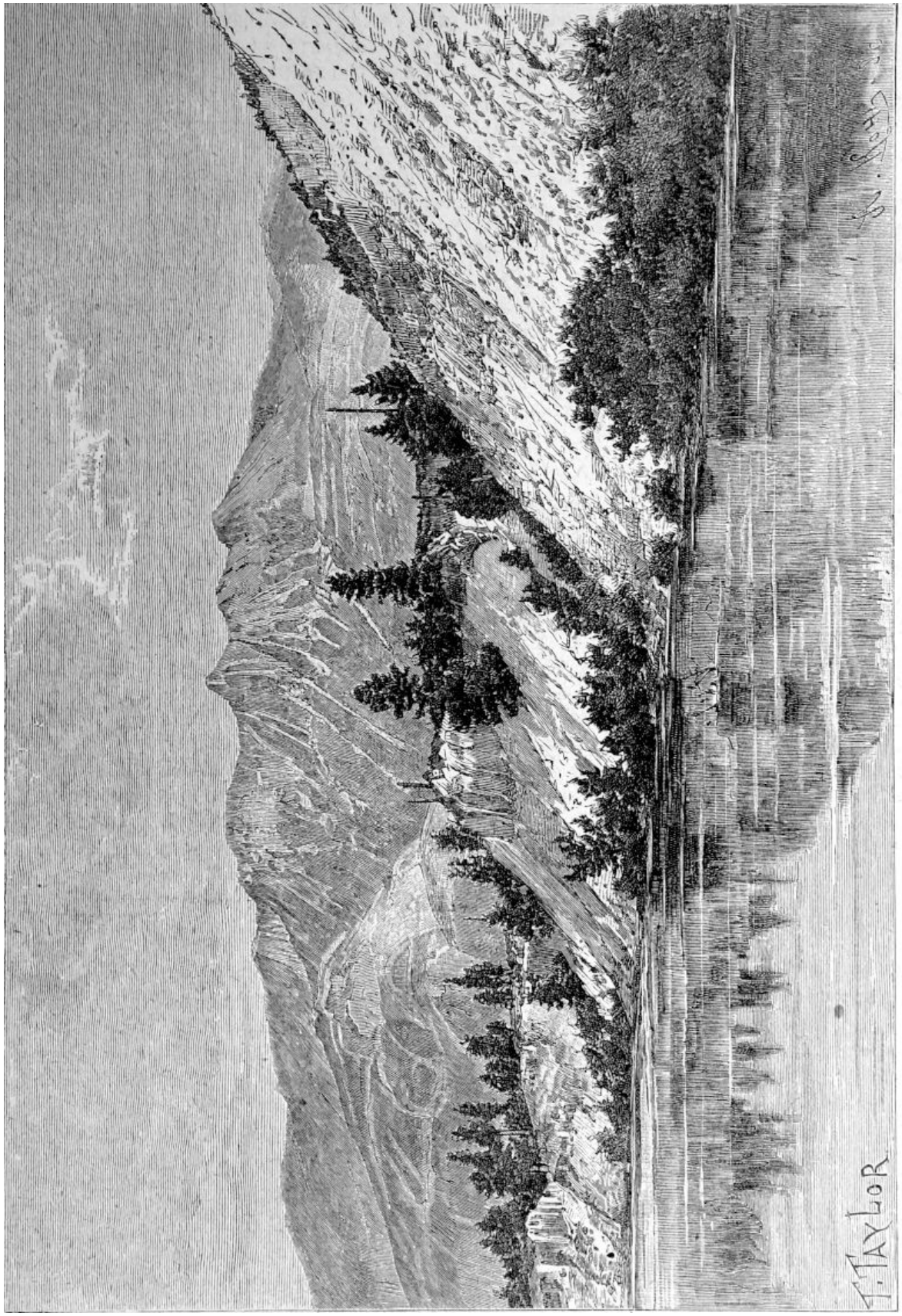
Эскимосы Аляски, повидимому, утратили свой талант по части резьбы и ваяния. Музеи Америки заключают в себе замечательные туземные гравюры на кости и дереве, представляющие оленей и других животных во всяких позах,—гравюры, каких нынче уже не сумеет сделать ни один иннуитский художник. Тем не менее аляскинцы всё ещё гораздо более искусны в резьбе, чем гренландцы. Между ними есть также гончары, тогда как другие эскимосы, живущие в безлесных местностях, незнакомы с искусством обжигания глины и не имеют другой посуды, кроме сосудов, вырезанных из горшечного камня. С другой стороны иннуиты «Зеленой земли» (Гренландии) далеко превосходят эскимосов Аляски, как лодочники и рыболовы. Лодки Берингова моря не могут сравняться с каяками гренландских фиордов ни по прочности, ни по быстроте хода, ни по отделке. Также и остроги западных эскимосов представляются очень грубыми, рудиментарными орудиями рядом с гарпунами их восточных родичей. По словам Ринка, лодки и рыболовные снаряды аляскинцев указывают переход между искусством краснокожих и искусством гренландцев. Байдара алеута, с одним, двумя или тремя круглыми отверстиями наверху, для стольких же человек[2], сделана из древесной коры и обшита тюленьей кожей, так что волны перелетают поверх лодки, не заливая её. Древко у аляскинской остроги иногда бывает украшено на конце пучком перьев, как стрела у индейцев. Деревни аляскинцев, как островных, так и материковых, тоже отличаются от селений гренландцев: в каждой из них непременно имеется сборное место, *кашга*, обширное строение, где происходят мирские сходы и театральные представления. На берегах Кускоквима эти муниципальные дворцы снабжены скамьями, расположенными в виде амфитеатра; обыкновенные хижины состоят из переплетенных ветвей, покрытых толстым слоем глины, и освещаются куском стекла, вставленным на крыше в узкое отверстие.

Алеуты, эскимосы вулканического архипелага, не знают имени, под которым они известны русским, а чрез них и другим народам: они называют себя *унунгун* или *кагатая кунгиос*, что значит «люди востока»,—название, указывающее на континентальное происхождение этих туземцев. Все старинные путешественники говорят об алеутах то же самое, что Рей говорит о туземцах мыса Барро. Кук описывает их как «самых смнрных, самых добродушных людей, каких ему когда-либо случалось встречать, как людей, могущих служить образцом

1 Dall, „Alaska and its resources“.

2 Nelson, цитиров. сочинение.

для самой цивилизованной нации в мире». Вениаминов, проживший среди них десять лет, говорит, что он не видел никакого буйства, никогда не слыхал никакой ссоры, ни брани, ни одного грубого слова, не замечал ни малейшего обжорства даже после продолжительных не-

Видъ въ Верхней Колумбіи.

вольных постов. Алеут—это олицетворенное терпение и покорность судьбе; какое бы несчастие ни постигло его, он никогда не жалуется и не плачет: пролить слезу—вещь неслыханная, даже между женщинами. Однако, семейные привязанности у этого народца очень глу-

боки: бывали примеры, что родители умирали с голоду, чтобы предоставить детям последний остаток пищи; с другой стороны, дети всегда необыкновенно почтительны к родителям. Очень заботящийся о приличиях, алеут никогда не позволят себе говорить с своей женой в присутствии посторонних иначе, чем с чужой женщиной. Порядок первенства строго соблюдается в семьях, и старший сын, даже малолетний, всегда имеет преимущество перед матерью. В былое время хозяин обязан был ссужать свою жену остановившемуся у него на ночлег путнику, но этот обычай древнего гостеприимства давно уже не соблюдается[1].

Пока они оставались независимыми, алеуты были жизнерадостный народ; со времени же порабощения их русскими, они стали печальны и угрюмы. Нет такого унижения и позора, которому бы их не подвергали, и их сила сопротивления была сломлена: они покоряются всему без малейшего желании отмстить обидчику. Оттого в первые времена русского господства численность их стала быстро уменьшаться; они безропотно отдавали себя в жертву смерти; чахотка, казалось, должна была истребить всю расу. По словам Елихова, один только остров Кадьяк имел прежде 50.000 жит. В 1779 г., когда алеуты были обложены ясаком, население Кадьяка и особенно Алеутских островов простиралось ещё до 20.000 душ; в 1793 г., когда туда прибыли православные миссионеры, насчитывалось немного более 8.000; с 1830 года число их сократилось до 4.850[2]. В 1840 году народная перепись насчитала всего только 4.007 алеутов; но с этой эпохи поселение вновь возросло[3]; вместе с тем оно сильно изменилось от смешения с пришлым элементом; и хотя «креолы»,—так называют в Аляске детей, рожденных от русских и алеуток,—походят больше на матерей, образ жизни которых они разделяют, и с которыми они живут в *барраборах* или полу-подземельях, но в целом раса, кажется, окрепла физически и нравственно. Известный русский мореплаватель Литке уже полстолетия тому назад констатировал тот факт, что жители Уналашки на половину обрусели по характеру и нравам.

Обычаи алеутов известны нам, следовательно, только по преданиям да по находкам в старых жилищах и в могилах. В Шумагинском архипелаге, лежащем к югу от полуостровного рога Аляски, Пинар исследовал одну из погребальных пещер, о которых уже ранее говорили китоловам, и сделал там любопытные открытия. Скелеты, помещенные под кровлей скал, были окружены различными вещами, между прочим, раскрашенными резными масками, из которых одни, похожия на маски древних тольтеков, употреблялись при похоронных плясках, тогда как другие накладывались на лицо покойникам, без сомнения, затем, чтобы обмануть злых духов и отвратить их злобу. Кроме того, ложе из мха, на котором покоились трупы, содержало полную коллекцию орудий и инструментов, какие мастерили в то время алеуты, а также разные фигурки животных. В других местах скелеты помещались в сидячем положении, с опущенной на колени головой, как перувианские мумии. По всей вероятности, усыпальница, осмотренная Пикаром, была предназначена для китоловов, составлявших привилегированную корпорацию, в которую можно было вступить только после долгого искуса и ряда испытаний[4].

Ингалиты, т.е. «непонятные», говорящие непонятным языком[5], суть «индейцы» Аляски, единоплеменники краснокожих, живущих к востоку от Скалистых гор, в Канаде и Соединенных Штатах: они занимают бассейн Юкона, вверх от низменной аллювиальной области, а на юге достигают моря, между Куковым заливом и устьем Медной реки. Впрочем, во многих местах переход совершается постепенно, и различные племена причисляются одними путешественниками к эскимосам, другими—к краснокожим. Туземцы эти вообще известны под именем сивашей, слово, которое есть не что иное, как Sauvages (дикари), произносимое по-английски; а сами себя они называют «бостонскими сивашами»,—наименование, указы-

1 Fr. Schwatka, „Alaska“.
2 Lutke, „Voyage author du monde“.
3 Hubert;—H. Bankroft, „History ot Alaska“.
4 Alphonse Pinard, „La Caverna d'Akuak“;—„Bulletin de la Societe de Geographie”, dec. 1873.
5 Francois Mercier;—Elliot, цитиров. соч.

вающее на сознание ими своей солидарности с индейцами Соединенных Штатов. На верхнем и среднем Юконе канадские путешественники соединяют их, под именем «косоглазых», с соседними индейцами, живущими в территории Британской Америки. Специальные названия племен в большинстве случаев обязаны своим происхождением не каким-либо особенным чертам или качествам туземцев, а просто местам их обитания. Таковы имена: юкон-кучин (юкон-акатанан), или «люди Юкона»; тенан-кучин, или «люди холмов» на р. Танане; коча-кучин, или «люди низовья», в соседстве дельты; гун-кучин, или «люди лесов»; атнатана, или «люди Атны», т.е. Медной реки. Известны, кроме того, «люди середины» на среднем течении Юкона, «люди взморья» в северной Аляске, между Куюкуком и рекой Дикобраза, «люди кустарника» между Тананой и Медной рекой. Юкон-кучинов называют также «бешеными» за их бешеные пляски[1]. «Люди Атны» говорят языком, близко подходящим к наречию прибрежных краснокожих Атабаски: Аллен находит, что они удивительно походят на апачей, живущих на мексиканских границах. В индийском мире происходили большие переселения в течение недавнего периода,

При-тананские индейцы, оставшиеся в стороне от торговых сношений с русскими и американцами, сохранили свои первобытные нравы: лица у них раскрашенные; их черные волосы усажены вокруг перьями, образующими род короны и оканчивающимися пучком, который торчит над шиньоном, вымазанным красною глиной; в перегородке между ноздрями продета костяная или каменная палочка; кожаный костюм их обшит бахрамой и унизан бусами. Долина Тананы едва-ли не единственная местность в Северной Америке, где ещё можно видеть краснокожего таким, каким он явился нашим предкам в эпоху открытия Нового Света. В одном из индейских племен на верхнем Юконе сохранились ещё обычаи, напоминающие те времена, когда вдовы сжигали себя на костре мужей, как это практиковалось прежде в браманской Индии. Когда огонь начинает пожирать тело супруга и искры взлетают высоко над лесом, вдова должна обнять труп и дать загореться своим волосам, затем протянуть руки в средину пламени, с опасностью жизни, и дотронуться до груди мужа; в награду за это самопожертвование, пепел собирают в мешочек, который она носит на шее впродолжении двух лет[2].

Одно из самых оригинальных и наиболее многочисленных племен—кинаи или тнайана, т.е. «люди», которые живут на полуострове того же имени, к востоку от рога Аляски. У этих северо-западных атабаскинцев самые почетные лица—жрецы, нечто в роде сибирских шаманов; но почет приобретается ими постоянным упражнением, так как при всяком случае они обязаны рецитировать гимны, и каждый из них должен придумывать новые, чтобы удивить духов и расположить их в свою пользу. Наиболее почитаемое из высших существ—созвездие «Колесница», в котором видят «деда» раса. Ворона чтут как «отца»: это он похитил у Колесницы рыбу и дал её людям; все мифы нации связаны с этим богом. Волны, острова, скалы, всё в природе населено духами, которых должно молить об успехе всякого предпринимаемого дела—рыбной ловли, плавания, охоты или путешествия. Клуш есть «великий властитель горных вершин». Ему приносят в дар орлиные перья, рыбу, тюлений жир, в обмен за будущую добычу лова; чтобы заслужить его расположение, охотник тщательно прихорашивается: душится посредством окуривания себя благовонным корнем, чтобы очиститься от дурного рыбного запаха; раскрашивает себя, чтобы понравиться животному, которое ему предстоит убить, и молодые девы, наряженные в праздничное платье, приготовляют мазь, которою он покрывает себе тело. Каждое из его движений во время охоты подчинено точным правилам; обыкновенно он хранит строгое молчание, и если прерывает его по временам, то только затем, чтобы запеть в честь невидимого, но вездесущего владыки горных высей песнь в священных словах, ибо нельзя славословить и молить Клуша на банальном языке, употребляемом в домашнем обиходе. Впрочем, подобные суеверия существуют у всех звероловных народов, в Сибири и в Северной Америке, и даже у европейских браконьеров можно найти

1 Fr. Mercier, рукописные заметки

2 Saeldon Jackson, „Alaska“.

следы их.

Населения, живущие на берегах южной Аляски, к юго-востоку от Медной реки и в прибрежных архипелагах, обозначаются общим именем «тлинкит». Они известны также под названием колошей, которое, впрочем, постепенно выходит из употребления с того времени, как американцы сменили русских во владении страной. Это имя «колоши», по объяснению Петрова, произведено от алеутского слова, означающего «плошку», и обязано своим происхождением национальной моде туземных женщин, которые протыкают себе нижнюю губу, чтобы ввести в отверстие кружок, деревянный, костяной или серпентиновый, вроде *батока* ботокудов. Размеры этого кружка, у большинства женщин, таковы, что губа ниспадает на подбородок, и речь их становится почти непонятной. Некоторые эскимоски и особенно эскимосы Аляски переняли, целиком или отчасти, эту моду тлинкитов, уменьшив только диаметр диска для того, чтобы можно было держать рот закрытым и тем защищать его от холода. Другое обычное украшение лица у алеуток и эскимосок—*тутук*, две пуговки, помещенные с боков рта, ниже спайки губ: кроме того, тамошния женщины протыкают себе уши, чтобы привязывать к ним разные вещицы, на-подобие серег, а в перегородку носа прежде втыкали костяную иголку, когда переставали шить; наконец, они татуируют себе подбородок несколькими параллельными чертами, числом от пяти до двенадцати[1].

Тлинкиты или «люди»,—которых теперь едва ли наберется более 7.000 или 8.000 душ, тогда как ещё около 1840 г. число их, как полагают, доходило до 20.000,—подразделяются на множество племен, различаемых по островам или долинам, в которых они обитают: таковы шилкаты или шилкуты, на берегах Линн-Зунда; честные и великодушные, но постоянно голодающие так-гиш, около истоков Юкона; ситка, давшие свое имя столице страны; стиккен, тунгасы, по имени которых называются одна река и один город. Гайдасы архипелага Королевы Шарлоты тоже представлены в южной Аляске. Все туземцы сходствуют между собой большой резкостью черт: лицо у них не плоское, как у эскимоса; напротив, многие путешественники, между прочим, Шватка, были поражены чисто еврейским типом физиономии колошей. С своим неразлучным шерстяным покрывалом, накинутым на плечи, тлинкит, кажется, не замечает ни ветра, ни дождя, ни холода; если его пробирает дрожь, он раздевается и садится на несколько минут в воду[2]. Проказа очень распространена между островитянами, питающимися рыбой, и до такой степени обезображивает некоторых из них, что лицо прокаженного утрачивает всякое человеческое подобие[3]. По словам Эшшольца, в шевелюре колошей водится особый вид вши (staphylinus pediculus); может-быть, можно бы было классифицировать расы по их специфическим паразитам.

Мало, вероятно, найдется диких племен, где бы дети так страдали от пеленанья, как у колошей. Ребенка плотно упаковывают в плетеную корзинку, обшитую кожей и обложенную мехом, и туго перевязывают снаружи ремнями, так что остается свободной только голова. Подстилки из сухого мха вбирают в себя жидкость; но их редко переменяют, и нечистоплотность часто производит на теле малютки болячки, следы от которых остаются на всю жизнь. Молодые девушки, достигшие возмужалости, подвергаются другого рода пытке. Подобно тому, как это делается с их сестрами в Новой Ирландии, их запирают, на берегу моря, в шалаш, вроде клетки, где с трудом можно двигаться. Кроме того им надевают на голову шляпу с очень широкими полями, дабы они не могли осквернять своими взорами чистоту неба; вместе с тем им окрашивают лицо в черный цвета для того, чтобы духи земли не видели их образа. В прежнее время это одиночное заключение продолжалось целый год; но с тех пор, как тлинкиты вступили в сношение с европейцами, срок девичьего плена постепенно сокращался[4]. Точно также и молодые люди возводились в ранг воинов не прежде, как по успешном выдержании ими различных пыток, долженствовавших доказать мужество и силу духа.

---

1 Fr. Mercier, рукописные заметки

2 Aurel Krause, „Die Thlinkit-Indianer“.

3 Романовский и Frankenhauser;—H. C, Lombard, „Traite de Climatologie medicale“.

4 Ermann, „Zeitschrift fur Ethnologie”, IV, 1870.

Полагают, что нетвердая походка тлинкитских женщин, составляющая резкий контраст с гордой поступью мужчин, происходит от плена, налагаемого на первых в юности. У шилкатов каждая новобрачная чета усыновляет двух детей, мальчика и девочку, про запас для будущего брака, в случае смерти одного из супругов[1].

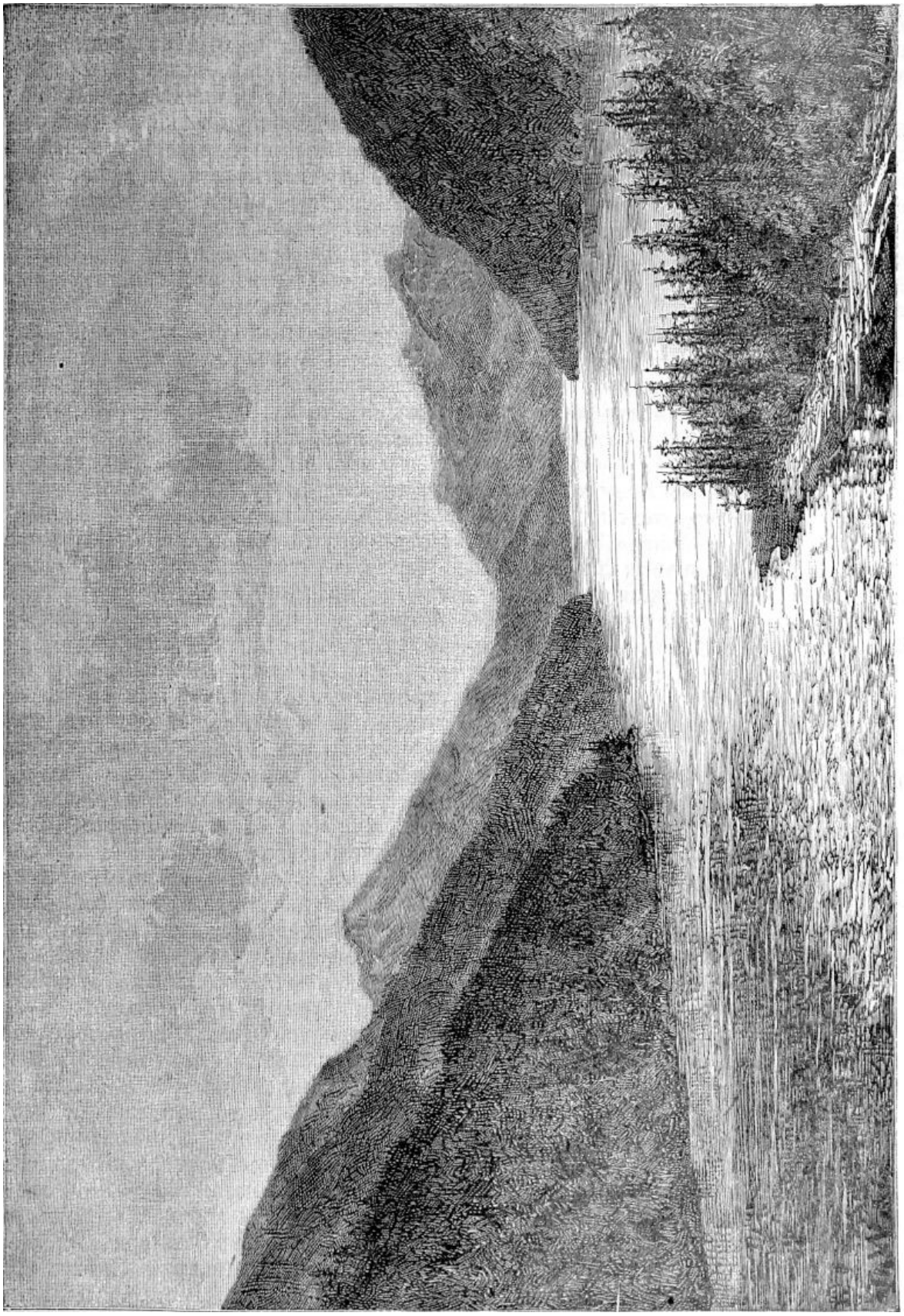
Хижины тлинкитов, сгруппированные в селения, которые называют испанским именем *rancherias*, совсем не похожи на полуподземную берлогу эскимоса. Возводимые в лесной стране, доставляющей в изобилии прекрасный строевой материал, жилища колошей представляют просторные избы, где туземцы помещают рядом с собой все свои орудия, звероловные снаряды и запасы провизии. Затейливые резные фигуры украшают треугольный фасад хижины и рассказывают посвященному историю семьи; кроме того, прежде почти перед каждым домом стояли один или два столба, высотой от 10 до 15 метров, покрытые от основания до вершины резьбой, изображавшей животных, людей, различные предметы домашнего обихода. Первые путешественники думали, что эти столбы с резьбой были просто продуктом причудливой фантазий; теперь известно, что это генеалогические деревья, где каждая человеческая фигура напоминает одного из предков расы: «тотемы», т.е. символические изображения, присвоенные различными семьями, расположены один над другим на этих изваянных генеалогиях, для прославления знаменитых колошей; это своего рода гербы, как геральдические знаки европейских аристократов. Перед многими домами поставлены два дерева с тотемами: один столб представляет отцовскую, другой—материнскую родословную. В некоторых приморских селениях генеалогические деревья образуют целый лес, выстроившийся впереди окружающего деревню хвойного леса: во время празднеств и траурных церемоний каждый присутствующий обязан испустить крик животного, представляемого его семейным тотемом[2]. Два главных племени, Ворона и Волка, подразделяются на второстепенные классы —Лягушек, Гусей, Сов, Орлов, Медведей, Акул, Морских свиней, Китов и других высшей и низшей касты. Многие могилы также украшены изображением символического животного, принадлежащего главарю, который покоится под грудой камней или дерева. Некоторые из этих фигур изваяны с удивительной верностью, свидетельствующей о замечательной наблюдательности туземцев; но встречаются также изображения, оригинала которых колоши никогда не имели случая видеть, или которые им, очевидно, приходилось воспроизводить по наслышке, или скорее по преданиям, дошедшим с отдаленных времен их прибытия в край: таково, например, изваяние крокодила на могиле одного начальника племени. Все тлинкиты единогласно говорят, что их предки пришли с юго-востока. Утверждают, что в некоторых могилах были найдены китайские монеты.

В наши дни иностранное влияние, затемнение мифов и утрата старой веры заставляют пренебрегать гражданскими и погребальными церемониями, прежде строго соблюдавшимися, а вместе с тем забывается и самое искусство резьбы и ваяния. Лучшие произведения туземного искусства, найденные в жилищах и могилах Аляски, украшают теперь музеи, и скоро, вероятно, их совсем не увидишь в стране происхождения. Миссионеры, люди простые, которые обыкновенно не допускают, чтобы могло быть спасение вне их обрядностей, стараются уничтожить все старые похоронные церемонии, чтобы заменить их обрядами, обычно употребляемыми в Соединенных Штатах: выставление трупов на деревянном помосте или в лодке, погребение в жилище или в лесу, погружение в ручей или в море, наконец, сожигание, особенно этот последний способ, запрещены туземцам как обычаи, не угодные Богу. Наследство тлинкита принадлежит сыну его сестры и остается в клане матери[3].

Тлинкиты вообще отличаются очень кротким нравом, однако, они не так безропотно покоряются угнетению, как эскимосы. Племена нередко воюют между собой; в 1851 году шилкаты перешли Скалистые горы и соединились с племенем так-гиш, чтобы идти, за 800 верст от своих селений, разрушить форт Селькерк, стеснявший свободу торговых сношений между

1 F. Schwatka, „Along Alaska's Great River".
2 Иван Петров, цитиров. соч.
3 Aurel Krause, „Die Thlinkit-Indianer".

племенами. У большинства народцев есть главари, но воля последних всегда должна сообразоваться с обычаем. Они не могут объявить войну без согласия совета, и всякое злоупотребление власти тотчас же обуздывается; но им воздают величайшие почести, а в прежнее

Видъ канала Гарднеръ.

время даже приносили человеческие жертвы на их могиле. Последние пленники, предназначавшиеся для этого погребального обряда, были выкуплены русскими, около половины на-

стоящаго столетия[1]; но, по словам Петрова, рабство ещё существует.

Промышленность у тлинкитов гораздо более развита, чем у эскимосов и индейцев. Шилкаты, славящиеся на всём западном берегу своим искусством тканья покрывал и циновок, с примесью перьев и пучков шерсти, обогатились продажей своих произведений в приморских портах. Гайдалы, менее искусные, как ткачи, считаются лучшими мастерами по обработке дерева. Они строят лодки всякой величины из стволов кедра и умеют выгибать бордажи при помощи кипятку. Как гребцы, они обладают изумительной ловкостью, и на гонках часто побеждали экипажи европейских военных судов.

Белое население, которое почти везде в Америке вытесняет туземцев, едва представлено в Аляске, если не считать метисов или так называемых «креолов», которые почти все русско-алеутского происхождения, без примеси индейской крови. Несколько норвежских рыболовов и американских рудокопов живут в южной части Аляски и недавно предлагали ввозить исландских эмигрантов на остров Кадьяк; но последние предпочитают климат Манитобы, менее сырой, хотя и более суровый.

Население Аляски, по последней переписи (1890 г.), состояло из 31.795 душ, в том числе: эскимосов—12.784; алеутов—968; атабасков—3.441; тлинкитов—4.739; белокожих—4.303; «креолов» или метисов—1.819; хайда или цимшиан—1.342; китайцев—2.287.

К северу от Берингова пролива нет ни одного американского поселения. Остров Бартер, или «Меновой торговли», на арктическом берегу, продолжающемся к западу от устьев Маккензи, посещается лишь периодически, во время ярмарки, на которую приезжают даже чукчи или туски из Сибири. Пост мыса Барро, на берегу Ледовитого океана, был обитаем белыми только впродолжении двух лет, с целью метеорологического изучения этих областей; но теперь предполагается основать там спасательную станцию для китоловов; эскимосская деревня приметна издалека по множеству китовых ребер, расположенных большею частию в виде помоста, служащего опорой для байдар[2]. Если проход Берингова пролива когда-либо снова получит то важное значение, которое он имел ещё недавно, как путь китоловных судов, то, вероятно, будет основана другая пристань в этих северных морях, в Порт-Кларенсе, прекрасной гавани, защищенной крайним выступом американского континента. Подходы к этому порту указывает лежащая в 50 километрах на юго-запад от него островная скала Ушивок (Кинг-Айленд английских моряков),—огромная глыба базальта, поднимающаяся на 200 слишком метров над поверхностью моря. Этот северный Гибралтар служит резиденцией одному эскимосскому племени, которое летом живет в группе хижин на карнизе утеса, а зиму проводит в нескольких десятках пещер, высеченных в голом камне[3]. Деревня Кингинг (Кингеган), на крайнем выступе Америки, напротив восточного мыса Азии, стоит пустая большую часть года; но летом эскимосы стекаются туда се всех сторон, для обмена своих продуктов. Несколько чукотских лодок, пристающих у одного из островов Демидова, азиатского или американского, приходят каждый год из Азии, привозя котлы, ножи, махорку, мелкий стеклянный товар; индейцы из внутренних местностей продают главным образом английские железные изделия; ярмарка оканчивается празднествами и плясками. Остров св. Лаврентия также ведет летом торговли пушным товаром, моржовой костью и китовым усом с азиатским материком[4]. На американских берегах Берингова моря иногда находят янтарь.

Первые торговые станции белых находятся в очень большом расстояния к югу от пролива, соединяющего два океана, именно на южных берегах залива Нортон: это—пост Уналаклит, при устье реки того же имени, и поселок Михайловск. Во всякой другой стране этот последний по своему местоположению представлял бы очень выгодные условия для судоходства и торговли, так как в этом месте вулканический остров, пространством около 300

1 Hooper, „The Tents of the Tuski“.
2 Иван Петров, „United-States Census for 1880”, tome VIII.
3 Simpson, „Petermann's Mittheilungen”, 1859. Heft II.
4 Gebruder Krause, „Deutsche Geographische Blatter, 1882, Heft II.

квадр. километров, задерживает наносы Юкона, а северная сторона того же острова, преграждающая доступ ветрам с моря, защищает прекрасную якорную стоянку для судов большого водоуглубления: это естественный порт для всего бассейна Юкона. Михайловск можно назвать Александрией другого Нила; но эта Александрия, которая, впрочем, есть главная станция компании, ведущей торговлю мехами, имеет очень мало товара для вывоза. Кроме того, низменные, болотистые земли, окружающий Михайловск, непригодны для культуры и в добавок затопляются каждый раз, когда северный ветер гонит воды прилива далеко вверх по реке; лежащие далее цепи холмов, которые нужно перейти, чтобы достигнуть ближайшей излучины Юкона, тоже покрыты торфяниками, даже на скатах. В 1842 году два селения малемутов, в соседстве Михайловска, были опустошены оспой.

На всём своем огромном пробеге в 3.000 километров Юкон не имеет ни одного более значительного городского поселения, чем его вывозной порт, маленький поселок Михайловск. Форт Селькерк, в канадской территории, при слиянии рек Льюис и Пелли, был разрушен шилкатами, так что от него остались только отрывки крепостной стены, выглядывающие из порослей ивняка. Форты Реляйенс и Бельиль, построенные г. Мерсье для Гудсонской компании, заменили прежнюю станцию; форт Юкон, занимающий очень выгодное положение при слиянии Юкона и реки Дикобраза, был прежде очень оживленным сборным пунктом в сезон меновой торговли; но так как по географическому исследованию страны оказалось, что этот пост построен на американской территории, а не во владениях Гудсоновой компании, то пришлось его покинуть; капитан Раймонд, производивший, по поручению правительства Соединенных Штатов, точное определение пограничной линии, объявил своим канадским хозяевам, что они должны очистить жилище, в котором он пользовался их гостеприимством. С того времени пост этот представляет лишь пристань, редко посещаемую, а главный меновой торг происходит в соседстве бывшей «крепости». Верстах в тридцати ниже Нюклюкайета, лежащего при слиянии Юкона и Тананы, находится новая станция, Мерсье или Танана, построенная в 1868 г. ассоциацией франко-канадцев; это один из важнейших торговых, пунктов Аляски, и шкурки, приносимые туда атна-танами и другими индейцами, приходящими иногда издалека, верст за 500 и более, считаются лучшим пушным товаром страны[1]. Далее, берега Юкона почти совершенно пустынны на протяжении многих сотен верст: «люди середины» (т.е. жившие по среднему течению), у которых Новикакат был одним из главных селений, все погибли во время эпидемии скарлатины; а деревня Нулато заключает в себе не более пяти или шести потомков племени того же имени; почти всё это племя было задушено дымом в его хижинах другим враждебным ему народцем. Деревушка Анвик, откуда начинается волок из Михайловска через тундры, служит расовой границей между индейцами и эскимосами: ни те, ни другие не переходят за общую межу[2]. Икогмут, или «Миссия», на южной луке Юкона, в том месте, где оканчивается волок реки Кускоквим,—тоже незначительное поселение, но оно является центром православной русской пропаганды во всей континентальной территории Аляски. Ещё ниже по реке, недалеко от бифуркации дельты, находится пост Андреевский, одна из важнейших контор компании.

Самые многолюдные становища—те, которые остаются в стороне от дороги белых людей, в области между Юконом и Кускоквимом, усеянной озерами и перерезанной обильными рыбой реками: таковы деревни Кашумук, Конгиганагамиут, Кинагамиут, из которых каждая имеет около двухсот жителей. Вообще, для Аляски, эта область очень густо населена: в ней насчитывают около 3.000 чистокровных эскимосов, которые живут в относительном изобилии и сохранили свою самобытную цивилизацию; даже середи зимы они регулярно ловят рыбу при помощи сетей особого устройства, прилаживаемых под прорубями. Моржи довольно многочисленны на соседнем берегу, и туземцы, очень ловкие охотники, вырезывают моржевую кость с таким же искусством, как их предки[3]. На Кускоквиме важнейший пост—Кол-

1 Francois Mercier, рукоп. заметки.

2 Иван Петров, цитиров. сочинение.

3 „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1882.

мановский, основанный русскими в 1839 году и лежащий в 320 километрах от устья. К югу, озера и боковые потоки соединяют эту реку с бухтами, окаймляющими на севере рог Аляски, где находится один из главных постов компании, форт Александр, Александровск или Нушагак: эта контора отправляет преимущественно шкурки канадской мускусной крысы, которые все продаются во Францию и в Германию. Торговля на Юконе, обороты которой ныне не превышают 125.000 франков, значительно сократилась против прежнего времени—во-первых, по причине численного уменьшения туземцев, пораженных в самых источниках их существования деморализацией, пьянством, а также вследствие редкости дичи, которую бьют теперь издали из скорострельных карабинов. При том же американские служащие не могут более довольствоваться тем скудным вознаграждением, какое прежде платили английские или русские торговцы своим странствующим скупщикам: жалованье в 25 франков в месяц удовлетворяло компанейских прикащиков; заменившие их агенты из американцев требуют гонорара в двадцать раз большего. Человек пятнадцать—вот и весь персонал белых, употребляемый, ныне для меховой торговли в огромном бассейне Юкона[1]. Благодаря соперничеству двух американских компаний, цена шкур пушного зверя понизилась, было, но с тех пор, как монополия принадлежит одному обществу, цена опять повысилась. В торговом обмене с индейцами и эскимосами роль «ходячей монеты», представителя ценностей, играют шерстяные покрывала.

Эскимосы, обитающие на островах Берингова моря, питаются почти исключительно дичью и рыбой, и, несмотря на обилие животных видов в этих областях, иногда случается, что большое скопление льдов препятствует островитянам сделать достаточные запасы провизии. Так, например, в 1878 г. иннуиты, азиатского происхождения, населяющие остров св. Лаврентия, сильно пострадали от голода: на тысячу человек умерло по меньшей мере четыреста; почти все дети погибли, и более трети женщин. Что касается небольших островов Прибылова, гораздо меньших по пространству и населенности, чем остров св. Лаврентия, то они сделались богатством Аляски благодаря морским котам (callorhinus ursinus), которых там развели в последнее время американские рыболовы. Этот маленький архипелаг, который известен алеутам с давних пор под именем Атык, состоит из двух главных островов, открытых Прибыловым в 1786 и 1787 годах,—св. Георгия и св. Павла, из которых первый окружен утесами и имеет горы, достигающие 280 метров высоты, а второй, более низкий, усеян вулканическими конусами и кратерами; кроме того, к этой группе принадлежат несколько островков и подводных скал. Острова эти были необитаемы; но, после исследований Прибылова, моряки толпой устремились туда, и ловля котиков велась без всякой системы: русские промышленники били зверя без разбора и не принимая никаких предосторожностей в видах сохранения и разведения породы; с своей стороны, английские рыболовы, которым Кук показал дорогу в эти моря, тоже приходили брать свою долю добычи. Понятно, что, при таком хищническом способе охоты, этой породе морских животных грозило совершенное истребление: в 1840 г. оставалось только около 400 котов на острове св. Георгия, а в 1868 г. на островах Прибылова находили уже только отдельные экземпляры. В котиковом промысле по необходимости наступил перерыв, и по всей вероятности, промысел этот прекратился бы окончательно, если бы спекулянты, следуя советам натуралистов, не надумались обратить эти острова в большие фермы для морского скота. В несколько лет окружающие воды снова заселились, и теперь насчитывают, средним числом, около пяти миллионов морских котов, из которых сто тысяч, т.е. почти две трети количества, добываемого во всём свете, убивается ежегодно за счет компании, арендующей архипелаг. Годовая добыча котикового промысла выражается следующими цифрами: острова Прибылова—100.000 штук; острова Берингов и Медный—25.000 штук, остров Крозет (Индейский океан)—1.500 штук; острова Ново-Шотландские и Фалкландские—5.000 штук.

Когда коты выйдут на берег острова, самцы прежде всего выбирают удобное место для помещения своей будущей семьи; затем между ними завязывается битва из-за обладания

1 Raymoud, цитиров. сочинение.

самками, которые спокойно присутствуют при борьбе и следуют за победителем. Вытесненные самцы, осужденные на безбрачие и обыкновенно так и называемые «холостяками», уходят селиться куда-нибудь подальше, иногда за несколько верст от становища семейных групп; они основывают там другия колонии, с кварталами, площадями и улицами, строго разграничиваемыми пастухами этого огромного стада. Компанейские ловцы легко находят нужные им жертвы и загоняют их в бойни; обыкновенно убивается сто тысяч голов в сезон, именно 75.000 на острове св. Павла и 25.000 на острове св. Георгия. Самок и молодых котиков всегда щадят, и употребление огнестрельного оружия запрещено, чтобы не пугать выстрелами боязливых животных. За исключением сторожей, которых коты привыкли видеть и которые проходят всегда одними и теми же тропинками, никто не подходит близко к *rookeries* или «насестям», на которых семьи скучены тысячами. Над этой бесчисленной толпой постоянно стоит гул, похожий на шум отдаленного водопада и слагающийся из разнообразных криков самцов, ворчания, свиста, фырканья, и из блеяния самок и детенышей[1]. Ежегодно родится около миллиона котиков; как только они подростут настолько, что в состояние плавать и прокармливаться в открытом море, вся колония отплывает на зимовку к югу от Алеутских островов. В группе Прибылова насчитываются следующие количества семейных и бессемейных морских котов:

	О. св. Павла	О. св. Георгия	Всего
Семейных	3.030.250	163.420	3.193.670
Холостых	1.400.000	100.000	1.500.000
	4.430.250	263.420	4.633.670

Количество рыбы, ежегодно поедаемое котами островов Прибылова, исчисляют в три миллиона тонн.

Компания, которой принадлежит монополия торговли на этих островах, платит правительству Соединенных Штатов 1.300.000 франков аренды в год и взамен этой суммы, представляющей за двадцать лет арендного содержания, с 1870 года, почти всю покупную цену бывших Российско-американских владений, она пользуется исключительным правом ловли и торговли на островах и на материке; та же компания взяла на откуп у русского правительства сибирские острова Берингов и Медный за плату по 2 рубля с убитой головы, что составит около 25.000 металл. рублей в год. Всё население островов Прибылова, заключающее около 400 алеутов и «креолов», зависит прямо или косвенно от компании; работники, во главе которых стоят их начальники племени, сделавшиеся чем-то вроде старост, получают по 2 франка за каждую шкуру животного, и, кроме того, им поставляют жизненные припасы, чтобы купить их будущий труд и держать их в безусловной зависимости. Бить тюленей —вот единственный промысел туземцев: алеуты не умеют приготовлять шкуры, и мастера, обладающие этим искусством, имеются почти единственно в Лондоне[2]. Крысы ещё неизвестны на островах Прибылова, но мышей там несметное множество, и для охоты на них были привезены кошки, которые на пространстве нескольких поколений сильно изменились по наружному виду: хвост их укоротился и голос уже не имеет ничего похожего на мяуканье.

Кроме тюленей, острова посещают и другие морския животные, на которых туземцы также охотятся, в пользу концессионерной компании. От двадцати до двадцати пяти тысяч морских львов (eumetopias Stelleri) обитают летом на острове св. Павла; от семи до восьми тысяч проводят теплый сезон на острове св. Георгия, который был в полном их владении в конце прошлого столетия, когда они жили там в числе от двухсот до трехсот тысяч[3]; это очень пугливые животные, убегающие при первом приближении человека; можно изловить всё стадо, оцепив обезумевших от страха зверей вехами с развевающимися флагами, расставленными через промежутки от пяти до шести метров. Алеуты предпочитают мясо

1 H. W. Elliott, „Seal-Islands“.

2 Wardman, „Trip to Alaska“;—Fr. Mercier, рукописные заметки.

3 Choris, „Voyage pittoresquo autour du Monde“

этих животных мясу тюленя, а кожу их употребляют на обшивку своих байдар[1]; но, как мех, шкуры морского льва не ценятся в элегантном мире Европы и Америки. Что касается моржей (rosmarus arcticus), то их встречают только на Моржовом острове (Walrus-island), крутой скале, очень редко посещаемой европейцами, которая находится в соседстве острова св. Павла. Туземцы бьют моржей ради их бивней и одновременно охотятся на птиц, которые мириадами гнездятся на скалах этого острова. Морская выдра (enhydra marina), живущая исключительно в северной части Тихого океана и встречающаяся на банках плавучих водорослей—самый ценный из аляскинских пушных зверей: мех её, известный под именем камчатского бобра, стоит обыкновенно свыше 300, даже до 2.500 франков за шкуру. Выдра совершенно исчезла с островов Прибылова[2]; со времени открытия архипелага дело истребления скоро было окончено: в первый год убили пять тысяч штук; в следующий сезон удалось поймать уже не более тысячи, а шесть лет спустя охотники тщетно искали этой ценной добычи. Так же быстро совершилось истребление и в Куковом заливе; однако, там всё ещё ловят около десятка экземпляров в год. На алеутском острове Атту этот пушной зверь тоже стал редок. Пример Баранова, бывшего губернатора русской Америки, дает понятие о том, как велика была жадность охотников: он вернулся в Охотск с грузом в пятнадцать тысяч выдровых шкур, общая ценность которых превышала 5 миллионов.

В настоящее время этот промысел дает от пяти до шести тысяч выдр в год, и почти единственное место лова—группа островков Санаш, к югу от рога Аляски. Охотники принимают величайшие предосторожности, чтобы не спугнуть крайне боязливого зверя; даже в большой холод они никогда не разводят костров, из опасения, чтобы дым не выдал их присутствия. Пищу себе они варят только тогда, когда ветер дует с юга, потому что выдра не заходит в северную часть Саната; притом они свято соблюдают некоторые суеверные обычаи, чтобы обезпечить себе поимку животного: так они сами стирают свою одежду, в уверенности, что женская рука принесла бы им несчастье; затем, по окончании охоты, они бросают свой костюм в воду, дабы выдры, воображая их умершими, снова показалась без опаски[3]. Рассказывают, что по смерти прославившагося охотника товарищи его делили между собой часть его тела, для натирания им своего оружия, затем клали смертные останки в ручей и помещались ниже по течению, для того, чтобы, утоляя жажду, пить доблести покойного. Благодаря тому, что теперь уже не дозволяется преследовать дичь во всякое время года, количество последней постепенно возрастало со времени присоединения Аляски к владениям Соединенных Штатов. Доходы концессионерной компании по торговле пушным товаром выражаются, в среднем, следующими цифрами: шкур выдры—106.500, ценностью в 2.500.000 франк.; других шкур—56.500, ценностью в 725.000 франк.

Главное поселение на Алеутских островах—Илюилюк, или «Кривой берег», более известное под русским его именем Уналашка. Этот «город» состоит из сотни лачуг, расположенных при «порте Капитана», бухте, хорошо защищенной островом того же имени и никогда не замерзающей. Унимак ведет небольшую торговлю серой, а в прежнее время, до введении в крае железных орудий, поставлял обсидиан для выделки ножей и острог. В соседстве Унимака лежит островок Укамок, бесплодная скала, служившая местом ссылки во время русского господства. В 1870 году все ссыльные, узнав, что они свободны, пустились по морю на двух плохих барках и добрались до Кадьяка; некоторые из них потом вернулись на свой островок. К западу от Уналашки, почти все острова ныне необитаемы, и там видны только следы прежних жилищ. Только на Атхе есть несколько селений, и остров этот даже является центром эмиграционного движения на принадлежащие России Командорские острова; туземные женщины, во время отсутствия своих мужей, уходящих на промысел или по торговым делам, плетут корзины и циновки из водорослей и травы, находящие хороший сбыт на рынках американского берега. Наконец, на западной оконечности Алеутского архи-

1 Seton Karr, „Alaska“,

2 Иван Петров, цитиров. сочинение.

3 H. H. Bancroft, цитиров. сочинение

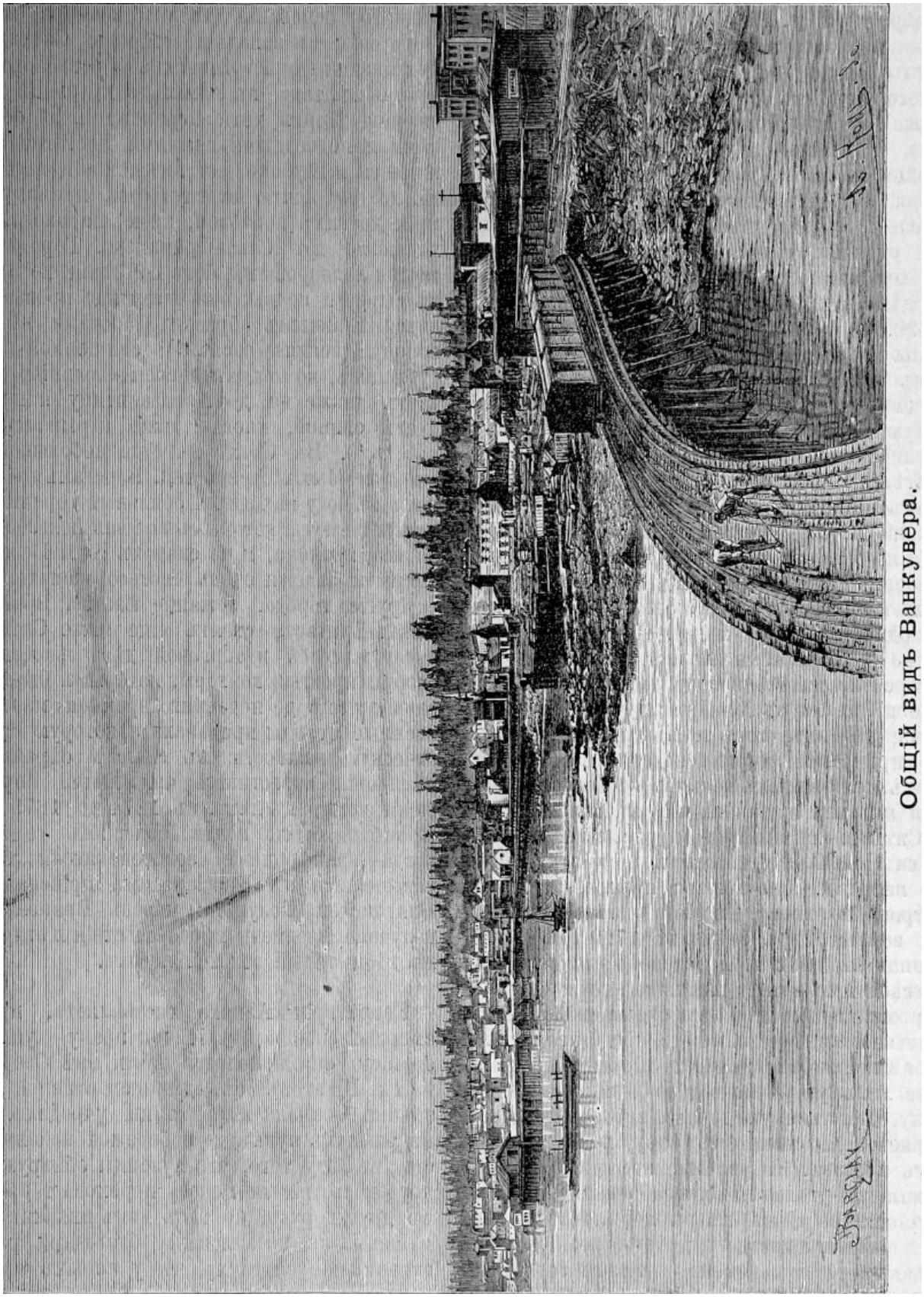
пелага находится незначительная колония Атту, «самое бедное из всех тамошних поселений». Некогда на этом острове процветала ловля морской выдры, которая теперь почти исчезла из тех вод; взамен того, туземцы ввезли песца, который расплодился на острове, так что теперь ежегодно ловят около трехсот экземпляров этого пушного зверя; кроме того, они приручили дикого гуся; благодаря нм, Аляска приобретает новый промысел, которым концессионерная компания не преминет, конечно, завладеть.

Уменьшение населения архипелага имело следствием обеднение города Уналашки, который прежде был важнейшей станцией русских торговцев, и место которого занял пост Бельковский, лежащий при внешнем рейде, на южном берегу полуострова Аляски, безлесного в этом месте. Норвежские колонисты, которые почти все уже перестали употреблять свой родной язык, заменив его английским, поселились на берегу глубокой бухты, куда они приносят продукт своей рыбной ловли и выдр, пойманных в группе Санаш; в недавнее время началась также эксплоатация тресковых мелей; наиболее скученные массы этой рыбы находятся как раз к югу от той части побережья, которая простирается, с одной стороны, до льдов Берингова моря, с другой—до входа в пролив Хуан-де-Фука. Вывоз трески из морей Аляскинского и Охотского в Калифорнию в 1877 году составлял около 1.129.000 штук. Аляскинская треска ценится на рынках гораздо ниже нью-фаундлендской, хотя она в свежем состоянии не хуже последней, только её не умеют ещё приготовлять так же тщательно. Скандинавские колонисты поста Бельковского, может-быть, обладают также, в соседстве, и другим источником богатства, пока ещё не утилизируемым: именно залежами каменного угля на острове Унга, в архипелаге Шумагин; впрочем, уголь этот содержит много серы. В окрестностях Бельковского встречаются горячие ключи, бьющие из вулканической почвы.

За Бельковским по берегу материка следуют другие посты, через промежутки около ста верст; но важнейшая станция этой области—Павловская, лежащая около восточной оконечности острова Кадьяк. До 1832 года Павловск был главным городом Российско-американских владений, и не понятно, зачем понадобилось переместить центр администрации, так как остров Кадьяк представляет гораздо больше выгод, чем остров Баранов, где находится нынешняя столица. Дожди там менее обильны, леса не так густы, кое-где есть луга, позволяющие держать немного скота, окружающие моря богаче рыбой, и, наконец, в близком соседстве находится Куков залив (Cook's inlet), где лососи достигают очень крупных размеров, и где, между прочим, встречается особый вид их, называемый шовиша, с чрезвычайно нежным и вкусным мясом; лососи Кукова залива, в среднем, весят около 25 килограммов, а иногда попадаются экземпляры, весящие вдвое больше. Всё население берегов этого залива, прозванного моряками «Страной лета» за его прекрасный летний сезон, состоит из восьмисот человек кинаев и эскимосов. Четыреста жителей Павловска почти все «креолы»; по другую сторону якорной стоянки лежит Лесной остров (Wood-island), с цветущей эскимосской деревней. Туземцы Кадьяка вообще известны под именем кангар или кихлагамут.

Порты, следующие один за другим в восточном направлении по берегу континента, едва имеют по нескольку лачуг. Нушек или Порт-Эчес, камандующий устьем Атны, или Медной реки, состоит только из складочного магазина и часовни. Юкатат, где была основана колония для ссыльных, вскоре, однако, покинутая, есть простая пристань, открывающаяся между языками ледников горы св. Илии; Литуя, или «Французский порт», исследованный Лаперузом, который восхищался великолепной гаванью, представляемой этим внутренним портом, «единственным в свете», остался таким же пустынным, каким был в тот день, когда великий мореплаватель снимал на карту его берега: береговая коса запирает наполовину вход, затем фиорд проникает далеко между снеговых гор и делится на ветви, образуя длинную озерную улицу, огромной глубины, где плавают льдины, обвалившиеся с карниза глетчеров. Три судна несчастной экспедиции разбились о подводные камни при входе в залив, и остров Кенотаф (пустая гробница), лежащий в самых воротах фиорда, принял тела погибших во время этого кораблекрушения. Соседнее пространство моря известно у моряков под именем Fairweather-grounds, или «Область хорошей погоды», потому что можно рассчиты-

вать на тихое море и ровную погоду всё время, пока видна снежная вершина горы Fair-weather («Хорошей погоды»). Около половины текущего столетия, между 1846 и 1851 годами, в этих морях собиралось от трехсот до четырехсот китоловных судов. В 1880 г. во всех

Общій видъ Ванкувера.

водах Аляски насчитывали уже не более сорока таких судов, в том числе четыре парохода. Ценность ворвани и китового уса, привозимых китоловами с промысла, простирается до

5.923.000 франков, что составит, в среднем, около 148.000 франков на каждое судно[1].

Самый многолюдный город Аляски, где насчитывают до 3.000 жителей в сезоны торговой деятельности, лежит к востоку от горной цепи св. Илии и мыса Спенс, в области полуостровов и фиордов. Это Жюно-Сити (Juneau-city), названный так по имени одного из его основателей и называемый также Гаррисбургом; он построен на узкой косе, у подошвы крутой горы, ещё покрытой хвойным лесом, и у прозрачного горного ручья, бегущего каскадами по дну темного ущелья. В соседстве разрабатывают золотые рудники, самые богатые во всей Аляске (добыча золота в этой территории составляла, по ценности, в 1882 г. 750.000, а в 1886 г. 2.320.000 франков[2]. Главные золотоносные жилы находятся на острове Дуглас, отделенном от Жюно лишь узким проливом; об одном из рудников, где раздробляют кварцевую породу, американцы говорят как о «величайшем заведении этого рода во всём свете». В Жюно, как и во всех приморских станциях, имеются рыболовные тони и заводы для соления рыбы: тамошния воды ещё изобилуют лососями, хотя и не в такой степени, как прежде, когда суда садились на мель на бесчисленные стаи рыбы, скученной в одну сплошную массу. Из Аляски ежегодно вывозится в Калифорнию свыше шестидесяти тысяч ящиков лососины. Китайцы уже проникли в Жюно вслед за американцами; но там, как и в других местах, не придумали иного средства защиты от этих желтолицых конкуррентов, как изгоняя их или запрещая им въезд.

Ситха была названа её русскими основателями Ново-Архангельском, но имя индейского народа, занимавшего прежде эту часть острова Баранова, в конце-концов одержало верх. Построенная в 1799 году, возведенная в 1832 г. на степень главного рода русской Америки, объявленная коммерческим портом, открытым для судов всех наций, Ситха, несмотря на всё это, представляет из себя маленькое местечко с 300 жителей, имеющее лишь узкую полосу возделанной земли и одну единственную дорогу, которая невдалеке теряется в сосновом бору, покрывающем весь остров, её золотые и медные рудники и каменно-угольные копи заброшены, промышленность сводится к рыбной ловле и лесопильному производству; судостроение, существовавшее во времена русского господства, прекратилось, а новые дома строятся только после пожаров. Город не виден с моря: высокие мысы, многочисленные острова совершенно скрывают его; но при выходе узкого извилистого пролива он вдруг является взорам развертывающимся амфитеатром на склоне холма, недалеко от высокой, похожей на сторожевую башню, горы Эджекомб, у западного основания величественного конуса Верстовиа; с западной стороны Ситхинская бухта защищена «Японским» островом, названным так в память о крушении одной джонки. Порт, хотя загроможденный островками и подводными камнями, достаточно обширен и глубок для вмещения целого флота, но ему почти не случается принимать у себя других кораблей, кроме парохода, приходящего из Сан-Франциско. Город считается нездоровым, без сомнения, по причине сырости почвы; очистка улиц производится главным образом заботами певчего ворона (corvus cacatoti), священной птицы туземцев; но эта ситхинская «полиция» нападает также на домашнюю птицу и преследует свиней, иногда даже отрывает им хвост[3]. В Ситхе имеется небольшой музей туземных древностей. Верстах в тридцати к югу находится обильный горячий сернистый ключ, которым колоши пользовались во все времена, и на скатах горы Верстовиа открыты залежи очень чистого висмута.

Другие города, лежащие южнее, Врангель, Форт-Тунгас, стоят ещё ниже Ситхи по числу жителей и торговой деятельности: это скорее простые конторы, которым квартировавшие там до недавнего времени маленькие военные отряды придавали некоторую стратегическую важность, в смысле охраны от нападений окрестных индейцев. Впродолжении четырех лет, с 1874 до 1879 года, Врангель был почти большим городим, когда калифорнские золотоискатели толпой устремились к Кассиарским приискам, в Британской Колумбии: через Врангель

1 Петров, „United States Census“.

2 Powell, „Mineral Resoures of the United States“.

3 Lutke. цитиров. сочинение.

они получали предметы продовольствия и отправляли добываемый золотой песок.

Территория Аляска составляет, правда, американское владение по праву купли, но de facto она находится почти вне Соединенных Штатов с административной точки зрения. Сначала американцы учредили, было, в разных пунктах побережья военные посты, в виду того, что туземцы обнаруживали неудовольствие по поводу перехода территории в другие руки; но так как никаких возмущений не последовало, благодаря распространившемуся слуху, что у новых владельцев края «много пушек»[1], то эти гарнизоны были упразднены, как бесполезные. Федеральное правительство сделало также кое-какие расходы для исследования страны, но эти научные экспедиции велись без строгой системы. Суммы, вотированные на предмет воспитания туземцев, остались без прямого употребления, и даже таможенная служба, введенная сначала в Ситхе, была впоследствии упразднена; в действительности Аляска считалась как бы недостойной занимать внимание вашингтонских законодателей, как вдруг северо-американское правительство сочло долгом вмешаться для защиты интересов эксплоатирующей острова Прибылова концессионерной компании, объявив Берингово море «запертым» и воспретив всем иностранным судам охотиться вам на тюленей и моржей, даже за линией, проходящей на разстоянии 3 морских миль от берегов. Эти претензии, несовместные с прецедентами международного права, касаются главным образом Великобритании, государства, наиболее заинтересованного в вопросе о рыбном промысле в водах крайнего севера Америки. В 1821 году Россия тоже хотела запереть для иностранцев Берингово море, в котором она тогда владела обоими берегами; но это притязание, более справедливое, повидимому, чем претензия Соединенных Штатов, не было признано другими морскими державами[2].

В религиозном отношении русское правительство сохраняло некоторый авторитет, так как оно доселе является оффициальным покровителем православия в крае и оказывает денежное пособие церквам в Ситхе, Кадьяке и Уналашке: русский епископ, имеющий пребывание в Сан-Франциско, есть духовный глава всех своих единоверцев в Аляске. Точно также делом воспитания и учения туземцев, которое ведется на русском, английском и эскимосском или коношском языке, заведуют не органы федерального правительства, а русские священники и миссионеры разных наименований. Эти религиозные корпорации во многих местах, по собственному почину, без всякого уполномочения или приглашения на то со стороны оффициальных представителей Соединенных Штатов, установили обязательное обучение для всех детей не-белой расы в возрасте от пяти до девятнадцати лет; в Ситхе миссионеры даже подвергают однодневному аресту воспитанников, виновных в неаккуратном посещении школы; однако, доказательством того, что образование ещё не очень глубоко проникло в массы, может служить тот факт, что Аляска, хотя территория странны, где выходит почти столько же периодических изданий, сколько во всём остальном свете, имеет только одну единственную газету. До 1884 года в крае не было правительственных судей, ни чинов полиции: везде, кроме Ситхи, Кадьяка, Жюно, Уналашки, белые люди, миссионеры, владельцы или капитаны судов, собственной властью чинили суд и расправу, даже присвоили себе право наказывать туземцев, виновных в неисполнении приказа о вырытии сточных канав вокруг своего жилища и побелке его стен. Истинным правительством Аляски, в торговых округах, является концессионерная компания, эксплоатирующая тюлений промысел на островах: ей принадлежит не только скот, но и человеческое стадо, с которым, впрочем, теперь обращаются гораздо лучше, чем во времена русского господства; неограниченная власть её обусловливается монополией торгового обмена. Хотя концессия дана на неопределенный срок, но, по всей вероятности, новая отдача с торгов исключительного права эксплоатации тюленьих островов и производства торговли добываемым там пушным товаром разве только увеличит этот источник доходов федеральной казны, возвышением арендной платы, в

1 Aurel Krauze, цитиров. сочинение.

2 J. G. Kohl, „Geschiche der Entdeckung Amerikaś“.

системе же управления краем не произойдет никакой перемены, и туземное население по-прежнему останется всецело во власти всемогущей компании. Общая ценность вывоза Аляски исчислялась в 1888 г. в 16 миллионов франков.

По крайней мере в материальном отношении совершился некоторый прогресс; это сближение Аляски и Калифорнии посредством быстрых сообщений. Пароход каждые две недели соединяет Ситху и другие порты южной Аляски с Сан-Франциско, и в летнее время множество американцев, путешествующих ради собственного удовольствия, переезжают от пристани к пристани, с целью полюбоваться грандиозным зрелищем ледников дальнего северо-запада. Более того, теперь поговаривают, как о предприятии осуществимом, и даже в близком будущем, о постройке железной дороги, которая, начинаясь от канадской трансконтинентальной линии, доходила бы до верхнего бассейна Юкона, следуя вдоль восточного основания Скалистых гор: с проведением этой железнодорожной ветви, плодородные земли по реке Мира (Peace-river) и местности по Стиккену, содержащие минеральные богатства, открылись бы для колонизации, и, без всякого сомнения, наиболее удобные для культуры или изобилующие рудными месторождениями округа Аляски привлекли бы некоторое число поселенцев. Ситха соединена телеграфом с остальной Америкой; но предпринятое во второй половине настоящего столетия устройство телеграфной линии через Берингов пролив, для соединения Старого Света с Новым по кратчайшему пути, было оставлено в 1867 году, когда успешная прокладка трансатлантического кабеля сделала бесполезной эту работу. Местные сношения Сибири с Аляской слишком незначительны, чтобы стоило ныне связывать непосредственно два материка: не так будет, конечно, когда построится великий сибирский путь. Как бы то ни было, территория, некогда столь отдаленная, по которой протекает могучая река Юкон, силой вещей притягивается в близкое соседство к большим центрам человеческой деятельности, и это постепенное приближение, осуществляемое линиями судоходства, железными дорогами, телеграфами, не преминет, рано или поздно, установить солидарность интересов между американским народом и населением Аляски.

Глава V. Канада и Нью-Фаундленд

I. Общий обзор

Громадное пространство земель, занимающее всю северную часть американского континента и отграниченное политически под именем «Канадской державы» (Dominion of Canada), не составляет географического целого; граница, отделяющая его от Соединенных Штатов, имеет чисто условный характер в большей части её длины. На протяжении около 2.000 километров, от пролива Хуан-де-Фука до Лесного озера, рубежом служит 49 параллель, мысленная линия, проходящая через горы, плоскогория и реки, вне всякой зависимости от направления горных осей и водораздельных возвышенностей. Так, например, область истоков реки Колумбии принадлежит к канадской территории, тогда как нижнее её течение причисляется к владениям Соединенных Штатов. Точно также многие из верхних притоков Миссури зарождаются на севере от границы, а с другой стороны северная Красная река, главная ветвь большой реки, впадающей в Гудсоново море, берет начало в средней впадине Северной Америки, возле истоков Миссисипи. К востоку от Лесного озера, которое пересекает извилистая раздельная линия, лишенная всякой raison d'etre, граница достигнет Верхнего озера рекой и озером Дождя и старой дорогой волоков, по которой ходили трапперы (охотники). На берегу канадского Средиземного моря граница по крайней мере совпадает с естественной чертой. Она следует по северной линии Верхнего озера до поселения при водо-

паде св. Марии (Sault de Sainte-Marie), захватывает острова Кокберн и Большой Манитулен, затем весь полуостров, ограничиваемый озерами Гурон, Эри и Онтарио, наконец, идет вдоль левого берега реки св. Лаврентия до 45 градуса широты. Отсюда опять начинается мысленная линия, следующая по 45-й параллели, через реки и озера, до истоков реки Коннектикут; далее, общая граница проходит через горный хребет, затем отступает к северо-востоку, чтобы дать место американскому штату Мэн, который проникает далеко в соседстве реки св. Лаврентия и захватывает почти весь бассейн реки св. Иоанна (Сент-Джон).

Территория Канадского государства географически известна, так сказать, пропорционально плотности цивилизованных населений. Собственно Канада, т.е. часть долины св. Лаврентия, заключающаяся между Великими озерами и заливообразным устьем этой река, представляет населенную область: это вместе с тем страна, для которой имеются детальные карты. Картам этим, правда, недостает точного указания рельефа местности: по крайней мере они опираются на тщательно исполненный кадастр, и во многих случаях проверены астрономическими наблюдениями. К западу от сравнительно многолюдных провинций точно определенные точки, даваемые картографам, более редки, но они постепенно сближаются, благодаря постройке трансконтинентальной железной линии (канадской) и быстрому заселению страны. Планы отдельных мест, геологические карты умножаются; черты горных осей и рек, до недавнего времени отмечавшиеся лишь приблизительно, теперь обозначаются уже с большей точностью. В южных областях, соседних с американской границей, маршруты первых путешественников имеют ныне только исторический интерес, их путевые карты уже заменены более правильными съемками, тогда как на севере, на покатостях Ледовитого океана и Гудсонова моря, простые начертания путей, пройденных различными исследователями, Гирном, Мэкензи, Бэком, Ричардсоном, Петито, Даусоном и другими, и образующих редкую сеть, с очень широкими пробелами, всё ещё составляют единственный материал, позволяющий дать некоторое понятие об общей конфигурации страны и связать континентальные открытия с морскими полярными экспедициями.

Известно, что естественные деления Северной Америки все следуют в продольном направлении. Пояс прибрежья Тихого океана, береговые цепи, плоскогорья и хребты системы Скалистых гор, подпирающие их террасы, средняя равнина, выступы, более или менее параллельные, гор Лаурентинских и Аппалахских, наконец, прибрежные земли Атлантического океана,—все эти области тянутся с севера на юг или, по крайней мере, от Полярной зоны к тропическим странам; политическая же раздельная линия между двумя обширнейшими государствами северо-американского континента проведена поперек всех этих естественных делений. Даже в отношении климатов нет хотя бы приблизительного совпадения между канадской границей и изотермической линией, ибо метеорологические явления не распределяются точно в направлении с севера на юг, они расположены по очень изогнутым кривым и развиваются во многих местах параллельно континентальным берегам. Точно также пределы флоры и фауны далеко не совпадают с градусами широты.

Если бы население Канады сгруппировалось в одну сплошную массу, оно могло бы свободно развиваться в отдельную политическую индивидуальность, не испытывая стеснения от странной политической границы, проведеной на южной стороне его территории; но эта громадная страна, более обширная, чем Соединенные Штаты, населена ещё очень слабо, и жители её раскинуты по длинной линии вдоль границы; только в некоторых местах, именно в полуостровной части провинции Онтарио и в Нижней Канаде, эта узкая заселенная полоса расширяется в узлы, где население довольно густо, чтобы составить группы, действительно независимые от Соединенных Штатов, и образовать самостоятельные центры политической и социальной жизни. В других же частях канадской цепи городов и деревень естественные притяжения действуют из одного в другое государство вопреки фиктивному разграничению, и соразмерно тому национальная связь ослабляется. Поэтому было бы противно действительности придавать большое значение непрочной политической границе, которую может уничтожить малейшее изменение равновесия. Более согласно с истиной будет не обращать

внимания на геометрические линии, проведенные на карге дипломатами Лондона и Вашингтона, и придерживаться, при изучении страны, деления на естественные области, очерченные горами, долинами и климатами. С другой стороны, остров Новая Земля (Нью-Фаундленд), а также часть Лабрадора могут быть рассматриваемы как принадлежащие к канадской территории, хотя оффициально они от неё отделяются.

Пространство Канадского государства (Dominion of Canada), со включением Нью-Фаундленда, Лабрадора и полярных островов, лежащих к югу от пролива Барро, исчисляют в 9.189.170 квадр. километров.

Народонаселение Канады (в 1897 г.), со включением Нью-Фаундленда и арктических островов,—5.398.096 жит. Километрическое население 2 жит. на 3 кв. килом.

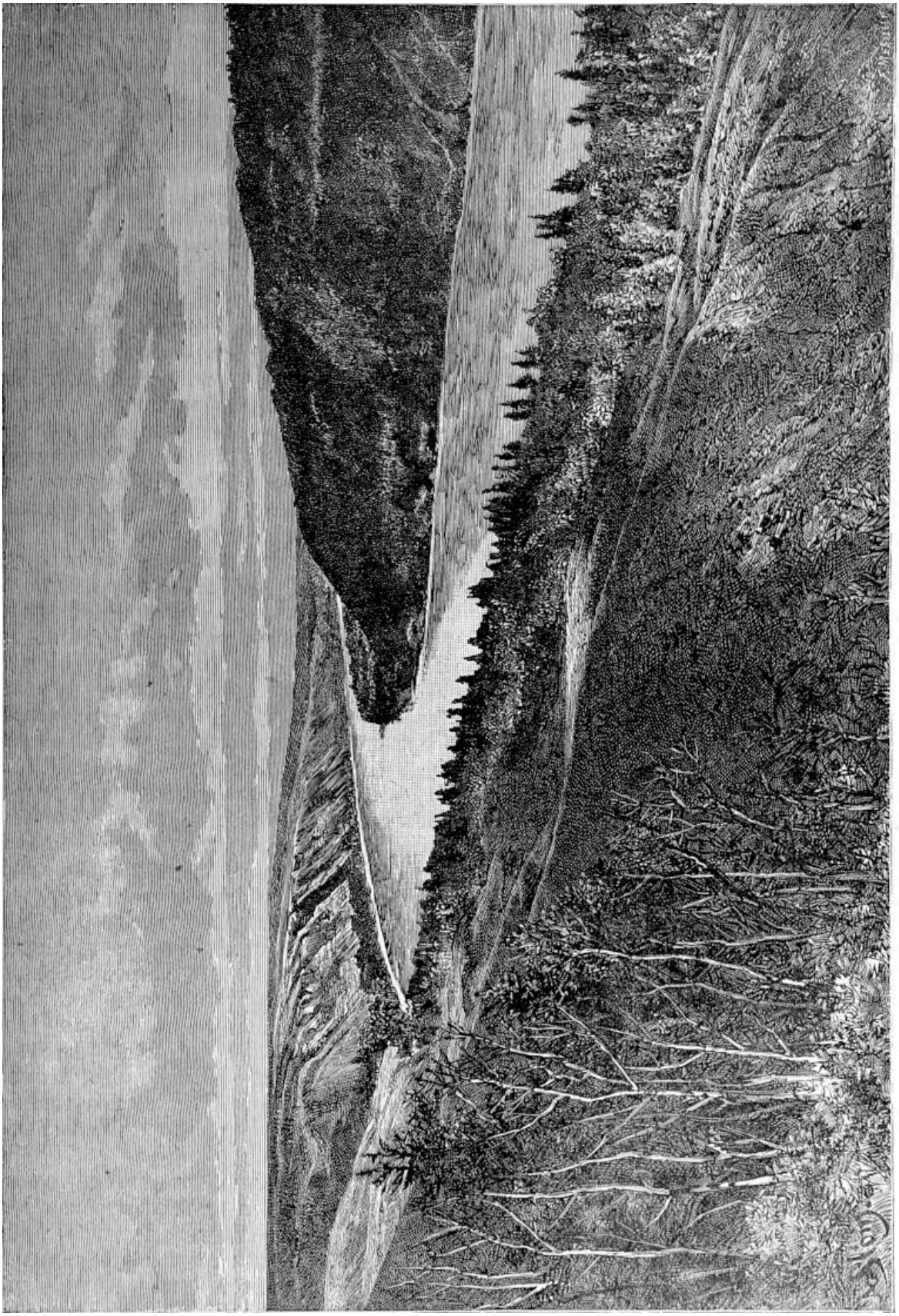
II. Британская Колумбия

Скалистые горы, Архипелаг Королевы Шарлоты и остров Ванкувер

Границы Британской Колумбии (British Columbia), определенные законодательным актом, не менее нелепы, чем границы Канадской державы; они свидетельствуют о неведении, в котором были ещё недавно относительно физических черт страны; чтобы упростить дело управления краем, ограничились установлением делений по предварительным картам, не зная самого края. Таким образом северная граница определяется 60-м, а южная 49-м градусами широты; на востоке одну половину раздельной черты между Британской Колумбией и так называемыми «Северо-западными» провинциями составляет 120-й градус западной долготы (от Гринвича), тогда как на северо-западе пределом служит фиктивная граница Аляски, извилистая линия, которую очень трудно было бы обозначить на земле, и которая тянется, параллельно всем иссечениям побережья, в расстоянии 55 километров. Единственные естественные границы—это, на юго-западе, берег Тихого океана, и на юго-востоке, гребень крайней восточной цепи Скалистых гор. Если бы взяли за демаркационную линию ту границу, которая была указана путешествиями канадских охотников (трапперов), открытиями и формальными актами о вступлении во владение, совершенными мореплавателем Ванкувером, наконец, первым обследованием берегов реки Колумбии Греем, в 1792 году, то бассейн этой могучей реки и тем более весь залив Пэджет и пролив Хуан-де-Фука принадлежали бы Канадской державе. Но английские дипломаты не защищали свои интересы с такой энергией, как американские уполномоченные; они отдали «несколько десятин лесу», подобно тому, как Франция поступилась некогда, на другой стороне континента, «несколькими десятинами снегу», и раздельная линия, окончательно установленная третейским решением императора германского, в 1872 году, отмежевала в пользу северо-американской республики все острова и бухты, лежащие к югу и к востоку от самого глубокого канала между материком и островом Ванкувер. Соединенные Штаты с угрозами домогались обладания архипелагом Сан-Хуан, заключающимся между проливами Гаро и Розарио, и требование их было удовлетворено.

Если не обращать внимания на эти произвольные линии политического разграничения, то Британскую Колумбию можно рассматривать, как одно географическое целое, изучая отдельно весь рельеф Скалистых гор, простирающийся от истоков Юкона до среднего течения Колумбии и изрезанный бесчисленными фиордами побережья между Аляскинскими островами и проливом Хуан-де-Фука. По приблизительному исчислению, площадь этой страны равна 922.000 квадр. километров, следовательно, почти в два раза превосходит поверхность Франции; но это громадное пространство имеет всего только около 150.000 жителей, индейцев и белых,—население очень редкое, которое, впрочем, быстро возрастает по крайней мере в южных частях края, снабженных средствами сообщения. Имена островов и проливов указывают на то, что в деле открытия этого побережья участвовали мореплаватели

двух наций: испанские, особенно Кадра, и английские, преимущественно Ванкувер; однако, оффициальное имя главного острова уже не «Кадра и Ванкувер», как было условлено между двумя сейчас названными моряками. Внутри материка, трапперы и рудоискатели последо-

Рѣка Мира у форта Дунгеванъ.

вательно разведывали различные местности края. Первый ученый путешественник-исследователь, перешедший горные цепи между северо-западными равнинами и морем, был Макензи; он спустился, в 1792 г., по среднему течению реки Фразер, которую считал Колумбией, и

которая была названа впоследствии, в 1806 году, по имени шотландского торговца Симона Фразера. Путешественники, по большой части служащие Гудсонской компании, познакомившие европейцев с этой частью тихо-океанской покатости, почти все были шотландцы: в честь их эта страна получила имя Новой Каледонии, долго бывшее в общем употреблении.

Различные цепи Скалистых гор, заключающиеся между Аляской, бассейном реки Мэкензи и верхними притоками реки Мира, под 56-м градусом широты, известны лишь в общих чертах по рассказам торговцев и золотоискателей, но ещё не обследованы в геологическом отношении и составляют пробел на картах[1]. Главный выступ рельефа, который можно рассматривать как начальный хребет Скалистых гор, тянется параллельно аляскинскому берегу, на востоке от бассейна реки Льюис или верхнего Юкона. Хребет этот, кажется, не очень высок и образует лишь второстепенную линию водораздела, судя по тому, что перерезывающие его реки принадлежат—одне к покатости Тихого, другие—к покатости Ледовитого океана. Так, верхние притока Стиккена и Скены зарождаются в тех же местностях, где берут начало притоки реки Тополей и те из притоков реки Мира, которые спускаются к реке Мэкензи. Самые высокие горы этих областей, вероятно, не выше 3.000 метров и сосредоточены около 55°30’ широты, в центральном массиве, где соединяются различные параллельные цепи, приходящие с севера, и откуда изливаются в расходящихся долинах верхние горные ручья Стиккена, Скены, реки Мира и Фразера; на старинных картах этот массив обозначен под именем Peak-mountains. К югу вся эта система гор понижается, и от берегов Тихого океана до равнин, орошаемых водами реки Мира, можно пройти через территорию Британской Колумбии, нигде не встречая возвышенностей, которые превосходили бы 1.000 метров[2]; брешь названной реки лежит на высоте 600 метров. Большой северный изгиб Фразера указывает почти середину этой средней впадины, характеризуемой присутствием серых или беловатых отложений супеску, образующих правильный ряд слоев на значительной толщине; в некоторых местах эти осадочные отложения имеют мощность в тридцать и даже в шестьдесят метров. Они везде залегают на слоях ледниковых глин, более или менее видоизмененных и усеянных гравием и большими камнями. Очевидно, эти беловатые пласты, простирающиеся далеко между гор, обязаны своим происхождением действию существовавшего здесь некогда обширного внутреннего моря. Нынешния озера и большие равнины Шилкотин суть не что иное, как остатки этого древнего моря, которое, быть-может, соединялось с океаном и тянулось, в виде пролива, с запада на восток, через всю систему Скалистых гор.

Собственно хребет главной цепи, ясно ориентированный в направлении с северо-запада на юго-восток, начинается, на юге от реки Мира, вершинами, не достигающими даже тысячи метров в высоту; но он быстро поднимается над равнинами, по которым протекают притоки Атабаски и сама эта река. Горный проход «Желтой Головы» (Yellow-Head), через который сначала предполагали вести трансконтинентальную железную дорогу, находится на высоте 1.168 метров. Южнее, над главным порталом Атабаскинского перевала, доминируют две горы, имеющие, будто бы, около пяти километров высоты: с севера—гора Браун (4.875 метров), с юга—гора Гукер (5.180 метров); но эти измерения были сделаны не с достаточною точностью, и геодезисты, производящие тригонометрическую съемку Скалистых гор в пограничной области, считают приведенные определения высот сильно преувеличенными; наблюдаемый издали, на крайнем горизонте, массив Атабаски кажется не выше южных групп, а эти последние, как известно, не достигают и 4.000 метров[3]. При том же переход с одного ската на другой в этой части цепи так легок, что путешественники с удивлением говорят о необыкновенной доступности тамошних проходов. Так, например, Мильтон и Чидль рассказывают, что они всё ещё искали впереди перевал Желтой Головы, в то время, как он уже скрылся за выступом горы: они прошли линию водораздела, не заметив её[4].

1 G. M Dawson, „Quarterly Journal of the Geological Society“, February 1868.
2 G. M. Dawson, „Geological Map of the Northern Part of the Dominion of Canada“.
3 Southesk, „Saskatchewan and the Rocky Mountains“.
4 „Voyade de l’Atlantique au Pacifique“.

В группе Атабаски следуют одна за другой, в юго-восточном направлении, горы, называемые по именам английских ученых: Ляйель, Сюлливанс-Пик (2.395 метр.), Форбс (2.575 метр.), Мурчисон, Бальфур, Лефруа (3.535 метр). Это те горы, которые виднеются на горизонте, когда едешь по равнинам Саскачевана, и которые известны более специально под именем Rockies (Скалистые). С волнистых пастбищ территории Альберты серые стены Скалистых гор, голые, почти пирамидальной формы, покрытые кое-где полосами снега на северных кручах, представляют грандиозный вид. При основании, откосы из обвалов поросли местами сосновым лесом, но выше видны только скалы, нагроможденные на скалы. Некоторые из этих гор показывают в разрезе свои горизонтальные пласты, отложившиеся в течение веков девонского, каменно-угольного и мелового; другие состоят из наслоений разнообразно изогнутых, но по большой части наклоненных в сторону востока. Иные походят на громадный аспидные плиты, другие на пирамиды с правильными ступенями[1].

На востоке от главной цепи, предгорья, расположенные в том же направлении, поднимаются в виде массивов среди равнины; такова, к востоку от перевала Желтой Головы, группа, в центре которой высится вершина Дальгузи, имеющая вид зубчатой башни с вертикальными стенами; такова же, южнее, гряда с однообразными скалами, которой дали имя Паллизер (Palliser-range), в честь одного из первых исследователей. Цепь Дикобраза (Porcupine-hills), стоящая близ границы, к югу от Кальгари, тоже принадлежит к этой стене «Малых Скалистых гор», прерываемой на некотором расстоянии одна от другой широкими брешами.

Та часть горной, цепи, через которую проходит Тихо-Океаяская железная дорога, и многие пункты которой отмежеваны под «национальные парки», конечно, известна, лучше других. От основания гор, лежащего уже на высоте от 1.000 до 1.100 метров над уровнем моря, рельсовый путь поднимается по очень правильному пологому скату, средний уклон которого всего только три миллиметра; затем, пройдя узкую долину, называемую «Воротами» Скалистых гор, мало-по-малу достигает верхней бреши, доминируемой с севера горой Стефен. Прежде этот перевал носил название «прохода Лягающейся лошади» (Kicking horse-pass); теперь его называют «проходом Гектора», по имени геолога, изучавшего страну. Кульминационная точка прохода находится на высоте 1.614 метров, следовательно, лежит выше тунелей, пробитых в Альпах; но инженерам удалось провести железную дорогу через этот перевал с западной стороны без исполнения тех гигантских работ, какие потребовалась для перехода через европейские массивы; на восточной стороне один из подъемов имеет уклон от 39 до 45 миллиметров на метр, на протяжении 6 километров; снега в этой области Скалистых гор выпадает не особенно много, и задержка поездок, вследствие снежных заносов, случается редко. Другие, более южные, перевалы, которые тоже были исследованы, когда искали наиболее удобный проход для проложения рельсового пути, Кананаскис, или перевал Паллизера, и перевал Вермильон, лежат ещё ниже: возвышение их не более 1.500 метров, и река Кананаскис, уже широкая близ истока, спускается, после образуемого ею водопада, почти единственного на всём её течении, к реке Саскачеван; но на западе местность представляет большие трудности для перехода: самый южный перевал, Кутенэ, лежащий в 46 километрах от границы, находится на высоте 1.816 метров. Западный скат Скалистых гор гораздо круче восточного, обращенного к Саскачевану, но основанием ему служит долина, уже сама по себе возвышенная,—долина реки Колумбии. В этой области вся цепь поворачивает к югу, и линии гребней почти совпадают с меридианами.

Параллельные цепи, которые тянутся на западе от Скалистых гор, в островном пространстве, ограничиваемом извилистыми долинами реки Колумбии и её главного притока Кутенэ, рассматриваются обыкновенно как отдельная группа, под именем гор Селькерк; железная дорога переходит эти цепи перевалом Роджер (1.314 метров), над которым господствуют горы высотой около 3.000 метров. Вершины группы Селькерк по высоте несколько уступают вершинам Скалистых гор; но благодаря обилию дождей, приносимых влажными ветрами Тихого океана, ледники первых обширнее и спускаются ниже в долины. Один глет-

1 Spotswood Green, „Proceedings of the R. Geographical Society“, March 1889.

чер, лежащий непосредственно к югу от самой высокой из этих гор, Сэр-Дональд (3.244 метра), занимает площадь в 50 слишком квадратных километров и выделяет из себя ветви во все окружающие долины. Обильные дожди одели свободные от снега скаты цепи Селькерк богатой лесной растительностью; оттого путешествие в этих лесных чащах гораздо затруднительнее, чем по склонам, хотя и более крутым, Скалистых гор: в то время, как на восточных горах почти везде можно проехать на лошади, на западных нужно пробираться пешком и с топором в руке. Из гор Нового света группа Селькерк всего более походит на Альпы Европы: и тут, и там путешественник наблюдает тот же контраст между зеленеющими мысами, наполненными льдом, и долинами. Огромные морены, покинутые в нижних долинах, свидетельствуют, что край этот некогда был покрыт ледниками, далеко превосходившими по величине оставшиеся ещё там образования этого рода. К востоку от Сэр-Доналда, одно невысокое плато, теперь без фирновых полей, изборождено на вершине каменистыми руслами, которые, повидимому, служили каналами ледяным рекам, но которые ныне отделены от питавших их гор широкой долиной, вырытой в глетчерных обломках[1].

Другая цепь, менее правильная, чем параллельные хребты Селькерка и Скалистых гор, тянется на западе от долины, по которой течет Колумбия ниже своей большой северной излучины. Это так называемая «Золотая цепь» (Gold range), обязанная своим именем золотоносным пескам, которые ещё недавно с таким успехом разработывались в её долинах; граниты, гнейсы; кристаллические сланцы и другие палеозойские породы, повидимому, указывают на то, что эта часть рассматриваемой орографической системы есть наиболее древняя[2]. Высшие её точки ниже вершин цепи Селькерк; в целом рельеф Британской Колумбии имеет форму наклонной плоскости, которая от гребня Скалистых гор постепенно понижается на юго-запад, к устью Фразера, впадающего в залив Георгия. Если бы морской уровень повысился на 1.000 метров, большая часть страны, доминируемая разветвлениями Золотых гор, обратилась бы в заливы и проливы. Около 49-го градуса широты, выбранного за общую границу республикой Соединенных Штатов и Канадской конфедерацией, различные цепи теряют свой отличительный характер с точки зрения внешней формы и геологической природы составляющих их горных пород: все они одинаково состоят из пластов, отложившихся в первые века формаций, содержащих ископаемые остатки; но глубокия долины разрезали эти горы на отдельные массивы. Таким образом к северу от нижней Колумбии существует некоторого рода естественная граница, приблизительно совпадающая с политической границей между двумя сопредельными государствами.

Горы побережья, составляющие продолжение гор Аляски до внутренней Калифорнии, тоже называются цепью, под именем «Coast-range», илн «Cascade-range», хотя они делятся на множество отдельных массивов и отрогов, сохраняя в общем направление с северо-запада на юго-восток, параллельно морскому берегу и оси Скалистых гор. Крутизна склонов, дикий вид утесов и скатов, на которые в древности вылились базальтовые потоки, придают этим приморским горам большую кажущуюся высоту, на самом же деле они немного ниже восточных цепей. Некоторые из береговых кряжей имеют не более 600 метров высоты: самые гордые пики, около южной оконечности, приближаются к 3.000 метрам. «Береговая цепь» (Coast-range) разрезана на отдельные отрывки: со стороны моря—далеко разветвляющимися фиордами, а со стороны Фразера—озерами или бывшими озерными долинами, которые также были фиордами в отдаленную геологическую эпоху. Нынешние фиорды колумбийского побережья походят на фиорды Шотландии и Норвегии, с той разницей, что они, в среднем, менее широки и ограничены более высокими, правильно параллельными утесами. Судя по их форме, полагают, что это бывшие речные долины, постепенно вырытые водой по мере поднятия побережья над морским уровнем. За этими реками следовали ледяные реки, которые мало-по-малу заполнили речное ущелье и в точности сохранили контуры во всё продолжение ледяного периода. Освободившись от льдов, фиорды Колумбии подверглись новым

1 Spotswood Green, цитир. сочинение.

2 A. Selwyn, „Descriptive sketch of Dominion of Canada“.

преобразованиям: верхния оконечности этих береговых рвов были завалены в течение веков отложением землистых частиц; приносимых впадающими реками. Болотистые земли указывают часть фиорда, заполненную речными наносами, и маленькия подводные дельты продолжаются на некотором расстоянии в самом фиорде; затем вдруг почва понижается до огромной глубины, даже на 300 и 360 метров; наконец, при входе, скрытая морена, «морской мост», как её называют, обозначает раздельную линию между открытым морем и внутренним заливом. Мы видим здесь то же самое явление, которое можно наблюдать на берегах Гренландии и Шотландии[1].

Всё побережье Колумбии иссечено подобными глубокими вырезками. Первую такую вырезку, к югу от аляскинских берегов, образует Портлендский канал, который вдается верст на шестьдесят внутрь материка, против широкого пролива Диксон, между архипелагом Принца Валлийского и архипелагом Королевы Шарлоты: пролив и фиорд составляют продолжение друг друга, без сомнения, потому, что оба обязаны своим происхождением одним и тем же геологическим деятелям. Другой фиорд, ещё более разветвленный и представляющий ещё более затруднительный лабиринт судоходных дефилеев, открывается против островов Шарлоты: это «канал» Дуглас, продолжаемый на востоке другим каналом, Gardner-channel, который теряется верстах в ста от моря. Фиорды или inlets Дин и Бентинк замечательны своей необыкновенной правильностью; они образуют две главные улицы, перпендикулярные к морскому берегу, и соединены поперечной улицей; кроме того, они выделяют из себя с каждой стороны, под прямым углом, второстепенные фиорды. Фиорд Дин с маленькими озерами и долинами, продолжающими его на восток, соединяется с рекой Фразер непрерывной впадиной; при виде этих черт, вырезанных в колумбийской почве, можно ясно прочесть, что фиорды, озера и реки суть результат одних и тех же геологических явлений. В южной части Колумбии многочисленные фиорды, Найт-инлет, Бьют-инлет, Тоба инлет, Джервис-инлет, Гоу-саунд, Бэррард-инлет (anse a Berard у первых французских путешественников), соединяются посредством сети каналов с большим Георгийским проливом, отделяющим остров Ванкувер от твердой земли. Наконец, и самый этот пролив, от его входа через залив Хуан-де-Фука, и вместе с спиралеобразными излучинами Пэджет-зунда, проникающими на юге далеко внутрь Орегона, есть не что иное, как фиорд, простирающий свои рукава во всех направлениях, словно исполинский спрут.

Фиорды южной Колумбии лучше известны, чем фиорды северной, благодаря соседству густо населенных стран и удобных путей сообщения; при том же многие из них были предметом детального исследования, когда инженеры искали наиболее удобный пункт для приокеанской станции трансконтинентальной железной дороги. Между этими морскими коридорами, фиорд Джервис—самый грандиозный: он тянется в длину верст на восемьдесят, при средней ширине около 5 верст; в некоторых местах расстояние между берегами значительно съуживается, и высящиеся с обеих сторон стены поднимаются террасами до 1.000 и 1.500 метров; часто они переходят за пояс облаков, которые разрываются о грани скал. Уже в непосредственном соседстве берега лот, длиною в 360 метров, не везде достает дно; а в иных местах подводные скаты спускаются к пропастям в полкилометра глубины[2].

Летом сотни каскадов, ниспадая с высоты утесов, наполняют шумом темную аллею и образуют на поверхности бесчисленные ряды пересекающихся волн; зимой и весной с карнизов обрушиваются снежные лавины, и многократное эхо, отражаемое каменными стенами, долго повторяет гром их падения. Немногие из индейцев отваживаются пускаться по водам этого фиорда, и берега его ещё необитаемы белым человеком. Даже растительность редка, и сосна, обыкновенно столь смелая, едва показывается на карнизах гор, где завывает морской ветер.

В отдаленную эпоху льды не только наполняли трещины, где теперь спят воды фиордов, но даже выступали из берегов, и во многих местах острова побережья, ныне омываемые мо-

1 G. M. Dawson, цитиров. сочинение.

2 Robert Brown;—Richards, „Voncouver Island Pilot“.

рем, были соединены с материком ледяными мостами. Берега Британской Колумбии представляли тогда то же зрелище, как берега Гренландии, где многие из прибрежных проливов заполнены языками ледников. Все островки, лежащие у входа фиордов Дуглас и Дан, со-

Индѣйскіе охотники изъ Верхней Тананы.

ставляли прежде часть материка; даже остров Ванкувер некогда был полуостровом. В самом узком месте пролива между Ванкувером и твердой землей или прилегающими к ней островками, т.е. на берегах пролива Джонстон и прохода Дисковери, в теснинах Сеймура (Seymo-

ur-narrows), канал имеет менее 3 километров ширины, и геологические формации, граниты или триасовые породы, в точности соответствуют от одного берега до другого; слои песка и гравия, заключающие в себе эрратические камни, были отложены с той и другой стороны одним и тем же ледяным потоком[1]. Приливные течения, встречаясь в этом морском ущелье, образуют сильные водовороты, тем более опасные, что местами дно усеяно подводными камнями; иногда течение несется через проход со скоростью слишком 18 километров в час, неудержимо увлекая с собой парусные суда. Даже пароходы иной раз подвергаются опасности: так, один американский корабль погиб в этих водах. Общий вид острова Ванкувер и соседнего побережья, с их горными породами, глинами и гравием, привел геологов к заключению, что вся южная часть этого острова была некогда покрыта ледяным слоем, толщиной, по крайней мере, в 200 метров, и что этот ледник, выходивший из материковых фирнов, покрывал пространство, ставшее впоследствии морем, на протяжении почти 100 километров в ширину[2]. С той эпохи процесс размывания снова выкроил острова, из которых многие состоят из конгломератов, залегающих на песчаниках и высящихся в виде нависших утесов над пещерами, куда врываются ревущие волны[3]. В водах около берега ростут фукусы, длиной в сто и более метров, извивающиеся под напором течения[4].

Хотя разделенные ныне проливом в 200 километров ширины, острова Королевы Шарлоты и Ванкувер принадлежат к одной и той же формации; они составляют одну горную цепь, параллельную оси Скалистых гор, горам Селькерк, Золотой и Каскадной цепям. Теперь осталась лишь небольшая част рельефа, который некогда представляли острова Шарлоты; промежуточная долина превратилась в пролив Скайдгэт-инлет, и архипелаг разделился на два главных острова: на севере—Граам-айленд, на юге—Моресби-айленд, из которых последний, удлиняющийся к югу в виде рога, продолжается в море рядом островков и рифов. За исключением южной половины, где находятся два параллельных массива, окаймляющие воды фиорда, архипелаг королевы Шарлоты сократился в узкую цепь, горы которой спускаются прямо в море на востоке и западе; самые высокие вершины, на южном острове, достигают 1.500 метров. Остров Ванкувер, более массивный, представляет также более правильную, менее изрезанную брешами, цепь гор, которая, начиная от северо-западной оконечности, везде имеет высоту более 1.000 метров; почти в геометрическом центре острова высится господствующая вершина, пик Виктории, вздымающийся на 2.281 метр. Расположение гранитов, триасовых и меловых пород на островах Шарлоты и Ванкувер таково, что не может быть никакого сомнения в непрерывности этих земель, как геологической формации. Так же, как побережье материка, западный берег Ванкувера изрезан фиордами, по крайней мере до входа в пролив Хуан-де-Фука. Один из этих фиордов, Кватсино, разветвляет свои рукава до восточного берега; другой, Нутка-саунд, вдается не так глубоко внутрь суши, вокруг острова того же имени, но он приобрел известность, благодаря посещению его великими мореплавателями, побывавшими там со времени путешествия Кука в 1778 г.

Внутри территории, озера, хотя частию засыпанные обвалами с гор и наносами рек, почти столь же многочисленны, как фиорды на побережьи. Озерную область по преимуществу представляет та часть Колумбии, где некогда простиралось пресноводное море между покатостями рек Мира (Peace-river), Скены и Фразера. Там сохранились ещё длинные резервуары, Такла, Трамблер, Стюарт-лек, Франсуа, которые все изливаются в реку Фразер через исток, называющийся Накосла или Стюарт-ривер. Озера Чилко, Кенель, Шусвап, принадлежат к бассейну Фразера; на юге территории, другие озера, Кутенэ, Арро-лек, Оканаган, изливаются в Колумбию или её притоки. Констатировано, что озера и озерные бассейны, ныне засыпанные, занимают разрывы почвы или трещины, расположенные по правильным линиям, либо с северо-запада на юго-восток, параллельно оси Скалистых гор, либо с севера на юг

1 Alfred R. C. Selwyn, „Geological and Natural History Survey of Canada“.
2 G. M. Dawson, цитир. сочинение.
3 G. M. Grant. „From Ocean to Ocean“.
4 Marchand, „Voyage en 1791“

или с запада на восток. Перекрещиваясь, эти три системы изломов покрывают страну сетью линий, которые во многих местах своим пересечением образуют симметричные треугольники,—явление, подобное тому, которое можно наблюдать в южной Норвегии.

Реки Колумбии, состоявшие некогда и отчасти состоящие доселе из ряда озер, также текут, во многих местах, по дну долин, которые суть не что иное, как трещины почвы, едва измененные размывом и отложением наносов. Река Таку, впадающая в аляскинский фиорд того же имени, один из каналов обширного лабиринта проливов, принимает в себя, в верхней части своего течения, несколько притоков, руслами которым служат узкия трещины, параллельные морскому берегу. То же самое можно сказать о Стиккене, очень многоводной реке, которая берет начало в озерной области Колумбии и по своему нижнему фиорду также принадлежит к территории Аляски. Многие из верхних притоков этой реки и сама она представляют в своем течении ломанную линию, делая крутые повороты, почти под прямым углом, в изломах горной породы. Некоторые из «dalle» (этим именем означают франко-канадские путешественники ущелья, называемые canons испанцами и американцами) имеют грандиозный вид, благодаря своим почти отвесным стенам, порогам и водопадам, льдам, обрушивающимся через бреши соседних крутых скатов: в самом узком дефилее расстояние между противоположными стенами не превышает 20 или 30 метров. Недалеко от устья, течение Стиккена прерывается водопадами, а ниже их речная аллея окаймлена с той и другой стороны ледниками, сползающими в самую реку. Один из трехсот ледников долины Стиккена, повидимому, порядочно отступивший со времени прибытия в край золотоискателей, прежде, если верить индейскому преданию, проходил над рекой через всю её ширину, так что воды текли под ним в обширной естественной галлерее: несколько стариков были командированы племенем с поручением пробраться под кристальный свод и узнать, впадает ли исчезающая подо льдом река в океан. У основания конечных утесов этого ледника из земли бьет обильный горячий ключ[1]. На юге, река Насс, вблизи которой высится потухший вулкан, изливший длинный поток лавы, принадлежит Британской Колумбии. Река эта сообщила уже окончательную форму долине, тогда как протекающая южнее Скена, гораздо более многоводная, сохранила ещё, в большей части своего течения, вид цепи озер; одна из узких водных площадей, наполняющих её верхнюю долину, озеро Бабин, имеет не менее 140 километров в длину; название это было дано ему канадскими путешественниками потому, что индейцы, обитающие на берегах озера, вдевали себе в нижнюю губу кружок («babine»), подобно тому, как это делают тлинкиты (колоши) и гайдасы[2]. Всё нижнее течение Скены представляет ещё узкий фиорд, доминируемый горами до 2.000 метров высотой; одна из этих гор[3], опоясанная при основании обвалами, сохранила свое канадское имя Roche Deboulee (осыпавшаяся скала).

Фразер—самая большая река в Британской Колумбии, так как река Колумбия принадлежит Канадскому государству лишь верхней частью своего течения. Он берет начало в озере «Желтая Голова» (Uellow Head) или «Навозное» (Cow Dung), на западной покатости Желтоголовых гор, изливающих на другой стороне первые ручьи Атабаски, и течет сначала на северо-запад, в долине, параллельной оси Скалистых гор; затем, пройдя 54-й градус широты в северном направлении, круто поворачивает, чтобы следовать в обратном направлении по дну другой трещины почвы, образовавшейся по линии с севера на юг. Около этого поворота к Фразеру присоединяются многие из его верхних притоков, как-то: Медвежья река (Bear-river), Ивовая река (Willow-river), Северный Фразер и самый значительный приток, река Накосла или Стьюарт, выходящая из северо-западных гор и питаемая многочисленными озерами, которые все расположены в виде длинных водных площадей, постепенно мелеющих вследствие отложения наносов. Следует заметить, что Фразер, разветвление которого походит на дерево с простертыми ветвями, но без конечной верхушки, получает в верхнем

1 G. M. Dawson;—Scidmore, etc.

2 A. Selwyn, „North-America“.

3 Daniel Gordon, „Mountain and Prairie“.

своем течении сходящиеся притоки, направляющиеся к нему с юго-востока и востока, с северо-запада, с запада и с юго-запада. С севера же он не получает ни одного притока, но именно с этой стороны течет, в противоположном направлении, одна из верхних ветвей Макензи, называемая «Пастернаковой рекой» (Parsnip-river). Впадина, занимаемая этими двумя потоками, есть одна и та же трещина земной поверхности, но с двумя противоположными скатами, принадлежащими к двум различным бассейнам.

Ниже своей большой излучины, Фразер, текущий почти по прямой линии на юг до поворота к морю, принимает в себя с запада Черную реку (Black-water), воды которой имеют тёмный цвет, происходящий от действия гумусовой кислоты мшистых скатов долины; затем с востока—другой, более значительный приток, реку Кенель (Quesnelle), выходящую из извилистого озера того же имени. Далее, к главной реке присоединяется приток Шилкотин, вытекающий из соседнего с фиордом Бьют озера. В этой части своего течения Фразер, заключенный в очень узкую долину, бежит на большой глубине между высоких гор, так что во многих местах невозможно пройти берегом; чтобы подняться или спуститься по долине, нужно взбираться по кручам над рекой или даже делать обход через боковые перевалы. Так, при выходе небольшого озера Сетон, лежащего к западу от Фразера, прежняя дорога уклонялась в сторону, чтобы подняться через ряд следующих один за другим озерных ярусов до озера «Вершины» (Summit-lake), откуда спускались на юг к нижнему Фразеру другой линией озер, частию судоходных. Этот вершинный резервуар, находящийся на высоте около 550 метров, изливается в Фразер двойным скатом[1]. В настоящее время трансконтинентальная железная дорога, спускающаяся к Фразеру долиной его восточного притока, реки Томсон, избавляет путешественников от необходимости делать обход на озеро Вершины.

Томсон, вытекающий из извилистого бассейна, занимаемого озером Шусвап, затем соединяющийся с целой сетью значительных притоков, орошает широкия долины, покрытые лугами или уже распаханные; но местами он пробирается темными ущельями, впрочем, менее дикими, чем теснины в низовьях Фразера. Первые золотоискатели, проникшие в верхния долины, рассказывали об опасностях прохода и его «адских ворот» (hell-gate), пока проезжая дорога и затем рельсовый путь не восторжествовали над этими препятствиями постройкой мостов и путеводов. Во многих местах отвесные стены ущелья вздымаются над рекой на сто, даже на триста метров, и с той и другой стороны над береговыми утесами высятся крутые скаты гор: зритель, стоящий внизу, на дне ущелья, видит над головой лишь узкую, разорванную полоску неба. Поток, скользящий по очень наклонному скату, представляет из себя сплошную массу пены; тем не менее золотоискатели спускались по этим опасным порогам, привязанные к бревнам, которые ударялись о скалы. В период мелководья можно было почти везде идти по берегу или по обсохшему ложу, но во многих местах приходилось карабкаться по стенам или даже пробираться по качающимся мосткам, привешенным к выступу горы: золотоискатели не без основания прозвали эту реку Crazy-river, т.е. «рекой дураков», потому что каждый год в станциях устья вылавливали трупы погибших смельчаков. Возможно также, что этот эпитет «глупцов» применялся вообще к золотоискателям, пускавшимся на удачу в верхния долины неведомой реки[2].

Фразер действительно судоходен только в нижней части своего течения, начиная с того места, где он меняет направление (с севера на юг), поворачивая на запад, чтобы идти прямым путем к морю. В среднем, глубина воды в низовьи не менее 15—20 метров, так что верст на пятьдесят вверх от устья суда везде могут бросать якорь у самого берега; единственную опасность для судоходства представляют стволы деревьев, приносимые течением и задерживающиеся на песчаных мелях. Самое низкое стояние воды бывает в первые три месяца года, когда снег покрывает склоны гор; но в апреле начинается падение лавин, образуются ручьи, и вскоре вода в реке поднимается, достигая наибольшей высоты в летние месяцы. Уровень разлива, в теснинах, на 10, а по выходе из этих ущелий, на 8—10 метров выше

1 R. C. Mayne, „Four Years in British Columbia“.

2 G. M. Grant. „From Ocean to Ocean“.

самого низкого уровня; соседния с устьем низменные равнины в это время бывают сплошь затоплены. Наносы, увлекаемые течением за черту прежнего побережья, выступают в залив Георгии в виде болотистого полуострова, среди которого разветвляются изменчивые рукава дельты. Вдоль морского берега лес тянется непрерывной линией, так что Ванкувер, во время своего путешествия в эти края, не приметил входа в реку. Переход через бар, запирающий наполовину устье и называемый «Осетровой мелью» (потому что индейцы ловили тут рыбу), довольно легок; в первое время колонизации, когда фарватер ещё не был обозначен вехами и буйками, суда, которым случалось завязнуть в песке при проходе, без труда высвобождались с наступлением прилива, благодаря спокойному состоянию вод, защищаемых со стороны моря, словно гигантским волноразбивателем, островом Ванкувер[1].

Соединенные Штаты забрали себе львиную долю при разделе западных территорий Америки, и Великобритания должна была уступить почти весь бассейн Колумбии; ей удалось удержать за собой только верховья этой реки до слияния её с притоком Кларк (Clarke's river или Clarke's fork). Этот остров странной формы, вырезанный среди гор двумя полукругами верхней Колумбии и Кутенэ, находится, за исключением его южной оконечности, в территории канадской конфедерации. Едва-ли где-либо можно встретить географическое образование более любопытное, чем этот массив гор Селькерк, окруженный, словно исполинская цитадель, рвом из судоходных рек. Колумбия представляет почти единственное в своем роде явление; она уже при самом рождении имеет вид большой реки. Сразу расширяясь в озеро, она судоходна от самого истока и отделена от другой судоходной реки, Кутенэ, лишь невысоким перешейком, в 2.400 метров ширины, через который без труда прорыли соединительный канал. Очевидно, длинная впадина, в которой эти две реки, Колумбия и Кутенэ, текут в противоположном направлении, была вырыта одними и теми же геологическими деятелями: по исследованиям Даусона, прежде эта долина имела в общем наклон к югу; в этом направлении были переносимы эрратические камни и другие глетчерные обломки.

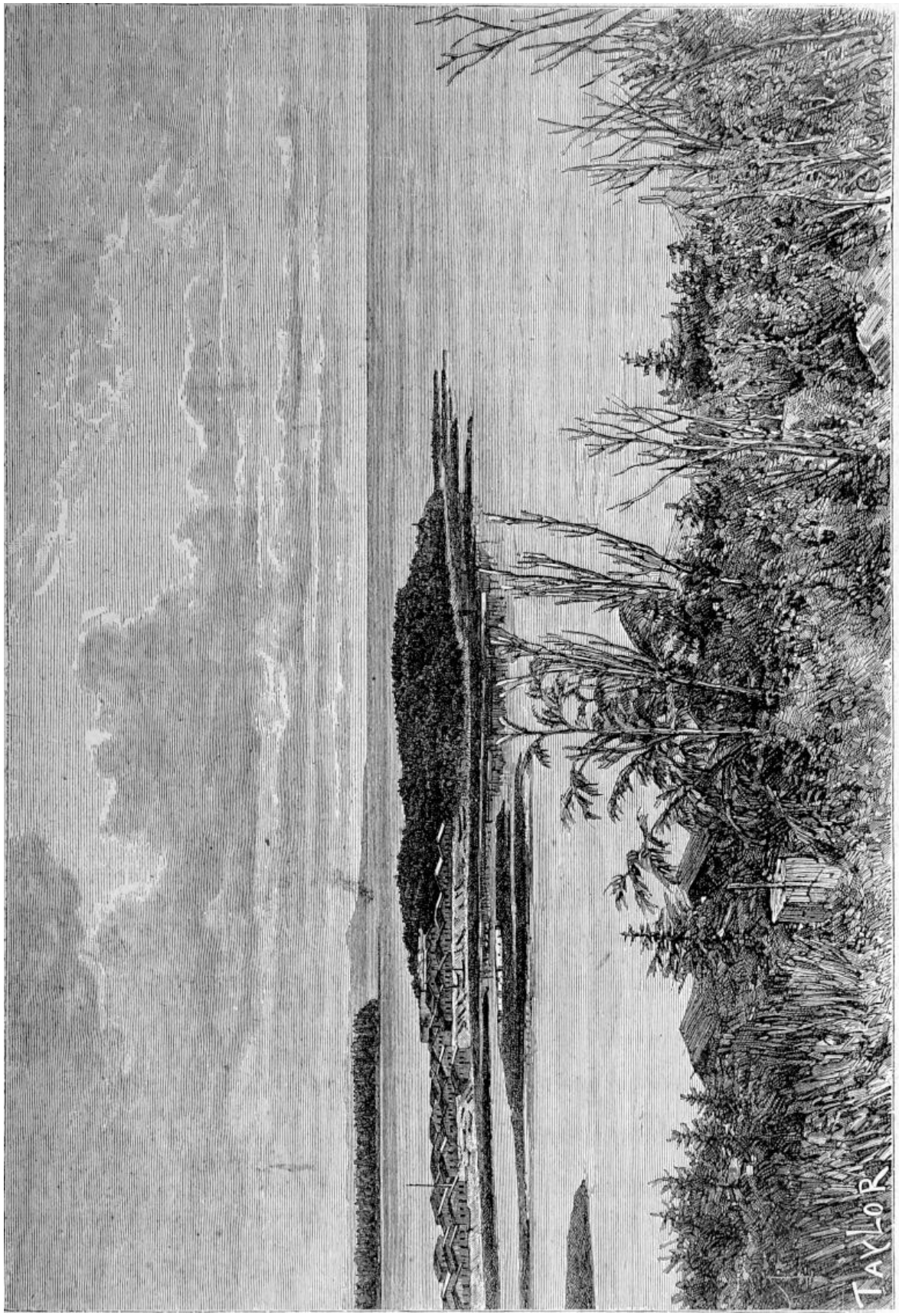
Ныне верхняя Колумбия, то озеро, то река, течет у западного основания Скалистых гор, на протяжении около 300 километров, затем, подобно верхнему Фрезеру, круто поворачивает к югу; обе реки следуют одинаковому направлению в своих верховьях. В дальнейшем своем точении Колумбия расширяется и образует два озера «Стрелы», верхнее и нижнее (Upper Arrow-lake и Lower Arrow-lake), после чего соединяется с Кутенэ; эти две реки, соприкасающиеся в своей горной колыбели, сливаются в 700 километрах от своего начала. В действительности одна и та же складка Скалистых гор, от южного изгиба Кутенэ, в Соединенных Штатах, до территории Кассиар, к северу от 56 градуса широты, занята последовательно различными реками, принадлежащими к разным бассейнам,—Кутенэ, Колумбией, Фрезером, Парснип-ривер и другими. О происходивших в течение веков изменениях уровня двух главных рек и их озер свидетельствуют прежния линии уровня, наблюдаемые на разной высоте на боках гор, подобно тому, как это мы видим в заливах Аляски, в Куковом фиорде (Cook's inlet) и в проливе Короля Вильяма. Эти параллельные террасы или «скамьи» (benches), как их называют жители Колумбии, составляют одну из самых обыкновенных черт рельефа страны, особенно в бассейнах Фрезера и Колумбии. Во многих местах они расположены одна над другой совершенно правильными уступами, словно ступени лестницы, поднимаясь до высоты 1.000 метров и более; одна терраса, в соседстве большой северной излучины Фрезера, достигает высоты 1.606 метров. Что касается происхождения этих террас, то оно, очевидно, было различное, смотря по местности: в зависимости от бесчисленных колебаний уровня почвы, эти высокие «скамьи» были морскими берегами, озерными пляжами или речными ложами[2].

В юго-западном углу Британской Колумбии, т.е. в том месте, где средняя температура наивысшая, проходит изотермическая линия 10 градусов Цельсия, соответствующая изотерме Парижа; но, начиная от этого угла, теплота постепенно уменьшается на север и на восток,

1 R. C. Mayne, цитиров. сочинение.

2 G. M. Dawson, цитиров. сочинение.

и около северо-восточного угла, на другом конце страны, годовая изотерма, приведенная к уровню моря, показывает только около 2 градусов; это тот же климат, что и в Виннипеге. Под влиянием ветров и морских течений, изотермические линии приподняты к северу вдоль

Фортъ Симпсонъ на Мэкензи.

морского берега; вместо того, чтобы направляться от востока к западу, совпадая с градусами широты, они ориентированы по направлению с юго-востока на северо-запад и даже, на северном побережьи, следуют параллельно морскому берегу. По странной аномалии, доказы-

вающей, насколько географическая широта играет второстепенную роль в климатах, лето на острове Ванкувер теплее, чем в Калифорнии, до Монтерея, лежащего на 13 градусов южнее; этим любопытным извращением климатических условий колумбийский остров обязан влиянию теплых вод японского гольфстрема[1].

Если в Британской Колумбии средняя температура наиболее населенной и торговой области та же, что во Франции, то эта территория сходствует с последней также по разности между зимними холодами и летними жарами, разности менее значительной, чем в странах, лежащих внутри континента. Однако западный берег Америки не имеет, в смысле уравнительности климата, тех же выгод, как умеренная зона Европы. Берег этот имеет, правда, по крайней мере в Колумбии, многочисленные вырезки, *inlets* или «входы», которыми воды моря проникают далеко внутрь материка: но что значат эти заливы и фиорды в сравнении с внутренними морями, омывающими Европу вплоть до восточной её стороны и даже частию с этой последней стороны? Следствием этого различия является тот факт, что крайности температуры представляют, на известной широте колумбийского побережья, разность более значительную, чем в соседстве соответствующих берегов атлантической Европы: зимы там продолжительнее и холоднее, лето же короче, но жарче; умеренные климаты преобладают лишь на берегах Ванкувера и на прибрежных полуостровах. Зима начинается обыкновенно в сентябре или октябре и продолжается до мая, и в этот длинный зимний сезон снег, дождь, изморози, туманы очень часты; вообще колумбийское небо не имеет той чистоты и ясности, какою отличается атмосфера Канады. Внутренния озера и реки покрываются льдом; даже Фразер иногда замерзает в нижней части своего течения. Значительная средняя высота страны (слишком 1.000 метров) также способствует суровости климата: впрочем, холода не главное препятствие заселению края: где почва плодородна, где климат не слишком сырой, где средства сообщения удобны, там уже группируются жилища колонистов европейского происхождения. Вот некоторые результата метеорологических наблюдений, дающие понятие о климате южной части края.

Температура южной Колумбии (Новый Вестминстер, под 49°12' с. широты): самый теплый месяц (июль) 16,6°, крайняя: 31°,7; самый холодный месяц (январь): 1°,6, крайняя: --9°,7: средняя годовая: 8°,7; годовое выпадение дождя и снега: 1,572 метра, в 198 дней.

Приносимые ветрами с Тихого океана, дожди выпадают преимущественно на западные скаты гор. Благодаря общему расположению Британской Колумбии, представляющей наклонную плоскость, обращенную к морю, начиная от хребта Скалистых гор, различные области страны получают каждая большую или меньшую долю атмосферных осадков, но между восточными и западными покатостями этих цепей замечается резкий контраст. Известно, как велика разница между голой стеною Скалистых гор, господствующей над «Пьемонтом» Альберты, и лесистыми склонами массива Селькерк; но в во всех других частях территории можно наблюдать подобные же противоположности, происходящие от рельефа гор. Так, огромная масса Ванкувера стоит, словно экран, перед южной Колумбией и принимает почти все дожди на свои западные скаты; говоря относительно, берега, окаймляющие пролив Георгии, на Ванкувере и на материке, принадлежат к поясу бездождия. На севере, часть колумбийского побережья, выставленная всей силе волн и ветров, без ограждающего кордона островов, получает на свои береговые утесы и в свои фиорды значительное количество атмосферной воды. Дожди всего обильнее, кажется, против пролива Диксон, отделяющего острова Королевы Шарлоты от аляскинского архипелага. Впрочем, горы, находящиеся на острове Граам и его южном продолжении, слишком изолированы, чтобы могли преграждать путь дождевым ветрам, и потому последние выливают почти всю свою ношу на горы материка. Периоды засухи, говорят, не редки в архипелаге Королевы Шарлоты. Замечено, что грозы на этих островах вообще продолжаются шесть часов, так что, следовательно, совпадают с периодом морского прилива[2].

---

1 Lorin Blodget, „Meteorology of United States".

2 Francis Poole, „Queen Charlotte Islands".

Растительность соответствует обилию дождевых вод. В южных областях Колумбии, не подвергающихся частому действию влажных ветров, горные скаты покрыты большею частию кормовыми травами; почва там одета той *bunch-grass* или «травой, растущей пучками», которую так любит скот, и которая много способствует благосостоянию Британской Колумбии. Эти пастбища, куда пускают скот круглый год, даже зимой, несмотря на снег, вообще неглубокий, поднимаются по склонам гор до тысячи метров,—высоты, на которой можно сеять пшеницу, составляющую другое богатство края. Большая часть территории получает дождь в достаточном количестве для питания высокой древесной растительности, и в некоторых областях леса так густы и обширны, что многие из первых путешественников говорят о Британской Колумбии как о сплошном громадном лесе. Но во многих равнинах чрезмерно большая влажность почвы потопляет семена деревьев или препятствует их росту. Торфяники образуются даже на склонах гор, и вода безпрерывно сочится из этих губчатых масс.

По Даусону, леса покрывают около двух третей всей площади Колумбии. Преобладают большие хвойные деревья; особенно кедр и различные породы сосны достигают гигантских размеров. Драгоценнейшее из тамошних деревьев, «желтая» или «Дугласова» сосна (*abies Douglasii*), в некоторых местах достигает высоты 100 метров, и первые ветви выделяются из ствола лишь на расстоянии 30 метров от земли; ствол у неё прямой, корона имеет форму правильной пирамиды. Нет дерева, которое бы превосходило Дугласову сосну чистотой древесины, силой, эластичностью, выносливостью против перемен температуры. Сосна эта встречается почти во всём бассейне Фразера, но самых крупных размеров она достигает в южной части страны и особенно на острове Ванкувер, откуда семена её были вывезены в Англию и в остальную Европу. Некоторые другие хвойные деревья, между прочим, белая и канадская сосна, тоже принадлежат к числу полезнейших лесных пород Колумбии; одна из них, *pinus lambertiana*, дает сладкую смолу, которую туземцы употребляют вместо сахара. Клен, тополь, осина соперничают высотой с соснами, кроме желтой; но береза, редкая в южных округах, ростет там вообще в виде кустарника; только в северных областях она принимает размеры большого дерева; ствол и кора её служат там материалом для постройки лодок[1]. На острове Ванкувер, ежовка или толкнянка, имя которой указывает на её малорослость в средиземном климате, является величественным деревом. Колумбийская флора очень богата растениями, особенно из числа кустарников, приносящими съедобные ягоды. Индейцы собирают массы этих плодов и продают их белым людям; даже отправляют ягоды целыми грузами в Сан-Франциско. Наконец, нет ни одного растения, свойственного флоре европейских стран, лежащих к северу от Альп и Пиринеев, которое бы не удалось с успехом развести в Колумбии. Фруктовые деревья дают там превосходные плоды.

Большие звери довольно редки в Британской Колумбии. Серого медведя, страшного *grizzly*, но видать более по сю сторону Скалистых гор; в остальной же стране встречается только черный медведь, никогда не нападающий на человека. Один вид пантеры, пума или *felis concolor*, распространен в северном направлении до долины Фразера и острова Ванкувер: это зверь безвредный для человека; обыкновенно он избирает себе убежищем большие деревья, где его легко настигает пуля охотника. Великолепные горные овцы, с изогнутыми рогами и длинной белой шелковистой шерстью, прыгают по скалам колумбийских гор, и ниже, на травяных плоскогорьях, в равнинах и на островах, живут канадский олень (rangifer caribou), или карибу (прежде «carreboeuf» или «cerbeuf»), и уапити; обыкновенный олень особенно распространен на лесистых островах побережья, куда он убегает от волков. Эти последние показываются колонистам, бродя около стад, только в суровые зимы; обыкновенно же они скрываются в глубине лесов. Несколько бизонов, пришедших с равнин из-за Скалистых гор, бродят ещё, говорят, на некоторых пастбищах океанской покатости. Что касается пушных зверей, то в Колумбии водятся почти все виды, свойственные Аляске и равнинам Мэкензи, куница, лисица, визон, или канадский хорек, и бобр; даже морская выдра существует ещё в северо-западных водах Ванкувера. Ядовитых змей нет в Колумбии, но есть

1 R. C. Mayne, цитиров. сочинение.

несколько видов ужей,—лакомая добыча для индейских охотников.

Мир птиц довольно богат различными формами; не успеет ещё сойти снег на склонах гор, как уже появляются колибри разных видов, резво порхающие с куста на куст; но обилием и разнообразием своей ихтиологической фауны Колумбия превосходит, вероятно, все страны умеренного пояса. Форель, семга и белорыбица, палтус, карп, осетр, мерлан, сельдь, сардинка, анчоус и многие другие породы рыб в несметном множестве населяют бухты и реки; по странному исключению, щука отсутствует среди этого населения вод. Тресковая мель, идущая вдоль южных берегов Аляски, продолжается в море против Колумбии, и воды, заключающиеся между архипелагом Королевы Шарлоты и островом Ванкувер, населены «черной треской», мясо которой, говорят, нежнее мяса настоящей трески. Между ракообразными не видать омаров, но креветки и крабы кишмя кишат у тамошних берегов, также как устрицы и ракушки. Обилие рыбы в колумбийских реках было так велико в первые годы белой колонизации, что плоские берега ниже водопадов покрывалась, во время подъема рыбы для метания икры, бесчисленным множеством лососей, не успевших перейти порог; при быстром спаде воды в Фразере масса мяса, оставленного рекой, предавалась гниению в лужах. Рыбу ловили сотнями и тысячами штук посредством сетей, боченков и даже граблей; подвигаясь при помощи багра, лодочники невольно гарпонировали лососей[1]. Надо опасаться, что лесопильные заводы, устроенные по берегам рек, разгонят рыбу, отравляя воду падающими опилками, как это случилось в Канаде; однако, ещё в 1879 году количество семги, поднимающейся по рекам, было так значительно, что опасались за целость мостов. К числу рыб колумбийской фауны, особенно ценимых краснокожими, принадлежит также гулакан, «масляная рыба» или «рыба-свечка», которую эти туземцы, подобно эскимосам Аляски, зажигают для освещения своих хижин.

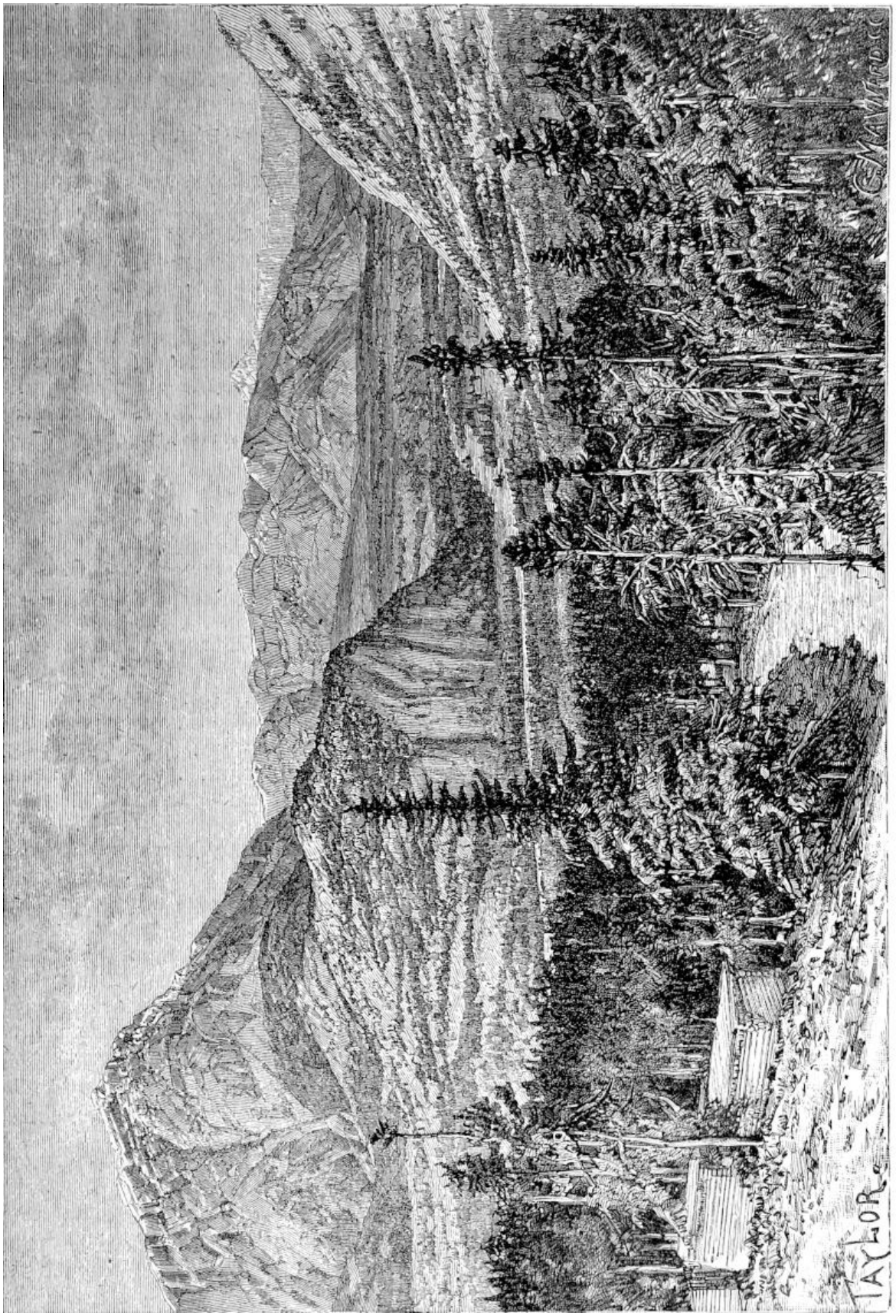
Коренное население Британской Колумбии крайне малочисленно, и по причине разбросанности на огромной территории разделено на множество племен, не имеющих между собой никакой связи. Общую численность его определяют разно, от 30.000 до 40.000, и различные наименования, применяемые в разных областях к народцам одинакового происхождения и сходных нравов, насчитываются десятками. Нет возможности классифицировать эти различные группы населения по племенному и глоссологическому родству, так как большинство путешественников, посетивших этот край, не знали языка туземцев и должны были прибегать к помощи переводчиков; к тому же теперь было бы слишком поздно изучать племена, который уже угасли, или у которых первоначальные черты изгладились под влиянием рабства и деморализации. В общем, коренное население делят на две главные группы, помещая в одну островитян и поморов, а в другую—жителей внутренней Колумбии[2]. Классификация эта основана на различии нравов и промыслов, потому что одни, рыболовы или моряки, существуют рыбой, тогда как другие, звероловы, прокармливаются лесной дичью. За неимением общего национального наименования, племена островов и побережья были названы родовым именем колумбийцев, которое применяется также к прибрежным населениям Вашингтона и Орегона, в Соединенных Штатах. Народцы внутренней Колумбии обозначаются именем «краснокожих» или «индейцев», и, без сомнения, многие из них родственны дикарям, обитающим за Скалистыми горами; но различие происхождения должно быть очень велико, ибо мало найдется местностей, где бы замечалось столько контрастов в языке близких между собою групп населения. Ясно обособленную этнографическую семью составляют гайдасы, населяющие архипелаг Королевы Шарлоты (Гайда-куэа) и почти весь остров Принца Валлийскаго, а также противолежащее побережье в южной Аляске и в Колумбии[3]. Различные народцы известны под именем обитаемых ими местностей или рек, доставляющих им рыбу: таковы народцы насс, скена, беллакула.

1 C. R. Mayne, цитиров. сочинение;—Francois Mercier, рукописные заметки.

2 G. M. Sproat, „Scenes and Studies of Savage Life“.

3 G. M. Dawson, „On the Haida Indians of Queen Charlotte islands“.

Территория, занимаемая всеми племенами народа гайда, простирается на восток до верхнего бассейна Фразера и может быть приблизительно определена в 80.000 кв. километров,— пространство громадное для населения, численность которого, вероятно, не достигает и

Банфскіе теплые источники въ долинѣ рѣки Аркъ.

15.000 душ; в архипелаге Королевы Шарлоты, где некогда обитало многочисленное население, как о том свидетельствуют остатки прежних деревень, теперь, по исчислению Даусона, общая цифра туземцев не доходит даже до 200 душ. По общему мнению этнографов, гайда-

сы более родственны тлинкитам (колошам), своим северные соседям, чем сопредельным южным племенам; но язык существенно разнится. Те из гайдасов, которых не испортили европейские пороки, отличаются между всеми населениями западной Америки стройностью, силой и ловкостью и даже правильностью черт лица. О туземцах племени касс путешественники говорят, как о самых красивых из колумбийцев. Однако, преобладает всё-таки тип, характеризуемый широким лицом, выдающимися скулами и маленькими глазами, сверкающими под выступающей бровной дугой. Женщины отличаются сильной мускулатурой, но вообще они менее красивы, чем мужчины, и ещё недавно безобразили себя введением в нижнюю губу кружков из дерева, кости или металла; в некоторых округах даже мужчины носили такого рода украшения; прежде, по словам Ванкувера, они подпиливали себе зубы до самого корня. В некоторых племенах, между прочим у беллакулов, матери сплющивают череп своим новорожденным детям. Мужчины и женщины тщательно выщипывают себе волосы. Некоторые девушки татуируются; до недавнего времени существовал обычай раскрашивать тело в тот или другой цвет, сообразно характеру празднества или церемонии. Для траура, гайдасы вымазываются черной краской; для пляски, они разрисовывают себе грудь фигурами четвероногих, рыб, птиц, валяются в пуху, прячут лицо под маской, изображающей морду какого-нибудь животного; но в бешеном экстазе пляски они часто сбрасывают личину и кидаются на первую попавшуюся собаку, разрывают её и пожирают её мясо[1]. В прежнее время плясавшие бросались не на собак, а на людей, чтобы насытить метавшагося в них духа[2].

До прибытия европейцев, гайдасы не имели другой одежды, кроме звериных шкур и рогож, иногда с прорехой по середине, как пончо мексиканцев, для защиты бюста от дождя. Жилища состояли из пучков кольев, расположенных в форме пирамиды и прикрытых корой или шкурами. Но были у них и большие здания, принадлежавшие главарям или предназначенные для народных собраний. Пуль рассказывает об одном из таких дворцов (в архипелаге Шарлоты), где одновременно могло поместиться до семи сот человек. В холодных областях севера дома наполовину вкопаны в землю; в южных округах, напротив, они сидят на помостах, на высоте нескольких метров над уровнем почвы. Некоторые из них украшены резьбой, и перед иными водружен, как перед жилищами колошей, шест с тотемом, изображающий генеалогическое дерево. Искусство и ловкость гайдасов выказываются особенно в постройке и украшении лодок, которые они приводят в движение с изумительной быстротой при помощи своих лопатообразных весел. Самые красивые пироги, выдолбленные в стволе кедра,—у кайганов, островитян архипелага Принца Валлийского, славящихся, кроме того, на всём соседнем берегу тщательной отделкой приготовляемых ими резных работ, трубок для куренья и других вещиц, с разными затейливыми украшениями. Гайдасы побережья и островов, почти все рыболовы, проводят часть жизни на воде; одна из самых обыкновенных болезней у этих поморов—опухлость ног, происходящая от вынужденной неподвижности в лодках. Замечательно, что гайдасы островов Шарлоты, так похожие во многих отношениях на полинезийцев, совершенно были незнакомы с искусством плавания[3].

Власть принадлежит богатству. Главари, из которых многие властвуют деспотически, сдерживаются, однако, некоторыми традиционными обычаями. Наследство переходит от дяди к племяннику через сестру, и во многих племенах преобладает ещё матриархальный быт: командует главариха. Законов нет никаких, но убийца, если он не уплатил выкупа, часто предается смерти, после совещания между именитейшими членами племени. Рабство существует, либо путем купли, либо по праву победителя над пленниками, и вследствие того, нередко случалось, что главари убивали людей, либо для погребальных церемоний, либо для придания пролитием человеческой крови большей силы заклинаниям, ибо главари, как колдуны прежде всего, слывут и выдают себя за имеющими власть над духами; они утверждают,

1 G. M. Dawson. „On the Haida Indians“;—Aurel Krause, „Die Thlinkit-Indianer“.

2 Elie Reclus, рукописные заметки.

3 Francis Poole, „Queen Charlolte islands“.

что духи у них заперты в таинственной коробке, чтобы всегда иметь их к своим услугам. Зимой они собирают людей племени для вызывания добрых духов. Все акты жизни урегулированы таким образом, чтобы умилостивить невидимые силы. Так, колумбийцы Мильбанк-зунда справляют свадьбы всегда в открытом море, на помосте, установленном на лодках, иначе новобрачным не уйти бы из рук демона, бродящего в лесах.

Пьянство и особенно страсть к игре сильно деморализовали многие гайдасские народцы; впрочем, в последнее время замечается некоторый прогресс, особенно на островах Королевы Шарлоты, жителя которых сделались хорошими земледельцами: прежде они обогащались охотою на морскую выдру, но с тех пор, как этот пушной зверь исчез, стали садить картофель, и теперь вывозят этот продукт в большом количестве на побережье континента: иной раз целые флотилии в сорок или пятьдесят лодок везут грузы картофеля к постам, где периодически бывают рынки; до недавнего времени они культивировали также «индейский табак», род *nicotiana*, который жевали на манер перувианской коки, и который теперь заменен настоящим табаком, ввезенным европейцами. Одно из племен, шимсиан или метла-катла, названное так от полуостровной территории, которую оно занимало на севере от заливообразного устья реки Скены, совершенно оставило прежний образ жизни, чтобы стать под неограниченную власть миссионера, который является в одно и то же время царьком, священником, наставником, общим владельцем общественного имущества. Эти шимсианские христиане, одевающиеся по-европейски и живущие, как пролетарии Европы, хорошо дисциплинированные, недавно вынуждены были эмигрировать на север, в американскую территорию, вследствие религиозных столкновений и особенно вследствие особого торгового соперничества между их духовным и светским главой и английскими коммерсантами.

Нуткасы, населяющие остров Ванкувер и противолежащий берег материка, были названы так Куком, неизвестно почему, так как сами туземцы не знают этого слова. Многие из их племен, на Ванкувере, обозначаются родовым названием «ат», по окончанию применяемых к ним специальных имен. Принимая за основание различие наречий, нуткасов можно бы разделить на четыре отличные одна от другой семьи[1], но обыкновенно их классифицируют по месту обитания, так что географические названия и имена племен смешиваются. Взятые в массе, нуткасы более коренасты и малорослы, чем гайдасы; физиономия у них менее выразительна; у некоторых глаза скошенные, что, вместе с темно-бурым цветом кожи, плоским лицом, редкой бородой, делает их удивительно похожими на китайцев. Натуральный цвет их немного темнее, чем у гайдасов, но разницу нельзя заметить, потому что они также имеют привычку краситься красной охрой, и эта краска покрыта ещё толстым слоем жира, испещренного блестками слюды. Выщипывание волос тоже практикуется всеми; до прибытия европейцев матери обыкновенно сплющивали лоб у новорожденных, так как эта форма считалась наиболее приличествующей свободным людям, и кроме того, они сообщали верхушке черепа остроконечную форму при помощи повязок из материи и древесной коры. Обычай этот господствовал особенно в племени квацино, около северной оконечности острова Ванкувер. Путешественник Мэн измерил голову одной молодой девушки, имевшую не менее 45 сантиметров высоты над линией глаз[2].

У нуткасов, также как и у их северных соседей, сохранились ещё следы матриархальных учреждений: замужняя женщина равноправна с мужчиной, и даже, в случае развода, имеет право не только унести свое приданое и вообще лично ей принадлежащие вещи, но, кроме того, взять часть общего имущества. Молодых девушек при наступлении периода возмужалости запирают на несколько дней в отдельное помещение с лишением пищи, при чём принимаются все меры к тому, чтобы ни один луч солнца, никакой отблеск пламени не осветил заключенной, так как всякая подобная случайность повлекла бы за собой большие беды. Знахари пользуются большой силой, и их все боятся, как и в племени гайда; по их-то наущению и происходили те частые сцены убийства людей и каннибализма, о которых расска-

1 Grant, „Journal of the R. Geographical Society“, 1847.

2 „Four Years in British Columbia and Vancuver Island“;—Alex. Mackenzie, etc.

зывают первые путешественники. В прежнее время, после битв, все пленные, за исключением оставленных в качестве рабов, были обезглавливаемы, и часто мясо их было пожираемо[1]. Подобно гайдасам, нуткасы почти всегда сжигали своих покойников, но церемония похорон не подчинена никаким точным правилам, и часто труп кладут в колоду или на помост, украшенный иногда символическими фигурами, изображающими тотем или характеристическое животное клана. Во время погребений, богачи любят показать свое богатство, разрывая покрывала, ломая или разбивая ценные вещи; у этих туземцев главным побуждением к скопидомству служит желание иметь возможность расточать свои достатки в припадке хвастовства; иной главарь даже голодает, чтобы только дать больше в великий день *потлача*, или раздачи имущества. Происхождение этого обычая, смысл которого уже утрачен у практикующих его, коренится в понятии, что умерший отправляется на тот свет не только со всеми своими пожитками, но ещё обогащенный щедротами своих друзей[2]. Впрочем, бывают случаи, в которых зажиточный обязан дать: это когда к нему является человек, принадлежащий к тому же клану и носящий на теле изображение того же символического животного, и взывает к чувству благоговения пред общими предками.

Нуткасы вообще очень упорствуют в язычестве. Белые люди делают из них слуг, чернорабочих, но не христиан, и при том с теми из туземцев, которые принимают это имя, обращаются не как с равными: если их не убивают, то покидают их на произвол судьбы. Индейцы, жившие на территории, которая теперь занята городами, принуждены были разбрестись в разные стороны или устроить себе логовище в убогих предместьях, где они быстро угасают в пьянстве, разврате и нищете. Из всех нуткасов самые испорченные нравственно— это сонги в Виктории. На Ванкувере очень мало туземцев, живущих самостоятельно: большинство влачит жалкое существование в качестве чернорабочих, носильщиков и рудокопов, на службе у белых людей. Недавно у них оставалась ещё одна статья торговли—раковина (dentalium), которую северные колумбийцы, тлинкиты и особенно индейцы Аляски употребляли, как губной диск, и которая служила индейцам внутренних областей, до берегов Мэкензи, денежным знаком при сделках с европейскими торговцами; русские, вводившие эти раковины в Аляску, называли их *цукли*. Подобно другим народцам Колумбии, нуткасы объясняются с иностранцами на шинукском жаргоне, названном так от могущественного племени, живущего южнее, в Соединенных Штатах: слова французские, английские, даже канадские, наконец, простые звукоподражания смешаны в этом разговорном идиоме с шинукской основой. Этот «французский язык» заключает в себе около 550 слов.

Нечувствительные переходы сближают нуткасов с их восточными родичами, колумбийцами, которым дали родовое имя «шусвап» (шушуап), по озеру, лежащему почти в центре их территории; но они делятся на множество народцев, имеющих каждый свое особое наименование: таковы никута-муш или «Ножи» (Couteaux, как их называют канадские путешественники), живущие на берегах Шусвапа и его притока, р. Томсон; атна или «чужеземцы», которых встречают в долине Фразера, выше ущелий; кутенэ, названные так по имени реки, огибающей на юге горы Селькерк. Шусвапы, особенно кутенэ, выгодно отличаются от колумбийцев-поморов большей стройностью, большей физической силой, более благородной осанкой и поступью: это охотники, привыкшие управлять лошадью; уже полутора-годовалые ребята держатся верхом на коне. У шусвапов нет невольников; вообще они гораздо гостеприимнее, прямодушнее, мужественнее своих западных соседей; белые хвалят их прямой нрав и храбрость, что, однако, не мешает им отнимать у этих туземцев свободу и землю. Первые золотоискатели ринулись именно в территорию шусвапов, сея смерть кругом себя; многие кланы туземцев исчезли, другие вымирают, и нищета, сифилис, эпидемии скоро истребят оставшихся в живых.

Аборигены, живущие в северо-восточной части Британской Колумбии, не принадлежат к той же семье народов, как обитатели прибрежья: это «индейцы», «краснокожие» атабас-

1 Cook;—Vancouver;—Marchand;—Duflot de Mofras;—Peron;—Meares;—Jacobsen, etc.

2 Elie Reclus, рукописные заметки.

кинский расы, соплеменники индейцев, кочующих в равнинах к востоку от Скалистых гор. Канадские путешественники дали им родовое название «Porteurs» (носильщики)—по-английски «Carriers»,—вполне оправдываемое их привычками номадов. Одно из их племен, тах-килли, занимает равнины, простирающиеся между большим изгибом Фразера и рекой Мира: оно родственно с племенем «Бобров», живущим за Скалистыми горами; так же, как некоторые индейския племена на Юконе, «носильщики» сжигали тела умерших, и во время горения трупа мужа жена несколько раз прикладывала руку к груди своего покойного супруга; после похоронной церемонии, вдова становилась невольницей и должна была служить мужниной родне впродолжении одного или нескольких годов, прежде чем могла снять траурные одежды[1]. Далее, к югу, на нижнем Фразере, начинается область племен салиш, сагаптин, скагит, шинук и других краснокожих Соединенных Штатов. Специальные наименования различных народцев оканчиваются слогом *тин*, соответствующим слову *тинне* или *дене*, которое в Аляске и Северо-Западной территории служит для обозначения «людей» индейской расы.

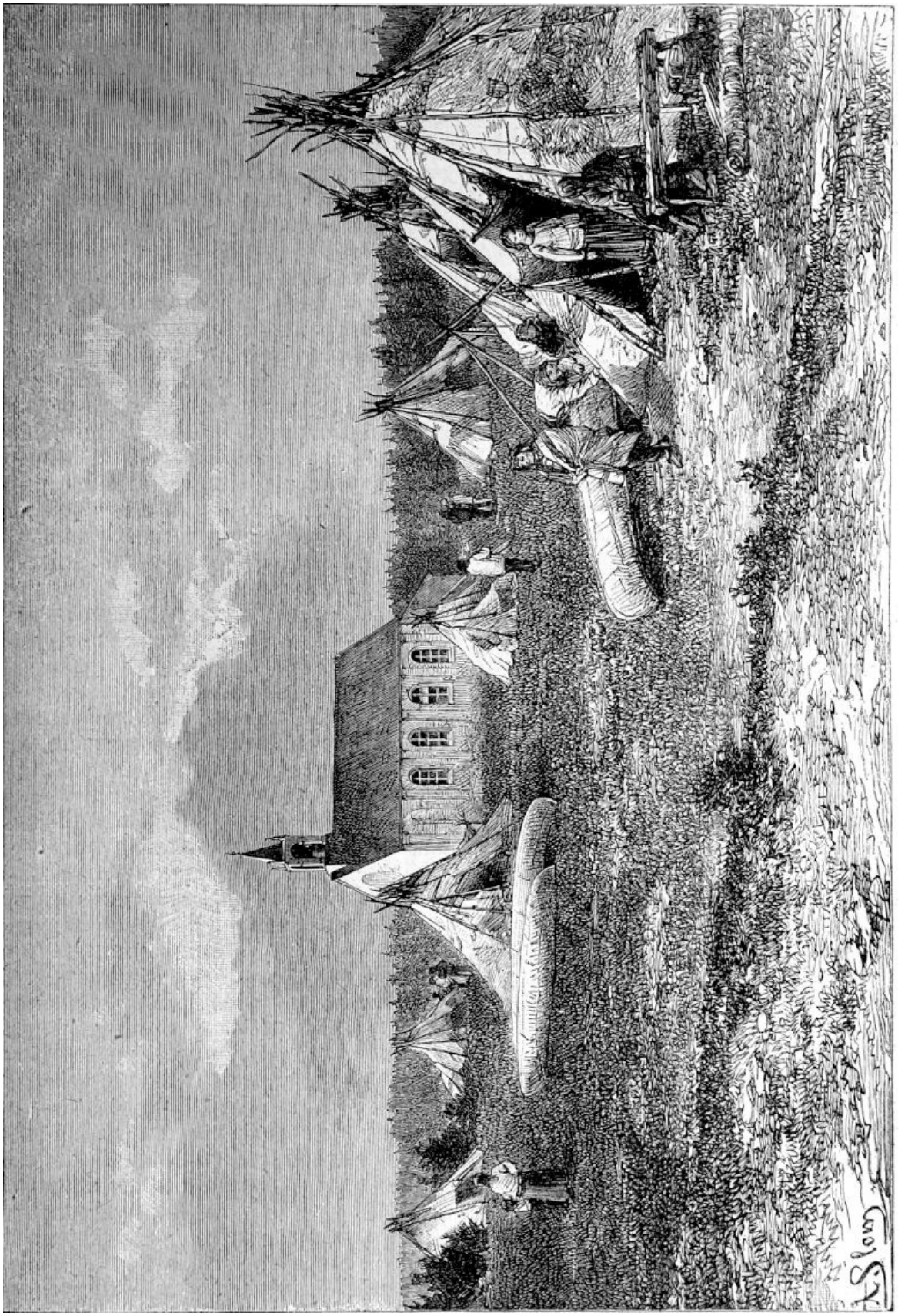
Белое население почти в три раза превосходит по численности аборигенов, и эта разность возрастает с каждым годом: исчисляют приблизительно в сто тысяч общую цифру представителей белой расы, почти исключительно англичан или американцев англо-саксонского происхождения и языка. Вслед за белыми явились китайцы, и если не прибегнут к мерам изгнания, как в Калифорнии и Австралии, то кончится тем, что эти желтолицые пришельцы совершенно монополизируют некоторые отрасли промышленности. Колонизация края белыми началась только со второй половины настоящего столетия. Это «золотой горячке» Британская Колумбия обязана, если не первыми обитателями европейского происхождения, то, по крайней мере, первой систематической иммиграцией. Индейцы давно уже собирали блестки драгоценного металла, но открытие россыпей в собственном смысле совершилось лишь в 1856 г., на берегах Фразера, затем в долине Томпсона. Тотчас же нахлынули искатели из Калифорнии; вскоре сделаны были новые находки, и в 1858 году последовал великий прилив рудокопов. В Колумбии нет реки, которая не катила бы частиц золота в своих песках: от Скалистых гор до острова Ванкувер и от реки Кутенэ до реки Мира золотопромыватели везде собирали драгоценный металл, но не всегда в количестве, достаточном для того, чтобы эксплоатация могла быть продолжаема правильно и прибыльно. В начале наибольшее количество золота давали берега нижнего Фразера и Томпсона, затем область Карибу, к югу от большой излучины Фразера; потом золотоискатели потянулись на север, к проливу Гарднер, долине р. Скены и долине р. Оминека, притока реки Мира; затем, в 1872 году, толпа устремилась, по следам трапперов Тибера и Мак-Куллоха, в территорию Кассиар, между притоками Стиккена и реки Тополей, близ границ Аляски; там и теперь ещё работают некоторые запоздалые искатели, преимущественно терпеливые китайцы (в 1874 г. в Кассиаре было добыто золота на сумму 5.200.000 франк., а в 1887 г. уже только на сумму 74.000 франк.). В первые годы лихорадочной эксплоатации, когда все другие работы были подчинены золотопромышленности, годовая добыча этого металла в Колумбии простиралась до 20 и 25 миллионов франков, даже до 35 миллионов в 1861 году. Затем, когда многие прииски истощились, добыча колебалась между 3 и 5 миллионами в год (в 1892 г. не превышала 2 мил. франк.); но в последние года она значительно поднялась. Исчисляют в 281 миллион общую ценность золота, извлеченного из колумбийских рек в период с 1858 по 1888 год[2]. Страна имеет также несколько богатых месторождений самородного серебра.

В последнее время горный промысел перешел в другие руки. Теперь уже очень редко встретишь вольных золотоискателей; рудокопы служат на жалованьи у компаний, которые розыскивают рудные жилы и употребляют машины для раздробления кварца и золотоносных сланцев. Общее строение колумбийских гор показывает, что золото там распределе-

1 Thomas Simpson, „Narrative of Discovery on the North Coast of America“.

2 George M. Dawson. „The Minerai Wealth of British Columbia“;—D. Oppenheimer, „The Mineral Resources of British Columbia“.

но так же, как в Калифорнии, и золотопромышленники пользуются, при новых разведках, результатами опыта своих предшественников. В горных округах, откуда индейцы ещё не выгнаны, их употребляют по большей части на самые трудные работы. Однако, один индей-

Постъ Гудсонской компаніи.

ский предводитель успел обогатиться на счет белых золотопромышленников, благодаря странной границе, начерченной между Аляской и Колумбией. Водворившись на американской территории, близ устья реки Стиккен, он не пропускал никаких продуктов и това-

ров в стан искателей без уплаты ему крупной пошлины.

В новейшее время получила большое значение разработка некоторых других минеральных богатств края, особенно каменного угля. Уже с первых времен колонизации пароходы пользовались углем с острова Ванкувер; затем добывание минерального топлива мало-помалу приняло характер правильного промысла, и теперь многие черные деревни походят на предместье Ньюкестля по окружающим их грудам угля, машинам, элеваторам и шахтам. Пласты угля, выступающие на поверхность чуть не на набережных портов, дают уже материал для некоторой вывозной торговли; так, в 1888 г. добыча угля в Британской Колумбии составляла 489.301 тонну, из которых 345.681 тонна было отправлено в Калифорнию; добыча смолистого угля на острове Ванкувер в 1894 году простиралась до 1.134.507 т. Антрациты, открытые на берегах канала Скайдгэт, в архипелаге Королевы Шарлоты, пока ещё не были разработываемы систематически; говорят, что качеством они не уступают пенсильванским. По мере уменьшения добычи золота возростает добыча каменного угля; скотоводство тоже приобретает важное значение, благодаря усиливающемуся сбыту его продуктов в Калифорнию, а рыбные промыслы дополняются фабриками консервов; каждое речное устье, каждая бухта побережья имеет свой завод для соления семги; сети и верши белых заменяют индейские запруды, остроумному устройству которых так дивились Макензи и другие путешественники прошлого столетия. Рыболовный промысел в Колумбии дал в 1887 году 25.000.000 фр.; соленой семги было приготовлено в 1889 году: 420.000 ящиков; общая ценность улова семги в 1889 году: 12.500.000 франк.; число людей, занятых на рыбных промыслах в 1887 г., 4.693. Наконец, спекулянты уже эксплоатируют громадные лесные богатства колумбийского поморья. Долгое время канадское правительство, опасаясь, чтобы страна не попала всецело в руки американских колонистов, безусловно отказывало в просьбах о продаже или отдаче в пользование годных для культуры земель[1]. Население колонии даже уменьшилось одно время, когда добыча золота перестала привлекать авантюристов.

Ни о какой другой стране нельзя сказать с такой справедливостью, что железнодорожная линия есть её жизненная артерия. Без рельсового пути, перерезывающего её с востока на запад, Британская Колумбия составляла бы часть торгового мира только несколькими изолированными пунктами поморья и не имела бы никакого прямого сношения с другими провинциями Канадского государства. Первые белые люди, поселившиеся в крае, отправлялись туда почти все через Калифорнию, и когда золотоискатели бросились толпой в это новое Эльдорадо, Сан-Франциско сделался главным рынком для вывозимого из Колумбии золота. Год от году сношения становились чаще и правильнее: не взирая на политические узы, остров Ванкувер и противолежащие колонии на материке всё более и более приходили в связь с республикой Соединенных Штатов, и британское правительство могло опасаться, что его колония, увлекаемая силой вещей, сделается в политическом отношении владением Сан-Франциско. Чтобы предупредить эту случайность, необходимо было связать бассейн св. Лаврентия с бассейном Фразера быстрым путем сообщения; но громадность расходов удерживала от осуществления этого грандиозного плана. Однако, нужно было решиться. Присоединяясь к Канадскому государству, в 1871 году, Британская Колумбия поставила условием своего вступления в эту конфедерацию сооружение трансконтинентальной железной дороги через Скалистые горы, и так велика была неотложность этого предприятия, так широка щедрость канадского правительства в отношении концессионеров, что назначенный срок был на много упрежден: хартия концессии вменяла в обязанность открытие всей линии в 1891 году, но уже за пять лет ранее локомотивы совершили переезд от океана до океана. Натурально, все группы населения, все торговые центры расположились вдоль железного пути, который, впрочем, захватывает нижнюю долину Фразера до устья этой реки и оканчивается против пролива Хуан-де-Фука и разветвляющихся заливов Пэджет-Зунда.

Остров Ванкувер, лежащий южнее архипелага Шарлоты, ближе к континенту и напротив превосходных портов, выходящих в проливы Георгии и Хуан-де-Фука, не был оставлен

1 G. M. Grand, цитированное сочинение

без внимания колонистами, хотя почти вся островная территория до сих пор ещё остается необработанной: в 1884 году земледельческая площадь его состояла только из шести тысяч гектаров. В начале колонизация происходила морским путем. Торговцы и моряки сгруппировались вокруг поста Гудсоновой компании, построенного на юго-восточной оконечности острова Ванкувер, против морских аллей, которые через пролив Пэджет проникают далеко во всю территорию Соединенных Штатов; это, как полагают, тот самый порт, который был открыт испанским мореплавателем Мануэлим Кинипе в 1790 г. и назван им Кордовой; индейцы же называли его Камосин. Пост этот был небольшим торговым селом, когда совершилось открытие золота в бассейне Фразера, и форт Виктория—так называлась эта фактория—тотчас же сделался сборным пунктом алчных спекуляторов, устремившихся сюда толпой из Калифорнии. Уже с зимы первого года до тридцати тысяч человек теснились вокруг форта в деревянных бараках и парусинных палатках. Быстро вырос настоящий город, с красивыми правильными улицами, площадями, мостами и набережными. Теперь Виктория—хорошенький английский городок, утопающий в зелени деревьев, с прелестным парком, с обильным резервуаром, вода в который проведена из озера, находящегося верстах в двенадцати от города. Через бухту построен прекрасный мост; широкия аллеи, направляющиеся на северо-запад, проходят по бывшим болотам, обращенным в сады, и соединяют город с хорошо защищенным портом Эскимо, составляющим передовое предместье Виктории; правительства Великобритании и Канады озаботились постройкой арсенала, складочных магазинов, обширных доков. Эти два взаимно дополняющихся порта, Виктория и Эскимо, находятся в частом пароходном сообщении с Калифорнией и Аляской и особенно с городами противолежащего континентального берега. Кроме своей торговли, Виктория имеет выгоды, которые ей дает её положение как административного центра страны. Обороты внешней торговли Виктории в 1887—88 гг. по ценности выразились следующими цифрами: привоз—15.944.800 франк., вывоз—10.880.800 франк.

Общее движение судоходства в этом порте, по приходу и отходу, считая в том числе и каботаж, в 1887—88 гг.:—2.637 судов, вместимостью 1.695.278 тонн.

В летнее время столица Колумбии посещается богатыми американцами, которых привлекает её чистый воздух, умеренный климат и чудный горизонт островов, заливов и проливов, лесов вулканического конуса Бэкер и куполов американского Олимпа. Жители Виктории надеются, что, рано или поздно, их город сделается конечной станцией железной дороги, соединяющей два океана; по этому проекту, линия перейдет по мосту Сеймурские «Теснины», затем достигает острова Вальдес и других земель, пересекая последовательно разделяющие их каналы, потом, вступив на материк через Бьют-инлет, поднимется внутрь Колумбии по рекам Гематко и равнинам Шилкотин.

Первый, уже готовый, участок этой будущей железной дороги, которая идет вдоль великолепной системы портов, называемой бухтой Санич, соединяет город Викторию с городом Нанаимо, лежащим в 112 километрах к северо-западу, на берегу хорошего порта, который, в свою очередь, сообщается глубоким естественным каналом с другой гаванью, где могут стоять на якоре самые большие корабли; напротив, за островами, находится чудный амфитеатр снеговых гор. Нанаимский уголь считается лучшим на берегах Тихого океана: его отправляют на Сандвичевы острова, в Китай, но главным образом в Сан-Франциско; английский флот канадских вод в Великом океане тоже здесь запасается углем (движение судоходства в порте Нанаимо, со включением каботажа, в 1887—88 гг.: 11 судов, вместимостью 575.182 тонны). Каменноугольные копи находятся в самом центре города; одна шахта спускается на глубину 200 метров, и подземные ходы её продолжаются далеко, частию даже под водами порта; около тысячи рудокопов работали в галлереях Нанаимо, когда взрыв рудничного газа, в 1884 году убил 149 рабочих; со времени этой катастрофы нанаимские шахты почти заброшены. Более деятельно разрабатываются теперь Веллингтоновы копи (немного севернее Нанаимо), где работами руководят бельгийские горные инженеры. Кроме того, залежи угля открыты ещё около середины восточного берега, у подошвы самых высоких массивов остро-

ва, и с недавнего времени там тоже начали добывать минеральное топливо. Нет сомнения, что в близком будущем возникнут промышленные города рядом с копями побережья, особенно для обработки превосходных железных руд, находимых на острове Техада. Маленький архипелаг Сан-Жуан, который канадцы и американцы с таким ожесточением оспаривали друг у друга в 1872 году, остается ещё почти пустынным.

Архипелаг Королевы Шарлоты—одна из тех колумбийских земель, которые по своему географическому положению, теплому климату и плодородию почвы, могли бы принять значительное население; однако, он остался до сих пор вне потока иммиграции. Архипелаг этот открыт в 1774 г. испанцем Жуаном Перес, но первая рекогносцировка его берегов, убедившая, что он составляет отдельную от континента группу земель, была совершена только в 1789 г. американским торговцем Греем. С того времени острова Шарлоты часто посещались трапперами и коммерческими агентами; Г. Даусон, главный исследователь канадского «дальнего запада», тщательно изучил их, как геолог и натуралист и антрополог; но первые белые колонисты появились там лишь после открытия золота в Британской Колумбии[1]; они нашли на островах блестки драгоценного металла, но в количестве, недостаточном для систематической эксплоатации. Говорят, что одним из главных препятствий к исследованию и распашке внутренних местностей архипелага является отсутствие оленей и лосей в островной фауне: не надеясь встретить красного зверя, охотники не решаются удаляться от морских берегов. В некоторых пунктах побережья основаны миссионерские станы, между прочим, в Массете, на берегу лимана, разветвляющагося на несколько озер в северной части северного полуострова. На берегу пролива Скайдгэт находится большой завод для извлечения жира из морских собак. Число колонистов возрастает медленно в архипелаге, тогда когда число туземцев гайдасов уменьшается в гораздо большей пропорции.

На континенте каждый из фиордов имеет свой торговый пост, свои рыбные промыслы, свои фабрики консервов. Важнейшая станция долины Стиккен—местечко Гленора, лежащее в том пункте, с которого река становится судоходною, в 202 километрах от устья. К югу от аляскинского побережья, на острове Шимсиан, форт или порт Симпсон—не укрепление, а рынок, куда соседния племена приходят обменивать свои продукты с торговцами. Газлетон, при начале судоходной части реки Скены,—фактория золотопромышленников, разрабатывающих прииски в Оминеке; около устья этой реки, Порт-Эссингтон—довольно оживленный пункт, как рыболовная пристань и рынок. Но из всех этих постов Британской Колумбии ни один, если не считать посты, находящиеся в дельте Фразера и её ближайших окрестностях, не поднялся на степень городского поселения. В верхних долинах Фразера и его притоков тоже нет сколько-нибудь значительных центров населения. Лиллоэт, на прибрежной террасе Фразера, частию опустел с тех пор, как стали пользоваться дорогой, соединявшей, через озеро Вершины, среднее течение этой реки с областью её дельты. Самый дальний от устья и «главный город внутренней Колумбии» стоит на высоте 350 метров, при слиянии двух ветвей Томпсона, откуда и самое имя его, Камлупс, указывающее на соединение двух потоков. В этой части реки плавают пароходы; пастбища в окрестностях усеяны многочисленными стадами.

Литтон, господствующий с высоты своей террасы тоже над слиянием двух рек, Фразера и Томсона, слишком стеснен между ущельями долины, чтобы мог приобрести важное торговое значение. Яль, охраняющий южный вход ущелья и порогов при начальном пункте речного судоходства, был очень деятельным горнозаводским городом, и несколько китайских золотоискателей до сих пор ещё занимаются промывкой песков; отсюда начинается живописная горная дорога в обход ущелий Фразера. Далее следуют Гоп, недавний сборный пункт золотоискателей, и Агассиц, ближайшая станция к пользующимся большою известностью серным ключам Гаррисона; наконец, в соседстве устья, стоят Новый Вестминстер, который одно время был столицей края; здесь находятся верфи, лесопильные заводы, заводы для соления семги; суда ежедневно ходят между его речным портом и Викторией; наконец, здесь же бу-

1 „Geologicai Survey of Canada, Report of Progress for 1878-79“.

дет воздвигнут на Фразере путевод, долженствующий связать канадскую трансконтинентальную железную дорогу с рельсовою сетью Орегона и Калифорнии. Новый Вестминстер можно считать пригородом быстро растущего города, который сделался при-океанской станцией канадской трансконтинентальной линии на Бэррард-инлете. Сначала конечной станцией, на южном берегу этого фиорда, был Порт-Муди, и соседняя с ним деревня указывает ещё место, которое было выбрано для будущего Монреаля западной покатости; но потом железную дорогу продолжили до бухточки, хорошо защищенной загибающимся, на-подобие крючка, полуостровом, где и был основан город Ванкувер.

В мае 1886 года место, на котором теперь стоит нарождающийся большой город, было ещё покрыто дремучим лесом. Здания выростали словно по мановению волшебного жезла, затем огромный пожар истребил все постройки, кроме одной, и снова город поднялся на берегу залива. Единственный между канадскими городами, он появился вдруг, вырос мгновенно: с того момента, когда впервые было произнесено его имя, он уже представлял из себя один из главных торговых центров английской Америки. Ванкувер раскинул шахматную доску своих улиц на пространстве, где могли бы жить просторно более сотни тысяч обитателей; он имеет общественные памятники, церкви, банки, отели; его широкия, обсаженные деревьями улицы-проспекты освещаются газом и электричеством; сифоны приносят ему чистую ключевую воду с гор, лежащих на северной стороне фиорда Бэррард. Железные дороги разветвляются из города на север и на юг; мосты, эстакады проведены через лиман Фольсбай, вдающийся в материк на юге, параллельно заливу Бэррард. Как коммерческий порт, Ванкувер имеет уже набережные, пристани и складочные магазины; пароходы, совершающие правильные рейсы, продолжают трансконтинентальную железнодорожную линию Тихого океана к острову Ванкувер, к городам Орегона и Калифорнии, к Аляске, к Японии и Китаю (уже в 1888 г. ввоз из этой последней страны в Ванкувер составлял 20.601 тонну, в том числе 927 тонн чая и 4.250 тон шелка); другая пароходная линия направляется к Новой Зеландии и Австралии; но парусные суда пока ещё не узнали дороги к новому порту, вдруг появившемуся в неизвестных доселе водах океана. Движение судоходства в ванкуверском порте в фискальном 1888—89 году выразилось следующими цифрами:

Иностранных судов в приходе и отходе 580, вмест.—640.000 тонн; каботажных судов: паровых 751, вмест.—409.254 тонн; каботажных судов парусных 63, вмест.—10.587 тонн; всего 1.394 судна вместим.—1.059.841 тонн.

Ванкувер сразу сделался главным этапом на одном из кругосветных путей. Наконец, новый город позаботился также и о внутреннем украшении: великолепный парк в 380 гектаров занимает полуостров, который запирает наполовину вход в порт и защищает стоящие в нём суда от западных ветров.

Города Британской Колумбии и численность их населения в 1889 году:

Виктория (3.270 ж., 1881 г.)—16.000 жит.; Ванкувер—12.000 жит.; Новый Вестминстер—6.000 жит.; Нанаимо—3.000 жит.; Веллингтон—2.500 жит.; Яль—2.000 жит.; Камлупс—1.500 жит.

III. Территория дальнего севера

Бассейны Атабаски-Мэкензи и Рыбной реки

Часть Канадской «державы», воды которой изливаются в Ледовитый океан,—не наименее известная область английской Америки так как Лабрадор ещё более остался в стороне от дорог, проложенных путешественниками-исследователями; но если бассейн Мэкензи был пройден в разных направлениях, то изучать его можно было лишь по маршрутам, разделенным разными промежутками, и остается ещё определить точнее много географических черт страны, как о том свидетельствуют новейшие карты, которые все противоречат одна другой.

Целое столетие протекло с тех пор, как страна была пройдена в первый раз. Правда, французские «путешественники», скупщики шкур пушного зверя, пробирались очень далеко за городские поселения в земли индейцев, но, повидимому, даже в самых смелых своих экскурсиях эти «coureurs des bois et des prairies», как их называли, не заходили на север далее истоков Атабаски. И то уже было чудо, что одинокие торговцы могли уходить так далеко от крайних постов, занимаемых их соотечественниками, пускаться наудачу через земли диких народов, среди врагов или сомнительных друзей, и прокладывать дороги через первобытные леса, в лабиринте озер, рек и волоков в тысячах километров от их линии базиса. Гордость молодых канадцев, белых или метисов, заключалась в том, чтобы пуститься наудачу в неведомые страшные пустыни и вернуться оттуда с запасом опыта и отваги, приобретенным в борьбе со всякого рода препятствиями. Это сильное воспитание создавало людей, и, быть может, ему-то и обязана канадская национальность сохранением своего существования.

Первое чисто географическое исследование этих областей было исполнено Самуилом Гирн, которого гудсонская компания послала в 1770 г. на дальний север, к Ледовитому океану. Он действительно достиг берегов Полярного моря, пройдя в западном направлении до бассейна Атабаски; но рассказ о его путешествии принадлежал компании и появился в печати, двадцать лет спустя, только во исполнение обещания, данного Лаперузу, когда последний, сделавшись по праву завоевания владельцем рукописи, отдал её с тем непременным условием, чтобы она была издана в свет[1]. Через несколько лет после экспедиции Гирна одна семья французских метисов, по имени Болье, поселилась к северу от Атабаски. В 1778 г. на берегу этого озера была сооружена крепостца; затем англичанин Понд, при помощи французских метисов, служивших ему проводниками, доходил, в 1780 году, до Большого Невольничьего озера; а семь лет спустя Макензи, руководимый тем же Болье, спустился по реке, которая теперь носит его имя, и прибыл на берега Ледовитого моря, полагая, что это Тихий океан. В следующем году, он проник в тот же бассейн, затем поднялся по реке Мира, откуда спустился на западную покатость страны, называемой ныне Британской Колумбией: так был открыт первый трансконтинентальный путь в Северной Америке.

После этого памятного перехода через континент, совершено было несколько других экспедиций по проложенным дорогам; но воспоминание об этих путешествиях, исполненных по поручению соперничавших компаний, давно утратилось. Два общества оспаривали друг у друга меховую торговлю этих областей: северо-западная компания, наследница бывшего французского товарищества, и Гудсонова компания. Та и другая одинаково имели у себя на службе «путешественников», белых и метисов, французских и шотландских; но они всего более заботились о том, чтобы вредить друг другу, возбуждать войны между подвластными им индейцами, отнимать одна у другой фактории, завладевать дорогами и волоками. Эта глухая борьба, не раз переходившая в открытые враждебные действия, не благоприятствовала географическому изучению страны. В течение тридцати лет после экспедиции Макензи не было предпринято ни одного большого путешествия для исследования этих областей Америки. В 1820 г. Франклин прошел северо-западные территории между озером Виннипег и Ледовитым морем; затем в 1825 г., он спустился по реке Мэкензи до океана, тщательно осмотрел всю область дельты, в то время, как его спутники, Бэк и Ричардсон, обследовали страны, простирающиеся на восток до Медной реки. Несколько лет спустя, Бэк возобновил свои полярные исследования и открыл сначала исток, а затем и устье большой Рыбной реки (Fish-river), иногда называемой также по его имени «рекой Бэка» (Back's river). После того Диз и Симпсон совершили путешествие вдоль океанского побережья, между реками Мэкензи и Бэк; затем, когда Франклин и его спутники пропали без вести в Ледовитом океане, многочисленные экспедиции, посланные на поиски их, прошли территорию в разных направлениях: Рэ, Ричардсон, Пуллен, Гупер, Андерсон, Стьюарт, Гейз, Шватка начертали в этих областях севера сеть своих маршрутов. Католические миссионеры, особенно Петито, также содействовали в значительной мере географическому обследованию бассейнов Мэкен-

1 „Voyage de Samuel Hearne du Port de Prince de Galles a l'Ocean du Nord".

зи и других больших рек, изливающихся в Ледовитый океан.

Оффициальные пределы территории севера не имеют никакого соотношения с рельефом страны, и при том они начертаны лишь временно, в ожидании последующих изменений. Один только округ, получивший административное устройство, Атабаска, был выкроен в этом необъятном пространстве, и по американскому обычаю границы его очерчены прямыми линиями, проведенными по градусам широты и долготы, исключая восточной стороны, где рубежом служит течение Атабаски, затем течение Невольничьей реки. Но кроме этого округа, эта территория «Великого Севера» оффициально обнимает ещё всю часть Скалистых гор, заключающуюся между Аляской и Британской Колумбией, затем на севере и востоке все пространства, огибаемые водами Ледовитого океана и Гудсонового моря; на юго-востоке она граничит, без оффициальной раздельной линии, с неорганизованной ещё территорией Киватин. Эта громадная область, к которой прибавляют и полярные архипелаги, охватывает более половины пространств, принадлежащих Канадской державе. Но если взять страну в её естественных пределах, т.е. оставляя Аляске бассейн Юкона и Манитобе—покатость Гудсонова моря, то совокупность канадских земель, изливающих свои воды в Ледовитый океан, занимает площадь около 2.500.000 квадр. километров, следовательно, в пять раз больше Франции. Что касается населения, то самое большое если наберется пятнадцать жителей, белых, индейцев и эскимосов, так что страна представляет ещё безлюдную пустыню ночи на всём её протяжении.

Обширное треугольное пространство покатости, обращенной к Ледовитому океану, разделено цепью озер, которая направляется от канадского средиземного моря к Большому Медвежьему озеру, параллельно оси Скалистых гор и западному берегу континента. Эта цепь внутренних морей разграничивает две резко отличающиеся одна от другой области. Американский путешественник Лонг, проезжая, в 1823 г., по странам, лежащим далеко к югу от реки Мэкензи, констатировал тот замечательный факт, наблюдавшийся впоследствии также при исследовании других больших озер Английской Америки, что озерная впадина находится на желобе, идущем по линии соприкасания двух геологических формаций. На востоке горные породы, господствующие над берегом, везде состоят из кристаллических масс, тогда как на западе залегают осадочные пласты гораздо более нового происхождения. Вид местности соответствует природе почвы: гнейс и гранит с неровной поверхностью усеяны бесчисленными углублениями всякой величины, где помещаются лужи, пруды и озера, окруженные лесами; залегающие слоями породы запада наклонены по сравнительно отлогому скату и покрыты степями и лугами[1].

Восточные склоны Скалистых гор занимают на западе часть Великого Севера, и даже некоторые внешние массивы этой большой цепи, расположенные эшелонами вдоль срединной оси, стоят одиноко среди равнин или волнистых пространств, предшествующих горам. Кроме того, к Скалистым горам примыкают там и сям пороги или «становые хребты», принимающие местами вид небольших цепей и направляющиеся к Ледовитому океану[2]. Эти«высоты земель», по большей части параллельные между собой, понижаются через известные промежутки, чтобы дать проход истокам озер, которые прежде были замкнутыми, пока долгая работа размывания не открыла их водам выхода в океан.

Первый поперечный выступ рельефа начинается в группе «Рогатых» гор (Big-horn), непосредственно на востоке от главных потоков Атабаски. Этот раздельный хребет, направляющийся на северо-восток между бассейном Атабаски и бассейном Саскачевана, образует несколько небольших массивов холмов. Около истоков Чорчиля или «реки Англичан», спускающейся в Гудсоново море, порог понижается между этим потоком и Прозрачной рекой (Clear-water), притоком Атабаски: здесь находится волок, прозванный «Гольцом» (Methye-portage), которым прежде ходили путешественники, отправлявшиеся на север. Между озером Виннипег и этим волоком, рассматриваемым как общая граница двух отдельных терри-

1 Long (Keating), „Narrative of an Expedition to the Source of the Saint-peter's river".

2 E. Petitot, „Bulletin de la Societe de Geographie", juillet 1875.

торий, насчитывают тридцать шесть «выгрузок» для лодок. Волок Голец—длинное песчаное плато шириной около 21 километра, стоящее на подземном каменном своде, известковом с западной, гранитном с восточной стороны, и примыкающее к прибрежным холмам Гудсонова моря. По Ричардсону, высота этого плоскогория около 475 метров над уровнем моря, или 200 метров над уровнем равнин, спускающихся к озеру Виннипег.

Вторая отрасль холмов, выделяющаяся из Скалистых гор на севере от истоков Атабаски, образует на берегах Малого Невольничьего озера несколько высот, кульминационные точки которых достигают 800—850 метров, затем, повернув к северу, проходит поперек русла реки Мира, заставляя её литься каскадами: различные части этой цепи известны под именем гор Малины, Берез, Коры. Затем следует гора Карибу (Канадских оленей), составляющая водораздел между рекой Мира и Сенной рекой, и перерезывает центральную реку покатости между двумя большими озерами Атабаска и Невольничьим; водопады и быстрины обозначают брешь, пробитую потоком через порог из скал. По ту сторону Большого Невольничьего озера тянутся другие гряды холмов, известняковых и песчаниковых, следующие в том же северо-восточном направлении, как и южные второстепенные цепи, и достигающие несколько сот метров высоты. В соседстве океана горы становятся выше и сближаются, соединяясь в массивы и цепи: на Мэкензи в некотором расстоянии от берегов, виднеются вершины, превышающие 1.500 метров, а над самой рекой вздымаются утесы или крутые горы высотой до 500 метров. Многие скалы получили от путешественников название «Камня, мокнущего в воде». Впрочем, главная цепь Скалистых гор, или по крайней мере гряда, принадлежащая к той же орографической системе, подходит в этом месте довольно близко к Макензи и соседней реке Пиль: горы эти составляют водоразделы между Юконом и притоками Ледовитого океана. По словам миссионера Петито, между этими высотами крайнего севера встречаются в большом числе массивы из фонолита. Близ устья Мэкензи, на востоке, многие конусообразные возвышения почвы походят издали на груды шлаков: Мак-Клюр видел десятка полтора таких горок, и все они дымились: он сравнивает их с «печами для обжигания извести».

Во многих местностях «Великого Севера» встречаются маленькие конусы, в роде моденских *salse* и сицилийских *maccalube*; канадские путешественники прозвали их «коптильнями» (boucanes), по причине выходящего из них по временам дыма. Когда очаг такой сопки погас, место его нахождения можно узнать по опаленной глине; в состоянии горения сопки отлагают серу, соль и другие химические вещества на линии пробега своих ручейков; распространяемый ими запах напоминает запах петролеума. «Коптильни» эти находятся обыкновенно на берегу рек, в соседстве смолистых сланцев, лигнитов и соляных пород[1]. Песчаники, насыщенные маслом, горят как уголь[2]; в некоторых местах у подошвы высоких берегов кипят ключи минеральной смолы. Соль часто встречается в горных породах, особенно на западе от Мэкензи: туземцы говорят, что есть целые горы, состоящие из каменной соли. Что касается гранитных скал восточной территории, в которых видят отдаленное продолжение цепи Лаурентинских гор и которые отделяют гудсонские реки от Атабаски-Мэкензи, то они заключают в себе месторождения или следы золота, серебра, особенно меди: с 1715 года агентам Гудсоновой компании часто приносили руду с Медной реки.

Хотя очень редко посещаемые, берега Северной Америки, обращенные к Ледовитому океану, как и Полярные острова, рассказали исследователям, что совершилась перемена с древних времен в относительном положении берегов. Последние возвысились, если только море не отступило к северу. На западе от устья Медной реки (Coppermine-river), Франклин собрал куски плавучего леса, которые, очевидно, были когда-то принесены морскими водами и находились уже гораздо выше нынешнего предела приливов. То же явление Ричардсон наблюдал и на востоке от Медной реки. Кроме того, по обе стороны этой реки видны бывшие заливы, ныне отделенные от моря низкими пляжами и узкими песчаными косами. К числу

1 E. Petitot. „Proceedings of the R. Geographical Society“ November 1883.

2 „Proceedings of the R. Geographical Society“, October 1889;—John Schulz, „Rapport sur le bassin du Mackenzie“.

таких постепенно отрезанных от океана лиманов принадлежит, будто бы, и озеро Эскимосов, находящееся близ дельты Мэкензи; дожди и реки, текущие из внутренней части материка, ещё не вполне опреснила этот бассейн, и вода его до сих пор сохранила солоноватый вкус[1]. Впрочем, по словам другого исследователя, миссионера Петито, озеро Эскимосов или Ситиджи есть не что иное, как расширение незначительной реки Натовджи, впадающей в море к востоку от Мэкензи, и вовсе не имеет тех огромных размеров, какие приписывал ему Ричардсон на основании рассказов туземцев.

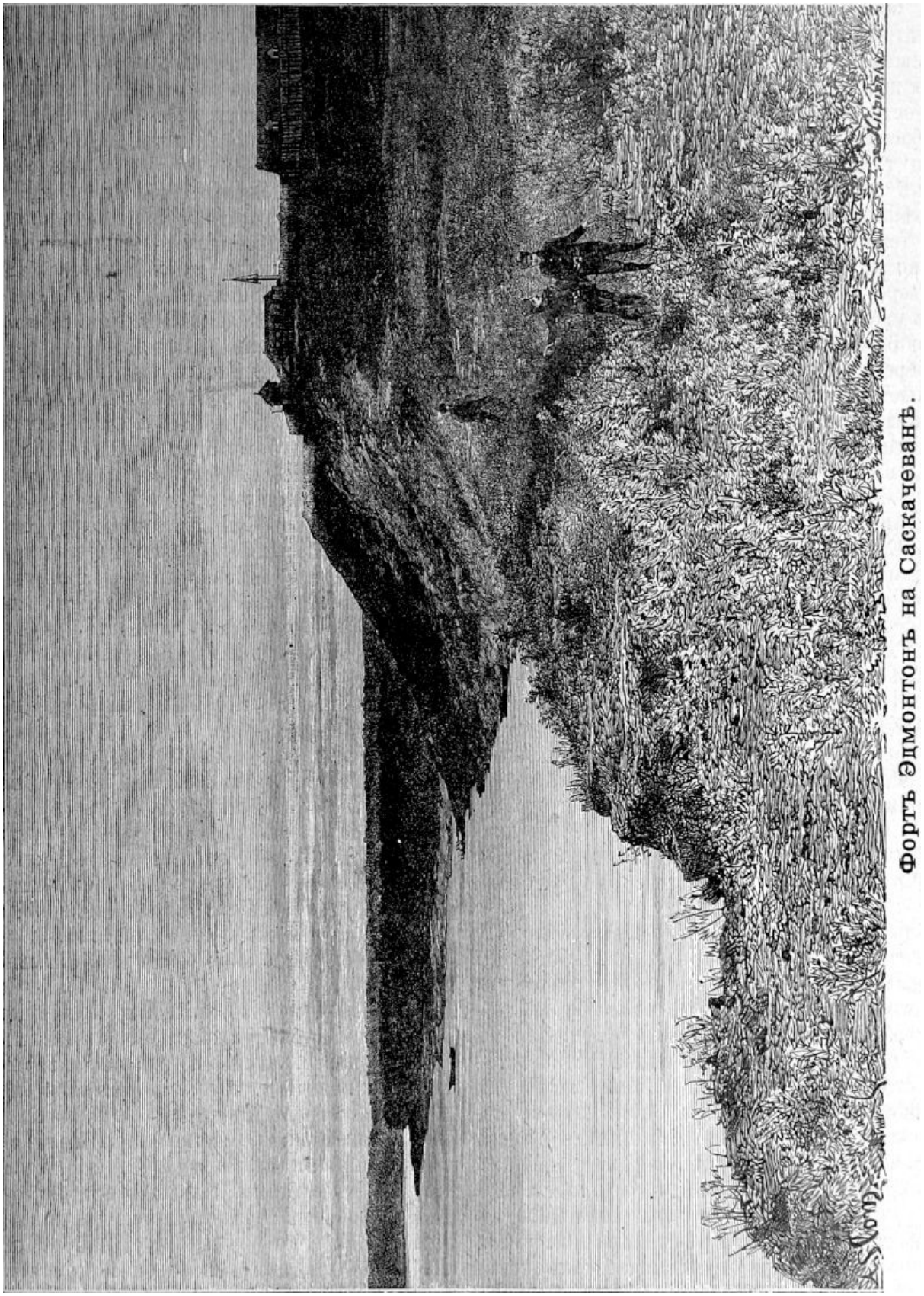
Самый южный исток Атабаски, главной ветви реки, принимающей в нижнем своем течении имя Мэкензи,—маленькое озеро на восточном склоне горы Браун, в цепи Скалистых гор, получившее от оффициальных путешественников название «Комитетской Пуншевой Чаши» (Committee's Punch-bowl). С другой стороны горного прохода воды спускаются на запад к Колумбии, тогда как на северо-западе снега Желтоголовой горы (Yellow-Head) питают поток Фразера. Атабаска, называемая также «Водоворотом» (Whirlpool-river), скоро покидает область гор, убегая на северо-восток, и соединяется с несколькими другими реками, как-то: Крошка, Креститель, Мак-Леод, Пембина; впрочем, гидрографическая номенклатура этих стран очень запутанная: каждый поток называется по-разному индейцами различных племен и метисами французскими и английскими. Самая Атабаска редко обозначается этим наименованием: канадцы знают только «реку Лань» («riviere la Biche»), название, которое они, впрочем, применяют также ко многим другим потокам. На некоторых английских картах Атабаска, говорит Петито, неправильно обозначена именем Elk-river, ибо животное, которое канадские путешественники называла «biche», есть не *elk* (лось), а уапити или «горный северный олень».

Одно из значительных озер страны, Малое Невольничье, изливает свои воды в Атабаску; кроме того, и некоторые другие озера посылают ей излишек своих резервуаров. Река вырыла себе ущелье глубиной около 100 метров между песчаниковых скал; но местами долина расширяется, и на берегах видны деревья, наклонившие свои ветви над прозрачной водой. У поворота одной излучины бьют серные и соляные ключи среди прибрежных лугов. Во многих местах следуют одна за другой «коптильни», о которых говорено выше, вулканические отдушины, погасшие или ещё горящие, особенно часто встречающиеся в бассейне Мэкензи. Среди этих-то земель, находящихся, так сказать, в брожении, Атабаска ударяется о преграду, представляемую «горой Коры» (Bark-mountain), и начиная с этого места вода бежит по наклонной плоскости длиной около 100 километров: это ущелье «Большого Водопада». Река движется по ровному скату; только камни разной величины прерывают там и сям однообразие потока. С боковых утесов, состоящих из слоев песчаника или известняка и подтачиваемых водами, то в дело обваливаются массы слепков, почти всегда округленных, нередко имеющих форму совершенно правильного шара. Мороз и оттепель обнажают эти шарики, которые являются висящими на боках стен над головой путешественников. Смолистые массы, медленно сочащиеся из слоистых жил утеса и подхватываемые течением, тоже принимают сферическую форму в потоке, который их катит, и в конце концов делаются похожими на ядро базальта.

Пройдя около 900 километров от своего истока, Атабаска вступает в озеро того же имени. Прежнее речное устье находится на значительном расстоянии от нынешнего: оно приметно ещё по господствующим над ним утесам. В настоящее время дельта аллювиальных земель простирается верст на пятьдесят к северо-востоку, изрезанная множеством отделившихся от главного течения извилин или рукавов (bayous), направление и относительная важность которых изменяются при каждом новом разливе. Главная ветвь сохранила имя Атабаски: другая называется «рекой с препятствиями», по причине скопляющагося на ней плавучего леса, который течение приносит длинными плотами. Кроме того, к сети разветвленной атабаскинской дельты присоединяются исток Прозрачного озера и один из рукавов реки Мира, известный под именем Яичной реки (Egg-river). В некоторые годы, особенно в 1871 и 1876,

1 John Richardson, „Franklin's Narrative of a Second Expedition to the Polar Sea".

вся поверхность дельты принимала вид обширного болотистого залива; но с той поры аллювиальные земли не покрывались водой, если не считать луж, занимающих впадины и соединенных лабиринтом байю. Выступившая из воды почва поросла ивняком, тогда как бывшие

Фортъ Эдмонтонъ на Саскачеванѣ.

острова покрыты хвойным лесом. Имя Атабаска (Аябаска, Арабаска, Артабаска, Уабаска и т.д.), означающее на альгонкинском языке «травяной ковер», и которое, без сомнения, сначала применяли к области дельты, теперь уже не соответствует действительности.

Озеро, лежащее на высоте около 180 метров над уровнем моря, имеет форму полумесяца, обращенного вогнутой стороной на север; но берега у него очень неправильные и изрезанные глубокими бухтами. Подобно другим озерам этой области, оно занимает впадину гранитной скалы: всё его побережье—обрывистое, выгрызенное водой в камне, но береговые утесы редки; только на северной стороне показываются округленные холмы, отроги гор Карибу, состоящие из лаурентинских и гуронских формаций: поэтому Гирн был неправ, дав Атабаске, во время своего путешествия в 1771 г., имя «озера Холмов» (Lake of the Hills); гораздо вернее было бы назвать его «озером Островов». Несколько значительных рек, меньших, впрочем, чем Атабаска и река Мира, впадают в восточную часть озера, принося по большей части воду маленьких озерных бассейнов, составляющих кортеж центрального моря; однако, Гирн ошибался, присоединяя к озеру Атабаска лежащие восточнее озера Волластон и Рендир, которые изливаются в Гудсоново море через реку Чорчиль.

Воды реки Атабаски вступают в озеро у западной его оконечности и с той же стороны выходят из него; область дельты общая для притока и для истока, но постепенное обсыхание страны заставляет потоки уклоняться в восточном направлении. Главная ветвь истока, который принимает в этом месте имя Большой Невольничьей реки (GreatSlave-river), изливается также среди низменных земель, попеременно затопляемых и выступающих из-под воды, но она быстро расширяется к северу, принимая в себя различные байю, в которых разветвляется река Мира при устье. Эта последняя река зарождается, как известно, в Британской Колумбии, среди высоких равнин, которые некогда были заняты обширным бассейном, и главная ветвь, «Пастернаковая» река (Parsnip-river), берет начало на севере—от большого колена Фразера: по словам миссионера Петито, эти две реки разделены лишь волоком в 315 метров. По выходе из своей верхней долины, составлявшей северное продолжение низменности Фразера, но с противоположным скатом, Пастернаковая река, соединившаяся с Финлеем и принявшая имя Уншага[1] или «реки Мира» (Peace-river), пробирается на восток в грандиозную брешь Скалистых гор и бежит извилистым потоком в долине, доминируемой обрывами плоскогорья высотой от 200 до 250 метров; затем после падения с известкового порога в 2—3 метра высоты, она направляется к долине Атабаски по плодородной местности, богатой травяными степями, великолепными лесами, зеленеющими холмами. Только при проходе ущелий, между скалами гор Коры (Bark-mountain), река Мира спускается большими каскадами, за которыми начинается болотистая равнина.

Большая Невольничья река катит весьма значительную массу воды, так как она соединяет в своем потоке Атабаску и реку Мира. При проходе горы Канадских оленей или Карибу, течение её прерывается длинными порогами, и лодочники принуждены переходить последовательно семь волоков между слияниями «Собачьей реки» (Dog-river), приходящей с востока, и Соляной реки, притекающей с запада: один из порогов носит зловещее имя «Водопада утопленников». Ниже этих гранитных запруд начинается, хотя под другим именем, настоящий Мэкензи, Дес-Недхе или «Большая река» туземцев, ибо от водопадов до Ледовитого океана, на пространстве около 2.400 километров, река везде судоходна. Сначала она течет между аллювиальными берегами, покрытыми лесом, затем, разветвляясь на несколько рукавов в озерной области, постепенно обсыхающей, соединяется с «Большим Невольничьим озером», названным так от индейцев, бродящих на западных его берегах.

Это внутреннее море, одно из самых обширных в Северной Америке, занимает дно впадины, направляющейся с юго-запада на северо-восток, параллельно каменным порогам, пересекающим дальний север от одного конца до другого; оно имеет не менее 500 километров в длину, а ширма его, очень изменчивая, составляет около сотни километров в местах наибольшего расстояния между берегами. Площадь его, за отсутствием всяких точных измерений, невозможно вычислить; но во всяком случае она не менее 25.000 квадр. километр., следовательно, почти в пятьдесят раз превосходит поверхность Женевского озера. Одна часть этого громадного бассейна, наполовину заполненная наносами притоков, мелководна: в

1 Daniel Gordon, „Mountain and Prairie”.

западной области озера, куда впадают реки Большая Невольничьи, Коровья, Сенная, вода мутная, и деревья, трава, приносимые во время разлива, образуют обширные плоты, соединяющиеся в плавучие острова. Восточная часть, более впалая, окаймленная утесами или крутыми высокими берегами, также и более прозрачна: говорят, что лот опускается там на 200 метров глубины; эта же часть озера всего более разветвляется на заливы с узким входом, доставившие всему бассейну его туземное прозвище Тютюэ, т.е. «озеро с грудями». Узкий и длинный полуостров «Стрела» разделяет два залива и оканчивается мысом из черного серпентина, называемым «Трубочной Скалой», потому что индейцы Желтые Ножи берут там камень, служащий им материалом для приготовления трубок мира. Серпентиновые и гранитные массы вздымаются над водами в виде башен и террас, достигающих местами 250 метров высоты: полуостров Стрела продолжается в озере длинной вереницей каменистых островов.

У каждого из заливов, разветвляющихся вокруг Большого Невольничьего озера, есть свои притоки, выходящие из других озер: длинная, северная ветвь получает воды, вытекающие из озер Щуки, Куницы и Грандин; бухта Кристи или «Дно Озера», на юго-востоке, имеет менее значительные притоки, тогда как на северо-востоке бухта Мак-Леод, другое «Дно Озера», представляет резервуар, куда изливается, через «Хвост Воды», целый ряд обширных озер, Эльмер, Клинтон-Кольден, Артиллери и другие. Километрах в двадцати выше устья, «Хвост Воды» низвергается с большой высоты могучим каскадом, которому Бэк приписывает от 120 до 150 метров падения, и поток которого дотого съужен, что, кажется, можно бы хорошим прыжком перескочить через него; пары поднимаются, в виде облака, на сотни метров над шумящей пропастью. Особенно красив этот водопад в зимнее время, когда карнизы и стены ущелья увешаны ледяными сосульками, которым мхи и ржавчина придают бесконечное разнообразие цветов: отсюда чудный эффект зрелища, «с которым не может сравняться даже вид Ниагарского водопада». Каскад Хвоста получил от Бака имя «водопада Парри» (Parry-falls)[1]. Другой приток Большого Невольничьего озера, «Сенная река» (Hay-river), изливающийся в озеро близ западной его оконечности, тоже принадлежит к числу рек, где редкие, посетившие те места, путешественники восхищались водопадами, «более красивыми, чем Ниагарский». К счастью, «Великий Север» год от году становится всё доступнее, и скоро фотографические снимки и сравнительные измерения позволят судить о нём с знанием дела.

Большое Невольничье озеро, северная часть которого лежит уже под 63 градусом широты, образует, вместе с «Хвостом Воды» и его озерами-данниками, раздельную линию между климатами. По выходе из озера, через северо-западный залив, Макензи вступает в свою полярную равнину. Очень широкий в начале, разливающийся обширными бассейнами почти стоячей воды, он кажется скорее заливом Большого Невольничьего озера, чем его истоком, затем он съуживается, и его мутные воды быстро спускаются от излучины к излучине. В этой части его течения к нему присоединяется большой приток—«река Тополей» (riviere aux Liards), названная так от деревьев этой породы, ростущих на его берегах. Подобно реке Мира, Тополевая река зарождается на западной стороне Скалистых гор. Она собирает воды озера Диз и других бассейнов, питаемых снегами, и уходит через брешь гор по очень наклонному скату: индейцы называют её «Сильным потоком». Ниже слияния река почти везде имеет не менее 2 километров в ширину, а во многих местах, особенно выше горных проходов, расстояние между её берегами доходит до 7 и 8 километр.; боковые террасы, поднимающиеся на различную высоту, местами даже на 100 метров над уровнем потока, свидетельствуют об огромной массе воды, вытекавшей через это речное русло в предшествовавший геологический период. В некоторых местах, где русло имеет крутой скат, поток несется стремительно, но только одна из этих стремнин, называемая «Без прыжка», представляет опасность у одного из берегов. Ниже следует другая стремнина, называемая стремниной «Валов», по причине прибрежных стен, высотой от 25 до 45 метр., идущих вдоль реки на протя-

1 „Narrative of the Arctic-land expedition to the Great Fish-river".

жении около пятнадцати километров; в этом месте мощность слоя воды достигает 75 метров. Несколько других «валов» следуют один за другим ниже, недалеко от озера Бифуркации, где река разветвляется на рукава, образующие её дельту.

Три главные озера бассейна Атабаска-Мэкензи все лежат на восточной стороне реки. К первому из них речной поток только прикасается; через второе он прямо переходит в западной его части, а третье, Большое Медвежье озеро, отделено от реки Мэкензи перешейком длиной около сотни километров; исток этого последнего озера, Телини-Дие, впадающий в Мэкензи, есть не что иное, как длинная стремнина. Большое Медвежье озеро, менее длинное, но гораздо более широкое, чем Большое Невольничье, имеет, повидимому, более значительную площадь, объем его жидкой массы тоже должен быть больше, судя по промерам, которые делал там Франклин, и при которых канат длиной в 45 сажен не доставал дна. В целом, озеро это состоит из пяти заливов, разделенных каменистыми полуостровами, поднимающимися на 200 или 250 метров над уровнем воды. К северу и северо-востоку простираются пустынные равнины, на которых кружится снежная пыль. Большую част года, с октября до половины июля, ветер может гонять вихри белых хлопьев по ледяной площади толщиной от 3 до 4 метров; в 1838 г. озеро оставалось замерзшим несколько месяцев. Северо-восточная бухта выдвинута уже за полярный круг, и самая долгая ночь, в середине зимы, продолжается там несколько суток. Каждый из заливов получает притоки, за исключением северо-западного, который отделен волоком, длиной всего в несколько сот метров, от реки, направляющейся к нижнему Мэкензи: это река «Заячьих Шкурок», прежде, повидимому, бывшая истоком внутреннего моря. С другой стороны, бассейн Плавучего Леса, наполняющий отдельный водоем, на севере Большого озера, вероятно, сообщается с этим озером подземным потоком. У оконечности его южной бухты вода исчезает, кружась, а по другую сторону каменистой цепи бьет обильный ключ, текущий в Большое озеро: это, по мнению Петито, есть выход озера Плавучего Леса.

Обширная дельта быстро растет на счет моря: по карте, составленной миссионером Петито, она имеет 142 километра протяжения с севера на юг и площадь около 10.000 квадр. километр. Впрочем, её перерезывают не одни только ветви Мэкензи: другая река, Peel-river или «riviere Plumee» (Облупленная или Ощипанная река) тоже изливается туда с западной стороны и присоединяет свои рукава к рукавам главной реки, главное устье которой течет на западе дельты[1]. Некоторые мореплаватели, между прочим, Франклин, приняли вход реки Пиль за одно из разветвлений Мэкензи. Выходя из Скалистых гор, Пиль в своем верховьи течет извилисто между этими горами и боковой известковой цепью, в печальной и голой долине: отсюда и это имя Peel, «Plumee», синоним «deplumee» или «ощипанная», т.е. «безлесная, пустынная, бесплодная», которое ей дали канадцы; по словам путешественника Мак-Исбитер, из одного канала идут две судоходные ветви, с одной стороны—в «Ощипанную» реку, с другой—в «Крысью» реку, приток аляскинского Юкона[2]. Эти две реки, Пиль и Мэкензи, соединяющиеся в лабиринте низменных островов, изменяют русло при каждом новом разливе; обрывы берега обваливаются с страшным грохотом, и пески, уносимые течением, увеличивают мели устья, которые, постепенно повышаясь, образуют сначала островки, затем береговые обрывы. Так оканчивается могучая река, имеющая не менее 4.000 километров длины, от истоков её в Скалистых горах, и бассейн которой обнимает пространство по меньшей мере в 1.150.000 квадр. километров.

Как ни удивителен был этот факт для страны, лежащей совершенно вне сферы цивилизации,—судоходный путь Атабаски и Мэкензи уже правильно утилизируется, с 1887 г., для перевозки пищевых продуктов и товаров. По озеру Виннипег пароходы направляются к северу и проникают в устье реки Саскачеван до больших порогов. Для обхода этого препятствия построена небольшая железная дорога, за которой снова начинается судоходство. Затем колесная дорога, длиной около 145 километров, ведет к Атабаске, по которой спускаются

1 John Schulz, „Rapport sur le grand bassin du Mackenzie", session de 1883.

2 „Journal of the R. Geographical Society of London", 1845.

поочередно пароходами и шаландами до форта Смит, на Большой Невольничьей реке: там опять перерыв, и речной путь сменяется сухопутной дорогой на протяжении 21 километра. Далее перевозка грузов производится уже правильно по Мэкензи до самого лимана, парохо-

Большой ледникъ между Банфомъ и ущельемъ Гектора.

дами с осадкой до полутора метра. Реки Мира и Тополей и озеро Диз тоже доступны для парового сообщения. Таким образом, пути, почти везде судоходные по озерами и рекам, в соединенных бассейнах Саскачевана и Атабаска-Мэкензи составляют в сложности около

12.000 километров, и путешественники-исследователи утверждают, что три месяца в году линия речного судоходства могла бы продолжаться в Полярном океане от устья Мэкензи до Берингова пролива[1].

К востоку от Мэкензи, другие притоки Ледовитого океана имеют небольшую длину течения и катят гораздо меньшее количество воды. Натовджа (исток озера Эскимосов), Андерсон, Мак-Фарлен и другие параллельные реки получают мало притоков, которые при том все протекают по безлесным местностям, усеянным воронками, где пропадают воды. Бесчисленные озера наполняют впадины скал и выливают свой излишек вод либо через внешние пороги, либо через подземные проводы. Важнее «Медная река», Coppermine, названная так от самородков меди, собираемых в её долине: длину её течения определяют в 600 километров, а долина её гораздо длиннее, так как она составляет продолжение долины «Желтого Ножа», притока Большого Невольничьего озера, который течет на продолжении Невольничьей реки, выходящей из озера Атабаска. Медная река издавна славилась у туземцев и метисов своими минеральными сокровищами; оттого она была выбрана целью первой научной экспедиции, предпринятой в области Северо-Запада, под руководством Самуила Гирна, в 1770 году. В низовьях этой реки судоходство невозможно по причине многочисленных порогов и водопадов, из которых последний, называемый «Кровавым» (Bloody-fall), в память происходившей там сечи между индейцами и эскимосами, находится в 18 километрах от залива «Коронации» (Coronation-gulf). Бассейн этот, принимающий в себя воды Медной реки, есть совокупность бухт, проливов и фиордов, отделенных от моря островными массами земель Волластона, Принца Альберта и Банкса. Залив, с его рукавами, врезывающимися внутрь материка, замечательно походит на озера Великого Севера—Атабаску, Невольничье, Медвежье. При небольшом повышении уровня почвы он бы тоже сделался внутренним морем, также, как с другой стороны понижение превратило бы озера в морские заливы.

После Мэкензи, самая значительная река, на покатости Ледовитого океана—Рыбная или точнее Большерыбная (Great-Fish-river), называемая также рекой Бэка (Back's river), по имени отважного путешественника-исследователя, который опустился по ней в 1834 году. Индийское название её Люэчор, или «Крупная Рыба», означает собственно «Кита» и объясняется множеством китов, плавающих в Ледовитом океане, вблизи её устья[2]. Река эта выходит из маленького озера, лежащего в таком близком соседстве с озером Эльмер, в системе Атабаски-Мэкензи, что с разделяющего их узкого хребта видны обе эти водные площади, и на картах Рыбная река часто изображается, хотя это неверно, как соединяющаяся с сетью потоков Мэкензи. Рыбная река, общую длину которой Бэк определяет в 980 километров, протекает по угрюмой стране, среди голых каменистых пространств, не оживляемых ни единым деревцом. В средней части своего течения она наполняет обширные озерные бассейны, с бесчисленными бухтами и проливами, и спускается многочисленными стремнинами: Бэк насчитал их 83; по рассказам туземцев, сила воды в этих быстрых течениях такова, что даже в самые большие морозы держатся полыньи между льдами[3]. При устье, загражденном песчаными мелями, река расширяется в лиман и огибает высокий мыс Виктория, затем другие мысы, оставляя на западе низменный морской берег, окаймленный дюнами, где летом пробивается скудная травка: залив, куда вливается река, представляет, подобно заливу Коронации, совокупность бухт, проливов и фиордов, похожую на озеро, и которая на самом деле обратилась бы в озерный бассейн, если бы морское ложе поднялось на несколько метров; с другой стороны, движение уровня почвы в обратном направлении преобразило бы в острова два полярных полуострова—Боотию и Мельвиль. Естественную границу континентального «Великого Севера» составляет перешеек Рэ, обозначенный двойным рядом озер и луж между Полярным океаном и северными проливами Гудсонова моря. Эта угловая граница материка начертана по общей линии с юго-востока на северо-запад, образуемой морскими бере-

1 John Schulz, цитиров. выше.

2 E. Petitot, „Bulletin de la Societe de Geographie", sept. 1875

3 H. Klutschak, „Als Eskimo unter den Eskimos".

гами, от Нью-Фаундленда до полуострова Счастливая Боотия.

Великий Север есть страна холода: в своих колебаниях к югу от географического полюса полюс метеорологический проходит обыкновенно над землями Арктической Америки. Впродолжении семи, восьми или девяти месяцев земля покрыта снегом, температура держится ниже нуля, а подпочва остается круглый год промерзшей: только тонкий слой растительной земли оттаявает на поверхности и позволяет укорениться скудной травке. Вся дельта Мэкензи, так же, как низовья Медной и Рыбной рек, принадлежат к полярному поясу, и во всю длинную двухмесячную ночь солнце не показывается над горизонтом. Температура понижалась иногда до —53 градусов в новом форте Доброй Надежды, лежащем под 66°20' северн. широты; с 17 октября по 24 апреля средний холод был —25°,5 в форте Конфиденс, под 66°54' широты. Когда температура опускается очень низко, до —40 или —45 градусов, человеческое дыхание, поднимающееся в воздухе в виде густой белой струи, производит слабый треск, вследствие быстрого сгущения пара в тончайшие ледяные кристаллики[1]. Редко бывает, чтобы снег выпадал в очень большие морозы: Петито ни разу не видел, чтобы порошило при температуре ниже —28 градусов. Вот некоторые результаты метеорологических наблюдений на крайнем севере Америки[2].

	Широта	Средн. темпер.	Крайности	
			Холода	Тепла
Форт Донгеван	55°56'	—1°,17	—52°	+32°,22
Чиппевайан	58°43'	—3°,66	—45°	+30°,55
Рэ	62°39'	—5°,39	—40°	+25°,55
Доброй Надежды	66°20'		—53° (29 янв.)	

Язык северного индейца удивительно богат терминами, характеризующими различные виды снега: мерзлый и пыльный, хлопковатый и зернистый, звездчатый, призматический и ромбоидальный, беспорядочный или правильный, даже «снег французский». Каждая из этих разновидностей зависит от тех или других особенных условий температуры, влажности и ветра; обыкновенно снег образуется очень близко от земной поверхности, в нижнем слое туманов: вверху небо чистое, светит солнце или блестят звезды. Индейцы Заячья Шкурки делят год на шестнадцать частей, из которых каждая обозначается термином, имеющим отношение к снегу или морозу, к зимней тьме или к летнему свету, но тщательно избегают произносить имя солнца: его почтительно называют какой-нибудь хвалебной перифразой; короткое слово могло бы оскорбить всемогущее дневное светило[3].

Во время короткого лета жара часто кажется нестерпимой привыкшему к лютой стуже туземцу; он проводит во сне значительную часть этого периода высокой температуры и света, тогда как добрую часть длинной зимней ночи употребляет на охоту, путешествия, обделку звериных шкурок. Когда солнце по целым суткам не сходит с горизонта, температура остается почти без перемены от полудня до полуночи, т.е. от высшего до низшего стояния дневного светила. Скачки температуры совпадают с скачками ветра. Холода приходят с восточными, северо-восточными и даже с юго-восточными атмосферными течениями, прошедшими значительное пространство суши: Гренландию, Баффинову землю, северо-восточные полуострова или Киватин. Напротив, северные и северо-западные ветры, дующие на больших морских пространствах, приносят сравнительно теплую температуру. Часто, с конца декабря до начала февраля, эти ветры достигают страшной силы, принося воздух, который, вследствие контраста, кажется теплым; иногда буря сопровождается мгновенной оттепелью, и верхний слой снега покрывается гололедицей.

В южной части бассейна, именно в долине реки Мира, где средняя температура почти совпадает с точкой замерзания, западные ветры оказывают аналогичное влияние, но по отношению к человеку это явление имеет капитальную важность, так как эти области могут быть обитаемы, и всё заставляет думать, что они в скором времени будут иметь значительное

1 Thomas Simpson, „Narrative of Discoveries of the North Coast of America";—E. Petitot etc.

2 E. Petitot, года с 1866 по 1875;—Schulz, Rapport sur le grand bassin du Mackenzie".

3 Em. Petitot, „Quinze aus sous le cercle polaire".

население. Атмосферные течения, привлекаемые с океана через нагорья Колумбии и Скалистых гор, походят на восточные ветры Гренландии, на фен Швейцарии, на отан Пиренеев по теплоте, развивающейся в них вследствие сгущения воздуха после прохода гор: их называют «шинукскими ветрами» (chinook winds), потому что они приходят из тех стран запада, где живут шинуки или чинуки, и где в ходу их коммерческий жаргон; но вместо того, чтобы видеть в них местные течения, как это делают большинство метеорологов, их, напротив, следует рассматривать как великую юго-западную воздушную реку, подобную той, которая проходит над западной Европой; в действительности, это контр-пассат, набравшийся водяных паров в тропических морях. Он всегда повышает температуру даже под арктическим кругом, тогда как снег обыкновенно приносится полярным или северо-восточным ветром[1]. Благодаря кривизне изотермических линий, которые направляются на северо-запад в территории, оживляемые Атабаской и рекой Мира, средняя температура там не ниже, чем в низовьях реки св. Лаврентия, и летняя теплота достаточна для всхода и вызревания хлебных злаков; человек может с уверенностью селиться там, где почва родит хлеб. Ему надо только опасаться поздних весенних и ранних осенних холодов: констатированы случаи местных заморозков в августовские ночи на берегах реки Мира[2]. Весьма существенную выгоду для земледельческой культуры представляет большая продолжительность солнечного тепла в летний сезон этих северных стран: под 56 градусом широты, среднем для области реки Мира, день 20 июня н. ст. продолжается слишком семнадцать с половиной часов[3]. Анемоны цветут на берегах этой реки ранее, чем на берегах Оттавы, в 1.200 километрах ближе к экватору[4].

Бассейн Атабаски-Мэкензи естественно делится на две полосы: лесную, на юге и юго-западе, и безлесную, на севере и северо-востоке. В южных областях, пригодных для земледельческой культуры, преобладающее дерево—канадская белая сосна (*pinus alba*), к которой присоединяются другие хвойные, сосна канадская и обыкновенная, ель, кедр и лиственница, не встречающиеся за 63 градусом широты. Лже-осина и тополь—тоже очень распространенные породы, даже до 63 градуса, и многие реки получили от них свое имя. Белой или «лодочной» березы очень много в лесной полосе, но она не успевает достигнуть полного роста, потому что индейцы срубают все хорошие деревья для фабрикации своих пирог. Наконец, приземистые деревца, березки, ивы и ольхи, которые вернее было бы назвать кустиками или деревянистой травой, пробираются на север в самые тундры, в страну мхов и ползучих стебельков; впрочем, по берегам «Ощипанной» реки (Пиль) ростут ивы «гигантского размера», по словам Петито, который полагает, что это особый вид. На опушке настоящих лесов человек заставляет отступать фронт леса и не дает деревьям времени вырости. На берегах Большого Медвежьего озера растительность развивается так медленно, что у четырехсот-летних канадских сосен толщина ствола не превышает 20 или 25 сантиметров. Лесная область Мэкензи изобилует ягодами всякого рода: в прежнее время дикари с Саскачевана каждое лето ходили собирать эти плоды на берегах реки Мира, за 400 километров от своих становищ[5]. В 1889 году сотни индейцев погибли вследствие недостаточного сбора ягод.

Во многих округах лесного пояса деревья чередуются с степями. Недостаток древесной растительности в этих травяных пространствах может быть приписан в некоторых местах редкости дождей: однако, влажность воздуха и почвы в северо-западной территории больше, чем в прериях американского Дальнего Запада, и потому полагают, что главной причиной обезлесения следует считать пожары. Где местность была пощажена огнем в течение некоторого числа лет, там опять выростают кустарники, деревья и лес восстановляется. Эти деревья второго поколения—осины по большей части, кое-где березы; но они не долговечны и скоро уступают место канадской белой сосне—характеристическому дереву страны.

1 Alex. Mackenzie, цитиров. сочинение.
2 Aug. Bodard, рукописные заметки.
3 G. M. Dawson, „Rapport sur le grand bassin du Mackenzie“.
4 Macoun, то же сочинение.
5 Bulter, „The Wild North Land“.

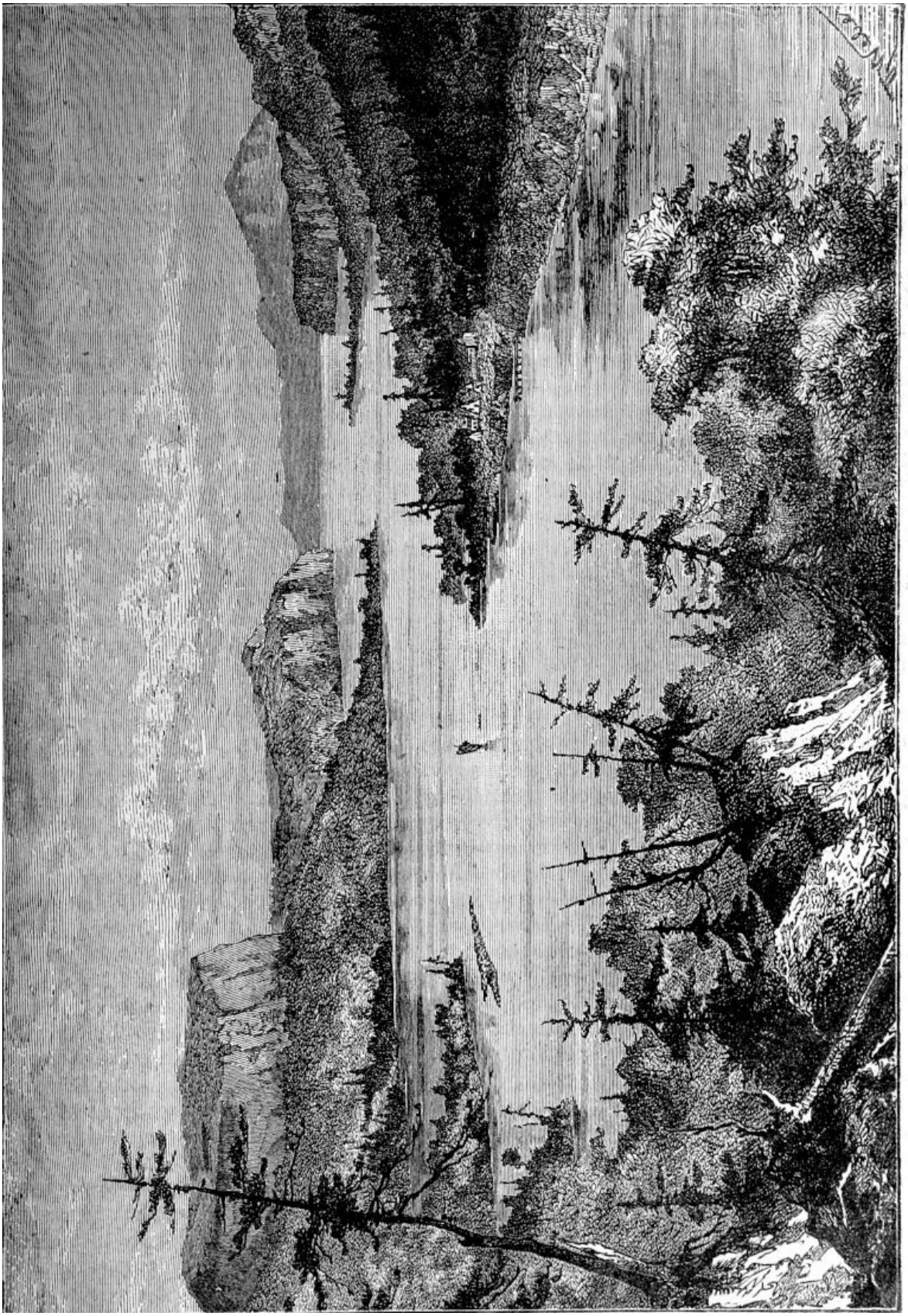
Безлесная полярная область, называемая англичанами «безплодными землями» (*barren grounds*), занимает весьма значительное пространство, особенно в восточной части территории, граничащей с Гудсоновым морем. Бассейн Рыбной реки, как известно, весь лежит в этой зоне, от опушки лесов, на юге Честерфильд-инлета, до побережья Ледовитого океана; на полуострове Мельвиль, или Счастливая Боотия, тянутся на тысячу верст равнины и плоскогорья, покрытые только мхом, лишаем да низкой травой; в некоторых особенно благоприятствуемых местах попадаются также деревца, стелющиеся по земле или прячущиеся под бархатным ковром тундры. Ежевика, куманика, лесная малина, медвежий виноград с ягодами кораллового цвета, брусника, смородина, черника, земляника, saskatoon pembina или «маленькая груша» (*viburnum edule*) встречаются ещё в этих пустынях; ягоды прокармливают медведя и дают некоторую пищу человеку. Что касается травоядных животных, то «безплодные земли» представляют для них обильную пажить. Олений мох или ягель, называемый обыкновенно «хлебом карибу», покрывает некоторые равнины на необозримое пространство. Даже скалы имеют свои растения почти съедобные. Сколько раз облекающий камни лишай кругоноска (*gyrophora proboscidea*), хотя отвратительный на вкус и трудно переваримый, спасал жизнь путешественникам и охотникам.

Граница растительных областей, между лесной полосой и поясом степей и тундр, служит, вместе с тем, рубежом для большего числа животных видов. Одни живут только в лесах или полянах, другие бродят среди беспредельных моховых равнин. Всего богаче фауна, конечно, в южной области. Там ещё можно встретить изредка лесного бизона, который почти не отличается от бизона американских прерий; в 1887 г., индейцы знали два стада бизонов—одно в местности между Атабаской и рекой Мира, другое на берегах Соляной реки, одного из притоков Большой Невольничьей реки[1]. В лесной же зоне водятся лоси (*alce americanus*), уапити (*cervus canadensis*), «большерогие» карибу (*rangifer caribou*). Этот вид оленя ещё довольно обыкновенен в северных равнинах; но что значат нынешния стада в сравнении с теми, о которых говорить Добс, в прошлом столетии, и которые состояли из нескольких тысяч—иногда до десяти тысяч—особей[2]! По словам Бутлера[3], которым, впрочем, противоречат показания других писателей, лось численно не уменьшается в бассейне реки Мира, что приписывают чрезвычайному изобилию зимней пищи; в то время, как малочисленные бизоны щиплют только траву, лось ест листья, ростки деревьев, веточки; даже середи зимы он всегда сыт. Охотники этих стран, относительно немногочисленные, ежегодно убивают около пятисот лосей; хотя обращенные в христианскую веру, они всё ещё смотрят на это животное как на существо священное; они едят с большой церемонией его внутренности и язык; женщины же не имеют права вкушать этих благородных частей; несъеденные остатки мяса должны быть уничтожаемы огнем[4]. Бобр и большинство других пушных зверей, грызунов или плотоядных, не переходят за пояс лесов. Кролик и его преследовательница—рысь также живут в лесной стороне, где число их увеличивается или уменьшается периодами от семи до девяти лет по климатическому ритму. Некоторое время они расплодятся в несметном множестве, затем заразительная болезнь истребляет их мириадами, немногие, избегшие эпидемии, восстановляют расу, и несколько лет спустя снова размножаются в огромном количестве[5].

К северу от лесной полосы, в области степей и тундр, фауна млекопитающих состоит из одного вида карибу, часто называемого «прыгающим оленем» или «гренландским оленем» (*rangifer groenlandicus*), из бурых медведей, которые живут во всех равнинах, изобилующих ягодами, наконец, из мускусных быков, волков, лисиц, полярных зайцев и других пушных зверей. Белый медведь бродит в соседстве морского берега. Несмотря на глубокий снег, покрывающий почву (во многих местах толщина его больше метра), медведи, мускусные быки,

1 John Schulz, цитиров. статья.
2 „Account of Hadson' bay".
3 „The Wild North Land".
4 Milton and Cheadle, цитиров. сочинение.
5 Tache;—W Hooper, „Ten Years among the tents of the Tuski";—John Schulz, цитиров. сочинение.

карибу находят себе пищу, разгребая когтями или копытами снежный слой, чтобы добраться до питательного ягеля. Однако, зимой, большинство животных крайнего севера эмигрирует на юг, так что происходит периодическое передвижение дичи и охотников. Водяные пти-

Видъ на рѣкѣ Нипигонъ.

цы, очень многочисленные, тоже перемещаются сообразно перемене времен года, а морские рыбы поднимаются далеко вверх по рекам. Макун перечисляет 32 вида рыб, населяющих воды Макензи и принадлежащих к семействам семги, сига, окуня и чебака. Наиболее цени-

мая рыба, белорыбица (*coregonus albus*), составляет богатство северных дикарей. Кроме того, путешественники очень часто упоминают какую-то «неизвестную» или «беззубую» рыбу, которая походит на белорыбицу, но не принадлежит к роду лосося, несмотря на её латинское название (*salmo Mackenzie*): это скорее особый вид голавля; она поднимается по реке до Большого Невольничьего озера: её находят также в Юконе[1]. Змеи не переходят за 50 градус широты; однако, их можно видеть ещё в верхнем бассейне Юкона; последний представитель лягушкообразных гадов встречается на верхних берегах реки Пиль[2]. В заливах Полярного моря английские мореплаватели находили китов, преимущественно в бухтах, защищенных полосами сплошного льда.

Обитатели территории, пересекаемой Атабаской-Мэкензи и другими притоками Ледовитого океана, как они ни малочисленны, принадлежат к трем различным семьям: эскимосской, тиннехской и альгонкинской.

Эскимосы Канадской державы, обозначенные миссионером Петито под именем «великоэскимосов» (Grands Esquimaux)—единоплеменники иннуитов Гренландии, Полярного архипелага, Аляски, и в округе Мэкензи сами себя называют «чиглит»,—слово, имеющее тот же смысл, как иннунт, т.е. «люди». В числе около двух тысяч, они живут на побережье, от аляскинской реки Кольвиль до Медной реки, и поднимаются по долинам рек на некоторое расстояние от морского берега; в долине Мэкензи они проникают за лиман в собственном смысле до первого дефилея Валов: истинный предел их распространения составляет граница тундр; пространства, покрытые древесной растительностью, принадлежат уже «краснокожим»[3]. Пребывая ещё в язычестве, чиглиты сильно презирают своих соседей индейского происхождения, награждая их самыми обидными кличками, и местные предания, также как прямое свидетельство белых, рассказывают о жестоких битвах, происходивших между этими двумя туземными расами. Эскимосы, живущие по берегам «Ощипанной» реки, выстригают себе волосы на макушке, на манер европейских монахов: это «для того», говорят они, «чтобы благость солнца, общего отца, согревала мозг, и чтобы благотворное тепло его распространялось до самого сердца»[4]. Впрочем, нравами чиглиты не отличаются от островных иннуитов, и тоже, как и эти последние, находятся на пути к вымиранию. Круглые каменные ограды, воздвигнутые около устья Рыбной реки, свидетельствуют о более высокой степени, на которой некогда стояла эскимосская цивилизация[5]. Нынешния племена страны, нечилики и киделики, не съумели бы построить подобных военных сооружений. К северу от Большого Невольничьего озера находят также нечто в роде пирамид, может-быть, древние жертвенники[6].

Тиннехи—слово, которое в их языке тоже значит «люди»—обозначаются некоторыми авторами под именами атабасканцев, по озеру и реке, и чиппевайянов или «Остроконечных Шкур», по форме их плащей. Петито называет их «дене-динджье», повторяя их имя под двумя различными формами (дене, дине, дюне, дане, днене, тин, тине, готине, кочин, коцин, динжи, динжа, и т.д. и т.д.). Они подразделяются на множество племен, смотря по месту обитания. Важнейшие из этих племен—собственно атабасканцы или «западные горцы», которые, однако, живут в равнинах, между рекой Чорчиль и Невольничьим озером. Соседи их. Оленееды и Желтые Ножи, обитают преимущественно в степях, простирающихся на восток от озер Атабаски и Невольничьего. Вблизи последнего, но главным образом на северных его берегах, охотятся также Собачьи Бока или Собачьи Ребра (Dog-ribs), называемые так на основании преданий о происхождении их племени от собаки; Петита говорит, что эти индейцы все без исключения заики. В недавнее время они были в большой части истреблены пле-

1 Francois Mercier, рукописные заметки
2 J. Richardson, „Arctic Searching Expedition“.
3 Klutschak, „Als Eskimo unter den Eskimos“.
4 E. Petitot, „Les Grands Esquimaux“.
5 Beck;—Nordenskjold;—Rae, etc.
6 H. P. Dawson, „Athaeneum“. Aug. 1883

менем Рабов, населяющим западные берега озера. Кроткие и робкие, безропотно переносящие обиду и угнетение, Рабы долго вполне заслуживали данное им презрительное прозвище; но, наконец, грабежа и убийства довели их до отчаянии, и роли переменились: в свою очередь, тираны были порабощены. В долине Мэкензи торговым языком служит «рабский» жаргон, состоящий из слов рабских, а также из слов, заимствованных из наречия племени «Лесные крики» и частию из французских[1]. Вследствие ошибочного понимания смысла французско-канадских слов, Франклин обозначал племя невольников именем Strong-Bow или «крепко натянутые луки», которое и теперь ещё можно встретить на некоторых картах. Многие из чиппевайянов отличаются замечательными умственными способностями. Кинг упоминает об одном из этих туземцев, искусном музыканте, который сам сделал скрипку, достойную хорошего европейского мастера, и играл на ней с большим вкусом[2]. Тиннехи дальнего севера одеваются теперь по-европейски и живут в комфортабельных домиках; они уже не прокалывают себе губ, ни перегородки носа для втыкания пуговиц, лебединых костей или нанизанных на нитку раковин.

«Бобры» или *Beavres*, «Носильщики» или *Carriers*, «Морды», Наанне или «Люди заката», иначе «Помеси», «Худые люди»—под этими именами известны западные народцы, кочующие в Скалистых горах и примыкающие с одной стороны к Рабам, с другой—к тиннехам Британской Колумбии и к индейцам Танана, обитателям берегов Юкона и водораздельных хребтов. «Заячьи Шкурки», называемые так от меха их шуб и рассеянные мелкими группами в соседних с эскимосским побережьем степях, так же, как и «Невольники», народ смирный и покорный. Наконец, территория Нижнего Мэкензи и, западнее, область, простирающаяся до Аляски, принадлежат «Косоглазыми», прозванным так первыми канадскими путешественниками по той причине, что они недоверчиво, искоса поглядывали на них. Мэкензи также дал им не очень лестную кличку, назвав их «ругателями» (quarrellers), потому что ему случилось быть свидетелем их перебранок с эскимосами: это—злые индейцы, о которых в Аляске говорили, что они «убивают взглядом». Франклин объясняет это имя «Косоглазые» благоразумием этих туземцев, которые «смотрят разом в обе стороны», чтобы уклониться от стрел неприятеля. По словам Петито, они вдесятеро многочисленнее в Аляске, чем на берегах Мэкензи; но на берегах этой реки они вступают в сношение с белыми для продажи шкур пушного зверя. Они практикуют обрезание, и даже некоторые из их соседей чиглитов переняли у них этот религиозный обряд, вообще очень редкий в индейских племенах; по словам Мэкензи, «Собачьи Ребра» тоже подвергали себя обрезанию. Однако, «Косоглазые», так же, как все другие тиннехи, за исключением нескольких групп, затерянных в Скалистых горах, вдали от миссионерских станов, приняли христианство и сделались ревностными католиками. Во время путешествия Макензи, у женщин различных племен существовал ещё обычай—после смерти отца, мужа или сына отрезывать себе сустав на пальце. Можно было встретить старух, не имевших ни одного цельного пальца на руках.

Третья этническая семья в области Атабаски-Мэкензи также состоит из людей, которые воображают, что они одни составляют истинное человечество, и которые на своем языке называют себя Эйинисук, т.е. «Люди»; канадские путешественники дали им название «Лесные Крики». Это—смирные и покладистые индейцы, безупречно честные, и все они обращены в христианскую веру, как и тиннехи: их насчитывают около тысячи душ. Но они составляют, так сказать, только авангард своей нации. Истинное отечество «Криков»—верхний бассейн Саскачевана; из этой области они постепенно распространились к северу через Волоки. Из всех индейцев северо-запада это—наиболее угрожаемые поднимающейся волной иммиграции. Уже несколько сот белых и китайцев поселились в верховьях Атабаски и на берегах реки Мира, в территориях Оминека и Кассиар. По единодушной надежде канадцев, эти торговцы и колонисты—предтечи сотен тысяч и миллионов людей, которые превратят эти пустыни в цветущие поля и селения.

1 E. Petitot, „Quinze ans sous le cercle polaire“

2 Richard King, „Journey to the Shores of the Arctic Ocean“.

До недавнего времени агенты Гудсонской компании, желая сохранить её монополию, систематически распространяли слух, что будто климат слишком суров, почва слишком неблагодарна, чтобы белые могли селиться в этих областях севера[1]; несмотря на эти рассказы, не подлежит сомнению, что можно бы было с успехом сеять хлеб в долине реки Мира, в долине Большой Невольничьей реки и во многих других областях этих высоких широт; экономический пояс культуры пшеницы достигает форта Лиард, близ 60 градуса[2]. Особенно дельта Атабаски обещает великолепные урожаи, как о том свидетельствуют образцы зерновых хлебов, посылаемые миссией форта Чиппевайан на различные сельско-хозяйственные выставки; но в этой низменной местности, угрожаемой возвратом вод, было бы опасно расчищать почву, не огородив её плотинами. Из форта Симпсон, под 62° с. ш., каждый год отправляют барку с картофелем в пост Доброй Надежды, на нижнем Мэкензи; ячмень колосится там через 75 дней после посева, хотя на глубине менее трех с половиной метров подпочва представляет совершенно мерзлый слой, толщиной по крайней мере в два метра. Снег редко бывает глубок; толщина его не достигает метра, и лошади могут зимовать в поле. Другая выгода страны в земледельческом отношении та, что саранча там никогда не появляется. Тем не менее, земледельцы не потянутся в эти края, пока в Манитобе и провинциях, перерезываемых канадской трансконтинентальной железной дорогой, будет ещё много незанятых годных земель. Операция кадастра, постройка рельсовых путей будет предшествовать прибытию переселенцев и основанию городов.

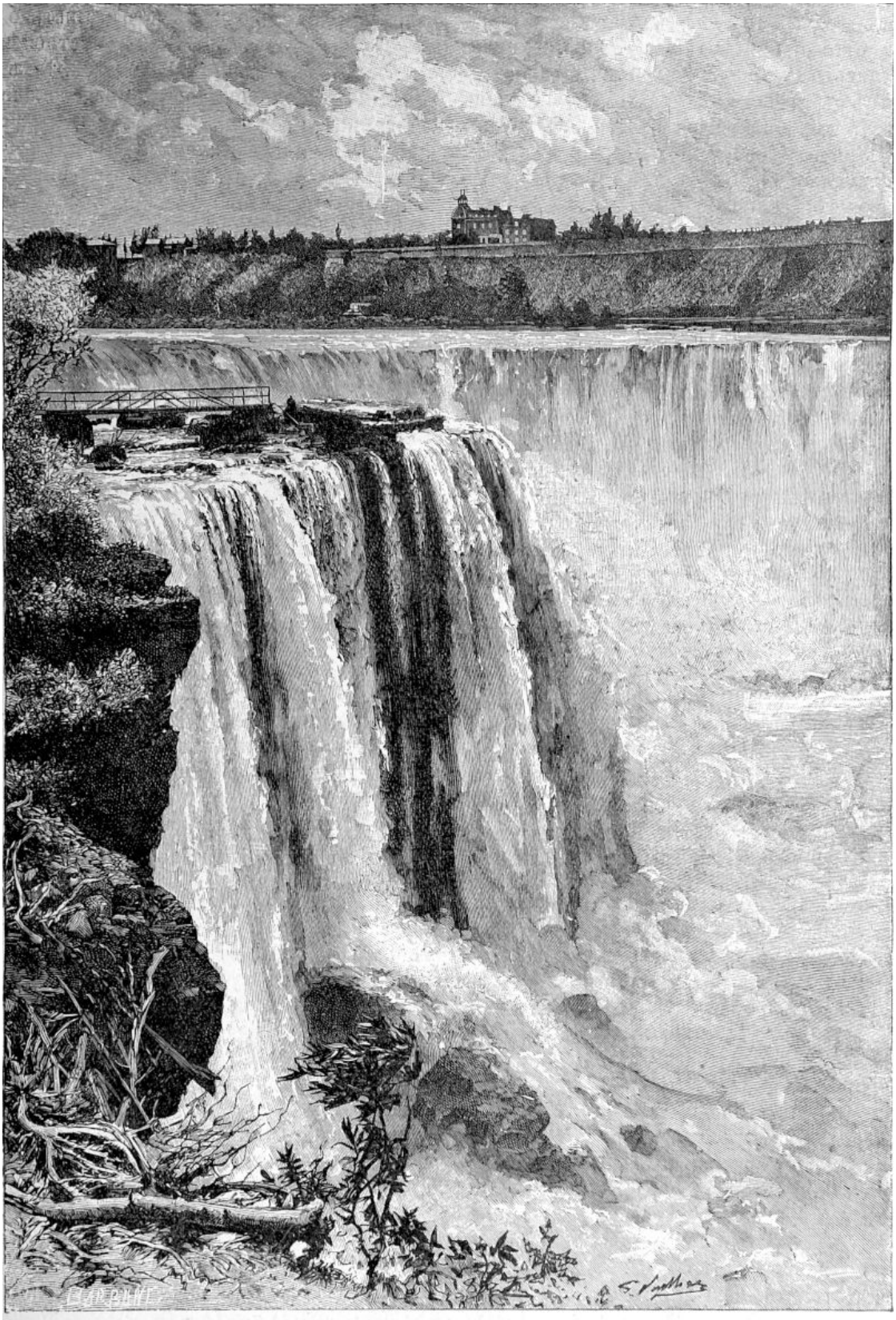
При том введение земледелия в этих странах влечет за собой новые нравы и коренную перемену в системе управления. До сих пор громадная территория северо-запада эксплоатировалась и администрировалась только «скупщиками шкур пушного зверя», посылаемыми крупными меховыми торговцами. В действительности земля и люди принадлежат монопольной компании. В 1821 году два общества, «Северо-западное» и «Гудсонское», одно франко-шотландское по национальности своих агентов, другое франко-английское и зависящие от лондонских директоров, положили конец долго длившейся между ними борьбе, чтобы слиться в одно торговое товарищество, и с этого времени монополия стала неограниченной. Она продолжалась до 1859 г., и даже после оффициальной отмены её держалась силой вещей. В 1869 г., после выгодной ликвидации и восстановления общества, последнее отказалось от всех своих привилегий в пользу Канады за вознаграждение в сумме около 7.500.000 франков, с прибавкой концессии земельных участков, общей площадью 2.800.000 гектаров, в самой плодородной полосе территории, и права собственности на все «торговые форты», с пространством земли в 25 гектаров вокруг каждого форта. Компания уступила территорию, но колонисты сменили её только в южной части бывших её владений; в бассейне же Атабаска-Мэкензи, где правительство ещё не приступало к производству кадастра, коммерческое всемогущество Гудсонской компании не было даже угрожаемо.

Вся торговля севера и Великого Севера монополизирована этим обществом. Хотя торговый обмен объявлен свободным, и по закону всякий может вступать в торговые сделки с индейцами Атабаски и Мэкензи, но это теоретическое право никого не соблазняет: ни одному спекулянту, богатому или бедному, не придет в голову вступать в конкурренцию с могущественной ассоциацией капиталистов, которая рядом поколений поработила себе всех охотников на пространстве, в шесть раз превосходящем Францию; нужны были большие перемены в политическом равновесии наций, чтобы отнять у Гудсонской компании торговую монополию, которою она овладела также в Аляске и в американских штатах Тихого океана до Колумбии. Оффициальная отмена монополии ни в чём не изменила условий торговли в этих северных областях и даже, может быть, осталась неизвестной туземцам. Впрочем, и компания игнорирует административные деления: территория её разделена на округи не по градусам широты и долготы, а по степени обилия и роду пушного зверя. Каждый округ имеет свою столицу, то-есть контору или «меновой форт», группу из трех или четырех построек,

1 „Official Reports before the committee of the British House of Commons“, 1857.

2 J. Richardson, цитиров. сочинение.

обнесенную четыреугольным частоколом, высотой от 5 до 6 метров. Так как в большинстве фортов только и есть военного, что одно название, то палисады не снабжены бойницами, и угловые башенки не вооружены пушками; но в тех местах, где характер туземцев внушает

Ніагарскій водопадъ со стороны Канады.

некоторую опаску, посты приведены в оборонительно состояние. «Главные факторы» и «главные скупщики» являются главными агентами компании и берут себе соразмерную долю из барышей. Общее число компанейских служащих всякого рода и племени, «разъез-

жающих», «зимующих» и «питающихся свиным салом», как их называли в прошлом столетии[1], не считая индейских охотников, доходило в 1875 году до тысячи человек англичан, шотландцев, акадийцев, англосаксов или французов, но франко-канадские метисы составляют господствующий элемент, и их язык ещё преобладает. Что касается чистокровных белых, то они представлены только главными факторами и католическими миссионерами, в числе от двадцати пяти до тридцати.

Охотники, метисы или индейцы, состоящие на службе у компании,—люди, мало имеющие во всём свете равных себе по силе, ловкости, выносливости к холоду, неутомимости, присутствию духа в виду опасности. В лесу им нужно угадывать дорогу, проложенную их предшественниками, тропу медведя или оленя; под снегом—они должны разыскивать лишай, которым придет пастись мускусный бык. В безлесной равнине, где не встретишь ни одного кустика, эти охотники ухитряются находить топливо, веточки, корни или мох; они смело пускаются через лабиринт дюн или скал и угадывают выход из него; затерянные среди бесконечной сети бухт и проливов озера, они узнают по профилю горизонта, в каком месте находится долина истока, и направляют свои лодки к выходному течению. Зимой, в длинную ночь, провожаемые медведями или волками, они держат путь по звездам; чтобы развести костер, вырывают яму в снегу, затем рядом другую яму, где и лежат скорчившись, закутанные в свой меховой мешок, иногда засыпанные и сверху снегом, во время буранов. Когда они ходят маленькими партиями, они могут оказывать друг другу помощь, в случае надобности; но иной раз им случается странствовать в одиночку, и тогда жизнь их становится ежеминутной борьбой со смертью. Стоит охотнику ошибиться дорогой и проглядеть в лесу или тундре примету, оставленную другими звероловами; стоит ему сильно ушибиться о камень и поранить себе ногу, изнемочь от усталости, перенося на себе лодку при обходе водопадами; стоит сделать неверный удар веслом при проходе порогов, или растратить попусту заряды,—и существованию его грозит неминуемая опасность.

Голод—одна из самых страшных опасностей: оттого индейцы и путешественники, отправляясь в экспедицию, должны запасаться таким съестным, которое было бы очень питательно при малом объеме; этим условиям как нельзя более удовлетворяет «бык» или *пеммикан*, необходимая дорожная провизия всякого, кто предпринимает дальнее путешествие в пустыни. Пеммикан состоит из сушеного мяса,—прежде бизоньего,—мелко изрубленного, с примесью топленого жира, в количестве, почти равном говядине, и плотно натисканного в каждый мешок; обыкновенно к мясу прибавляют ещё ягод и сахару. Вся эта смесь образует дотого плотную и сытную пищу, что самый прожорливый индеец не в состоянии съесть её более 2 килограммов в день[2]; нормальная же порция только половина этого количества. Приготовление пеммикана и других съестных припасов и составляет главное занятие людей, оставляемых на зиму в фортах. Каждый год Гудсонская компания требует точного отчета о всех предметах продовольствия, доставленных охотниками в каждой из станций Великого Севера, чтобы регулировать ход путешественников и назначать свидание индейцам, поставщикам шкур пушного зверя. Часто трапперы не имеют другой пищи, кроме ремней, которыми они перевязывают свои пакеты пушного товара, тюки весом около 40 килограммов, состоящие из ценных шкурок, обернутых более грубыми мехами[3].

В той части громадной территории, где ещё нет ни одного поселения белых людей, цена товаров, покрывал, материй, табаку, пороху или пеммикана, всегда исчисляется в «пушнине», т.е. в шкурах пушного зверя, да и самые эти шкуры представляют лишь идеальную ценность. Прежде это были действительные шкурки бобра, но так как каждый товар, каждая пушнина имеют свой тариф, определенный известным числом «бобров» или *beavers*, то торг производят без посредства менового знака, которого, впрочем, и не имеется в некоторых

1 Alex. Mackenzie;—Ferland;—Tache, etc.
2 Butler, „The Great Lone Land“.
3 Hooper, цитированное сочинение.

округах: теперешняя цена «шкурки» около 2 шиллингов[1]. Смотря по переменам обычаев и моды, в соответствии с большей или меньшей редкостью пушного зверя, меха неоднократно поднимались или падали в цене с тех пор, как путешественники странствуют в лесах и тундрах Великого Севера. Горностая охотники теперь уже не ценят, как прежде, потому, что им стали пренебрегать особы, которым шкурка его доставляла мех для парадных одеяний: таким образом животное было спасено от ожидавшего его истребления; трапперы даже обегают те местности, где этот зверок сильно расплодился, так как он уничтожает приманку, предназначенную для куниц и бизонов.

Некоторые другие пушные звери, беспощадно преследуемые охотниками, сделались очень редки; бобр, которому одно время грозила опасность истребления, когда шерсть его утилизировалась для фабрикации пуховых шляп, вздохнул свободнее с тех пор, как в этой промышленности начало преобладать употребление шелка; однако, обширные территории, в крайних южных областях его прежнего обитания, утратили этого зверя, да и там, где он ещё существует, замечено, что нынешния его работы по возведению плотин и постройке жилища почти не заслуживают внимания в сравнении с прежними памятниками его зодчества. Мех черной лисицы упал в цене с тех пор, как нашли средство окрашивать в блестящий и прочный черный цвет другие меха[2]. Опасаются сильного уменьшения в близком будущем пушного зверя вследствие того, что некоторые охотники употребляют стрихнин для поимки лисиц и волков. Когда приманка замерзнет, она действует медленно: животные околевают иногда в большом расстоянии от того места, где схватили её, и собственное их мясо, пожираемое другими хищниками, далеко разносит смерть. Самый ловкий зверь по части разрушения ловушек, способный перехитрить всякого охотника,—это каркажу или канадский барсук (gulo luscus), которого индейцы Лесные Крики и Горелый Лес называют «дьяволом»: подобно другим индейцам и метисам, они проникнуты суеверным почтением к этому хищнику, про ум которого разсказывают просто чудеса. Каркажу всегда бодрствует в большие зимние холода, именно в то время, когда его родичи погружены в спячку; вместо того, чтобы убегать от трапперов, он ходит следом за ними, чтобы воспользоваться дичью, попавшейся в западню. Вонючку (mephitis) тоже боятся, не столько по причине его страшного зловония, сколько потому, что укушения её причиняют рода бешенства, отличного от того, которое выпивается укушением бешеной собаки, но не менее опасного[3].

Так как охота на пушного зверя и продажа его шкур производится за счет частных компаний, держащих в секрете свои коммерческие операции, то нет возможности узнать с точностью годовую ценность произведений, доставляемых полярными областями Канадского государства; однако, удалось определить годовую продажу мехов, благодаря списку товаров, предлагаемых на Лондонском рынке[4], где выставляется вся канадская пушнина, происходящая, большей частию, из территорий Северо-Запада и особенно с берегов Мэкензи. До сих пор ещё не пробовали делать в отношении четвероногих пушных зверей то, что сделали в отношении котиков на островах Прибылова, песцов и диких гусей—на островах Аляски, т.е. разводить их в огороженных помещениях для того, чтобы правильно эксплоатировать продукты, сохраняя самую породу. Вероятно, впрочем, что качество мехов ухудшилось бы, если бы животные не жили на полной свободе. Меха, выставленные на продажу в Лондоне в 1887 году: выхухоль—2.485.368 шкур.; хорек—682.794 шкур.; визон—376.223 шкур.; лисица разн. видов—137.068 шкур.; заяц—114.824 шкур.; бобер—104.279 шкур.; куница—98.342 шкур.; медведь—15.942 шкур.: каркажу—15.525 шкур.; рысь—14.520 шкур.; выдра—14.439 шкур.; тюлень с гривой—13.578 шкур.; прочий пушной товар—26.265 шкур.

Минеральные богатства—вот что, вероятно, будет главным образом привлекать колонистов в бассейн Макензи. Долины реки Тополей и её притоков, особенно бассейн, где нахо-

1 E. Petitot, „Quinze aus sous le cercle polaire“.
2 E. Petitot, „Les Grands Esquimaux“.
3 E. Petitot, „Les Grands Esquimaux“.
4 Hovey, „U. S. Geological Survey“.

дится озеро Диз, повидимому, содержат золото в изобилии: там находятся прославленные Кассиарские прииски, названные так по имени индейцев каска, бродящих в этих гористых местностях; деревня Лектон, при дельте речки Диз-крик, на берегу озера, была прежде очень оживленным центром переменного населения. Долина Медной реки, как показывает самое имя, богата медью, и старинные путешественники рассказывают, что туземцы пользовались самородками этого металла без плавления, подвергая их прямо ковке ударами камнем[1]. Залежи соли были открыты на севере и на юге от озера Атабаска; там же встречаются пласты гипса, лигнита, каолина; наконец, по исследованиям геологов, существующие в недрах этой страны запасы минерального масла превосходят мощностью все другие нефтеносные формации Нового Света: от Саскачевана до мыса Батурст, на пространстве около 2.000 километров с юга на север, повсюду видны признаки присутствия петроля[2]. По мере истощения нефтяных источников Огайо и Пенсильвании, источники Мэкензи выигрывают в относительной важности. В глазах канадцев нефтеносный бассейн Северо-Запада должен быть рассматриваем уже как сокровище конфедерации. Оттого правительство предполагает не пускать в продажу пространство около 100.000 квадр. километров, заключающееся между озерами Атабаска и Малым Невольничьим, и сохранить его для будущих концессий компаниям капиталистов. Произведенные недавно бурения в этих областях обнаружили существование очень обильных источников воспламеняющихся газов.

Если нет городских поселений на громадном протяжении Великого Севера, то меновые форты имеют, тем не менее, капитальную важность, как обязательные сборные и продовольственные пункты для путешественников и как естественные центры, выбранные в силу представляемых ими выгод для встречи охотников и торговцев: если современем явятся города, то, без сомнения, они возникнут около этих привилегированных мест, подобно тому, как города Квебек, Монреаль, Торонто, Ниагара, Виннипег выстроилась вокруг острогов, сооруженных первыми канадскими исследователями. Некоторые из фортов области Атабаска-Мэкензи приобрели географическую славу, благодаря пребыванию там знаменитых путешественников-исследователей, Макензи, Франклина, Бака, Ричардсона и других.

К числу фортов, имеющих важное значение, как места прохода и жительства, принадлежит, во-первых, Джаспер (Jasper-house), лежащий на высоте слишком 1.000 метров, на верхней Атабаске, при впадении в неё небольшого горного ручья, la Miette, который огибает известную пирамиду, называемую «Roche a Miette», окруженную поясом обвалов. Напротив открывается горный проход Желтой Головы, через который можно спуститься на запад, в долину Фразера: сначала предполагали-было провести через этот перевал тихо-океанскую железную дорогу, но потом отдали предпочтение проходу Лягающагося Коня; современем, может-быть, этот проект будет осуществлен дли постройки рельсового пути к Аляске. Пост и миссионерский стан на Оленьем озере, значительнейший населенный пункт во всём Великом Севере, имеет около 600 жителей, индейцев «Лесные Крики» и французских метисов. Селение это командует перекрестком проходов, посредством которых производится сообщение между верхней Атабаской, северной ветвью Саскачевана и рекой Англичан или Чорчиль; в соседстве находится Athabascalanding, наиболее посещаемая верховая пристань и исходная точка судоходства по Макензи. Форт Мак-Муррей господствует над слиянием Атабаски и Прозрачной Воды (Clear-Water), на спуске волока Голец, который впродолжении целого столетия был главной дорогой канадских путешественников. На западной оконечности большого озера Атабаска, геологические перемены, производимые распространением наносов, неоднократно вынуждали торговцев перемещать свою контору, и теперь этот пост, называемый Чиппевайан, построен против притока, рядом с истоком. Невдалеке оттуда находится миссионерский стан, с сиротским домом: в 1888 году он был обитаем 65 лицами и, следовательно, составлял настоящий «город» в этих так слабо населенных областях. Прежний форт Чиппевайан, на южном берегу озера, сделался, во время пребывания там Макензи,

1 Dobbs, „Account of Hudson's bay".

2 John Schulz, цитиров. сочинение.

«маленькими Афинами Великого Севера»[1]. Другой пост, форт «Дно Озера», помещается на восточной оконечности озерного бассейна, в близком соседстве областей, изливающих свои воды в Гудсоново море. Наконец, по берегам реки Мира и её притоков рассеяно много постов, которые построены обыкновенно в местах переправы: главный из них—форт Донгеван, близ границы Британской Колумбии.

Форт Смит, на волоке между Атабаской и Мэкензи, при Невольничьей реке,—оживленная пристань. Севернее, форты Резолюшен и Провиденс, на Большом Невольничьем озере, прославлены экспедицией Франклина, так же, как форт Риляйенс—экспедицией Бэка; но этот последний пост, основанный единственно для облегчения исследования Рыбной реки, давно уже покинут, и от него остались только развалины. Форт Рэ, на северном фиорде Большого Невольничьего озера, был реставрирован на общие средства Англии и Канады, для основания центральной метеорологической станции на крайнем севере, где М. Г. П. Даусон провел зиму 1882—83 года. Главный пост в области, простирающейся между Большим Невольничьим и Большим Медвежьим озерами,—форт Симпсон, при слияния Мэкензи и реки Тополей: он командует дорогой, ведущей в южную Аляску через истоки Стикена. Несколько других, менее важных, постов следуют один за другим по берегам Мэкензи; затем идет форт Нормэн, при слиянии главной реки и притока Большого Медвежьего озера. Новый форт Доброй Надежды, заменивший прежний пост, который был снесен разливом Мэкензи в 1836 г.[2], занимает местоположение, сходное с позицией форта Нормэн, при слиянии Мэкензи и Заячьей реки, тогда как форт Макферсон, на реке Пиль, наиболее серьезно приведенный в оборонительное состояние, наблюдает с 1848 года за землей эскимосов и «Косоглазых», которые встречаются в дельте Мэкензи. В обширных голых равнинах востока Гудсонская компания не имеет других контор, кроме форта Энтерпрайз, лежащего в центре треугольника, образуемого Большим Невольничьим озером, Большим Медвежьим озером и заливом Коронации. Форт Конфиденс, построенный на северо-восточном заливе Большого Медвежьего озера, теперь покинут.

IV. Бассейн озера Виннипег, покатость Гудсонова моря

Альберта, Саскачеван, Ассинибойя, Манитоба, Киватин

Часть этой территории, отрывка бывшей земли Руперта или владений Гудсонской компании, уже обмежевана административно,—не естественными границами, а геометрическими линиями. Иначе и быть не могло в стране, не имеющей ещё истории, и поверхность которой исследована только наполовину. Четыре территории, вырезанные, в форме прямоугольников, в канадских землях, покатых к Гудсонову морю, суть: провинция Манитоба и округи: Альберта, Саскачеван и Ассинибойя, обозначаемые общим именем «Северо-Западной» страны, вместе со всем бассейном Атабаски-Мэкензи. Со стороны востока и северо-востока остается открытое пространство для выкраивания новых провинций, если только эти земли не войдут в состав уже организованных государств Канадского Союза. Это неопределенное пространство, сливающееся с неисследованными ещё тундрами между Гудсоновым морем и Рыбной рекой, называется покуда Киватин или «Северный Ветер»,—имя, вполне оправдываемое суровым климатом этих холодных областей. На юге пределом провинций Виннипега служит 49-й градус широты, общая граница Канадской державы и республики Соединенных Штатов. Если бы придерживаться истинной раздельной линии между бассейном Виннипега и бассейном Мэкензи, то первый межевой столб следовало бы поставить в Скалистых горах Монтаны, между верхними притоками рек Сент-Мери и Мильк, из которых первая впадает в Саскачеван, а вторая в Миссури. От этого пункта раздельная возвышенность направляется

1 L. R. Masson, „Les Bourgeois de la Compagnie du Nord-Ouest“.

2 E. Petitot, „Les Grands Esquimaux“.

на северо-восток, оставаясь, на протяжении около 700 километров, в пределах территории Канадского Союза и следуя извилистой линии между оврагами двух покатостей. Далее эта линия заворачивает к юго-востоку, в американский штат Северная Дакота, затем в штат Миннесота, чтобы обогнуть бассейны рек Красной и Дождевой, притоков Виннипега. В канадской территории волок между этой покатостью и покатостью Верхнего озера находим лишь в небольшом расстоянии к западу от этого последнего бассейна.

Площадь эта громадной территории ещё нельзя вычислить в её естественных пределах, так как во многих местах они ещё не обследованы: её можно указать лишь на основании официальных геометрических разграничений. Так, очерченное пространство составляет почти 2.120.000 квадр. километров; население же, коренное и пришлое, наверно не достигает там и 1 жителя на 10 квадр. километров. Вот приблизительные цифры пространства и населения (со включением индейцев) различных областей Гудсонской покатости, относящиеся в 1885 году:

Провинция Манитоба—319.100 кв. килом., 104.302 жит.; округи: Саскачеван—226.000 кв. килом., 10.647 жит.; Альберта—259.000 кв. километр., 15.533 жит., Ассинибойя—246.050 кв. килом., 22.083 жит.; Киватин—1.000.000 кв. килом., 4.000 жит.; итого—2.050.150 кв. килом., 156.565 жит.

Можно надеяться, что населенность, ныне столь ничтожная, скоро возрастет, так как иммиграция уже значительна, а обилие хороших земель, теперь большею частию доступных, благодаря проведению рельсовых путей, обезпечивает стране непрерывное колонизационное движение. Тихоокеанская железная дорога, пересекающая край с востока на запад, от Верхнего озера до Скалистых гор, есть главная линия, вдоль которой распределяется жизнь, и каждая новая ветвь заставляет разветвляться её направо и налево, как кровь в больших и малых артериях. Быстрый путь заменяет естественные дороги озер, рек и волоков, по которым торговое движение совершалось крайне медленно. Если бы канадское правительство не поспешило построить железнодорожную линию, соединяющую Манитобу с восточными провинциями, населения этой страны стали бы тяготеть к Соединенным Штатам, с которыми сообщения относительно удобны, через долину Красной реки и долину верхнего Миссисипи. И, несмотря на эту материальную, созданную железной дорогой, связь, которая в то же время, силой вещей, является связью социальной и политической, восточные провинции должны осторожно обращаться со своими сестрами, провинциями дальнего запада, чтобы не усилить притягательного движения, которое могло бы увлекать их к могущественной соседней республике.

Цепь Скалистых гор не выделяет из себя настоящих отраслей в восточные равнины. С этой стороны у подножия гор расстилается волнистая местность, и переход от крутых скатов к равнинам очень резок. Высоты, выступающие в территориях, лежащих между Скалистыми горами и озером Виннипег, походят на отрывки плоскогорья, уцелевшие от размывающего действия вод: это—массы, относительно не высоко поднимающиеся над уровнем окружающих пространств и оканчивающиеся верхней террасой с слабым рельефом. В целом, вся эта область может быть рассматриваема как состоящая из трех уступов с параллельными краями, следующих один за другим от основания Скалистых гор до впадины, занимаемой озером Виннипег: 1.000, 500, 200 метров—таковы средние высоты трех ступенек гигантской лестницы. Различные массивы, стоящие на гранях уступов, имеют вид холмов и гор только когда на них смотришь с нижней террасы; с другой стороны они сливаются с равнинами или, по крайней мере, представляются как незначительные возвышения почвы.

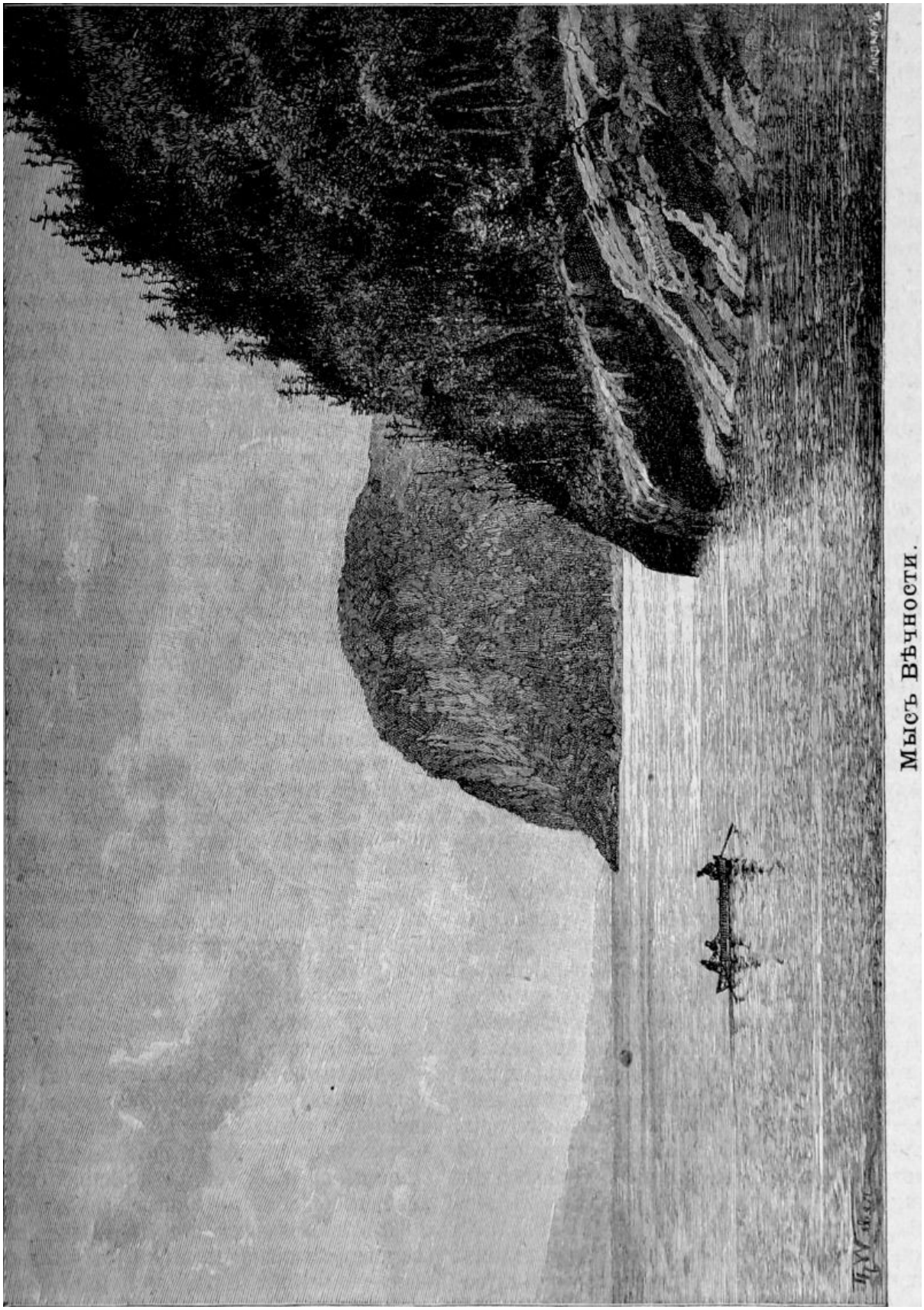
Западная терраса, простирающаяся у основания Скалистых гор, имеет около 700 километров средней ширины и круто обрывается над равнинами, по которым протекают «Мышь», «Призывная река» (Calling-river, Qu'Appelle) и две ветви Саскачевана, в соседстве их слияния. На этом плоскогорьи, с очень пологим скатом в восточном направлении, из высот, видимых издали над гладкими равнинами, всего более представляют вид гор «Кипарисовые холмы», Cypress-hills, особенно когда они на половину скрыты в тумане; их выс-

шие куполы имеют около 1.200 метр. высоты над уровнем моря, или около 300 метр. над уровнем окружающих голых равнин, усеянных солончаками. Холмы эти, почти уединенные, составляют водораздел между притоками Саскачевана и притоками Миссури; они окружены так называемыми «coulees», т.е. речными руслами, высохшими или ещё наполненными водой, и не связаны никаким ясно обозначенным хребтом страны с тремя остроконечными эруптивными горами (2.100 метр.), находящимися на юго-западе, в американском штате Монтана. «Ручные холмы», Hand-hills, лежащие между двумя главными ветвями Саскачевана, к северу от тихо-океанской железной дороги, тоже окружены бесплодными землями, твердыми глинами меловой эпохи, где ни один кустик не может укорениться. Таков же характер и других массивов, известковых или песчаниковых, возвышающихся на несколько десятков или сотен метров над средним уровнем плато. В некоторых местах среди прерии встречаются ряды дюн, частию подвижных. Из «гор» западной террасы самые живописные —«Лесныя», Wood-mountains, лежащие в бассёйне Миссури, притоки которого огибают их с северной стороны. Общая граница Канады и Соединенных Штатов пересекает этот массив по направлению с востока на запад; в прежнее время он действительно заслуживал это название «лесистых гор», а в некоторых глухих долинах и теперь ещё заслуживает. По своему географическому положению эти горы должны были служить местом убежища для индейцев, бежавших из Соединенных Штатов: здесь знаменитый вождь сиуксов Sitting-Bull («Сидящий Бык») разбил свой лагерь в 1862 г., после стычки, в которой весь американский отряд был истреблен краснокожими. В горных долинах и соседних прериях паслись мириады бизонов, доставлявших краснокожим пищу в избытке. Теперь индейцы и бизоны исчезли, но в ущельях, соединяющих пастбища, ещё можно различить тропы, протоптанные стадами, а в болотистых низинах сохранились ещё ямы, которые эти животные вырывали рогами, и в которых скоплялась грязь, где они валялись с наслаждением.

Край западной террасы, обрисовывающийся на горизонте в виде совершенно правильной полосы, направляется с юго-востока на северо-запад, параллельно оси Скалистых гор: ему дают названия «Бугор Миссури», «Бугор Прерий» или «Большой Бугор». Он тянется почти непрерывной линией на 1.000 километров в длину, от берегов Саскачевана в Канаде до берегов Миссури в Соединенных Штатах. Большой Бугор не имеет вида простого обрыва, он представляет, с отлогой стороны, лабиринт холмов и горок с округленными вершинами, состоящих из груды больших камней и гравия, которые, очевидно, были увлечены льдами в предшествующую геологическую эпоху. Более мелкие обломки, глина и песок были перенесены далее и рассеяны водами на нижних террасах. Большой Бугор прерывается небольшим числом брешей для прохода рек: воды вылились в низменность, расстилающуюся перед Бугром, и образовали там лужи, почти везде соляные или солоноватые; кроме того, встречаются высохшие и покрытые беловатым налетом водоемы, напоминающие о существовании древних озер. На плоскогорье солончаки, озерные впадины, теперь порожния, тоже следуют непрерывным рядом, свидетельствуя о проходе бывших глетчерных потоков, иссякших в современном геологическом периоде. Очевидно, этот длинный косогор есть не что иное, как фронт огромной морены, выдвинутой некогда далеко за черту Скалистых гор в среднюю низменность Америки. Каменные глыбы, из которых состоит громадный бугор, протянувшийся через равнину, принадлежат всем векам, начиная с Лаурентинского периода; но пески, глина и поверхностные камни плоскогория относятся к меловой и третичной формациям: там встречаются обширные пространства, содержащие пласты лигнита, откуда и название «плато третичного лигнита», которое иногда дают всей верхней террасе. Во многих местах этого нагорья находили кости больших животных, принадлежащих к исчезнувшим видам; индейцы относятся с почтением к этим бренным остаткам, считая их телом какого-нибудь могущественного «маниту».

Промежуточная ступень, ограничиваемая на западе Бугром Прерий, гораздо уже западной: от края до края, она тянется на пространстве около 350 километров. Также как верхняя терраса, она представляет отдельные холмы, носящие на своих скатах следы размывания и являющиеся как бы свидетелями прежнего более высокого «уровня» в неизмеримой равни-

не, большею частию расчищенной водами. Внешний край, широко иззубренный речными долинами, не имеет той правильности, какою отличается Большой Бугор. Он состоит из отдельных массивов, которые похожи на горы только восточным своим склоном, тогда как с

Мысъ Вѣчности.

другой стороны они кажутся незначительным возвышением почвы. Это—холмы Пембина, к западу от Красной реки, горы Райдинг, Утиные горы (Duck-mountains), Дикобразовы холмы (Porcupine-hills), на западе Манитобы и Виннипегозиса. Группы, рассеянные по наго-

рью, тоже носят большею частию имена животных: таковы «Черепашьи горы» (Turtle-mountains), «горы Лосей» (Moose-mountains), «Фазаньи холмы» (Pheasant-hills), «Бобровые холмы» (Beaver-hills). На севере, терраса, на которой стоят все эти горы, круто спускается в долину Саскачевана.

Восточная терраса, нижняя ступень, которою поднимаются на плоскогория дальнего запада, тянется вдоль долины Красной реки и Виннипегской низменности. Бывшая аллювиальная земля, отложенная потоками, она состоит из толстого слоя чернозема, содержащего в изобилии золу травы, ежегодно выжигаемой степными пожарами. Подпочва также состоит из аллювия, сделавшагося мергельным от смешения с бесчисленными раковинами пресноводных моллюсков. Мало найдется в свете более плодородных земель; но значительная часть долины занята болотами, завоевание которых для земледелия будет стоить очень дорого: по крайней мере они дают обильные сборы грубого сена.

Главная река страны—та, которую в верхнем её течении называют «Саскачеваном» (Кисискачиуан), что значит «быстрая река». Две главные ветви её носят название: Северный Саскачеван и Южный Саскачеван; первая питается более мощными ледниками и протекает по местностям, где дожди обильнее. Важнейшие образующие её ручьи, между прочим Бразо, берут начало в Скалистых горах, возле истоков Атабаски, в цирках, куда спускаются ледники, и текут на северо-восток, чтобы соединить свой молочно-белый поток с ручьем «Чистая вода» (Clear-Water), который действительно катит прозрачную волну. Ниже слияния, Северный Саскачеван, извиваясь между песчаными, глинистыми и мергельными берегами, не очищает своего течения, особенно в период разлива, да и притоки, выходящие с плоскогорья, тоже приносят ему струи мутной воды. Некоторые озера приносят ему весной соляной поток, иссякающий летом; одно только озеро этих плато, «Бобровое», Beaver-lake, изливается в Саскачеван через постоянный исток. В месте впадения этого притока Северный Саскачеван огибает массив Бобровых холмов (Beaver-hills), миновав которые, он поворачивает к юго-востоку, чтобы следовать вдоль основания косогоров, образующих границу между первой и второй террасами. В этой части своего течения он соединяется с извилистой речкой «Битвы» (Battle-river).

Вторая ветвь, Южный Саскачеван, более известная путешественникам, благодаря тихоокеанской железной дороге, поднимающейся по её долине, образуется, подобно северной ветви, из многочисленных ручьев, вытекающих из-под конечных арок ледников в цирках Скалистых гор. Главная река бассейна—Бау-ривер («река дугой»), долиной которой трансконтинентальный железный путь поднимается на перевал «Лягающейся лошади». Река эта вытекает из ледникового озера, к западу от горы Гектор, и течет на юго-восток, в долине Банф, прославленной путешественниками, принимает в себя воды «Чертова» озера (Devil's lake),—извилистого бассейна, наполняющего пропасть между крутых гор,—затем вступает в область плато через ущелье, называемое *Gap*, или «Брешь». Ниже она соединяется с ручьем, спускающимся из горного прохода Кананаскис, с рекой Белли, проходящей из южных долин и с перевала Кутенэ. На расстоянии около 200 километров к востоку от гор все ледниковые потоки уже соединились. Далее, в Большой Прерии Альберта, побочная долина «Красного Оленя» (Red-deer) несет свои воды в Южный Саскачеван; но многочисленные овраги, где прежде проходили постоянные речки, теперь имеют лишь временные ручьи или лужи без истечения, пересыхающие летом, оставляя на почве селенитовый налет; название «coulee» или «coule» вошло в английский язык в значении долины с редкой водой, с соляными лужами. Ниже слияния с Красным Оленем, Южный Саскачеван вырывает себе глубокое ущелье между мореновыми формациями нагорья; затем, пробив Большой Бугор, он заворачивает к северу, чтобы образовать, в соединении с другой рекой, «главный» (main) Саскачеван. Средний расход (объем воды, протекающей в секунду) обоих Саскачеванов в месте слияния, по измерениям Юля-Гайнда, выражается следующими цифрами:

Южный Саскачеван—960 куб. метров; Северный Саскачеван—708 куб. метров; главный Саскачеван, ниже соединения—1.668 куб. метров.

Весьма вероятно, что прежде южная ветвь продолжалась рекой Коллинс, притоком Ассинибойны; при первых исследованиях дальнего запада, Паллизер и Гектор полагали, что нашли судоходный путь между Саскачеваном и Красной рекой[1]. На этой террасе, с неопределенным скатом, воды легко меняют свое направление: достаточно обвала, перемещения песчаной горки, чтобы поток направился в другую сторону и таким образом перешел в другой бассейн. Дюны разделили в этом месте течение Южного Саскачевана и отбросили его воды к главной северной долине. Ручей, бегущий по дну старого русла, покинутого Саскачеваном, носит название Аитков, т.е. «Поворачивающая река»[2].

В последней части своего течения два Саскачевана текут почти параллельно друг другу в северо-восточном направлении. Ниже полуострова или «рога», образуемого слиянием, река имеет немного более 300 метров средней ширины и течет между высоких крутых берегов, высеченных в толще террасы: там и сям воды разливаются широкими бассейнами, окружая своими частными потоками песчаные мели и острова, поросшие ивами и тополями. Прибрежные равнины простираются очень далеко вправо и влево от реки, на юг до Холмов Паскиа, на север до бугров и дюн, менее высоких. Во многих местах расстояние между высокими берегами главной долины не менее ста верст. По бокам бегут речные потоки, параллельные Саскачевану и, как кажется, составляющие, подобно ему, остатки бывшего глетчерного потока: на юге река—Каррот, соединяющаяся через поперечный поток с главной рекой; на севере—«Осетровая река» (Big Sturgeon-river); кроме того, с этой стороны по углублениям плато рассеяны многочисленные озера. Одна из этих больших водных площадей, озеро Пайн-Айленд (Pine-island-lake), ниже слияния Осетровой реки, сообщается с Саскачеваном посредством нескольких естественных каналов (bayous), меняющих место с каждым новым разливом. Когда вода в Саскачеване поднялась высоко от дождей или таяния снегов, она устремляется на север в озеро Пайн-Айленд; в период мелководья, наоборот, вода из озера течет в реку. От этого озерного бассейна идут две цепи озер: одна на северо-восток, к реке Нельсон, другая на север, к реке Чорчиль. В большие разливы устанавливается временное сообщение водой между этой последней рекой и озером Кумберлендским, притоком Саскачевана[3].

Ниже этой внутренней дельты, Соскачеван описывает свою наидалее выдвинутую к северу дугу, называемую «Большим Изгибом» (Big-Bend), затем образует другую извилину, чтобы проникнуть в ущелье, где плавание очень опасно по причине сильных водоворотов. Далее, Саскачеван извивается между низменными берегами, в равнине, бывшей некогда озером, от которого ещё осталось несколько резервуаров с болотистыми берегами: таковы озера «Лосье» (Moose-lake) и «Чортов Барабан» (Devil's Drum), за которыми следует озеро «Кедровое» (Cedar-lake), названное так от встречающихся на его низменных берегах лесков кедра, —дерева редкого на гудсонской покатости. Кедровое озеро, которое французские путешественники называли lac Bourbon, отделено от другого, гораздо более обширного бассейна, Виннипегозис, лишь болотистым перешейком, «Моховым волоком» (Mossy-portage), шириной около 7 километров, через который легко было бы прорыть канал: тогда Виннипегозис сделался бы притоком Саскачевана; весной все эти озера сливаются в одну водную площадь. По выходе из Кедрового озера, Саскачеван переходит известковый порог быстрым течением, по которому, однако, могут подниматься барки, затем снова разливается в ширь, чтобы образовать озеро «Креста» (Cross-lake). В этом месте река находится ещё на высоте 16 метров над уровнем озера Виннипег, до которого осталось всего каких-нибудь двадцать километров: понятно, что она спускается быстрым потоком по очень наклонной плоскости, чтобы войти во внутреннее море. Она скатывается с первой, затем со второй стремнины, и последний участок речного течения, на пространстве около четырех с половиной километров, представляет словно спуск из шлюза громадной массы воды, стремительно несущейся между двух стен из

1 „Petermann's Mittheilungen", 1860.
2 Youle Hind, „Assiniboine and Saskatchewan Expedition of 1858".
3 Tache, „Esquise du Nord-Ouest".

желтоватого известняка, на карнизах которых кое-где торчат одинокия деревья. В предшествующую геологическую эпоху Саскачеван, без сомнения, низвергался прямо в озеро Виннипег сверху скалы, которую его воды постепенно источили, затем переделали в длинный корридор, который тянется до двух аллювиальных полуостровов, окаймляющих речной поток при впадении его во внутреннее море.

Саскачеван один приносит Виннипегу больше половины впадающих в него вод, но многие другие потоки тоже изливают в это озеро значительный объем жидкой массы. Замечательнейший из них—Малый Саскачеван, впадающий почти около середины западного берега озера, и разливы которого покрывают обширное пространство низменных земель. Река эта вытекает из озера Манитоба, по имени которого называется центральное и первенствующее государство или штат гудсонской покатости. Занимаемая им впадина тянется параллельно большому озеру Виннипег: оба эти озерные бассейна—остатки внутреннего моря, простиравшагося некогда во всей средней области страны. На северо-западе, озеро Манитоба отделено лишь узким перешейком от другого озера, Виннипегозис или Малый Виннипег, расположенного в том же направлении: вместе эти два озера имеют длину около 400 километров, почти равную длине самого Виннипега; но площадь их уже площади большого озера, берега извилистее, и воды менее глубоки; иногда летом воды Малого Виннипега имеют несколько солоноватый вкус, причиной чему обильные соляные источники, бьющие близ западного берега, у подошвы Утиных холмов (Duck-mountains)[1]. Ветры иногда разводят на этих водных пространствах сильное волнение, которое индейцы приписывали гневу «маниту»: отсюда и самое имя Манитоба, которое, впрочем, объясняют различно. По мнению некоторых писателей, имя это обязано своим происхождением музыкальному звуку волн, ударяющихся об утесы из плотного и звонкого известняка: индеец с благоговейным трепетом внимает этому «пению духа маниту».

Из двух смежных озер Малый Виннипег лежит выше метров на шесть, и воды его изливаются в Манитобу большой рекой «Лысуха», или Water-hen. Сама Манитоба, лежащая на 13 метров выше Виннипега, выпускает из себя реку, которая ниже, по выходе из другого озера, принимает имя Малый Саскачеван или Дофин. Берега реки относительно высоки, и на каменистой почве их растут большие тополи, но низменная равнина, простирающаяся между озером и прудами, есть не что иное, как *muskeg*, трясина, где ростут лишь чахлые деревца или кусты на топкой почве, в которую воткнутая палка уходит на несколько футов. Предлагали перерезать, на юге озера Манитоба, перешеек, высотой около 4 метров, отделяющий этот бассейн от реки Ассинибойна: этим способом увеличили бы вдвое сеть судоходных путей вокруг города Виннипега.

Северная Красная река (Red River of the North), которой следовало бы, во избежание путаницы, возвратить какое-нибудь прежнее индейское имя, приносит воды не так много, как Большой Саскачеван, но с геологической точки зрения она может быть рассматриваема как главная река всей гидрографической системы, ибо она находится в оси впадины, занимаемой озером Ваннипегом, оси, которая в то же время совпадает с средним жолобом континента между Скалистыми и Аппалахскими горами. Красная река берет начало на территории Соединенных Штатов, в пределах Миннесоты; высота «возвышенности», где соединяются её первые воды, около 400 метров; начальный ручей, выходящий из озера Эльбо («Локоть»), течет сначала в южном направлении и, пройдя через ряд озер, достигает бассейна, называемого Otter-tail-lake или «озеро Хвоста Выдры», по выходе из которого бежит на юго-запад, затем на запад и, наконец, на север. Таким образом, в верхнем своем течении Красная река описывает полукруг, в обратную сторону с полукругом, очерчиваемым, восточнее, верхним Миссисипи. Общая область истоков есть страна озерная по преимуществу: там насчитывают более семисот озер, из которых иные имеют весьма значительные размеры; во многих местах, жидкая поверхность более обширна, чем площадь обсохших земель. Легко было бы открыть судоходные каналы между всеми этими бассейнами, от Красной реки до Миссисипи

1 Thomas Simpson;—Youle Hind, цитиров. сочинение.

и от Миссисипи до реки Сен-Луи и до Верхнего озера.

Геологи считают несомненным фактом, что Красная река некогда была притоком Миссисипи через Миннесоту. Между озером Траверс, откуда выходит один приток Красной реки, и озером Бигстон, местом происхождения Миннесоты, порог не имеет даже 2 метр. высоты; иногда во время разлива, вода северного бассейна изливается в южный, и таким образом прежнее течение временно восстановляется. Верхняя долина Миннесоты имеет вид большого речного ложа, в котором нынешний ручеек едва приметен, а долина эта продолжается на север долиной Красной реки. Можно проследить взором широкую борозду, вырытую некогда водами, изливавшимися из обширного озера, от которого теперь сохранились лишь остатки. Жидкий избыток этого озера, которому Уаррен дал ретроспективное имя «озеро Агассица», должен был вытекать на юг, так как на север дорогу ему преграждала ледяная стена, покрывавшая тогда всю Северную Америку. Но когда эта кристальная преграда постепенно отодвинулась к северу, и излишняя жидкая масса нашла себе выход через озеро Виннипег и стремнины Нельсона, на юге выступил наружу раздельный порог между Миннесотой и Северной Красной рекой: последами перестала быть притоком Миссисипи, каким доселе остается одноименная с ней Красная река южная[1].

По выходе из озерной области, Северная Красная река бежит на север, извиваясь в долине, общее направление которой совпадает с меридианом. От излучины Брекенбридж до общей границы Соединенных Штатов и Канадского Союза расстояние по прямой линии 302 километра; с поворотами же оно составляет 741 килом. Скат долины незначителен; в месте пересечения политической границы высота почвы ещё 241 метр. Река течет спокойно и правильно, в луговой долине, составляющей своим однообразием резкий контраст с видом большинства других рек в их верхних горных долинах. Нигде берега не представляют скал, если не считать редких эрратических камней, известных в крае под именем *hard-heads*, или «твердых голов»: почва везде состоит из новейшего аллювия, залегающего на слое наносов бывшего озера. В верхней части своего течения, река, регулируемая многочисленными, наполняемыми ею, озерными резервуарами, представляет лишь слабые годовые колебания уровня; но нельзя того же сказать о низовьях, где река перерезывает прерии. Там иногда, во время разлива, вода поднимается на 10, даже на 13 метров выше ординара, и случалось, что пароходы плавали в долине над полями. Эти страшные наводнения происходят от неравномерного таяния льдов: кристальный покров исчезает прежде всего в самых южных частях бассейна, на севере же лед держится дольше, и воды, задерживаемые этой преградой, скопляются перед ней вместе с массой приносимых ими сверху льдин, образующих заторы. Песчаные берега обрушиваются в поток, и русло каждый год изменяет свою форму, образуя новые извилины. Вода реки в то время бывает грязно-белая, а не красная, как можно бы было думать, судя по её имени: не от цвета воды, гласит индейская легенда, а от крови, пролитой на её берегах во время битвы между двумя враждебными племенами, река получила свое наименование; однако, некоторые писателя указывают один небольшой приток с красноватой водой, имя которого, может-быть, перешло и на главную реку. При выходе из территории Соединенных Штатов средний расход Красной реки (площадь бассейна около 102.000 квадр. километр.) составляет 78 куб. метров в секунду[2].

В провинции Манитоба к Красной реке присоединяются реки Тростниковая, Крысья и река, прозванная Сеной и действительно протекающая через земли, обитаемые франко-канадцами; с другой покатости спускается Грязная река (Sale), которую прежде обозначали гораздо более верным именем «Соляной» (Salee), происшедшим от питающих её соляных источников. Главный приток зарождается также на западных равнинах: это—Ассиннбойна, давшая свое имя одному из округов будущих канадских штатов гудсонской покатости. Река эта берет начало в возвышенной части плоскогорья, простирающагося на запад от озера Малый Виннипег и его прибрежных террас, и течет сначала в южном и юго-восточном направ-

1 Winchel, „Popular Science Monthly“, June and July 1873.

2 Greenleaf, „Water-Power of the Northwestern States, United States Census for 1881“, vol. XVII.

лении, как бы для того, чтобы изливаться в Миссисипи. Равнины, по которым она протекает, были до недавнего времени обитаемы только прыгунами и сиукской нацией ассинибойнов, которым она и обязана своим наименованием; она известна также под именем Каме-

Привалъ канадскихъ лѣсопромышленниковъ.

нистой реки, *Stony-river*, данным ей не за каменистые берега или ложе, а скорее за скудное течение: большую часть года воды её извиваются тоненькими струйками между высоких глинистых или песчаных берегов, которые трескаются от жары, затем обрушиваются целыми

полосами, когда поток, усиленный таянием снега, размоет их основание. Коллинг-ривер, «Призывная или Зовущая река» (Calling-river, rivere Qu'Appelle), индейское имя которой, имеющее тот же смысл, объясняется легендой о зове невидимого маниту[1], впадает в Ассинибойну в средней части её течения, мало увеличивая объем её жидкой массы, хотя общая длина этого притока не менее 600 километров. Ниже слияния, соединенные реки постепенно беднеют водой, вследствие испарения, до впадения в Красную реку. Расход Ассинибойны в летнее время не превышает 50 кубич. метров в секунду.

Коллинг-ривер, как известно,—один из тех замечательных потоков, которые представляют непрерывную линию сообщения с другой рекой посредством водной площади, имеющей двойной скат. К востоку от луки Южного Саскачевана, песчаные горки, из которых самые высокие поднимаются метров на двадцать над уровнем почвы, постепенно повысили ложе глубокой долины, вырытой на 30 слишком метров ниже поверхности плоскогорья, но не заполнили её, и извилистая впадина, шириной, в среднем, более 1.600 метров, продолжает на восток верховье Южного Саскачевана. В том месте, где долина наиболее приподнята наносом песку, именно на 22 метра выше меженного уровня в Саскачеване[2], небольшой пруд занимает промежуток между дюнами, и из этого резервуара вытекают с одной стороны «Поворачивающая», с другой—«Призывная» река. Последняя вскоре после того исчезает в озере, окруженном дюнами, воды которого уходят на восток просачивающимися в песке источниками. Коллинг-ривер—это маленький ручеек, особенно в летнее время; но долина его на всём протяжении сохраняет правильную форму, везде имеет от одного до двух километров ширины между высокими берегами, и глубина её жолоба постепенно увеличивается по направлению к Ассинибойне, достигая под конец 97 метров. Через известные промежутки в долине следует одно за другим узкия озера, глубиной не менее 10 метров, словно отрывки реки, воды которой вдруг остановились в своем течении. Замечательнейшие из этих резервуаров—четыре «Рыбныя» озера (Fishing-lakes), разделенные аллювиальными равнинами и прежде составлявшие вместе длинный бассейн в форме полумесяца. Притоки «Призывной» реки представляют аналогичное образование: это тоже скудные ручьи, текущие в широкой и глубокой долине, которая содержит там и сям удлиненные озера, остатки могучих рек, следовавших за ледниками. По рассказам индейцев, у подошвы длинного обрыва, образуемого большим бугром Миссури, тоже находится бифуркация, подобная разветвлению «Поворачивающей» реки: там два незначительных ручья, называемых «Мышиной рекой», отделяются от общего бассейна, чтобы изливаться, один—в Призывную реку, другой—в нижнюю Ассинибойну: во время разливов лодки могут, будто-бы, переходить без волока из одного бассейна в другой[3].

По соединении с рекой Коллинг, Ассинибойна, также текущая в широкой долине, поворачивает на восток и, наконец, направляется прямо к центральной впадине, где течет Красная река. В этой части своего низовья Ассиннбойна принимает в себя приток «Мышь», описывающий большой круг в территории Соединенных Штатов, затем проходит в небольшом расстоянии к югу от озера Манитоба и, наконец, соединяется с Северной Красной рекой, в том месте, которое выбрали для постройки города Виннипег. Говорят, что в большие разливы речка «Крыса», между Ассинибойной и озером Манитоба, несет воды главной реки в озеро. Прорыть канал через этот перешеек было бы делом легким; точно также при помощи запруды можно бы заставить течь воды Южного Саскачевана в Ассинибойну через Коллинг-ривер и образовать из этих двух рек прекрасный судоходный путь: суда уже пользовались им во время большого разлива 1852 года. Теперь Ассинибойна неудобна для судоходства, несмотря на большую длину её течения, которую для одной только главной ветви исчисляют в 1.300 километров.

Ниже главного города провинции Манитоба, соединенные воды Ассинибойны и Красной

1 Yonle Hiud, цитиров. сочинение

2 Gordon, „Mountain and Prairie".

3 Youle Hind, „Assiniboine and Saskatchewan Expedition of 1858".

реки сохраняют имя этой последней и продолжают следовать в общем её направлении с юга на север. Километрах в шестидесяти ниже слияния, болотистые земли, среди которых разветвляются речные потоки, имеют совершенно вид дельты, и действительно вскоре взорам открывается обширная поверхность озера Виннипег. По всей вероятности, в геологически близком будущем эта дельта Красной реки сольется с дельтой другого притока озера, который впадает километрах в сорока к северо-востоку: это поток, получивший, как и озеро, индейское имя Виннипег (Yu-Huma), «Грязная Вода», так как вода его действительно мутная от присутствия белой глины. Река Виннипег приносит, правда, меньше воды, чем Саскачеван, но она имеет более важное значение с исторической точки зрения, как естественный путь сообщения к Верхнему и другим озерам, составляющим Канадское средиземное море: этой дорогой ходили охотничьи племена, затем по их следам канадские путешественники, а географическая номенклатура, как известно, установляется в большинстве случаев историей. На озеро Виннипег смотрели как на продолжение реки, по которой к нему приходили его посетители.

Бассейн реки Виннипег обнимает весьма значительное пространство. Он начинается всего в каких-нибудь сорока километрах к западу от Верхнего озера, у «Большого Волока», порога, высотой около 36 метров, разделяющего две покатости. Начиная от этого водораздела, абсолютная высота которого 440 метров, все воды изливаются в бассейн Виннипега через ручьи и речки, соединяющие пруды и озера. Лодки плывут по наклонной плоскости потока, скользят на менее опасных стремнинах, но перед водопадами приходится вылезать из челнока и тащить его через леса, обходя скалы и болота. До постройки дорог и шлюзов самые быстрые экспедиции не могли быть совершаемы менее, чем в двадцать восемь или тридцать дней между двумя большими озерами по дороге волоков, длиной 1.057 километров; в 1870 году отряд войска, посланный для усмирения взбунтовавшихся метисов, употребил три месяца на переход пространства, отделяющего Громовую бухту от Виннипега. Впрочем, перед смелыми путешественниками открывалось несколько путей, одинаково трудных, но из которых каждый имел свои выгоды и неудобства, смотря по времени года, высоте вод, неприязненному или дружественному отношению индейцев. Одним из наиболее практикуемых был тот путь, который Соединенные Штаты и Канада выбрали как международную границу, и который инженер Даусон превратил почти в удобную дорогу, построив обходные пути вокруг волоков, прорыв судоходные фарватеры в озерах и преобразовав стремнины и водопады в ряд бассейнов, соединяемых при помощи шлюзов[1]. Теперь, со времени проведения трансконтинентальной железной дороги, все эти трудные пути через пустыни оставлены: громадное расстояние проходится менее чем в один день.

В канадской территории озерная область, разделяющая два обширных бассейна озер Верхнего и Виннипег, ещё более усеяна водными площадями, извилистыми и разветвляющимися, чем американская территория Миннесоты, около истоков Красной реки. На пространстве около 300 километров в ширину, с юга на север, и 600 километров в длину, с востока на запад, лабиринт озер кажется бесконечным, и точно также в каждом озере лабиринт островов: повсюду видишь разом воды и скалы. Между сотнями, тысячами озер есть очень обширные, которые во всякой другой стране, не в Канаде, считались бы внутренними морями. Таково, например, в 200 километрах к западу от Верхнего озера «Дождевое озеро» (Rainy-lake), называемое канадскими французами lac «la Pluie», хотя настоящее его имя lac Rene, по имени охотника, который познакомил с ним своих соотечественников. «Дождевое» озеро окружено куполовидными скалами, высотою от 100 до 150 метров, разделенными болотами и лесками; вытекающая из него река, носящая то же имя, «Rainy-River» или «Дождевая», никогда не замерзает выше водопадов, прерывающих её течение. Берега её довольно высоки, и прежде вдоль них росли непрерывными шпалерами большие деревья; но уже в небольшом расстоянии от берега (не везде одинаково—от нескольких сот метров до несколь-

1 Anderson, „Journal of the R. Geographical Society“;-H. de Lamothe, „Cinq mois chez les francais d'Amerique“.

ких километров) почва представляет сплошную трясину, залегающую на слое торфа, в который можно воткнуть шест длиной в десять метров, не встречая дна. «Лесное озеро» (lac des Bois ила lake of the Woods), в которое изливается Дождевая река,—самый значительный из озерных бассейнов, лежащих между озерами Верхним и Виннипег: оно имеет не менее 640 километров в окружности; но многочисленные острова и мысы делят его на второстепенные бассейны, которые увеличиваются или уменьшаются в зависимости от наводнений или засух. Особенно в северо-западной части, ближайшей к Виннипегу, острова рассеяны по поверхности озера сотнями, и все они отличаются друг от друга размерами, высотой и растительностью. Некоторые из них не что иное, как лужайки, едва выступающие над водой; другие являются в виде лесистых холмов, иные представляют скалы с уступами или с отвесными стенами. Никакое путешествие не открывает взорам более разнообразных пейзажей, чем плавание по Лесному озеру.

Водяная чечевица покрывает некоторые бухты сплошным ковром; в других местах «дикий овес» канадцев, называемый также «диким рисом» (zizania aquatica), образует обширные поля в заливах и проливах, возвышаясь на 2 метра и больше над уровнем вод: это растение миссисипских областей, не встречающееся нигде в Канаде, кроме Лесного озера и соседних водных площадей. Побережье окаймлено скалами, кое-где грядами дюн; на запад же озеро продолжается верст на триста «мускегом», трясиной, которая была некогда морем и которую можно переходить только зимой, когда вся губчатая масса тверда, как камень, и покрыта снегом. Самые смелые канадские путешественники тщетно пытались пробраться летом с Лесного озера в город Виннипег через эту низменную местность с топкой почвой. Болотистые пространства там и сям прерываются «плоскими» озерами.

К северу от Лесного озера—«Английская» река (English-river), текущая с востока на запад, к реке Виннипег, есть скорее ряд озер, чем настоящая река. Она берет начало в обширном бассейне, называемом «Одиноким» озером, может-быть, по причине пустынности его берегов. Английская река—главный приток большой реки, принимающей имя Winnipeg-river, по выходе из Лесного озера. Последняя выходит из озера не одним потоком, а множеством рукавов, образующих обширную обращенную дельту: один из этих рукавов снова соединяется с главным потоком только в ста слишком километрах от выхода из озера. В своем течении, общая длина которого 262 километра, река Виннипег спускается с высоты 106 метров, но падение её неравномерно: она образует многочисленные водопады, очень красивые, благодаря обилию вод, богатой растительности островков, величавости гранитных скал. По словам Бутлера, который, впрочем, не приводит доказательств в подкрепление своего вывода, Виннипег, в среднем, несет вдвое большее количество воды, чем Рейн[1], именно около 4.000 кубических метров в секунду.

Озеро Виннипег, громадный резервуар, где соединяются потоки Большого и Малого Саскачевана, Красной реки, истоков Лесного и Одинокого озер и множества других, менее важных притоков, занимает пространство около 22.000 квадр. километров: это, следовательно, один из обширнейших озерных бассейнов в свете; по размерам он превосходит даже одно из пяти озер Канадского средиземного моря, Онтарио, и соперничает площадью с озером Эри. Длина его окружности 1.496 километров, а протяжение с юга на север более 400 километр., не считая извилины среднего ложа; наибольшая ширина, против устья Саскачевана, около сотни километров, но в двух местах он съуживается, а в проходе, называемом «Теснинами», the Narrows, расстояние между берегами не превышает десятка километров. Таким образом, Виннипег делится на два бассейна: «малое озеро» Юга и «большое озеро» Севера. Высоту озерного уровня определяют различно—от 191 до 216 метров над поверхностью Гудсонова моря; что касается глубины воды, содержащей много землистых частиц, то она весьма незначительна в сравнении с глубиной Верхнего озера и большинства других больших озерных бассейнов; в самом впалом месте она, говорят, составляет только 22 метра, и можно идти по илистому или песчаному дну очень далеко от берега, прежде чем достигнешь глубины в рост

1 „The Great Lone Land“.

человека; наводнения и засухи сильно видоизменяют профиль побережья и протяжение затопляемых земель. На восточном берегу над озером там и сям господствуют кристаллические породы, тогда как вдоль противоположного берега тянутся, на значительном пространстве, низменные, даже болотистые земли, а около северной оконечности Виннипега первоначальные очертания озера теперь замаскированы узкими полосами суши, развертывающимися в форме правильного полукруга. Одна из этих береговых стрелок или кос носит вполне заслуженное имя Мосси-Пойнт, т.е. «Моховой мыс».

Под защитой этого длинного низкого полуострова и собираются вытекающие воды, сначала чтобы образовать извилистое озеро, затем, чтобы раздвоиться вокруг большого острова и снова соединиться после перехода через цепь озер: река, которую французские путешественники называли Бурбоном, теперь известна под именем «Нельсон», по крайней мере, во второй половине своего течения. Поток этот, несущий огромную массу воды, равную «четверному объему Оттавы»[1], т.е. более 8.000 кубич. метров в секунду,—один из замечательнейших во всей Канаде по своим могучим водопадам, по своим «котлам», в которые низвергаются воды между стен из гранита или других кристаллических пород. Несмотря на мощность и глубину своего течения, Нельсон судоходен только для лодочников, которые останавливаются вышо порогов и водопадов и переносят на спине свои пироги: в своем течении, длиной около 650 километров, Нельсон спускается с высоты слишком 200 метров. Ниже «Треснувшаго» озера и озера «Чаек» река становится спокойнее и представляет среднюю глубину, достаточную для больших судов, но устье её загромождено баром. Замечательно, что речной поток не образовал дельты за нормальной линией берегов, хотя он несет в море большое количество осадков; он изливается в воронкообразный лиман, довольно далеко вдающийся в канадскую территорию, может-быть, бывший фиорд, частью изгладившийся: там, на берегу, было погребено, в 1612 г., тело моряка Нельсона, имя которого увековечено в названии реки. Немного южнее в этот залив впадает другая волоковая река, называемая в нижней её части «рекой Гэйса» или «Йоркской», а прежде носившая имя Sainte-Terese. Подобно всем потокам этих областей, где озера сменили движущиеся ледники, эта многоименная река есть скорее цепь озерных бассейнов разной величины, соединенных водопадами и порогами. Более короткая, менее извилистая, менее загромождаемая зимними льдами, чем Нельсон, река Гэйса выбрана путешественниками как торговый путь между озером Виннипег и Гудсоновым морем: средним числом, они употребляют двадцать пять дней на это путешествие, проходя в общем около 600 километров. Гэйс-ривер—одна из тех рек, которые представляют явление постоянного истечения по двум противоположным покатостям. Близ места, называемого «Раскрашенной скалой», вода делится на два потока, из которых один спускается на северо-запад к Гудсонову морю, а другой идет на соединение с истоком Виннипега.

Река Чорчиль, или «река Англичан», изливающая в море наибольший объем жидкой массы, после Нельсона,—откуда её индейское имя Мисси-нипи или «Большая Вода»,—представляет в своем течении замечательный параллелизм с Нельсоном, от которого она удалена, в среднем, на 150 километров к северу; но она резко отличается от этой реки чистотой своих вод. В верховьях, начиная от самого дальнего из своих истоков, находящагося близ озера Лань, притока Атабаски, Чорчиль носит имя реки Бобров и течет вдоль внешнего основания мореновых террас, выдвинутых некогда ледниками за черту Скалистых гор. Он меняет имя по принятия в себя вод озера La plonge, затем вод других озер, которые приносят ему ручьи, выходящие с волока Голец. Озера следуют одно за другим в его долине; другие озера питают притоки; одно из них, озеро «Северного Оленя», Reindeer-lake, лежащее на севере,—самый большой из озерных резервуаров, находящихся между Виннипегом и Атабаской: оно занимает пространство в несколько тысяч квадр. километров. На большинстве карт озеро Северного Оленя ошибочно изображено как путь сообщения между двумя бассейнами Чорчиля и Мэкензи: это явление бифуркации, наблюдаемое довольно часто в Канаде, здесь не суще-

1 Grant, „Picturesque Canada“.

ствует; порог из выступивших наружу земель явственно разделяет две покатости Ледовитого океана и Гудсонова моря[1]. Эти разветвления рек к двум различным бассейнам прежде были многочисленнее, как о том свидетельствуют цепи озер на дне долин, ныне обособленных, продолжающиеся на значительном протяжении. Обвалы, местные размывы, даже плотины бобров могли во многих случаях переместить течение реки и отбросить её в другую сторону, но следы старого русла до сих пор заметны на почве. Самая форма озер, удлиненных в направлении от юго-запада к северо-востоку, не доказывает ли, что Саскачеван прежде проходил во впадинах, где теперь текут Нельсон и Чорчиль?

К северу от устья Чорчиля, ещё несколько рек впадают в море из равнин Киватина, но все эти реки—слабые потоки в сравнении с Нельсоном и Чорчилем: значительнейшая из них—река Дубонт, которая проходит через озеро того же имени, затем изливается в длинный фиорд Честерфильд, вдающийся внутрь материка, как говорят, на 400 километров, проходя между двух почти параллельных берегов, по направлению от востока к западу. Далее, около полуострова Мельвиль, открывается другой фиорд, Уэджер (Wager-inlet), более широкий, но менее длинный, чем инлет Честерфильд. К югу от Нельсона и Йоркской реки, на гудсонской покатости находим ещё несколько значительных рек, лучше известных, чем потоки Великого Севера. Северн, Виниск, Экван, Аттахваписка, Альбани—вот главные притоки, впадающие в Гудсоново море с юго-западной его покатости: из них последний (Альбани) получил особую политическую важность, как раздельная линия между провинцией Онтарио и территорией Киватин. Далее, река «Канадского Лося» (riveire de l'Orignal), более известная под английским именем Moose-river—последний большой приток западной покатости Гудсонова моря: он изливается в бухту Джемс, в юго-восточном её углу. Бассейн его питают значительные озера, между прочим, одно из живописнейших в Канаде, озеро Абитибби, лежащее в соседстве вод, спускающихся на юг к озеру Темискаминг. Во всех этих второстепенных бассейнах, также как в большом бассейне Виннипега и в бассейне верхнего Миссисипи, геологи констатировали, что террасы расположены одна над другой неправильными концентрическими линиями вокруг озерных бассейнов, ещё наполненных водой или уже опорожненных речными размывами. Реки тоже сопровождаются в некотором расстоянии террасами, соединяющими, наподобие проливов, берега бывших морей. Некоторые из этих террас тянутся на пространстве нескольких сотен километров: карты, где высоты указаны кривыми уровня, воспроизводят их истинный характер.

Соседнее море и само носит на своих берегах следы прежних изменений уровня. Между устьем Северна и лиманом Нельсона, на протяжении около 320 километров, береговой пояс состоит из гряд, параллельных морскому берегу, образованных из гравия и разделенных через промежутки, от 100 до 400 метров, узкими долинами, занятыми прудами; вблизи берега вода в этих лужах ещё солоноватая, тогда как между холмами, лежащими дальше внутри материка, она уже свежая и чистая. Всё заставляет думать, что почва постепенно поднялась, ибо хребты, удаленные от моря, выше близких к нему, и почва, на которой они стоят, тоже повышается; лес, находимый в промежуточных долинах, состоит из деревьев, принесенных волнами, в различных степенях разложения, смотря по расстоянию от нынешнего берега[2]: лес этот находят ещё на высоте 16 метров. По некоторым признакам заключили, что при устье Чорчиля относительное понижение моря с прошлого столетия составляет около 2 метров.

Гудсоново море, обыкновенно называемое, совершенно неправильно, «заливом», должно быть рассматриваемо, как принадлежащее к той же естественной области, к которой принадлежит бассейн Виннипега, и прежде оно было наполнено и покрыто тем же ледяным полем[3]. Дно его ложа продолжает, по тому же наклону, равнины, постепенно понижающиеся к вос-

1 Emile Petitot, „Proceedings of the R. Geographical Society", 1889.

2 A. P. Law, „Geological Survey of Canada", Annual Report 1886.

3 R. Bell, „Commission geologique du Canada", Raports de 1882. 1833, 1884

току и северо-востоку, от основания Скалистых гор, и эти же равнины посылают Гудсонову морю самые обильные его притоки. Провинции Онтарио и Квебек, также причисляемые, по крайней мере на карте, к прибрежным землям Гудсонова моря, в действительности отделены от него водораздельной возвышенностью, переходимой только несколькими индейцами. Что касается Лабрадора, плоскогорье которого простирается на восток от северного «средиземного» моря, то он составляет особую землю, живая сторона которой обращена к Атлантическому океану. Даже впродолжении двух с половиной веков первобытной истории, протекших для этих стран далекого севера, Гудсоново море и бывшие территории Компании составляли одно нераздельное целое. Проливом между Лабрадором и Баффиновой землей и по водам Гудсонова моря всегда ходили и до сих пор ходят суда могущественной компании, развозящие по постам трапперов продовольственные запасы; этим же морем фермеры Манитобы и Саскачевана предполагают отправлять свои произведения в Англию; будущие экспортные порты возникнут не на реке св. Лаврентия и не на океанском берегу, а при устьях Нельсона, Чорчиля и реки Лося.

Площадь Гудсонова моря, со включением его заливов, бухт и подходных проливов, исчисляется Беллем в 1.300.000 квадр. километров; считая только часть свободного моря, ограничиваемую на севере островами Саутгэмптон, Мансель[1] и другими, поверхность бассейна составляет около 800.000 квадр. километров, следовательно, почти равно пространству, занимаемому всей западной половиной Средиземного моря, от Гибралтарского пролива до Сицилии (площадь Гудсонских островов, в море и проливе, определяют в 80.227 квадр. километров[2]. Вся страна, воды которой изливаются в Гудсоново море, обнимает территорию по меньшей мере в два миллиона квадр. километров, более четверти канадских владений. От южной оконечности бухты Джемс, крайнего залива Гудсонова моря, до восточного входа Гудсонова пролива суда проходят расстояние слишком 2.000 километров.

Таким образом по размерам бассейн этот вполне заслуживает имени моря, но по глубине ложа он в большей части своего протяжения представляет поверхностную впадину, которая при небольшом поднятии почвы обратилась бы в сушу[3]. Весь залив Джемс есть не что иное, как желтоватая водная площадь, где бури поднимают грязь со дна, и где суда могут пускаться в плавание лишь с большой осторожностью, чтобы не застрять на какой-нибудь тинистой мели или на низменном острове, в роде Агумски или Чарльтона. Что касается главного бассейна, то средняя глубина его, определенная на основании сделанных кое-где промеров, составляет приблизительно около 130 метров, и слабый скат ложа отличается такой равномерностью, что если бы море вдруг высохло, то вид дна представлял бы то же однообразие, как и вид американских прерий[4]. Около центральной части бассейна и у входа в пролив толщина слоя воды значительнее: лот измеряет там слишком 200 метров; наконец, в Гудсоновом проливе, через который внутреннее море сообщается с океаном, нашли глубину 550 метров в середине канала. Вид берегов в общем соответствует глубине прибрежных вод. Где море, мелко, там берега низки; где воды относительно глубоки, там берег вздымается крутыми утесами. На побережье Ист-Мэн, как называют Лабрадорский берег, над волнами господствуют мысы высотой в 300, даже 600 метров. Вместе с переменой вида берегов и глубины воды изменяется и фауна. В заливе Джемс, с длинными пляжами, с водами, немного солеными, солоноватыми или даже пресными в соседстве рек,—морские рыбы малочисленны, тогда как севернее находят почти все морские виды Ледовитого океана.

Параллельно крутому берегу Лабрадора, из недра глубоких вод (от 50 до 100 метров), поднимаются очень опасные для судоходства рифы, выступы эруптивных пород, частью размытых водами. Эти «Sleepers» или «Dormants», как их называют моряки, расположены по

1 Marnel, а не Mansfild, как написано почти на всех картах. Остров был назван так мореплавателем Ботон в 1612 году. (Oscar Peshel, „Geschichte der Erdkunde“),

2 Behm und Warner, „Bevelkerung der Erde“.

3 Ed. Suess, „Das Antlitz der Erde“.

4 Robert Bell, „Geological Survey of Canada“, 1879—1880 и 1885.

линии длиной около 400 километров и принадлежат, повидимому, бывшему берегу, давно погрузившемуся на дно моря. На севере большой остров Саутгемптон, мощный гнейсовый массив, отделяет Гудсоново море от широкого пролива Фокс и каналов, разветвляющихся в полярном архипелаге. Ещё недавно этот остров считали гораздо более обширным, и суда огибали его далеко к югу: теперь известно, что пролив «Рыбаков» (Fisher-strait) отделяет его от южного острова, ещё не означенного на картах, но по площади почти равного острову Мансель, который лежит восточнее и который походит на огромный стол из гравия. Гудсонов пролив тоже усеян землями, большими гнейсовыми скалами и конгломератовыми плато. Что касается западного берега Гудсонова моря, то он почти не имеет островов, несмотря на малую глубину соседних вод. Наиболее известен из островов этого берега, как сборный пункт китоловных судов, Мраморный остров (Marble-island), к югу от фиорда Честерфильд. Имя его не соответствует действительности, так как его утесы ослепительной белизны состоят из грубого известняка, белых кварцитов и слюдяных сланцев[1].

Океанский прилив распространяется из Гудсонова пролива до всех заливов внутреннего моря, гораздо шире открытого на океан, чем Средиземное море Старого Света, но сила его уменьшается по мере распространения к югу. Тогда как в бухте Унгава, на северном лабрадорском берегу, разность приливного и отливного уровней составляет 10, даже 12 метров в большие приливы,—у западных берегов, в лиманах Нельсона и Чорчиля, разность эта колеблется между тремя с половиной и четырьмя с половиной метрами. Это распространение прилива дает право заключить, что Гудсонов пролив никогда не бывает совершенно обложен льдами и что всегда остается проход, через который продолжается волнообразное движение вод. В подобном климате, где средняя температура на несколько градусов ниже нуля, льды должны быть очень обильны, но полное сплошное замерзание воды происходит только в бухтах, прикрытых берегами и островами; в местах же, где проходят быстрые течения или где бури производят сильное волнение, лед ломается. Правда, зимой прекращается всякое судоходство в Гудсоновом море, и даже суда не решаются проходить пролив по всей его длине до начала июля; даже после этой даты иногда ещё несколько недель опасно пускаться в пролив, потому что сплошные ледяные пространства, образовавшиеся на севере острова Саутгемптон, в канале Фокс, т.е, под полярным кругом, ломаются тогда и уносятся ветром и течением к выходному проходу. По летописям гудсонского мореходства, самое раннее прибытие первого судна в Йоркскую контору имело место 6-го августа, а самое позднее—7-го октября: среднее время прихода первых судов—4-го сентября[2]. Что касается льдов Гудсонова моря, которые не соединяются зимой в сплошную площадь и между которыми остаются обширные свободные пространства, то они тают на месте, благодаря высокой температуре неглубоких вод, быстро нагреваемых летним солнцем; только немногие льдины доплывают до выходного пролива. Опасность происходит, главным образом, от льдин, спускающихся из канала Фокс и часто запирающих вход в пролив или, по крайней мере, сильно затрудняющих движение судов[3]. Этот плавучий лед не так чист, как гренландский: некоторые льдины содержат в себе грязь и камни, происходящие, очевидно, с островов Арктического архипелага и особенно с Баффиновой земли.

В среднем, навигация парусными судами в Гудсоновом море продолжается только два месяца в году, но самые опасности плавания, зависящие от течений, приливов, льдов и туманов, заставляют моряков подвигаться вперед с крайней осторожностью, и до 1864 г., когда два судна гудсонской компании потерпели крушение у острова Мансель, ни одно из 133 судов, посланных этим обществом с 1789 г., не погибло[4]. Пар, позволяя упредить время прибытия и замедлить время ухода, даст морякам четыре месяца, с 1-го июля по 1-е ноября, и лучше урегулирует движение экспедиций. Вероятно также, что более подробное исследова-

1 Klutschak, „Als Eskimo unter den Eskimos“;—E. Suess, цитиров. сочинение.
2 A. R. Gordon, „Rapport sur l’expedition a la baie d’Hudson“, 1886.
3 „Proceedings of the Geographical Society“, October, 1888.
4 Ch. A. Bell, „Hudson-bay“, „Manitoba Historical and Scientific Society“.

ние берегов этого моря обнаружит путь следования плавучих льдов и укажет наиболее удобные пункты для основания пристаней. Первые изыскания в этом направлении, как известно, имели целью открыть «Северо-западный» проход: в семнадцатом и восемнадцатом столетиях Гудсон, Бэттон, Джемс, Фокс, Мунк, Джибб, Мидльтон, Смит—все ставили себе задачей найти проход, который привел бы к восточному берегу Азии. Ту же дверь тщетно пытались открыть в этом столетии Джон Росс и Парри, проникая во все заливы канала Фокс. Теперь мореплавателям Гудсонова моря предстоит изучать лишь само это море, профиль и вид его берегов, природу его скал, силу его течений и приливов; но это детальное исследование начато серьезным образом только на южных берегах, вдоль лиманов Нельсона и Чорчиля и на островах пролива. Канадские геологи каждый год методически продолжают эту работу на какой-либо части побережья[1].

Климаты представляют большое различие в громадной области, простирающейся от 49 градуса широты за полярный круг: с одной стороны, на юго-западе, проходит изотерма 8° Цельсия; с другой, на северо-востоке, средняя температура года падает на 10 градусов ниже точки замерзания. Это значит, что наибольшая часть территории, если не совершенно необитаема, то во всяком случае слишком холодна для того, чтобы люди европейского происхождения могли селиться там на постоянное жительство. Истинный предел заселения указывает изотерма нуля, которая обнимает всю верхнюю долину Саскачевана и пересекает озеро Виннипег около середины его длины, почти совпадая с месячными изотермическими линиями 20 градусов в июле и —20 градусов в январе. По сравнению с бассейном реки св. Лаврентия, этот южный пояс гудсонской покатости мог бы вместить миллионы жителей, и весьма вероятно, что через несколько десятков лет население его достигнет этой цифры.

В удобной для заселения области климат существенно континентальный, несмотря на обширные водные площади, занимающие значительную часть территории. Зима там очень холодная, лето очень жаркое, промежуточные времена года, особенно весна, едва заметны: термометрическое колебание от зимней стужи до летней жары составляет не менее 80 градусов; точно также разность температуры между днем и ночью в Манитобе больше, чем во всякой другой колонии Англии: климат Виннипега своими крайностями напоминает климат Западной Сибири[2]. Однако, эти климатические условия нисколько не вредят здоровью и благосостоянию жителей: напротив, нет страны, которую бы иммигранты хвалили более единодушно, как совершенно здоровую; даже «зимующие», которые живут в фортах, построенных на известном расстоянии один от другого по берегам Гудсонова моря, выигрывают в силе и в здоровье под этим суровым климатом. Зимой иногда бывает снежные бураны, но эти blizzards, происходящие не из северных областей, а из стран юга[3], здесь обыкновенно гораздо менее сильны и продолжительны, чем в Соединенных Штатах: после этих скоропреходящих атмосферных возмущений снова наступает тихая погода, и небо принимает свою обычную ясность. Летом, после быстрой перемены времени года, словно волшебством преобразующей вид лесов и степей, сильные дневные жары умеряются бризой, поворачивающейся вместе с солнцем; ночи прохладны и часто утренняя роса осыпает алмазами мураву. В этой части континента, лежащей почти около середины большой средней низменности между Ледовитым океаном и Мексиканским заливом, ветры, проходящие от полюса, из тропического пояса, с Атлантического и Тихого океанов, почти уравновешиваются; однако, из воздушных течений всего чаще берут перевес западные и юго-западные ветры, т.е. встречные пассаты северного полушария; у основания Скалистых гор так называемые «чинукские» ветры, быстро спускающиеся с высот и вновь принимающие свою первоначальную температуру, сушат почву, «слизывая снег и выпивая воду»[4].

1 A. R. C. Selwyn, „Geological Survey of Canada“.
2 Hann, „Handbuch der Klimatologie“.
3 Lorin Blodget, „Meteorology of the United States“.
4 John Macoun, „Manitoba“.

Если в бассейнах Саскачевана, Ассинибойны и Красной реки температура достаточно высокая для вызревания пищевых растений, то дожди слишком редки в некоторых округах, особенно к югу от рек Ассинибойны и Коллинг, на границах Соединенных Штатов. Годовое падение атмосферной воды, необходимое для успешного произрастания посевов, определяют в 50 сантиметров; эта пропорция значительно превзойдена в центральной части Манитобы, где протекает Красная река, и при том наибольшее количество дождя выпадает именно летом, т.е. в такую пору года, когда всего более в нём нуждаются; но на гудсонской покатости есть также обширные пространства, где годовой слой атмосферных осадков, со включением зимнего снега, не достигает полметра. В этих местностях не земледелию в собственном смысле, а скотоводству принадлежит роль будущего главного промысла края.

Вот некоторые выводы метеорологических наблюдений, производившихся на покатости Гудсонова моря:

	Годовая темпер.	Крайности		Разность	Выс. дождя, метр
		тепла	холода		
Виннипег (49°53')	2°,39	35°,0	−42°,4	77°,4	0,65
Форт Йорк (57°)	−6°,26	37°,2	−42°,8	80°,	0,79

Панегиристы Манитобы не допускают, чтобы южно-гудсонские округи, лишенные древесной или даже всякой растительности, обязаны были своим нынешним видом недостатку дождей; особенно они протестуют против названия «пустыни», данного Паллизером той области, где протекает река «Мышь», в смежной с Соединенными Штатами полосе. Как бы то ни было, страна эта усеяна соляными озерами и даже заключает в себе несколько замкнутых бассейнов,—таков, например, бассейн «Старых Вдов» (Old Wives),—в которых воды теряются, не находя выхода. Скудость растительности на южных террасах провинции Ассинибойя происходит, по всей вероятности, от недостатка дождей. В этом отношении канадская почва составляет продолжение континентальной области, где совершается переход от глинистой и солончаковой пустыни к травяным равнинам, от прерий к пространствам, усеянным отдельными группами деревь, и к лесам. Правда, во многих местах пожары, зажигаемые индейцами, в значительной мере способствовали сокращению площадей лесных областей; но самые эти опустошения доказывают, что местный климат не благоприятствует распространению больших лесов, и что, раз истребленный, лес трудно возобновляется. Когда страна ещё не была колонизована белым человеком, в низинах, где скопляется кое-какая влага, особенно у подошвы дюн и в долинках маленьких массивов, неправильно называемых горами, росли лески, состоящие из ив, тополей, осин. Топор белого дровосека больше сделал для полного обезлесения территории, чем огонь, пускаемый индейцем. В долинах, где один из склонов покрыт лесом, этот склон почти всегда обращен на полдень, потому что влажные ветры приходят с юга: свою ношу водяного пара они оставляют, в виде дождя, на скатах гор, о которые ударяются при проходе. Флора разнится на двух склонах; она разнится также в прериях и под тенью лесов.

В общем растительность в Манитобе почти та же, что и в Онтарио, провинции более южной, но пересекаемой теми же изотермами. Однако, самые обыкновенные деревья провинций, лежащих в бассейне св. Лаврентия, бук, клен, сосна, не встречаются более в долине Ассинибойны; дуб и ясень там тоже редки: тополь, вяз, ива—вот самые обыкновенные древесные породы в этой долине. Розовый куст, горд и другие деревянистые растения образуют местами почти непроходимые чащи, а дикий хмель, виноград и другие вьющиеся растения протягивают свои сети на всех массивах зелени. Ягодные растения, душистые и разноцветные, чрезвычайно многочисленны в этой области, также как в бассейне Мэкензи, и замечено, что дикие плоды, сливы, вишни, очень терпкие и кислые в других провинциях, отличаются, напротив, очень сладким вкусом в бассейне Виннипега. Путешественник Макун объясняет этот факт безоблачностью неба и сухостью атмосферы. Дюны почти везде поросли ползучим можжевельником и кинникиником (arctostaphylos uva ursi), луб которого, смешанный с табаком, составляет любимое наркотическое средство индейцев и метисов. На холмах и дюнах встречаются, между прочим, два вида кактуса, растения, которое нельзя было

ожидать найти в климате с такими сильными холодами, как климат бассейна Ассинибойны. Аборигены знают также «дерево от лихорадки», осину, кора которой употребляется, в виде отвара, для прекращения припадков перемежающейся лихорадки. На западе равнин, предгорья Скалистых гор и даже, на западной террасе, уединенный массив Кипарисовых холмов имеют свою особенную флору существенно альпийского характера, резко отличающуюся от растительности окружающих прерий.

Дикая фауна гудсонской области заключала в себе те же виды, как и смежные страны; но многие из этих видов с распространением колонизации успели уже исчезнуть. Пантера, или *felis concolor*, в равнинах давно уже не известна, и даже в глухих долинах гор стала очень редка. Почти не встречаются также уапити, и ещё реже можно видеть дикую козу или «вило-рогую антилопу», prong-horned antelope (antilocapra americana). О бизоне, который, говорят, в бассейне Мэкензи ещё встречается стадами, в равнинах Саскачевана знают лишь по преданию. Известно, как туземцы, метисы и белые производили истребление этого благородного животного: оцепив стадо обширным кругом людей, они постепенно его загоняли в огороженное пространство или в окруженный скалами цирк, где бедные звери, тщетно искавшие выхода, были убиваемы массами. Иногда белый охотник, устроивший эти бойни, ограничивался отрезанием языка у убитого животного; индеец брал все части добычи: мясо для употребления в пищу; сухожилия—для тетивы, для сбруи и для шитья, шкуру для приготовления одежды, юрты и челна; рога—для хранения пороха. Впродолжении целого столетия бизонье мясо составляло, в свежем виде или в форме пеммикана, почти исключительную пищу путешественников Великого Севера[1]. Не менее десяти миллионов бизонов, говорят натуралисты, бродили некогда в прериях Запада, а теперь единственные места на гудсоновой покатости, где ещё можно найти этих животных, чистой или смешанной породы,—это парки нескольких крупных скотовладельцев. Вычислили, что в одном только 1885 году было убито около 230.000 бизонов на севере от границы Соединенных Штатов[2].

Из мелких млекопитающих бобр, беспощадно преследуемый трапперами, становится уже редок, тогда как мускусная крыса или выхухоль, защищаемая природой местности, в которой она строит свое жилье, населяет ещё трясины. Необычайная плодливость этого зверка позволяет ему быстро пополнять убыль, причиняемую наводнениями и замерзаниями почвы, слишком глубокими или слишком продолжительными: самка мечет детенышей не менее трех раз каждый сезон. Искусная строительница не хуже бобра, выхухоль сооружает себе шарообразную хижину из крупной травы, скрепляемой замазкой из жирной глины; подстилка из сена, помещаемая выше уровня ежегодных наводнений, служит ложем зверку; зимой на соседнем пруде, его рыболовном резервуаре он устраивает и поддерживает вентиляторы, обложенные мхом или затыкаемые втулкой из глины[3]. Род крыс не имеет других представителей на гудсонской покатости, но там есть несколько видов грызунов, роющих почву или грызущих корни растений. «Степные собаки», или *gaphers*, внимательно караулят у отверстий их норок.

Мир птиц беден в прериях, но очень богат в долинах Манитобы: Макун перечисляет 235 видов, из которых иные представлены миллионами особей. Между этими пернатыми большинство напоминают иностранцу европейских птиц; так, он встречает здесь старых знакомцев—орлов, сов, журавлей, уток, чаек, куропаток, ласточек, воробьев, зябликов. Самая ненавистная для земледельца птица—дрозды, как истребители посевов; самая любимая —«пастухи» или *cow-birds* (*molothras pecorus*), которые не вьют гнезда и часто по целым неделям сопровождают медленно двигающиеся по степи обозы, находя на лошадях обильную добычу в виде слепней и мух. Так же, как в Британской Колумбии, одна мексиканская колибри, сверкающая, как уголек под листвою, проводит лето и выводит своих птенцов в равнинах Манитобы: её встречают даже до 57° широты, в долине Чорчиля. Каждый год эта кро-

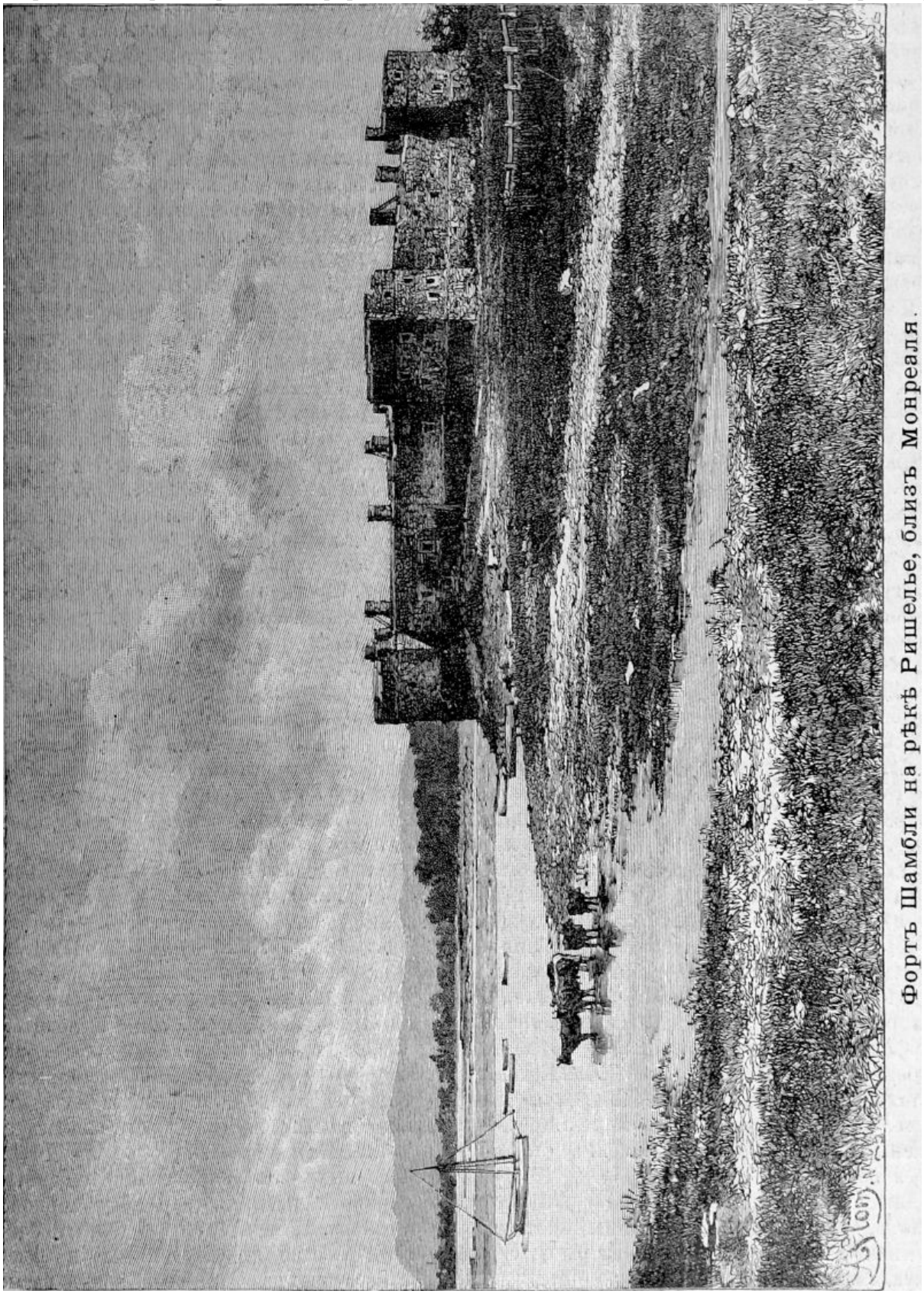
1 Youle Hind, цитиров. сочинение.

2 Duncan G. E. Mac-Donald, „British Colunbia and Vancouver's Land".

3 Tache, „Esquisse sur le Nord-Ouest de l'Amerique".

хотная птичка совершает весной и осенью воздушное путешествие по малой мере в 5.000 километров между своей зимней и летней резиденцией[1].

Страна обширных равнин, прерий, глинистых холмов и дюн, болот, озер и рек, гудсонская территория, смотря по округам, очень богата гадами и рыбами. В некоторых местах можно увидеть мириады змий (eutaenia sirtalis), обвившихся вокруг кустов; ящерицы

Фортъ Шамбли на рѣкѣ Ришелье, близъ Монреаля.

1 Alfred R. Wallace, „Humming-birds“;—„Fortnightly Review“, 1 dec 1877.

кишмя-кишат в безлесных местностях и дали свое имя многим озерам и горам; лягушки оглушают путешественников своим кваканьем во всех сырых равнинах; при переходе болот и ручьев надо остерегаться, чтобы не выйти облепленным пиявками. Черепахи здесь редки: их не видать севернее 51 градуса[1]. Между 42 породами рыб, перечисляемых Макуном, самая драгоценная для туземцев—белорыбица (coregonus albus), которую ловят массами во всех гудсонских озерах; осетры, лососи, форели, щуки тоже во множестве населяют воды страны. Там водятся также в изобилии карп и голец (*lota maculosus*), названный так по причине липкости его кожи, где едва приметна чешуя; эти рыбы служат пищею туземцам только в случае недостатка лучшего съестного: икра гольца, смешанная с мукой, дает питательный хлеб[2]. Карп—одно из самых живучих животных: даже быв замерзшим во льду, затем оттаявший, он оживает, и когда ему отрежут голову, он ещё долго трепещется[3]. Земляные черви, которыми кишит почва в Соединенных Штатах и в восточной Канаде, почти отсутствуют в Манитобе и территориях северо-запада. Следовательно, гипотеза Дарвина относительно роли этого червяка в образовании растительного слоя земли здесь не оправдывается; быть-может, причину замечательного плодородия манитобских прерий следует искать в частых степных пожарах, которые, с другой стороны, вместе с зимним замерзанием почвы, препятствуют распространению дождевого червя[4].

Коренные американцы, аборигены громадной территории, заключающейся между Гудсоновым морем, Скалистыми горами, границей Соединенных Штатов и бассейном Атабаски-Мэкензи, принадлежат почти все к семье альгонкинов, называемых вообще атабасканцами, «горцами» или чиппевайянами,—имя, которое иногда смешивали с именем другой «нации»—оджибуэ. Единственные чужеземцы в этой северной области—это, во-первых, редкие эскимосы, бродящие в тундрах по берегам Ледовитого океана, затем ассинибойны и оджибуэ, сиукского или надуасского корня, живущие в соседстве Дакоты и Верхнего озера. Различные племена, поселившиеся на берегах обоих Саскачеванов, Красной реки и Виннипега, принадлежат к той же расе, как альгонкины бассейна св. Лаврентия и Соединенных Штатов, и между ними господствующую подрасу составляют крики, родственные крикам северо-американской республики. Однако, белые в начале усвоили себе привычку классифицировать туземцев гудсонской покатости не по происхождению и не по языку, а по месту пребывания, роду пищи и образу жизни. До периода колонизации индейцев делили на две главные семьи: на «степных» и «лесных». Степные дикари, к которым причисляли Черноногих и сопредельные племена, саскачеванских криков, ассинибойнов, обитателей берегов реки Коллинс, питались бизоньим мясом и жили в лагерях, под начальством военных предводителей, почти постоянно ведя войны с соседними племенами. Лесные индейцы, т.е. «Каменные» или горцы, мускогены или жители болот, «Водопадные» индейцы Манитобы, охотились на оленя и ловили рыбу; странствуя маленькими группами, они были вообще очень миролюбивы, и главари их, когда таковые имелись, пользовались лишь номинальною властью[5].

Прежде самой могущественной нацией гудсонской покатости были «Черноногие» (Pieds-Noirs, Black-Feet), жившие первоначально, по сказанию легенды, в аллювиальных землях Манитобы, где грязь окрашивала их ноги в черный цвет. Оттесненные криками к западным равнинам, Черноногие до недавнего времени кочевали на плоскогорьях, лежащих у восточного основания Скалистых гор, между истоками Саскачевана и Кипарисных холмов. Почти всегда в войне со своими соседями, они бродили вокруг восточных криков, южных и юго-западных ассинибойнов или «Плоскоголовых», западных кутенеицев. Белые, которым случалось проходить через их территорию, должны были постоянно иметь наготове оружие,

1 John Richardson, „Arctic Searching Expedition“.
2 John Richardson, „Journal of a Boat-voyage through Ruperts land and the Arctic Sea“.
3 Tache, цитиров. сочинение.
4 R. Miller Christy, „Nature“, Jan. 3, 1884.
5 Butler, цитиров. сочинение.

чтобы удерживать дикарей. Три племени, называющие себя братьями и действительно говорящие одним языком, образуют союз Черноногих: сацика, главное племя, кейна или «Кровавые индейцы» (Blood Indians) и пьеганы (Pigan, Paegan), которых англичане называют также *Pagans* (язычники), потому что они долго отказывались принять христианскую веру; до недавнего времени они продолжали справлять праздник Солнца. Кроме того, сарси, или «Толстяки», принадлежащие к многочисленной нации аррапагосов, вступили с незапамятных времен в союз с Черноногими и впродолжении нескольких поколений принимали участие в их разбойничьих экспедициях: они говорили двумя языками—языком своих предков и языком своих союзников, из которых последний по мягкости и гармонии его звуков может считаться итальянским диалектом этих стран. Общее число Черноногих, говорят, доходило до тридцати тысяч в 1836 г., перед появлением между ними оспенной эпидемии; ещё около половины этого столетия их насчитывалось 7.500 душ; в 1884 г. все три нации вместе состояли из 4.350 человек, кочевавших в отведенных индейцам округах, откуда им воспрещено выходить.

Собственно крики занимали прежде бассейн Северной Красной реки, но были вытеснены оттуда к западу, и территория их, до вторжения белых, обнимала всю область прерии, простирающуюся на юг от реки Чорчиль до бесплодных земель на границе Дакоты; они оспаривали равнины запада у Черноногих, но теперь, как и другие индейцы, водворены на жительство в отведенных им землях или «резервах». Сами себя крики называют «негиявок»,—слово, смысл которого в точности неизвестен, но которое, по мнению миссионера Лакомб, вероятно, значат «истинные или отборные люди». У своих соседей, «Водопадных» индейцев они известны под именем «Кинистинок» (Knistineaux, Kristineaux в старинных документах), и полагают, что слово «крики» (Cris, Creeks) есть лишь сокращение этого имени[1]. Наиболее сохранили первоначальную чистоту расы степные крики, потомки охотников на бизона; это самые храбрые, самые сметливые, наидалее распространившие славу своей нации. Язык их —самый совершенный из индейских наречий; для него изобрели особую силлабическую азбуку, и благодаря им, этот полисинтетический идиом, впрочем очень легкий, распространился, как язык торговли и договоров, у всех соседей, ассинибойнов, Черноногих, сарси и «Водопадных» индейцев. Крики оказывали также преобладающее влияние на своих белых посетителей, лесных и степных промышленников, так как эти пришельцы почти всегда выбирали себе жен в крикских семьях. Французские метисы, жившие среди диких, говорили крикским языком, и многие из них вступали в материнское племя; с другой стороны, крики всего легче научились обработывать почву, когда не стало бизонов. Гордые «Водопадные», напротив, долго относились с презрением к «копателям земли».

Мускегоны (Muskegons), или крики «мускегов» (трясин), называемые также по-английски Swampies, или «жители болот», настолько удалились от первоначального корня, что образовали особые народцы; однако наречие их из всех альгонкинских говоров наиболее походит на диалект степных криков, а имя их почти совпадает с именем криков Соединенных Штатов или *Muskogees*. Они обитают в болотистых местностях около Северного Саскачевана и озер Большой и Малый Виннипег, к северу от Водопадных индейцев, жалкие остатки которых можно видеть в «резервах» на берегах Красной реки и на линии волоков, между Виннипегом и Верхним озером: как показывает их имя Saulteux, эти оджибуэ (Odjibeway)[2] жили некогда в соседстве главного водопада, «Sault», т.е. водопада св. Марии (le Sault Sainte-Marie), уносящего избыток вод Верхнего озера в озера Гурон и Мичиган. Что касается ассинибойнов, живущих по реке того же имени, в соседстве своих братьев по расе и языку, сиуксов или дакота, то они обязаны своим прозвищем «Каменных» либо пребыванию в бесплодных гористых областях, либо—что более вероятно,—практиковавшемуся ими примитивному способу кипятить нужную для варки воду, бросая в неё раскаленные камни[3]. Так

1 Franklin, „Northern Coast of America“;—Alb. Lacombe, „Dictionnaire et Grammaire de la langue des Cris“.
2 Aubert, „Annales de la propagation de la Foi“, 1846.
3 Southesk, „Saskachewan and the Rocky Mountains“.

же, как крики, ассинибойны делятся на «степных» и «лесных», но и те, и другие сильно уменьшились в числе. Говорят, что в 1870 г. они населяли всю южную часть территории: оспенная эпидемия истребила их почти поголовно.

Писатели Канады любят хвалить образ действия своих соотечественников в отношении аборигенов и противопоставлять его поведению своих соседей «янки», вытесняющих краснокожих в пустыню, захватывающих их земли, конфискующих их пайки, обманывающих их на тысячу ладов и, в довершение всего, подстрекающих их к возмущениям, чтобы иметь предлог и оправдание для окончательного истребления коренных обитателей страны. Пока канадцы были просто гостями туземцев, курившими с ними «трубку мира», женившимися на их дочерях и жившими той же убогой жизнью охотников, странствовавших по лесам и степям, они действительно умели снискивать любовь дикарей, как добрые товарищи; но с течением времени условия радикально изменились: теперь белые являются уже не в качестве гостей, а в качестве хозяев и господ. Если намерения канадцев благия, то тем не менее верно, что краснокожие гудсонской покатости находятся на пути упадка, и отчеты самих коммиссаров позволяют думать, что угасание и вымирание туземцев есть в значительной мере результат несправедливостей (на гудсонской покатости, как видно из оффициального отчета за 1864 г. по делам о диких, индейцев было 24.984; во всей территории, заключающейся между Скалистыми горами и Гудсоновым морем и границей Соединенных Штатов в 1881 г. индейцев насчитывалось 49.472). Какое вознаграждение дали им за их земли? Да и те ничтожные суммы, которые им уплатили, не были ли почти всегда отдаваемы исключительно главарям (средняя цена 7.122.000 гектаров, купленных у индейцев: 0,27 сантим за гектар)[1]? Меры, принимаемые для цивилизации их, не напоминают ли мер, какие обыкновенно применяются к людям подозрительным? Разве не отводят племенам для жительства определенные местности, откуда им запрещено выходить? Разве не воспитывали индейских детей, чтобы держать их вдали от родной семьи, хотя и обучая их языку господ и какому-нибудь земледельческому или промышленному ремеслу? Разве не забывали много раз посылать обещанные пайки, и разве колонисты зачастую не захватывали облюбованные ими индейские земли?[2]

Краснокожие должны были волей-неволей принять новый порядок вещей и позволить себя расквартировать по разным, указанным правительством, округам (reservations), если только они не предпочитают порвать связь с племенем; в этом случае они отказываются от своей доли коллективной пенсии, чтобы получить личный земельный надел и вести, без поддержки со стороны единоплеменников, жизненную конкурренцию против своих соседей-английских колонистов. Разрозненным, без племенной связи, без национального единства, туземцам ничего более не остается, как постепенно смешаться с массой рабочего населения; между ними-то преимущественно и вербуют рабочих для тяжелой черной работы—для постройки железных дорог, осушки болот, перевозки товаров; многие служат пастухами у скотоводов; некоторые народцы успешно занимаются земледелием: особенно на берегах Саскачевана часто можно встретить хорошо обработанные поля, чистенькие домики, хозяйственные постройки и земледельческие машины, свидетельствующие о трудолюбии туземцев и их способности к усвоению культуры. Самая опасная эпидемия в индейских «резервах»—корь; чахотка, довольно редкая в белом населении деревень, очень распространена среди индейцев и метисов: большинство умирающих детей смешанной расы похищаются именно этой болезнью. Но индейцы не подвержены одному очень тяжкому недугу: по единогласному свидетельству медиков, ни один краснокожий никогда не страдал раком[3]. У индейцев, ведущих ещё кочевой образ жизни, главный бич—голод; эти дикари иногда остаются по десяти дней без пищи; случалось, что целые племена погибали голодной смертью[4].

1 Youle Hind, цитиров. сочинение.
2 Dewdney, оффициальный отчет за 1884 г.
3 Landry, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie de Paris", 1860.
4 Tache, „Annales de la propagation de la Foi", 1853.

Хотя население в бассейне Виннипега достигло сколько-нибудь значительной цифры только с нынешнего поколения, но начало колонизации было положено уже в первой половине прошлого столетия. Путешествия Варенна-де-ла-Верандри, с 1731 до 1745 года, были исходным пунктом больших исследований на канадском западе, и с этой эпохи к индейским населениям прибавлялись земли метисов в постоянно возраставшем числе. Из старинных реляций[1] видно, что дорога от Гудсонова моря к озеру Виннипег была известна уже в 1742 году. Для более успешного и безопасного ведения торга шкурками пушного зверя, Варренде-ла-Верандри и его сыновья основали конторы по берегам озер и на волоках, где охотники подвергались опасности среди дикарей; полагают даже, что форт Жонкьер, основанный в 1752 г. одним родственником де-ла-Верандри, находился недалеко от Скалистых гор, в том

Индѣецъ племени „Черная Нога".

месте, где теперь стоит город Кальгари[2]. Наконец, когда образовалась «Северо-Западная» компания, в 1783 году, и когда сеть путей, пройденных французскими и шотландскими путешественниками, покрыла всю область верховьев Саскачевана и Ассинибойны, каждый пост сделался маленьким центром европейской колонизации чрез посредство метисов.

Первой колонией в собственном смысле была колония, направленная одним шотландцем, лордом Селькерк, в 1811 г., к озеру Виннипег. Человек сто шотландских горцев и ирландцев высадились в одной гавани Гудсонова моря, затем, проведя зиму на этих негостеприимных берегах, отправились, следующим летом, на берега Красной реки, где они были приняты и снабжены провизией и одеждой торговыми агентами Северо-Западной компании. Но вскоре вспыхнули раздоры между компанейскими «обывателями» и новыми при-

1 Dobbs, „Account of the Countries adjoining Hudson's bay"

2 B. Sulte, „Histoire des Canadiens-Francais";—Masson, „Les Bourgeois de la Compagnie du Nord-Ouest".

шельцами, и эта первая группа колонистов, атакуемая метисами и дикарями, должна была рассеяться. Только спустя десять лет, благодаря прекращению вражды между двумя соперничавшими обществами, маленькая земледельческая колония на Красной реке, предназначенная сделаться современем центром многолюдного штата, могла вступить на путь мирного развития и преуспеяния. Долгие годы эта колония была несомненно самым изолированным и трудно доступным поселением европейцев во всём свете. В ту эпоху не существовало дорог от озера Виннипег ни в Соединенные Штаты, ни в восточную Канаду. Наичаще практикуемым путем сообщения между этим авангардным постом и цивилизованным миром был тот, который по озерам, рекам, прерываемым порогами и водопадами, каменистым волокам приводил к Гудсовову морю: нужно было сделать 1.200 километров труднейшего пути, чтобы прибыть на берег моря, окруженного льдами и судоходного только впродолжении двух месяцев в году.

В 1870 г., когда неограниченная монополия Гудсонской компании была, наконец, отменена, и когда Манитоба стала независимой колонией, цивилизованное население, сгруппированное в деревнях на Красной реке и в соседних округах, состояло из 12.000 лиц французской или шотландской расы, смешанной с туземцами. Французские «metifs» или «bois-brules» (метисы, происшедшие от франко-канадцев и индиянок), составлявшие огромное большинство, жили по большей части между границей Соединенных Штатов и местом, занимаемым ныне городом Виннипег; некоторые поселились на Ассинибойне; другие на Саскачеване, близ форта Эдмонтон. В прежнее время, воображая себя чуть не единственными в свете, они называли всех белых «французами», и Симпсон рассказывает об одном из своих канадских проводников, который был уверен, что все заграничные товары привозятся из «старой Лондонской Франции». Но после попытки колонизации, сделанной лордом Селькерком в 1841 г., французские метисы должны были убедиться, что они не единственные представители белой расы, и поделиться этой честью с европейцами, приведенными из горной Шотландии и с Оркадских островов,—откуда имя «оркадцы», которым стали называть новых пришельцев, каково бы ни было их происхождение. Эти последние поселялись главным образом в низовьях Красной реки, близ озера Виннипег; больше половины их говорили гельским языком, но большинство знали также английский, и пока существовала Северо-Западная компания, она требовала от всех своих путешественников, чтобы они выучились и французскому языку. Впрочем, многие семейства шотландского происхождения причисляются к французским метисам, и наоборот—многие «bois-brules» французского происхождении называют себя шотландцами: нередко даже чистокровные индейцы, происходящие от ирокезских иммигрантов и крикских матерей, причисляются к французским метисам.

По общему отзыву, разница между метисами французского и метисами шотландского происхождения очень велика. Француз выше ростом, тоньше, стройнее: в путешествиях он бежит, вместо того, чтобы идти шагом[1]. Он легко индианизируется, и туземная девушка, с которой он вступает в брак, действительно становится его подругой; его дети—французы по веселости характера, увлечению, страсти, истые индейцы по физической силе, ловкости, выносливости, удивительной наблюдательности и уменью истолковывать все явления природы; они великодушны, щедры, беззаботны; что касается рода занятий, то они предпочитают ремесло охотника, траппера или торговца; очень немногие из них охотно занимаются земледелием. Шотландец, напротив, отказывается приспособляться к среде; индейская женщина, squaw, которую он вводит в свою избу, остается его служанкой, почти рабой, и дети редко походят на мать нравственными качествами: подобно отцу, они рассудительны, упрямы, молчаливы. По большей части они делаются земледельцами и скотоводами.

Открытие страны для свободной колонизации скоро изменило отношение рас. Иммигранты, естественно, явились прежде всего и главным образом из ближайшей соседней провинции, Онтарио, населенной почти исключительно жителями английского языка. Провин-

1 H. Havard „The French half-breeds of the North-West“, Smitsonian Report;—Tache, „Esquisse du Nord-Ouest“;—John Read, „Proceedings and Transactions of the R. Society of Canada“, 1885.

ция Квебек, население которой, менее плотное, отделено от Манитобы гораздо более значительным пространством, доставляла меньший контингент колонистов. С другой стороны, европейцы вербовались почти единственно между эмигрантами Британских островов, и между немцами, приходившими или прямо из Старого Света, или через Соединенные Штаты. По месту происхождения, переселенцы в Манитобе и в территориях Запада распределялись, в 1881 г., следующим образом: из восточных провинций Канады—21.514 чел.; из Европы—4.321 чел.; из Соединенных Штатов—7.758 чел.; всего—23.593 чел.

Годовая средняя иммиграция: от 10.000 до 25.000 душ.

По народной переписи 1881 г. оказалось, что в общем белое население упятерилось с половины нынешнего столетия, тогда как число французов, чистой или смешанной расы, только удвоилось: свирепствовавшая между ними зимой 1871—72 гг. эпидемия оспы вырвала из их рядов более, чем десятого. Таким образом численное преобладание перешло на сторону резидентов английского языка, и с каждым годом разность между цифрами рас возрастает в пользу этого элемента населения; вместе с тем увеличивается и число его представителей в законодательном собрании.

Это изменение этнического равновесия не прошло без того, чтобы не породить ненависть между двумя расами, приводившую даже к насильственным переворотам. Французские метисы, терпя во многих случаях ущерб во владении своими землями и в пользовании своими традиционными правами[1], дважды поднимали оружие против обидчиков англичан. Оба раза они были без труда побеждены канадским правительством, которому провинция Онтарио доставляла неограниченное число волонтеров, и теперь у метисов Манитобы, кажется, отбита всякая охота к восстаниям. Но можно опасаться, что они в скором времени проиграют другую битву, которая, хотя и не сопровождается пролитием крови, но тем не менее имеет капитальную важность. Во время учреждения провинциального правительства оба языка, английский и французский, признавались равноправными, и установлено было, чтобы все оффициальные объявления, все доклады и отчеты составлялись на том и другом языке. Теперь англичане требуют, по праву сильного, исключительного употребления английского языка в публикациях манитобского правительства; они требуют также, чтобы французские общественные школы были закрыты и чтобы языком преподавания был английский, даже в тех округах, где население в большинстве или даже исключительно французское. Нет ничего невероятного, что эти деспотические требования скоро получат силу закона.

Однако, жители французского происхождения всё-таки не будут ассимилированы, ибо чувство национальности одно из тех, которых не может уничтожить даже вековое угнетение. Правда, что французы, хотя абсолютная цифра их возрастает, составляют уже, в сравнении с англичанами, меньшинство, и численное отношение их к последним с каждым годом всё более уменьшается; правда также, что между франко-канадцами чистой расы и метисами нет полной солидарности, и во многих случаях они вели себя как противники. Но гудсонская территория обширна, и на этом громадном пространстве существуют ещё большие округа, где преобладающая роль принадлежит различным элементам французского населения, чистого или смешанного, и из которых каждый составляет центр сопротивления окончательному поглощению. Даже около столицы французы в силе и, так сказать, обложили город полукругом своих поселений, образующих как бы посты атаки. Они занимают Сен-Бонифас, восточную часта города Виннипега, и населяют исключительно многие округа по берегам Красной реки и её притоков на юге и востоке; франко-канадские колонии рассеяны также вдоль Сены и Крысьей реки; к западу от средней низменности Манитобы они сгруппировались в некоторых кантонах при реках Грязной, Ассинибойне, Призывной (Qu'Appelle) и Мыши; наконец, франко-канадцы образовали значительные поселения на берегу озера Манитоба, в Кипарисных холмах, в Лесных горах и обеих ветвях Саскачевана; колонию Сент-Альбер, близ Эдмонтона, Бутлер называет «маленькой Францией»: колония Батош, недалеко от слияния двух больших рек, представляет другую «Францию» северо-запада. Сила французского

1 W. F. Butler, „The Great Lone Land".

элемента возрастает от притока переселенцев из восточной Канады и Соединенных Штатов: так, Сен-Леон, в «Пембинских горах», к западу от Виннипега, населен почти исключительно выходцами из Массачузетса. Даже из Европы в эти последние годы каждый сезон приходят сотни французов и валлонов, увеличивая собою группы населения, где царит французская речь. Они всегда селятся в соседстве единоплеменников[1]. Одна из их колоний на берегу Красной реки, Пембина, которую ещё недавно считали лежащей в пределах Канады, находится на территории Соединенных Штатов, к югу от 49° широты. Впрочем, французские метисы ещё многочисленнее в северо-американской республике, чем в Манитобе: по Гавару, их насчитывается до восемнадцати тысяч в одном только штате Мичиган.

Теперь к Манитобе и соседним с нею провинциям направляется новая волна шотландской эмиграции—волна crofter'ов или гебридских арендаторов, гонимых голодом с родных островов; несколько крупных помещиков обратили эти острова в пастбища и места для охоты, и бывшим владельцам земли ничего более не оставалось, как искать себе нового отечества за океаном. Ко всем этим колонистам, французским, шотландским, ирландским и английским, прибавились другие иммигранты, по большей части выходцы из северной Европы. Немцы меннониты, удалившиеся из России, чтобы избавиться от воинской повинности, явились сюда, с 1876 г., в числе от семи до восьми тысяч, и основали земледельческие деревни в «резервах», которые были им отведены на обоих берегах Красной реки: они обыкновенно держатся особняком от других обитателей и, живя замкнутыми общинами, по образцу русского сельского мира, мало способствуют усилению англо-саксонского элемента. Норвежцы и другие скандинавы эмигрируют массами в Манитобу, где они быстро англизируются. Большое число их поселилось вдоль тихоокеанской железной дороги, между Верхним озером и городом Виннипегом; на этом участке великого канадского пути встречаешь целый ряд станций, носящих скандинавские имена. Тысячи исландцев, гонимых с своего острова не столько бедностью почвы, сколько алчностью торговых компаний, продающих товар в кредит и потом доводящих своих клиентов до безвыходной нищеты, тоже просили приюта в Манитобе, где им и отведены земли на берегах озера Виннипег. Исландия пустеет в пользу Канады и сопредельных штатов северо-американской республики: если эмиграционное движение продолжится, то скоро исландцев будет больше в Канадской державе, чем в их отечестве. Эти новые пришельцы уже обзавелись школами и собственными журналами; у них рождаемость в три раза превышает смертность[2].

По национальностям постоянные жители Манитобы распределялись в разные времена следующим образом:

	1871 г.	1881 г.		1886 г.		1889 г.
Англичан		11.503		25.949		
Шотландцев и метисов	5.648	16.506	38.184	25.676	72.805	85.000
Ирландцев		10.175		21.180		
Французов	5.757		9.949	6.311	14.806	16.000
Франц. метисов				4.869		
Немцев и меннонитов			8.652		11.082	13.000
Исландцев					2.468	8.000
Норвежц., голланд., русских			2.412		1.189	2.000
Прочих	265		2.422		712	1.000
Индейцев	558		6.767		5.578	5.000
Итого	12.228		65.964		108.640	130.000
В 1891 г. население Манитобы: 152.506 д.; в 1893 г. индейцев в резервациях: 23.608						

Кроме поселений, имеющих характер национальной группировки, основались и ежегодно основываются другие колонии, стремящиеся осуществить какой-либо идеальный план будущего общества, религиозного или гражданского. Так, мормоны, эмигрировавшие из Соединенных Штатов в округ Альберта, поселились на реке Ли, к югу от города Кальгари; но

1 Auguste Bodard, рукописн. заметки.

2 См. отчет канадского министра земледелий за 1878 г.

здесь они согласовали свое учение с законами страны, отказавшись от многоженства; преимущественно между скандинавскими колонистами они ведут деятельную пропаганду. Кроме того, некоторыми духовными и светскими лицами организованы колонии чисто религиозного характера, в которые новички или участники принимаются не иначе, как под строгими обязательствами, и где их даже дрессируют, как солдат. Водка, вино, пиво, табак безусловно изгнаны в очень многих колониях.

Как страна земледельческая, Манитоба, вместе с другими областями южной полосы гудсонской покатости,—настоящая обетованная земля, «лучшая в свете для культуры пшеницы», и годовое производство хлеба уже достигло там весьма значительных размеров, если принять во внимание малочисленность населения. Так, в 1893 г. сбор пшеницы в Манитобе составлял—15.615.923 бушеля, сбор овса—9.823.935 бушел. Кроме того, там сеют рожь, ячмень, горох, бобы, картофель.

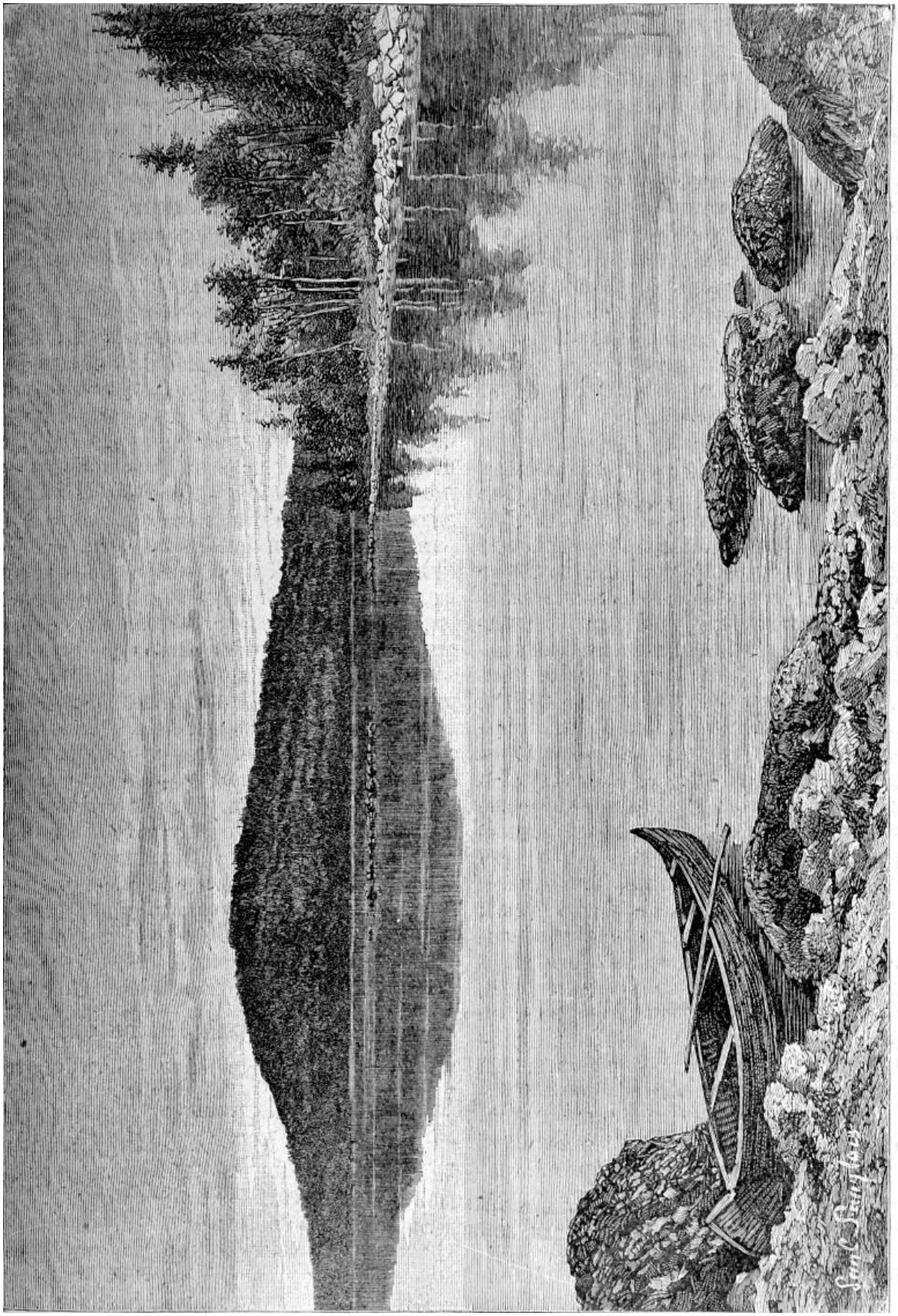
Обширная долина, в середине которой Красная река занимает узкий желобок, представляет на значительной толщине превосходную пахатную землю, везде, где воды не скопляются в виде озер и болот. Точно также промежуточная терраса, где прерии окаймляют на севере солончаки и массивы ледникового образования, заключает в себе обширные пространства плодородных земель, известные у англичан под именем Fertile Belt, «плодородный пояс». Эти благоприятные для культуры или для скотоводства территории, площадь которых исчисляют в 600.000 квадр. километров, постепенно расширяются к северу и к западу в бассейне Саскачевана. Наибольшим плодородием отличается полоса, охватываемая двумя главными ветвями этой реки. Там пространство около 200.000 квадр. километров ограничено на севере непрерывным лесом, на западе Скалистыми горами, на юге прериями и солончаковыми равнинами, на востоке озерами и болотами: трудно придумать лучше начертанные естественные границы. Страна имеет вид громадного парка, с прелестными пейзажами: там и сям рощицы или группы сосен или осин; повсюду прекрасные луга, высокие травы, обильные реки, извивающиеся у подножия пологих волнообразных холмов, озера и пруды, рассеянные в лощинах и отражающие деревья и кусты в зеркале своих вод.

Плодородной почве соответствует климат, не менее благоприятный произрастанию хлебов, среднее производство которых, что бы ни говорили, не превышает, однако, 23 гектолитров с гектара. Агрономы утверждают, что большие зимние холода составляют благо с точки зрения сельского хозяйства: почва, замерзающая в глубинах, оттаивает летом чрезвычайно медленно, и содержимая ею влага поднимается постепенно, действием волосности, в верхние слои[1]. Другие выгоды местного климата—сухость зим и ясность ночей: здесь не бывает тех сырых холодов, ни тех чередований мороза и оттепели, которые так гибельны растениям. Но в некоторые фатальные годы весна приносит с собой тучи саранчи (calopterus spretus), которая нарождается на плоскогорьях Манитобы и Дакоты и идет в северо-западном направлении, параллельно Скалистым горам, пожирая на пути листья и траву. В 1875 г. этот бич произвел большие опустошения.

Возвышенные земли, простирающиеся вдоль Скалистых гор, и вся плодородная область плоскогорий, высота которой превосходить 500 метров, как нельзя более пригодны для скотоводства. Спекулянты развели там тысячи быков и молочных коров; в одном только округе Альберта в 1889 г. насчитывали не менее 113.000 голов крупного скота. Животные круглый год ходят на воле, в пастбищах даже среди зимы они откапывают траву из-под снега, и смертность, говорят, здесь меньше, чем в других странах, где скот стоит в хлевах; впрочем, во время буранов приходится давать корм телятам или малосильным коровам. Канадцы начали уже вывозить живой скот; несмотря на громадное расстояние, округ Альберта отправляет тысячи быков в Англию по тихоокеанской железной дороге и на кораблях из Монреаля. Коневодство тоже идет очень успешно в «Канадском Пьемонте», т.е. в округах Альберта и Саскачеван, и надеются, что этот край современем сделается главным центром конской промышленности в Канадской державе. Наконец, с 1884 г. сделаны опыты введения овце-

1 Macoun, „Manitoba and the Great North-West“.

водства в прериях запада, и все введенные породы овец нашли здесь вполне благоприятную для себя среду; в некоторых местностях пришлось оберегать стада от нападения стай диких собак, бежавших из индейских становищ и живущих охотой на манер волков.

Озеро Гуронъ.

В долине Красной реки, где земли, данные первым насельникам, английским или французским метисам, с того времени в большой части перешли в другие руки, почва была разделена, по старинному канадскому обычаю, на параллельные полосы, начинающиеся от реки

и продолжающиеся на 3.200 метров внутрь побережья. Но вне этой долины главной реки и долин некоторых её притоков кадастрированные земли Манитобы и соседних округов были разделены для колонизации на кантоны или townships, правильные квадраты, имеющие 6 англ. миль длины в стороне и ориентированные по четырем главным странам света, так что, следовательно, площадь каждого кантона равна 36 квадр. милям или около 90 квадр. километров. Эти тауншипы подразделяются на отрезки в одну квадр. милю или 640 акров (258 гектаров); наконец, четверть отрезка, т.е. 160 акров (почти 64 гектара или около 58 с половиной десятин), составляет надел колониста, обязующагося возделывать почву: окончательное право владения он получает лишь по уплате регистрационной пошлины в десять пиастров и после обработки своей земли впродолжении трех последовательных лет. Кроме того, переселенец имеет право прикупить в непосредственном соседстве с его даровым наделом, или homestead, равное число акров, цена которых, установленная правительством, различна, смотря по расстоянию покупаемых земель от тихоокеанского железного пути. Конечно, возможность получать даровую землю должна была соблазнить тысячи колонистов; но на деле оказывается, что эти участки находятся, в среднем, в 30 или 40 километрах от железнодорожных станций: лежащие же дальше участки совершенно невозможно утилизировать. Земледельцу нечего делать с полями, удаленными от всякого рынка, и где он разорился бы на перевозке своих произведений гужем: вследствие этого, он вынужден покупать землю в соседстве железных путей, а там почти вся почва, которая не была уступлена тихоокеанской компании, уже скуплена барышниками[1]. Цена участков возрастает мало-по-малу, особенно в соседстве городов и станций.

По уставам, земли по обе стороны железной дороги и её ветвей были разделены на пять боковых поясов неравной ширины, в которых цена акра уменьшается от 25 до 5 франков, соответственно отдаленности пояса. Назначенные в продажу участки, почти во всех округах, чередуются как клетки шахматной доски, между двумя главными владельцами, канадским правительством и тихоокеанской компанией; кроме того, 2 участка из 36 предоставлены учебным заведениям и два Гудсонской компании. Уплата покупной цены рассрочивается колонистам на десять лет из 6 процентов годовых. Всё идет хорошо для тех, у кого есть необходимый капитал и кто может уплатить до срока; но большинство вынуждены занимать сумму, требуемую казной, частными спекулянтами или компаниями, и заплатить двойные проценты, чтобы окончательно сделаться собственниками своих участков. Другое неудобство этого деления земли на большие отрезки—то, что семьи, разбросанные на обширном протяжении, не могут оказывать друг другу помощи: предполагая, что каждый покупатель поселится со своим семейством на полном участке, насчитаем всего только 144 двора на пространстве 90 квадр. километров. Поэтому нет ничего удивительного, что даже в этой стране, казалось бы, представляющей самые благоприятные условия для земледелия, население стремится в города или городские центры. Молодой город Виннипег, столица Манитобы и всей гудсонской покатости, имеет втрое больше жителей, чем Париж пропорционально всей Франции. Однако манитобское население выгодно отличается значительным числом собственников, которые в то же время и возделыватели почвы: из 17.000 владельцев 16.000 живут на своей земле. Но уже образуются и крупные имения, помимо тех, которые были уступлены железнодорожным обществам и Гудсонской компании. Так, например, одна ферма, в долине реки Каппель (Коллинг), занимает площадь 259 квадр. километров, и борозды, проводимые там плугом, имеют 6.400 метров длины: пройти такую борозду из конца в конец, туда и обратно, представляет уже для упряжки целый рабочий день. Земледельцы, обрабатывающие эти большие имения, не имеют уже никакой инициативы: большинство их—простые батраки, нимало не заинтересованные в преуспеянии предприятия.

В этих странах, открывающихся колонизации и культуре, постройка железных дорог предшествует прибытию иммигрантов. Только после укладки рельсов приступают к размежеванию земли на участка и к выбору мест для деревень и городов. Население размещается

1 Inpersol, „Canadian Pacific Railway“.

правильными линиями вдоль путей, которые были начертаны ему строителями. Но самые эти линии, зависящие в своем направлении от общей конфигурации края, должны поставить его в сообщение с живыми пунктами побережья и внутренней части страны. После магистральной линии, идущей через весь континент, от порта до порта, и линии, соединяющей озеро Виннипег с верхним бассейном Миссисипи, другие важные железные пути связали реки и озера страны с главными рынками; но остается открыть ещё одну дорогу—ту, которая соединит земледельческие области с их естественным выходом, с Гудсоновым морем. Море это ближе к Виннипегу и другим городам той же покатости, чем залив св. Лаврентия и порты океанского побережья; с другой стороны, переезд через Атлантический океан меньше между Ливерпулем и устьями Нельсона и Чорчиля, нежели между Англией и Нью-Йорком: линия судоходства Гудсоновым морем—самая короткая, какую можно провести через Атлантический океан, и при том она проникает далеко внутрь континента. Вот сравнительные цифры расстояния от Рога Саскачевана до Ливерпуля: 1) через Нью-Йорк—9.675 километр.; 2) через Сент-Джон—9.087 километр.; 3) через Монреаль и Бель-Иль—8.418 километр., 4) через бассейн Чорчиля и Гудсоново море—6.500.

Следовательно, на первый взгляд казалось бы, самое важное дело для Манитобы и смежных с нею провинций, это—построить как можно скорее железный путь к Гудсонову морю; но известно, что навигация там ограничивается двумя, много четырьмя месяцами в году, а главный продукта Манитобы, пшеница, поступает в житницы как раз в такую пору года, когда Гудсоново море замерзает. Однако, успехи колонизации изменяют мало-по-малу экономические условия страны. Новая железная дорога, построенная от Красной реки до слияния двух Саскачеванов, частию уменьшила расстояние: теперь уже не от Виннипега, а от Рога пришлось бы вести линию гудсонской покатости. Кроме того, возникли новые отрасли промышленности; округам Альберта и Саскачеван нужно отправлять свой скот; рано или поздно они будут также вывозить продукты каменно-угольных копей и нефтяных источников; заселение края порождает новые экономические нужды.

На главных ветвях Северного Саскачевана, протекающих по территории, где пока ещё нет железных дорог, находим лишь простые посты. Ближайшее к истокам поселение, бывший форт Эдмонтон, лежит слишком в 300 километрах к востоку от Скалистых гор, на высоком обрыве террасы, ограничиваемой с юга течением реки, имеющей здесь 200 метров в ширину. Пункт этот всегда был местом переправы, и тропинки индейцев, сделавшиеся теперь дорогами для повозок переселенцев и немногих искателей золота, все направляются к Эдмонтону: отсюда выходит наиболее посещаемая дорога к Атабаска-Лендинг, верховой пристани на Атабаска-Мэкензи. Местечко Сент-Альберт, в соседстве с Эдмонтоном, к северо-западу от него, населено криками-земледельцами, у которых уже имеются дома, житницы и школы. Ниже Эдмонтона следуют один за другим, через длинные промежутки, маленькие посты Виктория, Сент-Поль, Форт-Питт, и только в 300 слишком километрах, при слиянии главной реки с рекой Битвы, встречаем нарождающийся город, Батльфорд. Затем идут Карльтон и Принц-Альберт, из которых последний возведен в ранг главного города Саскачеванского округа и соединен шоссейной и железной дорогой с Виннипегом и со всей американской сетью. Выгодное географическое положение Принца-Альберта, в «Плодородной полосе», близ слияния двух ветвей Саскачевана и на естественном пути, ведущем на северо-запад в бассейн Мэкензи через волок Голец (la Loche), обеспечивает ему первенствующую роль между городами канадского дальнего запада. Кажется, однако, лучше бы было торговый центр страны поместить ниже, вблизи Форта-на-Роге, т.е. на самом «роге» или мысе, образуемом встречей двух больших рек.

Далее снова начинаются пустыни: Кумберленд-гоуз, стоящий в бесплодной, усеянной озерами местности, где Саскачеван разветвляется на мелкие рукава с переменным течением, есть не более, как продовольственный пункт для трапперов Гудсонской компании, но он был важнейшим постом, когда сообщение с Великим Севером производилось единственно на санях и берестяных челноках. В самом деле, от Кумберленд-гоуза или форта Кумберленд судо-

ходные пути, более или менее прерываемые волоками, направляются—на запад и юго-запад по двум ветвям Саскачевана, на юг, юго-восток и северо-восток—по озерам Большой и Малый Виннипег, на север—по реке Чорчиль. Но уменьшение индейского населения в северных областях заставило покинуть эти дороги на север, и многие посты лежат теперь в развалинах.

Верхний бассейн Южного Саскачевана резко отличается от верхнего бассейна Северного густотой населения и значительном числом городов и деревень. Разница эта происходит от существования железной дороги, которая перерезывает эту область, поднимаясь извилистой лентой по долинам между ледниками, спускающимися со Скалистых гор. Один из нарождающихся здесь городов, Банф, расположен внутри великолепного амфитеатра гор, который, вместе с его каскадами, лесами, покрытыми снегом вершинами, сохранен Канадским Союзом, как национальная собственность. Эта станция теплых вод, привлекающая каждое лето множество посетителей, была причислена, в административном отношении, к округу Альберта, хотя она лежит уже в самом сердце гор, на высоте 1.370 метров. Ниже, но всё ещё в той же узкой долине, встречаем цветущее местечко Кэнмор, рассыпавшее свои домики по берегу горного потока. Кальгари, лежащий в 129 километрах от Банфа, находится уже вне горной области, в стране пастбищ с волнистой поверхностью, где Боу-ривер и другие быстрые реки вырыли себе русло между высоких и крутых берегов. Город этот—главный центр канадского Пьемонта по скотоводству и коневодству; весь край разделен на обширные огороженные пространства или ranches,—это ranchos испано-американцев,—где животные гуляют тысячами. Кальгари и хорошенький городок Мак-Леод (Альберта), на притоке реки Белли, находятся в соседстве залежей каменного угля, которые рано или поздно должны сделаться предметом деятельной разработки, по причине недостатка леса в области прерий.

Медисин-Гат, занимающий очень выгодное положение в юго-западном углу округа Ассинибойя, ниже слияния рек Боу и Белли, двух главных ветвей Южного Саскачевана, и в месте соединения двух железных дорог, тоже имеет каменно-угольные копи, из которых уже добывают топливо. У Медисин-Гат (целебная шапка), имя которого напоминает какой-нибудь религиозный обряд древних аборигенов, Южный Саскачеван поворачивает к северу, чтобы выйти через брешь Большого Бугра и соединиться с Северным Саскачеваном. В сотне километров выше слияния, деревенька Батош, населенная французскими метисами, напоминает вооруженное столкновение, в котором федеральное войско одержало легкую победу над восставшими «bois brules».

Главный город округа Ассинибойя и местопребывание законодательной власти всех западных штатов Канадского Союза, между Манитобой и Британской Колумбией, лежит при тихоокеанской железной дороге и на притоке реки Каппель (Коллинг), в восточной части округа; жители окрестили его именем Regina, в надежде, что он скоро сделается «Царицей Прерий». В долине реки Каппель, которую железная дорога сопровождает в некотором расстоянии, главный торговый пункт тоже носит имя Каппель (Qu'Appelle). Форт Эллис находится при слиянии этой реки с Ассинибойной; Бэртль (Birtle, т.е. Birdtail, «птичий хвост»), Миннедоза, Рапид-Сити следуют один за другим на притоках этой реки: центры населения становятся всё многочисленнее, по мере приближения к Виннипегу. Цветущий Брандон, основанный в 1879 г. на южном берегу Ассинибойны, заселился очень быстро, также как Портаж-ла-Прери или просто Портаж (Волок), построенный на перешейке,—прежде болотистом, а теперь в большой части завоеванном для земледелия,—который отделяет Ассинибойну от озера Манитоба. Округ Портаж слывет «садом Виннипега»; Брандон—самый деятельный хлебный рынок страны.

В 1734 г. канадские путешественники построили крепостцу на оконечности полуострова, образуемого слиянием Красной реки и Ассинибойны. Это было началом «царицы городов запада», «пупа Канады»,—эпитеты, которые гордо присвоивает себе город Виннипег. Несколько торговых постов сменяли последовательно первые фактории «Красного форта», и последний укрепленный пост, называвшийся Форт-Гарри, существовал ещё не так давно. Но

собственно город народился только около 1860 г., после отмены монополии Гудсонской компании. Он быстро вырос с тех пор, как Манитоба вошла, в качестве державной провинции, в Канадскую конфедерацию, и особенно со времени постройки трансконтинентального железного пути, на котором Виннипег является главной станцией, между Онтарио и Британской Колумбией. Шесть других железных дорог расходятся теперь в разные стороны вокруг города и соединяют его с железнодорожной сетью Соединенных Штатов; кроме того, строится рельсовый путь к Дулуту, главному западному рынку Верхнего озера; в то же время пароходы поддерживают деятельное сообщение по рекам и озерам окружающей страны. Так же, как Ванкувер, Виннипег—один из тех городов, которые на наших глазах, так сказать, выросли из земли; как быстро увеличивалось его население—показывают следующие цифры:

Число жителей Виннипега в разные эпохи: в 1870 г.—215 жит.; в 1874 г.—2.000 ж.; в 1880 г.—8.000 ж.; в 1886 г.—20.238 ж.; в 1891 г.—26.000 ж ; в 1896 г.—35.000 ж.

В 1868 г. в этом поселении насчитывалось, вне форта Гарри, всего только тридцать домов, соединенных тропинками; теперь, в народившемся там городе, есть улицы шириной в 40 метров и длиной в пять слишком километров Главные его проспекты обставлены общественными зданиями, отелями, дворцами; на севере и на юге город продолжается обширными парками. Виннипег, не имевший в 1871 г. ни одной школы, теперь—университетский город, с многочисленными конфессиональными учебными заведениями различных вероисповеданий. Новый город, ещё недавно ограничивавшийся полуостровом, который образуют два левых берега Красной реки и Ассинибойны, теперь уже выдвинул свои кварталы за обе эти реки, а на правом берегу главной реки стоит другой город Сен-Бонифас, населенный почти исключительно франко-канадцами; гимназия его, старейшая в Манитобе, основана в 1818 г.

К югу от Виннипега, важнейший город—Эмерсон, главный центр меннонитских колоний и страж на границе Соединенных Штатов. Он расположен на обоих берегах Красной реки, но главным образом на правом берегу, и население его состоит в большой части из американцев, переселившихся из соседней республики. Жители его дали ему в 1874 г.,—год основания,—имя Gate-city: это «Ворота», через которые производится обмен произведений Канады на товары Соединенных Штатов; до постройки железных путей сообщения около трех тысяч подвод проходили по этой дороге между Виннипегом и штатом Миннесота. Селькерк, к северу от Виннипега и на той же реке, также очень юный город (основан в 1875 г.), стоит на холме, до которого никогда не доходили воды разлива; в этом месте судоходство по реке прекращается, прерываемое порогами Св. Андрея. Далее, по направлению к озеру Виннипег, начинаются пустыни: деревни, торговые посты встречаются всё реже и реже. Однако, одна исландская колония, носящая национальное имя Гимли или «Небо», сгруппировала свои домишки на западном берегу озера, который в этом месте часто подвергается наводнениям. Почти напротив расположено поселение франко-канадцев, форт Александр, командующий устьем реки Виннипег.

Главные города провинции Манитоба и гудсонской покатости:

Виннипег (Манитоба)—26.000 ж. (1891 г.); Брандон—4.800 ж., Портаж-ла-Прэри—3.000 ж.; Селькерк—2.500 ж.: Кальгари (Альберта)—2.500 ж.; Реджина—2.000 ж.; Эмерсон (Альберта)—1.500 ж.: Медисин-Гати (Ассинибойя)—1.500 ж.; Эдмонтон—1.200 ж.; Принц Альберт (Саскачеван)—1.000 ж.

На северной оконечности озера Виннипег, близ выхода реки Нельсон, пост Гудсонской компании, Норуэ-Гоуз («Норвежский дом»), названный так его основателями, норвежскими охотниками[1], находится слишком далеко от пояса заселения, чтобы могла образоваться деревня вокруг его палисадов: прежде в этом месте собирались главные агенты Гудсонской компании для совещаний об управлении делами Великого Севера; и теперь ещё этот форт—один из главных сборных пунктов для охотников и один из больших продовольственных центров.

1 Franklin, „Northern Coast of America“.

От «Норвежского дома» до фактории Порт-Чорчиля, лежащей на лимане того же имени, расстояние по рекам и волокам превышает 600 километров. Стены старого форта Принца Валлийского, стоящие при устье реки, до сих пор возбуждают удивление массивностью и прочностью постройки, несмотря на полуразрушенное состояние бастионов и ограды. Построенный из больших глыб гранита, привезенных из Великобритании, форт этот, говорят, стоил слишком три миллиона франков и доставил англичанам крикское прозвище Тео-тиннех, или «Народ Камня», которое сохранилось за ними у этих индейцев до наших дней. В 1782 г., маленький гарнизон форта Чорчиль, командуемый Берном, исследователем Медной реки, сдался без боя Лаперузу. Порт-Нельсон или Йоркский, около которого разведены садики и огороды, где сажают репу, редьку и картофель, оспаривает у Порт-Чорчиля звание будущей пристани транс-атлантических пароходов и пользуется привилегией получать ежегодно целый корабельный груз предметов продовольствия для менового торга с туземцами. Из двух названных гаваней, предлагаемых как приморский складочный пункт для международной торговли, порт Нельсон имеет за собой то преимущество, что он ближе к населенным и культивируемым местностям, но, с другой стороны, он трудно доступен и мелководен; Порт-Чорчиль лежит немного дальше и выставлен более холодным ветрам, но он глубже, представляет более безопасное пристанище, лучше защищенное от волнения, и берега его удобно расположены для устройства амбаркадеров и доков; тут, как надеются жители Манитобы, возникнет Архангельск Гудсонова моря. Йоркский форт—это бывший форт Бурбон, который канадские французы дважды отнимали у англичан и которым они владели, так же как и соседним морем, до Утрехтского мира, т.е. до 1713 г.

На юге, вдоль моря, встречаем ряд других постов компании. Форты Северн и Альбани находятся при устьях рек того же имени; фактория «Лося» (factorio de l'Orignal, Moose-factory) занимает остров в лимане реки Лося (Moose-river), в юго-западном углу бухты Джемс. Этот последний пост ближайший к Великим озерам, так как, по прямой линии, он находится всего только в 600 километрах от станция Мичипикотен, на Верхнем озере, есть главный центр всех других южных факторий, и, вероятно, он будет первым пунктом побережья Гудсонова моря, который железная дорога соединит с канадской сетью: уже начаты работы по сооружению рельсового пути от Со-Сент-Мари к фактории Лося. В 1884 г. будущий город имел уже до полсотни домов, принадлежащих Гудсонской компании; два соседних острова «Телячий» и «Свиной», свидетельствуют своими именами об относительной доброкачественности климата[1].

Озерная область, заключающаяся между рекой Лося, Верхним озером и границами Манитобы, есть одна из тех местностей, где индейцы сохранили ещё относительную независимость, но и тут число их постепенно уменьшается[2]; всего «водопадных» туземцев (Saulteux) в том краю насчитывают около трех тысяч душ. На берегах озер Дождевого и Лесного они питаются преимущественно «диким овсом», который собирают, пробираясь на челноках между густыми порослями этого злака и ударяя веслами по стеблям для того, чтобы зерно осыпалось в пирогу. Кроме того, у них есть рыба в изобилии, а на полянах они сеют кукурузу и кое-какие овощи. Очень ревниво оберегающие свою свободу и свое право собственности на землю, очень подозрительно относящиеся к миссионерам, эти аборигены остались в большинстве язычниками. Пускаясь в плавание по озеру или реке, они непременно стряхнут с весла несколько капель воды в честь «Старухи», духа, управляющего ветрами и волнами. Через определенные промежутки времена они справляют праздник «Белой Собаки», патрона их племени, и не позволяют белым присутствовать на этой церемонии. Иностранец, которому случится посетить их, должен быть очень осторожен в разговоре, потому что те слушатели, которым специально поручено запоминать его речи, могут припомнить каждое

1 I. B. Proulx, „A la bois d'Hudson".

2 Robert Bell, „Exploration of the Attawapishkat and Albany-rivere", Commission geologique du Canada;—„Petermann's Mittheilungen", 1889, Heft VI.

сказанное слово и повторить их, в случае надобности, даже по прошествии нескольких лет[3].

V. Бассейн больших озер и реки св. Лаврентия

Провинции Онтарио и Квебек

Канадский Союз заключает в себе лишь часть того громадного бассейна, для которого река св. Лаврентия служит каналом истечения. Правда, главные истоки, по крайней мере по обилию вод, находятся в канадской территории, но приток, обыкновенно признаваемый главной ветвью реки, потому что он находится в географической оси бассейна, река св. Людовика (Сен-Луи), течет вне Канады, в Соединенных Штатах. Даже часть северных берегов Верхнего озера и главный его остров составляют миннесотскую территорию. Всё озеро Мичиган и двойной скат прибрежных земель также принадлежат Соединенным Штатам. К востоку от водопада и города св. Марии (Sault Sainte-Marie), политическая раздельная линия следует по средней оси озер и соединяющих их потоков. Только в нижней части долины обе стороны составляют владение Канады; но и там некоторые большие притоки, как, например, озеро Чамплен, лежат вне пределов этой державы. Из всей площади бассейна св. Лаврентия, исчисляемой в 1.465.000 квадр. километров, на долю Канадского Союза приходится около половины, слишком 700.000 квадр. километров: если Соединенные Штаты владеют большим протяжением в верховой, т.е. озерной части, то покатость канадских притоков гораздо обширнее в низовой части. Во всяком случае территория эта без сравнения самая населенная и самая богатая во всей Канаде: там живет девятнадцать двадцатых всего населения Союза; там находятся главнейшие города, промышленные и торговые центры, учебные заведения; вся политическая жизнь сосредоточена в этой области, лежащей в соседстве больших городов Новой Англии и атлантических штатов северо-американской республики. Через лиман и залив св. Лаврентия эта часть Канады широко открыта к Европе, откуда пришли её первые колонисты, и которая продолжает каждый год высылать ей новые партии переселенцев. И с исторической точки зрения берега низовьев св. Лаврентия составляют Канаду по преимуществу: столько столкновений происходило там между дикарями и дикарями, между краснокожими и бледнолицыми, между цивилизованными и цивилизованными, столько превратностей фортуны изменяли политические условия населений, столько эпических драм свершилось в судьбе городов, что Канада, в сравнении с другими странами Америки, почти одна только и имеет историю; и в наши дни история эта продолжается мирной борьбой двух народов, связанных единством учреждений, но разделенных языком, нравами, вероисповеданием и национальными стремлениями.

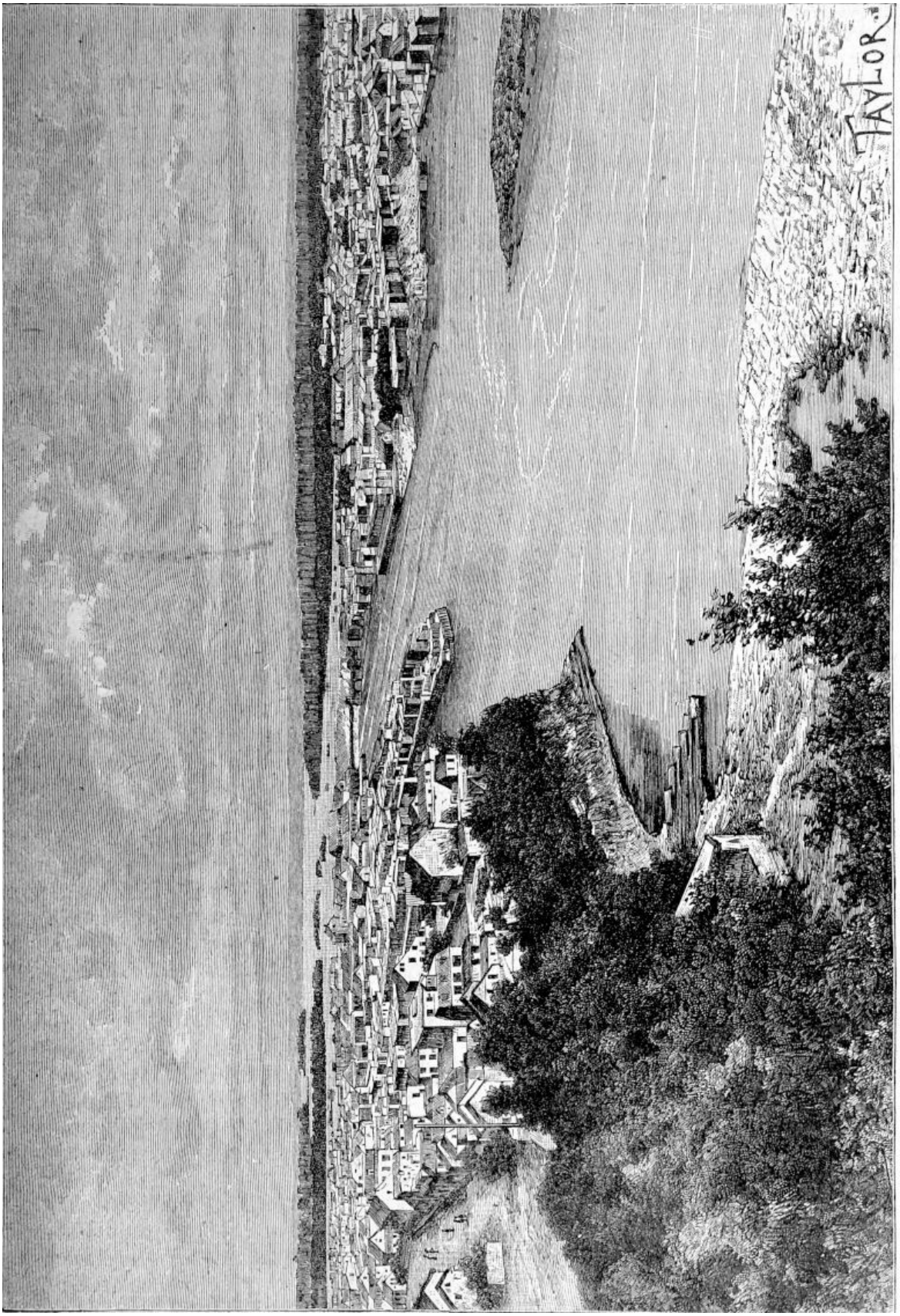
Территория Нижней Канады почти поровну разделена между двумя расами; верхняя её половина, провинция Онтарио, населена народом английского языка; нижняя половина, провинция Квебек, занята франко-канадцами. Недавно к этим двум провинциям прибавили, по ту сторону водораздельной возвышенности, обширные пустыни, простирающиеся до Гудсонова моря, но пока ещё не имеющие никакого экономического значения. Вот приблизительные цифры пространства и населения лаурентийской покатости в Канаде, по данным последней всенародной переписи (1891 г.)

	Пространство	Население
Провинция Онтарио	568.870 к.к.	2.114.321 ж.
Квебек	589.200 „	1.488.532 „
Вместе	1.158.070 к.к.	3.602.856 ж.

Выбранная линия разграничения между двумя провинциями, Верхней и Нижней Канадой, приблизительно совпадает с раздельной чертой между разноязычными населениями: это река Оттава, от южной оконечности озера Темискаминг почти до слияния её с рекой

3 S. I. Dawson, «Lake of the Woods“;—H. de Lamothe, „Cinq mois chez les Francais d’Amerique“.

св. Лаврентия; на севере от Темискаминга общая граница, ещё не обмежеванная, идет прямо на север, к берегу Гудсонова моря. На северо-западе, провинции Онтарио отделена от территории Киватин другой рекой, Альбани, одним из больших притоков Гудсонова моря: на юге

Видъ Оттавы.

и юго-востоке границы провинции служат вместе с тем политической границей Канадского государства. Что касается провинции Квебек, которая тоже граничит с Соединенными Штатами с юго-восточной стороны, и которую бухта Жаркой Погоды отделяет от Нового Браун-

швейга, то она имеет к Лабрадору лишь фиктивную границу—линию 25-го градуса сев. широты. На востоке, в проливе Бель-Иль, бухта Блан-Саблон служит раздельной чертой между провинцией Квебек и приморским Лабрадором, причисленным, в административном отношении, к Ньюфаундленду.

Бассейн св. Лаврентия, столь замечательный своими озерными резервуарами, своей могучей рекой и своим обширным лиманом, не заключает в себе высоких гор, ни внутри, ни на окраинах. В области истоков не видно даже холмов: единственные выступы рельефа—это водоразделы с очень наклонными скатами и гранитные скалы, округленные и отшлифованные прохождением древних ледников, Но на севере Верхняго озера местность постепенно поднимается, и высоты образуют, наконец, настоящую цепь, начало краевой гряды св. Лаврентия, которой историк Гарно дал изящное имя «Лаурентиды», теперь общепринятое. Горы эти, впрочем, относительно не высоки, от 450 до 500 метров в среднем: «Трясущаяся» гора, в сотне километров к северо-западу от Монреаля, имеет не более 616 метров высоты; самые высокие вершины, в соседстве Сагнэ, достигают только 1.200 метр. Они имеют форму купола, почти все покрыты лесом и разделены извилистыми долинами, с крутыми обрывами, и неправильными бассейнами, наполненными прудами и озерами. Ось Лаурентид не совпадает с «высотой земель», т.е. с линией водораздела, откуда воды текут с одной стороны к реке св. Лаврентия, с другой—к Гудсонову морю. В среднем, Лаурентиды тянутся в большом расстоянии к югу от раздельных порогов и перерезаны брешами, через которые проходят реки, приходящие из более северных областей. В нижней части своего течения река св. Лаврентия, продолжающаяся лиманом того же имени, также следует по направлению оси Лаурентид, в складке земной коры.

Судя по свойству геологических формаций, можно бы заключить, что Лаурентиды берут начало в соседстве Ледовитого океана, к востоку от реки Мэкензи. Однако, совершенные до сих пор научные путешествия в эти области крайнего севера ещё слишком малочисленны, чтобы можно было с точностью проследить от северо-запада к юго-востоку общее направление горной оси, и при том в целом рельеф имеет скорее форму плоскогорья с изрытыми скатами, чем цепи гор в собственном смысле. Даже в провинции Онтарио мы видим лишь разбросанные в беспорядке массивы, относительно не высокие, и нормальную орьентировку которых трудно распознать. «Горы» Колокола, на севере пролива, соединяющего озеро Гурон с Георгиевской бухтой («Jeorgian bay, baie Georgienne или baie de Georgie), имеют не более 300 метров высоты. Господствующие над озером Ниписсинг высоты поднимаются до 420—480 метров, а одна вершина, находящаяся около средины провинции Онтарио, между Оттавой и Торонто, достигает, говорят, 700 метров. Прерываемая течением реки, цепь Лаурентид продолжается на северо-восток, параллельно реке св. Лаврентия, но на расстоянии от неё, в среднем, около 50 километров. На севере от Квебека горная цепь постепенно приближается к реке и, наконец, врезывается в неё основанием одного из самых гордых своих мысов, мыса Бурь (585 метр.), за которым следует гора Обвалов (776 метр.), действительно изрезанная оврагами и окруженная кучами осыпавшихся обломков. Другие горы, самые высокие из Лаурентид, стоят на берегу главной реки и её могучего притока Сагнэ. Далее горная гряда продолжается вдоль лимана и сливается вдали с гранитными высотами Лабрадора.

Лаурентиды состоят почти исключительно из древних осадочных пластов, принявших в течение веков кристаллическое строение. Это—древнейшие слоистые формации, какие известны на континенте Америки, и вероятно, они соответствуют древним гнейсам Шотландии и Скандинавии. В Лаурентийской цепи, рассматриваемой как одно целое, северные породы отложились в очень отдаленную эпоху: в них не сохранялось никаких следов органической жизни. Породы более южных гряд принадлежат векам менее отдаленным: это палеозойские наслоения, и в них нашли некоторые из замечательнейших первобытных организмов, какими только обладают палеонтологические музеи. Формации, образовавшиеся путем разложения камня, сильно разнятся степенью плодородия, смотря по свойству их составных элемен-

тов. Замечено, что почва очень плодородна на выходящих на поверхность известняках, и там именно почти все жители построили свои деревни, тогда как местности, где преобладают гнейс и кварц, гораздо труднее поддавшиеся обработке, населены сравнительно мало. Со времени отложения слоев, содержащих ископаемые остатки, произошли значительные изменения уровня. Нашли скелеты одного китообразного и одного вида тюленя в глинах Монреаля, и выше, на 170 метрах над нынешним уровнем моря, слои того же образования, наполненные морскими раковинами. Подобные же глины, но без ископаемых остатков, встречаются на высоте 350 метров. Интересно проследить течение рек, переходящих Лаурентиды и впадающих в реку св. Лаврентия: во многих местах эти притоки проходят по дну параллельных складок, образуемых пластами Лаурентид, тогда как в других местах они пробираются через поперечные трещины гор[1].

На юге от св. Лаврентия, высоты, сопровождающие реку и соответствующие, по своему направлению, цепи Лаурентид, начинают мысом Гаспе и тянутся по самому берегу лимана, едва оставляя узкий пляж у своей подошвы. Горы эти, называемые Шикшак в восточной Гаспезии, имеют крутые склоны и круглую вершину и не отличаются разнообразием контуров и рельефа. Высшие их точки, мало выступающие над всем массивом, достигают 1.200 метров,—высота, которая кажется огромной при туманах, поднимающихся с реки и ползущих по долинам. Далее, горы постепенно понижаются и немного удаляются от реки св. Лаврентия: это цепь Богоматери, поворачивающая на юго-запад и сливающаяся с водоразделом между покатостями реки и Атлантического океана. Разветвления её занимают часть провинции Квебек, называемую «Восточными кантонами» (Eastern Townships), и примыкают, в территории Соединенных Штатов, к «Зеленым горам», Green Mountains; это главная конечная ветвь апаллахской системы. Между массивами открываются широкия бреши, служащие проходами с атлантической покатости на покатость св. Лаврентия. Такова впадина, в которой находится длинное и узкое озеро Мемфремагог, ось которого параллельна осям Белых гор, на востоке, и Зеленых гор, на западе, и которое изливает свои воды в реку св. Франциска (Saint-Francais), приток св. Лаврентия.

Между двумя краевыми цепями св. Лаврентия, равнины, некогда озерные, по которым протекает река, были в разных местах пробиты действием подземных сил, и через образовавшиеся трещины выступали, в виде холмов, груды расплавленных веществ. Эти конусы извержения своим живописным профилем прерывают однообразие полей, расстилающихся вокруг их основания. «Mont Royal» (царственная гора), имя которой носит самый большой город Канады, есть один из этих базальтовых массивов, вышедших из земли, вероятно, в очень отдаленную геологическую эпоху, и с вершины этой великолепной обсерватории видны вдали на востоке, подернутые синеватой дымкой, другие эруптивные горки: Монтарвиль, стоящий среди низменных равнин, между реками Ришелье и св. Лаврентия; Beloeis, названный так по причине дивной панорамы, развертывающейся перед зрителем с вершины этой сколы; Ружмон (Rougemont, Красная гора), опаленные скалы которой сохранили цвет, приданный им горением. Кроме того, в разных местах встречаются подобные же массы огненного происхождения, вылившиеся через трещины Лаурентид.

Две горные цепи древнего происхождения, окаймляющие с той и с другой стороны лиман св. Лаврентия, оставляя реке лишь узкий выход, расходятся к верховью и охватывают, как в обширном цирке, целый ряд менее старых формаций. Явление, которое представляет в целом Канадское средиземное море, с его обширными водными площадями, вытекающими через относительно узкий канал, повторяется также в геологическом строении этой области: различные формации, простирающиеся на столь значительных пространствах в средней равнине Соединенных Штатов, между Аллеганскими горами и западными Лаурентидами, съуживаются и оканчиваются остроконечным мысом на северо-востоке, в узком коридоре, который оставляет лаурентинская долина. Вид бассейна, в котором отложились позднейшие горные породы, следовавшие, по времени происхождения, за выступами амфитеатра гор, и

1 Logan;—Alfred Selwyn;—S. Dawson.

дно которого занимают ещё великия озера, свидетельствует о спокойствии, царившем в этой области в течение длинного ряда веков. Географические черты континента, очевидно, сохранялись здесь почти без всяких изменений, кроме тех, которые происходили вследствие размывов и наносов, ледниковых, озерных и речных.

Замечательное доказательство этого постоянства планетных черт представляет линия берегов, развертывающаяся, в виде полукруга, на протяжении около тысячи верст, от южной оконечности озера Мичиган до Георгиевского залива. К северу от Чикаго силурийские пласты тянутся в виде береговых утесов, вокруг вод Мичигана до Зеленой бухты, Green-bay. В этом месте силурийская стена прерывается широкой брешью, продолжаясь, однако, островками и подводными камнями, расположенными по линии её следования; затем она снова появляется на северной стороне бухты, откуда поворачивает на северо-восток, потом на восток, и ограничивает с севера пролив Макинак и озеро Гурон. Большой остров Манитулин составляет часть этой линии силурийских утесов своим южным краем: в то время, как северные его берега, обращенные к Лаурентидам, имеют очень неправильную форму, южное побережье, омываемое водами Гурона, представляет кривую с нормальным изгибом. Вход в Георгиевскую бухту образует новый перерыв, но далее цепь продолжается на гуронском берегу, следуя вдоль основания холмов (высотой от четырехсот до пятисот метров), известных под именем Голубых гор, Blue Mountains. Та же стена силурийских известняков проходит через Онтарийскую провинцию и тянется по южному берегу озера Онтарио. Это тот самый утес, с высоты которого некогда низвергалась Ниагара, прежде чем водопад её отступил к югу, постепенно размывая свое выходное ущелье; с той же скалы ниспадали другие каскады нью-йоркских притоков озера Онтарио. Далее, силурийская цепь продолжается на севере реки Могок к реке Гудсон и, наконец, сливается с горами Адирондак.

Между большими реками земного шара река св. Лаврентия—одна из самых запоздалых в своем развитии. Правильный речной поток образовался здесь лишь на седьмой части бассейна истечения, да и этот поток в нескольких местах расплывается, чтобы наполнить озерные резервуары—св. Франциска, св. Людовика, св. Петра. Всю верхнюю часть бассейна занимают Великия озера, остатки обширного средиземного моря, которое после растаяния ледяных полей простиралось в центральной области страны. Со стороны низовья, конечная воронка реки, хотя обыкновенно называемая устьем, есть не что иное, как широкий морской лиман: св. Лаврентий не имеет дельты; можно сказать, что море начинается у города Квебека. Очевидно, река эта недавнего образования в истории нашей планеты: она ещё молода в сравнении с такими стариками, как Нил. Даже там, где св. Лаврентий приобрел свою речную индивидуальность, он не успел ещё урегулировать свои берега, сообщая им последовательный ряд нормальных кривых, правильно чередующихся извилин. Что касается громадных озерных бассейнов верховья, которые некогда изливались с одной стороны в Гудсоново море, с другой—в Мексиканский залив, и которые ныне принадлежат к бассейну св. Лаврентия, то они продолжают опоражниваться, и наносы вытесняют их воды, но как медленно совершается этот процесс обмеления! Окружающие высоты довольно низки и состоят из твердых каменных пород, едва поддающихся действию вод и воздушных метеоров; впадающие реки представляют скорее истоки небольших озер, где вода отстаивается и, вытекая, не несет в себе других примесей, кроме растворившихся химических веществ. Озера Канадского средиземного моря так громадны и так глубоки, что небольшое годовое количество наносов кажется бесконечно малой величиной в сравнении с размерами этих резервуаров, и пороги стремнин при выходе озера Онтарио, водопада Ниагары между Эри и Онтарио, водопада св. Марии между Верхним озером и Гуроном, могут быть стерты водами настолько, чтобы понизился уровень озер, лишь после долгих геологических веков. Можно, однако, попытаться вычислить приблизительно продолжительность времени, которое потребуется для того, чтобы опорожнить Великия озера Канады, заменить их обсохшими равнинами и урегулировать речное течение св. Лаврентия от истока до устья. Если достаточно сорока пяти тысяч

лет для того, чтобы исчезло маленькое Женевское озеро[1], которое питают Рона и Дранса, насыщенные песком и глиной, то нельзя считать менее, чем в пятьдесят миллионов лет продолжительность геологического цикла, необходимого для заполнения канадских резервуаров наносами их притоков с чистой, как хрусталь, водой[2].

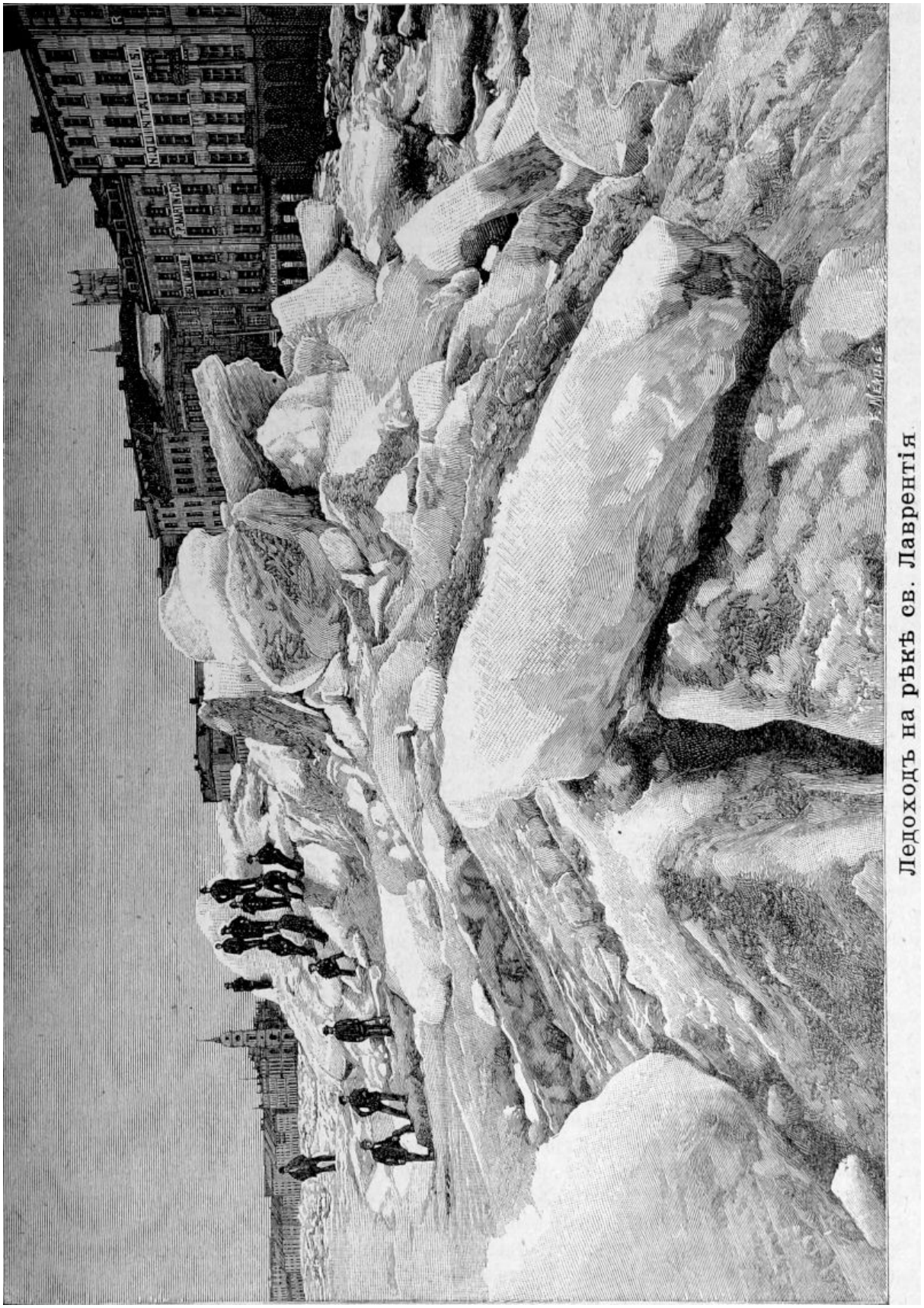
Река св. Людовика (Saint-Louis) считается главной ветвью св. Лаврентия, потому что она впадает в Верхнее озеро на западной его оконечности. Но это признание за ней первенства есть чисто условное, ибо Верхнее озеро получает притоки равные ей или даже превосходящие её. Река св. Людовика, хотя исток её находится в пятидесяти километрах к северу от Верхнего озера и в ста слишком километрах от его оконечности, берет начало в территории Соединенных Штатов, среди озерной области, лежащей почти на 300 метров выше Верхнего озера. Она течет сначала в западном направлении, затем в юго-западном, как бы идя на соединение с Миссисипи: в этой части её течения равнины бассейна усеяны глетчерными обломками, округленными действием вод, и вся страна, повидимому, была, в недавнюю эпоху, покрыта большим озером, ось которого была параллельна оси Верхнего озера. Но, дойдя до своей западной извилины, откуда легко можно бы построить канал со шлюзами к Миссисипи, река св. Людовика поворачивает на восток и юго-восток, чтобы продолжать свой путь по изрытой местности, горные породы которой, огненные и метаморфические, изборождены трещинами во всех направлениях. По принятии почти всех своих притоков, река св. Людовика проходит эту дикую местность рядом порогов и маленьких водопадов, постоянно меняющих форму, сообразно высоте вод. На последних восемнадцати километрах её течения общее падение равно 139 метрам; что касается расхода реки, то он составляет, в среднем, 34 кубич. метра в секунду[3].

Каминистикиа, впадающая в бухту Грома, одну из вырезок северо-западного берега Верхнего озера, течет на всём своем протяжении и со всеми притоками в канадской территории. Прежде она была гораздо более, чем река св. Людовика, известна путешественникам и охотникам, потому что составляла часть одной из главных дорог, которые через ряд волоков вели из бассейна Верхнего озера в бассейн Виннипега. Торфяные болота, из которых вытекает Каминистикиа, питают её черной водой, насыщенной гумусом, которая медленно стекает в равнину почти без ската, затем вливается в «Большое Собачье озеро (Great-Dog lake), живописную водную площадь, усеяннун островками. По выходе из этого озера, река, называемая в этом месте «Малой Собачьей» (Little Dog-river), ускоряет свое течение, затем спускается шестью водопадами; с соседних скал можно созерцать зараз все шесть ступенек пенящейся жидкой массы, прыгающей между поросшими хвойным лесом склонами долины. Ниже, Каминистикиа, или «Блуждающая река», покидает область гнейсов и гранитов и у Какабека, т.е. «Треснувшей Скалы», низвергается с высоты 35 метров величественным водопадом в прибрежные равнины Верхнего озера; бар, покрытый слоем воды в один или два метра толщины, запирает на половину вход трех рукавов дельты, камыши которой постепенно распространяются в бухте.

Другая довольно большая река, Черный Осетр, Black-Sturgeon, впадает восточнее; но самый обильный приток Верхнего озера—река Нипигон, выходящая из озера того же имени. Во всякой другой стране эта обширная водная площадь, называемая индейцами Аннимибигон, т.е. «Озеро, которому не видно конца» (или «чистая вода», по объяснению некоторых этимологов), считалось бы внутренним морем: оттого некоторые предлагали поместить её в числе «Великих Канадских озер», которых тогда было бы семь[4]. Простираясь на сотню километров с севера на юг и на 80 километров с востока на запад, озеро Нипигон занимает площадь около 7.500 квадр. километр.; но значительная часть этого пространства занята островами, в числе нескольких сотен, которые поднимаются на различную высоту и во многих

1 F. A. Ford, „Bulletin de la Societe Vaudoise des Sciences naturelles“, novembre 1888.
2 Greenleaf, „Water-power of the North-Western States, United States Census for 1881“, vol. XVII.
3 Greenleaf, „Water-power of the North-Western States, United States Census for 1881“, vol. XVII.
4 Onesime Reclus, „La Terre a vol d'oiseau“.

местах закрывают настоящий берег своими рядами зеленеющих конусов и бесплодных скал, разноцветные плоскости которых соединяются в одну непрерывную стену. Нипигон—не простой разлив вод, наполнивший неглубокую впадину: промеры его дна обнаружили глу-

Ледоходъ на рѣкѣ св. Лаврентія.

бины до 165 метров. Приток, берущий начало в небольшом расстоянии от Верхнего озера, река Омбабика, вступает в озеро через северо-восточный его залив: она выходит из лежащего на водоразделе резервуара, воды которого изливаются на две стороны; другой исток впа-

дает через реку Альбани,—в Гудсоново море. Река Нипигон имеет 76 метров падения на такое же число километров в длину[1]; оттого она образует ряд водопадов между каждым из проходимых ею маленьких озер; говорят, что в последние тридцать лет она на целый метр срезала порог, через который воды её вытекают из озера Нипигон. Она впадает в одну из бухт Верхнего озера, замаскированных островами, и продолжается проливом, Nipigon-strait, водяной аллеей между базальтовых стен, источенных при основании волнами, как колоннады Фингаловой пещеры. Восточнее, река Мичипикотен, один из больших притоков озера, представляет своим течением, своими волоками и волоками реки Лося или Муз-ривер, кратчайшую дорогу между Великими озерами и Гудсововым морем.

Верхнее озеро, величайшее и самое глубокое из американских внутренних морей, самый обширный пресноводный бассейн на земном шаре, простирается с востока на запад на 590 километров, а наибольшая его ширина превышает 260 километров: это «Великое озеро», Кичи Гами, как его называют прибрежные индейцы племени оджибуэ. В общем оно имеет форму полумесяца, обращенного выпуклостью к северу; но с южной стороны правильность дуги нарушается длинным рогом полуострова Кевенав. С иссечениями побережья, Верхнее озеро имеет не менее 2.800 километров в окружности. Глубина его, ещё не измеренная через равные промежутки во всём протяжении бассейна, обыкновенно, превышает 200 метров по середине озера, где были произведены правильные промеры; измерения, сделанные Райнольдсом, указывают даже, на север от полуострова Кевенав, подводный обрыв, где дно с 224 метр. вдруг понижается до 351 метра[2]. Правда, эта карта оказывается в противоречии с другими документами того же автора, которые в этом самом месте показывают только 260 метров: но к северо-востоку оттуда один промер обнаружил глубину в 307 метров. Следовательно, дно озера спускается ниже уровня Атлантического океана, так как поверхность Верхнего озера находится на 192 метрах высоты (средней). Земля, добытая со дна, состоит почти везде из вязкой глины, которая быстро отвердевает на воздухе и содержит множество маленьких раковин. Вода озера, питаемая сотнями потоков, выходящих из живой скалы, замечательно чистая и прозрачная, так что в соседстве берега ясно видны песок и камешки дна на глубине нескольких метров. Дожди, разливы притоков приносят очень небольшое количество твердых частиц, которые все отлагаются в дельтах, не примешиваясь к воде открытого озера; при том же бассейн истечения, окружающий Верхнее озеро, относительно очень узок, и наибольшие уклонения озерного уровня не достигают 1 метра. Море по своему протяжению, Верхнее озеро есть также море по своим бурям: северные, северо-восточные и северо-западные ветры, дующие с Ледовитого океана или с Гудсонова моря, не встречая препятствий на пути, обрушиваются всей своей силой на воды озера и вздымают на поверхности его огромные волны. История кораблекрушений на верхнем озере Канады уже очень длинна; велико число судов, которые, отплыв в тихую погоду из какой-нибудь гавани побережья, погибали со всем экипажем в некотором расстояния от берегов, так что о катастрофе узнавали только по обломкам, увлекаемым течением на стремнинах Мариинского водопада (Sault Sainte-Marie).

По характеру своих берегов Верхнее озеро тоже походит на море. Западная его оконечность, куда впадает река св. Людовика, замыкается песчаной косой, около пятнадцати километров в длину, образующей красивую, правильно изогнутую кривую между двух противуположных берегов, и в которой открывается то тут, то там проход для вод, заключенных во внешней бухте. Подобные же песчаные стрелки находятся при входе некоторых других неглубоких бухт; но в общем берега представляют высокие утесы, особенно на севере, с канадской стороны. Так, входом в бухту Грома (Thunder-bay) командуют горделивые горы, состоящия из эруптивных пород, и остров Пай-Айленд, лежащий на середине этого входа, возвышается на 260 метров между двух каналов; остров св. Игнатия, расположенный перед бухтой, куда впадает река Нипигон, вздымает на 440 метров свой базальтовый массив. Почти

1 Morin, „Carte du Cadastre“.

2 W. F. Raynolds, „Preliminary Chart of Lake Superior“.

все мысы поднимаются над водной скатертью крутым откосом или даже отвесной стеной. Южный берег тоже представляет местами высокие утесы, между прочим, близ Большого острова (Great-Island), где тянется длинная стена «Раскрашенных скал», Pictured Rocks: это песчаниковые стены, высотой от 20 до 25 метров, с вертикальными трещинами и разнообразно окрашенные разложившимися рудами. Основание этих скал изрыто в виде арок и пещер, куда врываются ревущие волны.

В средней части Верхнего озера нет ни островов, ни подводных скал: островные массивы все расположены в соседстве берегов. Королевский остров, Isle Royale, сохранивший ещё свое старое французское имя и находящийся в канадских водах, хотя им завладели Соединенные Штаты, есть самая большая из земель, омываемых Верхним озером. Он расположен в северной части бассейна, параллельно эруптивным горам, запирающим наполовину вход в бухту Грома; но эта ориентировка точно такая же, какую представляет длинный рог полуострова Кевенав, цепь силурийских формаций, выступающая далеко за черту южного берега. Королевский остров, длинный и узкий (длина 72, а ширина только 11 километров), с юго-запада на северо-восток, представляет единственное в своем роде геологическое образование. Это пучек долеритовых стен неравной высоты, но не превосходящей 180 метров, которые тянутся узкими и острыми выступами, точно сложенные рядом клинки ножей, и ограничивают узкие промежутки, занятые лугами, болотами и озерами. Верхняя часть их состоит из более твердых пород, чем породы основания[1]: оттого волны источили побережье по всей окружности, оставив гребни, тонкие и острые, которые господствуют над темными водами. К востоку от Королевского острова, другой большой остров канадского побережья, Мичипикотен, или «Большой гриб», состоит также из эруптивных пород, высотой около 200 метров; но это правильный массив овальной формы, слегка иззубренный и соединяющийся на юге подводным порогом с островком Карибу, изобилующим месторождениями меди,

За этим островом воды Верхнего озера уже представляют наклон к выходным воротам; вдоль южного берега, песчаного пляжа с правильными волнообразными повышениями и понижениями почвы, идет течение, увлекающее с запада на восток песчаные частицы и отклоняющее в том же направлении устья впадающих ручьев. Наконец, поток съуживается в юго-восточном углу озера, в бухте Уайт-Фиш-бай, и выливается чрез извилистый канал реки св. Марии (Sainte-Marie, Saint Mary), ширина которого меняется от 1 до 2 километров. Между двумя невысокими песчаниковыми террасами каменный порог преграждает течение, и река, выходящая из Верхнего озера, спускается пенящимися водопадами с общей высоты 5 с половиной метров: это тот знаменитый «sault» (прыжок), который открыли миссионеры Рэмбо и Жог в 1641 г., и который так долго задерживал судоходство между низовыми бассейнами и Верхним озером; но вот уже полвека, как это препятствие обойдено, и суда могут подниматься от острова Бель-Иль до реки св. Людовика, на 3.536 километров от океана. Ниже порогов, река св. Марии делится на два рукава, которые, в свою очередь, разветвляются на бесчисленное множество каналов среди цепи низменных, поросших ивняком островов. Южный рукав впадает в озеро Гурон, тогда как северный продолжается вдоль канадского берега проливом Норд-Ченнель, который сливается с Георгиевской бухтой в двойное озеро. Ряд островных земель, расположенных между двумя водными площадями, заключает в себе несколько значительных островов, и в том числе самый обширный остров во всём бассейне Канадского средиземного моря. Это—Большой Манитулин, бывший некогда священным по преимуществу; местопребывание «верховного Маниту» состоит главным образом из силурийских известняков, изрезанных трещинами и изрытых пещерами. Геолог Муррей объясняет существованием подземных потоков, проходящих в глубоких галлереях, явление, которое представляет озеро Маниту-ванинг, питаемое на поверхности маленьким ручьем, а между тем дающее начало очень большой реке. Два острова, лежащие западнее, также известны под именами Среднего и Западного Манитулина.

Георгиевская бухта настолько отлична от озера Гурон, что может быть рассматриваема

1 Foster and Whitney, „Report on the Geology of the Lake Superior land district“.

как особый бассейн. Она сообщается с главным резервуаром лишь извилистыми каналами Норт-Ченнеля и загроможденными множеством островов проливами, открывающимися между Большим Манитулином и Индейским полуостровом. Бухта эта резко отличается от озера Гурон неправильностью своих берегов, изрезанных глубокими заливами и даже настоящими фиордами, которые проникают далеко внутрь материка между крутых стен. В центральной части бассейна, вдали от «садов» островов, окаймляющих побережье, воды очень глубоки: так, у Кабот-Гэд, мыса Индейского полуострова, промеры дна обнаружили глубину в 155 метров. Из всех бассейнов Канадского средиземного моря Георгиевская бухта получает относительно наибольшее количество воды. Один из её притоков, Французская река (riviere Francaise, French-river), одна из живописнейших рек Канады, благодаря своим островам, скалам и водопадам, приносит ей избыток жидкой массы двух значительных озер, Тамагаминг и Ниписсинг, или «Малого озера», не считая многочисленных прудов, чрез которые проходят горные ручьи, текущие в трещинах лаурентинских пород. Тамагаминг—одно из тех озер с двойным истечением, которые изливаются по двум противоположным покатостям: в то время как один исток его соединяется с Оттавой через реку Монреаль, другой исток, спускающийся рядом каскадов, впадает в Ниписсинг, очень глубокий бассейн, где Морен нашел впадину в 193 метра глубиной. Полагают, что это озеро тоже имеет два истока, из которых один питает большую реку Маттаван. Как бы то ни было, видимый исток, Французская река, катит уже значительное количество воды, по официальным данным, не менее 266 кубич. метров в секунду,—количество, представляющее годовое падение 674 метра дождевой воды[1]. Маганетаван, впадающий немного южнее, тоже очень обильная река. Наконец, река Северн приносит избыток вод большого озера Симко и многих других бассейнов провинции Онтарио, которые прежде составляли лабиринт фиордов.

Озеро Гурон, которое Шамплен называл «пресноводным морем», вдвое меньше Верхнего озера, но походит на последнее общей формой, только ориентировано оно с севера на юг, а не с запада на восток; оно также имеет форму полумесяца, обращенного выпуклостью к Канаде, и с американской стороны берега его ниже; они обыкновенно тянутся в виде очень длинных кривых, прерываемых только мало выступающими мысами, и в соседстве их редко где встречаются островки. Вместе с большим озерам Мичиган, окруженным со всех сторон штатами северо-американской республики (Висконсин, Иллинойс, Индиана, Мичиган), Гурон образует обширный полукруг, окаймленный силурийскими утесами Ниагарского яруса. Полуостров Мичиган занимает центр этого огромного полукруга, в средине которого находится каменно-угольный бассейн: следы древнего средиземного моря, гораздо более обширного, чем нынешнее, покрывавшего все промежуточные острова великих озер, являются в форме террас, встречающихся на окраине всех холмов.

По словам легенды, происходящей, может-быть, от туземцев, Гурон самое глубокое из лаурентийских озер и будто бы даже бросали лот у входа в залив Сагинав, в западных водах, не достав дна на расстоянии 548 метров от поверхности[2]; однако, карта промеров, тщательно составленная северо-американским морским ведомством, показывает для этой части бассейна средние глубины только в 50 метров: самая большая впадина озера Гурон находится почти на половине расстояния между заливом Грома и проливом Георгиевской бухты, где глубина воды 214 метров, так что, следовательно, дно в этом месте лежит ниже плоскости, мысленно проведенной на продолжении морского уровня. Подводные мели поднимаются там и сям с глинистого или песчаного дна, но нигде, в средней части бассейна, они не достигают поверхности вод. Ложе озера постепенно повышается от средины к берегам и представляет лишь небольшое число удобных якорных стоянок: это, вместе с географическом положением под более северной широтой, вне дорог, ведущих из Нью-Йорка и Новой Англии к Миссисипи, и было одною из главных причин, почему на Гуроне не возникли большие порты, подобно тем, какие существуют на Мичигане, Эри, Онтарио. Пролив Мичиллимакинак, или

1 Clarke, „Report of the Ottawa Survey“.

2 Bayden and Selwyn, „North America“.

просто Макинав, которым Гурон сообщается с Мичиганом, имеет одинаковый уровень с проливом Георгиевской бухты; следовательно, эти три озера образуют одну водную площадь, с общим уровнем 177 метров над поверхностью моря. Озеро Симко (Уэнтарон, по-индейски), прежде известное у канадцев под именем «lac des Claies», теперь сообщаете с Георгиевской бухтой только одним притоком; это остаток бывшего пролива, который соединял непосредственно озеро Гурон с озером Онтарио, обращая в озеро всю полуостровную область, где ныне скучены англичане Канады.

Южная оконечность озера Гурон постепенно суживается, и её песчаное дно поднимается до 7 метров, чтобы образовать бар, через который проходит речной поток: это—река Сент-Клер (прежде она называлась Sainte-Claire, а теперь англичане именуют её Saint-Clair). Она гораздо больше походит на реку, чем Сент-Мари или Сент-Мери, с её порогами и водопадами, цепями озер, островами и поперечными рукавами. Сент-Клер извивается правильными излучинами, средняя широта её около версты, а глубина достаточна для больших судов. Никакие пороги, ни водопады не прерывают её равномерного течения с средним скатом 6 миллиметр. на километр; только около середины своей длины она разветвляется, проходя через мели, где поэтому прорыли судоходный канал; затем она наполняет озеро Сент-Клер, откуда выходит под именем Детруа или Детройт, т.е. «Пролив» (Detroit), чтобы излиться в восточную бухту озера Эри. Количество воды, несомое рекой Сент-Клер, почти всегда одинаково, с уклонением уровня меньше метра в год, благодаря обширным верховым резервуарам, регулирующим её расход: последний определяют приблизительно в 7.000 кубич метров (в среднем выводе); цифра эта кажется слишком малой в сравнении с расходом Ниагары, которая должна уносить такой же объем жидкой массы, как Сент-Клер, едва усиливаемая несколькими небольшими притоками. Главный приток Детройта—река Темза, приходящая из самых населенных и наилучше обработанных местностей области Онтарио. Подобно большинству рек, текущих с севера на юг, исток озера Гурон напирает на восточный берег, подтачивая его скалы и перегоняя их обломки на западный берег.

Озеро Эри—т.е. «des Cerises» (Вишневое)—самый южный из бассейнов Канадского средиземного моря: оно пересекается 42-й параллелью, так же, как Адриатическое море и Львиный (Лионский) залив. По своему расположению с запада-юго-запада на восток-северо-восток, оно находится уже почти в оси нижней долины св. Лаврентия и этим отличается от больших озер верховья. По правильности своей формы, представляющей длинный овал, с значительными выступами только на северном берегу, озеро Эри находится в переходном периоде между озерным бассейном и рекой; точно также, по своей малой относительной глубине, оно утратило характер других бассейнов, вырытых в камне. В среднем, толщина слоя воды всего только 15 метров и даже в самом глубоком месте, в восточной части бассейна, близ низменного полуострова Лонг-Пойнт, дно отстоит от поверхности только на 62 метра. Между великими озерами, Эри—единственное, ложе которого лежит выше уровня моря. В целом, озерная впадина образует три последовательных террасы: западную, глубиной от 8 до 12 метров; среднюю, дно которой спускается от 20 до 24 метров; и восточную, имеющую форму цирка с правильными ступенями, где находятся наибольшие глубины. Западная терраса составляет как бы особое озеро, отделенное от главного бассейна длинным полуостровом Голого Мыса и островом того же имени, который на южной стороне оканчивается остроконечным песчаным мысом. В некоторых местах лот встречает песок и глину, но обыкновенно он приносит со дна только ил, образовавшийся главным образом путем разложения высоких известковых берегов. Вдоль побережья тянутся там и сям мели, и подступ к низким берегам очень затруднителен: отсюда большие опасности для судоходства; даже льды там более опасны, чем в северных озерах, потому что мелкие водные пространства, усеянные банками, легче замерзают, и именно в самой южной части озера, куда изливается значительнейший приток, река Моми, зимний перерыв навигации бывает всего продолжительнее.

Исток озера Эри, выходящий близ северо-восточной оконечности бассейна, есть знамени-

тая Ниагара, названная так ирокезцами; это Ниакаре, «Большой Шум» (другие этимологические объяснения этого слова: Ониагара или «Гром Вод»; Ониахра или «Проход, перешеек между двумя озерами»; Онгиара, имя одного древнего прибрежного племени)[1]. Река эта имеет всего только около шестидесяти километров в длину, но от одного озера до другого, от Эри до Онтарио, разность уровня составляет 101 метр, и одним прыжком огромная масса воды низвергается с половины этой высоты, именно с высоты 47 метров: силурийская стена или «Гора», огибающая озера Мичиган и Гурон, и огибавшая также озеро Эри до его частного осушения, пробита силой вод, спускающихся по внешней стороне выступа, у основания которого расстилается озеро Онтарио. Но пролом этот—ещё недавнее событие в истории нашей планеты: река успела превратить свой водопад в стремнины только на половине первоначальной высоты. Старинные документы приписывают Ниагарскому водопаду гораздо большую высоту: Жолье говорит, что «озеро Эри впадает в озеро Фронтенак (Онтарио) водопадом в сто двадцать туазов»[2]. Геннепен определяет высоту водопада в «шестьсот футов».

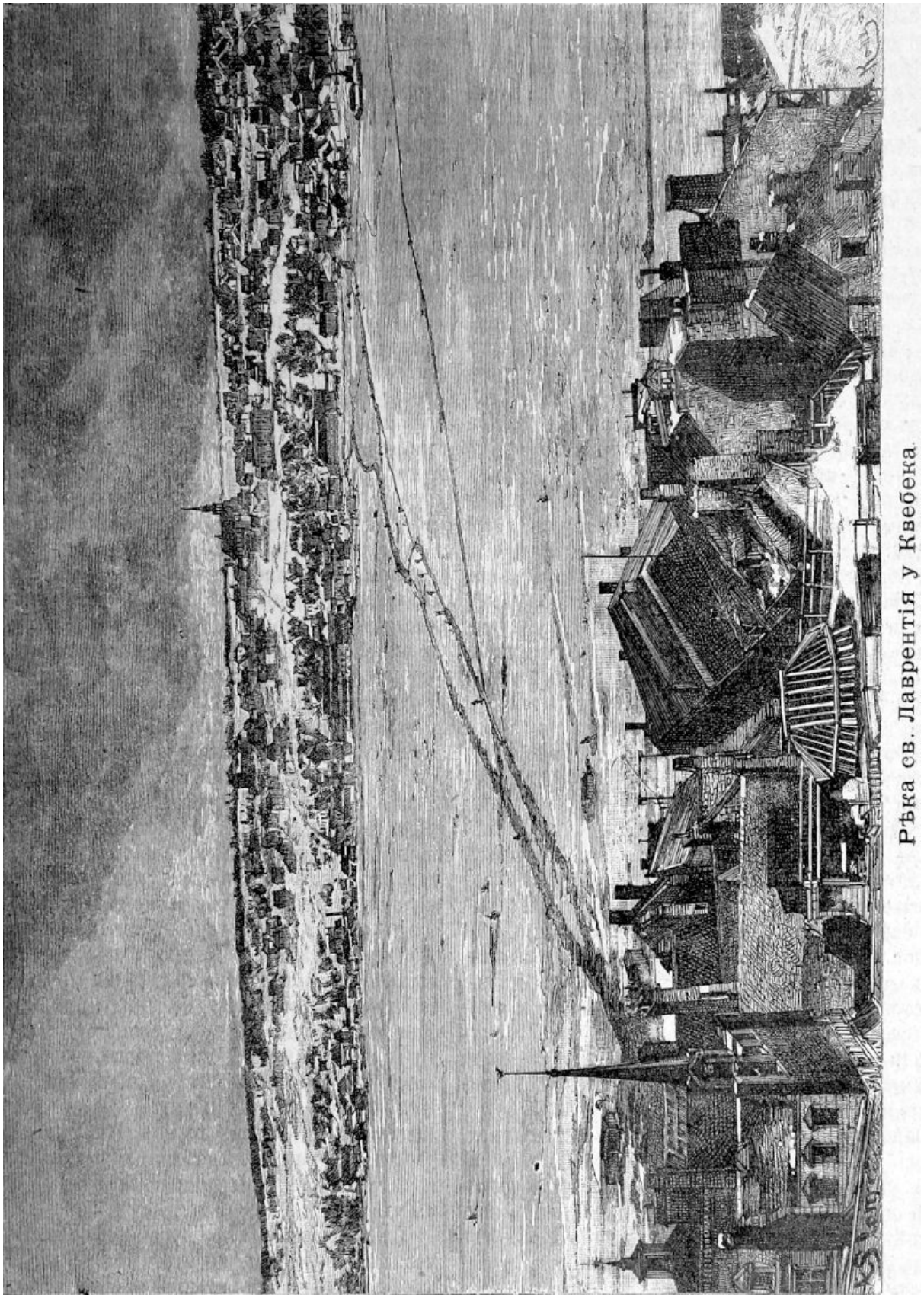
Изливаясь в воронку Буффало, Ниагара, имеющая около 500 метров ширины, спускается сначала равномерным течением в северном направлении, затем разветвляется на два широких рукава, по обе стороны Большого острова (Grand-Island). Ниже этого острова, длиной около 20 километр., Ниагара имеет вид озера, разливаясь слишком на 3 километра между низменных берегов: до этого места река спустилась только на 6 метров, при глубинах от 8 до 10 метров. Но после соединения с Чиппевой, западным притоком, русло Ниагары начинает сильно наклоняться, и воды всё быстрее скользят между сближающимися крутоярами. Поток бежит в виде длинных правильных волн, затем в виде коротких, сталкивающихся и пересекающихся волн, и делится на два огромных шлюза по обе стороны «Козьего острова» (Goat-Island), густого леса, окруженного со всех сторон пеной клокочущих вод. Справа, меньшая часть потока, сдавленная в узком ущельи, шириной менее 150 метров, спускается рядом уступов вдоль американского берега; слева, главный поток, составляющий более четырех пятых всей жидкой массы Ниагары, низвергается в виде полукруглого амфитеатра (почти в 2 километра во всех направлениях), где частные катаракты, ниспадая с порога на порог, образуют громадную хаотическую толчею волн: с берегов Козьего острова эти две наклонные реки, пенящиеся гребни которых закрывают весь кругозор по направлению к верховью, кажутся спускающимися с неба; зрителя охватывает ужас при виде этих огромных масс воды, льющихся как бы с высоты горизонта и, ниже, вдруг исчезающих.

Крайний береговой утес Козьего острова, обращенный к обрыву, разделяет реку на два водопада—«американский» и «канадский», из которых первый льется в виде относительно тонкой скатерти, слегка вогнутой к середине, а второй развертывается в форме обширного полукруга, откуда низвергается почти вся масса Ниагары, падая на дно пропасти. Этот последний водопад не заслуживает более названия «Подковообразнаго» (Horseshoe falls), которое ему давали и прежде, и которое оставалось за ним до сих пор: он скорее представляет «котел», подобно многим другим канадским каскадам; с трех сторон, водяные столбы ударяются и отскакивают в одном и том же бассейне. Ниспадающему катаракту соответствует катаракт восходящий, образуемый водами, которые, разбиваясь о скрытые верхушки скал, взлетают ракетами на воздух, рассыпаются туманом и падают обратно на окрестности непрерывным дождем, где солнце описывает изменчивую радугу. Брызги водопада поднимаются на сотни метров, скучиваясь в высотах и образуя облака; эти белые клубы пара, плывущие длинными вереницами по голубому небу, издали указывают неприметное за высокими деревьями парка точное место, где река низвергается в пропасть. Иногда также гром падения огромной массы вод, доносимой ветром, возвещает присутствие катаракта; но Ниагара катит свои воды уже не среди бесконечной пустыни лесов, как было в те времена, когда её увидели первые европейцы; гул городов, шум фабрик и железных дорог смешиваются с ревом водопада и часто покрывают его. Часть американского берега загромождена безобразными за-

1 „Pictoresque Canada“.

2 „Etude sur une carte inconnue“, „Revue de Geographie“, 1879—1880.

водскими постройками, портящими вид катаракта; впрочем, в ближайшем соседстве водопада оба берега Козьего острова объявлены национальной собственностью, и прогуливающиеся могут, из тенистых аллей, с трясущихся мостовых, свободно созерцать величественную

Рѣка св. Лаврентія у Квебека.

картину. На канадском берегу железнодорожный поезд делает остановку в поляне парка и дает пассажирам время сойти на лужайку, чтобы полюбоваться чудной дугой зеленой воды, изгибающейся на карнизе скал; через несколько минут они мчатся далее, унося с собой как

бы видение из сверх-естественного мира.

Массу воды, низвергающейся на двух водопадах, определяют различно, хотя колебания расхода относительно невелики, исключая зимнее время, когда река замерзает у берегов, когда ледяные скалактиты висят куртинами на всех выступах скал, когда мерзлый туман скопляется, в виде конусов на берегах и когда катаракты неподвижного кристалла сжимают справа и слева движущийся катаракт вод; случалось, что, увлекаемые течением, глыбы льда соединялись под водопадом в огромный ледяной мост, по которому можно было переходить с одного берега на другой, в виду водопада. Летом, колебания объема падающей жидкой массы происходят не столько от обилия или редкости дождей, сколько от направления и силы ветров, которые гонят воды озера Эри то в ту, то в другую сторону, и таким образом производят в выходном потоке уклонения уровня, доходящие до одного метра и даже больше. В среднем, расход Ниагары вычислен в 10.000 кубич. метров в секунду (9.223, по Баррету; 10.912, по Кларку; 4.665 (?), по «United States Census for 1880», опубликованному в 1885 г.), так что, следовательно, масса падающей воды в двадцать раз превышает объем Сены у Парижа. Приблизительно измерили также силу водопада в миллионах паровых лошадей, от 5 до 7 миллионов, по выводам разных авторов, и некоторые инженеры-фанатики, скорбя об этой ежегодной потере миллиарда франков[1], выразили надежду, что вся эта сила, слишком в тысячу раз превосходящая часть её, употребляемую ныне на Ниагарском водопаде[2], будет со временем утилизируема в американских фабричных заведениях. Канал, вырытый на правом берегу, уже приводит в движение многочисленные мануфактуры, профанирующие величественный пейзаж[3], и теперь проектируют, с денежным пособием от казны, приютить под льющейся скатертью канадского водопада целую махину аппаратов для производства электричества.

В общем виде Ниагарского водопада произошли значительные перемены с 1678 г.,когда миссионер Геннепен впервые снял на план это чудо света, виденное уже прежде него другими французскими путешественниками. Водопад постепенно отступает к верховью, вследствие стирания скал действием жидкой массы. Расположение пластов облегчает работу размывания: они состоят из слоев известняка, залегающих на рыхлых мергелях, и сами покрывают хрупкие песчаники: нижние слои подтачиваются откоском ударяющихся о дно вод, и в конце концов нависшие карнизы обрушиваются под тяжестью расшатывающего их потока[4]. По Бэкуэлю, дело размывания подвигалось, в среднем, на один метр в год с конца прошлого столетия, но более точными измерениями установлено, что за время с 1842 по 1883 г., т.е. впродолжении сорока двух лет, общее размывание, для канадского водопада, составляло 77 метров, или 1,85 метра в год; для другого водопада, отступательное движение, гораздо более медленное, не превышало в общем 11 с половиной метр. Допуская, что отступление всегда происходило в том же размере, выходит, что прошло около шестидесяти веков с той эпохи, когда водопад начал свою работу размывания на фронте террасы там, где ныне находятся города Квинстон и Левистон. Если и впредь движение будет продолжаться в тех же размерах, то американский водопад исчезнет в течение следующего тысячелетия; отступая к верховью, канадский водопад привлечет воды к своей пропасти, и Козий остров, отделяемый от берега постепенно уменьшающимся потоком, соединится, наконец, с твердой землей. Через двадцать тысяч лет, при том же ходе размывания и отступления, водопад перестанет существовать.

Ниже порогов, Ниагара, имеющая в среднем более 50 метров глубины и заключенная между двух отвесных берегов, высотой около 60 метров, проходит под воздушными пролетами висячего моста, затем под арками железнодорожного моста, и бежит быстрой стремниной до круглого бассейна. Уэрльпуль, или «Водовороты», в котором поток испытывает двоякое

1 Ayrton, „British Association“, Bath, 1888

2 „United States Census for 1880“.

3 Jules Marcou, „Bulletin de la Societe de Geologique de France”, mai 1865.

4 Charles Lyell;—Blaskwell;—Marcou, etc.

круговращение от одного берега до другого и от поверхности ко дну: воды низвергаются в пропасть, чтобы снова появиться далее в виде клокочущих конусов, поднимающихся до 3 метров над уровнем реки. Далее следуют другие водовороты, другие пороги, везде доминируемые крутыми стенами скал. В окрестной местности ничто не указывает на соседство этого огромного рва; прибрежная равнина представляет слегка волнистую поверхность, покрытую лугами, полями и садами. Наконец, самые утесы, обступающие русло, понижаются с той и другой стороны, и расширенная река величаво катит свои воды к озеру Онтарио.

Этот последний бассейн Канадского средиземного моря сохранил за собой, в несколько измененной форме, имя «Красивого озера», которое дали ему его прибрежные жители—ирокезцы. Впрочем, эта этимология слова, предложенная миссионером Геннепен, довольно сомнительна; по Шамплену, озеро было названо так по имени одного из племен, обитавших на его берегах. Онтарио меньше Эри по протяжению, но превосходит его объемом: глубина его, превышающая 200 метров, а в самом впалом месте достигающая, по Шермергорну, 225 метров, такова, что если бы долина св. Лаврентия вдруг раскрылась для пропуска моря внутрь материка, то нивеллированные воды наполнили бы до половины впадину, оставленную озером Онтарио. Озеро это—одно из тех, вокруг которых старые берега позволяют ясно распознать, насколько обширнее была их площадь в прежния времена: древний яр, продолжающийся южнее нынешнего берега, в расстоянии от 8 до 19 километров, и состоящий из слоев песку и булыжника, возвышается на 50—60 метров над озерным уровнем; местные жители прозвали его *lake-ridge* или «борозда озера»,—до такой степени очевидно его происхождение. Через известные промежутки, этот яр, составляющий продолжение береговых утесов Ниагары, прерывается брешами, давая проход Джиниси, Освего и другим рекам, которые также низвергаются «маленькими Ниагарами», выходящими из постепенно уменьшающихся озер. Один из этих проломов был прежде проливом, через который воды Онтарио изливались в Атлантический океан долиной рек Могавк и Гудсон[1].

Удлиненная и правильная форма Онтарио указывает на то, что этот бассейн, подобно Эри, вступает в переходный период, в период постепенного превращения из озера в реку. Южное его побережье почти прямолинейно, без вырезок, да и северное больше, чем на половине своей длины, тоже однообразно: иссечения полуострова начинаются только в северо-восточной части, где к главному бассейну присоединяются несколько второстепенных озер. Берега везде зеленеющие, лесистые, там, по крайней мере, где человек ещё не свершил дело истребления. Благодаря своей глубине, Онтарио гораздо меньше замерзает у берегов, чем Эри, лежащее, однако в среднем, на 200 километров ближе к экватору; но так же, как Эри и все другие озера Канадского средиземного моря, этот резервуар подвержен внезапным колебаниям уровня (в роде «seiches», наблюдаемых на Женевском озере), которые происходят от быстрых перемен атмосферного давления и обыкновенно предшествуют бурям[2]: уже Шарльвуа[3] упоминает о внезапной прибыли этой воды, которая покрывает выступающие наружу мели и проникает в реки в виде встречной волны, затем течет обратно в озеро, восстановляя прежний уровень. Но в Онтарио ещё не наблюдали заметных приливов, как те, правильную периодичность которых Греэм констатировал в озере Мичиган. Впрочем, ученые двух наций, которым принадлежат эти обширные бассейны, ещё не сговорились, чтобы установить систему методических и сравнимых между собой наблюдений, относящихся к происходящим там явлениям, каковы: цвет вод, течения, приливы, внезапные повышения уровня, водовороты, распространение света в жидкой массе, замерзание поверхности, температура поверхностного и нижних слоев, различие фаун. Самые холодные бассейны—Верхнее озеро и Георгиевская бухта: температура дна там колеблется между 1 и 4 градусами Цельсия, тогда как более южные озера представляют, в среднем, около десяти градусов тепла в глубокой

1 Shaler, „Winsor's America“, vol. IV;—I. K. Gilbert, „Forum“, May 1889,

2 Whitney and Foster;—Mathes;—Ratzel, etc.

3 „Histoire de la Nouvelle France“.

воде[1]; в 1843 г., после четырех дней тихой морозной погоды, Верхнее озеро замерзло на всём пространстве[2]; полагают, что его прозрачные, как хрусталь, и студеные воды были бы вполне пригодны для разведения колоний тюленей. Все озера лаурентийской покатости способствуют уравниванию уровня вод, изливающихся через реку св. Лаврентия, с незначительными колебаниями. Обыкновенные, резкия уклонения, происходящие либо вследствие внезапного временного повышения горизонта воды, либо от напора ветра, берут перевес над годовыми движениями, производимыми увеличением или уменьшением жидкой массы. Среднее колебание уровня озера Эри по временам года составляет всего только 62 сантиметра; наибольшее известное изменение его не превышало 1.37 метра.

Следующая таблица показывает абсолютную высоту и размеры озер верхней лаурентийской покатости, имеющих площадь более 1.000 квадр. километров[3]:

	Высота в метрах	Площадь в квад. километр.	Глубина		Высота дна	Объем в кубич. километр.
			Наибольш.	Средняя		
Нипигон	256	7.500	165 м.	100 м.	—81 м	750
Верхнее	185	83.630	307 „	213 „	—122 „	17.813
Мичиган	177	61.900	263 „	120 „	—86 „	7.428
Гурон	„	45.000	210 „	100 „	—33 „	4.500
Георгиевск. бухта	„	12.600	100 „	60 „	—77 „	756
Эри	173	25.000	120 „	62 „	111 „	500
Онтарио	72	19.820	225 „	90 „	153 „	1.783
Все вместе		255.450	307	131		33.530

Около восточной своей оконечности, Онтарио утрачивает правильность контуров: из канадского побережья, изрезанного заливами и извилистыми каналами, выделяется разветвленный полуостров Кентэ; вдоль берегов, сближающихся острыми выступами, рассеяны острова и островки. Выходное течение становится заметным; озеро изменяется в реку: мы вступаем в поток св. Лаврентия, но сначала он является нам только в виде узких каналов. Бесчисленные острова, доставившие этой части реки ирокезское прозвище Катараки, т.е. «Скалы, стоящие в воде», теснятся в широкой воронке речной долины. Их обозначают коллективно именем «Тысячи Островов» (Thousand Islands); но на самом деле они гораздо многочисленнее. Более или менее значительных островов насчитывают около двух тысяч; цифра эта ещё немного увеличилась бы, если бы прибавить все островки, все скалы, то появляющиеся, то исчезающие, сообразно колебаниям уровня реки. Некоторые острова, очень большие, обнимают обширные леса и луга; другие представляют маленькую рощу, окруженную водой; на иных стоит одно только дерево с широко раскинувшимися ветвями. Иной рукав реки так узок, что пароход пробирается в нём точно в аллее сада, под переплетающимися ветвями деревьев; другой, напротив, вдруг расширяется и принимает вид озера: эти «Тысяча Островов», скалы силурийской формации, очевидно, составляют продолжение «тысячи полуостровов» Кентэ и соседнего побережья. Один из островов, великолепный лес, усеянный живописными скалами, сохранен канадскому народу, как «национальный парк»; многие острова, купленные богатыми американцами, сделались дачными местами. Во всей Канаде нет местности, более прославленной за красоту ландшафта, чем этот речной архипелаг. Без сомнения, некоторые другие реки и бухты запада, особенно Французская река при выходе из озера Ниписсинг, и северные берега озера Гурон, также представляют красивые пейзажи, но, находясь вдали от многолюдных городов, они известны только редким колонистам да охотникам-авантюристам.

Ниже Тысячеостровья, река св. Лаврентия, уже вполне сформировавшаяся, течет на северо-восток, принимая в себя многочисленные притоки, которые ей посылают горы Адирон-

1 A. T. Drummond, „Nature“, August, 29, 1889.

2 Youle Hind, цитиров. сочинение.

3 По Рейнольду, Макомбу, Энгельгардту, Шермергорну, и др.

дак, лежащие в штате Нью-Йорк. Местами река расширяется в бассейны, похожие на озера и даже носящие это имя, как, например, озера Сен-Режи и Сен-Франсуа; но в некоторых других местах долина суживается, и вода спускается стремнинами, каковы la Plate, les Galops, le Long Sault, les Cedres, les Cascades. Из всех этих наклонных плоскостей речного русла наиболее грандиозное зрелище представляет «Длинный Водопад» (Long Sault), на котором неопытный путешественник, увлекаемый стремительным течением, испытывает сильное беспокойство. На пространстве около 15 километров поток несется в виде огромных волн, набегающих одна на другую и с пеной разбивающихся о борты судна. Вдоль реки проведены каналы, чтобы суда могли обходить препятствия при подъеме.

Самый большой приток св. Лаврентия, река, по которой поднимались впервые французские исследователи Канады, чтобы достигнуть западных областей, соединяется с главным потоком ниже озера св. Франциска: это—Оттава, «la riviere des Outaouais», как её называли французские хроникеры. Эта могучая река более длинная, чем Рейн, более многоводная, чем Нил, является уже значительным потоком, когда она, после спуска с водораздельной возвышенности и прохода через ряд озер, проникает с севера в бассейн Темискаминга, или «Глубокой Воды». Пятнадцать волоков, которые следуют один за другим выше входа в озеро, препятствуя судоходству по верхней Оттаве, доставили ей в этой части имя «реки Пятнадцати»; ветви её переплетаются на севере с ветвями озёра Абиттиби, или «Средние Воды»[1], одного из резервуаров гудсонской покатости, из которого вытекает большой приток реки Лося. Ниже реки «Пятнадцати волоков», в озеро Темискаминг, с северной и западной его покатости, впадают другие, менее значительные потоки—Белая река, Монреаль, Метапидживан. В целом, этот озерный бассейн имеет форму треугольника, вершина которого обращена к югу Это—русло древнего ледника; размывание порогов низовья превратит его рано иди поздно в реку.

Тотчас по выходе из озера, Оттава получает величественной каскад, высотой около 35 метров, приносящий воды другого, более значительного бассейна, Киппевы, которого бесчисленные разветвления, заливы, проливы, бухты и бухточки, простираются на юго-востоке, между лесистых берегов. По своему очертанию озеро это напоминает форму паука; ни в какой другой части канадских областей стоячие или проточные воды не переплетаются в такой удивительный лабиринт бассейнов и потоков. С верхней Оттавы к реке св. Лаврентия лодочники могут пробраться многими другими путями, хотя, правда, волоки гораздо многочисленнее на этих окольных дорогах. Прежде их считали десятками на Оттаве, но недоступные для барок пороги и водопады теперь обойдены железными дорогами, каналами, или катками. Даже в Канаде мало найдется рек более неправильных, чем Оттава. Русло её представляет непрерывный ряд контрастов: тут водопад, далее стремнина или порог, затем перекресток вод, встречающихся и снова расходящихся, там узкий канал, заключенный между отвесных стен, потом цепь озер, кое-где даже большей озерный бассейн, бухты которого продолжаются на необозримое пространство,—такова эта прекрасная река, разделяющая две провинции, Онтарио и Квебек.

Притоки её, очень многочисленные, походят на главную реку, особенно притоки восточного берега. Со стороны Онтарио, главные «Воды Севера», усиливающие Оттаву, суть: Маттаван, Бон-Шер, Мадаваска; в числе притоков её есть даже «Миссисипи»; ниже, к ней присоединяется река Ридо, сопровождаемая каналом, прорытие которого поставило столицу государства, Оттаву, в прямое сообщение с озером Онтарио. Со стороны Квебека приходят очень многоводные реки, Монашеская, Черная, Кулонж, Гатино, из которых последняя берет начало в той же части водораздельной возвышенности, как Оттава, и сливается с ней в 600 километрах ниже, против столицы Канады; три другие значительные реки, спускающиеся с той же покатости, Заячья, Красная и Северная, впадают в Оттаву восточнее. Прежде чем соединиться с рекой св. Лаврентия, могучий приток опять принимает вид удлиненного озера, образуя бассейн «Двух Гор», одна часть которого поворачивает на северо-восток и

1 Lacombe;—Petitot;—Proulx etc.

разветвляется в архипелаге Монреальском, тогда как главный поток, разделившийся на два рукава, окружает лесистый остров Перро и затем соединяется с рекой св. Лаврентия. Масса воды, изливаемая Оттавой в великую канадскую реку, превышает объем Роны или Рейна, судя по измерениям, сделанным канадскими инженерами, которые получили следующие результаты[1]:

Расход Оттавы, перед Гренвилем, у водопада Карильон, ниже всех больших притоков; низкие воды—980 кубич. метр. в секунду; средние—2.380 кубич. метр. в секунду; высокие—4.200 кубич. метр. в секунду.

Безчисленные озера страны держат в запасе воды разлива, отдавая их реке в период убыли; поэтому колебания уровня последней относительно весьма незначительны, в сравнении с колебаниями, наблюдаемыми в реках с правильным течением.

Изливаясь рядом в озеро св. Людовика, желтый поток Оттавы и зеленоватый поток св. Лаврентия, по выходе из этого бассейна, снова бегут каскадами. Водопад Лашин, последний перед устьем,—один из красивейших и с виду один из опаснейших водопадов, хотя там не бывало крушений. Могучая масса воды, сдавленная в тесном пространстве, вздымает свои пенящиеся валы на несколько метров высоты; увлекаемый в этом водовороте со скоростью лавины, путешественник вдруг видит черные скалы, стоящие стеной впереди судна; но не успел он хорошенько разглядеть их, как они уже промелькнули, исчезли позади его, и судно вступает в новое озеро, по которому разливаются успокоившиеся воды. Ниже этого озера, большие суда могут спускаться и подниматься по реке во всякое время, хотя в некоторых местах, между прочим, у «подножия» Монреаля, течение очень быстрое. Но в прежнее время они не везде, в низовьи св. Лаврентия, находили достаточную глубину; озеро св. Петра, лежащее почти на полпути между Монреалем и Квебеком, имело не более 4 или 5 метров глубины в проходе. Наносы, которые уже обратили в луга и болота всю верхнюю часть, распределяются по площади дна и постепенно повышают её; но при помощи постоянных землечерпательных работ удалось удвоить первоначальную глубину фарватера. В озере св. Петра, в 148 километрах выше Квебека, находится предел распространения приливной волны; в этом месте наносы отлагаются между двумя противоположными течениями.

Один из значительных притоков, приходящих с юга, соединяется с рекой св. Лаврентия выше озера св. Петра и с своей стороны способствует выдвиганию вперед аллювиальных полуостровов: это река Ришелье или Сорель. Подобно главной реке, приток этот—только наполовину река; начинаясь в штате Нью-Йорк живописным озером Джордж,—одно из «чудес» Америки,—он продолжается затем гораздо более обширным бассейном, озером Шамплен, рукава которого наполняют несколько долин, и которое северными своими бухтами врезывается в канадскую территорию; там собственно Ришелье и начинается, как река, но течение его не везде равномерное: в Шамбли, выше теснины, где суживающееся русло заключено между двух холмов из эруптивных пород, он образует несколько порогов, затем разливается в широкий бассейн, за который пароходы не переходят при подъеме. Изучая форму низкого полуострова, разделяющего реки св. Лаврентия и Ришелье, и сравнивая нынешнее течение этих рек с прежним, следы которого сохранились в виде болот, низменных лугов, прудов, можно придти к заключению, что нижний Ришелье занимает то русло, которым некогда, вероятно, текла река св. Лаврентия. Прежде чем пробить барьер скал, преграждавший ей дорогу перед Монреалем, и от которого остался ещё один остров, св. Елены, великая канадская река проходила тогда южнее, там, где ныне простираются болотистые земли Лапрери, и связывала с бассейном Шамбли долину, которою в наши дни изливается Ришелье; уровень окружающих равнин едва на несколько метров превышает уровень обеих рек, почти одинаковый в двух бассейнах Монреаль и Шамбли, именно 3,88 и 3,34 метров соответственно над высотой пролива в озере св. Петра; во время наводнений вода св. Лаврентия течет обратно в озеро Шамбли[2]. Ниже Ришелье, в озеро св. Петра изливаются Ямаска, затем река св. Фран-

1 T. C. Clarke, „Report of the Ottawa Survey“.

2 Willlam Shauly;—Romeo Stevens, рукоп. заметки.

циска, вытекающая из глубокого озера Мемфремагог.

После Оттавы, самый большой приток св. Лаврентия, по крайней мере в речной части,— река св. Маврикия, которая берет начало на «высоте земель», где истоки её переплетаются с истоками р. Гатино. Пройдя ряд озер и усиленный притоками, которые посылают ему, справа и слева, другие озера, св. Маврикий является уже большой рекой, более широкой, чем Луара или Гаронна, когда он достигает края сиенитового плато, откуда воды его низвергаются в равнину св. Лаврентия. Водопад этот, называемый Шауниган, есть не более, как один лишний водопад в стране, где их насчитывают тысячи, и все замечательных громадностью размеров, красотой вида или разнообразием и живописностью окружающего пейзажа; однако, и после всех этих водопадов, Шаувиган кажется грандиозным, благодаря огромной массе вод и спиралеобразным ступеням его коридора. Выше обрыва река делится на два больших рукава и на несколько второстепенных потоков, окружающих лесистые острова. С высокого мыса, стоящего по середине пропасти, зритель видит, как набегающие со всех сторон воды падают в обширный амфитеатр, «Чертов водоворот», где волны сталкиваются и ударяются о скалы; затем вдруг река вступает в узкий корридор, шириной около 28 метров, в котором исчезает вся масса вод под нависшей стеной: бревна, спускаемые дровосеками с края плато по боковому катку и ныряющие в воду у выхода водопада, часто ударяются об эту скалу, на противоположном берегу. Тотчас за этим шумящим водопадом, св. Маврикий разливается в обширное озеро, где кружится его течение. На берегах низовья дюны и песчаные поля напоминают те века, когда вся эта местность была покрыта водами огромного озера. Между различными порогами, прерывающими верхнее течение св. Маврикия, река судоходна для пароходов на протяжении 315 километров.

Некоторые другие реки северной покатости, Батискан, Жак-Картье, и, на южном берегу, Шодьер, соединяются с св. Лаврентием выше Квебекской теснины, т.е. в той части его течения, где он ещё сохраняет характер реки. Непосредственно за этим проходом, длиной около 1.300 метров, между Алмазным мысом и холмами Левис, начинается лиман: берега постепенно раздвигаются дотого, что он становится заливом, затем морем и сливает свои воды с водами Атлантического океана; впрочем, прежние моряки помещали «конец моря» в Тадусаке, у впадения притока Сагенэ. Ниже Квебека, где высота прилива уже переходит за 5 метров, преобразование реки в морской залив совершается постепенно: чередование прилива и отлива становится всё правильнее, по мере того, как ослабевает нарушающее влияние верховых разливов; вода, ещё пресная против Алмазного мыса, мало-по-малу приобретает соленость; дельфины и другие представители китового рода, морские рыбы и моллюски проникают далеко в речной залив. В то время, как св. Лаврентий катит у Квебека количество воды, составляющее, по самому умеренному рассчету, около 15.000 кубич. метров в секунду, объем жидкой массы, которая проходит с приливом через морские ворота, открывающиеся между берегом Лабрадора и берегом Гаспезии, по крайней мере в сто раз превышает это количество.

Вот точные цифровые данные, относящиеся к гидрологии бассейна св. Лаврентия:

Длина св. Лаврентия, от потоков св. Людовика до Гаспе, 3.070 километров. Длина собственно реки, от Тысячеостровья до Квебека, 698 кил. Площадь бассейна, кверху от Квебека, 1.150.000 кв. килом. Приблизительный расход св. Лаврентия, по Клярку, 25.200 куб. метр. в секунду, а по выводам Геологической коммиссии, 32.000 куб. метр. в секунду.

Истечение на квадр. метр поверхности: 339 миллиметр., что составит две пятых выпадающего дождя.

Длина линии мореходства, от Бель-Иля до Монреаля, 1.825 килом. Длина судоходства по морю, реке и озерам, от Бель-Иля до Дулута, 3.957 километров.

Приток Сагенэ, гораздо более похожий на фиорд, чем на реку, по крайней мере во всей нижней части своего течения, впадает в лиман, а не в реку св. Лаврентия. Истоки его находятся в 400 километрах, по прямой линии, от берегов св. Лаврентия, на высоте 400 или 500 метров над уровнем моря, в местности, ещё очень мало известной. Одна из главных ветвей

его, по могучим стремнинам которой поднимался ботаник Мишо, в прошлом столетии, носит имя Мистасини, или «Большая Скала». Это имя принадлежит также одному большому озеру в Лабрадоре, на гудсонской покатости; миссионеры-иезуиты, исследовавшие страну в половине семнадцатого столетия, назвали так реку, полагая, что она соединяет озеро Мистасини с озером св. Иоанна. Кроме Мистасини, ещё несколько рек, как-то: Перибонка, Ашуапмушуан, Уячуан, Метабечуан, текут в этот озерный бассейн овальной формы, который канадцы назвали озером св. Иоанна. Из этих притоков самый красивый—Перибонка, протекающая по необыкновенно живописной местности; самый обильный—Ашуапмушуан (Ашамашуан), который старинные писатели присвоивали имя Сагенэ, как и реке, вытекающей из озера[1]. Эта водная площадь в 920 квадр. километров прежде была гораздо обширнее, как о том свидетельствует полоса песчаного дна, оставленная водами по всей окружности. Большие северные реки, имеющие несколько верст ширины при устье, приносят огромные количества песку: Мистасини даже известна под именем «реки Песков».

С октября месяца озеро замерзает, и зимой по нём ездят на санях во всех направлениях. Смотря по времени года, уровень его представляет сильные колебания: разность между высоким и низким стоянием воды составляет не менее 5 метров, достигая в некоторые годы 7 с половиной метров. Вместе с тем изменяются размеры водного пространства, и во время мелководья иной песчаный пляж продолжается на несколько верст от края вод: отсюда индейское название этого бассейна—Пеагагами, или «Мелкое озеро». Средняя глубина его от 15 до 20 метров; но промеры дна обнаружили существование глубокого рва, шириной около 1.600 метров, который тянется параллельно берегу, продолжая, в юго-восточном направлении, ось долины реки Ашуапмушуан. Ров этот, называемый рыболовами «трещиной», имеет до 60 и 75 метров, может-быть, даже 90 метров глубины в самых впалых местах[1]: впрочем, карта промеров, составленная в 1884 г. Жозефом Роза, показывает только 62 метра в самом глубоком месте[2]. Трещина эта снова появляется далее на материке вместе с Зеленым озером, или Кеногамишиш, и его продолжением, озером Кеногами, имеющим 300 метров глубины[3], затем вместе с бухтой Ха-Ха и нижним Сагенэ. Очевидно, этот ряд расселин есть не что иное, как бывший фиорд, канал которого некогда наполняли льды, и который в большой части изгладился с тех пор, как реки унесли обломки морен: к востоку от озера св. Иоанна, ров, прежде непрерывный, разделился на несколько бассейнов, а дно русла постепенно повышается.

После того, как первоначальный проход изгладился, естественно, должны были образоваться другие отверстия в окружности озера. Полагают, что одно из этих древних русл находится на западе, около реки св. Маврикия: как бы то ни было, воды теперь выливаются каскадами и стремнинами Большого и Малого Спуска, чтобы образовать собственно Сагенэ. Река эта в верховьях не отличается от других канадских рек: каскады, пороги, озероподобные разливы следуют на ней один за другим до «Прорванной Земли», близ того места, где река Шикутими приносит, в виде могучего водопада, истечение озера Кеногами. Там Сагенэ, шириной в 1.020 метров и доминируемый высокими скалами, имеет уже вид большой реки; вскоре после того и глубина его значительно увеличивается, и дважды в сутки прилив дает возможность судам подниматься до самых запруд, за которыми скопляется сплавляемый по реке лес. Далее Сагенэ ещё более расширяется и, наконец, обращается в морской залив с извилистыми берегами; в месте встречи с бухтой Ха-Ха он представляет фиорд, подобный фиордам Норвегии и Аляски: ему недостает только ледников в верховьях боковых долин. По обе стороны извилистого потока, неравной ширины, но везде имеющего несколько верст расстояния от берега до берега, обступившие его скалы поднимаются всё выше и выше. Волны омывают их основание, на котором серая или темная черта указывает высоту, достигае-

1 Ernest Gagnon, „Le Pays des Ouananiches“.

1 Dumais, рукописн. заметки.

2 G. Baillarge, рукописн. заметки.

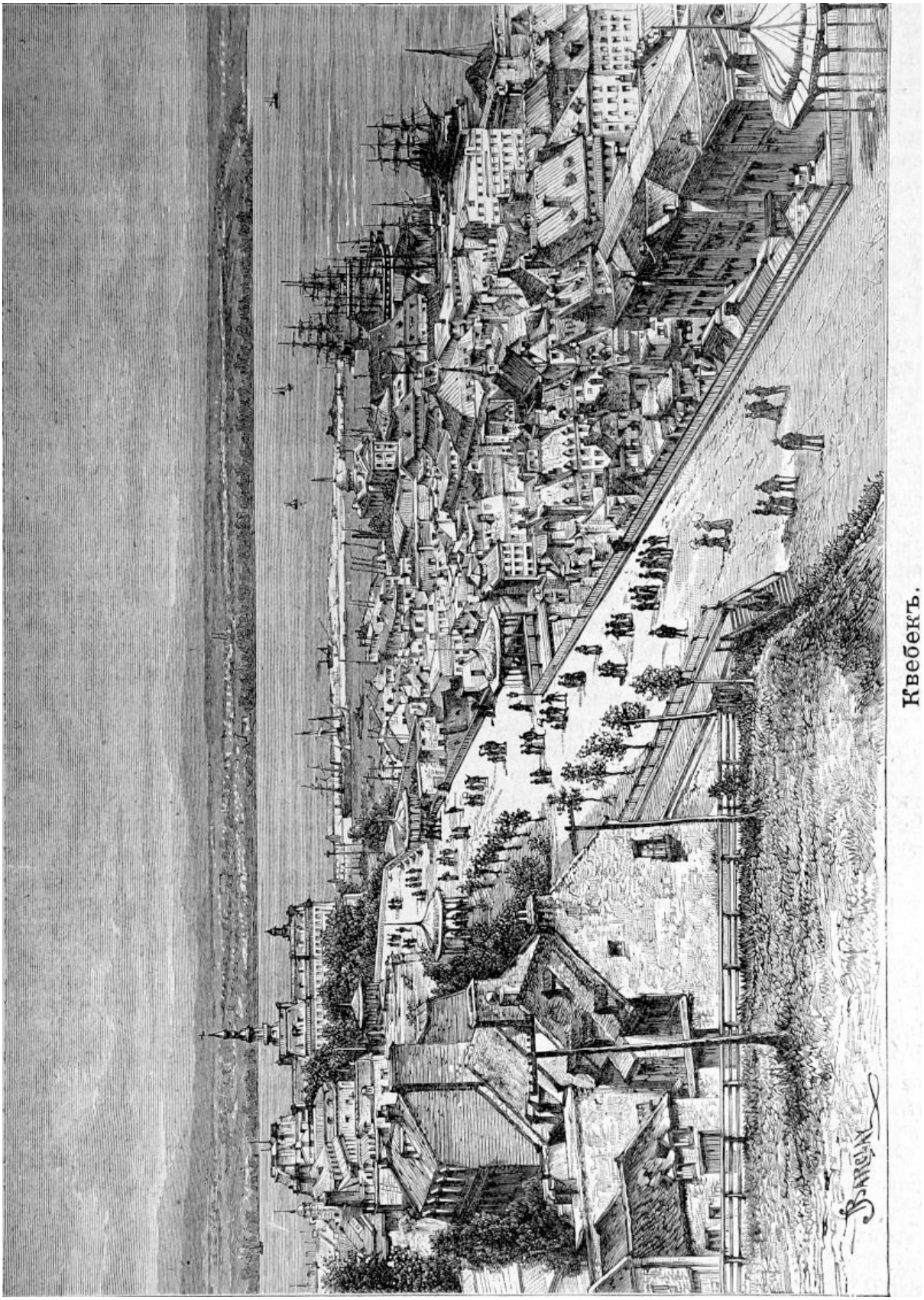
3 Arthur Buies, „Le Saguenay“.

мую большими приливами; там и сям кусты и деревца цепляются по кручам откосов, а выше, на округленных вершинах, виднеются ветвистые деревья или голые почернелые стволы сосен, горевших во время одного из страшных лесных пожаров, часто опустошающих страну. Заключенный между высокими каменными стенами, Сагенэ, с темной, насыщенной гумусом водой, принимает зловещий вид: индейцы прозвали его «Рекой Смерти», и действительно, всё там кажется мертвым; рассказывают даже вопреки очевидности, что лесные звери не отваживаются заходить на скат пропасти, что даже птицы боятся залетать туда, что там никогда не увидишь кружащагося над водой роя комаров или мошек. Утверждают также, вопреки промерам, произведенным Бэфильдом в 1830 году, что Сагенэ—«бездонная» пучина; но несомненно, что глубина его очень велика. Ниже бухты Ха-Ха и близ устья он имеет не менее 269 метров глубины, и, как все фиорды, оканчивается в лимане св. Лаврентия высокими мелями, грудами обломков, вынесенными течением за черту трещины: лот показывает там всего только от 12 до 20 метров. Надо проплыть за мыс Гор, на юге канадского Лабрадора, чтобы встретить глубины, равные глубинам Сагенэ.

Каждое лето к этому удивительному рукаву моря стекаются массы посетителей любоваться зрелищем величественных скал, гнейсовых и сиенитовых, поднимающихся на сотни метров над поверхностью вод. Один из этих утесов, известный под именем «Картины», назван так потому, что представляет со стороны залива совершенно гладкую стену, которая глядится в темные воды и, кажется, только ждет какой-нибудь монументальной надписи. Другая скала, тоже на южном берегу Сагенэ, была посвящена «Троице», по причине трех колоссальных ступенек, из которых состоит её крутой откос, достигающий 500 метров высоты: к востоку от этого утеса, полукруглая бухта врезывается в берег, и задняя сторона мыса кажется совершенно вертикальной, даже нависшей в некоторых местах. На камне видны там и сям белые борозды, проведенные глыбами, которые, оторвавшись от карниза, скатились по отвесной стене в пропасть; вода, капающая из трещин, увешивает скалу бахрамой из черного ила, и два разреза, идущие прямо от вершины до основания, разделили утес на три исполинских столба. Напротив, по другую сторону бухты, но на том же берегу, стоит другой мыс, которому, под влиянием чувства благоговения пред величием картины, дали имя «Вечность». Мыс этот выше противолежащего мыса «Троицы», но имеет менее грозный вид: вершина у него закругленная, а по уступам ростут деревья; здесь остановился большой лесной пожар, в 1872 г. Ниже мыса Вечность следуют одна за другой, на обоих берегах Сагенэ, другие скалы, также приобревшие известность; а на поверхности широкого потока выступают несколько скалистых островов, представляющих якорную стоянку для судов. Там и сям, через бреши берегового утеса, в главную реку изливаются ручьи, даже небольшие реки, такова, например, прославленная река св. Маргариты, куда ловцы форелей, почти исключительно американцы, стекаются сотнями во время летнего сезона. К югу от св. Лаврентия, длинное и очень глубокое озеро Темискуата, также усеянное по берегам дачными местами, лежит в оси Сагенэ и продолжается в Новом Брауншвейге, до бухты Фунди, глубокой долиной реки св. Иоанна (Сент-Джон). Эти две расселины, разделенные ныне широким лиманом св. Лаврентия, не представляют ли собою две половины излома земной коры, частию заполненного, но ещё приметного?

Ниже Сагенэ, черные воды которого вливаются, словно «море чернил», в зеленоватый поток св. Лаврентия, с северной покатости текут в лиман несколько значительных рек, из которых ни одна не сохранила вида бывшего фиорда; южный скат, доминируемый близко одна от другой стоящими горами, слишком узок, чтобы на нём могли образоваться большие притоки. Два берега представляют ещё другой контраст. Южный развертывается в виде двоякой кривой замечательно правильного хода: в этой гармонически изгибающейся линии сразу узнаешь действие течения, которое не переставало работать в течение веков, срезывая мысы, занося песком бухты: течение это—отлив, движение которого всегда более равномерно, менее неправильно, чем движение прилива. Северный берег, о который ударяется приливная волна, представляет гораздо больше неровностей в своем очертании, более изрезан бухтами, более усажен мысами; здесь находятся, между прочим, мыс Гор, главный опознавательный

знак для моряков при входе в лиман св. Лаврентия. Речные наносы также способствуют неправильности очертаний лабрадорского берега: р. Бетсиамит, река Драхв, Маникуаган, Муази, Минган, река св. Августина, Эскимосская и другие реки разветвляются в море, в виде

Квебекъ.

маленьких дельт, образовавшихся путем отложения песку и илу. В верхнем своем течении все эти реки походят одна на другую своими цепями озер, порогами и водопадами.

Лиман св. Лаврентия, имеющий 180 километров ширины при входе, омывает многочис-

ленные острова, расположенные почти все по направлению приливного и отливного течения, параллельно обоим берегам; таков первый остров, тотчас за Квебеком. Эта длинная земля, называвшаяся прежде «Вакховой», по причине виноградных кустов, виденных там первыми мореплавателями, а теперь известная под именем Орлеанского острова, представляет холмистую равнину, продолжающуюся верст на тридцать между двумя каналами; течения, встречающиеся у восточной оконечности острова, сталкиваются и образуют опасный водоворот, который канадские моряки прозвали «Быком». Затем следует ряд других, менее значительных островов, частию гористых, частию низменных или едва выступающих над поверхностью воды; но у всех этих островов ось имеет то же направление, как лиман и прибрежные горы. Большой остров, разделяющий на два широких пролива вход в лиман св. Лаврентия, тоже расположен параллельно берегам Гаспезии, которою оканчивается на северо-востоке система Апаллахских гор.

Эта огромная островная скала, имя которой, Антикости, с первого взгляда кажется указывающим на положение острова против берегов Гаспе, сохранила, в слегка измененной форме, свое индейское название Натикостек, означающее «Место охоты на медведя»[1]. Простираясь почти на 220 километров в длину и на пятьдесят в ширину в центральной части, она имеет лишь весьма небольшое число бухт и бухточек; северный берег, правильный, без выступов и выходящих углов, немного выше южного, и остров, в целом, представляет наклонную плоскость, с уклоном, в среднем, около 120 метров к югу: благодаря этому расположению поверхности острова на полдень, Антикости защищен от бурных северных ветров и пользуется относительно теплым климатом. Ни один из его холмов не превышает 210 метров. Повсюду скала, силурийского происхождения, состоит из пластов известняка, очень богатых ископаемым лесом. Слои торфа покрывают большую часть южных берегов, исчезая под чащами ельника, где деревья, от трех до четырех метров высотой, дотого тесно скучены и переплетены ветвями, что идешь не через лес, а скорее по лесу[2]. Антикости, кажется, никогда не был частью материка, судя по тому, что там не видать ни змей, ни лягушкообразных гадов, живущих, однако, на берегах противолежащей твердой земли; целые семейства насекомых, очень богато представленные на соседних землях, также отсутствуют там совершенно. Что касается черного медведя, встречающагося на Антикости, то он, без всякого сомнения, пришел туда по ледяному мосту, покрывающему зимой поверхность залива; лапы и морда у этого зверя окрашены в красный цвет от действия морской воды, в которой он ищет себе пищу.

По обе стороны острова Антикости, устья лимана открываются в полу-замкнутое море, которое называют «заливом» св. Лаврентия, и которое действительно следует рассматривать, как лежащее вне Атлантики, по причине его мелководья. Это просто бассейн размывания, вырытый водами в поверхностной части земной коры: на всей окружности залива выступающие наружу концы геологических пластов свидетельствуют о прежней непрерывности почвы. В среднем, залив св. Лаврентия менее глубок, чем лиман при его входе, и чем фиорд Сагенэ: впадины глубиной в 200 метров там не многочисленны; мощность жидкой массы не превышает 100 метров во всей части залива, заключающейся между Гаспезией и островом Кап-Бретон; только в большом проливе Кабот, открывающемся на юге Нью-Фаундленда, телеграфные кабели лежат на дне, отстоящем от поверхности на 400—460 метров. Два других прохода соединяют залив св. Лаврентия с Атлантическим океаном: пролив Бель-Иль и пролив Кансо (Canseaux или Canso), обыкновенно называемый англичанами *gut* (кишка). Проход Кансо, имеющий важное значение для каботажной торговли, представляет узкую морскую улицу, длиной около 28 километров, идущую между Новой Шотландией и островом Кап-Бретон. Проход Бель-Иль, названный так от овального скалистого острова, лежащего в Атлантическом океане против входа в залив, имеет совершенно иной характер: это широкий канал, направляющийся с юго-запада на северо-восток, между Лабрадором и из-

1 Charlevoix, „Histoire de la Nouvelle France“.

2 J. U. Gregory, „L'ile d'Anticosti et ses Naufrages“.

вестковым полуостровом Нью-Фаундленда. К западу от пролива, берега Лабрадора изрезаны маленькими фиордами, между прочим, извилистым заливом Брадор, имя которого, по мнению большинства этимологов, перешло на всю эту страну. Недалеко оттуда изливается в море река Эскимосов, напоминающая своим названием пребывание древних скреллингеров, которых там встретили норманны.

Бель-Ильские ворота дают доступ одной ветви полярного течения; часто, весной и летом, отдельные льдины, отрывки сплошного льда и ледяные горки проникают в пролив и приносятся течением на северо-восточную сторону Антикости и в проход, отделяющий этот остров от канадского Лабрадора. Что касается льдов св. Лаврентия, то они относятся ветром и течением на юг от большого острова и пропадают внутри залива, но южные воды остаются свободными от всяких ледяных наносов. Эти выкидки полярных и речных льдов составляют одну из опасностей навигации, которая в проливе Бель-Иль начинается не ранее июля месяца; впрочем, льды там ещё не так опасны, как туманы и неопределенность течений; при самой незначительной перемене в направлении течения судно может наскочить на скалы; если бы не пушка, подающая тревожные сигналы в туманную погоду, моряки плавали бы почти на-угад. На встречу течению, проникающему через Бель-Ильский пролив, идет другое течение, направляющееся в залив через широкий вход на юге Нью-Фаундленда. Эти две встречные жидкия массы, с которыми сталкивается ещё отлив, выходящий из лимана, кружатся в виде обширного водоворота, от которого, без сомнения, и произошла полукруговая форма берегов, развертывающихся от полуострова Гаспезии до конечного мыса острова Кап-Бретон. Острою Принца Эдуарда, имеющий форму полумесяца, также обязан своими контурами, по крайней мере в общих чертах, круговращению воды в заливе; то же самое нужно сказать о вытянутых, в виде крючка удочки островах Магдалины, профиль которых напоминает атоллы Тихого океана. Под другими широтами происхождение этих островов не преминули бы приписать работе полипов-строителей. Впрочем, и здесь, при промерах дна, иногда находили кораллы в глубинах залива, особенно у берегов Антикости[1]. В этих водах есть следы действия эруптивных сил. Один из южных островков группы, который старинные мореплаватели назвали «островом Входа» (Entry-island), по причине его положения при входе в залив, представляет любопытное зрелище: это двойной бугор из траппа, около 120 метров высотой, стоящий на пьедестале из песчаника.

Климат канадских областей, проходимых рекою св. Лаврентия, значительно разнится от климата европейских стран, лежащих под теми же широтами. Остров Пил, на озере Эри, самая южная земля, принадлежащая к Канаде, находится на таком же расстоянии от полюса, как Рим, и 45-я параллель, которую можно считать средней линией лаурентийской территории, проходит в Европе через южную Францию, Ломбардию, долину Дуная, Крымский полуостров. Самая южная часть бассейна, т.е. полуостров земель, ограничиваемый озерами Гурон, Сент-Клер, Эри, действительно пользуется умеренным климатом, напоминающим климат западной Франции, как о том свидетельствуют его сады, фруктовые деревья, лесные породы; но другие области Канады в этом отношении находятся в менее благоприятных условиях. Известно, что западные берега Европы имеют, на равной широте, гораздо более высокую температуру сравнительно с восточными берегами Америки, благодаря общему движению вод и воздушных масс: на европейских берегах преобладают юго-западные ветры, и течение вод направляется из Мексиканского залива к морям Франции, Британским островам и Норвегии. В Канаде, напротив, господствует ветер полярный, дующий с северо-востока на юго-запад, т.е. как раз к той воронке, которую представляет лиман св. Лаврентия. Другие воздушные потоки, приходящие из арктических областей, с севера и с северо-запада, почти не встречают препятствий при переходе Лабрадора, Гудсонова моря, цепи Лаурентид, тогда как юго-восточные ветры, приносящие теплый воздух умеренной области Бермудских и Антильских островов, легче отклоняются в сторону береговыми горами низовья св. Лаврентия и горными цепями Новой Англии.

1 Bayfield, „Transactions of the literary and historical Society of Quebec“, 1821,

Новая Франция, следовательно, имеет, в среднем, гораздо более холодный климат, чем старая Франция, лежащая по другую сторону Атлантического океана; не представляя с летними жарами столь большой разности, как наблюдаемая в Манитобе (разность температур между городами Квебеком и Виннипегом: зимой, 3°,3; летом, 0°), крайности зимней температуры падают гораздо ниже на берегах св. Лаврентия, нежели на берегах Сены; так, наприм., в Монреале, в январе 1859 г., морозы доходили до —41°,7. Но если холода там больше, то и жары сильнее: менее подверженный умеряющему влиянию моря, климат Канады представляет более широкую амплитуду колебаний: зима и лето имеют там более выдержанный характер, вследствие чего промежуточные времена года менее ясно обозначены. Весна и осень проходят быстро: жизнь в лесах пробуждается вдруг, после долгой зимы, и почти так же круто, после короткой, но чудной осени, наступает сон растений. Весь цикл флоры совершается в четыре или пять месяцев, с конца мая до первых чисел октября.

Температура некоторых пунктов Канады:

	Широта	Средняя температ.	Зима (дек., янв., февр.)	Лето (июнь, июль, авг.)
Порт-Артур (Верхнее озеро)	48°27'	2°,33	—14°,6	15°,5
Виндзор (Онтарио)	42°19'	8°,77	—3°,0	20°,55
Сент-Эмилион (Темискаминг)	47°20'	3°,43	—9°,43	18°,47
Торонто (40 лет)	43°39'	6°,73	—4°,55	19°,72
Монреаль (10 лет)	46°31'	7°,7	—7°,55	19°,66
Квебек (10 лет)	46°48'	4°	—9°,89	17°,72
Бель-Иль	51°58'	—2°	(?)	9°,77

Жители умеренной Европы склонны жалеть канадцев, представляя себе бесконечные белые равнины, простирающиеся, в долгие зимние месяцы, от берегов св. Лаврентия до берегов Гудсонова моря и Верхнего озера. Сами канадцы, напротив, любят свою зиму и считают её лучшим временем года. По крайней мере это та пора года, которая делает людей сильными и здоровыми, дает им могучую жизненность, энергию, веселость. Вместе с тем это—сезон увеселений и праздников. Так как среднее количество атмосферных осадков в Канаде не особенно велико (в бассейне св. Лаврентия оно составляет от 0,80 до 1 метра), то зимние снега выпадают не в чрезмерном обилии, но раз выпав, в начале зимы, в ноябре, они остаются уже до весны, не растаивая и постепенно отвердевая. Днем ярко светит солнце, но если снег сверху немного оттает в наиболее выставленных к свету местах, то ночью, под звездным небом, он снова замерзает. Благодаря снежному покрову, который, в нормальные годы, держится впродолжении четырех или четырех с половиной месяцев, растения защищены от мороза и быстрой оттепели, которые могли бы повредить им в менее суровом климате; снег защищает даже дома от действия холода. Городские жители, одетые в шубы, забавляются сооружением «хрустальных » дворцов, катаньем с ледяных гор, быстрой ездой с колокольчиками по гладкой поверхности рек, по «зимним дорогами», или, без всяких дорог, прямо через леса и поля; поселяне разъезжают по гостям из деревни в деревню, распахиватели новей, дровосеки работают на рубке леса. Иногда сильный вихрь поднимает столбы снега (средняя толщина снежного слоя около метра), сероватые массы игол или хлопьев кружатся в воздухе и скопляются сугробами в защищенных от ветра местах, рвах, канавах, за откосами и т.д.; ездоки, застигнутые бураном на заметаемых дорогах, тщетно борются против вихрей атмосферы и снежных заносов; часто железнодорожные поезда, предшествуемые, однако, несколькими паровыми плугами, которые расчищают им путь, подолгу стоят в беспомощном положении между двух белых гладких стен, поднятых могучими лемехами по обе стороны рельсов. Но среди разнообразных картин зимней природы нет зрелища более красивого, чем то, которое являет, в ясное зимнее утро, тончайшая пыль, поднимающаяся туманными ракетами, словно пляска духов, на снежном поле, сплошь усеянном блестками сверкающих кристаллов.

Бассейн св. Лаврентия—по преимуществу страна лесов. За исключением западных частей, где встречаются каменистые, почти совершенно безлесные пространства, вся лаурен-

тийская область, ещё не обращенная в пахатные земли, покрыта деревьями: влажность воздуха и почва, так же, как летняя температура, повсюду достаточны для поддержания богатой лесной растительности. Даже пространства, уже вырубленные или подвергнутые первой распашке, снова начинают заростать молодняком с следующего лета после прохода человека: новые, быстро ростущие, породы сменяют деревья, уничтоженные топором или пожаром. Хотя эксплоатированные уже леса не имеют более торговой цены и доставляют только топливо, в ожидании нового поколения больших дерев, но вид деревьев не изменился: горизонт по-прежнему ограничен непрерывным кругом листвы. От одного до другого конца страны, общая физиономия лесов мало разнится: почти везде, по направлению с запада на восток, находишь одни и те же древесные породы; наибольший контраст замечается по направлению с юга на север, соответственно уменьшению средней температуры. Так, южная часть провинции Онтарио, омываемая водами озера Эри, имеет в своих лесах, между прочим, ореховое дерево, которого нет в северной флоре; точно также красный кедр не переходит за озера Гурон и Онтарио в бассейн Оттавы; некоторые другие породы, белый дуб, бук, сахарный клен, белая и красная сосна, тоже находят свой предел распространения в лаурентийской области. Линии, ограничивающие поясы произрастания, более или менее параллельны изотермам, которые, в свою очередь, идут с юго-запада на северо-восток, т.е. по направлению долины св. Лаврентия[1]. На севере горной цепи Лаурентид и особенно за хребтом страны, деревья, выставленные действию более продолжительных и более суровых зим, отличаются меньшими размерами, сравнительно с деревьями речной области.

Лаурентинские леса состоят из шестидесяти, или около того, древесных пород, между которыми преобладают хвойные, принадлежащие к близким с европейскими родам и носящие, по большей части, те же названия в просторечии: сосна, ель, пихта, кедр желтый, красный, серый или белый; кора туйи (thuya canadensis) употребляется для дублении кож, а волокна корней дают *уатапе*, из которого индейцы умели плести сосуды. Семейство их представлено многочисленными видами, из которых особенно замечательны тополь «liard» и осокорь душистая. Одно из наиболее ценимых деревьев—береза белая: индейцы мастерят из коры её челноки, до того легкие, что один человек может переносить лодку с одной реки на другую через скалы: канадцы утилизируют бересту, главным образом, как материал для крыш на избах и сараях. Леса заключают в себе также несколько древесных пород с съедобными плодами, а кусты дают ягоды в изобилии. Между различными деревьями канадского леса особенно выделяется сахарный клен (acer saccharinum), отличающийся ранним распусканием, богатством цветения, яркой окраской осенней листвы, так же, как величественным видом, превосходным качеством древесины и обилием сахаристого вещества, содержащагося в его соке. Необыкновенно приятный на вкус сироп, добываемый из клена, дает сахар, очень ценимый в стране производства: «кленовик», где собирают сладкий сок, известен под именем «сахарного завода»; иногда одно большое дерево дает до 300 килограммов (18 пудов) сахара[2]. Клен был выбран франко-канадцами как символ их национальности; в праздничные дни они украшают себе грудь, а также свои флаги кленовыми листьями. Во всех частях Канады, где преуспевает сахарный клен, растет также дикий виноград, взбираясь лианами на верхушку деревьев и свешивая на ветвях свои гроздья. Северный предел этого клена обозначает вместе с тем границу канадского виноградарства.

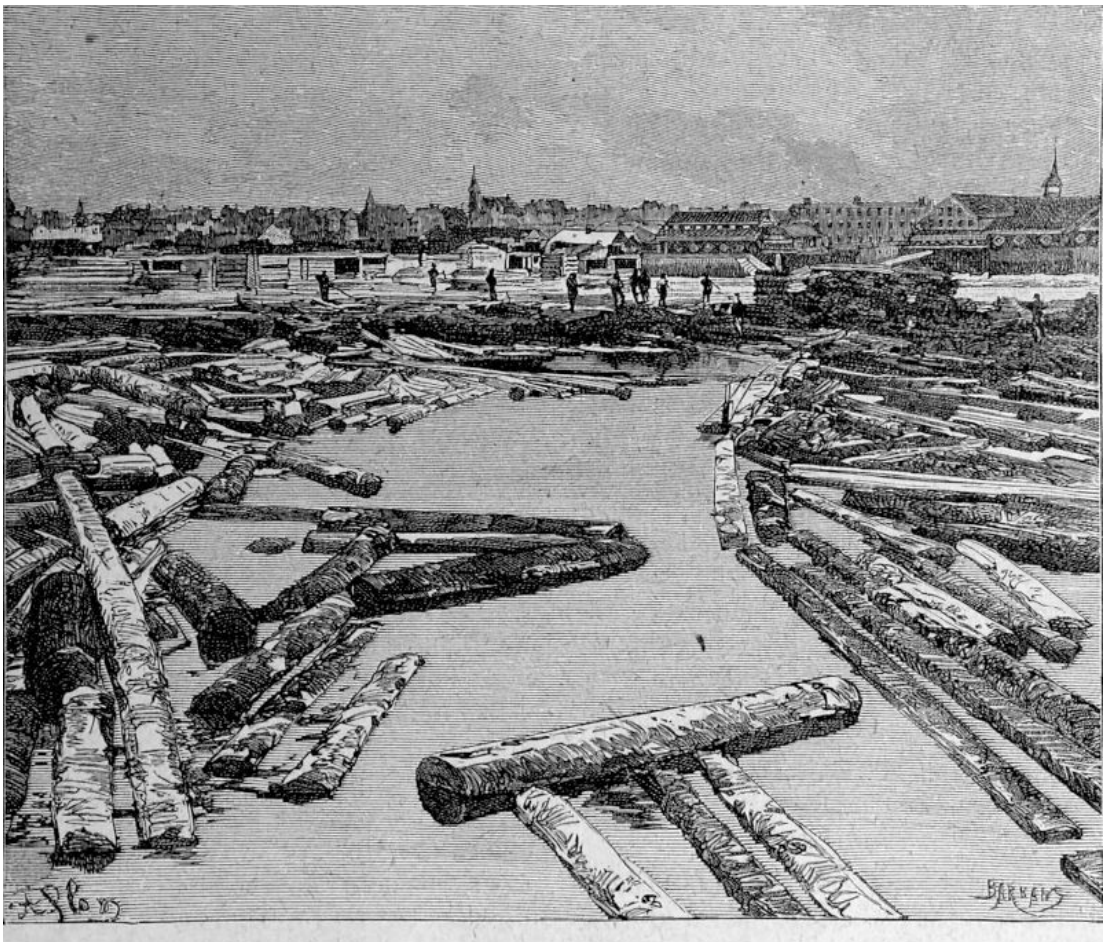
Большая часть лесной области принадлежит ещё правительству и делится на участки, сдаваемые последовательно в аренду спекулянтам; каждый год лесничие отдают с торгов известное число «межей», т.е. участков, обмежеванных в виде геометрических квадратов по десяткам или сотням английских миль. Лесопромышленники, снимающие эти участки на сруб, обязываются оберегать лес от бесполезного истреблении; выбрав годные для себя дерева, они должны щадить остальную поросль и возвратить казне лесное угодье без повреждения его, но все подобные обязательства остаются чисто фиктивными, и обезлесение ведется

1 Rob Bell, „Map showing the general northern limits of the principal forest-trees of Canada“

2 Talbot, „Reise in Canada”.

самым беспощадным образом, без заботы о будущем. Всего более истребляется строевой и поделочный лес: есть целые лесные дачи, где не осталось уже ничего, кроме мелких дерев, годных только на дрова. Каждая новая дорога, каждый новый каток, устроенный на ручье или на речке для спуска бревен, способствует дальнейшему истреблению лесных богатств; Добывание из хвойных дерев терпентина в Канаде почти не практикуется.

Нанятые лесопромышленниками, арендаторами лесных участков, дровосеки поднимаются осенью по сплавным рекам, чтобы прибыть во-время на верховье, устроить свое становище и приняться за работу, как только земля покроется снегом. Весь зимний сезон употребляется на рубку дерев, которые волокут по скользким дорогам к берегу речек. Весной, по окончании ледохода, сложенные на берегу, бревна сбрасываются в поток, и гонщики следуют за ними, где в лодке, где пешком, вооруженные баграми и топорами, для высвобождения бревен, остановившихся в боковых бухтах или около выступа скал. Часто какое-нибудь препятствие, помещенное поперек реки, задерживает весь сплавляемый лес; образуется затор,

Сплавка лѣса изъ Оттавы.

jam, и работники бросаются на плавучую массу, чтобы пропихнуть переднее бревно, составляющее «ключ» огромного скопления древесных стволов, и заставить их плыть далее к низовью. Иногда деревья, задержавшиеся в какой-нибудь расселине скал, образуют запруду в самых порогах, и тогда приходится расчищать путь на водопаде, среди кружащихся потоков, где речка «падает с громом». Но там, где падение воды слишком сильное, гонщики устраивают рядом с потоком катки, по которым и спускают бревна. На каждом этапе, где нужно остановить лес, поперек речки воздвигают запруду, за которой бревна скопляются в виде подвижного пола. Наконец, на главной реке гонщики связывают сплавляемый лес в длинные плоты и плывут на них по течению; в опасных местах, где есть водовороты или стремнины, они разбивают несущий их островок из бревен, чтобы ниже снова соединить их в плоты и плыть далее, до лесопильного завода или до порта, где лес грузится на корабль, почти всегда английский или норвежский.

На этой тяжелой работе гонщики сплавного леса часто подвергаются болезням, причиняемым сыростью и испорченным мясом, особенно одному виду цынги, который они называют «Черной ногой» (black leg); но те, которые избегли болезней и опасностей, почти все отличаются замечательной физической силой, ловкостью, уверенностью движений и присутствием духа. Однако, по мере того, как города и деревни приближаются к их временным становищам, их образ жизни делается всё более похожим на образ жизни других рабочих: им грозит разделение труда, всё более и более замыкающее человека в какую-нибудь одну работу. Поэзия их существования уменьшается по мере того, как их дисциплинируют и привязывают к более специальному роду занятия: соединенные в артели на лесопильном заводе или лесном дворе, они сожалеет о своей жизни, исполненной опасностей, собственной инициативы и героической борьбы. Многие из них, по большей части франко-канадского происхождения, находят удовольствие в бравировании смерти. Они смело переправляются через быстрые потоки, прыгая с бревна на бревно; спускаются даже на водопадах, уцепившись за плывущее дерево; ныряют под плот и переплывают его из конца в конец под водой. Однако, несчастные случаи не были бы многочисленны, еслибы гонщики не выпивали через меру по праздникам и на другой день получки заработной платы. Обыкновенно они отличаются веселым нравом, любят петь, действуя веслом, и это про них, частию ими самими, сложены любимые канадские народные песни; отрывок одной из таких песен:

“Nous avons saute le Long Sault,
Nous l’avons saute tout d’un morceau!
Ah! que l’hiver est longue!
Dans les chantiers nous hivernerons,
Dans les chantiers nous hivernerons!
Rouli, roulant, ma boule roulant,
En roulant ma bouie roulant.
En roulant ma boule[1]“.

(Мы перескочили Длинный Водопад, перескочили одним прыжком! Ах, как продолжительна зима! Мы должны проводить её в лесных дворах, и проч.).

За дровосеками следуют земледельцы: первые разделили лес, вторые окончательно уничтожают его. В непосредственном соседстве городов или пристаней они вырубают деревья, а вдали от рынков просто выжигают часть леса, нужную под пашни и огороды. Жаль смотреть, как горят большие деревья, распространяя едкий дым, далеко разносимый ветром и помрачающий атмосферу. Огонь сначала весело бежит по кустам и валежнику, затем принимается за деревья, которые горят отдельно перемежающимися вспышками, когда он находит легче воспламеняющуюся пищу, кору или сухия ветви. Целыми днями, даже неделями продолжается медленное горение больших дерев; ветер раздувает жар, который затем опять покрывается пеплом. Наконец, деревья потухают; на месте пожарища видны только неровные пни, часто поддерживающие обугленные скелеты самых фантастическах форм. Много лет уплывет, прежде чем остатки леса исчезнут совершенно; плуг проходит между корнями. Иногда, предпринятая расчистка леса под пашни, как оказавшаяся слишком дорого стоющей, прерывается, почва снова заростает мелким кустарником, и почернелые стволы исчезают под зеленью обвивающих их лиан.

Пожары запрещены в июле и августе, из опасения, чтобы огонь не распространялся за пределы отданных в арендное пользование лесных участков; но, несмотря на все предосторожности, не взирая на канавы, проводимые вокруг этих участков, часто случается, во время летних жаров, что пламя постепенно захватывает обширный район, и пожары истребляют леса целых территорий: ручьи, даже реки не останавливают распространения огня; ветер переносит горящие головни даже через озера. Так, в области Сагенэ пожар уничтожил все леса, простиравшиеся от берегов озера св. Иоанна до Метабечуана и от этой реки до мыса Вечности. Во всех частях Канады встречаются эти погорелые пространства, где лес медленно восстановляется, пуская свои зеленеющие ростки между почернелыми стволами, оставлен-

1 Ernest Gagnon, „Chansons populaires du Canada”;—de Montigny, „Le Nord”.

ными пламенем. Пройдет много лет, прежде чем лес, ещё не тронутый или уже проходимый дровосеками, будет эксплоатируем правильным образом и перерезан во всех направлениях защитными дорогами. Между древесными породами, которым грозит истребление, находится драгоценная «черная орешина» (juglans nigra), порода тем более ценная, что она может служить прививкой к европейскому ореховому дереву.

Вместе с истреблением девственного леса исчезают и крупные дикие звери; бассейн св. Лаврентия, доставлявший, в первые времена колонизации, французским путешесвенникам почти всю собираемую ими пушнину, теперь сам ввозит из северо-западной территории меха, требующиеся в большом количестве для его жителей. Лось и другие представители оленьего рода не встречаются уже вблизи св. Лаврентия; бобры, которых канадские французы, по примеру многих индейских племен, взяли за эмблему своей национальности, оттеснены к северу. Пума тоже повывелся, хотя ещё попадается изредка; медведи, напротив, до сих пор очень многочисленны. В водах реки, китообразные животные становятся редки; настоящий кит уже не сопровождает корабли до Монреаля; не видать более и «морских коров», которые дали свое имя стольким мысам и пляжам на берегах лимана и залива; тюлени не проникают уже в озеро Шамплен через реку Ришелье, ни в Гудсон через Нью-Йоркский порт почти на всей окружности Новой Англии[1]. Однако, морские свиньи поднимаются ещё в Сагенэ, за тысячу километров от открытого моря. Дикие звери заменены домашними животными, ввезенными из Европы, коровами и лошадьми, козами, овцами, курами и голубями. Даже мир птиц частию обновился вследствие иммиграции: наглец воробей хозяйничает на улицах, в садах и на полях Канады, и многие сельские хозяева сожалеют о введении этого грабителя в Новом Свете.

Туземцы несомненно уменьшились численно со времени появления первых европейских колонистов. Картье, Шамплен встречали индейцев во всех частях территории. Правда, эти народцы были разбросаны в разных местах и состояли каждый из небольшого числа индивидуумов, но общая цифра их, вероятно, превышала сто тысяч, от области миссисипских волоков до устья лимана св. Лаврентия; в настоящее же время эти племена сократились до нескольких групп, затерянных в потоке белой колонизации. На всём громадном пространстве провинций Онтарио и Квебек теперь насчитывают не более двадцати тысяч индейцев; их наберется, может-быть; до тридцати тысяч вместе с дикими, живущими к северу от хребта страны, около берегов Гудсонова моря. Существуя охотой и рыбной ловлей, потомки прежних владельцев почвы необходимо должны были уменьшаться численно, по мере того, как источники их пропитания, лесной зверь и рыба, исчезали или попадали в другие руки: оттесненным далеко от великой реки и её больших притоков, туземцам ничего более не оставалось как угасать постепенно. Европейские колонисты вытесняют их, подобно тому, как сами краснокожие вытеснили или истребили иннуитов или скреллингов, которые, под именем эскимосов, ещё в прошлом столетии жили на берегах залива св. Лаврентия, и черепа которых находят в области Великих озер. Если слабые остатки индейских племен могут сохраниться, если даже в назначенных им для жительства местностях число их может увеличиваться от естественного прироста населения, то это только при том условии, что они совершенно изменят свой образ жизни, сделаются земледельцами, ремесленниками, моряками, и будут всё более и более смешиваться с белыми, даже через браки.

В действительности индейцы Канады почти не имеют подлинных представителей. Они живут только в истории и легенде: их цивилизованные деревни, около Монреаля и Квебека, менее знакомят нас с бытом аборигенов, нежели могильные курганы, рассеянные в разных местах, преимущественно на берегах Георгиевской бухты и озера Гурон, а также на волоках, в окрестностях Верхнего озера. Бродячие дикари имели привычку класть тела умерших на голой скале, прикрывая их тяжелыми камнями, для защиты от хищных животных; по прошествии нескольких лет, они собирали кости и хоронили их в каком-нибудь возвышенном, издалека видном месте, чаще всего близ волока или на мысе берега, там, где находили доста-

1 J. G. Kohl, „Travels in Canada“.

точно земли для насыпки кургана, перед которым остановится будущий путешественник. На берегах Дождевой реки все могильные холмы покрыты маленькой кровлей из бересты, и с южной стороны проделано узкое отверстие, куда друзья покойного кладут табак, рис и другие подарка во время своих периодических посещений[1]. Прежде дикари клали в могилы, общие или частные, всё, что у них имелось более ценного: шкуры пушного зверя, ожерелья, оружие, медные котлы, инструменты и разные украшения. Раскопки доставили археологам множество предметов, дающих понятие об образе жизни, промышленности, торговле, цивилизации первобытных обитателей страны.

Прежде чем пришли белые вытеснять или истреблять индейцев, последние истребляли друг друга в частых междоусобиях. Повсюду имена мест напоминают о кровавых столкновениях туземцев, и нередко находят поломанные костяки, свидетельствующие о давних битвах. На берегах Французской реки, вытекающей из озера Ниписсинг, нашли груду старых человеческих костей, единственный остаток одного ирокезского племени, которое всё до последнего человека было перебито гуронами. Ирокезы не оставались в долгу, и на месте гуронских селений, теснившихся на берегах озера Симко, теперь видны только следы пожарища. Однажды кучка гуронских воинов спускалась по реке св. Маврикия, выше водопада Шауниган: они уже повернули было свои пироги к берегу, как вдруг увидели за деревьями подстерегавших их ирокезов в большом числе. С общего согласия гуроны снова пускают свои челноки в быструю воду, у самого порога; они затягивают свою военную песню и презрительно насмехаются над врагом в тот самый момент, когда водопад увлекает их в пропасть.

За неимением писаной истории, канадские народные песни рассказывают нам про давния кровавые побоища:

Un noir corbeau, volant a l'aventure,
Vient se percher tout pres de ma toiture.
Je lui ai dit: «Mangeur de chair humaine,
Va-t'en chercher autre viande que la mienne,
Va-t'en la-bas, dans ces bois et marais.
Tu trouveras plusieurs corps iroquois;
Tu tronveras des chairs, aussi des os.
Va-t'en manger, laisse moi en repos»[2]

(Черный ворон, летая на удачу, сел близехонько от моей кровли. «Людоед, говорю я ему, поищи себе другого мяса, моим не поживишься; лети вон в те леса и болота, там найдешь много ирокезских тел; там найдешь вдоволь мяса и костей; пожирай их, а меня оставь в покое!»)

В течение короткого исторического периода четырех веков, те же самые страны были попеременно покидаемы и заселяемы людьми различного происхождения, альгонкинами, гуронами, сиуксами. Большинство ныне живущих индейцев принадлежит к многочисленной альгонкинской расе. В верхнем бассейне и на берегах Верхнего озера находим потомков «водопадных» индейцев (Saulteux) и оджибуэ, как и в бассейне озера Виннипег. Другие оджибуэ и миссисуга, также как амикуэ, или «Бобры», живут на северных берегах озера Гурон, и в этой же стране озер и скал охотились утауэ, или «Долгоухие», прозванные Шамплеином «Хохлатыми», потому что волоса у них были собраны в пучок и завязаны в виде хохла на макушке головы. Другие индейцы, немногочисленные потомки которых бродят ещё в соседстве истоков реки св. Маврикия, получили прозвище «Шарообразных голов», также за их своеобразную прическу. Племена ниписсинг, темискаминг, абиттиби получили свои названия от озер Севера, на берегах которых потомство их ещё не совершенно вымерло; к ниписсингам часто применяли прозвище «колдунов», потому что это племя славилось своими знахарями. К северу и к югу от Оттавы, имя которой напоминает кратковременное пребывание там племени утауэ, две реки, именуемые реками «Малой Нации», названы так от альгон-

1 H. Youle Hinde, „Canadian Red River and Assiniboine and Saskatchewan Expeditions".

2 Ernest Gagnon, цитиров. сочинение.

кинского народца, менее значительного, чем «Большая Нация», т.е. собственно альгонкины, селения которых следовали одно за другим в средней долине реки св. Лаврентия, выше лимана. Все эти индейцы признавали своими отцами южных альгонкинов, или «Волков», более известных под именем делаваров или ленниленап, т.е. «Первобытных людей»; последние называли родственных им индейцев «детьми» и «племянниками»[1].

На севере, в лесах озерных областей, скрывались папинашуасы и аттиакмеги, или «Белые рыбы»,—имя, которым они обязали были главному предмету своей ловли. Обитатели цепи Лаурентид и Высоты Земель (Hauteur de Terres), сохранившиеся до наших дней в сравнительно наибольшем числе, получили, по месту своего пребывания, прозвище горцев (Montagnais). Наконец, около нижней части лимана и в южной стороне французы встретили абенаков или, вернее уабанаков, «народ Утренней Зари», т.е живущий на востоке, народ, часто упоминаемый в старинных хрониках и прославившийся в истории американской литературы своими песнями, исполненными трогательной поэзии[2].

Изо всех альгонкинов лаурентинской покатости «Горцы» наименее удалились от первобытного состояния, благодаря своей отчужденности, жизни в лесах, вдали от прибрежных городов. На севере раздельной возвышенности есть индейцы этого племени, не поддающиеся до сих пор усилиям миссионеров; другие, уже обращенные, возвращались к прежней религии, как только священники уезжали от них. Язык их много отличается от альгонкинского, употребляемого в соседстве реки св. Лаврентия; в сношениях с другими племенами они пользовались торговым жаргоном.

Вторую этническую группу бассейна составляли иендаты, которых французы прозвали «гуронами», или «Кабаньими Головами», потому что форма их шевелюры напоминала голову вепря (hure). Гуроны жили на восточных берегах «Пресноводного моря», носящего их имя, и на юго-востоке, в бассейнах Эри и Онтарио. Их соседями и союзниками были «Табачники» (Petuneux), жившие на берегах Георгиевской бухты[3]. В половине семнадцатого столетия, гуронское население достигло наибольшей плотности на западе от озера Симко, где существовало тридцать две деревни этого племени. По словам французских путешественников, в этом округе жило не менее одиннадцати тысяч иендатов; некоторые писатели говорят даже о тридцати или тридцати пяти тысячах гуронов, сгруппированных в полуостровной области Онтарио[4]. Ранее гуроны, вероятно, населяли страну на гораздо большем протяжении; но лютая вражда их родичей ирокезов заставила их теснее сплотиться: почти всё пространство между рекой Оттавой и озером Симко оставалось пустынным. Затем настало время, когда весь богатый гуронский край тоже обратился в пустыню: вместо имен селений, французские карты восемнадцатого столетия содержат одно лишь указание прежнего местопребывания «истребленной нации». Г. Таше осмотрел в том краю шестнадцать костяков, из которых один заключал в себе более тысячи скелетов, беспорядочно сваленных в кучи и перемешанных с разного рода вещами, курительными трубками, бусами, нитками раковин, медными украшениями мексиканской фабрикации, инструментами, купленными у французов[5]. Нация Нейтральных, которые тщетно пытались поддерживать равновесие между ирокезами и гуронами, занимала северные берега озера Эри и долину Ниагары; известно, что, по мнению некоторых этимологов, имя этих нейтральных индейцев, онгиара, сделалось, в несколько измененной форме, именем знаменитой реки.

Ирокезы, нация воинов и краснобаев, были так названы, говорит Шарльвуа, по заключительным звукам их речей. Каждую свою речь они кончали словом *иро*, «я сказал», и восклицанием *куэ*, которому придавали, смотря по одушевлявшей их страсти, интонацию радости, печали или ярости. Сами себя они, говорят, называли готтиноншиенди или «Дела-

1 Francis Parkman, „The Conspiracy of Pontiac“.
2 Lighthall;—Seland;—John Reade, „Transactions of the R. Society of Canada“, 1887.
3 F. X. Garneau, „Histoire du Canada“;—Ferland „Cours d'histoire du Canada“.
4 Lalemant, „Relations des Jesuites“;—Fr. Parkman, „France and England in North-America“.
5 Fr Parkman, „The Jesuits in North-America“.

тели хижин», и действительно жилища у них были больше, лучше построены и лучше укреплены, чем у их соседей. Главное местопребывание ирокезской расы (сенека или цоннонтуаны; каюга или гойогуины; онеида или унейты; могок, магакуасы или агнью) осталось по-прежнему на юге озера Онтарио, где ещё находятся указанные правительством земли «Пяти Наций», вследствие союза их с тускарорами. Самым грозным племенем были могоки, и так многочисленны были их победы, так велико нравственное превосходство, что в конце концов на них стали смотреть, как на представителей их расы, и другие народцы поставили себя под их покровительство. Ирокезы, почти всегда победители в битвах, благодаря своей храбрости и хитрости, а также благодаря своему престижу, гордо величали себя «первыми в свете людьми»[1]. Их прославляют наперерыв легенда и роман; в них видели тип настоящего индейца, индейца по преимуществу. Однако, они во многих отношениях разнились от других дикарей, особенно от своих западных, северных и восточных соседей, альгонкинов. Тогда как последние не поднялись выше состояния звероловов и рыболовов, ирокезы уже занимались земледелием. Вместе с гуронами или иендатами (уэндат уайандот, онендит и т.д.), они различались также языком, совершенно не похожим на альгокинские наречия: язык их очень беден согласными и совсем не имеет губных; гласные в нём преобладают и придают большую мягкость говору, который, однако, отличается полнотой, силой, звучностью и как нельзя более пригоден для красноречия. Идиом этот, говорят, мало изменился со времени прибытия европейцев[2]: дикарь охотно учится чужим языкам, но не переделывает своего.

Если верить преданию, ирокезы занимали некогда берега св. Лаврентия, около слияния его с Оттавой, но были уже прогнаны оттуда альгонкинами. Когда Шамплен прибыл в те края, в начале семнадцатого столетия, ирокезы были заняты обратным завоеванием страны и вытесняли гуронов, горцев и альгонкинов. Шамплен, который во многих других отношениях был человек прямой и рассудительный, сделал большую ошибку, дав себя вовлечь в эти индийские междоусобия. Ему легко было бы, благодаря превосходству его оружия, не бояться нападения дикарей и употребить все средства, чтобы сделаться общим третейским судьей враждовавших народцев; к сожалению, он предпочел принять деятельное участие в борьбе. Сделавшись союзником гуронов, он тем самым стал противником ирокезов: он вышел победителем, но ирокезы затаили в глубине души жажду мщения и только ждали благоприятного момента; долго спустя после Шамплена война снова возгорелась, война непрерывная, жестокая, беспощадная, с той и с другой стороны. Ирокезы, которым голландские купцы уже с половины семнадцатого столетия продавали огнестрельное оружие, соединились с белыми, с английскими колонистами побережья Атлантического океана, которые, говорят, превосходили французов в щедрости: в то время, как король французский платил гуронам пятьдесят франков за шевелюру англичанина, король английский давал вдвое дороже за шевелюру француза[3]. Но под конец сами ирокезы, вследствие постоянных войн, сильно уменьшились в числе, и другие племена, оджибуэ, миссасога, вытеснили их из западной территории Великих озер; затем междоусобия диких племен, так сказать, затерялись в столкновении двух могущественных европейских наций, Франции и Англии. Борьба, в которой Шамплен согласился принять участие, закончилась в 1760 г. под стенами Квебека.

После войны за независимость английских северо-американских колоний, многие ирокезы, оставшиеся верными Великобритании, пришли искать убежища у французов Канады; они нашли там некоторые из своих племен, и между смешанными потомками тех и других всего чаще можно встретить людей, гордо носящих их славное имя. В провинции Онтарио основались также колонии ирокезов, ныне цивилизованных и более или менее слившихся с

1 Charlevoix, „Voyage en Amerique“;—Colden, „History of the Five Indian Nations of Canada“;—Garneau, цитиров. сочинение.

2 Ferland, цитир. сочетание;—Cuoq, „Lexique de la langue roquoise“.

3 P. A. de Gaspe, „Les anciens Canadiens“.

окрестным англо-саксонским населением: один из первых поэтов английского языка, Полина Дженсон,—ирокезка по происхождению[1]. Школы, в которых потомки аборигенов учатся французскому или английскому языку, церкви, католическая или протестантская, обряды которых они исполняют, общая жизнь, политическая и социальная, с белыми канадцами, наконец, смешанные браки—всё это более и более ускоряет окончательное слияние; однако, цивилизованные индейские семьи очень гордятся славой своего происхождения и присвоивают себе имя «дикарей», отвергая, как обидную кличку, название «индейцев», данное в позднейшее время английскими колонистами. Ирокезы, гуроны и альгонкины имеют ещё свои национальные праздники, свои песни и игры; каждый хранит как драгоценность свой *тотем*,—или точнее *отем*[2]—изображение символического предмета, животного или растения, служащее знаком связи его с братьями по расе или по клану. В цивилизованных индейских общинах замечается прирост населения, свидетельствующий о справедливости канадцев в отношении прежних владельцев почвы; если охотничьи племена уменьшаются в числе членов, то общины земледельцев, напротив, правильно увеличиваются[3], хотя и утрачивая мало-по-малу свои отличительные черты. Впрочем «дикари» тоже внесли некоторый вклад в цивилизацию белых; они дали несколько слов своего языка и игру crosse (lacrosse), до которой молодые англо-канадцы такие же страстные охотники, как англичане до крикета.

Начало европейской колонизации было очень трудное. Жак Картье, Роберваль только побывали в стране, не оставив после себя колонистов. В 1599 г., спустя шестьдесят пять лет после первого путешествия Жака Картье и его зимовки в Стадаконе, у подошвы Квебекского холма, концессионер Шовен пытался основать окончательное поселение в Канаде. Он выбрал Тадуссак, при слиянии рек св. Лаврентия и Сагенэ, для постройки первой усадьбы или «загородного дома»; на зиму там были оставлены шестнадцать человек, но в следующем году все они перемерли или рассеялись между туземцами. Сменившие Шовена концессионеры торговли направили свои усилия на морское побережье, и действительно после многочисленных перипетий, колонизация возобновилась основанием на берегу бухты Фунди Королевского порта (Порт-Рояль), который впоследствии был покинут, затем вновь отстроен. Пост этот, ныне Аннаполис, был местом происхождения акадийцев; но собственно канадцы началом своей истории считают время постройки Квебека, который был основан в 1608 г. Эта медленность заселения страны объясняется существованием монополии: в 1602 г. Акадия составляла собственность некоего Путренкура, а вся остальная «Новая Франция» принадлежала девице Гершельвиль[4]. Лица, которым Генрих IV давал последовательно разрешение торговля в «Новых Землях» (Terres Neufres) и на соседних морских берегах, обязывалась не только удалять иностранцев из уступленных им во владение территорий, но также выгонять и всех французов, которых бы они встретили в тех краях. В 1603 г. король запрещает «всякому капитану, кормчему, корабельщику и иным, плавающим в море-океане, производить какой бы то ни было торг и мену выше по реке от места Гаспе». Правда, эти приказы не исполнялись, и басские и бретонские рыболовы продолжали посещать вход в лиман св. Лаврентия: но оффициальные уполномоченные преследовали их, захватывали их самих и суда их и отвозили во Францию, «для учинения над ними суда и расправы»[5]. Но иногда и они брали верх: так, однажды рыболовы-баски сцепились с концессионерским судном и совершенно обезоружили его.

К торговой монополии присоединялась религиозная нетерпимость. Во время посылки первой партии колонистов, всего охотнее откликнулись на призыв вербовщиков протестанты, и при тогдашнем состояния Франции можно было предвидеть, что преследуемые гугеноты постараются основать за морями новое отечество. Берега св. Лаврентия быстро засели-

1 W. D. Lighthell, „Songs of the Great Dominion";—„Athaenum, Sept. 28, 1889.

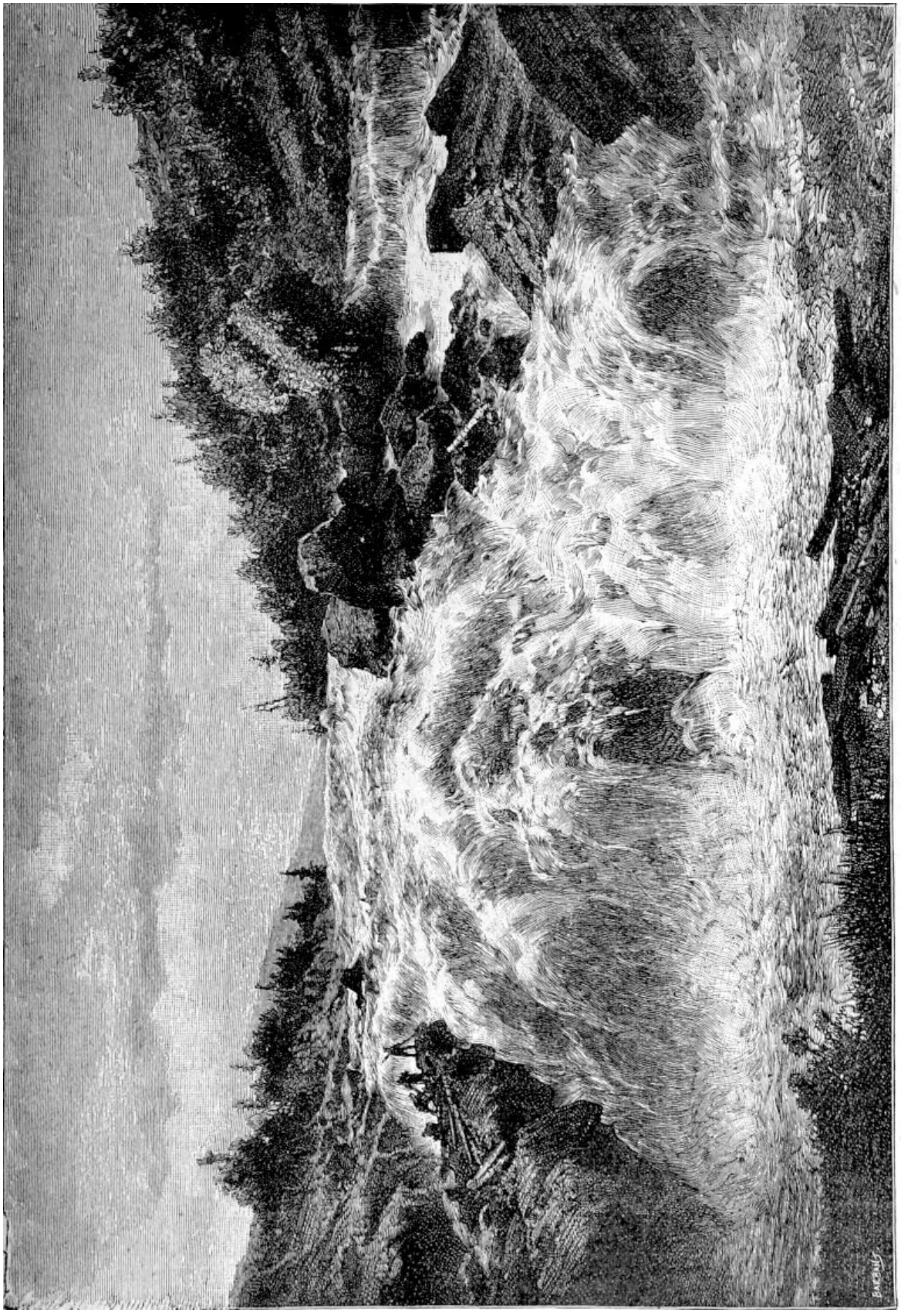
2 Cuoq, „Etudes philosogiques sur quelques langues sauvages de l'Amerique";—Marshall Elliol, „Transactions of the Modern Language Association of America", vol II, 1886.

3 Rene de Semalle, „Bulletin de la Societe de Geographie", 3 dec. 1883.

4 Henry Harisse, „Notes sur la Nouvelle France".

5 Benjamin Sulte, „Histoire des Canadiens francois".

лись бы, как заселились в течение этого столетия атлантические берега, от Бостонской бухты до устья Потомака. Но после нескольких колебаний, вызванных веротерпимостью Генриха IV, политика оффициальных колонизаторов установилась окончательно, и вход на канад-

Водопадъ на рѣкѣ Шикутими.

скую территорию был воспрещен всякому еретику: единство веры требовалось полное, и священники, которым поручена была миссия обращения туземцев, должны были также наблюдать за чистотой религиозных убеждений своих белых соотечественников. «Король, гово-

рит Поншантрен, после отмены Нантского эдикта, не затем изгнал протестантов из Франции, чтобы допустить их устроиться в республику в Новом Свете»[1]. Рошельские уроженцы, даже католики, состояли в подозрении[2].

Это ещё не всё: прибывшие в край французы не подумали приняться за возделывание почвы; жаждущие богатств, они хотели, как испанцы, найти золотые и серебряные рудники и чрез несколько лет вернуться на родину с грузами сокровищ. Во время своего пребывания в Канаде они только и делали, что плавали из бухты в бухту, в поисках месторождения благородного металла. Вынужденные довольствоваться меховой торговлей, которая, впрочем, была очень прибыльна, они ждали, пока им привезут необходимые жизненные припасы из Франции, и, когда бури задерживали в пути корабли с продовольствием, им приходилось голодать. Многие из них не вынесли лишений. Но из всех бичей самым опасным была болезнь, называвшаяся «mal de terre», род цынги, происходившей, очевидно, от употребления в пищу испорченного мяса, от дурных гигиенических условий и от тоски по родине. Земледелие, за которое принялись не скоро, было лучшим средством против страшного недуга. Нельзя пройти молчанием имени общественного благодетеля, «отца канадской расы», который первый вспахал свое поле и бросил в него семена: это был Эбер, парижанин. В Порт-Рояле, в Квебеке, первой его заботой было изучать местные растения и возделывать землю.

Тадуссак—не единственное прибрежное место на реке св. Лаврентия, где проектировалось, в шестнадцатом столетии, основать колонию: Жак Картье предлагал выбрать для этой цели Красный мыс, выше Квебека, а Шамплен одно время думал поселиться в Триречье (Trois Riveires, Three Rivers), большом меновом рынке. В 1608 г. выбор его окончательно остановился на Квебеке, который действительно может считаться стратегическими воротами Канады, и сохранялась ещё гравюра того времени, на которой изображено укрепленное «жилище Квебек», «abitation de Quebecq», построенное на террасе плато, над рекой и лиманом св. Лаврентия. Из 38 европейцев, составлявших эту колонию, в первую же зиму умерло около двадцати; вокруг крепостцы появились хижины альгонкинов, но несколько лет в Квебеке не было других французских обитателей, кроме «завербованных», «зимующих», которые состояли на службе у купеческой компании и не имели жен; первое семейство, поселявшееся в Квебеке, было семейство садовника Эбера, в 1617 г., и старшая дочь его была первая француженка, вышедшая там замуж, четыре года спустя[3]. Тысячи канадцев ведут свой род от этого колониста. Один из спутников Шамплена в экспедиции 1608 г. также оставил после себя многочисленное потомство. Но маленькая группа французских колонистов устроилась прочно только лет через двадцать после основания, когда Квебек, быв занят короткое время англичанами в 1829 г., снова перешел к Франции. Несколько времени спустя, французы овладели островом Монреаль. При слияния Ришелье и св. Лаврентия был построен форт, там, где ныне находится город Сорель; затем на берегу озерного бассейна, куда изливается Ришелье, возник форт Шамбли, сделавшийся оплотом Монреаля против англичан, и вокруг которого расположились лагерем несколько тысяч индейцев: разбросанные поселения начали обращаться в колонию, и жители в отношении своего содержания не зависела уже исключительно от Франции.

В 1672 г., за сто лет до перехода Канады под власть Великобритании, французское население на берегах св. Лаврентия, от Монреаля до Квебека, состояло, по данным всенародной переписи, из 3.418 лиц; из них 1.344 способных носить оружие. Несмотря на войны с ирокезами, несмотря на более опасную борьбу с англичанами, число жителе не переставало увеличиваться, не столько от прибытия новых колонистов, сколько от нормального прироста населения: раса уже умела приспособляться к климату и, соответственному тому, регулировать свой образ жизни. За исключением парижских ремесленников, обладавших большей инициативой, чем крестьяне из провинций, до 1665 г. почти не было иммигрантов в собствен-

1 Casgrain, „Une paroisse canadienne dans le Nouveau Monde".
2 Parkman, „The old Regime in Canada".
3 Ferlan;—Garnean;—Sulte, цитиров. сочинение.

ном смысле. Некоторое число авантюристов, из дворян или мещан также направлялись в Канаду, чтобы заняться там скупкой шкур пушного зверя, и несколько моряков поселились в соседстве мест рыбной ловли. Кольбер послал несколько партий колонистов в период с 1665 до 1674 г.; после того почти все французы, селившиеся в Канаде, были солдаты, которым давали отставку, с условием, чтобы они женились и остались в колонии: им отводили участок земли и платили жалованье в первый год. Что касается женщин, то они была, в числе около тысячи, привезены старанием духовенства; которое производило в приходах род рекрутского набора между девочками от двенадцати до шестнадцати лет[1]. В 1671 г. была отправлена партия около полутораста навербованных девушек.

Говорили, что канадская французская раса представляет помесь; но смешанной она может быть разве в бесконечно малой пропорции, ибо те французы, которые проникали во внутренние леса и брали себе в жены туземных женщин, оставляли детей в материнском племени, или сами оставались среди дикарей и, в конце концов, делались такими же дикарями. Эти этнические элементы могут, следовательно, войти во франко-канадское общество лишь путем постепенной ассимиляции туземцев. В собственно колониях за всё время с 1608 по 1663 год было только семь случаев женитьбы французов на гуронках или альгонкинках; после же этой эпохи, когда белое население состояло уже из 2.500 лиц, численное равновесие между полами было приблизительно восстановлено[2]. Шарльвуа говорит, что почти все колонисты были родом из Нормандии: это неверно, но не подлежит сомнению, что огромное большинство их состояло из выходцев с океанской покатости, как показали справки, наведенные в архивах нотариусов, и другие подобные документы, собранные Гарно и продолжателями его исследования.

Происхождение 2.002 переселенцев, констатированное Гарно в конторах нотариусов, в Квебеке, для семнадцатого столетия: парижан—358, шарантонцев (Сентонж, Они, Ангумуа)—348, нормандцев—341, пуатьенцев—239, фламандцев и пикардийцев—95, бретонцев—87, других французов из север. и средней Франций—474, южан (из Дофинэ, Прованса, Лангедока)—34, иностранцев—26.

Иммигранты были по большей части уроженцы тех провинций, откуда происходили шестьдесят пять сеньоров, которым до 1663 г. были пожалованы поместья в Канаде: устраивая своя заморские лены на феодальный лад, они набирали людей, для их заселения, между вассалами Франции[3]. Средиземноморские провинции послали лишь весьма незначительное число переселенцев: в Канаде почти не встретишь ни одной фамилии южно-французского происхождения. Впрочем, сотни канадцев носят названия животных, растений, мест или прозвища, которые, быв даны одному колонисту, применялись потом ко всем его потомкам. Многие семейства заимствовали свои фамилии от имени французских городов, бывших их первоначальной родиной.

В начале семнадцатого столетия, всё франко-канадское население, включая сюда и Акадию, состояло из 16.000 душ; оно два раза удвоилось в последние шестьдесят лет французского господства,—прогрессия, которая считалась бы быстро возрастающей во всяком другом месте, но не в колонизуемой стране. В то время, как число французских жителей Канады учетверилось, число обитателей англо-саксонских провинций, сгруппировавшихся впоследствии в соединенные республики, удесятерялось: с 262.000 (в 1700 г.) цифра их поднялась до 2 с половиной миллионов. Не трудно было предвидеть, что, в случае столкновения, французская колония будет раздавлена, и чтобы предотвратить эту опасность, некоторые предлагали сделать из Канады место ссылки, отправляя туда на поселение осужденных уголовных преступников из Франции,—проект, который, впрочем, был оставлен без последствий. Когда последняя, решительная война вспыхнула, наконец, в 1759 г., и Англия велела вторгнуться в Канаду одновременно с трех сторон, с центра, верховья и низовья, то три ар-

1 Benjamin Sulte, „Pretendue origine des Ganadiens-Francais".

2 F. X. Garneau;—Benjamin Sulte, цитиров. сочинения.

3 Rameau de Saint-Pere, „Une colonie feodale en Amerique".

мейских корпуса, вместе с флотскими экипажами и вспомогательным войском, которые она двинула на эту страну, заключали в себе столько же воинов, сколько во французской колонии было всех жителей, со включением стариков, женщин и детей[1]. Надо удивляться, что при таких условиях «канадцы»—это имя обыкновенно применяется специально к франко-канадцам—могли оказывать серьезное сопротивление и что последний удар великого столкновения окончился даже одной из побед.

После присоединения Канады к британским заморским владениям, казалось неизбежным, что малочисленное франко-канадское население, покинутое метрополией и отрезанное от всякого с ней сообщения, рассеянное на обширной территории, вдоль реки, где крейсировали суда его врагов, лишенное всякого значительного центра, могущего служить точкой опоры, наконец, управляемое военными советами, обратившимися в постоянные судилища и органы административной власти, должно исчезнуть в растущем потоке англо-саксонских победителей. В действительности же мы видим беспримерное, единственное в своем роде явление: из шестидесяти тысяч канадцы разрослись в два миллиона, так что, следовательно, население увеличилось более, чем в тридцать раз. И это изумительное возрастание совершилось без малейшего участия французской иммиграции впродолжении целого столетия: только в 1872 г. цепь времен, так сказать, снова завязалась между Канадой и метрополией прибытием нескольких сот французов на берега св. Лаврентия. Но если франко-канадское население не пополнялось новыми выходцами из прежнего отечества, то к нему прибавились другие этнические элементы, постепенно офранцузившиеся. Много шотландцев и англичан, оставленных в канадском крае, между людьми французского языка, и даже сыновья солдат, пришедших в качестве врагов и господ, кончили тем, что забыли свою первоначальную национальность и сделались ревностными патриотами в усыновившем их народе. Выучившись языку страны, многие даже перевели или изменили свою фамилию. Как бы то ни было, нет на свете народа, который во всей своей совокупности имел бы лучше известные генеалогии: один ученый сделал, по отношению к французской Канаде, попытку, подобной которой не было ещё ни в какой другой стране,—проследить за два с половиной столетия, начиная с 1729 г., родословную всех семейств наций, и это смелое предприятие, для которого пришлось пересмотреть восемьсот тысяч актов гражданского состояния, успешно приведено в исполнение[2].

Всенародные переписи, производимые приблизительно через каждые десять лет, свидетельствуют об удивительном прогрессе франко-канадской расы. Численное возрастание французов в Канаде под британским правлением (без эмигрантов в Соединенных Штатах) выражается следующими цифрами: в 1774 г.—98.000 душ; в 1871 г.—1.005.200 душ; в 1881 г.—1.293.929 душ; в 1889 г.—1.490.000 душ.

Но это преуспеяние среди враждебных элементов достигнуто французами не без борьбы за сохранение своей национальности и своего языка. Несмотря на очевидную выгоду для английских губернаторов не раздражать канадское население и не толкать его в союз с соседней республикой, они под влиянием расовой антипатии всячески притесняли своих подвластных французского происхождения. Так, в 1806 г. редакторы газеты, взявшей девизом слова «наши учреждения, наш язык и наши законы», были брошены в тюрьму, как виновные в государственном преступлении. Общественные должности замещались почти исключительно англичанами, также и земли, принадлежащие государству, раздавались единственно подданным победоносной расы: с 1793 по 1811 год правительство подарило таким образом 1.200.000 гектаров британским протеже. Наконец, несправедливости сделались дотого вопиющими, угнетение дотого тягостным, что вспыхнул мятеж. Происходили настоящие битвы, и массовые расстреливания, вешанья и проскрипции положили конец восстанию. В 1840 г. французский язык был оффициально отменен в судопроизводстве и в парламентских прениях, и только девять лет спустя, именно в то время, когда английское население приоб-

1 Депеши Монткальма, от 12 апр, 1759 г.

2 Cyprien Tanguay, „Dictionnaire genealogique des families canadiennes".

рело большинство в Канаде вообще, снова допущено для оффициальных дебатов и юридических актов употребление, на-ряду с английским, и французского языка; таким образом в окончательном результате канадцы низовья св. Лаврентия выиграли свое дело. Несмотря на кровавое усмирение, восстание достигло своей цели.

Если колонисты английского языка тщетно пытались взять верх над французами-резидентами в нижней Канаде, то по ту сторону Оттавы они занимают громадное пространство. Уже с первых годов завоевания страны британское правительство имело в своем распоряжении много иммигрантов, которых могло селить в Канаде, создавая тем противовес влиянию жителей французского языка. После войны за независимость северо-американских колоний Великобритании, английские «лойялисты», т.е. приверженцы законного порядка, вынужденные покинуть Соединенные Штаты, направились почти все в бассейн св. Лаврентия, где власти щедро наделили их землей: в 1784 г. в Канаде насчитывалось уже около пятнадцати тысяч англичан, или немного более одной восьмой общего числа жителей. Иммиграция непосредственно из Великобритании получила некоторое значение лишь после наполеоновских войн, но она очень быстро возрастала, так что в 1848 г. уже установилось численное равновесие между двумя расами. Затем равновесие это вскоре нарушилось в пользу английского элемента, который ежегодно усиливался приливом нескольких десятков тысяч новых переселенцев. Ирландцы, которые пришли массами после большого голода и которых канадские французы приняли с братским радушием, как своих единоверцев, стали на сторону англичан, вследствие общности языка, оказавшейся более сильною связью, чем исповедание одних и тех же религиозных догматов. Что касается иммигрантов, не принадлежащих к нациям английского языка, немцев и скандинавов, то они тоже способствуют усилению британского элемента, так как они усвоивают себе господствующий язык страны, и этим же языком говорят их дети. Эта скандинавская иммиграция в последние годы стала заметно увеличиваться. Поэтому было бы очень смело, со стороны канадских французов, питать надежду на уравновешение с английский элементом в необъятном пространстве конфедерации: как бы ни было значительно их возрастание, факт тот, что год от году численное отношение двух национальностей изменяется в смысле увеличения большинства канадцев английского языка.

Но что франко-канадцы сделали и что они намерены довершить, это—обезпечить за собой окончательное преобладание в территории, занятой их предками. В этом отношении достигнуты решительные успехи. Даже город Квебек, из которого англичане создали «Гибралтар» св. Лаврентия и который они населили солдатами и чиновниками, уже восстановил свою французскую национальность; Монреаль, из которого англо-саксонская инициатива, помогая природе, сделала промышленный и торговый центр конфедерации, снова приобретает франко-канадский характер, почти совсем было утраченный. Теперь эти два города, важнейшие населенные пункты провинции Квебек, являются главными опорными точками франко-канадской национальности. И не только старые французские колонии остаются отчиной расы, но также соседния земли и чересполосные владения постепенно присоединяются к этой территории. Так, многие английские, шотландские и ирландские колонии, основанные кругом Монреаля и на берегах св. Лаврентия, теперь населены исключительно французами, которые последовательно скупили там все земли. Так, называемые «восточные графства», английская территория, которую правительство, так сказать, вставило клином между французской Канадой и Соединенными Штатами, с целью помешать всякому политическому сближению или союзу между сопредельными народами, год от году всё далее захватываются мирными земледельцами французского языка. Более того—при разделении Канады на две провинции, носящие ныне названия Квебек и Онтарио, правительство старательно разграничило населения, сообразно этническому происхождению жителей: восточные округи верховой провинции были в то время населены почти исключительно англичанами; франко-канадцы встречались там лишь маленькими группами и отдельными лицами. Теперь эти британские графства сильно початы приливом «гальских» соседей, как доказывают следующие статистические данные:

Население одиннадцати «восточных графств» в разные эпохи, по результатам всенародных переписей: 94.000 чел. в 1851 г.; 136.000 в 1861 г.; 157 918 в 1871 г.; 186.032 в 1881 г.

Французов: 32.000 в 1851 г., или 35%; 85.857 в 1881 г., или 63%.

Англичан и др.: 62.000 в 1851 г., или 65%; 42.716 в 1881 г., или 37%.

Население восьми восточных графств пров. Онтарио, с включением Оттавы:

178.780 жит. в 1881 г.; 206.182 ж. в 1881 г.

Французов: 24.775 в 1871 г., или 13,8%; 45.764 в 1881 г., или 22,2%.

Англичан и др.: 154.017 в 1871 г., или 86.2%: 161.418 в 1881 г., или 77,8%.

Канадские земледельцы, менее предприимчивые, но более бережливые, чем их англосаксонские соперники, пользуются всяким удобным случаем, чтобы приобретать заложенные имения за Оттавой; они платят за них наличными, и когда таких приобретателей наберется довольно много, англичане, которым не нравится это нашествие иноплеменников, покидают край и уходят далее на запад. В периоде жизни одного поколения многие англо-саксонские деревни совершенно денационализировались. Что касается маленьких колоний канадцев, существовавших уже на нынешней территории провинции Онтарио до прибытия английских иммигрантов, то они не только сохранились, но даже выросли: такова группа, находящаяся на восточном берегу реки Детройт (французское население в графстве Эссекс: в 1851 г., 5.424 жит.; в 1881 г., 14.653 жит), и анклава Ноттавасага, на берегах гуронской бухты того же имени.

Весьма важное значение, с точки зрения распределения национальностей, имеет тот факт, что франко-канадские поселения не состоят уже, как прежде, только из двух длинных улиц, протянувшихся вдоль берега св. Лаврентия, но рассеяны также в некотором расстоянии от реки внутри материка: каждый город уже является центром для окрестных сельских местностей. Область заселения расширяется и сплочивается; овладение верхними притоками, начатое на берегах озера св. Иоанна, верховья св. Маврикия, Северной и Красной рек и Темискаминга, утроит её протяжение. В своих мечтах о территориальном расширении канадские французы, гораздо более искусные, чем англичане, в вырубке непочатых лесов, надеются, что расчистка северных лесных пространств, до раздельной возвышенности, и даже далее, до Гудсонова моря, будет сделана людьми их расы и в их пользу; они надеются колонизовать современен всю территорию, чрез которую проходит тихоокеанская железная дорога на севере Великих озер, и таким образом подать руку своим братьям в Манитобе, подобно тому, как, с другой стороны, они подают её через Гаспезию акадийцам Нового Брауншвейга и Новой Шотландии. Но между озерами, откуда выходит Оттава, и озерами, откуда вытекает Виннипег, расстояние огромное, пригодные для культуры земли редки, и часть их уже принадлежит серьезным соревнователям, скандинавским колонистам. Как бы то ни было, канадские французы проникнуты непоколебимой верой в будущность своей расы. Их воодушевляет какая-то торжествующая веселость, которая, кажется, должна помочь им преодолеть все препятствия. Выйдя более сильными и жизнедеятельными из стольких испытаний, казалось бы, фатальных, они уверены, что им всегда суждено побеждать злой рок. Они применяют к себе, как пророчество, слова одного из основателей Монреаля, который сказал, обращаясь к колонистам: «Вы—зерно горчичное, но из этого зерна вырастет большое дерево, которое покроет землю ветвями своими... Дети ваши наполнят мир».

По крайней мере, они размножатся в своей американской области, если рождаемость их сохранит ту же пропорцию, как в последние сто лет. Теория «нравственного воздержания», проповедуемая Джоном Стюартом Миллем и некоторыми другими экономистами, не нашла последователей в Канаде. Напротив, там избиратели забаллотировывали тех из кандидатов на общественные должности, которые оказывались виновными в преступлении безбрачия. Там все молодые люди женятся, и семьи обыкновенно очень многочисленны; среднее число живущих детей в канадских семействах: во французских—5 или 6; в английских—2 или 3[1]. Не редкость встретить счастливых родителей, которые в праздничные дни видят вокруг себя

1 Auguste Bodard, рукописн. заметки.

десятка два сыновей и дочерей, не считая внуков и внучек; называют стариков, которые, умирая, оставляли после себя потомство, состоявшее более, чем из пятисот человек. Приумножение семейств кажется столь естественным, что, по канадскому обычаю, двадцать пятый ребенок делается питомцем общины. Нормальное удвоение народонаселения происходит через каждые 28 лет; оно совершалось бы ещё быстрее, если бы гигиена раннего детского возраста лучше понималась и соблюдалась: смертность между новорожденными очень велика. Но после первых годов болезни становятся редким явлением; примеры долговечности более многочисленны, чем в других странах: бывали случаи, что четы стариков десятками праздновали пятидесятилетие своей свадьбы. В некоторые годы, как, например, в 1888 г., увеличение, не только относительное, но и абсолютное, франко-канадского населения превышало увеличение народонаселения в метрополии. Среднее годовое число рождений во французской Канаде составляет 80.000, а число смертных случаев только 37.000, так что, следовательно, средний годовой избыток рождаемости над смертностью равняется 43.000. Если это умножение народонаселения и далее будет продолжаться в той же пропорции, то к концу двадцатого столетия Новая Франция превзойдет старую числом жителей.

Возростание французского населения в Канаде сильно уменьшается эмиграцией. «Французы»—так обыкновенно повторяют, сравнивая их с их соседями, англичанами и немцами, —французы—народ домосед, не имеющий ни малейшей наклонности к путешествию». Этот мнимый закон, который в Европе объясняется экономическим строем государств, и который всё более и более утрачивает свою относительную справедливость, никогда не мог бы быть формулирован на берегах св. Лаврентия: совсем напротив, у французов Нового Света в крови сидит номад, и, как известно, слова «канадец» и «путешественник» сделались почти синонимами в территориях северо-запада. Потомки эмигрантов, не побоявшихся покинуть отечество в эпоху, когда опасности поселения в отдаленной земле были несравненно больше, чем ныне, и когда почти все изгнанники, вольные или невольные, не надеялась когда-либо снова увидеть родину, франко-канадцы унаследовали от предков страсть к приключениям, и страсть эта усилилась под влиянием их образа жизни в первые времена колонизации: битвы с краснокожими, военные или торговые экспедиции через реки, озера и леса, стоянки в лесных трущобах—всё это приучило внуков французов-домоседов легко менять место пребывания. Способ культуры, принятый жителями на земле, слишком обширной, также должен был развивать в них кочевые нравы. Пространство земель, отведенных каждому колонисту, казалось достаточным для одной семьи, но каждый подросший член её требовал себе отдельно подобный же участок. Когда обстоятельства позволяли, он строил себе хату вблизи отцовской избы; но если удобной земли не оказывалось в окрестностях, он шел искать её дальше.

Таким образом, колонизационное движение распространялось с востока на запад по обоим берегам главной реки, затем позади прибрежного пояса в долинах её притоков, до значительного расстояния от св. Лаврентия. В целом, ход эмиграции совершался от востока к западу, как видимое движение солнца и как движение цивилизации в средиземном мире. Так сильно было стремление к расширению у канадских населений, в поисках новых, годных для культуры, земель, что множество колонистов потянулись даже на север, меняя свое местопребывание, в относительно теплом климате, на резиденцию под более суровым небом. Однако, главное отроение происходило всё-таки в южном направлении: большое число канадцев, идя по следам своих предков, открывших Луизиану, переправились через Великия озера, чтобы основать свои поселения в пределах Иллинойса. Ещё гораздо многочисленнее были выходцы, отправившиеся искать счастия в сопредельных странах, т.е. в Новой Англии, Нью-Йоркском и соседних штатах. Промышленные города юга привлекали молодых людей, особенно девушек, которые в сезоны мануфактурной деятельности находят там высокую заработную плату и успевают сколотить себе маленькое приданое, иногда достаточное для обеспечения им безбедного существования по возвращении в родимый край. Все города Мэна, Вермонта. Нью-Гампшира, особенно Борлингтон, Конкорд, Манчестер, Нашуа, главные города Массачузетса, Род-Айленда, Коннектикута получили таким образом колонии

франко-канадцев; во всех этих городах есть квартал, известный под именем «Малой Канады».

Нельзя указать точное число этих иммигрантов, канадцев по рождению или происхождению, так как народные переписи Соединенных Штатов считают чистыми «американцами» всех родившихся на территории республики (по переписи 1881 г., канадцев, французов и англичан, переселившихся в Соединенные Штаты, было 712.295) и не делают никакого различия между иммигрантами английского или французского происхождения; но большинство статистиков согласно определяют, по меньшей мере, в шестьсот тысяч общее число канадцев французского языка, находящихся на постоянном жительстве в Соединенных Штатах, что составит более четверти всего населения франко-лаурентинского происхождения.

Французское население Канады в 1889 г., приблизительно 1.490.000

Франко-канадское население в Соединенных Штатах 600.000(?)

Совокупность канадского населения французского языка в Северной Америке 2.090.000(?)

По статистикам католических епархий, в 1884 г. в одной только Новой Англии проживало 326.000 канадцев французов, и, вероятно, такое же число составляют в совокупности канадские группы населения городов, находящихся в долинах Могока, Гудсона, на берегах св. Лаврентия и озера Онтарио, группы на полуостровах Мичигана, наконец, колонии в Чикаго и окружающих сельских местностях. Как велика доля эмигрантов, которые, переселившись в Соединенные Штаты, впоследствии снова возвращаются жить в Канаду? Приблизительные исчисления дают в этом отношении разноречивые результаты. Многие уходят просто на заработки, с целью скопить маленькую сумму денег, которая дала бы им возможность вернуться к своим и основать новую семью. Эти временные эмигранты, устремляющие взоры назад к родной земле, составляют значительную часть канадского населения Соединенных Штатов; но главная масса армии остается в южных странах и поселяется там на постоянное жительство. Можно считать тысячи канадских семейств, переделавших свою фамилию на английский лад.

Прежде эти колонии канадцев в англо-саксонских землях, состоявшие из людей необразованных, затерянных среди населений другого языка, другой религии и других нравов, считались ничтожной величиной в сравнении с принявшими их к себе могущественными общинами; но только некоторые из них смешались с местным населением до полного обезличения: большинство остались обособленными, группируясь вокруг своей домовой церкви и школы, где сохранилась сокровищница языка. Теперь эти колонии сделались во многих местах достаточно сильными, чтобы образовать из себя политические партии, устраивать ежегодные съезды, основывать «институты», издавать собственные газеты и журналы, поддерживать связь и единение между колониями разных городов, охраняя права своей национальности среди другой, более многочисленной народности, которая, как полагали, неминуемо должна поглотить их: в Массачузетсе более двух третей взрослых отказываются натурализоваться американцами. В Северных Соединенных Штатах существует уже «канадский вопрос». Поглощение, совершающееся столь быстро в отношении других колонистов североамериканской республики, коснется ли латинских элементов, доставляемых эмиграцией из Канады? Уже некоторые округи на южной стороне границы офранцузились; в штатах Мэн, Нью-Гампшир общая цифра населения уменьшается, тогда как канадское население возрастает численно, в особенности благодаря избытку рождений.

На эту сильную эмиграцию в Соединенные Штаты патриоты смотрят как на несчастие, потому что она уменьшает связь расы. Значительная часть эмигрантов кажется потерянной для их природной национальности, и высказываются опасения, что в борьбе за существование канадские колонисты рано иди поздно увеличат силы своих противников. Но, с другой стороны, можно спросить: эта легкость эмиграции в Соединенные Штаты не поможет ли французскому населению Канады поддерживать быстроту своего приращения и таким образом сохранит численное преобладание в территории, которую оно занимает? Пока в зем-

ледельческой культуре будут господствовать практикуемые теперь хищнические и примитивные способы обработки почвы, не представляется возможности заменить эмиграцию колонизацией внутри страны, или по крайней эта экономическая перемена будет совершаться медленно, и только в окрестностях городских поселений. Проезжая некоторые местности, особенно к северу от Триречья, путешественник поражается при виде такого множества заброшенных ферм, покинутых домов с заколоченными окнами и дверьми; жители поголовно эмигрировали в Соединенные Штаты, хотя каждой семье отведено более шестидесяти гектаров земли, пригодной для разного рода культур, для скотоводства, птицеводства, земли, пересекаемой колесной дорогой и лежащей в соседстве большой реки.

До сих пор ещё не было сделано антропологических исследований, на основании которых можно бы было сказать, какие изменения лаурентийский климат и другой образ жизни, действовавшие впродолжении нескольких поколений, произвели в наружном виде французского населения. Во всяком случае не подлежит сомнению, что оно не выродилось. Можно даже утверждать, что оно выиграло в силе, в росте, в богатстве кровью, и что оно обладает, при равных гигиенических условиях, той же сопротивляемостью болезням. По словам Хингстона, судохозяева иногда давали на четверть большую плату своим матросам из канадских уроженцев. Средний тип, повидимому, не изменился, и монреалец, квебекец, которого встретишь на улицах Парижа, не имеет ничего в своей физиономии, что выдавало бы его заокеанское происхождение; однако, насколько можно судить по личным впечатлениям, женщины имеют вообще черты более правильные, более крупные, менее тонкия, менее одушевленные, чем у француженок; по словам Фатера[1], у американских детей скулы более выдающиеся, глаза более впалые, чем у европейских. Канадец от природы весельчак, шутник, добрый товарищ и добрый сосед, всегда доволен своей судьбой, не унывают в беде; про него сложилась поговорка[2]:

Le Canadien est bon enfant,
Mais va toujours trop sur le sens du vent.
(Канадец—добрый малый, только слишком ветрен).

Общительность—одна из главных его добродетелей, и дома следуют один за другим в близком расстоянии, вдоль сельских дорог: в то время, как английский земледелец, скрытный, почти враждебно относящийся к прохожим, всегда строит свою избу фасадом в сад, французский канадец откровенно обращает свое жилье лицом к внешнему миру, и гостеприимная веранда, где хозяин и гости покачиваются на подвижных стульях, сообщается с улицей широким крыльцом[3]. Привычка к легкой жизни, в относительном изобилии, сделала канадского «обывателя» более требовательным, чем французский поселянин. Ест он сытно, хотя, вероятно, работа его, в среднем, менее тяжела. Жена и дочки его одеты по последней моде, как горожанки; у каждого домохозяина имеется собственный экипаж, незатейливо смастеренный из кленового дерева, но удобный и легкий. Прибыв из Франции на берега озера св. Иоанна, путешественник, когда ему случится в праздник проезжать чрез какую-нибудь глухую деревню, бывает не мало удивлен, находя все площади, улицы и дворы вокруг церкви запруженными легкими тележками «planches» или «chiennes» из эластического дерева.

Живя среди англо-саксов, в близком соседстве с бостонцами или *янки*, франко-канадцы не такие люди, чтобы их легко было провести, и даже между ними-то преимущественно и набираются законники. Но помимо сутяжничества, которое, с той и с другой стороны, пожирает жизненные соки нации, канадцы обеих рас ведут свои дела с одинаковым успехом, англичане—с большей инициативой, французы—с большим порядком и меньшим хвастовством. Последние, кроме того, имеют на своей стороне то немаловажное преимущество, что они знают оба языка; они, по выражению Бенжамена Сюльта, «читают чрез плечо своих

1 „Recherches la sur population de l'Amerique"
2 Zacharie Lacasse, „Une Mine".
3 Auguste Bobard, рукописные заметки.

соперников». Нет ни одного образованного канадца, который не говорил бы правильно по-английски, в то же время, как и на своем родном языке, и некоторые из самых красноречивых ораторов канадского парламента—французы по происхождению: они вносят в свои речи больше теплоты и живости, чем их английские коллеги, лучше располагают свой сюжет, искуснее группируют свои аргументы, говоря с той же грамматической правильностью и с той же чистотой акцента.

Можно было опасаться, что употребление франко-канадцами двух языков, различных по духу, поведет к искажению природного идиома и сделает из него смешанный жаргон, откуда английские обороты и выражения мало-по-малу вытеснят остатки старой речи. Опасения эти не совсем лишены основания, и уважающий свой язык француз бывает не менее шокирован на берегах св. Лаврентия, чем на берегах Сены, когда слышит неблагозвучную трескотню слов, заимствованных из разных словарей, или даже варварскую галиматью, происходящую от двух языков и не принадлежащую ни одному из них. Иногда канадцу может встретиться надобность вставить в свою речь английский термин, имеющий специальное значение, но часто он, подобно французскому англоману, уснащает её впопад и невпопад иностранными словами, которые, даже правильно примененные, ничем не лучше соответствующих выражений старого родного говора. Некоторые канадские писатели[1], возмущенные этим адюльтером языков, одинаково постыдным как для английского, так и для французского, выставили на вид всю смешную сторону, всю нелепость подобного смешения, и благодаря их горячей проповеди, благодаря школе, литературе и солидарности, которую франко-канадцы хотят поддерживать с своими бывшими соотечественниками за океаном, разговорный язык и язык газет очистился. Что касается образованных канадцев, то их французский язык таков же, как употребляемый во Франции, с той разницей, что он сохранил богатый запас описательных слов, извлеченных из старой французской речи. Эти драгоценные слова возвращаются теперь из-за океана обратно к европейским французам, благодаря литературному единению, существующему между французскими обществами Старого и Нового Света. В сельских местностях Канады, от Гаспезип до берегов «пролива» Сен-Клер, язык везде один и тот же, и акцент мало разнится; он напоминает в одно и то же время говоры нормадский, сентонжский, пуатьенский, даже беррийский. Буква *j* произносится часто с легким придыханием, как в департаментах Нижней Шаранты и Двух-Севр[2].

Канадская литература, заключающая в себе около тысячи двухсот томов и вдвое большее число брошюр, очень богата для народа, не достигавшего сотни тысяч душ в начале этого столетия; даже когда канадцев было всего несколько тысяч и когда в крае не существовало ни одной книжной лавки, они имели собственных поэтов, элегических и сатирических[3]. Французские народные песни не были забыты колонистами лаурентинских берегов, но нельзя сказать, чтобы они передавались в первоначальном виде от поколения к поколению. Многие так изменились, что не легко узнать их происхождение: они приноравливались к новым обстоятельствам, к иной природе, к другому образу жизни, но старая основа всегда обновлялась с большим поэтическим смыслом. Каждый судовой экипаж, каждая партия дровосеков имеет своих певцов, часто также своих импровизаторов и поэтов, которые излагали в стихах, веселых или серьезных, различные случаи их жизни, и которые обыкновенно, подобно старинным слагателям баллад, заканчивали свою песню, приписывая себе заслугу её сочинения[4]. В ряду своих писателей, относительно очень многочисленных, Канада имеет также нескольких замечательных стилистов, и целая школа историков воскресила её прошлое, столь богатое драматическими событиями. Франко-канадцы несомненно превосходят своих английских соотечественников важностью исторических и литературных работ, но

1 Max Bibaud, „Le memorial des vicissitudes et des progres de la langue francaise au Canada“;—Arhtur Buis;—Nap. Legendre;—Benjamin Sulte, etc., etc.

2 Engee Reveillaud, „Histoire du Canada“.

3 Benjamin Sulte, „La Poesie Franco-Canadienne“.

4 Ernest Gagnon, „Chansons populaires du Canada“.

уступают им по части прикладных наук. Геологическое исследование страны, столь блистательно начатое англичанином Логаном, продолжается в наши дни тоже почти исключительно англичанами, из Великобритании или из Канады, и большинство помогающих им в естественно-исторических изысканиях принадлежат к той же нации. Но между канадцами обеих рас молодые люди, образованные или претендующие на образование, предаются не столько литературе и науке, сколько легкой журналистике, рекламной или партийной, и политическим интригам, избирательным соискательствам.

Франко-канадцы в огромном большинстве—католики. В 1765 г., вскоре после завоевания страны англичанами, насчитали только около пятисот протестантов на всё население в 69.275 душ[1]. Статистика жителей французского языка по вероисповеданию, составленная в наши дни, дала бы аналогичные цифры, и можно допустить вообще, что в провинции Квебек общее число католиков, внесенное во всенародную перепись, приблизительно соответствует числу франко-канадцев и ирландцев. В этой провинции в 1881 г. считалось: католиков 1.170.718; французов 1.075.130; ирландцев 123.749; протестанты составляли: в 1851 г. 16%, в 1881 г. 13,8%.

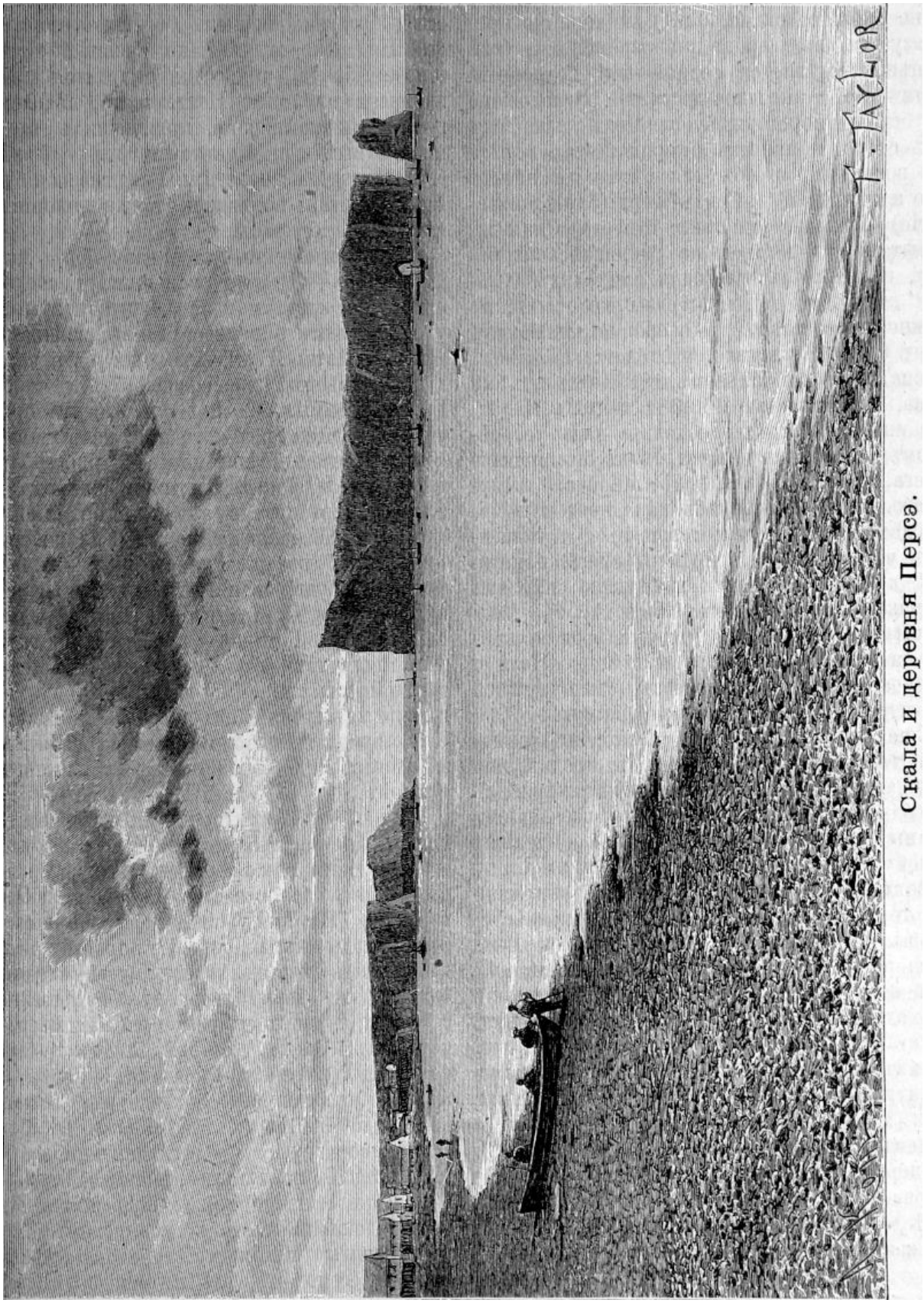
Влияние священников таково, что те из них, очень редкие, впрочем, которые переходят в протестантство, обыкновенно увлекают за собой и своих прихожан. Национальность и вероисповедание сливаются почти на всём протяжении провинции Квебек, и главный канадский праздник, Иванов день, соединяет в себе церковное торжество и гражданские манифестации; самое имя «Жан-Батист» употребляется в просторечии как синоним франко-канадца. На всех, переходящих в протестантство, смотрят как на отрекающихся, вместе с верой, и от своего происхождения. Потеряв уважение со стороны своих соотечественников, подозреваемые в корыстных побуждениях при перемене веры, они видят себя исключенными из своего прежнего общества и по большей части кончают тем, что навсегда покидают родину. Что касается вольнодумцев или индифферентов в деле религии, то между канадцами их немного, или по крайней мере они не группируются в отдельные кружки, и как патриоты всегда идут рука об руку с канадцами-католиками: можно подумать, что все франко-канадцы исповедуют одну чистосердечную веру, ещё не поколебленную сомнениями новейшей философии.

Канадское духовенство французского языка вообще пользуется у лаурентинских патриотов репутацией преимущественного защитника национальности. Можно, однако, задать вопрос: не следовало ли оно за движением, вместо того, чтобы идти впереди? Во всех важных обстоятельствах, где были затронуты существенные интересы английского правительства, высшее духовенство Канады выказывало самый преданный «лойялизм». Часто также в приходах с смешанным населением, где ирландцы и французы не согласны между собой насчет выбора своего духовного пастыря, желания ирландцев берут перевес, и английский язык становится оффициальным языком богослужения. За малыми исключениями, канадское духовенство показывает явное нерасположение к современной Франции, «стране революции». Оно любит восхвалять Францию «великого века»: знаменем его было бы ещё белое знамя с лилиями, то самое, которое водрузили французские метисы, кода взбунтовались в Манитобе[2]. Однако население берегов св. Лаврентия, по тайному инстинкту, при всяком удобном случае, заявляет о своей привязанности к современной Франции. В дни больших национальных праздников, когда все частные и публичные здания украшаются знаменами, флагами, гирляндами, кленовыми ветками, легко видеть, в какую сторону направлены народные симпатии. Британские цвета развеваются на присутственных местах, судебных установлениях и церквах; кое-где вывешены американские знамена, чаще встречаются штандарты с папским гербом; но, судя по общему виду улиц, национальный флаг канадцев есть флаг нынешней Франции. В 1870 г. канадские добровольцы явились в большом числе, чтобы принять участие в защите французской почвы.

1 F. X. Garneau, цитирован. сочинение.

2 H. de Lamothe, „Cinq mois chez les Francais l'Amerique".

Почти всё население лаурентинского бассейна скучено в полу-островном пространстве, заключающемся между озерами Гурон, Эри, Онтарио и на берегах Оттавы и св. Лаврентия до Квебека: вне этих областей жители очень разбросаны, и городские поселения редки. Осо-

Скала и деревня Персэ.

бенно с западной стороны провинция Онтарио почти безлюдна. В этом направлении административный округ простирается далеко за естественные пределы лаурентийской покатости. Передовые посты на границах Манитобы находятся уже в бассейне озера Виннипег, и,

по странному противоречию, административным центром этого дистрикта является город Киватин, бывший главный город дистрикта того же имени, теряющегося далеко в северных пустынях и не принадлежащего, в административном отношении, к провинции Онтарио. Киватин, справедливо называемый «Ветром Севера», известен был у старинных канадских путешественников под именем «Крысьего Волока»: он лежит при тихо-океанской железной дороге, в том месте, где могучая река Виннипег выходит из Лесного озера; каналы, разветвляющиеся вокруг многочисленных островков, доставили ему прозвище «северной Венеции».

Трансконтинентальный железный путь Канады имеет две пристани на Верхнем озере, два нарождающихся города, которые, быть-может, современем сольются в один, так как они построены в близком соседстве один от другого и быстро разростаются. Форт-Уильям, построенный на западном берегу бухты Грома, при устье р. Каминистикиа, был, до сооружения железной дороги, не более, как укрепленный мост Гудсонской компании; Порт-Артур или Arthur-landing, лежащий в 9 с половиной километрах севернее, на берегу глубокой бухты, составлял лишь группу бараков около пристани. Теперь оба города имеют зернохранилища, элеваторы, склады, и пароходы постоянно ходят взад и вперед между этими городами-близнецами и американскими городами Дулут, Мильуоки, Чикаго. Порт-Артур, превосходящий своего соседа численностью населения и размерами торговли, есть, на линии железной дороги, самый большой городской центр между Виннипегом и Оттавой; жители его самодовольно называют его «будущим канадским Чикаго» (движение судоходства этого порта с Соединенными Штатами в фискальном 1887—88 году: 804 судна, вместимостью 538.174 тонны). Близ оконечности Громового мыса (Thunder-cape) находится в озере диоритовая скала, Silver-islet, или «Серебряный островок», прославившаяся в истории канадской горнопромышленности. Драгоценная сребоносная жила была открыта в 1868 г., и впродолжении десяти лет, с 1870 по 1879 г., дала благородного металла на сумму около 15.800.000 франк. После этого были найдены и другие, очень производительные, месторождения серебряной руды, между прочим, рудник Бэджер, в тол же округе Громового залива. Под большим водопадом Кекабеки, «Ниагары» канадского Запада, поместились мельницы, толчеи, лесопильные заводы американских промышленников.

Провинция Онтарио не имеет пока, на берегах Верхнего озера, других городов, кроме упомянутых городов-близнецов. Бывший пост Сент-Мари, вокруг которого некогда группировались индейцы Saulteux (т.е. живущие около водопада, sault), постепенно преобразуется в город и современем, без сомнения, сделается одной из метрополий континента. Канадское поселение расположено на берегу порогов, уносящих излишек вод озера, напротив американского города при водопаде, и обе эти местности носят одно и тоже имя[1]. Сент-Мари (Sault Sainte-Marie)—большая пристань, благодаря каналу, вырытому с 1855 г. на американском берегу, и которым ежегодно приходит большое количество судов, грузы которых, в сложности, составляют около 6 миллионов тонн (доля канадского судоходства на канале водопада в фискальном 1887—88 гг.: 526 судна, вместимостью 303.384 тонны). Канадские инженеры трудятся теперь над устройством, на одном из островов британского берега, второго канала, более широкого и глубокого, который избавит канадцев от необходимости провозить свои товары транзитом через шлюзы другого берега, и который, кроме того, даст движущую силу их фабрикам и заводам. Вместе с тем «Sault»—первоклассная международная станция на железной дороге из Сент-Поля и Миннеаполиса в Монреаль, столь важной для перевозки хлеба в зерне и муке.

Ещё один город быль основан компанией тихо-океанской дороги в предвидении будущего движения, которое должно развиться в области Великих озер с заселением страны и распространением в ней земледельческой культуры: это Альгома (Algoma-mills), названный так по имени обширной окружающей территории, Альгомы, т.е. «земля альгонкинов»; глубокий и хорошо защищенный порт на Северном проливе (North-Channel), в центральной позиции для соединения линий судоходства на четырех озерах, Верхнем, Мичиган, Гурон и Георгиев-

1 Alfred Garneau, рукописн. заметки.

ской бухте, решил выбор. До 1870 г. большой остров Манитулин, находящийся против Альгомы, был местом водворения двух индийских племен; но белые колонисты ворвались туда и теперь составляют уже огромное большинство населения; деревни их расположены при устье Французской реки и на бухточках побережья. На востоке и юго-востоке, на берегах той же бухты, находим ещё несколько портов, будущее которых зависит от успехов колонизации. Парри (Parry-sound) служит вывозным портом для произведений округа Мускока, колонизованного частию индейцами, переселившимися с востока. Пенетангишен, по-альгонкински «Сыпучие пески», и Коллингвуд, около южной оконечности бухты,—ближайшие порты к Барри, Ориллии и к живописным берегам озера Симко. Недалеко оттуда, на бывшей территории «нации табачников», находятся франко-канадские колонии Ноттавасага, населенные потомками трапперов, пришедших в прошлом столетии; Пенетангишен—«французский» город на берегах Георгиевской бухты. В соседстве появилась также колония русских меннонитов.

Самый оживленный канадский порт на озере Гурон—Оуэн (Owen-sound), соединенный с Сиденгамом, который открывается у оконечности воронкообразного залива, около основания Индийского полуострова: это лучшая гавань Георгиевской бухты и озера Гурон; самые большие суда могут приставать к его жете. Благодаря железным путям, Оуэн сделался портом города Торонто на озере Гурон для всех товаров, привозимых из северо-западных областей. Что касается канадских пристаней на побережье собственно озера Гурон, не имеющем сколько-нибудь значительных иссечений, то пристани эти, Саутгамптон, Порт-Эльджин, Кинкардин, Годерич, недостаточно глубоки и не представляют надежного убежища судам. Шесть пластов каменной соли, залегающие на глубине 300 метров, в соседстве Кинкардина и Годерича, питают десятка два заводов; общая толщина этих пластов 40 метров.

Сарниа, канадский город на восточном берегу реки Сент-Клер, при выходе её из озера Гурон, составляет в действительности одно городское поселение с американским городом Порт-Гурон, построенным на противуположном берегу: паровые парома соединяют сети железных путей, сходящихся к этим двум городам, и, кроме того, строится туннель длиной в 1.814 метр., из которых 704 м. под рекой; он проходит на глубине 23 метр, в глинах речного ложа. За исключением Валласбурга, лежащего на второстепенном притоке озера Сент-Клер, все другие города и деревни на берегах реки Сент-Клер—двойные. Так, большой город Детройт, столица штата Мичиган, дополняется на канадском берегу Виндзором, главным городом графства Эссекс, городом, где жители французского происхождения всего успешнее, сравнительно с другими местностями западной части Онтарио, выдерживают борьбу против англо-саксов, канадцев или американцев, которыми они окружены со всех сторон. Графство Эссекс, лежащее в южном углу полуостровной провинции Онтарио, есть область виноградников[1].

Один из притоков озера Сент-Клер, Большая Медвежья река (Big Bear-river), протекает по очень богатой местности, промышленная деятельность которой быстро возрастает, особенно с тех пор, как нефтяные источники Соединенных Штатов оскудели, благодаря бесшабашной эксплоатации. Бассейн этой реки также содержит в недрах земли нефтяные озера, над которыми копают нефтяные колодцы; вокруг Петролии сгруппированы накачивающие машины, пруды минерального масла и очистительные заводы. Кроме минеральных богатств, бассейн Медвежьей реки обладает большими земледельческими рессурсами, хотя в этом последнем отношении уступает долине реки Темзы (la Tranche или Tranchee по старинной франко-канадской номенклатуре), которая тоже впадает в озеро Сент-Клер, и течение которой следует вдоль старого берега озера Эри. По весьма естественной ассоциации идей, поселения, возникшие на берегах канадской Темзы и её притока Авон, окрестили именами английских городов. Стратфорд, Вудсток—важные центры этой области, Лондон—её главный город и принимает свое имя в серьез: его общественные здания, улицы, скверы носят названия соответственно памятников и кварталов английской метрополии; один из губернаторов

1 Auguste Bodard, рукописн. заметки.

Канады хотел даже сделать его столицей колонии. Лондон не заслуживает более прозвания Forest-city, «лесной город», которое он присвоил во времена своего основания: леса отступили далеко. Окруженный прекрасно возделанными садами и полями, он гордится своей промышленной деятельностью и имеет школы, посещаемые большим числом учащихся. Кроме того, он пользуется известностью как курорт, благодаря целебному действию его серных источников. Один из соседних городков, Ингерсоль, замечателен как центр сыроваренного производства в провинции Онтарио.

Лондон соединяется с озером Эри чрез цветущий город Сент-Томас (св. Фомы), тоже железнодорожный центр, где находятся обширные мастерские, строительные и ремонтные. Порт-Стэнли, на небольшой бухте озера Эри, служит пристанью и складочным пунктом для Лондона и Сент-Томаса. На юго-западе, аллювиальные земли, по которым протекает Темза до впадения в озеро Сент-Клер, и которые некогда тоже были озерным дном, прозваны за их плодородие «садом Онтарио». Чатам, центральный рынок, ведет кое-какую торговлю с американским городом Детройт, отправляя товары на барках. В эпоху, когда невольники массами убегали из Соединенных Штатов «подземной железной дорогой», т.е. с тайной поддержкой со стороны аболиционистов, наибольшее число этих беглецов было поселено в Чатаме и Виндзоре. В Чатаме таких переселенцев набралось до 3.000, так что они составляют почти четверть всего населения; в Виндзоре их насчитывают около 1.500, столько же, сколько канадцев французского происхождения.

Канадские порты на озере Гурон и на реке Сент-Клер, где движение судоходства превышало 100.000 тонн, в фискальном 1887—88 году; Пенетангишен—852 судна, вместим. 219.086 тонн; Коллингвуд—578 судна, вместим. 263.047 тонн; Оуэн—1.260 судна, вместим. 661.467 тонн; Кинкардин—228 судна, вместим. 109.092 тонн; Сарниа—2.317 судна, вместим. 906.096 тонн; Валласбург—2.091 судна, вместим. 130.206 тонн; Виндзор—4.089 судна, вместим. 300.977 тонн.

Бассейн Гранд-Ривер, в восточной части меж-озерного полуострова, покатый с севера на юг, соперничает с долиной Темзы по густоте населения. В верховьях этой «Большой реки» находится значительнейшая из существующих в Канаде немецких колоний; она состоит преимущественно из меннонитских и лютеранских общин, сгруппировавшихся в Берлине, главном городе округа, и в других городах с немецкими именами,—Гамбурге, Страсбурге. Колонии эти основали немецкие школы для своих детей; однако, преобладающий язык страны—английский, как и в остальной части провинции Онтарио. Самый значительный город в верхнем бассейне Большой реки, Гвельф, имеет совершенно английский характер, также как Гальт, лежащий южнее. Что касается Брантфорда, названного так в честь Бранта, прославившагося вождя ирокезов, то это также город англо-саксонский, если не по происхождению жителей, то, по крайней мере, по языкам и нравам; тамошние ирокезы, сгруппированные вокруг залы совета «Шести наций», в местечке Тускарора,—самые верные подданные британской короны; одна из школ, Mahawk-institute, представляет образцовое учебное заведение, каких немного и у белых. Между городами Гальт и Брантфорд находится, но не в земле французской колонизации, единственный в Канаде город Париж. Он обязан своим именем имеющимся в окрестностях залежам гипса (plaster of Paris); по замечательному совпадению, «articles de Paris», выделываемые искусными мастерами этого канадского Парижа, всего более напоминают подобные же произведения парижской промышленности.

На востоке полуострова, в прибрежном округе Ниагары, через который проходит канал Валланд, соединяющий линии судоходства озер Эри и Онтарио, города наилучше известны, благодаря наплыву иностранцев, приезжающих созерцать знаменитый водопад. У южного входа Ниагары, Форт-Эри стоит против американского города Буффало; далее, г. Виктория соответствует предместью, перед которым перекинут железнодорожный путевод. Ниже водопада, канадский берег также имеет свое село, соединенное с городом «Ниагарой при водопаде» (Niagara-falls) аркой, в 386 метров длины, знаменитого «висячего моста»; г. Клифтон, в 3 километрах далее, тоже соединен с противоположным берегом международным мостом,

менее длинным, но более высоким, чем мост Ниагарского водопада; Квинстон, на краю террасы, откуда прежде низвергалась Ниагара, переглядывается с американским Левистоном; наконец, при устье реки, город Ниагара отделен от Юнгстауна только потоком: это один из старейших городов провинции Онтарио. Основанный в прошлом столетии, под именем Ньюарка, «лойялистами», удалившимися из восставших американских штатов, он был первой столицей Онтарио, и форты, стоящие на обоих берегах, напоминают два военных события; прежде он имел довольно важное торговое значение, как все приниагарские города, но теперь торговля переместилась далее к западу, на канал Велланд, тоже окруженный городами и деревнями, от Порт-Кольборна, при устье канала на озере Эри, до Порт-Дальгузи, при впадении канала в озеро Онтарио. Важнейший город на этом судоходном пути—Сент-Катаринс, центр фабрик и товарных складов, к которому сходятся несколько железных дорог, но он расположен в низменной и нездоровой местности.

Канадские порты на озере Эри, на канале Велланд и на Ниагаре, где движение судоходства превышало 100.000 тонн, в фискальном 1887—88 году: Порт-Кольборн—679 суд., вместим. 193.594 тон.; Форт-Эри—1.678 суд., вместим. 129.126 тон.; Сент-Катаринс—958 суд., вместим 458.150 тон.; Ниагара—1.380 суд., вместим. 553.224 тон.

Многолюдный город Гамильтон, третий в этой провинции по числу жителей, занимает очень выгодное местоположение, близ западного угла озера Онтарио, на канале, соединяющем его с бухтой Берлингтон, и в цирке, ограничиваемом на западе силурийской террасой, которую, восточнее, разрезали воды Ниагары. Жители Гамильтона величают эту террасу «горой», Mountain. Через неё прорыт канал, для соединения Гамильтонской бухты с Дугласом и с притоками озера Гурон. «Честолюбивый город» быстро растет, но, несмотря на географический преимущество, которое он имеет над Торонто, занимая выгодное положение при оконечности естественного пути, ведущего от озера Онтарио к озеру Гурон, он далеко опережен восточным соседом, который обладает гораздо более богатым пучком железных дорог, расходящихся по всем направлениям.

Торонто, столица провинции Онтарио и «царь городов запада», расположен на берегу озера, в песчаной местности, поднимающейся полого к северу, между двумя реками, Доном —на востоке и Гумбером—западе. Город распланировав очень правильно, и почти все улицы, пересекаясь под прямым углом, идут перпендикулярно или параллельно озеру; но общий характер построек страдает однообразием и банальностью. Вид на озеро заслонен длинной песчаной и почти безлесной косой, которая тянется полукругом впереди порта, открываясь только на западной стороне каналом, имеющим около 4 метров глубины; кроме того, берега порта загромождены пристанями и амбарами, а набережные почти все захвачены железнодорожной компанией, которая заперла город в сеть своих путей. На первый взгляд кажется, что Торонто по своему географическому положению не представляет сколько-нибудь значительных естественных выгод: он не имеет судоходной реки, а порт не доступен крупным судам, но он занимает центральное положение относительно плодородных местностей провинции Онтарио и находится как раз против пути, открываемого Ниагарой к озеру Эри и к Соединенным Штатам: во все времена северные индейцы сходились сюда для промена европейцам мягкой рухляди, и именно с целью сдерживания собиравшихся в большом числе туземцев и взимания пошлины с пушного товара французы построили, в 1749 г., форт Руйль, при устье реки, называемой ныне Гумбером.

Крепостца эта была покинута, когда основали нынешний город, в 1794 г.; в начале ему дали имя Йорк или Малый Йорк, которое оффициально оставалось за ним до 1834 г. Название «Торонто», окончательно одержавшее верх и означающее «Деревья на воде»[1], сначала применялось только к песчаной косе, намытой волнами впереди порта; затем оно было присвоено всему округу до озера Симко и до Георгиевской бухты[2]. Возведение на степень административного центра провинции было весьма существенной прибавкой к естественным вы-

1 Cuoq, „Lexique de la langue iroquoise“.

2 S. E. Dawson, „Handbook for the Dominion of Canada“.

годам географического положения нарождающагося города, а постройка железных дорог, сходящихся в этом пункте побережья, так сказать, ускорила его судьбу. Рост Торонто шел и идет изумительно быстро, так что этот молодой город области Онтарио, не насчитывающий ещё ста лет существования, надеется догнать и даже опередить Монреаль до конца текущего века.

Численность населения Торонто в разные эпохи: в 1813 г.—900 жит.; в 1834 г.—9.254 жит.; в 1850 г.—25.006 жит.; в 1881 г.—86.415 жит.; в 1889 г. (с предместьями)—178.000 жит.; в 1891 г.—181.000 ж.

Правда, Монреаль обладает тем огромным преимуществом, что он находится в прямом сообщении с морем и командует главными линиями торгового движения внутри материка; но Торонто имеет, превосходя в этом отношении своего соперника, сравнительно густое население вокруг своего рынка; он пользуется также лучшим климатом, и рыхлая, легко проницаемая почва, на которой он построен, менее загрязнена; улицы в нём шире и обильнее обсажены деревьями; смертность, в среднем, значительно меньше (так, в период с 1882 по 1887 г. средняя смертность в Монреале составляла 27,91, а в Торонто только 21,45 на 1.000). Может-быть, к числу благоприятных для преуспеяния Торонто условий следует прибавить ещё этнографическое единство его населения. Жители его, почти все английского языка, избавлены от внутреннего, племенного или национального соперничества, отвлекающего от общего дела. Если Торонто ещё уступает Монреалю размерами торговли, то он превосходих его литературой и научной деятельностью: торонтские газеты и журналы, лучше редактируемые, имеют более широкий круг читателей; там гораздо больше издается книг, и больше работают в высших учебных заведениях. Университет, основанный в 1827 г., занимает первое место между канадскими заведениями для высшего образования: несколько библиотек открыты для публики; дома, занимаемые школами, принадлежат к самым красивым зданиям города. Многочисленные парки в самом городе и в ближайших окрестностях способствуют очищению воздуха, и в соседстве или даже внутри этих парков помещается большинство учебных заведений. Торговые обороты Торонто в 1893 г. по ввозу и вывозу простирались до 128.826.000 франков, а движение судоходства в его порте в 1887—88 г. выразилось следующими цифрами: с Соединенными Штатами—1.252 судна, вместим. 277.441 тонна; с другими портами Канады—3.541 судна, вместим. 720.525 тонн.

К востоку от Торонто следуют один за другим несколько небольших портов: Уитби; Ошава («Волок» по-альгонкински) с многочисленными фабриками; хорошенький городок Порт-Гоп, окруженный верфями; Кобург, с красивыми зданиями, обширными парками, широкими тенистыми улицами. Кобург—тоже университетский центр, факультеты которого дополняются медицинской академией, основанной в Монреале веслеянской сектой. Далее, Бельвиль, с главной школой, носящей титул университета, лежит при устье реки Мойра, на извилистой бухте Кентэ. Порт его сообщается с двух сторон с озером Онтарио: на востоке—естественным каналом, ветви которого идут к двум промышленным городам Дезеронто и Напани; на западе—искусственным каналом, нешлюзованным, глубиной всего только около 3 с половиной метров, прорытым через основание полуострова Принца Эдуарда, близ значительного города Трентона, где находится главная писчебумажная фабрика Канады. К северо-западу от Бельвиля, цветущий город Питерборо лежит среди лабиринта озер, исток которых также впадает в бухту Кентэ, прежде Кинцио. Река Отонаби, на берегах которой построился Питерборо, несет воды озера Стони в озеро Райз рядом порогов и водопадов, приводящих в движение колеса многочисленных фабрик и заводов. Подобно своему соседу Линдсею, лежащему западнее, Питерборо—одна из узловых станций для железных дорог провинции Онтарио; кроме того, надеются сделать его центральным пунктом судоходных каналов, которые соединят различные порты озер Онтарио и Гурон. Проектируется также постройка железной дороги на плашкотах между этими двумя озерами.

На восточной оконечности озера Онтарио, город Кингстон с недавнего времени сделался деятельным торговым центром: это—главная пристань между Торонто и Монреалем. Уже в

семнадцатом столетии французы поняли важное стратегическое значение этого пункта, и в 1673 г. отряд в 400 человек воздвиг там крепость, названную Катараки или Катаракуи, по имени реки, впадающей в этом месте в реку св. Лаврентия. Но этот передовой пост был как бы затерянным среди ирокезской земли, и гарнизон его не мог долго держаться. Фронтенак должен был вновь отстроить заброшенное укрепление, в 1695 г. С этого времени форт Фронтенак, переименованный впоследствии в Кингстон, оставался главным военным городом верхней Канады: там производились сборы войска, строились суда военного флота. И теперь ещё он укреплен, вооружен батареями, и конфедерация содержит там военное училище, для приготовления офицеров штаба и инженерной части; училище это даже стоит на равной степени с британскими учебными заведениями того же рода, так как лучшие его воспитанники получают назначение в армии метрополии. До перевода главного управления верхней Канады в Торонто, Кингстон был столицей этой области, а с 1841 по 1844 г., во время открытой борьбы между английским правительством и его франко-канадскими подданными,—столицей всего Канадского союза. Кингстон и Ниагара—единственные укрепленные города в провинции Онтарио. В настоящее время Кингстон важен только своими учебными заведениями—военное училище, пресвитерианский «университет» и медицинские школы—и своей торговлей, лесной и хлебной. Узкий разрез в каменистом порте приводит в сообщение озера, выпускающие реку Катараки, с озерами, дающими начало реке Ридо, и таким образом соединяет Кингстон с Оттавой, столицей Канадской державы. Этот извилистый водный путь, проходящий через ряд озер, известен под именем канала Ридо.

Расположенный ещё при озере Онтарио, Кингстон находятся уже на реке св. Лаврентия, которая делится на бесчисленное множество каналов между «Тысячью Островов». Деревня Гананок, на левом берегу реки, кажется затерянной в этом лабиринте; но Броквиль, торговое местечко, составляющее один город с американским Морристауном, на противоположном берегу, находится при одной из речных «теснин», где все воды сходятся в один узкий канал; броквильское масло славится своим превосходным качеством. Далее следует Прескотт, который можно рассматривать как простое предместье американскаго Огденсбурга, главного лаурентинского порта штата Нью-Йорк, но лежащего в местности, частию колонизованной «канадцами»; прежде, во времена французского господства, Огденсбург назывался fort Presentation. Затем показывается мануфактурное местечко Корнуолль, ниже «Длинного Водопада», представляющего ряд опасных порогов, для обхода которых прорыт канал длиной в 18 километров; теперь производятся работы по углублению его до 4—5 метров.

Канадские порты на озере Онтарио и реке св. Лаврентия, между городом Торонто и слиянием р. Оттавы, где движение судоходства превышало 100.000 тонн в фискальном 1887—88 году: Порт-Гоп—925 судов, вместим. 305.412 тонн; Кобург—396 судов, вместим. 230.900 тонн; Трентон—1.341 судов, вместим. 117.721 тонн; Бельвиль—1.553 судов, вместим. 166.446 тонн; Дезеронто—1.007 судов, вместим. 118.520 тонн, Кингстон—4.929 судов, вместим. 1.168.945 тонн; Гананок—641 судов, вместим. 111.178 тонн; Броквиль—1.796 судов, вместим. 679.469 тонн; Прескотт—1.251 судов, вместим. 400.883 тонн; Корнуолль—662 судов, вместим. 132.094 тонн.

Ниже Корнуолля оба берега реки св. Лаврентия принадлежат провинции Квебек, и американская граница, проникающая внутрь материка, разрезывает на-двое местечко Сен-Режи, населенное цивилизовавшимися ирокезами. Вскоре после того река разветвляется на несколько рукавов вокруг Большого Острова и целого архипелага островков, служащих опорными точками для устоев железнодорожного моста, перекинутого с одного берега на другой, от Кото-лендинг до Валлей-фильд: по этому мосту, длиной в 2.800 метров, третьему из построенных до сих пор на реке св. Лаврентия, проходит прямой рельсовый путь из Оттавы в Нью-Йорк. После Большого Острова остается только пройти пролив между двумя лесистыми мысами, и мы вступаем в обширное озеро, образуемое слиянием рек св. Лаврентия и Оттавы.

Этот могучий приток зарождается слишком далеко на севере, за хребтом страны, чтобы

северная часть его бассейна могла заключать в себе сколько-нибудь значительные группы населения. Почти всё это огромное пространство состоит из скал и лесов. В настоящее время колонисты европейского происхождения ещё не перешли, в северном направлении, за озеро Темискаминг, да и эта нарождающаяся колония находится, так сказать, в пустоте, на расстоянии одного дня плавания и сухопутной перевозки к северу от Маттавы, рынка, снабжающего её продовольствием. Город этот, альгонкинское имя которого означает «слияние, исток»[1], занимает выгодное положение на правом берегу Оттавы, при впадении в неё Маттавана, в местности, содержащей золотоносные залежи. Ещё недавно это был скромный пост Гудсонской компании; теперь Маттава—деятельный торговый центр в северной части провинции Онтарио и одна из главных станций трансконтинентальной железной дороги; но по наружности город представляет ещё собрание низеньких домиков, рассеянных между округленными скалами, которые придают равнине вид кладбища гигантов. Плоты или «клетки» бревен, сплавляемые по верхней Оттаве и её притоку Маттавану, собираются у Маттавы и частию распиливаются на тамошних лесопильнях. Кроме, того, один лесопромышленник устроил в этом городе склад леса с озера Ниписсинг и с Георгиевской бухты, вопреки скатам и истечению вод. Паровая машина, помещенная на холме, господствующем над восточной бухтой Ниписсинга, поднимает бревна посредством бесконечной цепи и спускает их в другое озеро, приток Маттавана[2]. На юге и юго-востоке от озера Ниписсинг правительство владеет ещё пространством земли от четырех до пяти миллионов гектаров, которое до недавнего времени оставалось незаселенным, но значительная часть которого, вокруг озерных водоемов, пригодна для культуры. Земли эти раздаются безвозмездно, участками в 40 гектаров, всем желающим, с обязательством построить дом и вести хозяйство на отведенном наделе. Колонизация этой страны, которую прежде считали не имеющей никакой цены, началась только с 1878 г., и теперь там появились уже в разных местах деревни переселенцев. По линии тихоокеанской железной дороги, проходящей по северной стороне озера Ниписсинг, и через скалы и озера, первоначальные скромные станции мало-по-малу превращаются в земледельческие и торговые центры, в которых господствует канадское население. Судбюри, главный город этого округа, лежит в местности, изобилующей залежами медной, железной и никкелевой руды. Каллендар, на берегу озера Ниписсинг, важен, как пункт соединения железных путей.

Ниже Маттавы, другие прибрежные города по реке Оттаве, Пемброк, Арнпрайор, Айльмер, приобрели некоторое значение только благодаря своему положению в соседстве водопадов, где должны останавливаться пассажиры, товары и плоты, и которые доставляют движущую силу для распилки бревен на плахи и доски. Сама Оттава (прежде Байтаун), вероятно, до сих пор оставалась бы на степени села, занимающагося лесопильным промыслом, если бы английская королева, к которой канадцы обратились с ходатайством о назначении столицы конфедерации, не остановила своего выбора на этом городе. В 1800 г. один смелый колонист из Массачузетса поселился, с несколькими товарищами, в этом месте и принялся за расчистку почвы; но только в 1806 г. первая партия леса была сплавлена по течению вод до Квебека. Двадцать пять лет спустя мы видим уже подле водопадов реки Оттавы большую деревню, с тысячею жителей, почти исключительно американцев или шотландцев по происхождению. Вскоре после того открылись шлюзы канала, соединяющего реку Оттаву с рекой св. Лаврентия и с озером Онтарио через реку Ридо и цепь озер р. Катараки. Это обширное гидравлическое сооружение было предпринято главным образом в военных целях, чтобы иметь возможность перевозить войска и продовольствие между низовьем св. Лаврентия и озером Онтарио, в случае если бы американцы овладели проходами Тысячеостровья; впрочем, этот судоходный путь до сих пор, к счастию, служил только на пользу торгового движения и много способствовал расширению деятельности лесопильных заводов на р. Оттаве. Затем, в 1858 г., нарождающийся город был выбран столицей Канадского союза, и в 1865 г.

1 Lacombe;—Em. Petitot, цитиров. сочинение.

2 Stewart Thayne, рукописные заметки.

там собрался первый парламент; с того времени соседния деревни, Новый Эдинбург, Рочестервиль, были присоединены к ростущей метрополии. Благодаря политической и административной централизации, Оттава сделалась пятым городом Канадской державы; она следует непосредственно за Монреалем, Торонто, Квебеком, Сент-Джоном и питает честолюбивую надежду современем опередить эти города.

Главный город конфедерации занимает прекрасное местоположение, на каменистом плато, господствующем над правым берегом реки Оттавы, ниже водопада, называемого «Котлом». Предместья продолжаются на запад до самых порогов и выше, на восток—до реки Ридо и даже за эту реку, а на противоположном берегу, по склонам холма лепится промышленное местечко Гулль. Фабрики, заводы, лесопильни, товарные склады, целый город плах и досок раскинулся по островкам и скалам, окаймляющим с той и другой стороны пропасть Котла, пороги и выходные каналы. Даже обезображенный всеми этими неуклюжими постройками, водопад, вызвавший к жизни город Оттаву, всё ещё представляет грандиозную картину. Воды реки, разливающиеся перед тем на пространстве 500 метров, между островами, поросшими тополями, вдруг притекают к расселине скалы, шириной не более 600 метров, и низвергаются в кипящий «котел», откуда вода бежит длинной пенящейся скатертью, чтобы разлиться перед городом в спокойный бассейн. Река Ридо также впадает в Оттаву каскадом в 18 метров высоты, который льется в виде совершенно правильной белой «занавеси» (rideau) перед известковым утесом. Но и этот водопад, прежде один из красивейших во всей Канаде, теперь тоже заперт между уродливыми стенами заводских строений. Оттава из всех городов Канады распиливает на доски наибольшее количество леса, и разные специальные заводы её занимаются приготовлением ведер, кадок, спичек и всевозможной деревянной посуды.

Количество леса, распиленного в Оттаве в 1888 г., 3.102.789 бревен. Ценность плах, досок, балок в 1887 г., 11.040,000 франк. Движение судоходства в Оттаве в 1887—88 г.: 4.018 судов, вместим. 793.536 тонн.

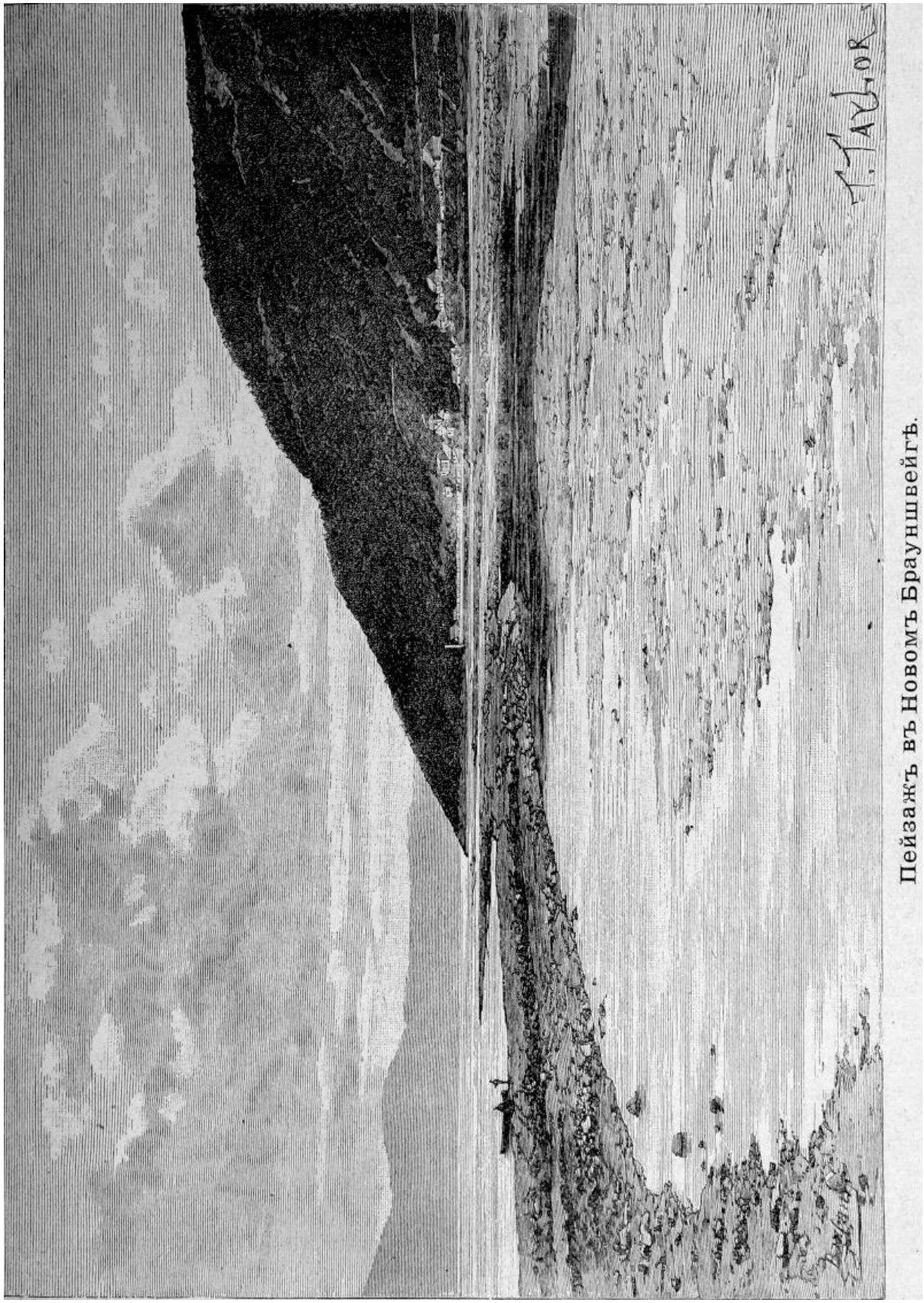
Сотни пил работают день и ночь над потоком; река исчезает во многих местах под стоящими на якоре непрерывными рядами плотов, и опилки покрывают золотистым слоем воду у поворотов реки и в бухтах. Проплавав долгое время, этот слой опилок, насыщенный водой, падает на дно, где они скопляются толстыми пластами: в некоторых местах глубина Оттавы уменьшилась на 10, даже на 15 метров, вследствие отложения опилок. Вся эта масса органических частиц разлагается на дне воды, и иногда, когда река покрыта льдом, запертые газы разрывают ледяную кору с страшным треском, точно от вулканического взрыва[1].

Здания парламента расположены в лучшей части города, на террасе мыса, которую с восточной стороны ограничивает канал Ридо, высеченный в голой скале, на глубине 50 метров. Здания эти, готического ломбардского стиля, делятся на три группы вокруг обширной лужайки. Они построены из серого песчаника, с красивыми облицовками из розового известняка и мрамора, и увенчаны высокими башнями различной формы, из которых иные очень красивы. Оттавский дворец—самый грандиозный архитектурный памятник во всей Канаде, но что особенно возвышает его красу, это—дивная панорама, развертывающаяся вокруг мыса на отдаленную цепь лесистых Лаурентид, на сверкающие серебристые скатерти реки, её озер, бухт и каскадов. Изящная ротонда, расположенная на оконечности террасы, позади главного здания, служит библиотекой и содержит уже свыше ста тысяч томов, не считая брошюр и газет: это самая богатая коллекция в Канадском союзе, и скоро придется перевести её в более обширное помещение. Драгоценнейший отдел библиотеки, специально посвященный истории Канады, заключает в себе около восьми тысяч сочинений и большое число рукописей.

Кроме того, Оттава имеет драгоценный музей, где собрано всё, относящееся к геологическому исследованию Канады. Петрографические и другие документы, рассказывающие историю постепенного открытия громадных территорий этой державы, превосходно классифи-

1 Benjamin Sulte;—Sandford Fleming, etc.

цированы, и при помощи находящихся в музее детальных карт можно следить за движением путешественников-исследователей, ежегодно предпринимающих поездки в территории северо-запада и на берегах Тихого океана для основательного изучения какого-нибудь ново-

Пейзажъ въ Новомъ Брауншвейгѣ.

го уголка земли, известного только по поверхностным съемкам и описаниям. В окрестностях столицы существует другое полезнейшее учреждение—школа земледелия, садоводства и сельской промышленности, имеющая в своем распоряжении 195 гектаров, где с успехом

производят опыты по акклиматизации иноземных растений. Для этих опытов употребляются преимущественно французские семена. Между другими высшими учебными заведениями канадская метрополия не преминула завести и свой «университет», который, впрочем, пока ещё не соперничает с университетами Монреаля, Квебека и Торонто[1].

Первоначально чисто английское поселение, Оттава представляет теперь, подобно Монреалю, город двойственный по происхождению и языку своих жителей, и хотя французы там в меньшинстве, но их относительная пропорция году от году возрастает: в настоящее время они составляют около четверти всего населения. Город Гулль, на левом или квебекском берегу Оттавы, принадлежит им всецело, и даже в некоторых кварталах правого берега они образуют большинство. Но по внешности обитаемых ими предместий сразу видно, что они по большей части беднее англичан: дровосеки, дебардеры, рабочие на фабриках и заводах, они живут только на заработную плату; их деревянные домики имеют убогий вид, улицы в их кварталах—грязные и плохо вымощенные. По крайней мере город снабжается во всех его частях необычайным обилием воды: Оттава черпает в своей реке, выше водопадов, целый поток, доставляющий каждому жителю долю чистой воды, вдесятеро больше той, какая показалась бы достаточной самым благоустроенным городам Европы (ежедневный расход чистой воды в Оттаве: 18.000.000 литров, или 500 литров на каждого жителя; количество воды, которым можно располагать: 1.000 литров в день на человека).

Оттава сделалась также железнодорожным центром, и уже три рельсовых пути соединяют её с Монреалем. Один из этих путей переходит реку выше Котла по изящному стальному мосту и почти вслед затем пересекает большую реку Гатино, по которой каждый год сплавляют сотни тысяч бревен к лесопильным заводам Оттавы; в 1889 г., в одном узком месте реки образовался затор от скопления двухсот тысяч древесных стволов и грозил низовым равнинам страшным наводнением. Всё верховье долины изобилует железной рудой и графитом; горные породы в соседстве слияния, особенно в окрестностях Темпльтона, чрезвычайно богаты фосфоритами, которые разработываются для иностранных рынков, но почти не утилизируются в самом крае, где возделываемые поля ещё очень редки. Река Оттава в нижнем своем течении принимает в себя многочисленные притоки, и почти на каждой железнодорожной станции поезд переходит через какой-нибудь поток, загроможденный плотами, гонимыми к прибрежным лесопильным заводам на главной реке. Буккингам, на могучей реке Зайца,—одна из групп лесопилен, вокруг которых скучено рабочее население; Папиновиль, главный пункт бывшей сеньории «Малой Нации», замечателен как одно из исторических мест Канады. На правом берегу, в низовьях Оттавы, значительнейший городок—Ориньяль (Лось); он ещё окружен лесами, но лоси в них уже не водятся. Во время летнего сезона сюда съезжаются в большом числе иностранцы и больные, привлекаемые серными, соляными и йодистыми источниками, Caledonia springs, воды которых слывут очень целебным средством от ревматизма и других болезней.

Перед Гренвилем, многолюдным местечком левого берега, обходный канал и боковая железная дорога позволяют судам и путешественникам объезжать прославленные пороги Карильона. Близ деревни этого имени, ниже водопадов и присоседившихся к ним фабрик и заводов, показывают место, где, в 1660 г., шестнадцать человек французов из Монреаля, один гурон и четверо альгонкинов, под начальством Долака, заперлись в блокгаузе, чтобы замедлить движение семисот или восьмисот ирокезских воинов, ринувшихся на колонию, и спасти своих соотечественников, пожертвовав собственною жизнью. Они действительно погибли все до единого, при чём последний оставшийся в живых прикончил ударами топора своих раненых товарищей, чтобы избавить их от пытки и костра; но пространство вокруг крепостцы было усеяно таким множеством трупов, что ирокезы не посмели продолжать поход и ретировались в свои леса[2]. Река, впадающая в Оттаву ниже Карильона, у западной оконечности озера Двух Гор, известна под именем Северной; она маловажна в сравнении с

1 De Celles, рукописные заметки.

2 „Relations des Jesuites“;—F. X.Garneau, „Histoire du Canada“.

главными притоками, но в городке Сен-Жером воду её, отличающуюся замечательной чистотой, утилизируют для приведения в движение одной из самых больших писчебумажных фабрик Канады; поток льется с высоты 92 метр, длинным рядом водопадов. Сен-Жером, хотя удаленный от реки св. Лаврентия, жизненной артерии страны, питает, однако, надежду занять место между большими городами Канадской державы: он служит исходным пунктом «Северной железной дороги», которая пройдет по наименее бесплодным областям, вблизи хребта страны, и достигает через Темискаминг, с одной стороны—тихо-океанского железного пути, с другой—Гудсонова моря.

Прелестная деревня Ока, называемая также «Миссией на озере», занимает мыс на берегу озера Двух Гор, в том месте, где ветвь Оттавы поворачивает к северо-востоку, чтобы обогнуть остров Монреаль, после чего она делится на два рукава вокруг острова Иисуса. Ока населена, с конца семнадцатого столетия, цивилизовавшимися ирокезами и альгонкинами, которые живут рыбною ловлею и земледелием; но они очень стеснены, владея все вместе 237 гектарами, да и это незначительное пространство земли с каждым годом уменьшается. На мысе Ока находится католическая миссия, а на соседней горе, покрытой густым лесом, трапписты основали, прославившийся впоследствии, монастырь; тем не менее, индейцы, переселившиеся в этот край в двадцатых годах настоящего столетия, почти все протестанты, и процесс, затеянный ими против католической семинарии Монреаля, получил громкую известность во всей Канаде: они требуют, чтобы им отдали обратно соседния земли, составлявшие часть бывшей сеньории Двух Гор, уступленной сульпицианам, а им предлагают в обмен по 40 гектаров на семью в западной части провинции Онтарио, около Мускоки; большинство индейцев Оки приняли это предложение. Редко можно встретить такое очаровательное местоположение, как полуостров Миссии: но деревня св. Анны, расположенная на крайнем выступе острова Монреаль, была бы ещё живописнее, если бы две соперничающие железно-дорожные компании не построили на устье реки Оттавы двух параллельных мостов-путеводов, разного стиля, но одинаково безобразных[1].

В былое время в этой деревне останавливались путешественники, чтобы молитвами приготовиться к опасному плаванию вверх по реке и к странствованию в земле индейцев и диких зверей. Там же Томас Мур сложил свою «Песню лодочников», самую мелодичную и самую любимую из всех английских песен, раздающихся на канадских водах. В селении св. Анны мы находимся уже у ворот св. Лаврентия: озеро св. Людовика, продолжающееся далеко на восток, соединяет в своем бассейне параллельные течения двух рек, на севере—желтые воды Оттавы, на юге—зеленые воды св. Лаврентия. На южном берегу показывается деревня Шатогэ, где канадский баск Салаберри разбил, в 1813 г., во главе маленького отряда, целую армию недисциплинированных американцев.

Ниже впадения Оттавы, первый город появляется на берегу одной бухточки озера св. Людовика: это—Лашин (Lachine, т.е. «Китай»), которому Шамплен дал это странное имя, в надежде, говорят, сделать это место исходным пунктом для путешествия в громадную империю восточной Азии; он полагал, что бассейн св. Людовика открывает доступ в «северо-западный» проход, который тщетно искали впродолжении трех веков по направлению к «Катаю», или Китаю. Лашин—один из древнейших городов Канады: на монреальской дороге, у подножия порогов, стоит старый дом, принадлежавший, как полагают местные историки, брату Кавелье-де-ла-Салля. Но, слишком далеко выдвинутое в индейскую землю, французское поселение было взято приступом ирокезами, наследственными врагами французов, и все его жители были истреблены. Теперь Лашин—цветущий городок, соединенный с промышленными деревнями, имеющими различного рода мастерские; здесь начинается канал, которым ходят большие суда, с осадкой до 4 метров, поднимающиеся по реке св. Лаврентия вверх от Монреаля. Перед плотинами воды озера Сен-Луи образуют громадную навмахию для любительских яхт и шлюпок: река, которая ниже низвергается грозными водопадами, здесь разливается прекраснейшим бассейном, какой только можно вообразить для прогулок

1 „S. E. Montreal Gazette“, July 17th. 1869.

и гонок.

На востоке, озеро св. Людовика ограничено прекрасным Лашинским мостом, соединяющим железные дороги двух берегов св. Лаврентия. Путевод этот, длиной 1.124 метра,—неправильной формы: со стороны города Лашина он представляет ряд близких один от другого быков, затем переходит глубокий фарватер двумя длинными пролетами и продолжается у берегов высокой дамбой, обсаженной ивняком; несмотря на недостаток симметрии, мост кажется изящным, благодаря необыкновенной легкости арок, парящих над рекой; он построен в семь месяцев. Местечко Когнавага, которое этот путевод соединяет с Лашином—старинная колония ирокезов, населенная ещё их потомками, в числе около 1.600 душ (в 1886 г.). Офранцузившиеся метисы, живущие на манер белых, в домах, построенных и меблированных, как у канадцев, эти ирокезы являются индейцами только в глазах туристов, которым они продают свои изделия из березового дерева и из лосиной кожи; в большие праздники они ещё украшают себя перьями. Проводка пароходов, при спуске на стреминах, всегда доверяется одному из их лоцманов; несколько лодочников из этого села сопровождали английское войско в Нубию, чтобы провести перевозившие его суда через Нильские пороги.

Ниже порогов св. Лаврентия, на берегу глубокой бухты правого берега, находим деревню Лапрери, названную так по причине луговых пространств, покрывающих прежние наносы реки, и защищенную теперь от наводнений высокой плотиной. Из этого селения уже виден Монреаль, раскинувшийся на левом берегу: это самый большой город Канады и всей Северной Америки к северу от Бостона. Он носит ещё, в мало измененной форме, название «Mont-Royal», которое Жак Картье дал, в 1535 г., лесистому холму, господствующему над островом слияния: следовательно, Монреаль получил свое имя более чем за сто лет до того времени, когда французы построили первую хижину на месте, незадолго перед тем занятом тройным частоколом ирокезской деревушки Гошлага. Местоположение этой деревни неизвестно в точности. По мнению Бенжамена Сюльт, она находилась у самой подошвы, по склону которой лепится нынешний город: предместье, принявшее имя бывшего индейского укрепления, расположено на северном конце Монреаля. Во многих местах почвы острова открыли человеческие скелеты, глиняную посуду и оружие[1]. После первого посещения этой местности французами, там произошли большие перемены: во время прибытия Шамплена, в 1616 г., ирокезы были уже прогнаны альгонкинами, и деревня Гошлага была стерта с лица земли: от неё не осталось никаких следов. Вполне оценив выгоды местоположения Мон-Ройяля, как соединительного пункта для всех верховых стран Лаурентинской долины, Шамплен пытался завести факторию в этом привилегированном месте, но окончательный пост основался тут лишь в 1642 г., под руководством благочестивого жантильома Мэзоннев; вскоре после того станция эта, освященная по обряду церкви, приняла имя «города Св. Марии» (Ville-Marie), присвоенное теперь духовной семинарии, которая стоит на том месте, где происходила церемония освящения. Это ядро будущего города, расположенное на крутояре западного берега св. Лаврентия, занимает лишь весьма незначительную часть пространства, покрытого улицами и домами. Вверх и вниз по реке городская территория протянулась на много верст; на западе она захватила болотистую низину, где протекал ручей, и которая теперь сделалась одной из главных улиц Монреаля; затем к ней прибавились скаты, образующие основание горы Мон-Ройяль. Оффициально Монреаль занимает площадь в двадцать один квадр. километр, но с той и другой стороны, предместья, последовательно включаемые в черту растущего города, продолжают его за административными пределами.

Если бы даже Шамплен и Мэзоннев не обратили внимания на великолепную позицию, представляемую террасами у подошвы «Царственной горы», там всё равно возник бы, рано или поздно, важный город. Вынужденная остановка морского судоходства и перегрузка товаров между судами европейцев и берестяными лодками туземцев должны были вызвать к жизни складочный пункт в этом месте; кроме того, окружающие поля отличаются большим плодородием, и сельские хозяева края могут обменивать свои произведения на привозные

1 J. W. Dawson, „Fossil Men and their modern repreentatives“.

товары. К местным выгодам географического положения присоединяются другие благоприятные условия более общего характера, зависящие от рельефа и контуров этой части континента. Город стоит как раз в той точке, где линия низменностей, начинающаяся в Нью-Йоркском порте долиной Гудсона и озером Шамплен, пересекает впадину св. Лаврентия: здесь, следовательно, оканчивается естественная сухопутная дорога между великой канадской рекой и главным портом Соединенных Штатов; с другой стороны, Монреаль находится в месте реки, наименее удаленном от берегов Новой Англии; поэтому он должен стараться установить как можно скорее сообщение, через бреши аппалахской горной системы, с многочисленными заливами американского побережья, особенно Портлендским и Бостонским, с заливами, обеспечивающими ему новый торговый путь к Атлантическому океану. Он командует также всем бассейном Оттавы, до недавнего времени почти не населенным, но которому суждено быть усеянным городами и деревнями; затем он представляет естественный выход для торговли Онтарио, и через перешеек, усеянный озерами, который простирается к Георгиевской бухте, он предназначен сделаться складочным пунктом товаров, отправляемых с Великих озер—Гурона, Мичигана, Верхнего; наконец, с проведением прямой железной дороги, линии Soo или «Водопада» (Sault) св. Марии, он становится атлантическим портом Миннеаполиса и других городов на Миссисипи. Таким образом Монреаль является местом встречи главных путей Канады и значительной части Соединенных Штатов.

Однако, возрастание его в начале шло очень медленно. Недостаток цивилизованных населений в лаурентинских областях, враждебность страшных ирокезов, которые бродили в окрестных лесах, подкарауливая белых, чтобы скальпировать их, беспрестанные войны, приводившие в столкновение колонистов различной расы, французов и англичан, отсутствие всякой торговли с внутренними племенами, кроме скупки у них шкур пушного зверя, —всё это долго не позволяло городу извлекать пользу из естественных выгод местоположения. В 1689 г. Монреаль подвергается серьезной опасности быть разграбленным ирокезами, как его аванпост Лашин; вскоре после того городом овладели англичане, которым, однако, не удалось взять цитадели. Затем, в 1775 г., он занят был американцами. Быстрое движение в заселении и торговле этого города началось после образования Соединенных Штатов, и особенно в половине девятнадцатого столетия, со времени постройки каналов и железных дорог, расходящихся из Монреаля в разных направлениях. В настоящее время население монреальской группы, вместе с тяготеющими к ней в торговом отношении деревнями, превышает двести тысяч душ, составляя тридцатую часть общего числа жителей Северной Америки, лежащей к северу от Соединенных Штатов.

Возрастание населения Монреаля со времени его основания:

1672 г.—1.509 жит.; 1722 г.—3.000 жит.; 1765 г.—5.733 жит.; 1805 г.—12.000 жит.; 1821 г. —18.767 жит.; 1831 г.—31.516 жит.; 1851 г.—57.715 жит.; 1881 г.—140.747 жит.; 1887 г.— 180.000 жит.; 1891 г.—217.000 жителей.

План города, не отличаясь геометрической правильностью большинства американских городов, остался очень простым, несмотря на неровность почвы и включение предместий в городскую черту. Центр Монреаля по-прежнему составляет холм, на котором поселились первые колонисты: там находятся древнейшие здания, скромные постройка, свято сохраняемые, несмотря на их незатейливую архитектуру; там же сосредоточены самые пышные новейшие памятники зодчества—городская ратуша, здание судебных установлений, почтамт, важнейшие финансовые учреждения, две главные церкви, одна—самый обширный храм Канадской конфедерации, другая—самый старинный и наиболее чтимый храм Монреаля. Марсово поле, историческая площадь, где собираются граждане в дни политических волнений, также занимает часть этого центрального квартала. Проспект Богоматери (Notrt-Dame), который тянется от одного конца Монреаля до другого, на пространстве 10 километров, почти параллельно реке св. Лаврентия, продолжаясь с каждой стороны в поле дорогой, обсаженной деревьями, есть первая улица, открывшаяся на гребне горки «Города Пресвятой Девы Марии» (Ville-Marie). Другие продольные проспекты идут в том же направлении, как про-

спект Богоматери и река, течение которой направляется в этом месте почти с юга на север, а поперечные улицы, расположенные с востока на запад, поднимаются с террасы на террасу к основанию горы Мон-Ройяль. Самые богатые и вместе с тем самые здоровые кварталы прилегают к этой горе. Главные строительные материалы здесь, как и вообще в больших городах Верхней Канады,—дерево и кирпич, но лучшие здания построены из очень твердого, немного тусклого, известкового камня, добываемого на соседних ломках; самые богатые построены из красного песчаника, привозимого из Соединенных Штатов, и украшены гранитными колоннами и облицовками, частию шотландского происхождения.

Монреаль—город двойственный. Контраст, представляемый Канадской державой в её совокупности, контраст двух рас, борющихся из-за преобладания, повторяется и в этом большом городе: две нации, два языка сталкиваются здесь, как в некоторых городах Швейцарии, Фрейбурге или Биение (Биле), например, и также подают повод к соперничеству религиозному, политическому, социальному, которое, впрочем, редко приводит к серьезным столкновениям; соперничество это утрачивает свой острый характер именно благодаря своей непрерывности, а также благодаря избирательным агитациям, которые заменяют серьезные вопросы именами честолюбивых кандидатов. Франко-канадцы составляют большинство населения, и процентное отношение их год от году возрастает, вследствие превышения числа рождений над числом смертных случаев. Ещё в пятидесятых годах настоящего столетия число французов по расе и языку не достигало и половины общего числа жителей, теперь же оно далеко перешло за половину. А между тем смертность между ними также гораздо сильнее, чем между другими монреальцами; во время оспенной эпидемии на 3.164 умерших приходилось 2.887 французов.

Распределение населения Монреаля по национальностям, в 1887 г.[1]:

Французов—118.819; англичан—23.028; шотландцев—17.555; ирландцев—39.710.

Рождаемость у французов Монреаля в 1888 г.: 6.284, или 54,68 на 1.000; рождаемость у др. католиков (ирландц. и пр.):—1.083 или 30,48 на 1.000; рождаемость у протестантов—1.291 или 25,16 на 1000; итого—8.658 или 42,91 на 1.000.

Смертность у французов Монреаля в 1887 г.—4.056 или 36,14 на 1,000; смертность у ирландцев—1.068 или 26,89 на 1.000; смертность у англичан—518 или 22,49 на 1.000; смертность у шотландцев—276 или 15,72 на 1.000; итого 5.918 иля 27,96 на 1.000.

Численное отношение французов к другом жителям Монреаля:

В 1851 г.—451 на 1.000; в 1861—482 на 1.000; в 1871 г.—530 на 1.000; в 1881 г.—559 на 1.000; в 1887 г.—611 на 1.000.

Иммиграция поселян в города, общее явление во всех промышленных странах, также способствует увеличению пропорциональной доли жителей французского языка. Однако, этот численно преобладающий элемент монреальского населения не является элементом преобладающим также по инициативе и духу предприимчивости. Франко-канадцы составляют меньшинство между именитым купечеством и банкирами. Промышленность и предприятия, сопряженные с непредвиденным риском, предоставляются вообще англо-канадцам, шотландцам, переселившимся американцам. Что касается франко-канадских чиновников и служащих, то они не равняются своим собратам английского происхождения, на долю которых достается наибольшее число мест, и при том наилучше оплачиваемых. Самые элегантные кварталы, окруженные лужайками и бульварами, принадлежат главным образом англичанам; квартал св. Антония, где французская речь слышится лишь в исключительных случаях, один доставляет более трети всей суммы налога с городских недвижимых имуществ. Что касается ирландцев, католиков, как и франко-канадцы, но их соперников в мелких ремеслах и работе на фабриках и заводах, почти всегда также их политических противников и их врагов, то они занимают преимущественно юго-восточные островки в квартале Гриффин-таун, расположенном в низменной, прежде болотистой местности вдоль реки, выше города. Итальянская колония Монреаля, которая, без сомнения, рано или поздно со-

1 Louis Laberge, рукописные заметки.

льется с французскими канадцами, быстро растет; но немцев очень мало в канадском городе: присвоивающие себе это имя—по большей части евреи из Силезии, Польши, Австрии и России, закладчики и старьевщики.

Чтобы окинуть одним взглядом весь город и его предместья, с их разнородным населением, надо подняться на «Царственную гору», куда ведет шоссе и наклонная железная дорога. Вершина этой горы представляет чудный парк, тем более привлекательный, что он почти совершенно оставлен в природном состоянии леса. Между просветами деревьев зритель видит у себя под ногами обширную шахматную доску города, с его розовыми домами и серыми крышами, обрамленными, от островка до островка, зеленью бульваров и променад. Колокольни, куполы, бельведеры указывают выдающиеся здания города; вдали и вдоль порта виднеются высокие трубы фабрик и заводов, пирамидальные кровли хлебных элеваторов, локомотивы и пароходы, проводящие на горизонте полосы пара и дыма; но сквозь этот туман, разрываемый там и сям ветром, видна вдали громадная река, шириной в три километра, река, которую скорее можно принять за спокойное озеро, разделенное на два бассейна холмами острова св. Елены; к верховью различаешь косую линию моста, перекинутого через этот могучий поток св. Лаврентия, и в ясную погоду взор может простираться, говорят, за большие равнины Ришелье, до озера Шамплен и до гор Вермонта. На запад от горы Мон-Ройяль, вид, более свободный в более чистом пространстве, направляется за Оттаву, к большим внутренним лесам. Кладбища помещаются на западной стороне горы; водоприемные резервуары вырыты на той же горе, прямо над городом. Главный бассейн содержит около 16.000 тонн воды, взятой из реки св. Лаврентия, почти в 3 километрах выше порогов. Количество воды, которым может располагать город, составляет не менее 3 кубич. метров в день на каждого жителя[1].

Кроме великолепного «парка Горы», Монреаль обладает ещё другим чудом этого рода—островным парком. Остров св. Елены, лежащий в 600 метрах от набережных, против низовой части, также обращен в публичный сад, за исключением плаца, употребляемого федеральным правительством для военных упражнений. Названный так в честь жены Шамплена, остров этот представляет маленький массив скалистых холмов, параллельных горе Мон-Ройяль, и из его кленовых и ильмовых аллей, с его лужаек, усеянных душистыми зонтичными растениями, можно любоваться постоянно меняющейся картиной судов и реки; выступы подводных скал, одни едва достигающие поверхности воды и увенчанные букетом травы, другие, указываемые только плеском волн, следуют непрерывным рядом между большим островом и правым берегом св. Лаврентия. На острове св. Елены в 1760 году была подписана капитуляция Монреаля, и последний клочек земли, занятый французами, перешел в руки британских завоевателей; однако, канадские жители поселения при водопаде св. Марии (Sault Sainte-Marie), остававшиеся в стороне от событий, среди своих пустынь, ещё долго после того распускали французское знамя. Лемуан д'Ибервиль, канадский завоеватель, победоносно прошедший на север—до Гудсонова моря, на юг—до Мексиканского залива, был уроженец Монреаля.

Хотя Монреаль лежит в 1.825 километрах от пролива Бель-Иль, портала Атлантического океана, и в 159 километрах от крайнего пункта, до которого поднимается морской пролив, он, тем не менее,—морской порт. Прежде он был доступен только морским судам величиной не более, как в 300 тонн; но расчистка дна озера св. Петра, с помощью землечерпательных машин, дала возможность самым большим океанским кораблям приставать вплотную к набережным Монреаля: ни в каком другом месте земного шара не увидишь громадных пароходов в 5.000 тонн, с осадкой до 9 метров, проникающих так далеко внутрь континента.

Движение судоходства в Монреальском порте в 1888 г.: 655 морских судов, вместим. 782.472 тонны; 5.500 озерных и речных, вместим. 861.014 тонны; всего—6.155 судов, вместим. 1.643.486 тонн.

Обороты внешней торговли Монреаля в 1893 г.: ввоз—50.321.896 доллар.; вывоз—

1 Vincent, „Contribution a la Geographie medicale".

47.003.993 доллар.

Большие парусные суда тоже могли бы подниматься вверх по реке, но значительные расходы, сопряженные с плаванием против течения во многих узких проходах, и неизбежная потеря времени мешают этим судам пользоваться речным путем. Оттого порт этот представляет своеобразное зрелище: там всегда видишь только пароходы, большие и маленькие, пакетботы, буксиры, любительские пароходы, паровые паромы и тяжеловесные шаланды. Монреаль—один из первых городов, где был сделан опыт плавания при помощи пара: с 1809 г. «огненное судно» (pyroscaphe) совершало рейсы из этого города в Квебек. Суда, везущие произведения верховых территорий по Лашинскому каналу, останавливаются в обширных доках, устроенных у мыса св. Карла, в южной части города. Торговля локализировалась вдоль берега; тут выгружают уголь и руды; там—европейские товары; дальше—хлеб в зерне, а ниже города—бревна и доски. Благодаря относительной дешевизне речного судоходства, почти все товары, идущие на восток, направляются по водному пути св. Лаврентия, тогда

Ледяные сталактиты на фасадѣ горѣвшаго дома, въ Монреалѣ.

как грузы, отправляемые на запад, следуют преимущественно по железным дорогам. Большинство фабрик и заводов помещаются в непосредственном соседстве с рекой. Монреаль—главный и самый деятельный промышленный центр всей Канадской конфедерации.

Между американскими городами, которые по большей части представляют вдоль своих гаваней, морских или речных, целый лабиринт пристаней, верфей и доков, Монреаль отличается правильностью своей вертикальной набережной, окаймляющей его могучую реку, и над которой господствует высокая плотина, идущая перед фасадами прибрежных домов. Все эти сооружения построены очень солидно, для того, чтобы могли выдерживать напор потока, который весной, во время вскрытия реки, нагромождает у берегов огромные массы льда. На озере св. Людовика, лед, уже тронутый весенним таянием, трескается, распадается на отдельные куски, затем, уносимый стремительным потоком Лашинского водопада, скопляется у Монреаля и преграждает течение. Задерживаемые внизу сплошным ледяным мостом, ещё не разломившимся, льдины громоздятся одна на другую, и иногда, поднятые водою, при по-

вышении её уровня выше затора, вздымаются метров на десять, в виде огромных масс, нависших над набережными, на уровне полувысоты домов. В предвидении напора льдов, жете пристаней, составленные из огромных бревенчатых срубов, убирала с берега перед наступлением зимы и отводили в какое-нибудь безопасное место. Тогда вода переливается через плотины и затопляет все низменные части; улицы Гриффин-Тоуна и других южных кварталов иногда бывали покрыты на два или на три метра водою. После таких наводнений почва долгое время остается сырой, что способствует относительной нездоровости Монреаля, в сравнении с большинством других канадских городов. Предпринятые теперь обширные гидравлические работы, быть-может, оградят его в будущем от возможности подобных катастроф: надеются, что сооружаемая солидная бревенчатая плотина будет задерживать льды озера св. Людовика и регулировать движение плавучего льда. Оправдаются или нет эти надежды, во всяком случае теперь стараются докончить ряд набережных и дать ему окончательный профиль.

В обыкновенные годы предосторожности, принимаемые прибрежными жителями, достаточны для устранения опасности. Вообще наводнения довольно редко, реже, чем пожары, беспокоят Монреаль, для которого зима—сезон увеселений, с катаньем на санках с колокольчиками, звонко заливающимися в морозном воздухе, и с катаньем на лыжах по снежным скатам гор. Дети весело лепят фигуры из снега; подобно тому, как в Петербурге, здесь устраивают ледяной дворец с галлереями и башнями, освещенными электричеством. Монреаль—один из тех городов Америки, где люди умеют веселиться просто, без формализма в деле туалета и без светских условностей. Лишенный звания столицы в 1849 году и очищенный английским гарнизоном, которым командовали офицеры из артиллерии, Монреаль усвоил себе относительно простые нравы, исполненные демократической сердечности. Но хотя в нём адвокаты насчитываются сотнями, он, вероятно, стоит ниже Торонто по среднему уровню образования: в нём имеется английский университет Мак-Джилля, посещаемый пятью стами студентов, другая высшая школа, соответствующая отделению Квебекского Лавалевского университета, которая, вероятно, в скором времени превзойдет этот последний по части изучения медицины; кроме того, здесь есть духовная семинария, нормальная школа и другие учебные заведения.

Сообщение Монреаля с его предместьями на правом берегу, от которых он отделен огромной рекой, довольно затруднительно. Мост Виктория, построенный через реку св. Лаврентия, выше города, едва-ли можно считать принадлежащим к Монреалю, так как на нём нет пути для проезда экипажей, ни даже тротуара для пешеходов; он служит единственно для прохода железнодорожных поездов, которые погружаются в черную трубу, «воздушный тунель»; пассажиры не могут ни на одно мгновение полюбоваться видом могучей реки, над которой они мчатся среди оглушительного металлического звона.

Это колоссальное сооружение, простая труба из листового железа, поставленная на каменных столбах, не имеет претензии на архитектурную красоту, но, тем не менее, оно поражает громадностью своих размеров. Его двадцать пять пролетов, из которых один, средний, более ста метров длиной, и береговые устои имеют, все вместе, 2.637 метров длины: нужно быть уже на большом расстоянии, чтобы окинуть одним взглядом весь этот гигантский памятник; для зрителя, стоящего на одном из берегов, мост теряется в тумане противоположного берега. Со стороны верховья быки, стоящие в воде на глубине 50 метров, снабжены выступами в форме шпор, для разбивания льда и отбрасывания его вправо и влево; тем не менее, напор льда часто колеблет их, и они требуют почти постоянного ремонта. Из всех сооружений этого рода Монреальский мост, построенный по плану Росса и Стефенсона, есть самое большое по размерам и самое смелое по замыслу; он был открыт для движения в 1859 году, после шестилетних работ (постройка его обошлась в 37.500.000 франк.). Близ входа в этот мост-трубу, большой камень указывает место, где были погребены, летом 1847 года, 6.500 ирландцев-эмигрантов, унесенных в могилу корабельным тифом, следовавшим за целой жизнью в нищете и голоде.

Вероятно, в близком будущем Монреаль будет соединен другим мостом, который, начинаясь у мыса Сен-Шарль, выше порта, направятся наискось к острову св. Елены, минуя стремительный поток св. Марии, идущий вдоль города в низовой части. Что касается половины этого проектированного моста, заключающейся между островом св. Елены и восточным берегом, то постройка её не представит никакой трудности, в виду малой глубины каменистого ложа. Это свойство речного дна сильно затрудняло движение паровых паромов между Монреалем и деревней св. Ламберта: принуждены были строить очень длинный амбаркадер который каждую весну разрушался ледоходом[1]. Большое местечко Лонгейль, величественная церковь которого видна за десятки верст, имеет более легкое сообщение с Монреалем, при помощи парового парома. Недавно, в суровую зиму, была проложена железная дорога по льду; но после нескольких месяцев правильной службы локомотив продавил кристаллический слой, и пассажиры не решались более пускаться по треснувшему ледяному покрову реки.

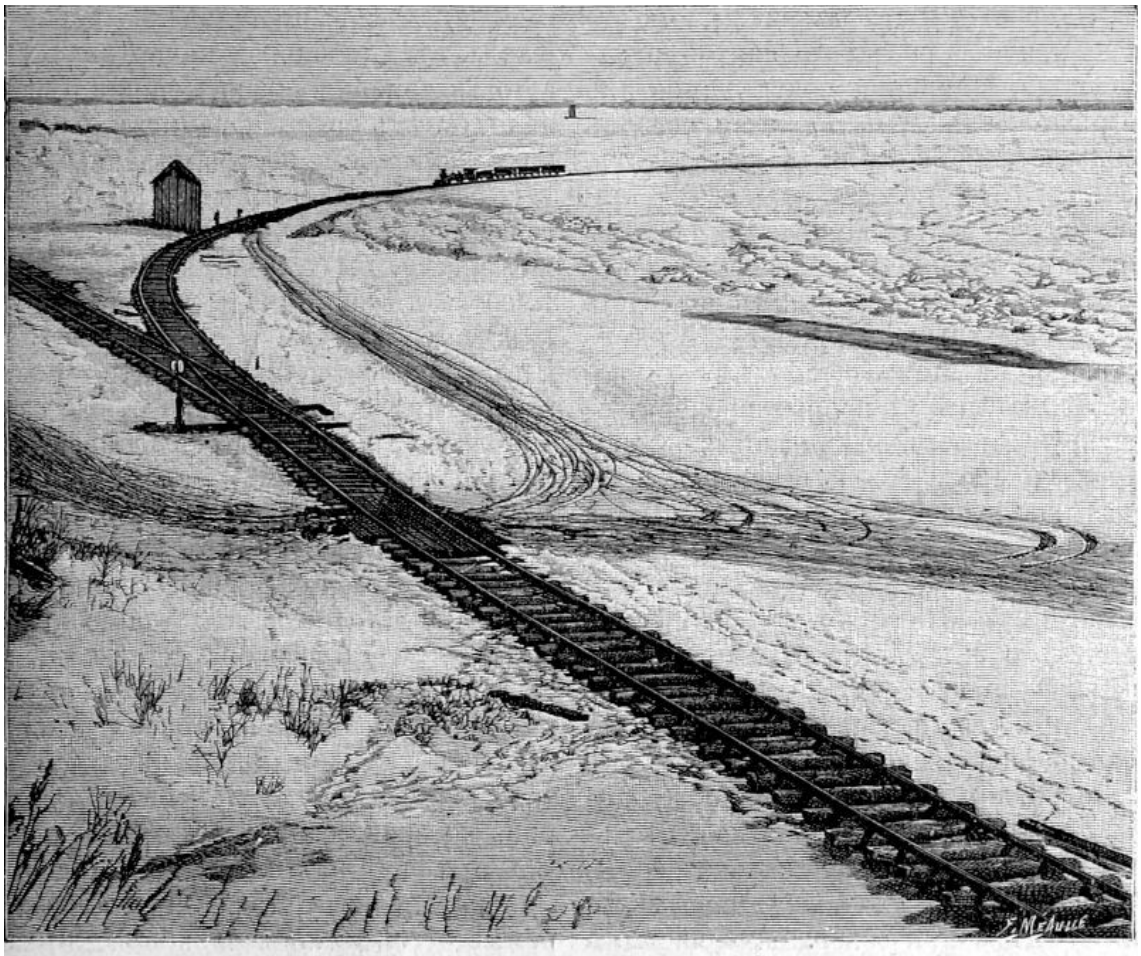
Можно сказать, что от Монреаля до Квебека и Сент-Анн, на левом, и до Ривьер-дю-Лу, на правом берегу, жилища следуют одно за другим непрерывным рядом вдоль большой дороги, образуя как бы одно сплошное поселение: в среднем, земельные участки простираются вглубь версты на две, но они очень узки, в 57 или в 114 метров шириной; цель такой распланировки та, чтобы каждый житель мог пользоваться видом реки, соседством торгового пути и посещением проезжих; там и сям дома группируются вокруг церкви, образуется отдельное село, принимающее обыкновенно имя какого-нибудь святого. Бушервиль, следующий за Лонгёйлем, на правом берегу, почти скрыт за рядом лесистых островов, славящихся в мире охотников обилием диких уток. Весной, во время вскрытия реки, острова эти задерживают плывущий сверху лед, вследствие чего там часто образуются заторы, долго стесняющие судоходство; проливы между островками постепенно заваливаются песком, набрасываемым землечерпальными машинами, посредством которых производится расчистка дна монреальского порта, так что есть основание опасаться, что со временем этот архипелаг соединится с твердой землей. Ниже по реке, на том же берегу, показывается Варенн, соляные источники которого привлекают много посетителей во время летнего сезона. Почти против Варенна, по другую сторону острова св. Терезы, к реке св. Лаврентия присоединяется северная ветвь Оттавы, подразделяющаяся на два рукава вокруг острова Иисуса. По берегам этих рек разсеяно много деревень, но ни одна из них не приобрела торгового или промышленного значения. Самое бойкое из этих подгородных селений, Sault-aux-Recollets, названное так от порогов Луговой реки (riviere des Prairies), отделено от Монреаля холмами парка. Другое село, св. Терезы, лежащее внутри материка, в некотором расстоянии от реки, важно как узловая станция железных дорог.

Между Монреальским архипелагом и устьем реки Ришелье, на берегах св. Лаврентия встречаются лишь незначительные деревни, состоящие из единственной улицы; самое многолюдное местечко, Ассомпсион (Успенское), лежит в нескольких верстах от берега, внутри материка, среди зеленеющей равнины, окруженной судоходной рекой, по которой ходят пароходы. Но устье реки Ришелье представляет на своем полуострове настолько благоприятное местоположение, что там не могло не возникнуть городское поселение. Город этот, называемый Сорель и расположенный на высоком берегу, против группы островов, наполняющих озеро св. Петра,—очень оживленная пристань пароходов, плавающих по рекам св. Лаврентия и Ришелье; судоходство останавливается в бассейне Шамбли, расширяющемся в виде озера и командуемом старой полуразвалившейся французской крепостью; далее, пороги преграждают плавание по Ришелье, и суда должны идти обходным каналом, чтобы подняться до Сен-Жана или Сент-Джона, города, получившего некоторое значение, как страж на границе с Соединенными Штатами. На реке Ямаске, Фарнгам, узловая станция нескольких железных дорог, играет, в торговом отношении, такую же роль, как Сен-Жан, а севернее, в той же долине, находится промышленный город св. Гиацинта (Сент-Гиасинт),

1 Romeo Stevens, рукописные заметки.

один из первых городов Канады после Монреаля и Квебека. Другая река, впадающая в озеро св. Петра, почти рядом с дельтой Ямаски, заключает в своем бассейне самые населенные местности края, известного под именем «восточных кантонов». Главный город этого края, Шербрук, с многочисленными фабриками, суконными, писчебумажными, стальных изделий, господствует с высоты своего холма над слиянием рек св. Франциска и Магога. Деревня Магог, на северной оконечности озера Мемфремагог, имеет большую бумагопрядильню. Ниже слияния, на повороте реки св. Франциска, стоит городок Ленноксвиль, один из университетских центров конфедерации, канадский «Оксфорд».

Болотистые берега озера св. Петра не пригодны для обитания: почти все поселения, на севере—Бертье и Ривьер-дю-Лу («Волчья река») или Луизвиль, на юге—Ямаска, Сен-Франсуа, Бэ-дю-Фебер (Сент-Антуан), Николе, построены в некотором расстоянии от прибрежья. Луизвиль посещается главным образом ради соляных источников, находящихся в соседней деревне Сен-Леон; Николе замечателен как местопребывание одного из главных

Желѣзная дорога, проложенная по льду на рѣкѣ св. Лаврентія, въ Монреалѣ.

учебных заведений Канады; в Сен-Франсуа и Беканкуре существуют колонии цивилизовавшихся абенаки, заключающие в себе, все вместе, около 560 душ населения. Центр лаурентинской торговли между Монреалем и Квебеком находится в городе Труа-Ривьев (Триречье), лежащем не на озере, а верстах в десяти ниже, при слияния св. Лаврентия и св. Маврикия; имя это дано ему по причине разветвляющихся рукавов низовья св. Маврикия; почти напротив впадает река Беканкур, окружая остров своими болотистыми водами. Город этот, основанный в 1618 г., т.е., за двадцать четыре года до основания Монреаля, обязан своим важным значением морскому приливу, позволяющему большим судам подходить к самым набережным его порта. Альгонкины построили в этом месте нечто вроде укрепления, затем, в первые времена колонизации, Труа-Ривьер был оплотом французов против ирокезов и главным рынком канадской меховой торговли. Он ведет большую торговлю лесом, до-

ставляемым с верховьев реки св. Маврикия, из поселений Сент-Текль, Тюк, Пиль; но устроенные в окрестностях его железоделательные заводы, обработывавшие превосходную местную руду уже с 1737 г., так что их можно считать первыми по времени заводами этого рода в Канаде и, может-быть, даже вообще в Новом Свете[1], давно прекратили свою деятельность. Со времени возрождения канадской литературы округ Трех Рек выделялся тем, что жители его говорили совершенно чистым французским языком. Город Труа-Ривьер—родина путешественника Варенн-де-ла-Верандри.

Далее, на левом берегу, по направлению к Квебеку, рассеяно несколько живописных селений, но ни одно из них не поднялось на степень города, и могучия реки, сливающие свои воды с водами св. Лаврентия, протекают по местностям, почти не обитаемым. На правом берегу самое многолюдное местечко—Лобиньер, где есть несколько мануфактур. Но чем ближе к Квебеку, тем берега св. Лаврентия становятся населеннее. Ниже Шодьера и Красного мыса, на обоих берегах тянется непрерывная цепь деревень, носящих разные имена.

Квебек, прежде столица Канады, а теперь главный город одной из провинций, составляющих Канадский союз, есть один из старейших городов Нового Света и по преимуществу исторический город области св. Лаврентия: американцы посещают его с тем же чувством, которое приводит европейцев в Афины и в Мемфис[2]. Политические судьбы страны разыгрывались на высоком мысу, господствующем над великой канадской рекой и слиянием её с рекой св. Карла. «Деревня», или *канада*[3], которую сменил французский город, есть, вероятно, та самая, которая дала свое имя всей стране. Жак Картье провел свою первую зиму, в 1535 году, в лесной прогалине на берегу реки св. Карла, в Стадаконэ, напротив холма, который теперь венчают башни Квебека. Пятнадцать лет спустя, французский путешественник вернулся и построил передвижной редут на Красном мысе, выше нынешнего города; но его лагерь, угрожаемый окрестными индейцами, был вскоре покинут. Начало Квебека и всей Канады относится к первым годам семнадцатого столетия: в 1608 году Шамплен построил первые хижины будущего города, индейское имя которого, означающее «пролив», по мнению большинства этимологов, обязано своим происхождением малой ширине реки непосредственно выше лимана. В самом деле, против Квебека находится последнее сужение речного русла, и одно из наименее широких: расстояние от берега до берега, между Квебеком и Левисом, не превышает 1.200 метров; и это пространство, которое показалось бы очень большим для любой реки западной Европы, кажется дотого узким для св. Лаврентия, средняя ширина которого в три или четыре раза больше, что, при виде этой быстрой и глубокой части Лаурентинского потока, невольно ищешь взором другой рукав: во время прилива бассейн св. Карла, находящийся тотчас за мысом, на котором расположен Квебек, разливается на гораздо более обширное пространство, так что задаешь себе вопрос, не есть ли эта водная площадь—главная река? Во всяком случае это—начало громадного лимана, который образует, во всей нижней части своего течения, река св. Лаврентия, соединяясь с морскими водами, и который затем переходит в залив, представляющий настоящее средиземное море между полуостровом Гаспэ, Лабрадором и Нью-Фаундлендом.

Едва основанный, Квебек должен был выдерживать нападения врагов. В 1628 году некто Керт из Диеппа, состоявший на английской службе, атаковал это поселение с целой флотилией; вынужденный ретироваться без успеха, он явился в следующем году и, после продолжительной блокады, овладел нарождающимся городом. В то время население Квебека состояло всего только из 107 жителей; только одно или два семейства сами производили предметы первой необходимости, обработывая землю; все же остальные получали жизненные припасы из метрополии, и малейшее замедление в доставке продовольствия влекло за собою голодовки и болезни[4]. Три года спустя Квебек был возвращен Франции, но развитие его шло очень

1 Wurtele, „Transactions of the R. Society of Canada“, 1886.
2 G. Kohl, „Travels in Canada“.
3 Jacques Cartier, „Bref recit de la Navigation aux iles de Canada“.
4 F. X. Garneau;—Sulte, etc.

медленно. Малочисленные колонисты, преимущественно из солдат, оставшихся в крае по окончании срока службы, женились на туземках, и основывавшиеся таким образом семьи большею частью возвращались в среду дикого населения: канадское общество ведет свое начало собственно со времени привоза в колонию молодых девушек из Франции. Новые семейства почти все группировались в Квебеке, откуда они выделяли из себя молодые рои вверх и вниз по реке.

Английские колонисты Бостона не могли оставить французскую колонию мирно развиваться в той угрожающей позиции, которую она занимала в тылу британской территории. В 1690 г., Фронтенак должен был отражать нападение бостонского флота; в 1711 году, другой флот, отправленный тоже из Бостона для захвата французской крепости, погиб почти весь в рифах, не дойдя до города; но в 1759 году началась развязка роковой драмы. Вольф явился перед Квебеком с 8.000 английских солдат, и дал сражение французскому войску, под командой Монткальма, в равнинах Бопор, отделенных от города устьем реки св. Карла. Он был разбит, но сумел самое поражение обратить в победу: темной ночью, англичане, поднявшись на судах вверх по реке, обошли цитадель, чтобы взобраться на холм с западной стороны и взять укрепление с тылу, прежде чем Монткальм успел привести в порядок свое войско. Завязалась новая битва, и французская армия должна была отступить за реку св. Карла. Оба генерала погибли, погребенные один—в своем торжестве, другой—в своем поражении. В следующем году борьба возобновилась, и французы, в свою очередь, осадили город. Кровопролитная битва заставила британский гарнизон поспешно отступить с поля сражения и запереться в стенах Квебека; казалось, дело должно было кончиться обратным завоеванием Канады Францией, как вдруг в порте появился английский флот, пришедший на помощь осажденным. Три года спустя, Парижский трактат окончательно закрепил английское господство на берегах св. Лаврентия.

Однако, Квебеку пришлось ещё раз выдержать осаду. В 1775 г., во время войны за независимость Соединенных Штатов, американцы пытались вырвать его из рук англичан; но предприятие это не удалось, и с той поры Квебек получил прозвище «американского Гибралтара». Цитадель, венчающая вершину Алмазного мыса, над крутыми скатами, почти неприступными со стороны реки, заботливо поддерживается как крепость, хотя в ней не стоит уже британский гарнизон. Старые городские валы, давно перейденные новыми кварталами, тоже сохраняются в верхней части, но ворота перестроены для облегчения проезда экипажам, аппроши и рвы обращены в бульвары, променады, лужайки для игр детей. Стены цитадели и высокие мысы города защищены батареями. Новейшие укрепления, возведенные напротив Квебека, на высотах мыса Левис, дополняют военное заграждение реки св. Лаврентия.

С главной реки или с высот Левис город кажется небольшим. Валы, откосы цитадели занимают большую часть холма, несколько зданий вырисовывают свои профили над склонами, а вдоль берега тянется узкая полоса нижнего города, которому грозят потрескавшиеся скалы крепости; было уже три обвала, и каждый из них раздавил несколько домов, вместе с их обитателями; для предупреждения таких катастроф, следовало бы, после постройки нового предместья в другом безопасном месте, срыть угрожаемый квартал, называемый Шампленовским, и заменить газонами его почернелые и покрившиеся лачуги. Новый город раскинулся позади Алмазного мыса, в равнине и на покатости реки св. Карла. Главную красу Квебека составляет чудная панорама, развертывающаяся перед взорами зрителя с высоты цитадели, университета и террасы Дюфферина, широкой эспланады, проложенной на половине косогора, над рекой св. Лаврентия и лиманом. Внизу, полукруг домов огибает холм, и целый новый квартал, занятый сплошь складочными магазинами и доками, вытянулся длинным мысом между двумя водными площадями. Могучая река, дважды в сутки текущая обратно под влиянием морского прилива, проходит у самого подножия города в своем проливе; паровые паромы поддерживают сообщение между двумя берегами, а на высоком крутояре Левис деревни следуют одна за другой длинным рядом, прерываемым кое-где полоса-

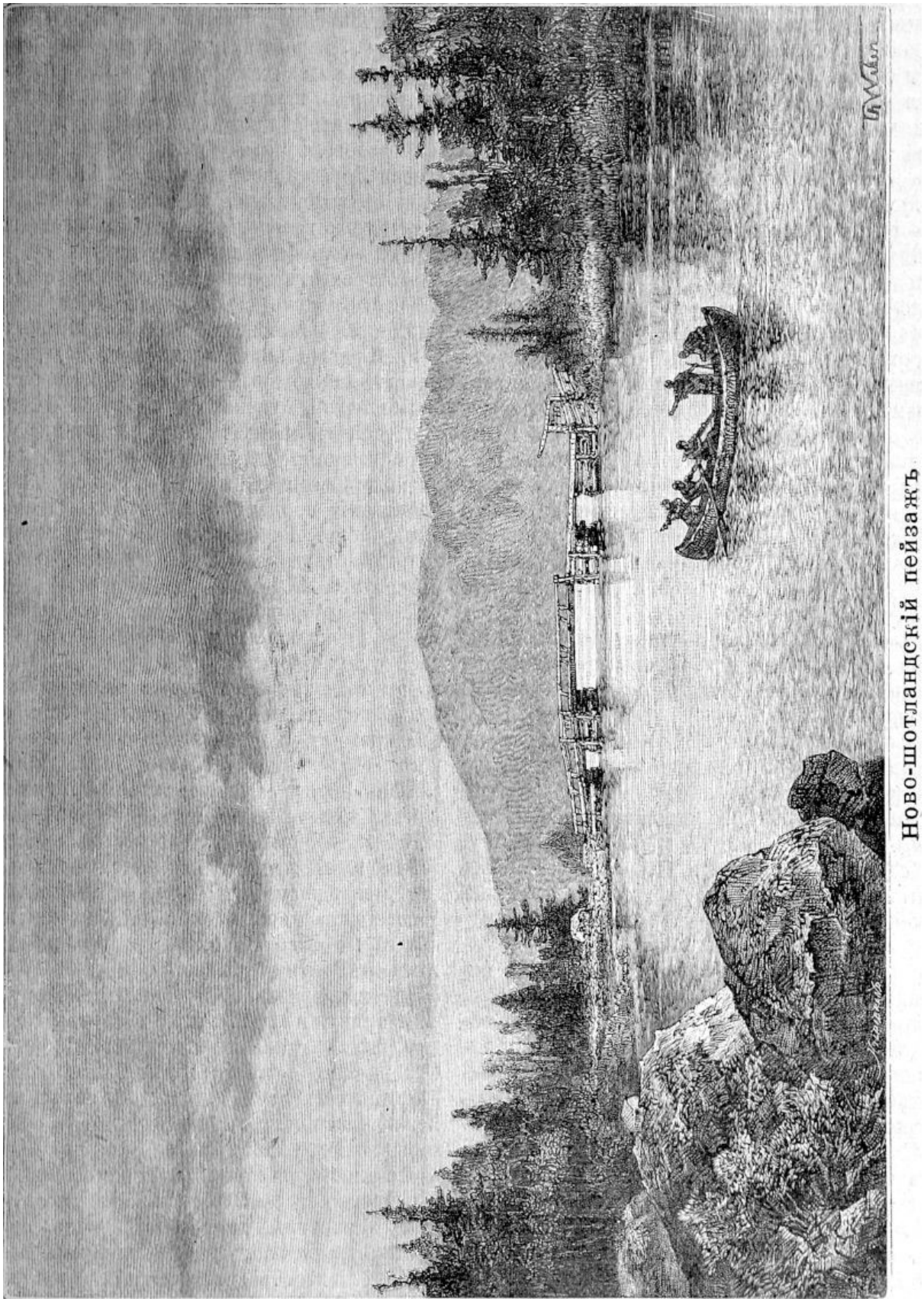
ми растительности. Вдали, между расширившимися рукавами св. Лаврентия, показываются зеленеющие и слегка волнистые поля Орлеанского острова. Ещё более живописные, равнины левого берега теряются на север в синеватой дымке, на половину скрывающей отдаленные выступы гор и горделивый купол мыса Бурь.

Кроме цитадели и эспланады Дюфферина, Квебек имеет свои исторические памятники: в этом отношении у него мало соперников в Новом Свете. На соседней с крепостью площади стоит обелиск, воздвигнутый в память двух военачальников, Вольфа и Монткальма, «соединенных смертью, славой и общей могилой, которую дало им потомство». Другие колонны, за городом, напоминают последние битвы, в равнине Авраама и при Сент-Фуа. На берегу реки св. Карла, недавно поставлена колонна на месте зимовки Жака Картье во время его путешествия с целью исследования этой неведомой в то время страны. Во дворе одного дома найдена могила, как полагают, Шамплена; показывают также жилище, где скончался Монткальм. В некоторых зданиях религиозного характера, в соборе, в других церквах, монастырях и духовных семинариях, можно встретить замечательные произведения церковной живописи, относящиеся по большей части к эпохе, предшествующей французской революции. К сожалению, для картин, книг и коллекций не устроено ещё несгораемого помещения, а между тем история канадских библиотек сливается с историей пожаров: «наши книгохранилища служат пищей не столько для ума, сколько для огня», гласит местная поговорка. Лавалевский университет, названный так по имени прелата, который основал в 1663 г. духовную семинарию, преобразованную, в половине девятнадцатого столетия, в высшее светское учебное заведение, заключает в себе, между прочим, настоящий художественный музей, с произведениями Тинторета, Пюже, Рубенса: это лучшая картинная галлерея в Америке к северу от Бостона. Библиотека, состоящая из сотни тысяч томов, отличается образцовой классификацией собранного в ней материала, и по богатству уступает только библиотеке нынешней столицы Канады; минералогической кабинет был составлен известным минералогом Гаюи специально для канадской главной школы.

Квебек теперь уже не первый город Канадской конфедерации: он занимает только третье место, после Монреаля и Торонто, и судя по его медленному росту, скоро будет превзойден некоторыми другими городами, более молодыми и более деятельными. В настоящее время в нём насчитывается около 90.000 жителей, включая сюда население предместий левого берега и даже деревень правого берега, которые должны быть рассматриваемы как часть квебекской аггломерации, так как они участвуют в торговле города и составляют его тет-де-пон для железнодорожных линий, соединяющих его с Новым Брауншвейгом и с Соединенными Штатами. Число жителей собственно Квебека, по переписи 1891 г.: 63.000.

Без сомнения, Квебек обладает превосходным портом, который теперь дополнен и доками; до расчистки фарватера в озере св. Петра большие морские корабли должны были останавливаться у подножия Алмазного мыса, в первом сужении реки, да и теперь ещё парусные суда редко поднимаются выше этого пункта; но пароходы могут отныне плыть прямо к Монреалю; в последнее время размеры судоходства квебекского порта значительно уменьшились; так в 1876 г. движение судоходства в этом порте выразилось цифрой 711.386 тонн, а в 1885 г. оно сократилось до 562.064 тонн. Кроме того, этот город представляет то неудобство, что он лежит в слишком холодном климате, при реке, замерзающей на продолжительное время; он не имеет за собой, как Монреаль, а особенно как Торонто, обширной области снабжения; с северной стороны, он почти граничит с пустынями, простирающимися к Гудсонову морю, и только в самое недавнее время к сети его путей сообщения прибавились две первые железные дороги, направляющиеся на север: линия, идущая к берегам озера св. Иоанна, и линия, проведенная по левому берегу реки к Монморанси и Сент-Анн. Важнейшая отрасль местной торговли—сбыт леса, канадского и американского, доставляемого с рек Оттавы и св. Маврикия, с Мичигана и Моми; берега св. Лаврентия выше города, в Силлери, в Сент-Ромуальде, усеяны складами бревен и досок. Постройка деревянных судов, составлявшая прежде главный промысел Квебека и его пригорода Левиса, теперь почти совер-

шенно прекратилась; здесь, бывало, сооружали даже суда слишком в 3.000 тонн, но то были суда только по имени, а в действительности—компактные массы леса, которые отправляли под видом судов в Англию, где их тотчас разбирали и распиливали на доски; этим способом

Ново-шотландскій пейзажъ

обходили таможенный закон, дозволявший беспошлинный ввоз судов и облагавший большой пошлиной ввоз лесных материалов. В настоящее время самые деятельные мануфактуры Квебека—мастерские обуви, кожа для которых привозится преимущественно из

Буэнос-Айреса.

Город сообщается со своими железнодорожными станциями и предместьями противоположного берега только посредством паровых паромов, которым предоставлена монополия перевозки через реку. Паромы эти в зимнее время снабжены спереди ледорезами; иногда, в очень сильные холода, «ледяной мост» становится слишком толстым и слишком твердым, чтобы машина могла пробивать себе дорогу. Однажды, в половине настоящего столетия, «мост» этот установился в одну ночь, от порогов Лашина до Журавлиного острова, ниже Квебека, на протяжение 350 километров. Тогда св. Лаврентий имеет вид бесконечной белой или серой равнины, часто замаскировываемой вихрем снежной пыли и исполосованной от города до города дорогами и тропинками, проложенными санями и пешеходами; средством сообщения служат также легкия лодки на полозьях и с парусами, быстро скользящие по хрустальному полу реки. Весьма возможно, что в близком будущем построят мост между двумя берегами; но это предприятие, задуманное инженерами-путейцами, вероятно, не облегчит прямого сообщения между собственно Квебеком и его заречными предместьями. По всей вероятности, и тут, как это было в Монреале, дело идет о сооружении железнодорожного моста выше города, единственно для соединения рельсовых путей, без пропуска экипажей и пешеходов. Предполагают провести будущий мост от Красного мыса, верстах в десяти южнее Квебека, почти напротив того места, где приток Шодьер впадает в реку св. Лаврентия. У Красного мыса река суживается до 800 метров: это самое узкое место ниже порогов Лашина; но глубина русла доходит здесь до 90 метров. Два гранитных устоя, построенные вблизи берегов на глубине около 13 метров, будут поддерживать центральный пролет, длиною в 440 метров, при высоте 136 метров над поверхностью воды. Нет сомнения, что это проектируемое грандиозное сооружение, по размерам почти не уступающее железнодорожному мосту через залив Форт, в Шотландии, повлечет за собою перемещение торговли немного выше по реке: деревня Силлери, славящаяся теперь своим живописным местоположением, своими рощами и лужайками, примет совсем другой вид, когда застроится пристанями, верфями и амбарами для склада товаров.

В окрестностях есть много живописных мест, главную прелесть которых составляет обилие проточных вод и каскадов, таковы: водопад Новой Лоретты, водопад на реке Шодьер, вытекающей из красивого озера Мегантик, и ещё более прославленный водопад Монморанси, который низвергается с высоты 76 метров, в виде правильной скатерти, имеющей везде одинаковую ширину; это классический каскад, без скал, которые портили бы правильную форму его изящной параболы. Канадские «обыватели» дали ему прозвище «Vache», напоминающее «Pisse-Vache» в Валлисе, и действительно эти два водопада, канадский и швейцарский, очень похожи, с тою разницей, что Монморанси катит более значительное количество воды, чем Салланша. Зимою, впереди каскада «Vache» выростает величественный ледяной конус, образующийся из замерзающих водяных брызгов, на откосах которого собирается толпа катальщиков. Значительная часть воды теряется, говорят, в расселинах скалы, но остающейся части достаточно для приведения в движение большой лесопильни, и скоро появятся новые заводы, постройки которых замаскируют водопад. Многочисленные виллы рассеяны в окрестных лесках, также как на противолежащем Орлеанском острове.

В Квебеке собрались сплоченной массой почти все жители провинции; прочие окрестные городки, даже самые многолюдные, в другом месте назывались бы деревнями. На севере, в области гор, нет ни одной значительной группы населения, кроме промышленного села Сен-Раймонд, лежащего при железной дороге к озеру св. Иоанна, в лесной прогалине, расширенной пожаром. По другую сторону реки св. Лаврентия, пояс поселков и возделанных полей тоже очень узок, а в горах на границе штата Мэн не встретишь других жилищ, кроме шалашей дровосеков и звероловов да железнодорожных станций. Новая Лоретта, посещаемая любопытными, наряду с водопадами, не замечательна ни численностью населения, ни промышленностью, но это—колония мнимых гуронов, в числе около трехсот душ. Меньшинство её жителей состоит из семей смешанного происхождения, сохранивших некоторые

предания туземной расы и справляющих индейские празднества, на которые иногда приглашаются и белые люди. Гуроны, с гордостью называющие себя «католиками и союзниками Франции», говорят чаще по-французски, нежели на языке своих предков, и снискивают пропитание продажей корзин и изделий из кожи и бус. В соседстве Лоретты построена запруда, откуда вода проведена в изобилии в резервуары Квебека.

Железная дорога и обсаженное деревьями шоссе, проходящие через Бопор, затем через селение, растянувшееся на 35 километров в длину, ведут из Квебека к наиболее посещаемому из святых мест Канады; место это носит имя Сент-Анн, как поселение «конца острова», при слиянии реки св. Лаврентия и Оттавы; специально его называют Сент-Анн-де-Бопрэ или «Bonne Sainte-Anne». Летом посетители отправляются туда толпой, одни, чтобы поклониться мощам, другие, меньшинство, чтобы погулять в лесах и совершить восхождение на высокие мысы, предгорья мыса Бурь. С холмов в Сент-Анн-де-Бопрэ открывается вид на реку св. Лаврентия, разлившуюся на 16 километров в ширину, и на лесистые острова, желтоватые рифы, составляющие продолжение большого Орлеанского острова. Вдали, за полосой возделанных полей, иногда, в ясную погоду, можно различить, в штате Мэн, первые горы Аппалахской цепи.

Поселения, разбросанные по обоим берегам ниже мыса Бурь, имеют уже приморский характер, по солености вод, приливу и отливу, пляжам, водорослевым мелям, рыбам, китообразным животным и дюнам побережья. Монманьи, на правом берегу, напоминает имя одного губернатора, латинская фамилия которого, *Mons Magnus*, дала повод альгонкинам величать всех его преемников Ононтио, или «Большой Горой». Ниже встречаем местечко Ривьер-Уэль, вдевятеро более многолюдное, чем деревня Вантруз, в нынешнем департаменте Орны, откуда вышли две главные семьи, составляющие половину населения этого городка (число жителей в Ривьер-Уэль, в 1881 г.: 2.027; в д. Вантруз, в 1885 г.: 202)[1]. Река, давшая свое имя канадской колонии вантрузских переселенцев, хорошо известна ловцам морских свиней и угрей. Камураска (по-альгонкински—«место, поросшее тростником»), следующая за Ривьер-Уэль на том же берегу,—одна из деревень, куда летом приезжает много любителей купанья из Квебека и Монреаля; неподалеку от этого селения течет ручей, прозванный «Жемчужной рекой», где действительно находят высоко-ценимые розовые жемчужины. Почти напротив тянется закругляющийся пляж «Худой бухты» (Malbaie), названной так Шампленом по причине опасных водоворотов, образующихся там во время прилива. Англичане называют её бухтой Муррея (Murray-bay), и после завоевания страны основали там колонию шотландских горцев, которая с того времени совершенно офранцузилась. Отели, шале, даже школы и коллежи рассеяны у выхода долинок и на террасах гор около Мальбэ. Летом сюда приезжает на дачу много богатых американцев, любителей ловли форелей, которыми изобилуют соседния озера и прозрачные горные ручьи Лаурентид. Вероятно, в скором времени будет построена железная дорога от Мальбэ к верховьям Сагенэ, с проведением которой откроется относительно короткий путь из Квебека к озеру св. Иоанна. Мыс Пуант-о-Пик и, выше по реке, бухта св. Павла, напротив Орехового острова (ile aux Coudres),—также людные дачные места. Водоворот «Пучины», вблизи этого острова, ещё недавно очень пугал лодочников, но пучина мало-по-малу заносится песком; соседний выступ твердой земли, «мыс Воронов», вероятно, получил это название от плотоядных птиц, поджидающих трупы.

Самый большой город в низовьях св. Лаврентия, за Квебеком,—Ривьер-дю-Лу («Волчья река»), названный так от реки, которая неподалеку оттуда льется великолепным каскадом; иначе его называют Фразервиль, в честь прежних сеньоров, играющих ещё видную роль в крае. Город этот, который вернее было бы назвать Riviere des «Loups marins» (Река морских волков), получил в последнее время довольно важное значение, как место соединения трех магистральных железных путей—«Grand Trunck», «Intercolonial» и дороги, которая берегами озера Темискуата, или «Глубокаго» направляется к Новому Брауншвейгу и к порту Сент-Джон; главная его промышленность—производство предметов обуви. Благодаря своему

1 Casgrain, „Une paroisse canadienne“.

положению на берегу лимана, Фразервиль становится посещаемой купальной станцией; но канадская мода предпочла настроить всего больше вилл и отелей в 10 километрах далее, на почти круговом пляже Какуны. Имя Какуна, означающее «черепаху», описывает форму побережья. Мыс, защищающий пляж, состоит из высокой и длинной скалы, прикрепленной к твердой земле песчаной ножкой, подобной перешейку полуострова Жиен или Монте-Арджентаро.

Почти напротив Какуны, с лиманом св. Лаврентия соединяется фиорд реки Сагенэ. Страна, проходимая этим удивительным потоком, не есть, как думали первые колонисты, «царство, изобилующее золотом и драгоценными каменьями», но она доставляет другие, не менее ценные, сокровища. Гудсонская компания, унаследовавшая это царство, хотела сохранить его для себя, и до 1838 г. звероловам строго было запрещено расчищать, распахивать землю, даже рубить лес: по её претензиям, никто не имел права тронуть у неё *fur or fir*, «шкуру пушного зверя или сосну»[1]. Область, которая была уже частию кадастрирована в 1733 г. Норманденом, снова сделалась неведомой страной. Только при жизни нынешнего поколения земледелие стало прививаться и распространяться на берегах озера св. Иоанна. Давно уже знали, что вся окружность этого озера, на большом протяжении в ширину, состоит из намывных, легко поддающихся обработке и очень плодородных земель, залегающих на грунте из пластов известняка; но все отступали перед вопросом: как добраться до этих земель, лежащих за гористыми пространствами бассейна Сагенэ и Лаурентид, за сотни верст от всяких дорог? Однако, нашлись смелые колонисты, по большей части из Мальбэ, Камураска и других деревень на берегах св. Лаврентия, решившиеся пуститься в неведомые места, далеко от всякой продовольственной линии: прокладывая себе дорогу через леса, затем странствуя на плоту, они достигли долины, которая, повидимому, некогда служила озеру каналом истечения, и основали тут деревню, дав ей имя Эбервиль, в честь сельского священника, который привел их туда. Из этой первоначальной общины выделились все другие общины, рассеянные вокруг озера на юге и на западе. Замечательно здоровый климат этой местности, где число рождающихся впятеро больше числа умирающих, способствует ещё более, чем иммиграция, заселению новозанятых земель; несмотря на отсутствие дорог и мостов, расчистка леса под пашни распространяется всё дальше и дальше на северном и восточном берегах, так что в близком будущем образуется целый круг деревень и обработанных полей по окраинам большого внутреннего моря. Прибрежное население удвоивается с каждым десятилетием, и в летнее время туда приезжает много американцев ловить уананиша, необыкновенно вкусную рыбу, которая по-английски называется *land-locked salmon*, или «озерная семга», хотя она не принадлежит к семейству лососиных. Предлагали урегулировать уровень озера устройством шлюзов в местах истечения воды.

Самое значительное местечко озерного бассейна называется Роберваль, по имени одного из исследователей Канады, прошедшего область Лаурентид, в 1542 году. Роберваль рассыпал свои дома вдоль песчаных пляжей, в обширной, совершенно оголенной равнине, потому что для колониста «дерево—враг», и он вырубает всё дочиста. На севере возвышается скалистый холм, откуда видны продолжающиеся на необозримое пространство засеянные поля деревни Сент-Прим и других сельских общин, последних постов цивилизации в северном направлении. Далее нет никаких обитателей, кроме редких «горцев» (Montagnais), да рыбаков-эскимосов за Гудсоновым заливом. К востоку от холма Сент-Прим, терраса, называемая Голубым мысом, была сохранена за индейцамп побережья. Оставленные им земли, леса которых в значительной части выгорели во время недавнего пожара, принадлежат к лучшим во всей Канаде. Но закон запрещает белым селиться тут; только небольшое число метисов занимается первобытной обработкой земли; они живут почти исключительно охотой и рыбной ловлей, и дети их не знают других игр, кроме стрелянья из лука. Почти все «горцы» этой отведенной индейцам территории устроили свои палатки и бараки на берегу озера, вокруг капеллы, в которой они с гордостью показывают алтари, хоругви, искусственные цветы.

1 Arthur Bois, „Le Saguenay et la vallee du la Saint-Jean“.

Мало найдется более привлекательных мест, чем Голубой мыс. Дорога извивается по краю высокого берега, под тенью кленов, черешен и осин, и сквозь деревья виднеется озеро, с устьями его рек, с его белыми песчаными берегами и лесистыми островами.

Портом для области озера св. Иоанна и верхнего течения Сагенэ служит цветущий город Шикутими, построенный на обоих берегах реки того же имени, в том месте, у которого останавливается крупное судоходство. Пароходам приходится даже ждать прилива, чтобы подойти к пристани; крикское имя города, означающее буквально «до сих пор глубина», вполне соответствует условиям речного русла. Главный промысел жителей—лесная торговля. Целый город дубовых досок занимает берега Сагенэ, ниже слияния его с рекою Шикутими, спускающейся рядом порогов из глубокого озера Кеногами; последний водопад, высотою около 12 метров, находится в соседстве с главной рекой, и шум его слышен из города. Лесная торговля сосредоточена в руках одной семьи, владеющей почти всеми окрестными лесами; выше города стоит обелиск, воздвигнутый в честь «отца Сагенэ», т.е. человека, сумевшего дисциплинировать в свою пользу труд всех прибрежных жителей. Множество бригов, почти исключительно норвежских, стоят на якоре в порте, в ожидании груза. Ниже Шикутими, рассеяно несколько деревень по берегам бухты Хаха выше пучин Сагенэ.

Городок Тадуссак—по-альгонкински «Сосцы»,—лежащий при слияния двух рек, на левом берегу Сагенэ, имеет некоторое значение, как пристань для пароходов и дачное место, посещаемое преимущественно американцами; но, как торговый пункт, он на оправдал надежд первых французских мореплавателей: известно, что в 1599 г. Шовен высадил тут человек двенадцать своего экипажа и основал временное поселение; несколько лет спустя здесь образовалась правильная контора, куда «горцы» приносили шкуры пушного зверя; колонизаторы Канады долго колебались, какое место выбрать за центр своих усилий—Тадуссак или Квебек. В настоящее время главный промысел Тадуссака составляет рыбоводство; в бассейне, устроенном для этой цели в бухте Барки, ежегодно разводится до двух миллионов лососей. Много раз уже предлагали устроить зимний порт против Тадуссака, у подошвы высокого мыса на правом берегу реки Сагенэ. В этом месте вода никогда не замерзает, как в Квебеке и Монреале, и трансатлантические пароходы могли бы бросать там якорь, вместо того, чтобы останавливаться в гаванях внешнего побережья, как Галифакс или Сент-Джон.

После Тадуссака на левом берегу св. Лаврентия лишь изредка встречаются небольшие поселки. Долины там узки, горы круты, климат суров, страшный северо-восточный ветер иссушает растительность. Несколько миссионерских станов, вокруг которых группируются хижины индейцев, посты Гудсонской компании для скупа звериных шкур, маяки, сараи для соленья рыбы, рассеяны в разных местах вдоль морского берега до Блан-Саблона, песчаного пляжа реки, служащей границей между провинцией Квебек и собственно Лабрадором; впрочем, в просторечии канадцы употребляют имя «Лабрадор» для обозначения части побережья, простирающейся на север от лимана и залива св. Лаврентия до пролива Бель-Иль. Несмотря на суровость климата, смелые люди не боятся селиться там, и об этом Лабрадоре уже поговаривают, как о будущей стране колонизации. Акадские эмигранты из архипелага св. Магдалины, канадские «обыватели» из Гаспезии, которым нужно только переправиться через лиман, чтобы попасть в свое новое отечество, уже основали кое-где свои поселки, и население, пока ещё редкое, удваивается, однако, с каждым десятилетием. Одно из главных поселений этого берега—Бетсиамитская или Берсамисская миссия, деревня «горцев» и метисов, на северном берегу лимана, при впадении реки Бетсиамин, судоходной для барок на протяжении около 50 километров; до 1844 г., когда была восстановлена католическая миссия между «горцами», последние успели снова впасть в язычество, многие из них и теперь ещё остаются язычниками[1]. Муази, при устье реки того же имени, также принадлежит к числу постов, которым выгоды их местоположения обещают в будущем важное торговое значение, и уже не раз предлагали приступить к разработке тамошних песков, содержащих магнитное железо; то же самое нужно сказать о Мингане, деревушке, расположенной на бе-

1 G. H. Farnham, „The Montagnais“, Harper's New Monthly Magazine.

регу реки и против одноименного архипелага. Земли около устья реки св. Августина очень плодородны, по словам поселившихся там немногих колонистов, а долина этой реки может доставлять для экспорта значительные количества поделочного леса. Наконец, близ входа в Бель-Ильский пролив, следуют один за другим посты при бухтах: Эскимосов, Доброй Надежды, Бель-Амур, Брадор, Блан-Саблон. Если когда-нибудь на берегах бухты Брадор возникнет город, то он будет в праве считать себя самым древним из городов Канады, потому что в этом месте, в 1508 году, за сто лет до основания Квебека, стоял бретонский город Брест, в котором, во время сезона рыбной ловли, насчитывалось до трех тысяч жителей[1]. Но монополия, предоставленная королем губернаторам Канады, положила конец существованию этой маленькой республики. В соседстве бывшего города до сих пор ещё видны кое-какие остатки строений, одни—французского, другие—эскимосского происхождения.

Правый берег залива св. Лаврентия менее пустынен, чем канадский Лабрадор: деревни Труа-Пистоль, Бик, Римуски, Митис, Матан следуют одна за другой у подножия высоких гор. Римуски, простая пристань, надеется со временем сделаться значительным центром населения, благодаря своей хорошей гавани; трансатлантические пароходы заходят сюда для выдачи или принятия европейской почты. Это первый или последний пункт Америки для пассажиров: немногие имена мест повторяются так часто в разговорах на борте пассажирских пароходов, как имя Римуски. Далее, до Нью-Фаундлендского пролива, видны только длинные низкие берега большого острова Антикости, почти совершенно безлюдные: внутри острова существуют только тропинки, проложенные медведями. До недавнего времени всё население Антикости состояло из нескольких спасателей да из сторожей при маяках, и садики, разведенные вокруг жилищ, составляли единственную культуру на этой пустынной земле. Прежде случалось, что потерпевшие крушение, если не могли построить лодок и бежать с проклятого острова, утоляли голод, поедая друг друга[2]. В период с 1870 по 1880 год у берегов Антикости было 106 случаев крушения судов, при чём из 2.000 матросов, составлявших экипаж этих судов, погибло около 300 человек. Главная колония, состоящая исключительно из франко-канадцев, находятся на западной оконечности острова[3].

Западная сторона полуострова Гаспезия, граничащая с заливом св. Лаврентия, открывает на море множество фиордов, гавани которых привлекли кое-какое население. Гаспэ—иначе Монтаньэ или Жигакспек—есть «конец земли», как оконечность французской Бретани (Финистер) и конечные полуострова Испании (Финистерро) и Англии (Лендс-Энд). Оттого этот крайний выступ континента играл видную роль в истории географических открытий. Жак Картье приставал в этом пункте; Рокмон потерял здесь свой флот, захваченный в плен англичанами; происходили и другие битвы в этих водах. Теперь гаспейцы занимаются главным образом рыбной ловлею и судоходством; внутренняя же часть полуострова почти совершенно пустынна: климат там дотого холодный, почвенные условия дотого неблагоприятные для земледельческой культуры, что до сих пор ещё не приступали даже к кадастровым работам в той местности. Гаспэ, подобно Тадуссаку, предлагает свой порт, как место зимней стоянки для трансатлантических судов. Другой фиорд, находящийся южнее, вполне заслуживает данное ему прозвище «Худой бухты» (Malbaie), по причине его рифов и мелей. Неподалеку оттуда, деревня Персэ приютилась на скалистом берегу, у подошвы высокого мыса св. Анны, одного из наиболее прославленных мест Северной Америки за его естественные достопримечательности. В море, против этой деревни, стоит остров Бонавантюр, вздымающий свои отвесные скалы из красного конгломерата на 100 метров над поверхностью глубоких вод. «Пробитая скала», остаток перешейка, соединявшего некогда этот остров с материком, представляет не менее величественный вид, с её нависшими карнизами и широким сводом, под которым перекатываются волны; целый корабль, с распущенными парусами,

1 Daro, „Arca de Noe“;—„Quebec Literary and Historical Society“, 1841;—Benjamin Sulte, „Histoire des Canadiens francais“.

2 J. U. Gregory, „L'ile d'Anticosti et ses naufrages“.

3 Faucher de Saint-Maurice, „De tribord a babord“.

мог бы свободно пройти, во время прилива, под этой гигантской аркой. Скала соединяется с твердой землей, но впереди её высится уединенный обелиск на пьедестале бурунов. Всякия восхождения на эту скалу запрещены, из опасения, чтобы присутствие человека не разогнало птиц, прилетающих туда мириадами вить гнезда. Одна половина скалы принадлежит бакланам, другая—чайкам, и всякий захват чужой территории ведет к битвам между пернатыми обитателями. Персэ, несмотря на красоту своих окрестностей, отталкивает от себя посетителей противным запахом трески. Рыбные остатки служат для удобрения земли. «В Персэ, гласил пословица, картофель и тот родится с костями трески».

Обогнув мыс Надежды (cap d'Espoir), который англичане переименовали в мыс Отчаяния (cape Despair)—имя, вполне оправдываемое частыми кораблекрушениями,—мы вступаем в великолепный залив, который Жак Картье назвал «Теплой бухтой». Это было в 1535 г., но, по всей вероятности, залив этот был открыт ранее кастильскими мореплавателями, так как на старинных картах в этом месте показана бухта под именем «Испанской». «Теплая бухта» открывается, как другой залив св. Лаврентия, к югу от бухты Гаспэ. Живописные горы, с величавыми куполообразными вершинами, опоясывают «Теплую бухту» по всей её окружности, и узкие прорезы в круге гор обозначают устья впадающих в неё рек. В бухте этой есть течения и по временам разражаются бури, но обыкновенно воды её спокойны, в воздухе господствует затишье, туманов не бывает, приливы слабы и сопровождаются едва приметными водоворотами. Индейское имя этой бухты, более верное, чем её французское название, так как она иногда замерзала на всём пространстве, означает «Рыбное море», и действительно, там ловят в изобилии треску и сельдей. Американцы эксплоатируют эти воды главным образом для снабжения рынков Новой Англии; но уже слишком сто лет большая часть рыболовных судов, бороздящих воды бухты, принадлежали сначала одному семейству с острова Джерсея, а затем перешли в собственность акционерной компании, и до сих пор там держатся ещё почти в в полной силе феодальные порядки; связанные долгами, которые они принуждены были сделать, жители не смеют и подумать об освобождении из этой вечной кабалы, потому что при первой попытке этого рода их потянули бы в суд, который осудил бы их как несостоятельных должников[1]. Города и деревни этого берега, Паспебиак или Нью-Карлейль, Карльтон, Кэмбельтон, Дальгузи, сгруппировали свои дома вокруг больших заводов для соления рыбы и приготовления консервов.

Число рыболовных судов в Теплой бухте—1.500; число рыбаков—18.000, ценность годового улова—4.000.000 фр.

Движение судоходства в порте Нью-Карлейль в фискальном 1887—1888 году: 2.019 судов, вместимостью 846.000 тонн.

Теплая бухта и один из её притоков, река Рестигуш, потом подприток Метапедиа, или «Тихия воды», служат общими границами между провинцией Квебек и Новым Брауншвейгом.

Острова Магдалины (Magdalen islands), лежащие в заливе св. Лаврентия, ближе к Кап-Бретону и к Нью-Фаундленду, чем к Гаспезии, также принадлежат к провинции Квебек и населены исключительно канадцами. Во время уступки Канады англичанам там не насчитывалось даже сотни рыболовов, теперь же число их увеличилось в сорок или пятьдесят раз, и они уже выделили из себя несколько колоний, поселившихся по берегам канадского Лабрадора и в архипелаге Минган; в одном только 1862 году сто двадцать семейств отплыли в новые места поселения. Малоземелье было не единственной причиной этой эмиграции: жители жаловались, что они, в отношении пользования землей, находятся в крепостной зависимости у одного крупного землевладельца Соединенных Штатов, предку которого этот архипелаг был отдан во владение одним из канадских губернаторов. В прежнее время Магдалинские острова были для ловли рыбы и морского зверя маленькой Гренландией. Там охотились главным образом на моржа и тюленя. Но моржи совсем исчезли с конца восемнадцатого столетия, а тюлени уменьшились в числе; однако, их часто видят тысячами на ледяных

1 J. B. A. Ferland, „La Gaspecie".

полях, гонимых зимними ветрами к берегам этого архипелага. Теперь главный предмет ловли, как и в Нью-Фаундленде,—треска, а на пляжах ловят много омаров, которых отправляют преимущественно в Соединенные Штаты; наконец, часто упоминаемые Шампленом, как приметные места, Птичьи островки, глыбы красного песчаника, разбросанные в море к северу от круга больших островов, доставляют туземцам яйца и перо в значительных количествах. Главное поселение лежит на плоском берегу острова Амгерст и обращено на юг.

Канадские города в бассейне св. Лаврентия, имеющие свыше 5.000 жит,:

Провинция Онтарио: Торонто—181.000 жит.; Гамильтон—49.000 жит.; Оттава—44.000 ж; Лондон—32.000 ж.; Кингстон—19.000 ж. Гвельф—10.000 ж.; Сент-Катеринс—9.000 ж.; Брантфорд—10.000 ж.; Бельвиль—10.000 ж.; Сент-Томас—10.000 ж.; Стратфорд—10.000 ж.: Чатам—8.000 ж.; Броквиль—8.000 ж.; Питерборо—9.000 ж.; Виндсор—8.000 ж.; Порт-Гоп—5.000 ж.; Вудсток—6.000 ж.; Гальт—7.000 ж.; Линдсей—6.000 ж.; Оуэн или Оуэн-Саунд—6.000 ж.; Порт-Артур—3.000 ж.; Коллингвуд—5.000 ж.

Провинция Квебек: Монреаль—217.000 ж.; Квебек—63.000 ж.; Труа-Ривьер—8.000 ж.: Шербрук—8.000 ж.; Гулль—10.000 ж.: Сорель—8.000 ж.: Сен-Гиасинт—7.000 ж.; Сен-Жан—5.000 ж.

VI. Приморские провинции

Новый Брауншвейг, Новая Шотландия, остров Принца Эдуарда

Эта часть Канадского союза составляет совершенно отдельную область, кроме северо-западного её угла, где границей служат условные геометрические линии. Но ни одна из рек, протекающих через Новый Брауншвейг, не принадлежит к бассейну св. Лаврентия; все они изливаются в Атлантический океан независимыми устьями. Хребет страны, ясно обозначенный нагорьями и горами, возвышается между бассейном реки Сент-Джон и бассейном великой канадской реки. В целом, Приморские провинции составляют часть той же естественной области, как Новая Англия, и пустыни, отделяющие их от провинции Квебек, совпадают с раздельным порогом: границы, установленные превратностями войн и хитростями дипломатии, помещены совсем не там, где им следовало бы находиться по указаниям природы, и, чтобы исправить это нарушение географии, канадское правительство должно было построить, с огромными издержками, так называемую «между-колониальную» железную дорогу, которая проходит по населенным и почти необитаемым пространствам. При первом взгляде на карту, ясно видно, что Приморские провинции составляют какой-то анормальный придаток к другим областям Канадского государства. Для того, чтобы деления были естественными, нужно бы было, чтобы Новый Брауншвейг был одним из штатов Северо-Американского Союза, а штат Мэн сделался канадской провинцией.

Внешняя форма и рельеф Нового Брауншвейга и Новой Шотландии определяются ориентировкой системы Аппалахских гор. Главные географические черты страны имеют в общем направление от юго-запада к северо-востоку. В этом направлении выдвинулся в залив св. Лаврентия рог архипелага Шиппеган. Другие крайние выступы Нового Брауншвейга, как и мысы острова Принца Эдуарда и Кап-Бретона, также обращены на северо-восток; таково же расположение и длинного архипелага Магдалинских островов. В первое время колонизации и завоевания, когда ещё не могло быть вопроса о разграничении этих едва известных территорий, их обозначали общим именем Акадии, происшедшим от индейского слова *кади* или *кводди*, которое, по мнению большинства этимологов, значит просто «страна». После занятия края англичанами старались вывести из употребления это название «Акадия», как напоминавшее победителям об их бесчеловечном поведении относительно французских поселенцев, перебитых или изгнанных; но теперь предлагают снова соединить «приморские провинции» под прежним именем. Мелкие территории, действуя порознь в со-

ветах Канадской державы, имеют слишком мало авторитета, чтобы влиять на решение государственных дел; они надеются, что, соединившись, будут пользоваться влиянием, равным влиянию других членов конфедерации, и подчас даже располагать большинством посредством перемещения голосов. Как бы то ни было, их относительное влияние всегда будет определяться числом жителей, а число это возрастает далеко не так быстро, как население других провинций, несмотря на счастливое торговое положение края в части Нового Света, наиболее близкой к Западной Европе.

Пространство и народонаселение Приморских провинций, по результатам всенародной переписи 1881 года:

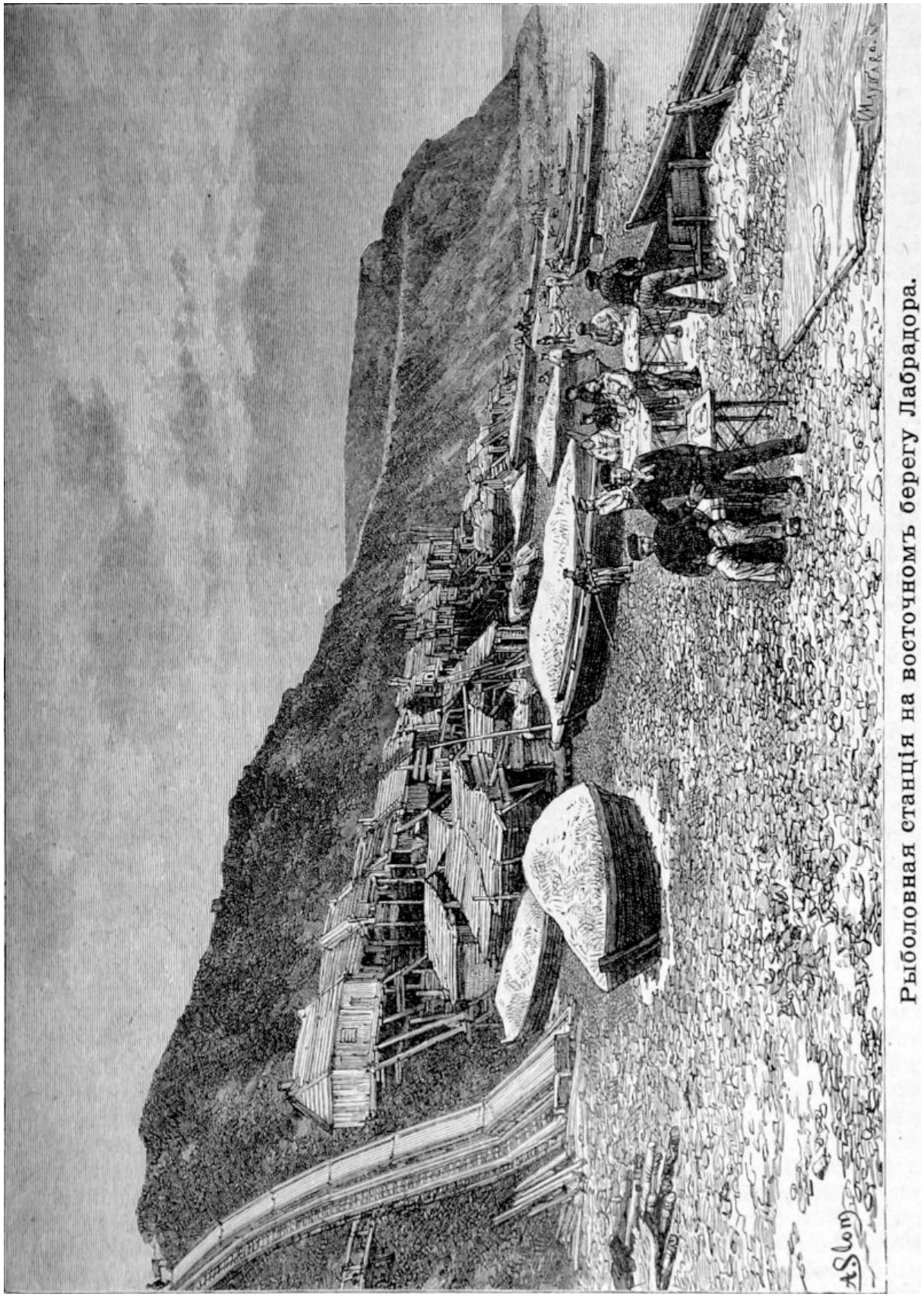
Новый Брауншвейг—70.762 кв. килом.. 362.634 жит.; Новая Шотландия и Кап-Бретон—56.280 кв. килом., 441.973 жит.; остров Принца Эдуарда—5.628 кв. килом., 109.171 ж.; всего —132.670 кв. килом., 913.778 жит.

В среднем, поверхность Нового Брауншвейга довольно низменна: вероятно, ни одна точка территории не достигает высоты тысячи метров. Конус из траппа, господствующий над всеми другими вершинами в северо-западной части страны, Бальд-Маунтен, или «Лысая Гора», имеет всего только 750 метров высоты; Голубые горы, находящиеся в той же цепи, но южнее, закругляют свой купол на высоте 480 метров, поднимаясь всего только на 180 метров над уровнем окружающих долин, наполненных маленькими озерами; следовательно, выпуклости рельефа являются в виде незначительных холмов, и крутые скаты и утесы их почти везде замаскированы лесами. За исключением морского побережья, где встречаются высокие мысы, командующие волнами, и небольшие прибрежные архипелаги, трудно найти вершину, откуда можно бы было окинуть взором обширный горизонт[1]. Точно также и для геолога затруднительно определить свойство горных пород, вдали от речных ущелий или траншей, в которых проходят железные дороги; зелень летом, снег зимой покрывают почву, состоящую из глины и глетчерных обломков, которые нужно убрать, прежде чем доберешься до грунта. Тем не менее, произведенные до сих пор геологические исследования дают достаточное основание заключит, что территория Нового Брауншвейга, почти на всём её протяжении, принадлежит к палеозойским формациям и к каменноугольным ярусам. Вся центральная и северо-восточная область страны состоит из пластов каменноугольной эпохи, замечательных горизонтальностью своей поверхности: ни одного холмика, только кое-где впадины, наполненные торфом, озерными или болотными водами. Слои угля тонки и небольшого протяжения, но горные породы заключают в себе также рудные месторождения, залежи гипса и каменной соли, и, что всего важнее, они покрыты слоем отличной земли, вполне пригодной для культуры хлебных растений и плодовых деревьев; каменноугольный пояс есть вместе с тем главная земледельческая область Нового Брауншвейга. К западу от каменноугольных пластов тянется узкая полоса вулканических формаций, направляясь с юго-запада на северо-восток, параллельно оси Аппалахских гор.

Постепенно съуживаясь между заливом св. Лаврентия и бухтой Фунди, территория эта образует в самой узкой своей части перешеек в 26 километров ширины, едва возвышающийся над уровнем соседних морей. Существующий в этом месте разрез между Новым Брауншвейгом и Новой Шотландией представляет раздельную линию только с географической точки зрения: угленосная формация продолжается к востоку на Акадском полуострове и заключает в себе очень мощные слои минерального топлива превосходного качества, которые разрабатываются преимущественно на северных берегах. Также как в Новом Брауншвейге, пласты эти очень плоски в Новой Шотландии. Возвышенности страны принадлежат другим формациям, эруптивным или палеозойским. Самые высокие вершины, вулканического происхождения,—это вершины «гор» Кобеквид, начинающихся у раздельного рога между двумя крайними мысами бухты Фунди и продолжающихся с запада на восток, параллельно острову Принца Эдуарда; они достигают от 250 до 330 метров. Высоты, расположенные на полуострове и составляющие его главную ось,—ниже гор Кобеквид, но во многих местах они

1 A. Leith Adams, „Fieldland Forest Rambles“.

придают величавый вид бухтам, разрезывающим их основание. Наконец, вдоль восточных берегов залива Фунди тянется двойная цепь эруптивных скал, «Северныя» и «Южныя» горы, между которыми врезывается бухта, называемая «рекой Аннаполис». Что касается

Рыболовная станція на восточномъ берегу Лабрадора.

острова Кап-Бретон, составляющего продолжение Новой Шотландии, то он имеет заметные выступы рельефа только в северной части, где возвышаются силурийские скалы, нарезанные трещинами и трудно доступные. Остров Принца Эдуарда, имеющий форму неправиль-

ного полумесяца и расположенный параллельно контурам залива, представляет низменную землю, бухты которой, открывающиеся на том и другом берегу, соединяются почти в проливы: достаточно было бы небольшого поднятия почвы, чтобы превратить остров в архипелаг. Очевидно, воды, отделившие путем постепенного размывания остров Принца Эдуарда от Нового Брауншвейга и Новой Шотландии, воспользовались раздельной складкой между формациями, ибо остров этот, триасового происхождения, не содержит никаких следов угленосных пород, из которых состоят противолежащие континентальные берега. В совокупности, каменноугольные формации Новой Шотландии и Кап-Бретона занимают площадь в 130.000 гектаров, а содержание слоев определяется приблизительно в 4 миллиарда тонн.

Во всех этих землях, лежащих на океанской оконечности Канады, действие древних ледников обнаруживается с полной очевидностью. Почва покрыта, на большой толщине, мореновыми обломками, глыбами камня и глинами, а грани скал представляют правильные черты и борозды, по которым можно заключить, что ледяные массы двигались по направлению с севера на юг или юго-восток. Во многих долинах, между прочим, в долине св. Иоанна, движение льдов, происходило не по нынешнему течению вод, но иногда даже поперек русла[1], из чего следует, что географическое расположение долин изменилось с ледяной эпохи. Мореновый гравий заключает в себе некоторую пропорцию золота, взятого из твердых пород соседних гор; но замечено, что новейшие наносы рек гораздо менее богаты металлом. Новая Шотландия обладает довольно производительными рудными месторождениями; но в соседстве этих залежей золотоискатели тщетно ищут крупинки золота в песках рек и ручьев. Факт этот объясняется недавним происхождением ледников. Проточные воды, вероятно, сделали на своих пляжах работу, аналогичную работе золотопромывателя; они увлекли в море глину, песок, все мелкие частицы, оставив более тяжелый гравий и блестки драгоценного металла; льды, напротив, унесли разом и песок, и зерна золота. Террасы с уступами, идущие вдоль рек Нового Брауншвейга, повидимому, указывают на то, что с ледяной эпохи уровень почвы или соседних морей неоднократно изменялся[2].

Самая большая река на атлантической покатости Канадского союза, к югу от св. Лаврентия,—река св. Иоанна (Сен-Жан или Сент-Джон), прежде называвшаяся Луштук, т.е. «длинной рекой», и действительно, общее протяжение её около 720 километров. Некоторые из верхних её притоков зарождаются на становых хребтах, идущих параллельно реке св. Лаврентия, на расстоянии, в среднем, от 20 до 25 километров. Маленькое озеро Сен-Франсэ или Мадаваска, близ Ривьер-дю-Лу, принадлежит к бассейну реки Сент-Джон. Но главная ветвь, называемая Волластук, берет начало в долине, гораздо более удаленной от великой канадской реки и открытой параллельно её течению, в том же направлении с юго-запада на северо-восток. Только после слияния с рекой Мадаваской, река Сент-Джон поворачивает к востоку, затем к юго-востоку, на покатость бухты Фунди. Озера, рассеянные во всех цирках окружающих гор, на Канадской территории и на территории Соединенных Штатов, посылают свои воды реке Сент-Джон стремнинами и каскадами. Сама река образует в своем верхнем течении водопад, самый грандиозный во всём Новом Брауншвейге: ниже обширного тихого и глубокого бассейна река спускается в узкое ущелье и бежит по наклонной плоскости, чтобы низвергнуться с известкового порога высотой около 18 метров; многочисленные второстепенные каскады, падающие с боковых выступов скалы, соединяются в главном потоке, принимающем вид широкой пенящейся скатерти; на дне ущелья пороги и стремнины продолжаются на протяжении около версты, до нового спокойного бассейна, где кружатся стволы деревьев, увлеченные водопадом.

Ниже, река Сент-Джон принимает в себя два самых больших притока: слева—Арустук, приходящий из штата Мэн, и Тобик, спускающийся с гор в соседстве канадской Теплой бух-

1 Motthew;—Hunt;—Dawson etc.

2 Thomas Bell, „Glacial Period in North America", „Transactions of the Nova-Scotia Institut of Natural Science", 1866.

ты. Суровые альпийские виды сменяются мягкими, живописными пейзажами; вдоль извивающейся реки тянутся округленные холмы, поросшие травой или деревьями; там и сям показываются на скате долинок старые высокие берега. Эти линии прежнего уровня вод Сент-Джона свидетельствуют о переменах, совершившихся в этой местности; но особенно в нижней части реки, там, где плавают уже большие суда, географический рельеф обнаруживает важность перемен, происшедших в недавнюю и даже в современную геологическую эпоху. Во всём прибрежном поясе Нового Брауншвейга каменистые выступы рельефа расположены параллельно бухте Фунди и Новой Шотландии, соответственно общей оси Аппалахских гор. Такое расположение скалистых хребтов в направлении с юго-востока на северо-запад, естественно, должно было препятствовать истечению Сент-Джона к морю, и действительно, мы видим, что выше каждой преграды река и её притоки образовали обширные озерные бассейны. Так, на востоке от нижнего течения Сент-Джона следуют одно за другим четыре больших озера, наполняя параллельные долины между береговыми цепями. У самого впадения реки заметна болотистая долина и бухточка, служившие, повидимому, прежде выходом речному потоку. Новое устье образовалось путем прорыва естественной запруды из скал известняка, стены которых теперь возвышаются метров на тридцать над уровнем вод. Эта брешь в береговом утесе представляет единственное в своем роде явление: в часы отлива, река, суженная в коридоре шириной около 140 метров, спускается в бассейн порта двумя последовательными водопадами, из которых верхний льется в виде правильной скатерти, высотой от 7 до 8 метров; по мере поднятия приливной волны, первый каскад уравнивается, затем и основание второго утопает, так сказать; течение извне достигает того же уровня, как и течение извнутри; от столкновения двух встречных масс жидкости происходят водовороты, и даже, когда прилив с силой устремляется в узкий корридор, образуется водопад в обратном направлении: воды моря льются в русло реки, заставляя её течь обратно, иногда до самой столицы, на протяжении 132 километров внутри материка. В короткий период равенства уровней пароходы проникают из рейда в реку Сент-Джон, которая судоходна верст на четыреста от моря. Индейцы и канадские путешественники поднимались по ней до волока, откуда спускались к Квебеку по реке Шодьер. Сент-Джон, также как св. Лаврентий, иногда является грозным для прибрежного населения своим ледоходом и образованием заторов. Так, в 1831 г., лед вдруг разломался выше «теснин» у Фредериктона, и задержанный в этом узком проходе, нагромоздился в виде исполинской запруды, заставившей воды реки течь к верховью, так что городу грозила опасность быть затопленным и снесенным[1].

Другие реки Нового Брауншвейга уступают Сент-Джону по обилию вод; однако, некоторые из них катят значительную жидкую массу и служат судоходными путями. На севере длинный лиман Теплой бухты, воспроизводящий в малом размере воронку св. Лаврентия и ограничиваемый Пробитой скалой, принимает в себя большую реку Рестигуш, или «Пятипалую», которая была выбрана границей этой провинции со стороны Квебека. На юге лиман вдается в материк бухтой, куда впадает река Ниписквит, тоже имеющая «большие водопады», как и Сент-Джон. В обширных равнинах, заключающихся между этими двумя реками, протекает несколько речек, которые, соединяясь, образуют реку Мирамиши и вливаются в бухту того же имени, загражденную при входе рядом низменных островов. Что касается Новой Шотландии, Кап-Бретона и острова Принца Эдуарда, то земли эти слишком узки для того, чтобы там могли образоваться многоводные потоки; впрочем, реки их расширяются в бухты при устье. Река Сент-Круа (св. Креста), впадающая в бухту Пассамакводди, принадлежит Канаде только восточным берегом.

На севере и на юге побережье приморских провинций изрезано в виде бухт и заливов, которые, может-быть, некогда были фиордами, но, вероятно, очень давно, потому что теперь они не имеют ни извилистой формы, ни глубокого русла, ни отвесных стен, какие свойственны фиордам, *inlets* и *sounds*, Аляски. Их контуры и ложа, сильно измененные процессом размывания, не сохранили первоначального рельефа. На севере, большой водоворот за-

1 A. Leith Adams, цитиров. сочинение.

лива св. Лаврентия, проходящий через Нортумберлендский пролив, между островом Принца Эдуарда и твердой землей, изваял берега по линии с северо-запада на юго-восток, тогда как на юге воды, проникающие в бухту Фунди, с юго-запада на северо-восток, захватили и расширили долины, открывающиеся в этом направлении, между параллельными выступами горных осей. В проливе Нортумберленд, представляющем простую царапину земной поверхности, средние глубины варьируют от 15 до 20 метров, а наибольшие составляют около тридцати метров; озеро Бра-д'Ор («Золотой Рукав»), или Брадор, разрезывающее остров Кап-Бретон в виде подковы, открывающейся с северной стороны двойным проливом, лучше сохранило свою первоначальную форму земной трещины: северо-восточный вход его, называемый «Малым Брадором», представляет собою узкий шлюз между скалами, а во внутренней части бассейна лот находит местами свыше 200 метров глубины. Что касается иссечений побережья Новой Шотландии, обращенного к открытому морю, то дно ограничиваемых ими бухт имеет правильный наклон к морскому ложу, которое в этих водах понижается, в среднем, от одного до двух метров на километр.

Бухта Фунди, имя которой одни производят от французского «Fond de la Baie» (дно бухты), другие от испанского «Baya Fonda» (глубокая бухта), образует входящий угол континентального побережья, воронкообразная форма которого и скат дна способствуют поднятию приливной волны до необычайной высоты. И здесь также промеры дна показали, что огромная жидкая масса, поочередно поднимающаяся и спускающаяся в заливах бухты Фунди, изменила размыванием форму берегов и даже форму морского ложа. К югу от Золотого мыса, господствующего над Рудной бухтой, море, средняя глубина которого в тех водах не достигает и 50 метров, было вырыто до 100 метров ниже поверхности; далее, в теснине, открывающейся на юг от Парсборо, лот находил глубины до 104 метров. Не только течение не роняет увлекаемый им песок в морские пучины,—напротив, оно даже вымыло их дочиста, так как на дне их лот везде встречает твердую скалу[1]. На оконечности бухты Шиньекто, каждая из второстепенных бухт, в которых разность уровней прилива и отлива доходит до 13, 15 и даже 20 метров, представляет широкую вырезку, сделанную водой в палеозойских формациях Акадии: море неустанно трудится над тем, чтобы разрезать окончательно перешеек Шиньекто. Ручейки Амгерст, Миссикваш, Улак, Тантрамар, представляющие, в период отлива, извилистые струйки, затерянные среди песков, превращаются во время прилива в огромные лиманы, шириной от 6 до 7 километров, и остров Минюди попеременно то приобретает, то теряет низменную, видимую только в часы отлива, часть берега, называемую «Елисейскими полями», с её необозримыми лесами водорослей. Между двумя соседними областями моря контраст поразительный: в то время как на юге дважды в сутки потоп заливает земли, затем вода убегает, открывая их снова,—севернее, на окраинах Зеленой бухты, в заливе св. Лаврентия, очертания берегов остаются почти неизменными: там самые высокие приливы не достигают 3 метров.

Климат Приморских провинций походит на климат лимана св. Лаврентия, хотя край этот лежит под более южной широтой. Вот средняя годовая температура в некоторых пунктах этих провинций:

	Широта	Средняя температура
Фредериктон	45°57'	5°,8
Сент-Джон	45°17'	5°,2
Сидней	46°8'	8°,2
Шарлот-Таун	46°14'	4°,9
Галифакс	44°39'	5°,8

Правда, на самом побережьи летния жары умеряются нью-фаундленскими туманами, а зимние холода смягчаются южными ветрами и течениями, проникающими в бухту Фунди и в её боковые лиманы, но это умеряющее действие распространяется лишь на небольшое рас-

1 O. Krummel, „Petermann's Geographische Mittheilungen", 1889, Heft XI.

стояние внутрь страны. Контраст, который представляют центральные равнины и прибрежные округа, обнаруживается весьма значительной (более 17 градусов по Цельсию) разностью между крайними температурами; в Фредериктоне самые большие жары на 4 или 5 градусов превышают жары в Сент-Джоне, а холода на 11 или 12 градусов сильнее, чем в этом последнем городе.

Разность температур лета и зимы в Фредериктоне и в Сент-Джоне:

Фредериктон от 36°,6 до —38°,8 Ц.; Сент-Джон от 31°,1 до —27°,2 Ц.

За летом следует осень, с ранними заморозками, с резкими северными ветрами; затем идет зима, продолжающаяся более полугода, с чередованиями ясной и снежной погоды. Переход от зимы к лету совершается изумительно быстро: в два, в три дня скоропреходящая весна сменяется сезоном жаров; иногда достаточно двух суток для того, чтобы дерево, совершенно обнаженное, без всяких признаков зелени, сплошь покрылось распустившейся листвой. На побережьи годовое количество выпадающего дождя составляет, в среднем, около одного метра.

Акадская флора отличается преобладанием арктических видов: в этом отношении Акадия всего больше имеет сходства с скандинавской Европой, несмотря на разделяющую их пропасть Атлантики. Ещё недавно Новый Брауншвейг представлял собой один сплошной лес, прерываемый только реками, озерами да мшистыми прогалинами, которые прежде были прудами, но в которых сфагнум постепенно выпил влагу, раздувшись, словно исполинская губка, над почвой. Даже многие значительные озера исчезли в последние пятьдесят лет под всезахватывающим мхом[1]. В 1825 году страшный пожар, известный в крае под именем «большого огня Мирамаши», истребил почти весь лес в северной и центральной полосах Нового Брауншвейга: опустошенное пространство обнимало 1.200.000 гектаров. Даже в Новой Англии небо было омрачено дымом, а ночью на горизонте виднелось обширное зарево. Ньюкестль и другие селения на морском берегу были обращены в груды пепла; люди могли спастись от грозной огненной стихии только погружаясь в воду рек или укрываясь на песчаных отмелях и рифах, рядом с домашними животными и с дикими зверями. Сосны и ели сменились деревьями с опадающей листвой, но в возродившихся лесных порослях кое-где попадаются также представители хвойных пород, доминируемые ещё, три четверти столетия спустя после катастрофы, черными обелисками обугленных стволов. Летом 1870 г. новый пожар, бывший следствием продолжительной засухи, пожрал леса севера. Прежде индейцы поджигали леса с целью выгнать дичь или удалить белых земледельцев с полян. «Темные дни», о которых говорят летописи колонизации в Канаде и Новой Англии, вероятно, обязаны были своим ужасающим мраком частицам пепла, наполнявшим атмосферу[2].

Фауна Приморской провинции оскудела со времени прибытия европейцев. Лось и карибу встречаются ещё, но в малом числе, хотя защищаемые законом, который запрещает охоту в известную пору года. Виргинский олень попадался несколько лет тому назад в одном только округе Нового Брауншвейга, а теперь он, вероятно, и там исчез совершенно; кухонные отбросы, оставленные во многих местах побережья прежними поселениями, альгонкинскими или эскимосскими, содержат в большом количестве кости этого животного, расколотые для извлечения мозга. В 1873 г. бобр ещё водился в глухих местностях, в 140 километрах от побережья; он по крайней мере оставил следы своей работы в виде прекрасных лугов, образовавшихся выше его запруд. Почти все реки Нового Брауншвейга представляют по берегам целый ряд этого рода травяных пространств, дающих лучшее сено стране: «сделанное бобром, говорят местные жители, долговечнее сделанного индейцем». Пекан или «кот-рыболов» и другие пушные звери тоже становятся всё более и более редки. С начала нынешнего столетия не видно более моржей в водах Новой Шотландии и Нового Брауншвейга, хотя они были ещё очень обыкновенны в половине прошлого века; это морское животное было оттеснено в арктические моря, на тысячу километров ближе к полюсу. Тюлени, бывало, собира-

1 A. Leith Adams, цитиров. сочинение.

2 Youle Hind, „Exploration in the Interior of the Labrador Peninsula".

лись тысячами в соседних бухтах: в 1797 г., когда южный пролив замерз на всём пространстве, стада их пыталась перейти остров Принца Эдуарда до северного берега, и во время этого перехода их убивали сотнями в лесу[3]. 1825 год тоже отмечен в зоологических летописях этого острова. Это был «год нашествия мышей»: они расплодились в таком ужасающем количестве, что все посевы были пожраны, после чего мыши направились к берегам, где погибли массами, и трупы их образовали толстые слои, которые издали можно было принять за поля водорослей.

Между птицами, не посещающими более Приморские провинции, но жившими там ещё во времена первых европейских поселенцев, называют пингвина, а также один вид утки, известной под именем «лабрадорской». Исчезновение этой последней трудно объяснить, так как это не была, как пингвин, грузная птица, не способная спастись бегством; благодаря силе своих крыльев, она могла бы улетать к отдаленным озерам. Тщетно ищут также, на морских берегах, некоторые виды раковин, упоминаемые натуралистами прошлого столетия; исчезновение этих раковин объясняют отравлением воды опилками, покрывшими дно по краям всех лиманов[1]. Гады и земноводные представлены в Приморских провинциях несколькими породами змей, между которыми нет ни одной ядовитой, и многочисленными видами черепах, лягушек и саламандр. Лес считает в числе своих гостей колибри, с рубиновой шейкой: она прилетает с Караибских островов аккуратно к концу мая, как раз в то время, когда распускается листва, и вдруг исчезает к концу сентября, запаздывая в своих перелетах сравнительно с ласточками и другими более крупными пернатыми. Удивительно, что птенчик колибри, родившийся в короткий сезон жаров, может добираться до места зимовки на Антильских островах. Эта птица-муха восточных берегов Америки по наружному виду мало разнится от колибри, совершающей, на западном побережье континента, перелеты из Центральной Америки в Британскую Колумбию и обратно.

В половине прошлого столетия богатство пресных и соленых вод в Приморских провинциях Канады было баснословно велико: волны жили, так сказать. И теперь ещё иногда встречаются мели, где рыба кишмя-кишит. В 1837 г., во время сильной бури, одна болотистая лагуна, сообщающаяся с морем, сплошь наполнилась рыбой, «набитой, как сельди в бочонке», в перемежку с крабами, омарами, раками, моллюсками, кольчатыми червями всякого рода. Скалы прохода исчезали под массой растертого мяса; в водоворотах груды организмов имели несколько футов толщины. Верст на восемь в окружности атмосфера была заражена миазмами этой громадной массы разлагавшихся животных остатков, где окрестные фермеры находили в изобилии удобрение для своих полей[2]. Теперь напрасно было бы искать семгу во многих реках Приморских провинций; в тех реках, где она встречается, почти все пойманные лососи носят на себе следы ран от крючка или сетей. Но рыбы открытого моря, приходящие метать икру на берега, населяют ещё воды в несметном множестве, и рыбная ловля всё ещё составляет один из главных промыслов Нового Брауншвейга. Даже в порте Сент-Джона, загроможденном кораблями, ловят один вид трески, которою наполняют, в хорошие годы, до 20.000 боченков, представляющих в совокупности вес слишком 1.750 тонн.

Прежние обитатели страны оставили следы своего пребывания, главным образом орудие и оружия из расколотого или отшлифованного камня; становища их были скучены преимущественно на берегах Грандлека, нижнего притока Сент-Джона, и в долине реки Тобик. До сих пор не находили каких-либо предметов, принадлежащих к бронзовому веку: за кремневыми стрелами и топорами прямо следовало железное оружие, с клеймами, изображавшими лилию, которое французские торговцы продавали туземцам и которое находят ещё там и сям в лесах. У аборигенов не было глиняной посуды; однако они были уже в известном смысле художниками, судя по грубым изваяниям, откопанным геологами и охотниками; одно из

3 John Stewart, „An Account of Prince-Edward island“

1 Hitchkok, „Scientific Survey of the State of Maine“;—Leith Adams, цитиров. сочинение.

2 Leith Adams, цитиров. сочинение;—I. B. A. Ferland, „La Gaspesie“

произведений их искусства, найденное на берегу озера Утопии, недалеко от залива Пассамакводди, представляет нечто вроде медальона, выгравированного на камне и изобличающего смелость резца,—работа, какой в наши дни не сумел бы сделать ни один индеец-рыболов.

В силу обычая старых французских «путешественников», перешедшего в нравы местного белого населения, принято всякого индейца называть «братом», но это название звучит горькой иронией. Белые оставляли этих своих «братьев» на произвол судьбы, когда сами не ускоряли их гибели. По рассказам французских миссионеров, число туземцев в Акадии на островах и полуостровах, было, вероятно, не менее 10.000 к началу семнадцатого столетия; при производстве же всенародной переписи в 1881 году, их насчитали всего только около 3.400, из которых 1.600 слишком в Новой Шотландии. Этот остаток бывших владетелей края принадлежит к трем альгонкинским племенам: микмаки, или «мышиные индейцы» (Souriquois), рассеянные в разных местах Новой Шотландии и в северной части Нового Брауншвейга; эчемины или этемины, живущие южнее, в бассейне реки Сент-Джон, и часть которых переселились некогда на берега св. Лаврентия, против мыса, где ныне стоит город Квебек; наконец, соплеменники квебекских абенаки, меликиты, занимающие несколько «резерваций» (отведенных индейцам земель) на южной границе Нового Брауншвейга, но большинство которых живет в штате Мэн; их соседи, пуритане в Новой Англии, называли их «амалекитянами», по имени проклятого племени, которое сыны Израиля должны были истребить.

Природный язык микмаков, которым они и теперь ещё говорят, содержит известное число вокабул, похожих на соответственные коренные слова европейских диалектов, в чём некоторые писатели усматривают доказательство продолжительного пребывания скандинавов в этой стране[1]. Кроме того, многие выражения, употребляемые ныне «мышиными» индейцами и эчеминами, заимствованы у французских колонистов, живших среди них, и с которыми они всегда были в дружбе. Эти альгонкины не представляют уже чистого типа: между ними нет ни одного, род которого не был бы смешан в какой-либо степени с белыми, французами, шотландцами или англичанами, поселившимися в крае уже около четырех столетий тому назад. Однако, там не встретишь индейцев, которых можно было бы принять за европейца. Их первоначальные черты почти нисколько не изменились: все они коренастого сложения, у всех нос большой, губы толстые, рот широкий, скулы выдающиеся, глаза маленькие, волосы черные и гладкие. Лит-Адамс находит, что они больше похожи на эскимоса, чем на краснокожего. Большинство рано стареются; более половины детей умирают в первые же дни после рождения или во время прорезывания зубов. Чахотка, болезнь очень обыкновенная среди белых жителей Приморских провинций, беспощадна к индейцам. Очень многие из туземцев обработывают поле вокруг своей лачуги; большинство снискивают себе пропитание звериной или рыбной ловлей, постройкой лодок, плетением корзин. Они считаются католиками. По словам первых миссионеров, у предков этих туземцев не было ни культа, ни религиозных обрядов.

Первые французские колонисты, прибывшие под предводительством де-Мона, поселились в земле эчеминов, на одном из островов лимана св. Креста; но вскоре пришлось покинуть это гибельное место, где половина людей умерла от болезни «mal de terre», и окончательная колония основалась на восточном берегу бухты Фунди, в Порт-Ройяле, откуда колонизация, впрочем, часто прерываемая войной, постепенно распространялась вдоль морских берегов. Дебюты французской Акадии были довольно скромные. В начале восемнадцатого века, сто лет спустя после основания Порт-Ройяля, французов в приморской области, к югу от св. Лаврентия, насчитывали всего только 1.300 или 1.400; в 1713 г. их было 2.100, в огромном большинстве уроженцы Нормандии и Перша[2]. Но это население, состоявшее из крестьян и рыбаков, увеличивалось путем естественного прироста, и к пятидесятым годам настоящего столетия число жителей ушестерилось. В силу Утрехтского трактата, Акадия

1 Dawson, „Acadian Geology“;—Ch. G. Leland, „Algonquin Legenda of New-England“.

2 Benjamin Sulte, „Histoire des Canadiens francais“.

была уступлена Великобритании, но так как французские колонисты были признаны «нейтральными», то присяга на верноподданство (oath of allegeance), требуемая британским, правительством, обеспечивала за ними право никогда не поднимать оружия против их бывших соотечественников, ни против индейцев. По мере численного возрастания французов и расширения площади их культур, они казались, если не более опасными, то более стеснительными для английских колонистов, и вот стали раздаваться всё чаще, всё настойчивее голоса, требовавшие изгнания их и конфискации их земель: жадные соседи возмущались тем, что самые плодородные земли, самые жирные стада принадлежат людям другого языка и другой веры.

Наконец, меры сполиации были решены, не дожидаясь приказаний английского правительства, которое, напротив, рекомендовало «оставить акадцев в мирном владение своими деревнями и полями»[3]. В 1775 г. Лорен, губернатор Новой Шотландии, велел пригласить всех французских колонистов, стариков, мужчин зрелого возраста и мальчиков, собраться в церквах для выслушания королевского повеления. Большинство жителей явились безоружные, ничего не подозревая, в указанные места, и там с ужасом узнали, что «их земли, дома, скот, стада конфискуются короной»; что они сами осуждены на изгнание, но что король, «в неизреченной благости своей», надеется, что они «всегда будут верными подданными, в какую бы часть света судьба их ни забросила». Тщетно акадцы, с этого момента пленники короля, пытались спастись бегством; вскоре из Бостона пришли транспортные суда, и несчастных погнали партиями по лесу к месту посадки. Несмотря на торжественные обещания губернатора, многие семья были разъединены: «великое разоренье», как называли акадцы этот страшный исход, сопровождалось насилиями и убийствами; в момент отъезда изгнанники могли любоваться зрелищем вихрей пламени, пожиравших их дома и житницы.

По оффициальным спискам, представленным правительству, число выселенных было около 6.300; по Галибуртону, оно простиралось до восьми тысяч, не считая сотен несчастных, которые были убиты или умерли от голода и холода в лесах, болотах, бухточках моря. Более половины акадцев, исчисляемых в 14.000,—или 16.000, по Рамо-де-Сен-Перу,—исчезли в эту страшную годину; оставшиеся в живых, благодаря дружбе индейцев, нашли себе убежище, часто тревожимое, в самых глухих местностях внутри страны. Пленники были рассортированы почти наобум по разным английским колониям атлантического побережья, но их приняли с некоторым состраданием только в Мериленде, жители которого исповедовали католическую веру. Голод, оспа косили их сотнями: этапы были отмечены трупами погибших. Во многих местах ссылки им отказывали в работе на фермах, или соглашались принять не иначе, как под условием, чтобы они перешли в протестантство или отдали своих детей на воспитание пасторам. Большое число их были сосланы вторично на Антильские острова и даже в Гвиану. Англия получила на свою долю тысячи полторы изгнанников, которых водворили в самых грязных кварталах Ливерпуля, Бристоля, Саутгемптона, и кончилось тем, что переживших выслали на родину, в Пуату, в Берри и особенно в Бель-Иль-ан-Мер, где несколько человек их потомков существуют ещё по сие время. Немногие семейства, из числа тех, которым судьба особенно благоприятствовала, успели перебраться прямо во Францию, отечество своих предков. Самая значительная группа, образовавшая впоследствии отдельную колонию, достигла Луизианы, на флотилии судов, плывя вниз по течению рек Огайо и Миссисипи. Их было около пятисот человек, и в своем приемном отечестве они постепенно увеличивались в числе, благодаря прибытию новых беглецов, пробиравшихся через Сан-Доминго и другие Антильские острова. И теперь ещё сохранились отдельные «канадския» семейства среди главной массы луизианских «креолов» французского происхождения. Несколько «кадий» основались также в окрестностях Квебека и других городов Канады. Наконец, многочисленные акадские матросы, не имея иного убежища, кроме моря, сделались пиратами и бродили около английских поселений, захватывая в плен суда и грабя

3 Ramean de Saint-Pere, „Une colonie feodale en Amerique“;—Casgrain, „Un pelerinage au pays d'Evangeline“.

уединенные жилища.

В 1759 г., после падения Квебека и подчинения канадцев Англии, власти Новой Шотландии, находясь с этого времени в мире с Францией и не имея более предлога препятствовать возвращению акадцев, допустили высланных вернуться сотнями; изгнанники, рассеянные по разным местам, снова сошлись, наконец, после долгой разлуки, но они тщетно пытались вступить в свои имения, приведенные ими в культурное состояние: поля их принадлежали уже другим. Им пришлось бродить наудачу и селиться на новых землях, но без возможности получить формальные акты на право владения. Бывало, как только они расчистят где-нибудь почву под пашни, так сейчас же этот участок отдавали во владение какому-нибудь шотландцу или англичанину, и они должны были снова отправляться в изгнание или работать, в качестве батраков, на чужом поле. Положение их несколько упорядочилось и самое существование их стало почти терпимым только после войны за независимость Соединенных Штатов, когда владычеству англичан в Канаде, казалось, грозила серьезная опасность. Но даже и тогда акадцам не позволяли соединяться в сплоченные колонии: каждый из их земельных участков должен был находиться между двумя протестантскими имениями, и жительство на побережье им было запрещено. Только в 1827 году, с отменой присяги на верноподданство, они были совершенно уравнены в правах с другими гражданами и получили право быть избираемыми на общественные должности. Но, не взирая на долгое угнетение, этот народ, которому не раз грозила опасность быть истребленным, не переставал возрастать численно: в столетие, протекшее с 1785 г., акадское население удваивалось через каждые двадцать семь лет. В 1881 году французское население в Приморских провинциях состояло из 108.605 душ; теперь оно, вероятно, доходит до 130.000 душ, составляя седьмую часть общего числа жителей. Правда, все новые иммигранты—люди английского, немецкого или скандинавского языка. Эмиграция в Соединенные Штаты тоже весьма значительна; но в то время, как английские эмигранты из Приморских провинций почти все переселяются окончательно, акадцы, уходящие целыми партиями на заработки в каменоломнях, кирпичных заводах, на рыбных промыслах Новой Англии, имеют обыкновение возвращаться домой после каждого рабочего сезона.

Народонаселение Приморских провинций в 1871 и 1881 гг.: общее число жителей (со включением индейцев) в 1871 г.—770.415; в 1881 г.—872.273; прирост населения: 13,$_{22}$ на 100.

Численное возрастание акадцев идет быстрее, чем у других этнических элементов страны, и если рождаемость в акадских семействах сохранит и впредь ту же пропорцию, то они с течением времени образуют большинство во многих округах и снова приобретут политическое и социальное влияние, которое было отнято у них насильственно. Почти везде акадцы живут отдельными поселениями, особняком от других резидентов. На острове Принца Эдуарда они занимают главным образом северо-западную оконечность; в Новой Шотландии они населяют юго-западную часть, по берегам Атлантического океана и бухты Фунди; деревни их рассеяны также вдоль пролива Кансо, на обоих берегах, и им же принадлежит остров Мадам. В Новом Брауншвейге, где они в силе, они составляют пятую часть населения. Колонии их встречаются также по берегам бухт Теплой и Мирамиши, и южнее, на проливе Нортумберлендском; наконец, они населяют всю северо-западную часть края, граничащую с провинцией Квебек; территория Мадаваска, в верховьях реки Сент-Джон, на канадском и на американском берегу, принадлежит ныне акадцам, потомкам тех акадцев, которые удалились во внутренние глухие леса во время «великого разоренья». Северная граница Нового Брауншвейга есть единственная часть Приморских провинций, где акадцы находятся в соприкосновении с своими канадскими братьями. Но те и другие, хотя одинаково французского происхождения и католической веры, не совсем смотрят друг на друга как на людей, составляющих один народ. Разделенные прежде огромными расстояниями, испытывавшие различные исторические превратности, они разнятся между собой преданиями и нравами; у них разные патроны, разные национальные праздники. Канадцы, более богатые и более ци-

вилизованные, воображают себя людьми более благородной расы; с своей стороны, акадцы упрекают своих квебекских соотечественников за то, что те часто, в советах правительства, приносили интересы слабых в жертву интересам сильных. Впрочем, происходившие в последнее время братские съезды способствовали взаимному сближению акадцев и канадцев.

Англичане, шотландцы, ирландцы по рождению или по происхождению представлены почти в равных количествах между жителями Приморских провинций, как показывает следующая таблица:

	Англич.	Шотланд.	Ирланд.	Вместе
В Новом Брауншвейге	83.598	40.858	100.613	321.233
„ Новой Шотландии	113.520	130.741	62.851	440.572
На о. Принца Эдуарда	21.404	48.933	25.415	108.891
Итог (без индейцев)	218.522	220.532	188.879	870.696

В Новом Брауншвейге этническое преобладание принадлежит ирландцам, тогда как Новая Шотландия вполне заслуживает свое имя по большинству её населения, состоящему из шотландцев; последние имеют численный перевес также и на острове Принца Эдуарда. Однако, слияние, происходящее между этими переселенцами с Британских островов, совершается, натурально, в пользу того элемента, который дал язык и учреждения. Кельты, или англо-саксы, все называют себя англичанами; даже немцы, потомки колонистов, привезенных в прошлом столетии и водворенных большею частью на атлантическом берегу Новой Шотландии, к юго-западу от Галифакса, и те англизировались. Впрочем, между ними было много голландцев и даже швейцарцев из романских кантонов: французские фамилии не редки между этими семействами, числящимися под общим названием «немецких». Однако, есть ещё некоторое число шотландцев, пришедших из горной Шотландии, которые говорят в семье гельским языком; глоссологические островки этого языка, область распространения которого в Старом Свете уже ограничена очень тесными пределами, существуют ещё в Новом Свете; в Южной Америке гельская речь также имеет свою маленькую энклаву на берегах Чубута. Эти верные хранители говора предков обитают во внутренних округах Кап-Бретона и в центральной и гористой части Новой Шотландии; они живут в очень хороших отношениях с акадцами, так же ревниво берегущими свою родную речь. Жителей Галифакса в шутку называют «синими носами», Blue-Noses, намекая тем на приписываемое этим шотландцам неумеренное употребление крепких напитков. Наконец, в эти последние годы в Новой Шотландии поселилось ещё несколько групп исландцев, с различным успехом.

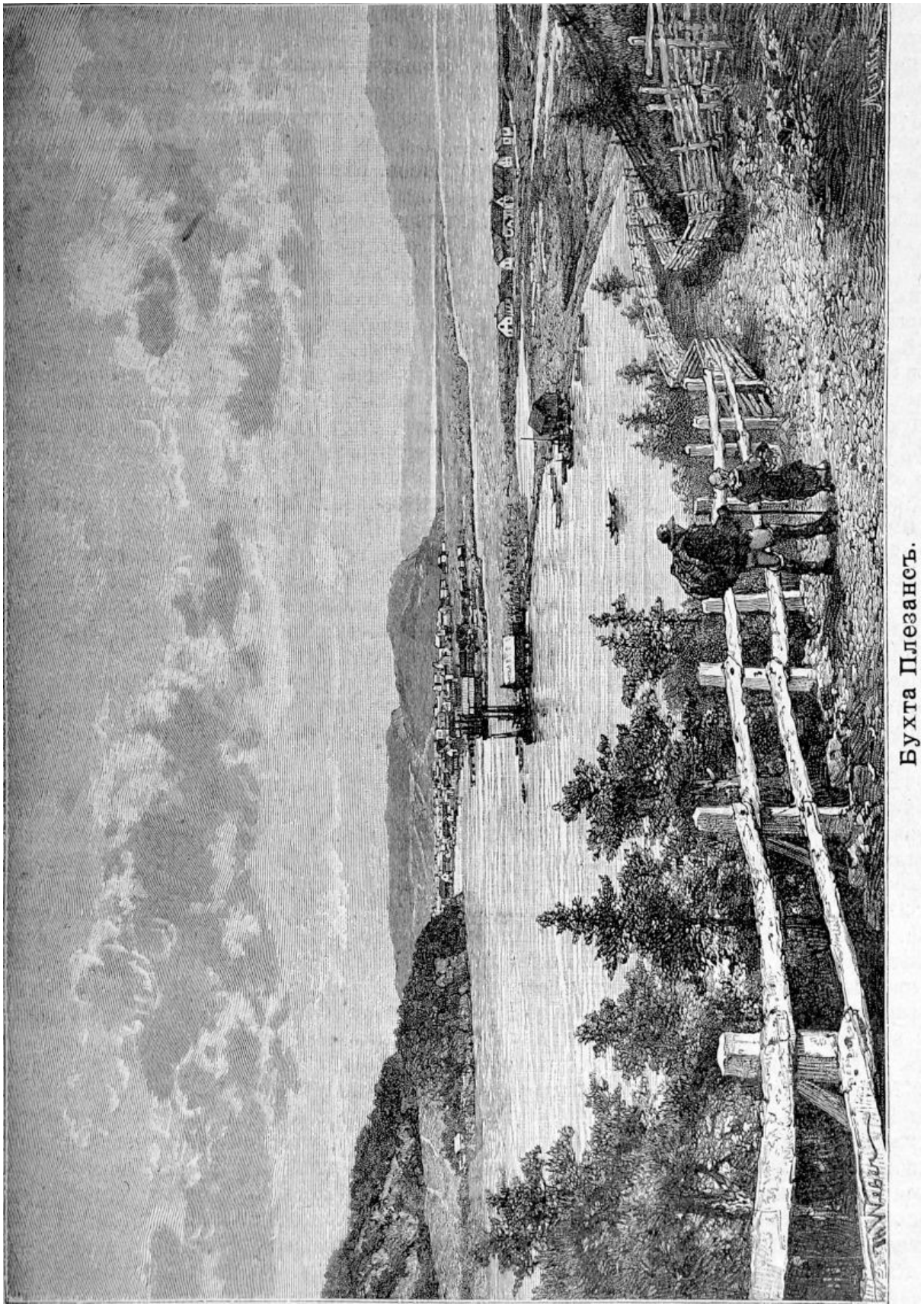
Население Приморских провинций увеличивается только путем естественного прироста, так как приток новых переселенцев весьма незначителен. С другой стороны, жители мало перемещаются; во многих округах домоседное население едва обновляется посредством скрещиваний. Не в этом ли обстоятельстве следует искать причину некоторых тяжких болезней, господствующих в крае? Проказа снедает акадцев Нового Брауншвейга, питающихся почти исключительно рыбой и уже несколько поколений не изменивших своего образа жизни, не оживлявших своей крови браками с чужими. Сумасшедших тоже очень много между англичанами и шотландцами Галифакса: мало семейств, где бы не было душевно-больных. Чахотка, воспаление легких, дифтерит делают большия опустошения в восточных провинциях Канадской державы; около четверти всего числа смертных случаев приписывается этим болезням. Процентное отношение чахоточных к обшей смертности в 1870 г. выразилось следующими цифрами[1]:

Новая Шотландия—241, Новый Брауншвейг—226, пров. Онтарио—154, пров. Квебек—138 на 1.000.

В цитадели Галифакса английский гарнизон теряет от чахотки трех человек на десять случаев смерти. Негры, потомки отпущенных на волю или беглых невольников, которых английское правительство велело высадить в Галифаксе, тоже подвергаются опасности заболевания грудными болезнями; однако, эти африканцы, попавшие в совершенно чуждую им

1 H. C. Lombard, „Traite de Climatologie medicale“;—Vincent, „Contribution a la Geographie medicale“.

среду, в суровый северный климат, в царство туманов и бурь, увеличились в числе в десятилетие с 1871 по 1881 год: их было 6.212 душ, а теперь насчитывается более 7.000. Быстрое размножение семейств и многочисленные случаи долговечности свидетельствуют о здоровости климата.

Бухта Плезанесъ.

На южном берегу Теплой бухты, в Новом Брауншвейге, существуют лишь маленькия рыболовные гавани: Дальгузи, Багурст, Каракэ; рыбные и устричные промыслы находятся

также на треугольном острове Шиппеган, отделенном от материка извилистым проливом, который в то же время представляет отличный порт или, лучше сказать, группу портов, и который предлагали как удобную пристань для трансатлантических пароходов. В соседстве Шиппегана, на берегу одной бухты, отделенной от моря узкой песчаной косой, находится маленькая акадская деревня Тракадия, хорошо известная своим лазаретом для прокаженных. Говорят—неизвестно, насколько основательно,—болезнь эта была занесена в прошлом столетии моряками из Леванта. Другие приписывают её бракам между близкими родственниками, очень частым в этом округе, как и в других местах побережья. Наконец, возможно, что пища, состоящая почти исключительно из рыбы, является здесь, как и в Норвегии, одной из причин этого страшного бича. Впрочем, он постепенно ослабевает: в 1889 г. население госпиталя заключало в себе только 23 прокаженных, в том числе четверо привезенных с острова Кап-Бретон. Большинство акадцы, остальные—шотландцы. Несколько человек белых различного происхождения были поражены этим недугом, но никогда ещё не бывало примера, чтобы индеец страдал проказой[1].

Бухта Мирамиши, или «Морской Коровы», открывающаяся на юге, часто не оправдывала своего названия, которое буквально значит, «счастливое убежище». Французские колонии, основавшиеся там в семнадцатом столетии, были последовательно разрушаемы англичанами, и во многих случаях колонисты, вынужденные бежать в леса, умирали там от голода. В 1760 г. местность эта была совершенно опустошена: в ней не осталось ни одного жилища белых. В 1775 г. туда пришли несколько семейств шотландцев и возобновили обработку заброшенной земли, но и они, в свою очередь, подверглись нападению бостонцев, которые разграбили их поселение, и колонизация могла начаться беспрепятственно только после войны за американскую независимость, когда некоторые из «лойялистов», эмигрировавших из Соединенных Штатов, поселялись на берегах бухты Мирамиши, где они занялись отправкой в Англию строевого леса. Порт Чатам, находящийся в том месте, где эта бухта превращается в лиман,—один из самых деятельных портов этого побережья. Движение большого судоходства в Чатаме выразилось в 1887 году цифрой 112.000 тонн.

Бухта Ришибукто, открывающаяся южнее, против острова Принца Эдуарда, замечательна как место морского купанья, привлекающее много посетителей; прежде это был один из центров отпускной торговли лесом; кроме того, здесь существовала кораблестроительная верфь. Далее к югу рассеяны акадские поселения: Бюктуш, Кокан, Буржуа, Грандиг, Шедиак или Жедиак, Пуант-дю-Шен, Барашуа. Главная пристань судов, поддерживающих сообщение между материком и островом Принца Эдуарда, находится в Пуант-дю-Шен; но в близком будущем канадцы надеются устроить переход между названным островом и твердой землей восточнее, там, где Нортумберлендский пролив суживается. В этом месте два противоположных мыса сближаются, оставляя лишь промежуток не более 15 километров шириной, который зимой замерзает, так что часто трудно бывает пробираться через него при помощи пароходов-ледоколов. И вот теперь задумали прорыть туннель для перехода через пролив. Во время соединения различных провинций Британской Америки в одно союзное государство, провинции эти взаимно обязались сблизиться посредством более быстрых путей сообщения, служащих символом духовного единения, которое должно развиваться между различными частями политического организма, и теперь инициаторы проекта подводной галлереи напоминают об этом обязательстве членов союза.

Этому грандиозному предприятию, далеко превосходящему, по смелости замысла, осуществленное в Англии устройство туннеля под Северном, соответствует попытка другого сооружения, устраиваемого, в той же Канадской стране, через перешеек, соединяющий Новую Шотландию с Новым Брауншвейгом. Известно, что громадная приливная волна, поднимающаяся на бухте Чиньекто, северной оконечности залива Фунди, распространяется по низким берегам почти до Зеленой бухты, бокового залива в Нортумберлендском проливе, не доходя до этой бухты только на 27 километров, и чтобы попасть из одного порта в другой, суда

1 „Montreal Star“, September 12, 1889.

должны проходить огромное пространство, 1.400 километров, вокруг Новой Шотландии и Кап-Бретона, по морям, которые чрезвычайно опасны своими приливными течениями, туманами, песчаными мелями и рифами. Для устранения этого неудобства, казалось бы, всего естественнее прорыть канал между двумя бухтами, тем более, что порог перешейка не высок и не потребовалось бы больших работ. Но разность уровней прилива в этих бухтах создает инженерам специальные трудности, преодолеть которые они не надеются с полной уверенность, и потому, вместо канала, был составлен проект постройки железной дороги для перевозки морских судов. Исполнение этого плана началось с 1883 г., со стороны залива Фунди, в Форт-Лоренсе. Уже вырыли подходный канал, построили защитные плотины и приготовили фундаменты поднимателя, сила которого рассчитана на 2.000 тонн; однако, наибольший вес для судов, которые будут перевозимы по рельсам, определен в тысячу тонн. Этот опыт, производимый на перешейке Шиньекто, после того, как он был сначала предложен Идсом для Тегуантепекского перешейка, несомненно составит эпоху в истории индустрии. Ожидают только результата этого дела, чтобы принять окончательное решение относительно других перешейков, тщетно атакуемых прерывателями. Но разве история не представляет примеров подобных предприятий, увенчавшихся успехом? Диоклос афинянин перевозил суда в 200 слишком тонн через Коринфский перешеек. Венецианец Сорболе выполнял ещё более смелую задачу: перевел целый флот, заключавший в себе суда в 300 тон, из реки Эч в Гардское озеро через холмистый перешеек[1]. *Дорога через Шиньекто уже построена*.

Реки, впадающие в бухту Шиньекто, являются, благодаря морскому приливу, то заливами, то аллювиальными пространствами, среди которых извиваются незначительные ручьи. Река Тантрамар—на французско-акадском диалекте, Тентамар (шум)—названа так от столкновения её вод с приливной волной, которая поднимается далеко в равнины, а прежде, вероятно, проникала ещё гораздо дальше, судя по обширным дугам, которыми продолжаются внутри материка болота и заливы. В главной реке, называемой Петикодиак, прилив достигает высоты 20 метров и распространяется верст на пятьдесят от устья. Город Монктон, расположенный на перемежающемся заливе, сделался столицей этого канадского междуморья, благодаря пересекающимся в нём железным дорогам, а также благодаря своим обширным мастерским подвижного состава; первыми жителями этого промышленного и торгового центра были немцы из Пенсильвании, оставшиеся верными Англии. В окрестностях, каменноугольные копи уже истощились, но, взамен того, там теперь ломают плиту для построек Бостона и Нью-Йорка. Солонцоватые луговые пространства побережья доставляют огромные количества сена и прокормливают скот, отправляемый на английские рынки; болота и трясины, отделенные от моря, слывут у охотников обетованной землей. Движение судоходства в Монктонском порте в 1887—88 г.: 2.335 судов, вместимостью 301.646 тонн. Местность к востоку и юго-востоку от Монктона занята акадскими колониями. Вокруг деревни Мемрамкук, которую можно считать метрополией французской Акадии, изгнанные в 1775 г. колонисты, по возвращении в край, поселились на своих прежних землях; поля, затопленные вследствие разрушения насыпей, были снова обведены плотинами и приведены в культурное состояние[2]. В окрестностях видны развалины фортов, которые некогда строили и оспаривали друг у друга англичане и французы. Мемрамкукский коллеж—одно из наиболее славящихся католических учебных заведений Северной Америки.

Сент-Джон, важнейший канадский порт в заливе Фунди, заимствовал свое имя у главной реки Нового Брауншвейга. Река эта, как известно, проходит, в верхней части своего бассейна, через территорию, обитаемую французскими населениями. Деревни Сен-Базиль и Эдмонстон населены потомками акадцев, изгнанных из Новой Шотландии, и теперь, благодаря железной дороге, жители этих поселений соединены в одну национальную группу со своими канадскими братьями на реке св. Лаврентия, от которых прежде их отделяли леса. Город, построенный в соседстве большого водопада и носящий английское имя Гранд-

1 Ketchum, „Chignecto Marine Transport Railway“.

2 H. R. Casgrain, „Pelerinage au pays d'Evangeline“.

Фольс, также частию заселен акадцами, к которым присоединилось довольно значительное число скандинавских иммигрантов. Другие прибрежные города, лежащие ниже по течению реки Сент-Джон, были основаны французами, которые должны были, в прошлом столетии, уступить место либо бостонским завоевателям, либо, позднее, американцам «лойялистам», которых Англия, в награду за верность, наделила чужими землями. Вудсток окружен плодороднейшими полями и прекрасными садами; Фредериктон, столица Нового Брауншвейга, с университетом,—самый красивый и наилучше построенный город этой провинции.

Уступая рангом Фредериктону, Сент-Джон много превосходит его численностию населения, торговым движением и богатством. Он также вырос из французской колонии. Шамплен посетил тамошний рейд в 1604 г. и дал название стрелке и реке; тридцать лет спустя, Клод де-ла-Тур основал там контору для закупки у индейцев мягкой рухляди. Набеги, штурмы, бомбардировки и пожары долго мешали преуспеянию города; он получил некоторое значение лишь со времени восстановления мира, когда, в 1783 г., английский флот высадил туда около пяти тысяч лойялистов, эмигрантов из северо-американских колоний, провозгласивших себя независимыми. В 1877 г. пожар истребил большую часть города, но последний отстроился ещё красивее; счастливый соперник Галифакса, где военный флот стесняет торговлю, Сент-Джон сделался одним из деятельнейших портов конфедерации и четвертым её городом по числу жителей.

Центральное ядро города занимает скалистый полуостров между старым и новым устьем реки. Улицы, расположенные в виде шахматной доски, пересекаются под прямым углом, несмотря на неровности почвы, которую пришлось во многих местах уравнивать посредством взрыва скал. Крайний выступ полуострова между двумя заливами, бывший прежде военным полем, теперь служит местом для гимнастических игр. Со стороны рейда город окаймлен пристанями и живыми мостами на сваях; паровые паромы поддерживают сообщение между Сент-Джоном и бассейном города Карльтона, построенного на западном берегу. Долина, в которой проходит «между-колониальная» железная дорога, отделяет собственно город от Портленда и других предместий, включенных теперь в городской округ Сент-Джона. За этой долиной тянутся парки и рассеяны дачи в долинках и по окружности озер. После долгой неподвижности и даже потери части населения, эмигрировавшей в Соединенные Штаты, Сент-Джон снова оживился со времени постройки железных дорог, особенно главной линии, соединяющей его, через Монреаль и Со-Сент-Мари, с Миннеаполисом и другими хлебными рынками на верхнем Миссисипи. Порт Сент-Джона представляет ту капитальную выгоду, что он свободен от льда круглый год, и трансатлантические суда пристают там во всякое время.

Движение судоходства в порте Сент-Джон в 1887—88 гг.: судоходство дальнего плавания —5.898 судов, вместим. 1.037.356 тонн; каботаж—5.310 судов, вмести. 390.945 тонн; всего—11.208 судов, вместим. 1.428.301 тонна.

В крайнем углу Канадской территории маленький городок Сент-Эндрьюс (св. Андрея), стоящий на длинном полуострове между бухтой Пасоамакводди и рекой св. Креста выступает в роли будущего соперника Сент-Джона и тоже претендует на честь быть главной пристанью мореходства между Канадой и Европой. В начале XIX столетия он вел большую торговлю лесом с Англией и Вест-Индией, но вследствие таможенных мер, лесопромышленность перешла в другое место, и Сент-Эндрьюс обеднел, тогда как, севернее по реке св. Креста, канадский город Сент-Стефен, лежащий против американского города Кале, быстро возвысился по численности населения и размерам торговли. Но Сент-Эндрьюс имеет за собой преимущество красоты местоположения, которую ему придают живописная бухта Пассамакводди, окружающие полуострова, из красивого розового гранита, острова и островки, рассеянные в рейде. Движение судоходства в этом порте в 1887—88 г. выразилось следующими цифрами: судоходство дальнего плавания—5.769 судов, вместим. 235.511 тонн; каботаж—1.345 судов, вместим. 91.575 тонн; всего—7.114 судов, вместим. 327.086 тонн.

Близ входа в бухту тянется группа опасных рифов, известная под именем стаи «Волков»

(Wolves). Другой остров, расположенный, словно волноразбиватель, перед американским портом Ист-порт, носит название Кампо-Белло. Вдали, в море, лежит большой остров, окруженный красными утесами и покрытый лесом: это—Гранд-Манан, посещаемый летом, так же, как и Кампо-Белло, тысячами иностранцев, больных и здоровых, приезжающих по большей части из Бостона и других городов штата Массачузетс.

По другую сторону бухты Фунди, берега Новой Шотландии, принадлежавшие к той же Акадии, как и Новый Брауншвейг, часто были, подобно этому последнему, посещаемы войной, так как протестанты-бостонцы не могли терпеть в своем соседстве пребывания французов и индейцев-католиков. Город Амгерст, на перешейке Шиньекто, стоит в местности, бывшей некогда предметом ожесточенного спора: в окрестных лесах и лугах видны ещё развалины фортов, и многие имена мест напоминают происходившие тут битвы; один мост через ручей до сих пор носит название «Кроваваго» (Bloody bridge). В настоящее время местность эта, благодаря своим прекрасным лугам, одна из богатейших в Новой Шотландии: все низменные берега поморья защищены плотинами от вторжения приливной волны; стада пасутся в нескольких местах ниже уровня моря.

Город Труро занимает сходное с Амгерстом положение, на оконечности одной из ветвей залива Фунди, называемой бухтой Кобеквид. И населен он также людьми, говорящими английским языком, хотя стоит на месте бывшего французского поселения. В этой области не осталось ни одного акадца; потомки изгнанной расы не вернулись сюда, как вернулись они в другие округа. Из сельских местностей, где акадцы жили наиболее скученно, на юге бассейна Рудников, исчезли также и земледельцы, обратившие эти местности в цветущие сады. На востоке река Авон, называвшаяся прежде Пизиквид, или «слияние вод», по причине многочисленных соединяющихся с нею лиманов, составляет границу этой прекрасной области лугов и садов, орошаемой речками и ручьями, сохранившими ещё по большей части свои французские имена: Gaspereaux, Riviere aux Canards, Riviere des Habitants. Полуостров, прежде заливаемой приливной волной, но теперь защищенный высокими плотинами, сооружение которых было начато ещё акадскими резидентами, выдвинулся далеко в море, между двух каналов соленой воды: это Гран-Пре, травяная равнина, по имени которой прежде называлась вся эта страна. Теперь она известна больше под именем «Эванжелины», благодаря пользующейся в Новой Англии и в других землях английского языка огромной популярностью поэме Лонгфелло, в которой рассказывается печальная одиссея акадских изгнанников. К концу восемнадцатого столетия, когда изгнанники вернулись на родину, тридцать или сорок лет спустя после «великого разоренья», земли их принадлежали уже переселенцам из Массачузетса, Род-Айленда, Англии и Шотландии, и они должны были опять идти на чужбину искать девственной почвы для распашки. В самом Гран-Пре не основано ни одной деревни, словно нынешние владельцы боялись, чтобы эту местность не посещали чужие люди; но окраины низменных земель густо населены. Главный город этого округа, Виндзор, лежащий на одной из ветвей Авонского лимана, славится своим учебным заведением, которое считается первым во всей Новой Шотландии. Важнейший предмет отпускной торговли—гипс, отправляемый со всех пристаней бассейна Рудников в Соединенные Штаты; что касается жил каменного угля и золотых приисков, от которых и получила свое название эта ветвь залива Фунди, то разработка их давно уже прекратилась. На северной стороне бассейна Рудников расположено промышленное местечко Парросборо, командующее над входом в бухту.

Из Винзора и Кентвиля, двух самых многолюдных городских агломераций Эважелины, железная дорога ведет в Аннаполис-Ройяль, бывший Порт-Ройяль. В узком проливе Аннаполис, бывшей «реке Дофина», лежит Козий остров, где в 1604 г. было основано первое поселение сеньора де-Мон; недалеко оттуда находится портовый город Дигби. Цитадель Аннаполиса, выдержавшая много осад и штурмов во время англо-французских войн, стоит ещё, и английское правительство сохранило её в своем непосредственном владении, хотя и не держит там гарнизона. И здесь также акадцы принуждены были покинуть свои деревни и поля;

но в юго-западном углу Новой Шотландии тысячи беглецов нашли убежище на берегах озер и рек. Соединившись с микмаками и говоря их языком, эти изгнанники образовали, под управлением одного аббата, маленькое теократическое государство, долго сохранявшее свою независимость. Потомки их, теперь подчиненные англо-канадским законам и живущие почти исключительно земледелием и рыбной ловлей, не принимают почти никакого участия в промышленной деятельности своих соседей британского происхождения. Яблоки из этого округа, слывущие лучшими в Новом Свете, вывозятся целыми кораблями в Нью-Йорк и в Новую Англию.

Южная метрополия Новой Шотландии, Ярмут, стоит на берегу узкой бухты, в пяти километрах от моря. Из всех канадских городов ни один не представляет такого разительного сходства с городами Массачузетса, и действительно, Ярмут был основан, в половине прошлого столетия, моряками из Новой Англии, к которым присоединились, после войны за независимость, американские «лойялисты». Население его занимается рыболовством и арматорским делом: морякам его принадлежит триста слишком судов, общая вместимость которых больше сотни тысяч тонн; пароходные линии, открытые по инициативе его арматоров, поставили его в сообщение с Бостоном. Галифаксом и другими портами побережья. Но если Ярмут достиг цветущего состояния, то Шельборн, лежащий по другую сторону Песчаного мыса и основанный в подобных же условиях, утратил свое прежнее значение, несмотря на его великолепную систему портов. Поселившиеся тут в 1783 г. «лойялисты» построили два обширных завода, привлекли рабочих и моряков, и хотели, говорят, сделать из своей колонии столицу приморских провинций, оставшихся верными Англии: двенадцать тысяч жителей собралось на этом пункте Новой Шотландии. Но окрестная область, усеянная озерами в гранитных водоемах, не имела земледельческого населения и не могла удовлетворять продовольственные потребности нового города. Промышленность и торговля не повиновались желаниям американских эмигрантов, и большинство последних должны были разбрестись по разным местам или вернуться на родину. Колония приведенных ими негров-невольников удержалась в соседстве Шельборна, несмотря на резкую разницу климата между Новой Шотландией и Виргинией. Далее, за Шельборном, морской берег, направляющийся на северо-запад к Галифаксу, довольно опасный для судоходства, представляет ряд маленьких портов, между которыми самые деятельные—Ливерпуль и Луненбург; последний населен частию жителями германского происхождения. После изгнания акадцев, английское правительство старалось залучить немецких колонистов, наделяя их безвозмездно землями. В окрестностях Луненбурга и теперь ещё кое-где можно встретить стариков-поселян, разговаривающих между собой на простонародном немецком языке.

Галифакс, главный и первый по числу жителей город Новой Шотландии, стоит около середины восточного побережья, на берегу фиорда, разветляющагося на несколько рукавов и представляющего отличный порт, где могут свободно помещаться целые флоты: индейцы называли его Шебукто, т.е. «главной гаванью», а французы дали ему имя «Здоровой бухты». Первое поселение, имевшее чисто военный характер, получило, в 1749 г., колонистов из Массачузетса, затем немцев, навербованных в Европе, и город рос медленно вокруг цитадели. Галифакс, правильно распланированный, но мрачный и некрасивый на вид, расположен на западном берегу порта; на противоположной стороне, по скатам холма лепится амфитеатром пригород Дартмут, и паровые паромы, постоянно снующие между кораблями на якоре, поддерживают сообщение между этими двумя городами. Сильная крепость, командующая городом с высоты 75 метров, занимает всю вершину горы, перекрещивая свои огни с огнями Дартмута, Джордж-Айленда и аванпорта; вдоль лимана тянутся арсеналы, кораблестроительные верфи, стапели и эллинги. Галифакс, наилучше оборудованная морская станция Англии в водах Нового Света, имеет док для починки судов, длиной в 183 и шириной в 31 метр, более обширный сравнительно с подобным же доком на Бермудских островах. В казармах помещается английский полк, единственный содержимый правительством на территории Канадской державы. Город военных и чиновников, питаемый в большой части имперским бюджетом, Галифакс слывет одним из наименее промышленных городов конфедера-

ции и не извлекает в той мере, насколько это было бы возможно, выгод из своего великолепного торгового положения на полуострове, выдвинутом за черту континента Америки по направлению к Старому Свету. Движение торгового судоходства в этом канадском порте выразилось, в фискальном 1886—87 году, следующими цифрами: в приходе—1.153 судна, вместим. 843.125 тонн; в отходе—4.284 судна, вместим. 871.987 тонн.

Северно-американская междоусобная войди была периодом процветания для Галифакса под прикрытием нейтралитета, он ввозил «военную контрабанду» в южные штаты и давал убежище корсарам. Золотые прииски в окрестностях Дартмута и к юго-востоку от Галифакса, в долине «Золотой реки», Gold-river, почти истощились. Одна из подгородних деревень, Гаммондс-Пленс, населена неграми, потомками освобожденных невольников, привезенных английским флотом в 1815 г. из Мериленда и Виргинии.

К северо-востоку от Галифакса, морской берег, скалистый и изрезанный фиордами, мало плодороден, и благодаря этому обстоятельству, акадцы, вернувшиеся на родину после американской войны за независимость, нашли свои земли незанятыми и могли снова поселиться на старых местах. Одна из этих французских колоний находится в Чеззет-куке, верстах в тридцати к северо-востоку от Галифакса; другие рассеяны по берегам прилива Кансо. В начале шестидесятых годов настоящего столетия можно было думать, что эти области Новой Шотландии быстро разбогатеют, особенно в окрестностях Шип-Гарбур, Танжье и Шербрука, благодаря открытым там месторождениям золотой руды; но быстрый скуп золотоносной почвы барышниками и спекуляция скоро истощили новый источник богатства, и край снова опустел. Даже порт Гвисборо, занимающий такое выгодное положение, в глубине бухты Шедабукто и у восточного входа в пролив Кансо, представляет незначительную рыболовную гавань, едва посещаемую. Пикту, самый оживленный город на всём северном побережьи, вывозит уголь, добываемый в копях Нового Гласгова и Шеллартона (добыча каменного угля в Новой Шотландии за время с 1870 до 1886 г. составляла 19.152.880 тонн; в 1886 г. добыто 1.682.924 тонны). Население этого города, в большой части верхне-шотландского происхождения, говорит ещё гельским языком. Антигониш, между Пикту и проливом Кансо,—также колония шотландских горцев, ведущая борьбу из-за этнического главенства с акадцами окрестных местностей. Но есть повод думать, что в близком будущем эти элементы потонут в космополитической толпе, так как некоторыми спекулянтами проектируется основание большого торгового города на пороге морских ворот, образуемых проливом Кансо. Вместо маленьких гаваней: Порт-Мюльгрев, на южном, Порт-Гоксбюри и Порт-Гастингс, на северном или кап-бретонском берегу, могучий город, с доками, магазинами, складами и железными дорогами, Терминаль-Сити, будет ожидать на проходе тысячи кораблей, ежегодно пересекающих этот пролив на пути между Атлантическим океаном и заливом св. Лаврентия. Один из трансатлантических кабелей касается американского берега в Порт-Гастингсе.

Небольшой остров Мадам, в островной группе Кап-Бретон, есть одна из областей Акадии, доныне сохранивших свое исключительно французское население. Жители его, почти все моряки и рыболовы, сгруппировались вокруг городка Аришат, главной рыболовной станции между Галифаксом и Сент-Джонсом, в Нью-Фаундленде. И здесь так же, как в деревнях Теплой бухты, рыбаки работают на джерсейских предпринимателей, монополизировавших почти совершенно рыболовный промысел в этих водах. На севере острова Мадам, бывший акадский городок Сен-Пьер (Сент-Питер) приобрел некоторое значение, в ущерб Аришату, благодаря каналу, длиной около 800 метров и глубиной в четыре метра, прорытому через невысокий перешеек и позволяющему судам проникать во внутреннее море Брадора и заходить во все внутренние порты. Таким образом Кап-Бретон является разделенным на два острова. Сент-Питер, так же, как большинство следующих за ним, в северном направлении, деревень с французскими именами, населен шотландцами из горной Шотландии и с Гебридских островов. Они составляют господствующее население на острове и менее смешаны с другими элементами, чем в других местах в округе Бедека, прибрежного города Брадо-

ра. В соседстве этого города микмаки всего лучше сохранили свои нравы и язык; на западе, на берегу залива, находится акадская колония Шетикан.

Главный город острова, бывший прежде столицей провинции Кап-Бретон, черный Сидней, обогащается торговлей каменным углем, добываемым в окружающей местности: целая сеть железных дорог соединяет копи, гавани, амбаркадеры, на значительном пространстве территории; паровые паромы поддерживают сообщение с Северным Сиднеем (North-Sydney), расположенным на другой стороне порта. Жилы каменного угля разработываются уже слишком двести лет и питали преимущественно промышленность Новой Англии, и теперь ещё почти весь добываемый в Новой Шотландии уголь вывозится в Соединенные Штаты для производства светильного газа. Сидней тоже претендует на роль исходной пристани для кораблей, отправляющихся в Англию, и притязание это оправдывается его географическим положением, как самого восточного из канадских городов, но беда та, что порт его три месяца в году заперт льдами.

Другой порт, более открытый на море и более удобный для трансатлантического судоходства,—это порт знаменитой Луисбургской крепости, находящийся вблизи мыса, от которого весь остров получил название Кап-Бретон (Бретонский Мыс). Луисбург, прежде называвшийся «havre a l'Anglais», был военным ключем к морям Нью-Фаундленда и Новой Шотландии. С 1720 по 1740 год французы сделали из него грозную цитадель, которую у них дважды отнимали, в 1745 и в 1758 годах, и которая потом служила англичанам опорной точкой для завоевания Канады. Крепостные валы ещё сохранились, прерываемые брешами, где пасутся овцы; у подножия цитадели ютится маленькая деревенька. В последние годы стали пользоваться луигсбургским портом, никогда не замерзающим: на севере от бывшей крепости, по другую сторону залива, выстроился Новый Луисбург.

Порты Новой Шотландии и Кап-Бретона (кроме Галифакса), в которых движение судоходства превышало 100.000 тонн, в 1887—88 фискальном году: Амгерст—124.269 тонн; Парсборо—189.098 тонн; Виндзор—(дальнего плавания)—146.028 тонн; Дигби—225.204 тонн; Аннаполис—116.738 тонн; Ярмут—300.068 тонн; Шельборн (кабот.)—107.354 тонн; Лунненбург—261.352 тонн; Аришат—254.044 тонн: Сидней и Северн. Сидней—1.095.218 тонн; Бедек—120.526 тонн; Порт-Гоксбюри—217.435 тонн; Пинту—517.979 тонн.

Остров Принца Эдуарда (Prince-Edward-island), который акадские французы называли островом св. Иоанна (Сен-Жан),—шотландский по большинству его населения, хотя в меньшей степени, чем Кап-Бретон: английский язык давно уже взял перевес там над сельским. Туземные жители, микмаки, были оттеснены внутрь острова, и на северном берегу им подарили один прибрежный островок, Леннокс-Айленд, где белые не имеют права селиться. Что касается акадцев, которые были первыми европейскими поселенцами на острове Принца Эдуарда, называвшагося тогда Сен-Жаном, то они были прогнаны, подобно акадцам Новой Шотландии; но после изгнания этих хлебопашцев, которых считали людьми опасными для владычества Англии, шестьдесят семь знатных англичан, отставных военных или бывших в милости при дворе, между которыми британское правительство разделило остров по жребию, увидели себя в большом затруднении, не зная, где взять рабочия руки для обработки восьми тысяч гектаров, доставшихся на долю каждого из них; многие вынуждены были призвать обратно французских крестьян из лесов, куда те удалились, и снова водворить их на отнятых у них землях[1]. В наши дни акадцы обитают повсеместно на острове, но большинство населения они образуют только на северном полуострове, вокруг Тигинша, деревни, где начинается железная дорога, перерезывающая из конца в конец эту островную провинцию. Феодальный порядок землевладения, отказывавший земледельцу в праве собственности на обработываемый им клочек земли, замедлил заселение и приведение в культурное состояние этого плодородного острова, который легко было бы обратить в один обширный сад. Концессионеры, не решившиеся нарушить декреты об изгнании, по большей части пустили свои земли в залежь, и земли эти оставались без употребления вплоть до окончания войны за не-

1 John Stewart, „An account of Prince-Edwar-island".

зависимость Соединенных Штатов, когда на остров прибыли тысячи бывших солдат и беглых «лойялистов». Чтобы дать земли колонистам, пришлось, во время учреждения конфедерации, выкупить за четыре миллиона франков часть имения, которым некогда распорядился королевский каприз.

Столица острова Принца Эдуарда, Шарлот-таун (Charlottetown), лежащая на южной его стороне, на берегу хорошо защищенной гавани, которую акадцы называли «радостным портом», porl La Joie, приобрела исключительную важность, благодаря политической централизации. Соседний городок Соммерсайд, построенный также на южном берегу, против Нового Брауншвейга, ведет очень деятельную торговлю: он вывозит в большом количестве хлеб, производимый в изобилии богатыми окрестными полями, и славящиеся у гастрономов устрицы, ловимые в Бедекской бухте. Движение судоходства у портах острова Принца Эдуарда в 1887—88 году выразилось следующими цифрами: Шарлот-таун, мореход. дальнего плавания—1.189 судов, вмест. 165.035 тонн: каботаж—6.020 судов, вмест. 811.655 тонн; Соммерсайд—1.426 судов, вмест. 639.160 тонн.

Остров Принца Эдуарда изобилует плодовыми садами, но леса в собственном смысле на нём уже исчезли; его превосходные, быстроногие лошади высоко ценятся американцами.

Главнейшие города Приморских провинций:

Новый Брауншвейг: Сент-Джон—39.000 жит.; Портленд—15.000 жит.; Монктон—9.000 жит.; Фредериктон—7.000 жит.; Чатам—5.000 жит.

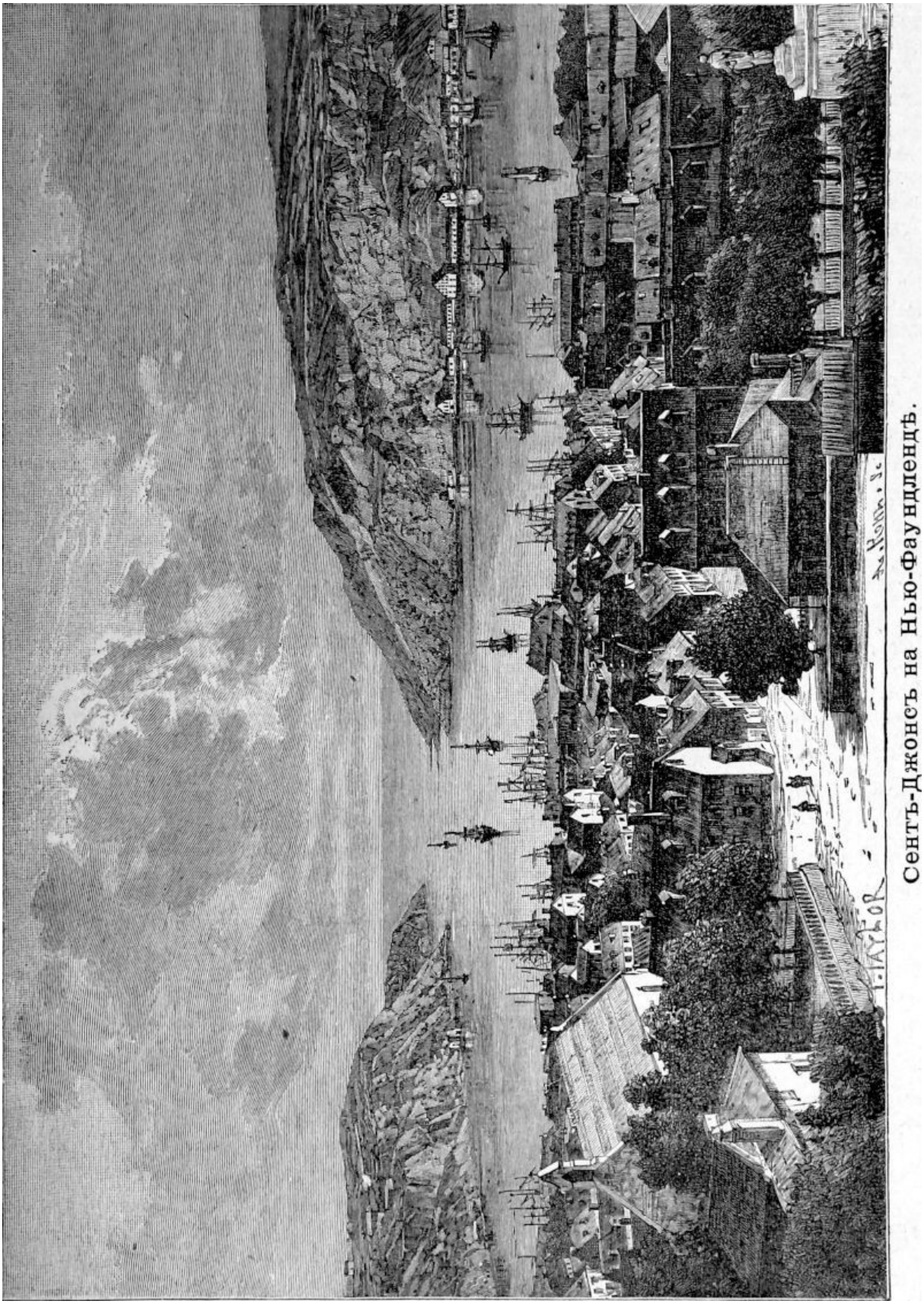
Остров принца Эдуарда: Шарлот-таун—11.000 жит.

Новая Шотландия: Галифакс—39.000 жит; Сидней и Северный Сидней—9.000 жит.: Ярмут—8.000 жит.; Труро—6.000 жит.; Пикту—5.000 жит.; Виндзор—4.000 жит.

Остров Песчаный, лежащий в открытом море, верстах в полутораста от Новой Шотландии и защищающий подходы к её берегам, есть одна из замечательнейших океанских земель по тем изменениям, которым подверглись от действия бурь и течений его очертания и размеры в короткий период трех веков. Старинные французские карты изображают его имеющим 74 километра в длину и 4.160 метров в ширину; в 1776 года, на карте, изданной английским адмиралтейством, длина его показана уже в 48 с половиной километров, а ширина на 460 метров меньше, и в то же время западная оконечность его передвинулась верст на двадцать к востоку; затем карты, составленные в 1818, в 1850 и в 1888 годах, указывают новые сокращения размеров и перемены положения: в наши дня остров, изображаемый на картах в форме полумесяца, сращенного выпуклой стороной к югу, имеет всего только 40.700 метров в длину, при ширине 1.850 метров: он уменьшился более, чем на половину впродолжении двух столетий, и западная оконечность отступила на 46 километров по направлению к открытому морю; кроме того, самые высокие дюны его, прежде поднимавшиеся на 60 слишком метров, теперь имеют не более 24 метров высоты. Одно озеро, находящееся внутри острова, не переставало перемещаться вместе с песчаными горками и самим островом, и то бывало совершенно отделено от моря, то сообщалось с ним проливом: в 1836 г. две американских шлюпки, укрывшиеся в этом озере от бури, не могли выйти из него. Жители время от времени переводят свою станцию и маяк с одного места на другое, из боязни, чтобы в один бурный день не снесло всего острова. Бывали случаи, что поднятые штормом волны в одну ночь поглощали полосы пляжей пространством в несколько гектаров.

Но если островок уменьшается, то опасная песчаная мель, на которой он стоит, повидимому, не была размываема морем: в бурную погоду волны разбиваются до расстояния 12, даже 20 километров от плоского берега, в местах, где глубина воды уже доходит до 20 метров. Эти буруны представляют страшное зрелище, и подходить близко к ним тем опаснее, что течения в этих водах очень изменчивы, и кроме того, там господствуют густые туманы; иногда по целым неделям ни одно судно не может прибыть к острову, который, если и бывает доступен, то только через северную, относительно защищенную, бухту. Остров Песчаный —это «кладбище океана»: с 1802 г., т.е. со времени учреждения там спасательной станции, насчитали слишком полтораста кораблекрушений на окружающих мелях, но ещё большее

число несчастных случаев могли быть констатированы только на основании безвестных выкидков. Благодаря превосходной организации спасательной станции, одной из наилучше оборудованных во всём свете, большинство потерпевших крушение людей, выбрасываемых

Сентъ-Джонсъ на Нью-Фаундлендѣ.

на берег, избегают смерти. Нужно удивляться, что такое место было выбрано для одной из первых попыток колонизации, сделанных в Америке. Маркиз де-ла-Рош, которого король Генрих IV назначил концессионером и неограниченным властителем Канады, начал дело за-

селения этой страны с того, что высадил мимоходом на Песчаном острове десятка четыре своих людей, которых он рассчитывал забрать оттуда, когда найдет удобное для хлебопашества место. Это было в 1578 г.; семь лет спустя нашли только человек двенадцать этих несчастных, уже совершенно одичавших[1]. Нынешние жители островка занимаются, для одной английской компании, разведением пони, которые пасутся в поросших травой оврагах между дюнами[2].

VII. Лабрадор

Это географическое имя различно применяется разными писателями. Вообще его употребляют для обозначения всего полуострова, заключающагося между Гудсоновым морем и проливом, Атлантическим океаном, заливом и лиманом св. Лаврентия; но где поместить, в основании полуострова, границу этой громадной территории? По естественным чертам почвы, истинной границей была бы линия, проведенная от устья реки Руперта, в Гудсовоном море, до слияния рек Сагенэ и св. Лаврентия, но провинция Квебек присвоивает себе часть территории, простирающуюся на север от этого естественного рубежа, до 52 градуса широты. Если даже выделить из Лабрадора в собственном смысле этот «канадский Лабрадор», покатый к лиману и заливу св. Лаврентия, то и тогда огромное, треугольное пространство, достигающее вершиной арктического архипелага, всё ещё обнимает поверхность, исчисляемую в 1.200.000 квадр. километров, т.е. почти в два с половиной раза превосходящую площадь Франции. Почти всё это пространство, известное почти только по его контурам, составляет нераздельное владение Канадской конфедерации, за исключением атлантического побережья, до бухты Унгава, на которое заявляет притязание колония Нью-Фаундленд, как на продолжение её рыболовной территории; но вопрос этот ещё не решен, так как первоначальная хартия Новой Шотландии распространяет её юрисдикцию на противолежащий материк до Гудсонова пролива. Когда Лабрадор выйдет из состояния неизвестности и получит некоторое значение, промышленное или торговое, тогда сопредельные провинции не преминут, конечно, приступить к разделу этой обширной, пока ещё почти неведомой страны.

Этимологи много спорили и долго ещё будут спорить об этом племени «Лабрадор», с виду как будто латинского происхождения: *Terra Laboratoris*[3], *Terra Agricolae*[4], наивно говорят старинные картографы; но является вопрос—по какой странной иронии это название было дано бесплодной и мерзлой почве, где никогда никакой пахарь не проводил борозды, где Жак Картье не «высмотрел столько земли, сколько могло бы уместиться в корзине?» Никакой документ, оставленный мореплавателями, которые впервые осмотрели земли Лабрадора, не даст права предположить, чтобы им пришла странная мысль обратить в шутку свои собственные географические открытия, давая этой ледяной стране имя «земля Пахаря». Бидль[5], к мнению которого присоединяется также историк Паркман, высказывает предположение, что Гаспар Кортереаль, во время своего путешествия, в 1500 году, захватил некоторое число туземцев и увез их, с целью пристроить их «работниками» (labradores) на португальских плантациях: вот почему Лабрадор и получил это название, как страна, откуда можно доставать невольников. Хотя обычаи большинства моряков этой эпохи и позволяют допустить эту гипотезу, но последняя не опирается ни на какую депешу португальского мореплавателя, и при том страна, где население так редко и состоит единственно из рыболовов и звероловов, была бы выбрана плантаторами крайне неудачно для добывания «рабочих рук». Некоторые пытались сблизить имена Лабрадор и «Лабур» (pays de Labour, местность у подошвы французских Пиренеев), и в сходстве этих имен видели доказательство открытия заокеанской

1 Garneau;—Sulte, etc.

2 Stuart Fossard, „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale du Havre", nov.-decem. 1888.

3 См. карту, воспроизведенную Кунстманом в книге „Entdeckung Americas";—Pilote Allefonse.

4 Sebastian Munster, „Cosmographia".

5 „Memoirs of Sebastian Cabot".

страны баскскими мореходами[1]. Наконец, у канадцев приморья существует предание, что один баск, по имени Лабрадор—португалец, по другим рассказам[2]—был первым мореплавателем, проникшим в эти воды, ранее Кортереалей, но история ничего не знает об этом предтече названных португальских мореплавателей; точно также ей неизвестно выражение «bras d'or», которым, будто бы, французские капитаны обыкновенно обозначали благоприятные для плавания заливы и проливы[3]. Но не подлежит сомнению, что многие бухты «Новых Земель», особенно на острове Кап-Бретон и на берегах Лабрадора, носят название «Брадор» («Bras d'Or, Bradore, Brador, Bradaur»). На картах восемнадцатого столетия внутреннее море Кап-Бретона означено именем «Лабрадор», и два входа в него названы «Большим» и «Малым» Лабрадором. Бухта на берегу континента, близ входа в пролив Бель-Иль, известная под именем «Брадорской» («baie de Bradore»), есть именно та бухта, где до колонизации Канады рыболовы собирались в наибольшем числе, и где они основали деревню Брест. Не вернее ли будет допустить, что это наименование Брадор имеет местное происхождение, что оно произошло от какого-нибудь индейского слова, означающего «залив, пролив, вырезку побережья?»[4].

Из всех частей громадной Канадской державы Лабрадор наименее исследован; даже тундры, прилегающие к Ледовитому океану, на крайнем севере этого государства, были пройдены большим числом путешественников-исследователей. Правда, есть много сочинений, содержащих, как это можно подумать, судя по их заглавию, рассказы о путешествиях, совершенных в «Лабрадор»; но большинство этих сочинений относится только к «канадскому Лабрадору», т.е. к восточной окраине провинции Квебек, да и эта область очень мало известна. Единственные люди, проникавшие внутрь настоящего Лабрадора, к северу от «высоты земель»,—это индейцы, миссионеры и агенты Гудсонской компании. Так, канадский священник Лакас, приход которого находится в Мингане, на берегу залива, против острова Антикости, прошел всю страну с юга на север, до бухты Унгава[5]. В 1838 и 1841 годах компанейский скупщик пушнины Мак-Лин обошел северо-восточный Лабрадор между бухтой Унгава и фиордом Гамильтон; около 1860 г. другой агент компании, Кеннеди, посетил часть тех же местностей. В 1884 г. протестантский миссионер Пек прошел от Гудсонова моря до бухты Унгава, поднявшись по долине Малой Китовой реки и затем спустившись на покатость Коксока. Экспедиции, посылавшиеся в разное время на озеро Мистассини, способствовали ознакомлению с подходами к собственному Лабрадору; но большинство пройденных путей доставили лишь небольшое число географических сведений, ещё не приведенных в порядок. Единственные пункты, о которых имеются подробные сведения,—это те места атлантического прибрежья, где поселились моравские миссионеры. Что касается действительной конфигурации внутреннего Лабрадора, то она так мало выяснена, что легенда говорит ещё о неведомых озерах, «величиной с Онтарио», находящихся, будто бы, около центра полуострова, и никто не может сказать, к какому речному бассейну принадлежат эти озера.

Новейшие географические исследования в Лабрадоре: летом 1894 г. Гайт объехал юго-восточный берег полуострова и исследовал в особенности реки Белого Медведя, Орла и Райскую. Лоу пересек Лабрадор и снял на план реки Ист-Мэн, Гамильтон, Коксок и Мичикамов. Он нашел считавшийся до сих пор пустынным и бесплодным край вполне пригодным для заселения. Белль открыл, в 1894 г., могучую реку, Ноддавай, вытекающую из озера Маттагами в впадающую в бухту Джемс.

Самая возвышенная часть Лабрадора, вероятно,—та, которая образует выступ рельефа вдоль атлантического побережья, между проливом Бель-Иль и мысом Чодлей. На севере пролива холмы оканчиваются крутыми скатами; средняя высота их не более и 100—120 мет-

1 P. Margry, „Les Navigations Francaises".
2 Youle Hind, „Exploration in the Interior of Labrador peninsula";—Winsor, „America".
3 O. Brien, цитируемый у Vivien de Saint-Martin, в „Dictionnaire de Geographie univercelle".
4 Jules Marcou, „Bulletin de la Societe de Geographie", 1888.
5 Randle F. Holme, „Proceedings of the R. Geographical Society".

ров, но в отдалении виднеются горные вершины, покрытые снегом. Высоты, обозначаемые именем гор, видны лишь в соседстве вырезки морского берега, называемой Сандвич-Гарбур, это—«Мучные горы», Mealy mountains, эруптивные скалы, остроконечная вершина которых, ближайшая к морю, достигает высоты 452 метров. По словам путешественника Гольма, горы эти продолжаются в юго-западном направлении, к заливу св. Лаврентия, и примыкают на юге к внутренним нагорьям, которые береговая цепь ограничивает с восточной стороны. По ту сторону узкого пролива фиорда Гамильтон начинается краевая цепь, в начале довольно низкая, затем постепенно повышающаяся к северу. В северной части следуют одна за другой несколько вершин, с резко очерченными гранями, с остроконечными пирамидами, поднимающихся до 2.000 метров; однако, хребет этот, в целом, гораздо ниже цепи, которая тянется почти параллельно ему в Гренландии, по другую сторону Дэвисова пролива. Островной массив мыса Чодлей достигает 500 метров. Далее, цепь продолжается островом Резолюшен и красивыми хребтами Баффиновой земли, идущими также вдоль восточного прибрежья.

Восточные горы Лабрадора состоят из гранита и гнейса; впрочем, натуралист Либер констатировал также существование в составе их порфиров. Некоторые из этих гор оканчиваются на вершине впадиной, похожей на кратер с выщербленными краями, а между тем свойство горных пород доказывает, что это горы не вулканические[1]; предполагают, что эти кратерообразные углубления произошли от долгого пребывания снегов, которые постепенно размягчают и разлагают камень и землю, вырывая с течением времени в горной массе обширные амфитеатры. Гранитный остров Окак есть один из этих кратеров, на половину погрузившихся в Атлантический океан. На берегах Лабрадора иногда собирают пемзу, но этот плавающий вулканический шлак приносится с острова Исландии морскими течениями. Камень лабрадор, синего или зеленого, очень редко красного цвета, встречается отдельными глыбами на пляжах моря и озер. Эскимосы часто приносят его с одного пруда, лежащего внутри материка, к западу от Наина; минерал этот очень обыкновенен также около входа в фиорд Гамильтон: рыболовные шлюпки, приходящие грузиться в эту бухту, пользуются лабрадором как балластом[2].

К западу от краевой цепи, обширное плоскогорье, усеянное озерами и перерезанное реками, занимает весь восточный Лабрадор. По Гайнду и Гольму, средняя высота этой плоской возвышенности от 600 до 700 метров. На поверхности плато рассеяны выветрившиеся отрывки скал, словно их перекатывал какой-то огромный потоп. На севере и на западе почва постепенно понижается, представляя правильный скат к рекам, текущим к Гудсонову проливу и морю, но на юге и юго-востоке откосы круче, и горные потоки спускаются стремнинами и каскадами. Реки канадского Лабрадора, как известно, образуют ряд водопадов; но эти катаракты ничто в сравнении с водопадами «Большой реки», притока фиорда Гамильтон. Мак-Лин и Кеннеди, единственные белые путешественники, видевшие «Большие водопады», не дают их высоты, но, вероятно, она не менее 300 метров. В этом месте, отстоящем на 700 километров от моря, река, питаемая рядом озер, расположенных на плато по линии с севера на юг, является уже значительным потоком; выше порога она имеет почти полкилометра в ширину, затем вдруг суживается до 45 метров, перед тем, как низвергнуться в пропасть. По словам Гольма, индейцы питают суеверный ужас к водопаду и старательно обходят его: Кеннеди удалось видеть этот водопад вблизи только благодаря тому обстоятельству, что проводником ему служил ирокез, не разделявший страхов туземцев. «Горные» индейцы не переходят в своих кочевках за озеро Вамипикапу, бассейн в форме полумесяца, продолжающийся в узкой долине на протяжении 64 километров. Далее следуют один за другим несколько порогов, но река образует только один водопад, состоящий из двух последовательных скатертей, имеющих вместе около 21 метра высоты. Недалеко оттуда фиорд Гамильтон начинается бассейном, почти совершенно замкнутым: это бухта Мельвиль или «Большая» (Big-bay), сообщающаяся с фиордом (inlet) и с океаном узким каналом, или

1 O. M. Lieber, „Petermann's Mittheilungen", 1861.

2 Randle F. Holme, цитированное сочинение.

«rigolet», от которого и находящаяся в этом месте станция Гудсонской компании получила имя Риголет; различные части этого фиорда имеют в совокупности 240 километров длины. Мельвильская бухта принимает в себя ещё несколько рек, кроме Большой реки: один из её главных притоков—река Наскопи, питаемая водами многих озер и проходящая через одно из них ещё перед самым впадением в морской лиман. Карты Лабрадора, составленные на основании рассказов индейцев и компанейских агентов, указывают непрерывную сеть сообщающихся между собою озер и рек, по трем направлениям—к заливу св. Лаврентия, к Атлантическому океану и к бухте Унгава. Весьма вероятно, что эти указания ошибочны, и что соединение между покатостями существует не через речные русла или озера с двойным истоком, а через волоки. Все примитивные карты, начиная картой Земного Рая и географическими «таблицами» древних, изображавшими Дунай притоком двух морей—Понта Эвксинского и Адриатики, и кончая средневековыми картами, где фигурировали два или три африканских Нила, показывают внутри каждой страна один или несколько резервуаров с сетью расходящихся рек. Ещё в этом столетии Шатобриан восторженно говорит об общем истоке четырех больших рек Северной Америки[1]: «Миссисипи теряется на юге в Мексиканском заливе; св. Лаврентий впадает на востоке в Атлантический океан; Оттава изливается на севере в полярные моря; а Западная река несет, в стороне заката, дань своих вод в Великий океан».

К северу от фиорда Гамильтон, притоки которого проложили себе дорогу через внешния стены Лабрадорского нагорья, восточный склон гор слишком узок для того, чтобы там могли образоваться значительные потоки, с длинными долинами и боковыми разветвлениями; с этой стороны морской берег представляет только ряд фиордов, островов и островков, без речных устьев. Но на западном скате могли развиться большие реки: такова река Коксок, называемая англичанами также «Большой рекой» (Big-river), которая изливается в бухту Унгава. Она берет начало в той же части плоскогорья, как и «Большая река» восточного ската, и по указаниям некоторых суммарных карт, очевидно, не точным, сообщается с последней посредством нескольких цепей озер, так что восточная краевая цепь, если верить этим картам, оказывается окруженной со всех сторон естественным рвом. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что Коксок питается большим числом обширных озер, между прочим, озерами Мешикаму, Печикапу, Каниапуску.

Западный скат, воды которого изливаются в Гудсоново море, обнимает более половины поверхности Лабрадора; оттого реки там многочисленны и отличаются большой длиной течения: по рассказам трапперов, большинство этих рек текут в параллельных долинах, идущих от востока к западу, перпендикулярно к морскому берегу. Скат этот, подобно другим, имеет свою Биг-Ривер, или «Большую реку», действительно, очень многоводную и уступающую, по объему жидкой массы, между притоками Гудсонова моря, только Нельсону и Чорчилю. К югу от этой могучей реки, в залив Джемс впадают ещё два больших притока: река Ист-Мэн, почти совпадающая с оффициальной границей провинции Квебек, и река Руперта (Rupert's river), вытекающая из озера Мистассини. К северу от Биг-Ривер, в бассейн собственно Гудсонова моря текут реки: Большая Китовая, Малая Китовая, Клир-Ватер, Настапока. Клир-Ватер, или «Ясная Вода», выходящая из озера того же имени, изливается в широкий бассейн, называемый Ричмондским заливом, который сообщается с морем очень узким каналом, не дающим свободного прохода водам прилива и отлива: отсюда быстрые течения и водовороты, по причине которых индейцы не отваживаются пускаться на своих пирогах в пролив во время поворота приливной волны; но благодаря этому сильному движению воды, река не исчезает зимой подо льдом, и водяные птицы, тюлени, морские свиньи собираются там массами[2].

Озеро Мистассини, «Великого короля» или «Большого Камня», лежит к северу от истоков рек св. Маврикия и Сагенэ, на гудсонской покатости хребта страны и в части Лабрадора,

1 „Voyage en Amerique".
2 Bell, „Bulletin de la Societe de Geographie de Quebec".

причисляемой к провинции Квебек. Один из главных озерных бассейнов земли горских индейцев (Montagnais), быть-может, самый обширный и наверно наиболее прославленный, Мистассини долгое время был предметом таинственных легенд, без сомнения, потому, что, быв много раз посещен охотниками и миссионерами, он затем, при ревнивом господстве Гудсонской компании, снова очутился, так сказать, за пределами известного мира. Миссионер Альбанель первый из европейцев обошел это озеро в 1672 г., спустившись потом к Гудсонову морю по реке Руперта; в конце прошлого столетия ботаник Андрэ Мишо изучал флору берегов Мистассини. Но экспедиции с целью географического исследования этого озера возобновились только в сравнительно недавнее время: Лоу, Биньель, Лоудон, Мак-Дональд перешли все волоки (числом сорок один), отделяющие Мистассини от озера св. Иоанна (Сент-Джон). Отныне форма таинственного лабрадорского пресноводного бассейна известна в общих чертах, и составленные различными исследователями карты его мало разнятся одна от другой. Главное озеро или Большой Мистассини, длиной около 150 километров, имеет форму полумесяца, обращенного выпуклой стороной к северо-западу, и выделяет из вершины своей кривой реку Руперт. Водная площадь разделена по длине на две части цепью островов, расположенной также в виде правильной дуги круга; наконец, восточный берег образует перешеек, перерезанный узкими протоками и отделяющий Малый Мистассини от главного бассейна. Эти два озера сходствуют между собой контурами, чистыми, как хрусталь, водами и окружающими лесами, состоящими главным образом из березы; лот показал глубину 111 метров около середины Большого Мистассини. В этом озере высится знаменитая скала «Большой Камень», от которой оно и получило имя Мистассини: грозы родятся вокруг этого камня маниту, говорят горские индейцы, и прибавляют: «никто не может посмотреть на него и остаться живым»[1].

Лабрадор почти на всём своем протяжении лежит под широтами, более удаленными от полюса, чем Гренландия: он выступает за 60-й градус, против оконечности Гренландии, только двумя коленными полуостровами мыса Чодлей и мыса Востенгольм, а между тем климат его суровее климата «Зеленой земли». Лабрадор, по крайней мере в гористой области, прилегающей к атлантическому побережью,—самая холодная из этих двух стран; средняя температура года падает там на несколько градусов ниже точки замерзания. Причина этого контраста заключается главнейше в том, что берег Лаб радора обращен на северо-восток, в ту сторону, откуда дует полярный ветер; кроме того, плавучий лед, спускающийся на юг с течением Баффинова моря встречает льдины, выходящие из Гудсонова пролива, и эти соединенные скопления льдов приносятся приливом к лабрадорским берегам. Зима продолжается до тех пор, пока лед держится вдоль берегов: лето начинается в июне, когда последние ледяные обломки, выброшенные на берег или плавающие в соленой воде, исчезают наконец. В среднем, действительно теплый сезон продолжается всего только около тридцати дней; в сентябре уже опять наступает зима: ручьи, высвободившиеся на короткое время из-под ледяного покрова, снова умолкают, и вода замерзает до самого дна. Несмотря на относительно теплую температуру, тамошнее лето далеко не может считаться приятным временем года, по причине резких переходов от теплоты дня к холоду ночи, и при быстрых переменах ветра иногда наблюдались контрасты в двадцать градусов на протяжении нескольких часов. Впрочем, климат внутри страны, даже на разстоянии каких-нибудь двадцати километров от берега, много разнится от климата приморья: холодное веяние ледяных гор туда не проникает; во многих местах достаточно перейти береговые горы, чтобы заметить перемену климата. Поэтому систематические наблюдения, производящиеся с 1682 г. на метеорологических станциях побережья, имеют лишь местное значение.

Температура берегов Лабрадора в 1883 и 1884 гг.[2]

	Широта	Самый теплый месяц	Самый холодный месяц	Средняя температура
Гоффенталь	55°27’	12°,3 (июль 1883 г.)	—24° (янв. 1884 г.)	—5°

1 „Bulletin de la Societe de Geographie de Quebec”, 1885.

2 „Petermann’s Mittheilungen”, 1889. Heft. I;—Gordon, „Expedition a la baie d’Hudson“, 1886.

	Широта	Самый теплый месяц	Самый холодный месяц	Средняя температура
Наин	56°33’	10° „	−25°,2 „	−6°,2
Окак	57°34’	9°,9 „	−25°,8 „	−6°,55
Рама	58°53’	7°,9 „	−25°,1 „	−6°,6
Форт-Чиммо	58°28’		−7°,1 (февр. 1885 г.)	

После долгой зимы, экскурсии, даже несколько-часовые, крайне утомительны на берегах и возвышенностях Лабрадора: растаявший снег покрывает почву нескончаемыми лужами; ручьи выступают из берегов; из торфяников везде сочится вода, и легионы комаров ожесточенно атакуют путешественника. Последний предпочитает ясные зимние дни, твердые дороги, замерзшие реки и озера, хрустальная поверхность которых представляет широкий простор саням. Когда канадцы захотят серьезно предпринять географическое исследование Лабрадора, дело это, хотя чрезвычайно трудное, не будет, однако, невозможным: внутри страны нет ни одного пункта, отстоящего более, чем на 550 километров по прямой линии от какой-нибудь бухты побережья восточного, северного, западного или южного, и запасы продовольствия могут быть помещены во многих благоприятных местах на известном расстоянии от морского берега.

В отношении флоры и фауны Лабрадор представляет, с некоторыми отличиями в подробностях, те же условия, как и области крайнего севера, лежащие за Гудсоновым морем. В южной части, на границах канадского Лабрадора, скаты гор покрыты лесами, состоящими из прекрасных деревьев, почти исключительно хвойных, очень тонких в стволе сравнительно с их высотой; затем, по мере приближения к центральной части полуострова деревья эти становятся всё ниже и леса всё реже; Рейхель рассказывает о величественных буках, растущих в окрестностях Наина, Окака и Гоффенталя, на западной покатости; наконец, около 57 или 58 градусов широты лес сменяется тундрой, и только в местах защищенных можно ещё встретить малорослые деревца, можжевельник, березку или иву, мураву и цветущие травы, между прочим *ledum palustre* или «лабрадорский чай». Обыкновенно же не видно никакой растительности, кроме ягеля, покрывающего камень плотным слоем. Миссионеры атлантического прибрежья успели развести маленькие огороды только при помощи искусственной почвы, приготовляемой из песку, с примесью перегнивших морских водорослей: при самом заботливом уходе за этими садиками, они получают, в южных станах, Гоффентальском и Наинском, капусту, обыкновенную и цветную, редиску, салат; можно садать и картофель, но почти каждую ночь приходится покрывать грядки для защиты растения от холода.

Дикия животные в Лабрадоре те же, что и на крайнем севере: северные олени, карибу, мускусные быка, медведи, волки, лисицы, выдры и другие мелкие пушные звери, ценимые за их мех; бобра охотникам почти никогда не случалось встречать. Карибу стал уже редок в южных частях страны, и многие посты Гудсонской компании пришлось покинуть, как не доставлявшие пушного товара в достаточном количестве. Пресмыкающиеся очень редки; впрочем, безвредный уж встречается ещё на плоскогорьях севера, а в болотах близ бухты Унгава водятся три вида лягушки[1]. Туземные жители внутреннего Лабрадора держат собак для ловли дикобраза, который, вместе с мясом птицы птармиган (белая куропатка) и озерной рыбой, составляет их главную пищу. На берегу моря у них есть тюлени и рыбы, которые привлекают также нью-фаундлендских рыболовов в сезон свободных вод. Домашнего скота у жителей Лабрадора совсем нет: по словам Гольма, на всём восточном берегу этого полуострова имеется только одна корова, близ фиорда Гамильтон, и ни одной лошади, ни одного барана, ни одной козы. Причина тому необходимость иметь собак для езды в санях, а эти животные слишком задорны, чтобы можно было держать рядом с ними другую скотину. Некоторые насекомые, обычные спутники человека, между прочим, муха, не последовали за европейцами в Лабрадор.

Подобно северо-западной территории, область северо-восточная, или Лабрадор, служит местом обитания нескольким бедным бродячим народцам индейцев и эскимосов, из которых первые живут в южной части страны, а вторые на восточных и северных берегах полуостро-

1 „Proceedings and Transactions of the R. Society of Canada“, 1887.

ва. Общая цифра населения Лабрадора, к северу от «высоты земель», вероятно, не превышает десяти тысяч душ; по всенародной переписи, исполненной стараниями нью-фаундлендского правительства, на восточном берегу, от Блан-Саблона, т.е. от канадской границы, до мыса Чодлей, оказалось всего 4.211 жителей, индейцев, эскимосов, белых и метисов. Индейцы, обитатели лесов и побережья озер, принадлежат к большой семье криков и подразделяются на «горских» (Montagnais) и Наскопи или «людей»[1]. Последние, в числе всего только нескольких сотен, бродят в окрестностях озера их имени, но многие из них обходят весь Лабрадор, либо по озерам на своих берестяных челноках, либо по сухому пути на лыжах или «медвежьих лапах», на которых они движутся тяжело, но без устали. В компанейских постах редко можно увидеть этих краснокожих: они обегают белых людей, и между ними очень мало метисов. Они живут в юртах из решетин, покрытых берестой или оленьими шкурами, а зимой, кроме того, обкладывают свои жилища толстым слоем снега. Подобно другим индейским племенам, ещё не «цивилизовавшимся», наскопы подвергают своих молодых людей, прежде возведения их на степень равных, различным тяжелым испытаниям, преимущественно испытанию голодом; периоды продолжительных постов часто возобновляются перед окончательным посвящением[2]. Страшный обычай убийства стариков и немощных ещё господствует у наскопов, при чём исполнение этой благочестивой и тягостной задачи лежит на сыне, брате или самом близком друге.

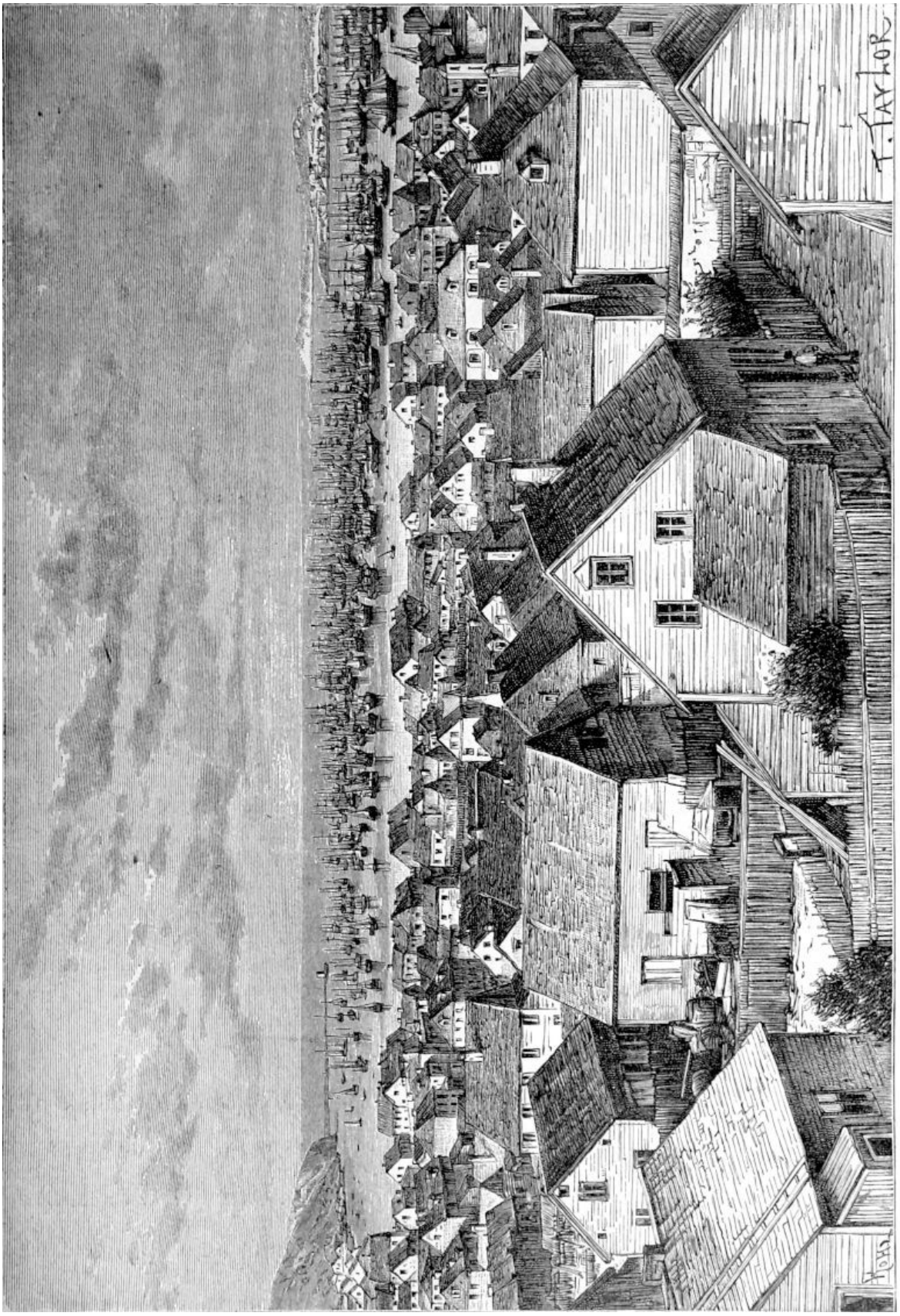
В прежнее время краснокожие и эскимосы постоянно воевали между собой, и перевес постоянно оставался на стороне первых. Известно, что норманнам приходилось вступать в бой с скреллингерами или эскимосами во время их экспедиций на американский континент. В половине прошлого столетия эскимосы жили ещё на берегу многих бухт канадского Лабрадора, бок-о-бок с французскими рыболовами, которых они называли своими «друзьями и товарищами». Некоторые острова и одна бухта залива св. Лаврентия доселе носит название «эскимосских». В наши дни эскимос редко переходит за фиорд Гамильтона в южном направлении; но несколько семей их живут на берегах этого лимана, и весь морской берег, продолжающийся на северо-запад до мыса Чодлей, принадлежит им исключительно. В 19 километрах к западу от Риголета находится остров, бывший, по преданию, театром кровопролитной битвы между воинами двух туземных рас. Великий Дух, утверждали индейцы, ясно указал, какие части страны должны служить им местопребыванием: «крикам—лес, иннуитам—тундра»[3]. Исход сражения был в пользу индейцев.

Лабрадорские эскимосы мало разнятся от гренландских и полярно-островных. Впрочем, Гудсонов пролив, отделяющий Лабрадор от Баффиновой земли, не представляет непереходимой преграды для иннунтов; Мак-Лин видел даже, в одном из лабрадорских постов, эскимосов, переплывших пролив на плоту из бревен. На восточном берегу эти туземцы вообще малорослы, в среднем, рост их около полутора метра; но эскимосы западного берега выше ростом, сильнее, и большинство отличается обильной растительностью на голове и бороде. Они легко толстеют, так же, как и живущие между ними миссионеры. Случаи скрещивания между эскимосами и белыми очень многочисленны: во многих деревнях людская порода совершенно смешанная. Смертность на детях очень велика, особенно с тех пор, как их стали кормить европейскими яствами, т.е. хлебом и картофелем[4]. Полагают, что раса эта находится на пути к исчезновению; однако, число эскимосов, собранных вокруг моравских миссионеров, всегда держалось между 1.200 и 1.400. Во время последней переписи их было 1.347.

Уже более ста лет, как на самых пустынных и неприютных берегах Лабрадора обитают люди белой расы—моравские миссионеры. Уже в 1752 г. один «брат» этой общины пытался основать миссионерский стан в одной из бухт лабрадорского побережья, но был убит, вместе с пятью матросами, и миссионерская деятельность в этом пустынном краю возобновилась

1 Stearns, „Labrador“.
2 Youle Hind, „Exploration in the interior of the Labrador peninsula“.
3 H. C. Lombard, „Taaite de Climatologie medicale“.
4 T. Reichel, „Petermann's Mittheilungen”, 1863.

только в 1770 г. Три стана были последовательно учреждены: сначала в Наине, почти около середины северо-восточного берега, затем в Окаке, на прибрежном острове, лежащем в 150 километрах севернее, и в Гоффентале (по-английски: Гопдэль), на берегу бухты, находя-

Портъ Сенъ-Піеръ

щейся почти в таком же расстоянии от Наина, в юго-восточном направлении. В 1830 г. гернгутеры основали далее на севере четвертую миссию, Хеврон, около основания крайнего полуострова, продолжающагося между океаном и бухтой Унгавэ. После того возникли ещё два

стана: Рама, ещё далее на север, и Зоар, между Наином и Гоффенталем. В некоторые времена года более трех четвертей восточных эскимосов бывают сгруппированы вокруг моравских миссий.

Население шести миссионерских станов в 1876 г., по Бему и Вагнеру:

Хеврон—214 жит.; Гоффенталь—283 жит.; Наин—270 жит.; Окак—349 жит.; Рама—28 жит; Зоар—128 жит.

На Рождестве и в первые две недели года эскимосы живут в своих зимних избах, в соседстве церкви и миссионерского дома, занимаясь в это время главным образом ловлей лисиц, охотой на птиц, колкой дров, приготовлением рыболовных снарядов. Затем, в феврале, наступает пора охоты на тюленей; к Пасхе эскимосы возвращаются в станы, откуда вскоре отправляются внутрь полуострова охотиться на северного оленя. В июне они спускаются обратно на берег для сбора яиц чаек и другой птицы на островах и надводных скалах, а конец года употребляется на рыбную ловлю.

В эскимосских общинах, с тех пор, как они часто посещаются моряками и рыболовами, произошли большие перемены. Большинство туземцев одеваются теперь по-европейски, и суконное платье сменило тюленьи шкуры; жилища состоят уже не из хижин, обложенных дерном или даже плотным слоем снега, походивших формой и способом постройки и расположением входных корридоров на гипогеи или надземные «погребальницы с галлереями», находимые ещё в разных скандинавских странах[1]: это уже настоящие дома на европейский лад, построенные из бревен и досок; внутри дома можно встретить предметы меблировки, привезенные из Англии или из Соединенных Штатов: кровати, столы, обои, зеркала, лампы, стенные часы. Теперь эскимосы, которым запрещено употребление каких бы то ни было спиртных напитков, пьют чай. Сделавшись рыболовами из звероловов, каковыми они были по преимуществу, они большею частью покинули свой каяк, на котором слишком опасно пускаться в открытое море, и стали строить лодки по европейским образцам и даже большие парусные суда; самая любимая их игра—это игра, состоящая в поддавании мячика ногой, введенная англичанами; даже женщины, с грудным младенцем на спине, участвуют в этой игре наравне с мужчинами[2]. Гоффенталь сделался маленьким рыболовным портом. В 1875 г. там насчитывалось до 56 барок новой конструкции. Что касается старых религиозных обрядов, которыми некогда руководили *ангакоки*, то они давно уже исчезли в соседстве миссионерских станов; не соблюдаются также прежние обычаи относительно погребения умерших, и эскимосы смотрят с суеверным уважением на ограды из сложенных камней вокруг могил предков и на долмены, прикрывающие их прах. Вообще туземцы цивилизовались, но проиграли в других отношениях. Солидарность, существовавшая между всеми членами и заставлявшая их делить опасности и продукты звериной и рыбной ловли, отошла в область преданий. «Каждый для себя»—такова мораль, преподанная им европейцами.

Кроме немецких миссионеров, в Лабрадоре есть также английские священники, поселившиеся в некоторых ближайших к Нью-Фаундленду станциях; наконец, известное число белых, сопровождаемых канадскими метисами и ирокезами с реки св. Лаврентия, занимают посты Гудсонской компании, следующие один за другим, через большие промежутки, вдоль берегов Гудсонова моря и океана. Один из компанейских постов, форт Чиммо, находится близ бухты Унгава, на берегах Коксока, где морской прилив достигает 12 метров высоты. Поселение это, лежащее выше на той же реке, было основано компанией в 1828 г., но потом покинуто, по причине трудности продовольственного снабжения и опасности плавания около того берега; но в 1866 г., форт был восстановлен. Нью-фаундлендские рыболовы свободно приходят в эти воды охотиться на кита и торговать с эскимосами, хотя эти берега принадлежат Канадской державе[3]. Форт Наскопи, самый центральный из всех постов, которыми владела компания, тоже был покинут жителями в 1864 г.; наиболее выдвинутый внутрь страны

1 Nilsen, „Habitants primitifs de la Scandinavie".

2 F. F. Payne, „Eskimos of Hudson's Strait".

3 A. R. Gordon, „Rapport sur l'Expedition a la baie d'Hudson", 1886.

пост—это контора, с кучкой избушек смешанных эскимосов, называемая Норт-Вест-Ривер, потому, что она находится на «северо-западе» от бухты Мельвиль, при истоке большого озера, питаемого рекой Наскопи. Ниже, на северном берегу узкого пролива (rigolet), соединяющего бухту Мельвиль с собственно фиордом Гамильтон, основалась важная станция Риголет, сборный пункт для ловцов трески, промышляющих в водах Лабрадора. Деревня Саутбрук, ещё указываемая на некоторых картах как внутренний порт фиорда Гамильтон, при впадении в него реки Кенаму, прекратила свое существование: размывы приливной волны постепенно разрушили это селение до последней хижины.

В летние месяцы, с июня до сентября и октября, происходит наплыв, в область рыбных промыслов, английских и нью-фаундлендских рыболовов, вокруг которых толпятся эскимосы и метисы прибрежья: общая цифра этого плавучего населения в тех водах, вероятно, доходит до 30.000 человек, в самый разгар сезона. Каждый заливчик, каждый пляж на островах или на материке, пригодный для установки сушилен, бывает временно занят бараками и помостами, которые зимой заносятся снегом; пароход совершает правильные рейсы из Нью-Фаундленда в Наин, а другие суда поддерживают сообщение между рыболовными станциями. Прежде нью-фаундлендские рыболовы не поднимались вдоль лабрадорских берегов выше Сандвич-Гарбура: основание Мучных гор обозначало границу их экспедиций. Около 1830 г. некоторые отважные моряки пробрались далее, до фиорда Гамильтон, и таким образом рыбные промыслы мало-по-малу распространились до конечного мыса Атлантического берега. Разведки показали, что стаи трески занимают весь прибрежный пояс фиордов, так же, как и проливы в архипелагах островов и островков, окаймляющих морское побережье, и внешния мели, где ледяные горы садятся при глубине в 50 и 75 метров. В совокупности рыбные промыслы Лабрадора представляют благоприятное для эксплоатации пространство около 18.400 квадр. километров, превосходящее общую площадь рыбных мелей Нью-Фаундленда; ценность годового улова в водах Лабрадора простирается до 24.000.000 франков. Первые рыболовы направлялись с недоверием в эти области дальнего севера, потому, что самые обыкновенные животные формы, служащие пищей нью-фаундленской треске, дорш, сельдь и другая мелкая рыба, постепенно уменьшаются в числе под северными широтами и наконец совершенно исчезают в водах крайнего севера. Но треска этих полярных морей находит в изобилии другой корм: многочисленные виды ракообразных и медуз, кишмя-кишащих среди островов и в проливах, около севших на мель льдин. Миллиарды бесконечно малых организмов, от присутствия которых меняется цвет морской воды в соседстве ледяных гор, питают медуз, пожираемых, в свою очередь, треской, которая и сама служит пищей человеку, в особенности прибрежным жителям Средиземного моря.

Рыболовный сезон постепенно сокращается по мере приближения к полярным водам: продолжительность его, составляющая, в среднем, 143 дня на мелях Нью-Фаундленда, уменьшается до 61 дня в соседстве мыса Чодлей; как общее правило, считают неделю запаздывания на каждый градус широты в появлении рун реки трески[1]. Рыболовы не остаются зимовать на северных берегах Лабрадора; но на южных берегах многие выходцы из Нью-Фаундленда живут круглый год на берегу рек, по которым поднимается семга[2]; зимой они охотятся на пушного зверя. Семга становится редка на восточных берегах Лабрадора и, чтобы найти её в скученных стаях, надо уже огибать мыс Чодлей и проникать в Гудсонов пролив. Там же иногда ещё садятся на мель редкие киты. Когда эскимосам посчастливится убить одного из этих колоссов моря, они целые сутки соблюдают строгий пост, чтобы отдать долг своей жертве и оградить себя от болезней, которые его оскорбленный дух мог бы напустить на всё племя[3].

1 Henry J. Hiud, „Official Report on the fishing grounds of Northern Labrador“, Times, 1876.
2 Hutton and Harvey, „Newfoundland“.
3 J. Mac Lean, „Hudson's bay Territory“.

VIII. Нью-Фаундленд (Новая Земля) и его мели

Остров Нью-Фаундленд составляет особую, отдельную от Канады, британскую колонию: спрошенный провинциями конфедерации, он отказался присоединиться к ним в качестве составной части этой державы и зависит непосредственно от английского правительства. Однако, вопрос о присоединении этой колонии к Канадскому союзу остается открытым, и его не перестают дебатировать, в той или иной форме, в периодической печати и в совещательных собраниях. Кроме того, нужно принять во внимание общие интересы и близкия отношения, существующие между провинциями прибрежья и Нью-Фаундлендом: в действительности, они составляют часть одной и той же политической группы, так же, как принадлежат к одному и тому же материковому телу, несмотря на разделяющий их узкий проход. Поэтому важно изучить, после прибрежных стран св. Лаврентия, остров, на половину заграждающий громадный лиман этой могучей реки.

Из всех американских земель Нью-Фаундленд всего менее имеет право носить имя «Новой Земли». Он был осмотрен уже в тысячном году или немного позднее, либо Эриком Красным, либо одним из его сыновей, и носил имя Геллуланд (Каменистая земля) или Маркланд. Впоследствии память о нём сохранилась в предании, и, по словам португальских и баскских писателей, не может быть никакого сомнения в том, что мореходы их наций посещали мели и острова Новой Земли задолго до путешествия Колумба в Вест-Индию. Как бы то ни было, в конце пятнадцатого столетия Жан Кабот или Габото вновь открыл Нью-Фаундленд: может-быть, в 1494 г., когда он приметил землю Прима-Виста, положение которой не определено в точности, но вернее в 1497 г., когда он плыл вдоль берега главного острова и вдоль берега соседнего континента. Известно, с каким рвением флоты рыболовных судов, в поисках рыбы для предписанных церковью постов, устремились к «новоземельским» берегам острова или соседних полуостровов. Около 1580 г. в водах Ньюфаундленда собиралось ежегодно от 350 до 400 судов, в том числе пятьдесят французских, сто испанских, пятьдесят португальских, от двадцати до тридцати баскских, от тридцати до сорока английских. Последние, хотя относительно малочисленные, превосходили суда других наций вооружением[1], и с общего согласия рыболовов, капитаны их были избираемы в судьи и примирители матросами этой плавучей республики. Так, по крайней мере, рассказывают английские писатели; но если эта функция арбитров в начале исполнялась англичанами полюбовно, в силу взаимного соглашения спорящих сторон, то вскоре они присвоили её себе как право, ибо в 1583 г. Гомфри Джильберт именем Великобритании овладел островом, который он считал частию материка: Новая Земля есть старейшая колония Англии.

Первая попытка колонизации этой земли была неудачна. Джильберт явился в сопровождении двухсот пятидесяти человек; но недостаток всяких ресурсов, кроме рыбной ловли, скоро обескуражил пришельцев: они отказывались повиноваться и, несмотря на неумолимую строгость губернатора, приказывавшего отрезать уши недовольным, пришлось покинуть остров и отвезти колонистов обратно на родину. Проект Джильберта был возобновлен лишь в 1608 г. одним британским моряком, Джоном Гвиас, который поселился на берегу бухты Зачатия, на западной стороне полуострова св. Иоанна, но вскоре затем перенес свое поселение в Сент-Джонс, на то же место, где находилась колония Джильберта. Народившийся город сделался главным городом английских владений на Нью-Фаундленде, которые в несколько лет охватили весь юго-восточный берег этого острова.

Французские имена, которыми испещрена карта Нью-Фаундленда, свидетельствуют о влиянии, которым пользовались в крае соперники, оспаривавшие у англичан обладание канадскими областями. В разные времена они оспаривали владение островом у первых занявших его. В 1635 г. они получили право сушить свою рыбу на берегах Новой Земли за плату пятипроцентной пошлины и даже основали, в 1660 г., на юго-восточном берегу, при хорошо защищенном заливе, поселение Плезанс, которое сделалось складочным пунктом их рыбных

1 Hakluyt, John Parkhurst.

промыслов, и которое быстро приобрело важное значение, особенно после 1675 г., когда подать, платимая Англии, в знак признания её державных прав, была отменена. В 1694 г., экспедиция, направленная против Сент-Джонса, английской столицы, удалась без труда, и гарнизон был посажен на суда и отослан в Англию. Четырнадцать лет спустя, остров ещё раз попал под власть французов, за исключением одного поста, но это господство продолжалось не долго. Утрехтский мирный трактат, в 1713 г., отдал Новую Землю и даже город Плезанс англичанам, оставив, однако, их соперникам право рыбной ловли в нью-фаундлендских водах и право сушки рыбы на западном или «французском» берегу.

Хотя известный уже девять веков, Нью-Фаундленд оставался до недавнего времени совершенно неисследованным во внутренней его части. Почти со всех сторон остров этот имеет высокие и крутые берега грозного вида. Мало найдется приморских местностей, где бы побережье представляло более удивительный ряд грандиозных картин: отвесные или нависшие утесы, своды, под которые с шумом низвергается волна, наклонные стены, по которым вода льется тонкой скатертью, остроконечные мысы, окруженные бурунами, узкия долины, в глубине которых виднеются белые струи каскадов. Зимой и весной вход в порты загражден льдами; часто также туманы не позволяют судам близко подходить к берегам острова. Даже на твердой земле путешествия почти невозможны, разве что по тропинкам, проложенным оленями (карибу), хотя внутри острова нет высоких гор: фиорды побережья, озера, бесчисленные лужи долин повсюду останавливают путешественника; густые чащи переплетающагося кустарника не менее затруднительны для перехода, чем обширные трясины, покрытые мокрым мхом, и в добавок ко всему этому, в летнюю пору, сезон путешествий, комары тучами кружатся в воздухе, облепляют несчастного пешехода и жалят ему лицо в кровь. Оттого долина Подвигов, перерезывающая остров наискось с северо-востока на юго-запад, и которая, благодаря железной дороге, дает наиболее удобное сообщение между противолежащими берегами, была исследована впервые только в 1661 г., геологом Мурреем. Переход от одного моря до другого совершен был в 1822 г.[1].

Самая форма Нью-Фаундленда доказывает, что остров этот состоит из нескольких параллельных возвышенностей, расположенных по направлению с юго-юго-запада на северо-северо-восток, параллельно горам Гаспезии. Западная гряда, продолжающаяся к востоку от залива св. Лаврентия, начинается у мыса Рэй, на юго-западном углу Новой Земли, и тянется в небольшом расстоянии от побережья, частию прерываемая бухтами и иссечениями, которыми залив вдается внутрь материка. Эта береговая цепь, гребень которой принадлежит к лаурентинской формации, тогда как на приморском скате простираются угленосные породы, разорвана глубокими изломами, в которых бухта св. Георгия разветвляет свои фиорды; затем, по другую сторону этой бухты, горная цепь теряется в плато, изборожденном длинными параллельными трещинами, чтобы вновь появиться, с своими каменноугольными формациями, близ бухты Белой (White-bay), на северном берегу. К западу от этой главной цепи, составляющей ось острова, из моря поднимается боковая цепь, образующая мыс Ангиль и примыкающая к главному хребту на востоке от бухты св. Георгия; одна из её вершин достигает 580 метров. Далее на севере, западная цепь, начинаясь у мыса св. Георгия полуостровом, снова поднимается по другую сторону бухты Островов, чтобы образовать «Длинную гряду» (Long Range), и продолжается на северном полуострове «Малом Севере», на восточном берегу пролива Бель-Иль; общая длина её не менее 400 километров, не считая изгибов гребня, и некоторые из её остроконечных вершин поднимаются на 600 слишком метров. Один береговой массив, Бломидон, который можно рассматривать как отдельный от Длинной гряды, возвышается на 635 метров, близ бухты Островов; это мощный серпентиновый массив, выступивший вне главной линии даурентинской формации и доминирующий над всеми окружающими высотами.

К востоку от главной цепи, другие гряды тянутся в том же направлении, выдвигая в море, на юго-западе и на северо-востоке, мысы или полуострова. «Средняя» цепь, Middle-

1 Hatton and Harvey, „Newfoundland“.

Range, где также есть несколько серпентиновых массивов, пересекает остров наискось, на юге от реки Подвигов; высшая её вершина, гора Питон, поднимается на 509 метров. Другая гряда, меньшей длины и высоты, тянется между бухтой Плезанс и бухтой Бонависта; наконец, и самый полуостров Авалон состоит из двух параллельных борозд. В целом остров Нью-Фаундленл представляет плоскость, наклоненную от юго-запада к северо-востоку: на западе и на юге почва более возвышена; там находятся высшие точки, от которых местность постепенно понижается к Атлантическому океану, впрочем, правильность ската прерывается уединенными остроконечными горами, известными под именем *tolts*. Долины рек занимают впадины между горами, гранитными массивами, лаурентинскими или силурийскими формациями, и заливы, усеянные бесчисленными островами и скалами, вдаются далеко в материк, благодаря складкам, образовавшимся в расположении пластов. Да и самый пролив Бель-Иль есть не что иное, как одна из этих долин, разделяющая две параллельные горные цепи: цепь Лабрадора и цепь нью-фаундлендского «Малого Севера».

Главная река, «река Подвигов», длиной около 320 километров, течет в долине, образующей диагональ острова и продолжающейся, на южной покатости, быстрой рекой и бухтой Пуаль. Извилистый пруд, лежащий на высоте 377 метров, в водоеме между гранитными пригорками, выпускает из себя ручей, который ниже превращается в реку Подвигов; проходя через озеро на каждом уступе плоскогорья по выходе из длинного, имеющего форму полумесяца, озера «Красного Индейца» (Red Indian lake), занимающего почти географический центр Новой Земли, и дно которого лежит на 150 метров ниже морского уровня; река Подвигов (Эксплойт-Ривер) вступает в область лесов, состоящих из сосны, березы, тополя и осины, затем спускается стремнинами и каскадами, из которых один, называемый «Большим Водопадом», льется с высоты 44 метров. Другой значительный водопад прерывает течение реки выше извилистого, усеянного островами, разрыва скал, где её воды сливаются с водами Атлантического океана. Все другие реки Нью-Фаундленда походят на реку Подвигов своими озерами, водопадами, фиордами при устьях. Река Гандер, текущая в долине, параллельной реке Подвигов, и впадающая в соседнюю бухту, замечательна глубокими расселинами, которые служат ей руслом и о которых трудно сказать с точностью, что они такое: река, озеро или фиорд; главное её ущелье, в самом впалом месте, представляет слой воды толщиной более 100 метров. Река Гумбер, текущая в западной части Нью-Фаундленда и вливающаяся в «бухту Островов» (bay of Islands), принимает в себя воды самого обширного озера этой колонии, которое носит название «Большого Пруда» (Great Pond) и расположено, подобно всем другим тамошним бассейнам, по направлению с юго-запада на северо-восток; оно занимает площадь около 490 квадр. километров (немного меньше площади Женевского озера) и лежит на высоте всего только 15 метров, тогда как дно его ложа опускается до 300 метров ниже морского уровня[1].

Вычислено, что озера, пруды и лужи, которыми усеяны долины и плоские возвышенности Нью-Фаундленда, составляют в сложности треть всей его поверхности; более половины острова покрыто водой, если рассматривать также, как род озер, губчатые пространства торфяных болот; во многих местах можно видеть с вершины какого-нибудь холма более сотни водных площадей, рассеянных в низинах. Очевидно, за ледяным периодом, следы которого заметны здесь на всех скалах, следовал период озерной. Но теперь на Нью-Фаундленде нет ни одного глетчера. Горы там не достаточно высоки, чтобы снег мог сохраняться на них постоянно и образовать фирновые поля в их цирках: каждое лето солнечные лучи растопляют снежные массы, скопляющиеся на высотах острова.

Всего более изрезана заливами и фиордами та часть побережья Нью-Фаундленда, которая обращена к Атлантическому океану, и к которой некогда спускалась извнутри острова могучая ледяная река, имевшая несколько сот метров толщины. В эти же иссечения берега проникают воды полярного течения, идущего из Баффинова моря и из проливов, и там же скопляются льды во время большого весеннего ледохода. Задерживаемые мысами и разби-

1 „Proceedings and Transactions of the R. Society of Canada“, 1882—83.

ваясь на отрывки, ледяные горы продолжают вдоль берегов свой путь к югу и проходят над мелями, продолжающими остров Нью-Фаундленд в юго-западном и южном направлении. Эти скрытые под водой земли, гораздо более обширные, чем самый остров, к которому они принадлежат, не отличаются такой изрезанной формой, как этот последний. Напротив, «большая Нью-Фаундлендская мель», расположенная в виде криволинейного треугольника, закругляет свои контуры по длинным изгибам: поднятие морского ложа дало бы Америке массивный полуостров. Во всей своей совокупности Нью-Фаундлендская банка, т.е. подводное пространство, покрытое слоем воды толщиной менее 100 метров, занимает площадь около 120.000 квадр. километров. Поверхность мели представляет лишь весьма незначительные волнообразные повышения и понижения, и моряки могут во многих местах плавать на обширных пространствах, не находя, при промерах дна, более одного метра разницы в толщине слоя воды. Однако кое-где встречаются впадины в песках дна; такова, например, в западной части мели, к югу от мыса Рас, «Китовая яма», глубиной в 119 метров, вырытая, может-быть, водоворотом, образующимся от столкновения течений. Не менее глубокий ров ограничивает мель на северо-западе, отделяя её от Авалонского полуострова и от подводных островков меньшего протяжения и меньшей глубины, называемых—один «Зеленой банкой», другой—«банкой св. Петра», по имени французского острова Сен-Пьер. Совсем на востоке, в расстоянии около 200 километров, другая мель, «Фламандский колпак», поднимается, в виде овального массива, со дна морских пучин, имеющих 1.000 метров средней глубины. В соседстве этих плато, покрытых тонким слоем жидкости, ложе моря вдруг опускается до самой глубокой пропасти, какая доселе известна в Атлантическом океане.

Море разбивается на крутых подводных берегах Нью-Фаундлендской мели, хотя они покрыты слоем воды в 70 или 80 метров толщины. Эта скрытая окраина мели обнаруживается морякам постоянно наблюдаемой там толчеей; но внутри этого бордюра бурливых волн море обыкновенно бывает спокойно, и воды самой мели можно бы было считать своего рода гаванью[1], если бы не опасность столкновения с рыболовными судами, пароходами, ледяными горами и полями, постоянно угрожающая в этих водах во время сезона рыбной ловли. Большие трансатлантические пакетботы, самые опасные в случае столкновения, по причине их громадной массы и быстроты хода, всегда проходят по южному «хвосту» мели, что, удлиняет переход на три или четыре часа, но предупреждает много несчастных случаев; однако, до сих пор ещё не существует международной конвенции, которая поставила бы эти воды под запрещение для мореходства в собственном смысле в период рыболовства. Что касается опасности столкновения с плавучими ледяными массами, увлекаемыми полярным течением, то тут всё зависит от опытности, благоразумия, присутствия духа. Рыболову нужно издали изучать вид моря, отблески льда на обломках, туманность или ясность неба; он должен наблюдать в воде перемены температуры, цвета и содержания животной жизни: когда туман застилает море, скрывая ледяные горы, рыболов готов на всё, готов даже перерубить канаты якоря и сетей, если услышит шум прибоя вокруг плавучей горы; иногда даже треск ледяных частиц, и если внезапное охлаждение воды указывает ему на близость кристаллической громады.

Плавучие льды, увлекаемые полярным течением, проходят по большей части в восточной части мели, и только некоторые ледяные горки встречаются около большого острова. Это объясняется тем, что гольфстрем, направляющийся с юго-запада на северо-восток, успел уже отклонить вереницы плывущих льдов с их нормального пути и оттеснить их к востоку. Впрочем, ход ледяных глыб значительно разнится, смотря по мощности погруженной кристаллической массы и столкновению течений, которые встречаются в этих областях моря и делятся на второстепенные струи, текущие рядом или одна над другой. Там, где ледяная гора целиком погружена в полярное течение, она движется равномерно, вместе с увлекающими её водами; напротив, будучи подвержена действию течения, идущего из тропических морей, она уклоняется к востоку, быстро распадаясь и растаявая; но обыкновенно она быва-

1 De Benaze, „Congers International des Sciences geographiques“, Paris, 1875.

ет побуждаема, одновременно или последовательно, противоположными силами: нижнее течение борется с течением поверхностным, и ледяная масса как бы колеблется, движется то в ту, то в другую сторону, без видимой причины, переходя постепенно в жидкое состояние и смешивая свою пресную воду с соляной влагой моря. Между 46 и 44 градусами широты большая часть плавучих льдов, кажется, останавливаются в своем движении, прежде чем исчезнуть в водах гольфстрема[1]. О движениях ледохода и скоплениях льдов между проливами сообщается проходящими судами и береговыми телеграфами в Вашингтон, а оттуда во все американские порты.

Давно уже была высказана гипотеза, что Нью-Фаундлендская и соседния мели образовались из каменных обломков, роняемых тающими льдами в поясе встречи двух противоположных течений: полярного, направляющагося из Баффинова моря, и теплого, выходящего из Мексиканского залива. Однако, точные наблюдения, произведенные в этих областях моря, показали, что плавучие льды северного Атлантического океана заключают в себе лишь весьма незначительную долю камней, падающих со скалистых склонов Гренландии на ледяные поля, и глетчерных глин, увлекаемых со дна ущелий. Ледяные глыбы, выбрасываемые волнами на берег Нью-Фаундленда, все отличаются хрустальной чистотой и, следовательно, могут, разве в бесконечно малой мере, содействовать возвышению мелей, прилегающих к юго-восточному углу большого острова[2]. При том же морские области, где льды скопляются в наибольшем количестве, не соответствуют своими общими контурами очертаниям подводных мелей, а банки, простирающиеся на юге Нью-Фаундленда, находятся совершенно вне путей, которыми следуют вереницы плавучих льдов. Поэтому мели эти следует рассматривать как принадлежащие к первоначальным чертам планетного рельефа: они составляют часть пьедестала американских земель; однако, лот касается там не живой скалы,—он приносит со дна крупный и мелкий песок, смешанный с раковинами.

Но если встреча двух течений не играет почти никакой роли в переменах морского дна, то она составляет главную причину туманов, характеризующих восточные воды Нью-Фаундленда. Весной, летом, осенью, когда «заливное течение» имеет перевес в этих морях, пары поднимаются в изобилии с поверхности внезапно охладившихся вод, и часто море бывает покрыто туманом, на пространстве, равном Франции или даже половине Европы. Рассказы моряков, знакомство которых с Нью-Фаундлендом по большей части ограничивается его подходами да портами юго-восточного берега, дают повод смешивать самый остров с мелями, и о нью-фаундлендском климате составилось такое понятие, как будто там вечно царствует непроглядная мгла. Правда, при южных и юго-восточных ветрах туманы мелей, гонимые воздушным течением, скопляются густыми слоями в бухтах и бухточках прибрежья, но эти пары обыкновенно не проникают далеко внутрь острова: «земля съедает туман», говорят туземцы. Всего чаще бывают окутаны туманом самые населенные берега Нью-Фаундленда, те берега, которые обращены к мелям и рыбным промыслам. На западном же побережьи, обращенном к заливу св. Лаврентия, туманы довольно редки; а на северо-востоке, до бухты Бонависта, они почти неизвестны, потому что теплые воды гольфстрема не проникают в эти области моря, защищаемые на юге длинными полуостровами. Большую часть года в морях Нью-Фаундленда господствуют западные и юго-западные ветры, дующие параллельно движению океанских течений, и ветры эти, вместо того чтобы гнать пары к соседнему острову, увлекают их через Атлантический океан по направлению к западной Европе: особенно Британские острова поглощают пары, приносимые с американских морей[3].

Климат Нью-Фаундленда, гораздо более холодный сравнительно с климатом западной Европы (средняя годовая температура в Сент-Джонсе, главном городе острова, 5°,1, тогда как средняя температура Бреста 12°,6), занимает середину между континентальным и морским. Хотя Нью-Фаундленд островная земля, но ветры, вообще очень переменчивые, дуют

1 Hautreux, „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale de Bordeaux", 1885.
2 Thoulet, „Bulletin de Geographie historique et descriptive", Nancy, 1887, № 1.
3 Hatton and Harvey, цитиров сочинение.

там преимущественно с соседнего материка. Расположение морского берега составляет один из главных элементов в образовании климата. Так, залив св. Георгия, широко открытый на юго-запад, в средиземном море св. Лаврентия, получает юго-западные ветры, тогда как от северных ветров его защищают валы из холмов, самых высоких на Нью-Фаундленде. Оттого в заливе св. Георгия (Сент-Джордж) средняя температура выше и ход времен года правильнее, нежели в порте Сент-Джонс, лежащем однако под более южной широтой и в области, часто посещаемой туманами, но выставленной северным ветрам и водам, где тают плавучие льды.

Метеорологические условия Нью-Фаундленда и острова Сен-Пьер на юго-западе и юго-востоке:

	Широта	Средн. темпер.	Крайности		Разность	Дожди, метр
			Тепла	Холода		
Сент-Джонс (8 лет)	47°34’	5°,1	31°,6	—16°,5	48°,1	2,01
Сент-Джордж	48°25’	6°,3	(?)	—9°,4	(?)	(?)
Сент-Пьер	46°47’	5°,16	23°,2	—20°	43°,2	0,67

Дожди, очень обильные в южных частях Нью-Фаундленда, превышают, в среднем, полтора метра, т.е. почти двойное количество дождевой воды, выпадающей во Франции. Зимой эта атмосферная влага почти всегда выпадает в форме снега, и иногда, при сильном северо-западном ветре, свирепствует такой буран, что самые смелые жители не решаются выходить из дому. Грозы редки: случается, что несколько лет подряд не бывает слышно грома. Так же, как в Канаде, но гораздо чаще, ветви деревьев и живые изгороди покрываются в зимнее время «серебряной росой», образуемой холодным дождем, который быстро замерзает при соприкосновении с твердыми телами.

Флора Нью-Фаундленда довольно сходна с канадской, только здесь отсутствуют многие из свойственных последней древесных пород, как-то: кедр, дуб, бук, вяз, а другие, вследствие неблагоприятного влияния морского ветра, отличаются меньшими размерами, сравнительно с теми же деревьями в Канаде. На восточном берегу острова частые туманы не дают вызревать плодам европейских дерев, яблони, груши, сливы, а внутренния местности ещё слишком мало населены, чтобы там могли быть делаемы опыты разведения фруктовых садов; но обилие ягод баснословно: в этом отношении этот атлантический остров походит на некоторые области канадского северо-запада: на пространстве тысяч квадр. километров скалы и болота покрыты низкими растениями, с которых собирают массы ягод, для приготовления варенья и консервов. Из ягод канадской сосны варят род пива, обычный напиток нью-фаундлендцев.

Фауна Нью-Фаундленда тоже походит на канадскую, но она представляет гораздо меньшее число видов. Так, на острове нет ни одного ядовитого гада, нет ни лягушек, ни жаб. Однако, ему случается, весной, принимать у себя гостей, каких не бывает в Канаде: льды полярного течения иногда приносят медведей и моржей, которые высаживаются на пляжи Нью-Фаундленда в такую пору года, когда в Европе, под той же широтой, пробудившаяся от зимнего сна природа снова одевается в свой летний наряд. Трудности охоты защитили карибу, которые ещё бродят внутри острова значительными стадами, щипля летом мох на Малом Севере и возвращаясь на зиму в лесные чащи Юга. Волк, более, чем человек, ведет здесь страшную войну против этих оленей. Прекрасная порода нью-фаундлендских собак почти перевелась, и наиболее ценимые собаки на острове происходят от скрещиваний с родичами из Леонберга и с Пиренейских гор.

Между американскими островами одно из первых мест по богатству морскими птицами занимает группа скал, называемая Функсовым островом (Funk’s island), лежащая к востоку от Нью-Фаундленда, в соседстве его мелей: полагают, что это тот самый «Птичий остров», о котором говорит Жак Картье, где некогда пингвины (alca impennis) гнездились на скалах в несметном множестве. Массовые избиения скоро истребили этого беспомощного представителя пернатых: с конца прошлого столетия его тщетно искали во всех американских морях, где его находили первые исследователи. Из семидесяти двух чучел или скелетов «больших

пингвинов», имеющихся в музеях, три происходят с Функсова острова. Что касается морских птиц, которые, благодаря силе своих крыльев, могли избегнуть истребления, то они ещё летают во множестве вокруг надводных скал, рассеянных в соседстве берега; птицы эти известны под странными именами *turrs* и *murrs*.

За исключением некоторых заливов, баснословное рыбное богатство нью-фаундлендских морей, повидимому, не уменьшилось. Нью-Фаундленд всё ещё «Тресковая Земля» («Terre des Morues» или «des Molules»), как он обозначался на старинных картах; наименование *baccalaos*, применявшееся ранее к тому же виду рыбы фламандскими, испанскими и португальскими рыболовами, и теперь ещё принадлежит по справедливости одному островку восточного берега, называемому Bacalien-island («Тресковый остров»). Треска всегда имеет многочисленных спутников, и море кишмя-кишит различными организмами, служащими пищей более сильным видам; одна из рыб, открытых в заливе св. Лаврентия, может быть названа «удильщиком» по преимуществу: голова у неё имеет напереди длинный подвижной придаток, который схватывает добычу и препровождает её в раскрытую пасть. Кроме того, моря эти изобилуют большими головоногими моллюсками. В 1873 г. там поймали спрута, тело которого, длиной два с четвертью метра, было вооружено десятью руками, имевшими слишком тысячу присосков. С того времени нередко находили на плоских берегах, после сильных бурь, отрывки спрутов, размеры которых были ещё значительнее.

Аборигены индейцы, известные под именем беотуков, давно истреблены; от них остался только один череп, хранящийся в музее, в Сент-Джонсе, краткий сборник слов да несколько каменных топоров. В эпоху прибытия белых это племя альгонкинов было ещё многочисленно, хотя Шамплен считал Нью-Фаундленд необитаемым островом. Беотуки хорошо приняли чужеземцев; но эти последние, привлеченные в край своим охотничьим инстинктом, смотрели на туземцев как на особый вид дикого зверя. Микмаки с соседнего материка, наследственные враги беотуков, также воспользовались относительным превосходством, которое давало им огнестрельное оружие, привезенное белыми, и часто переправлялись через пролив с единственной целью разорять становища, находившиеся в соседстве южного берега. В начале настоящего столетия оставалось лишь небольшое число этих индейцев, удалившихся в самые пустынные внутренния местности, окруженные болотами и озерами. Правительство, в своих попытках «цивилизации», назначило премии за поимку туземцев, и действительно было поймано несколько индианок, которые не оценили доброты своих похитителей. Последние случаи захвата охотниками в плен туземных женщин относятся к 1823 г.: с того времени никто не видал беотуков в Нью-Фаундленде; может-быть, небольшой группе беглецов удалось пробраться через пролив Бель-Иль на континент, хотя трудно допустить, чтобы подобное событие могло совершиться без того, чтобы о нём не узнали белые, эскимосы или другие индейцы. Раса была уже уничтожена пулями трапперов, болезнями, нищетой и голодом, когда в 1828 г., в Сент-Джонсе основалось общество, *Beothuk Society*, поставившее себе задачей приходить братски на помощь несчастным беглецам. Редкия семьи индейцев, встречающиеся ныне на Нью-Фаундленде,—иммигранты племени микмак.

Белое население на этом острове—смешанного происхождения. Судя по именам мест, можно подумать, что жители в большинстве говорят французским языком, но имена эти были даны рыбопромышленниками, не живущими постоянно в стране и не основывающими там семей. Следовательно, географическая номенклатура Нью-Фаундленда не дает в этом отношении надежных указаний; тем не менее, доля французов в этническом составе населения должна быть значительна. Они занимают сплошной массой два острова Сен-Пьер и Микелон, принадлежащие политически Франции; много их также на соседнем берегу и на Авалонском полуострове, самой населенной части Нью-Фаундленда; на берегах бухты св. Георгия к британскому населению примешано значительное число акадцев; наконец, их можно встретить временно на западном, так называемом «Французском берегу», где, в сезон рыболовства, производится приготовление трески. Но никакая статистика не дает цифры их, даже приблизительной. Около половины настоящего столетия г. Рамо определял число

французов в пятнадцать тысяч, при общей цифре населения около 130.000 душ. В оффициальных документах все жители английского острова значатся англичанами, каково бы ни было место происхождения их семейств. Ирландцы являются в очень значительных пропорциях в составе нью-фаундлендского населения, оттого преобладающая роль принадлежит католической церкви; однако, протестантские секты в совокупности имеют перевес по числу своих последователей. По вероисповеданиям население Нью-Фаундленда и Нью-Фаундлендского Лабрадора распределялось, в 1886 г., следующим образом:

Католиков—74.651; англичан и веслеян—120.411; прочих—2.290.

Если колонизация Нью-Фаундленда шла очень медленно, то виной тому были торговые монополии. Каждый год рыболовные «адмиралы» принимали командование над островом, уподобляемым военному кораблю, и первой их заботой было разрушение домов, хижин или сараев, построенных жителями вблизи морского берега: побережье на всём его протяжении считалось служебным поясом, как определенная полоса земли вокруг крепости. При возвращении в метрополию капитаны судов обязаны были привезти обратно всех людей, взятых ими с собой из Англии, или представить доказательства о смерти недостающих: им запрещено было оставлять на острове хотя бы одного эмигранта. Никакой иностранец не мог селиться в крае, приобрести клочек земли, построить домик, без формального позволения губернатора, которое вообще давалось очень редко, так как интересы рыболовного промысла казались несовместимыми с интересами земледельческой культуры, и вторые приносились в жертву первым. На колонистов смотрели как на непрошенных гостей, как на мародеров, бродящих вокруг рыбных промыслов и старающихся присвоить себе уголок гавани или несколько сажен берега. Ещё в 1797 г. губернатор дал жестокий нагоняй чиновнику, позволившему выстроить какую-то ограду. Кроме того, религиозная нетерпимость не допускала открытого исповедания католической веры, и часто ирландцев высылали обратно на родину целыми грузами: на совершение мессы смотрели как на преступление, и католические священники, находившиеся в среде судовых экипажей, должны были скрываться под видом простых матросов.

В начале настоящего столетия население острова простиралось до двадцати тысяч постоянных жителей, несмотря на все меры, принимавшиеся с целью воспрепятствовать колонизации страны. В ту эпоху Европа находилась в войне; рыболовные флотилии не осмеливались выходить из своих гаваней, и благодаря этому обстоятельству, рыбные промыслы Нью-Фаундленда приобрели исключительную важность. Число его жителей быстро возросло: их насчитывалось около семидесяти тысяч при заключении мира в 1815 г.; но тогда над островом разразилось повальное банкротство, и население, существовавшее исключительно рыбной ловлей, вдруг очутилось без работы, с перспективой голодной смерти. Положение сделалось дотого опасным, что решили вывезти большую часть жителей, и даже приступлено было к исполнению этой меры: несколько сот наиболее бедствовавших ирландцев были отправлены обратно в Ирландию, другую страну нищеты: кроме того, слишком тысяча человек эмигрировали в Новую Шотландию. Мало-по-малу, однако, экокомическое положение вернулось к нормальным условиям, и население снова стало возрастать, главным образом, вследствие избытка рождаемости над смертностью: в настоящее время оно превышает двести тысяч душ, и равновесие между полами, почти восстановившееся, доказывает, что иммиграция играет лишь весьма незначительную роль в деле заселения края.

Пространство и население Нью-Фаундленда и соседних островков, без архипелага Микелон: 110.670 квадр. километров; 161.449 жителей в 1874 г.; 193.124 в 1884 г., 208.000 в 1895 г.

Нью-Фаундленд—страна очень здоровая; самые опасные болезни здесь те, которые должно ожидать встретить в стране холодов и туманов: чахотка и ревматизм во всех их формах.

Земледелие всё ещё находится в зачаточном состоянии, так как общая площадь обрабатываемых земель обнимает не более 15.000 гектаров, т.е. 70-ю часть территории; но собственно промышленность приобретает всё более важное значение в общей экономии Нью-

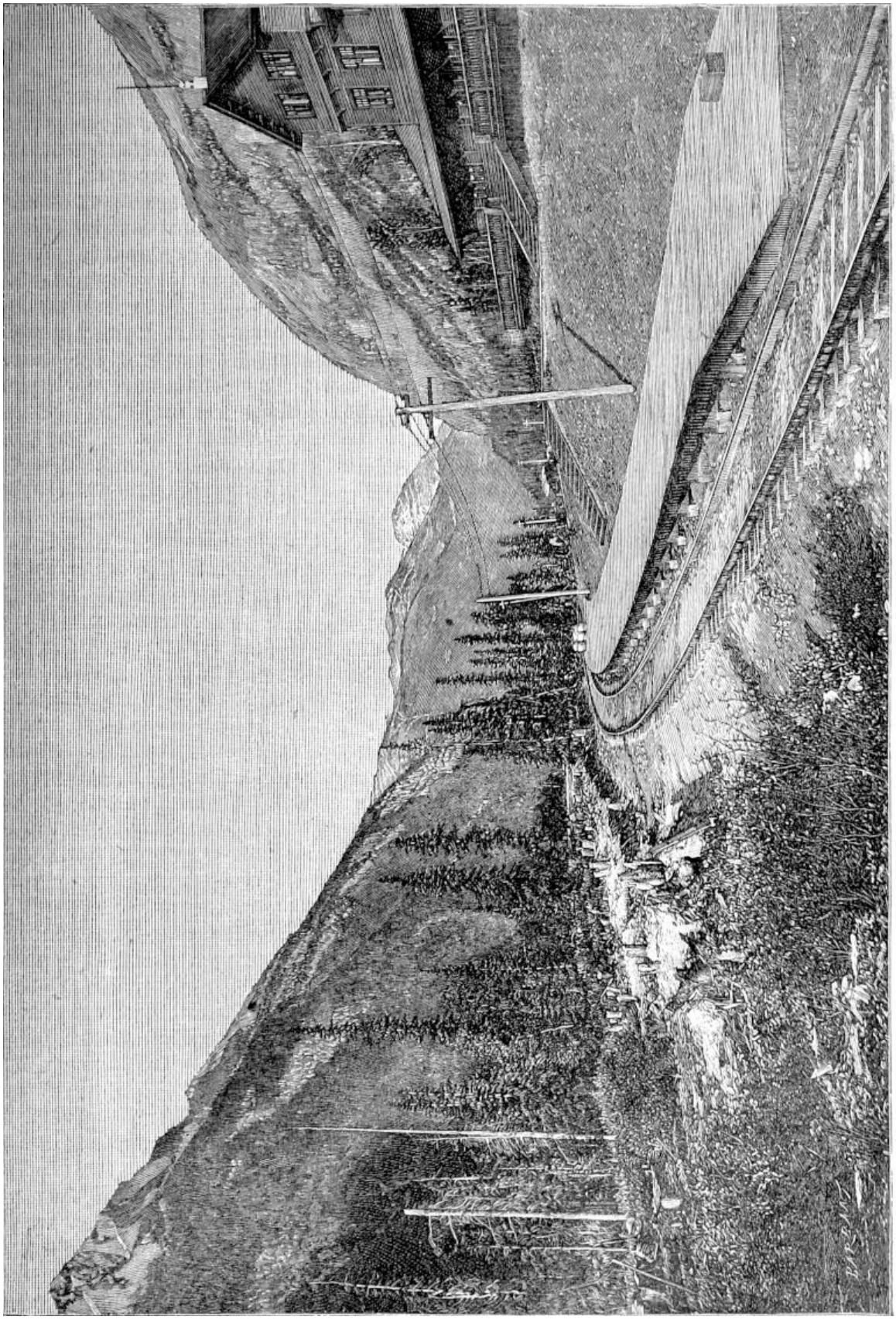
Фаундленда. Однако, рыбные промыслы всё ещё составляют главное богатство: треска попрежнему остается «душой колонии». Предметами отпускной торговли являются почти исключительно продукты рыбной ловли: треска и тресковый жир, сельдь, семга, форель, тюленьи шкуры и жир. К нью-фаундлендскому вывозу следует ещё прибавить экспорт двух французских островов Сен-Пьер и Микелон, источником которого служит тот же громадный живорыбный садок мелей, и который представляет, в среднем, около пятнадцати миллионов в год. Кроме того, нужно принять в рассчет огромное внутреннее потребление и производство удобрений, для которого употребляют преимущественно головы трески, бросаемые рыболовами. Несмотря на ежегодный массовый убой, доходящий иногда до 150, даже до 175 миллионов штук, не заметно, чтобы количество трески уменьшилось[1]; впрочем, некоторые бухты прибрежья, между прочим, бухта Зачатия, к западу от Сент-Джонса, сравнительно оскудели рыбой.

Три нации поделили между собой эти сокровища: французы, англичане, американцы Соединенных Штатов. Хотя англичане владельцы острова, однако, не они присылают наибольшее число рыболовов; сами нью-фаундлендцы занимаются ловлей почти только на своем побережьи и на берегах Лабрадора. «Бостонцы», которым трактатами предоставлено право ловли, но не ближе как в трех морских милях от берегов, ловят в открытом море, но им нужно ещё пройти большое расстояние, чтобы доставить пойманную рыбу на сушильни в штатах Мэн или Массачузетс. Что касается французских «нью-фаундлендцев», располагающих четырехвековой клиентурой в странах западной и средиземно-морской Европы, то они тоже имеют, в силу Утрехтского трактата, заключенного в 1713 г. и после того неоднократно подтвержденного, прочную точку опоры в этих водах посредством полного владения двумя островами, Сен-Пьер и Микелон, и пользования западным берегом Нью-Фаундленда, называемым French Shore или «Французским берегом»; они имеют право ловли вдоль этих берегов и могут устраивать на твердой земле помосты и сараи, но им запрещено, как было до недавнего времени запрещено и самим англичанам, возводить там постоянные постройки, а также не дозволяется проводить там зиму. Понятно, что борьба интересов порождает частые столкновения на этой территории, которою одновременно владеют два хозяина, следствием чего являются беспрестанные дипломатические пререкания. «Премии» в 12 и до 20 франков за метрический квинтал пойманной рыбы и в 50 франков за каждого взятого на промысел матроса, выдаваемые французским правительством арматорам рыболовных судов, в видах «защиты приобретенных выгод» и подготовления рекрут для военного флота, рассматриваются законодательными собраниями Нью-Фаундленда и Канады, как преимущество, не позволяющее отечественным морякам бороться равным оружием с французскими рыболовами. Количество трески, ежегодно добываемой на нью-фаундлендских рыбных промыслах английскими, французскими и американскими судами, составляет, в среднем, 185.000 тонн, или 150 миллионов штук, на сумму около 75 миллионов франков.

Желая парализовать влияние премии, даваемой «нью-фаундлендским» рыболовам Ламанша, правительство Нью-Фаундленда вотировало в 1886 г. и британское правительство санкционировало в 1888 г. закон, воспрещающий ввоз на острова Сен-Пьер и Микелон морских животных, употребляемых рыбаками в виде приманки при ловле трески. В начале лова лучшей приманкой служить дорш, затем в продолжение августа месяца и до половины сентября—один мелкий вид головоногого моллюска; далее рыболовы пользуются рыбкой, называемой «ercornet»; наконец, к концу сезона они употребляют, в качестве приманки, сельдь. Рискуя совершенно разорить прибрежных жителей бухты Фортюн и Плезанс, доставлявших прежде французским рыболовам эти различные роды приманки, крупные купцы Сент-Джонса добились того, что запрещено было производить ловлю сейчас названных морских животных. Запрещение продавать доршей мало беспокоило французов, потому что с 12 по 15 июня прилив приносит в бухты островов Сен-Пьер и Микелон такия массы этой рыбы, что от присутствия её море принимает молочный цвет, и дорши, оставляемые на берегу в

1 Gras;—Nielly;—H. C. Lombard, „Traite de Climatologie medicale“.

сонном состоянии, образуют иногда слои толщиной в 30 и 40 сантиметров[1]. Что касается других приманок, то контрабанда, поощряемая, так сказать, законодательными актами Нью-Фаундленда, пополняла часть пробелов, но с большими издержками для рыболова; с другой

„Лошадиное ущелье“ на Тихоокеанской дорогѣ.

стороны, временные заведения на французском берегу, особенно заведения в бухте св. Георгия, оборудовались для доставления большого количества приманки; суда запасаются также

1 Ferland, „Gaspesie;—H de Lamothe, „Annuaire des iles Saint-Pierre et Miquelon pour l'annee 1889“

другими родами приманки, между прочим, одним видом моллюсков, собираемым на плоских берегах; кроме того, утилизируют приманку, привозимую из Европы, и переделывают рыболовные снаряды для поимки рыбы новыми способами: наконец, очень многие из рыболовов покидают промысел на мелях, чтобы заняться в соседстве Французского берега ловлей омаров и приготовлением консервов. Противники обвиняли друг друга в несоблюдении конвенций и в устройстве «траппов» при входе в бухты, с целью вылавливать целые стаи рыбы и таким образом опустошать море. С своей стороны, канадское правительство, долго остававшееся нейтральным в борьбе двух соперников, соединилось, в конце концов, с Нью-Фаундлендом против Франции, запретив французским рыболовам провозить беспошлинно свои грузы рыбы через порт Галифакс. Наконец, это состояние скрытной войны завершилось недавно низвержением нью-фаундлендского министерства, запретившего продажу приманки, и полагают, что прежний порядок вещей будет восстановлен. Что касается постановлений трактата, относящихся к Французскому берегу, то они не применимы на практике и даже с 1881 г. оффициально нарушаются: многочисленные группы британских колонистов поселились на запретном берегу, и этим колонистам французские рыболовы обыкновенно и вверяют охрану их заведений во время зимы. Легальное существование этих колоний, заключающих в себе около 12.000 резидентов, было признано британским правительством, и «Французский берег», род мархии или нейтральной пограничной полосы, где никто не имел права постоянного пребывания, сделался «английским берегом». Французские рыболовы, правам которых нанесен ущерб этим нарушением нейтральной полосы, сохранили только свои привилегии рыбной ловли.

После трески наибольшее экономическое значение в рыбных промыслам Нью-Фаундленда имеет сельдь: её ловят главным образом в бухте Островов и в фиорде, куда впадает река Гумбер. Лов этой рыбы производится даже зимой: по примеру эскимосов, белые рыболовы делают проруби и спускают сети в скрытые подо льдом воды. Что касается ловли лососей и охоты на тюленей, то размеры той и другой постепенно уменьшались, и теперь они не имеют важного значения в общей торговле страны (число тюленей, пойманных у берегов Нью-Фаундленда: в 1831 г., 680.836; в 1882 г., 200.500). Точно также устричные мели почти совершенно истощены. Но в последнее время в некоторых пунктах побережья, между прочим, на одном островке бухты Тринити, называемом Дильдо-Айленд, основаны заведения морской культуры, которые действуют с таким успехом, что можно расчитывать на новое заселение вод, опустошенных алчностью первых рыбопромышленников: эти рыбоводы сотнями миллионов пускают в море приплод трески и омаров.

Движение судоходства, частию сливающееся с движением рыболовства, весьма значительно, но в статистиках показывается только число судов, приходящих в порты для нагрузки или выгрузки товаров. Что касается торгового флота колонии, состоящего почти единственно из рыболовных судов, то он заключает в себе более двух тысяч судов, но общая вместимость их не достигает ста тысяч тонн: это всё мелкие суда, не переходящие за пределы вод залива св. Лаврентия, Нью-Фаундлендских мелей и Лабрадора.

Движение в портах Нью-Фаундленда в 1893 г.: общий тоннаж пришедших и отшедших судов 852.308 тонн.

Ценность оборотов внешней (специальной) торговли в 1896—97 годах: по привозу—31.125.000 франк.; по вывозу—25.750.000 франк.

На первый взгляд Нью-Фаундленд кажется великолепно расположенным впереди американского континента, как входный вестибюль, выдвинутый далеко по направлению к Европе; переправа через океан сократилась бы на два дня, если бы она совершилась прямо между Сент-Джонсом и противоположными берегами Европы; но линия железной дороги, долженствующая пройти через весь остров для перевозки пассажиров и товаров, ещё не окончена, и при том большинство путешественников, не боящихся моря, предпочитают ехать без пересадок. По крайней мере Нью-Фаундленд является передовым постом Нового Света, как конечная станция значительнейшего пучка подводных телеграфов: из десяти се-

верных трансатлантических кабелей пять соединяются на одной из восточных бухт в Гартс-Контенте, и с острова направляются другие кабели к Канаде, Кап-Бретону, Новой Шотландии и Соединенным Штатам.

Сент-Джонс (а не Сент-Джон, как город Нового Брауншвейга), столица и самый многолюдный город Нью-Фаундленда, заключающий в своих стенах шестую часть всего островного населения, существует с первых времен открытия острова басками, бретонцами, португальцами: уже с начала шестнадцатого века рыболовные суда собирались там десятками. Оттого французы и англичане с ожесточением оспаривали друг у друга этот порт; но скоро два столетия уже, как он принадлежит Великобритании. С открытого моря город невидим; вход в него указывают опознавательные знаки, помещенные на вершине высоких мысов. При одном повороте берега является щель, и пароход вступает в «теснину», Narrows, морской дефилей, длиной около 600 метров, доминируемый стенами, от 150 до 200 метров высотой, и который прежде запирали железной цепью, в 200 метров длины, от неприятельских судов; однажды груда льда, нагнанного бурей, совершенно загромоздила проход, так что пришлось взорвать порохом эту ледяную преграду[1]. По вступлении в ущелье, перед взорами путешественника вдруг развертывается картина порта, с его всегда спокойными водами, а на заднем плане показывается самый город, лепящийся по северным уступам амфитеатра гор. Сент-Джонс занимает очень живописное местоположение, но его далеко нельзя назвать красивым городом. Коммерсанты, построившие его, пребывают по большей части временно, имея в виду жить в другом месте по скоплении приличного капитала, и довольствуются массивными, неуклюжими строениями для своих магазинов и складов. Что касается бедного населения, в огромном большинстве ирландского происхождения, то оно обитает в закоптелых деревянных домишках, доставляющих обильную пищу огню во время частых зимних пожаров. Резкий запах рыбы распространен во всех кварталах, на берегах же моря, где находятся рыбные сараи, он просто невыносим. Трудно, конечно, думать об украшении города, погруженного в такое зловоние; счастье ещё, что жители в изобилии имеют чистую воду, почерпаемую в одном озере окрестных гор. Немногочисленным огородникам удалось извлечь кое-какие растительные продукты из тонкого слоя земли, покрывающей скалы окрестностей.

Железная дорога, огибающая бухту «Зачатия», окрещенную так португальским мореплавателем Кортереаль, соединяет Сент-Джонс с вторым городом Нью-Фаундленда, Гавр-де-Грас, имя которого переделано англичанами в Гарбур-Грэс. Город этот приютился на берегу бухточки, защищенной от морского волнения длинной песчаной косой; в шестнадцатом столетии в этой бухте собиралось одновременно до четырехсот рыболовных судов, португальских, английских, французских, и хотя с той поры богатство соседних вод животной жизнью уменьшилось, но и теперь ещё Гавр-де-Грас посещается большим числом судов в сезон рыбной ловли. Бывшая французская колония Карбоньер, ныне английский город Карбонир, находится в 13 километрах от Гарбур-Грэса, при бухте, в водах которой также собирается много рыболовных судов в летние месяцы. Севернее Гарбур-Грэса и Карбонира, на восточном берегу большой бухты Троицы (Trinity-bay), среди скал приютилась хорошенькая рыбацкая деревушка: это Гартс-Контент, место, где электрический кабель, погруженный в 1848 г., установил первое подводное сообщение между Старым и Новым Светом. Внимая словам приветствия и благожелания, которыми в то время обменялись через океан и которые передавались с одного конца земли на другой, можно было думать, что наступила эра всеобщего братства.

К северу от бухт Зачатия и Троицы следует ряд других рыболовных портов. Города Каталина и Бонависта, основание которых относится к первым временам открытия Нью-Фаундленда, и теперь ещё принимают сотни рыбачьих судов в свои гавани. Гринспонд—также довольно оживленная пристань. Далее, за мысом Фреэль или Фрильс, находим ещё два порта: Фого и бывший французский город Туленгет, переименованный англичанами в Ту-

1 Pendarves Vivian, „Wanderings in the Western Land“.

иллингет; последний расположен на двух скалистых островах, соединенных живописным путеводом. Из этой же области происходили самые красивые нью-фаундлендские собаки, черные, с белым крестом на груди. Порты северного берега снаряжают большое число судов для рыбной ловли у берегов Лабрадора; кроме того, тамошнее население занимается земледелием, преимущественно в окрестностях Туленгета; но главный промысел, особенно на западе, по берегам бухты Богоматери, составляет разработка месторождений медной руды, которая встречается в пустотах горных пород: глубокия подземные галлереи уже проникли очень далеко внутрь холмов вокруг Тильткова, маленького порта, почти все жители которого работают в рудниках. Английская компания вывозит руду и строит шоссе, железные дороги и телеграфы в этой местности, до сих пор не имевшей никакого сухопутного сообщения с остальным Нью-Фаундлендом.

Южное побережье, особенно побережье Авалонских полуостровов, к югу от Сент-Джонса, более населено, чем северное; жители, привлекаемые соседством рыбных мелей, скучены на берегах, тем более, что каменистое свойство почвы не позволяет им селиться во внутренних местностях. Самый многолюдный город этой области, некогда соперник Сент-Джонса,—бывшая французская колония Плезанс, переименованная англичанами в Плаценцию, в 1713 г., когда французские солдаты и жители должны были очистить Нью-Фаундленд и переселиться на Кап-Бретон. Напротив, на северном берегу бухточки, виднеется деревня Малая Плаценция, в соседстве которой разрабатываются свинцовые рудники. В бухте Плезанс лучший порт—Бюрен, лежащий на западном берегу и защищенный от всех ветров кругом островов. Арматоры Бюрена снаряжают большое число судов для ловли на мелях и ведут очень деятельную торговлю с французским портом Сен-Пьер. Из следующих за Бюреном поселений южного берега, Фортюн, Бюржо, Ла-Пуаль, Порт-о-Баск, ни одно не имеет даже тысячи жителей. Близ последнего из этих поселений, называемого англичанами также Ченнель, находятся опасные подводные камни, «острова мертвецов», опоясанные выкидками разбившихся судов: иногда, после бурь, отряды могильщиков по нескольку дней работали над зарыванием трупов.

Города Нью-Фаундленда, имеющие свыше 3.000 жителей (по переписи 1891 г): Сент-Джонс—26.000 жит.; Гарбур-Грэс (Гавр-де-Грас)—6.000 жит.; Бонависта—4.000 жит.; Карбонир—4.000 жит.; Туиллингет—4.000 жит.

Правительство Нью-Фаундленда, скопированное с правительства Великобритании, опирается с одной стороны на народную волю, выражаемую посредством *manhood suffrage*, или «голосования зрелых граждан», с другой—на королевскую власть, представителем которой является губернатор. Все граждане старше двадцати одного года, занимавшие впродолжении по крайней мере двух лет до дня выборов жилое помещение, в качестве ли владельцев или в качестве нанимателей, и все мужчины в возрасте свыше двадцати пяти лет, каково бы ни было их местопребывание, пользуются правом голоса. Остров разделен на округи, которые все вместе посылают тридцать трех депутатов в «дом Собрания». Представители эти выбираются каждые четыре года между гражданами, имеющими не менее 480 пиастров годового дохода, или недвижимое имущество ценностью по крайней мере в 2.400 пиастров, не заложенное, и получающими годовое содержание не менее 194 пиастров, если живут в Сент-Джонсе, столице, и не менее 291 пиастра, если имеют пребывание в другом месте. Что касается верхней палаты или законодательного совета, то он состоит из пятнадцати членов, назначаемых пожизненно нью-фаундлендским правительством и получающих по 120 пиастров содержания за сессию. Исполнительный совет или министерство состоит из семи лиц, выбираемых губернатором, но ответственных перед большинством законодательного собрания. Наконец, губернатор назначается королевой, обыкновенно на шестилетний период. Конституция введена с 1855 г., но в 1885 г. в ней были сделаны некоторые изменения.

Доходы колониальной казны проистекают почти единственно из сбора таможенных пошлин, взимаемых с привозных товаров в размере от 10 до 25% с ценности товара. Каменный уголь, рыболовные снаряды, печатная бумага и овощи изъяты от взимания ввозной пошли-

ны.

Бюджет колонии в фискальном 1896—97 г.: доходы 8.500.000 франк.: расходы: 9.500.000 франк.; государственный долг: 87.250.000 франк.

Сен-Пьер и Микелон

Два острова, оставленные трактатами Франции в водах Нью-Фаундленда, были хорошо известны уже мореплавателям шестнадцатого столетия, и, между прочим, Жак Картье упоминает о них в 1535 г.; но архипелаг этот получил постоянных жителей только в 1604 г., когда на нём поселились баски и другие понантенские моряки. Они, однако, не могли там остаться. Англичане прогнали их, и только в 1763 г. всё население островов, в числе от 1.200 до 1.932 душ (по разным приблизительным исчислениям), было вытеснено и принуждено было удалиться во Францию. В 1783 г. доступ на острова снова был открыт, и десять лет спустя на них насчитывалось около 1.500 жителей, когда новая высадка англичан сопровождалась новым изгнанием французского населения. Новое заселение началось только с 1816 г., после возврата островов Франции: известное число иммигрантских семей принадлежало к группе бывших изгнанников. Трактаты толкуются различно: по толкованию французов, архипелаг принадлежит им на правах полного и державного владения, с правом возводить укрепления; по мнению англичан, всякая постройка фортов воспрещена. Впрочем, никаких крепостей там не существует, да и возводить их было бы бесполезно: Сен-Пьер есть не что иное, как место французского рыболовства в канадских и британских водах, но с этнической точки зрения, это первый пост многочисленных французских населений, простирающихся на запад в Канаде и в Соединенных Штатах до Скалистых гор.

Простой географический придаток Ньюфаундленда, с которым его соединяет морское дно глубиной менее 100 метров, Микелонский архипелаг очень невелик, сравнительно с соседним островом. Микелон состоит в действительности из двух островных массивов: Большого Микелона на севере и Малого Микелона, или Ланглада, на юге. Первый имеет несколько вершин в 200 и 250 метров высоты; второй низменнее, однако, одна из его гор достигает 160 метров. Эти две земли соединены песчаным перешейком, имеющим в некоторых местах не более 300 метров ширины, который был намыт встречными волнами, но иногда течения переливались через эту низменную косу и вырывали между двумя островами проход, достаточный для судов средних размеров. Так, в 1757 г. два Микелона были разделены проливом, но в 1781 г. они снова соединились, и многие моряки, введенные в заблуждение морскими картами, где был показан этот проход, врезались в песчаную мель[1]. Часто также штормы гонят суда на эти опасные буруны: на всём протяжении перешейка видны остовы севших на мель судов, торчащие из песку, словно скелеты китов[2]. За время с 1816 по 1881 г. насчитали 263 кораблекрушения на этих берегах, что, в среднем, составит более четырех в год.

Пролив, называемый почему-то «бухтой», хотя он не представляет якорной стоянки и плавание в нём часто бывает опасно, отделяет две земли Микелон от острова св. Петра, меньшего размерами, но ещё более пустынного и неприютного, за исключением ближайших окрестностей его порта. Остров этот, как и Микелон, есть груда порфировых скал, пробитых кое-где траппом и облицованных на скатах песчаниками и конгломератами; самая высокая вершина «горы» поднимается всего только на 204 метра. Растительной земли почти совсем нет; скалы покрыты мхом, и «леса», как их величают, состоят из ковра можжевельников, переплетающихся корнями и ветвями, почти стелющимися на высоте одного или двух метров; впрочем, густые поросли мелких растений доставляют в изобилии съедобные ягоды, собираемые осенью. Впадины скалы заняты прудами, а скаты усеяны эрратическими камнями. Культура возможна только на принесенной земле: таким образом резиденты Сен-Пьера успели развести небольшие садики вокруг своих домов. Более счастливые, жители Ланглада

1 Cloue, „Pilote de Terra-Neuve“.

2 H. de Lamothe, „Annuaire des iles Saint-Pierre et Miquelon pour l’annee 1889“.

обладают настоящими фермами для культуры хлебных растений и скотоводства. В 1881 г. на Микелон привезли из Новой Шотландии зайцев особой породы, ошибочно называемых «кроликом», которые быстро расплодились на французском острове, так же, как перед тем на Ньюфаундленде.

Пространство и население французского архипелага:

Острова Микелон и Сен-Пьер—235 кв. килом.; число жителей (1892 г.)—6.250.

Несколько необитаемых островков и скал дополняют архипелаг. Больший из двух островов, Микелон, менее населен, и в последнее время население его даже уменьшилось[1]. На стороне Сен-Пьера то важное преимущество, что он обладает хорошо защищенным рейдом, и натурально, город основался там, где высаживаются моряки; оседлое население его состоит из 2.500 жителей, но в разгар сезона на улицах его толпится до пятнадцати тысяч человек. Всего больше в Сен-Пьере нормандцев и бретонцев: есть также маленькая колония басков. Можно бы было преобразовать в порт неглубокий пруд, находящийся при основании перешейка, на южном берегу Большого Микелона, но остров этот редко бывает доступен судам, и берега его остались почти пустынными. Вокруг Сен-Пьера и рядом, на Собачьем острове, рассеяны главные заведении для сушки трески, где работает многочисленное плавучее население сушильщиков, «graviers», состоящее почти исключительно из молодых бретонских рыбаков и женщин; заведения эти принадлежат арматорам Гранвиля, Сен-Мало, Дьеппа и Фекана; наибольшее количество добываемой здесь трески отправляется в Бордо. Связанные с рыбной ловлей промыслы, как-то: соление рыбы, производство боченков, постройка «дорид» и других рыбачьих и перевозочных барок, хранение соли, привозимой главнейше из Кадикса, обратили Сен-Пьер в один из деятельнейших портов этих вод. Во время сезона происходит очень частое сообщение между Сен-Пьером и соседними портами, Плаценцией, Сен-Джонсом, Сиднеем, Галифаксом; в рейде стоят французские стационеры для присмотра за флотилией рыболовных судов. Многие из подводных электрических кабелей, проложенных через Атлантический океан, касаются твердой земли в Сен-Пьере, так что этот городок является одним из главных узлов в нервной системе земного шара.

Движение судоходства в порте Сен-Пьер в 1888 г.: 6.611 судов, общая вместимость которых равнялась 412.660 тоннам.

Рыболовных судов, отправленных из Франции в Сен-Пьер: 300, вместимостью 59.775 тонн, с 5.103 челов. экипажа. Местное снаряжение: 668 судов, вместимостью 14.815 тонн, с 4.726 матросами.

Средний улов рыбы: от 32.000 до 36.000 тонн в год.

Движение внешней (специальной) торговли в 1895 г.:

Привоз—8.250.000 франк.; вывоз—10.350.000 франк.; местный бюджет в 1898 г.—525.000 франк.

Франция представлена в Сен-Пьере губернатором: с своей стороны, жители архипелага посылают делегата в Париж. Каждый остров составляет отдельную общину, имеющую свое муниципальное управление: генеральный совет, члены которого избираются по спискам, собирается на заседания дважды в год.

IX. Статистический обзор Канады

Народонаселение различных союзных государств, которые, под именем «Провинций», образуют, вместе с территориями, ещё не получившими правильного административного устройства, «Канадскую державу» или конфедерацию (Dominion of Canada), составляет в совокупности около пяти миллионов жителей, распределенных, как известно, весьма неравномерно на громадном пространстве Британской Америки. Почти все канадцы скучены на окраине трех нижних озер, в долине св. Лаврентия и на побережьи Приморских провинций,

1 Hutton and Harvey, цитированное сочинение.

тогда как на западе, на дорогах, ведущих к Великому океану, редкия группы населения разбросаны на больших расстояниях одна от другой, а в северных областях замечается даже уменьшение числа их обитателей, индейцев и эскимосов кочевников. Эти холодные страны крайнего севера остаются вне потока иммиграции, но годные для обитания части Канадской конфедерации, т.е., вообще говоря, все области, лежащие к югу от нулевой изотермы, ещё достаточно обширны, чтобы принять и обильно прокормить сотню миллионов людей. Быстрое численное возрастание населения за последние сто лет свидетельствует о богатых экономических рессурсах, которыми обладает эта обширная страна.

Народонаселение нынешней территории Канадского союза и Нью-Фаундленда, не считая индейцев:

Канадский союз 1806 г.—455.899 жит.; 1851 г.—2.547.158 ж.; 1881 г—4.324.420 ж.; 1897 г.—5.069.291 ж.; Нью-Фаундленд, с восточ. Лабрадором—212.106 жит.; итого—5.281.397 жит.

Европейская иммиграция, направляющаяся в Канаду, никогда не отличалась такой правильностью в своем движении, какую представляет иммиграция, направляющаяся в соседнюю северо-американскую республику; даже весьма трудно исчислять с точностью размеры этого движения, так как большое число новоприбывающих переселенцев, тысячи и десятки тысяч, только проходят чрез бассейн св. Лаврентия, продолжая свой путь в Соединенные Штаты. С другой стороны, «американцы», или колонисты европейского происхождения, жительствующие на юге от канадской границы, часто переходят эту границу, привлекаемые бесчисленными интересами торговли или промышленности. Между двумя смежными странами происходит постоянное передвижение населения в ту и другую сторону, и хотя опубликованы статистики этого непрерывного обмена, но таблицы эти не могли быть составлены настолько тщательно, чтобы можно было определить для каждого года прибыль или убыль в людях, происходящую в этих двух странах, вследствие перехода жителей из одной в другую. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что значительная доля европейской иммиграции, направляющейся в Канаду, остается в этой стране на постоянное жительство; если даже считать эту долю только в одну треть, то и тогда она много помогает заселению края, так как в последние двадцать лет число иммигрантов, по оффициальным данным, ни разу не было менее 18.000 (в 1870 г.); оно поднималось до 133.000 человек (в 1883 г.); в среднем, прибытия постепенно увеличились с 20.000 до 70.000 в год. Некоторый, впрочем, очень небольшой, численный перевес, во всей совокупности жителей, мужского пола над женским (отношение полов в населении Канады в 1881 г.: 100 мужчин на 97,5 женщин) объясняется влиянием иммиграции, приводящей весьма большое число холостяков; между уроженцами же края женщины составляют большинство. *По переписи 1891 г.: мужского пола—2.460.471, женского—2.372.768*.

Этнические элементы, ежегодно прибавляющиеся к канадскому населению, происходят главным образом из Великобритании. Ирландия прежде высылала массы переселенцев, но теперь этот источник почти иссяк; в настоящее время между вновь прибывающими колонистами преобладают англичане. Скандинавы, скоро англизирующиеся, также являются тысячами; несколько сот переселенцев-немцев водворяются в разных частях территории, особенно в Онтарию и Манитобе. Французы прибывают в меньшем числе, и франко-канадцы почти единственно своими собственными рессурсами, т.е. благодаря своей большой рождаемости, сохраняются среди иноплеменных населений и продолжают ту мирную борьбу, в которой ставку игры составляют язык и национальный гений, чти придает этой борьбе грандиозный характер. Что касается индейцев, прежних владельцев страны, то эта расовая борьба не затрогивает их: они считаются таким маловажным элементом, что статистики всего чаще даже не находят нужным принимать их в рассчет при определении общей цифры населения. Несколько голодных племен бродят ещё в пустынях, более или менее защищаемых миссионерами от вторжения белых людей, но большинство аборигенов, окруженных волной поднимающагося наводнения и всё более и более смешивающихся с белой расой и утрачива-

ющих свои типические племенные особенности, теряется в общей массе канадского населения. Те 80.000 индейцев, которые живут в отведенных им анклавах, составляют общины европейского вида, где ежегодно производится перепись дворов, церквей и школ, засеваемых полей, плугов, домашнего скота и собираемых сельско-хозяйственных продуктов, с целью узнать, насколько успешно идет их ассимиляция с колонистами белой расы. Сделавшись «канадцами», даже по муниципальным и политическим учреждениям, эти коренные обитатели страны скоро не будут иметь в себе ничего индейского, кроме воспоминания о своих предках.

Население Канады (без Нью-Фаундленда), классифицированное по расам и странам происхождения, в 1881 г.:

Индейцы—131.957; канадцы европейского происхождения: англо-канадцы—666.666; франко-канадцы—1.299.161; англо-кельты: ирландцы—185.526; англичане—160.504; шотландцы—115.062; итого—470.092; американцы из Соединен. Штатов—77.753; французы—25.327; жители других национальностей—66.666.

Главная масса канадского населения состоит из земледельцев: хотя процент городских жителей быстро возрастает, как и во всех цивилизованных странах, но здесь он далеко не так значителен, как в Соединенных Штатах, в Англии и в Австралии. В то время, как на этом южном континенте два города сосредоточили в себе целую треть всего австралийского населения, в Канадской державе десять главнейших городских поселений все вместе заключают в себе только седьмую часть общего числа жителей страны.

Способные к труду канадцы, классифицированные по роду занятий, в 1881 г.:

Земледельцы—662.630, или 56%; ремесленники, рабочие—287.295, или 24%; торговцы—107.649, или 9%; прислуга—74.830, или 7%; люди свободных профессий—52.974, или 4%.

С 1854 г. прежнее деление земли на «сеньории» упразднено в провинции Квебек, «lods» и другие оброки была выкуплены посредством вознаграждения, в сумме около 3 миллионов пиастров, уплаченных сеньорам, и чиншевикам предоставлено было выкупить по желанию небольшую поземельную ренту. Почти все воспользовались этим правом. Годные под культуру земли, которых, по распоряжению канадского правительства, обмежевано уже сотни миллионов гектаров, далеко не все заняты, даже под выгоны для скота: протяжение их так велико, что земледельцу нет надобности заботиться о сколько-нибудь бережливом пользовании угодьями: обыкновенно он утилизирует только почву, от природы плодородную, и даже не дает себе труда увеличивать посредством удобрений производительную силу своих полей. Наибольшая часть земель эксплоатируются даже единственно в виду покрывающего их леса: вырубив деревья, землю покидают до тех пор, пока какому-нибудь земледельцу заблагоразсудится распахать её и бросить в новую пашню семена. Гиганты лесов становятся уже редки, ибо лесные «участки» севера, куда теперь пробираются дровосеки, имеют климат менее благоприятный, чем южные области, уже выпустошенные, и деревья не достигают там таких же крупных размеров. Но лесные богатства ещё достаточно велики для покрытия с избытком всех потребностей Канады, и ни в одной стране не расточается так много леса для постройки домов, амбаров, мостов, застав и дорог, а также для выделки мебели, орудий и всякой утвари; кроме того, леса дают обильный материал для вывоза, который ежегодно составляет, по ценности, около четверти всей отпускной торговли.

Продукты леса в Канаде, в 1881 г.:

Бревен—3.161.186 кубич. метр.; плах сосновых—22.324.407 кубич. метр.; плах из другого леса—26.025.584 кубич. метр.; мачт и рей—192.241 кубич. метр.

Средняя ценность вывозимого леса, в год: 115.000.000 франк.

Главную культуру в канадском полеводстве составляет пшеница, сбор которой обыкновенно превышает нужды местного потребления: торговый баланс почти каждый год оказывается благоприятным для Канады. Смотря по годам, производство этого хлеба колеблется между семью и тринадцатью миллионами гектолитров,—количество почти равное одной десятой среднего французского урожая; но в близком будущем, с обращением на пользу сель-

ско-хозяйственной культуры плодородных земель Манитобы, Канадский союз, вероятно, займет одно из первых мест между производящими хлеб странами. Впрочем, канадские сельские хозяева не пренебрегают ни одним из возделываемых в Европе пищевых растений; в некоторых округах, между прочим, в южной части провинции Онтарио, они содержат великолепные фруктовые сады, плоды которых, особенно яблоки, славятся своим превосходным качеством; они пробуют даже разводить виноградники, пока ещё, правда, без большого успеха, хотя количество летнего тепла вполне достаточно для вызревания винограда.

Луга занимают значительную часть земледельческой площади, и в последние годы живой скот сделался предметом вывоза в Европу; так, например, в 1888 г. было вывезено скота на сумму 45.584.500 франков (экспорт скота в Англию из портов р. св. .Лаврентия: 60.828 быков; 46,167 баранов). Иногда также продавала за границу тысяч по двадцати и более лошадей в год; по относительному числу этих животных Канаде принадлежит одно из первых мест во всём свете (общая цифра лошадей в этой стране, по скотской переписи 1891 г.: 1.441.037). Сыроварение быстро достигло обширного развития, и Канада, сделавшаяся ныне одною из главных производящих стран по этой отрасли молочного хозяйства, снабжает Англию большим количеством своих сыров; но производство коровьего масла, менее спрашиваемого иностранными потребителями, сократилось в последнее время.

Вывоз канадского сыра и масла: в 1874 г. 10.626 тонн сыра и 5.461 тонна масла; в 1885 г.: 35.560 тонн сыра и 3.272 тонны масла.

Общая ценность этих продуктов в 1885 г.: 50.440.000 франк.

В 1895—96 г. вывезено сыра и масла на сумму 75.040.000 франк.

Что касается другого предмета сельско-хозяйственной промышленности, овечьей шерсти, то отпускная торговля им находится теперь в упадке, может-быть, временно, вследствие возрастающего потребления этого продукта в местных прядильнях: в 1885 г. стада дали только 5.000 тонн шерсти для экспорта. Но продукты птичьего двора, составляющие, вообще говоря, плод трудолюбия хозяек, приобретали год от году, с половины настоящего столетия, всё большую и большую экономическую важность: Канада теперь одна из стран, следующих издали за Францией по размерам вывоза яиц в Англию (в 1685 г. из Канады было отправлено за границу 138.512.000 яиц; в 1890—91 г. их вывезено на сумму 1.160.000 долларов). Эти мелкие продукты имеют ныне более важное значение по внешней торговле, чем меха, составлявшие прежде одно из главных богатств страны и бывшие, вместе с рыбным промыслом, причиной её заселения европейскими колонистами (вывоз пушного товара из Канады в 1888 г.: 9.070.770 франк.).

Рыболовство является и ныне для Канады тем же, чем оно было всегда,—источником доходов, если не неисчерпаемым, то по крайней мере очень обильным. Бесчисленные озера и реки, морские берега, общее протяжение которых не менее 9.000 километров, доставляют потреблению громадные количества животного вещества; только ловля с помощью динамита и опилки из лесопильных заводов, покрывшие дно толстыми слоями, опустошили некоторые реки, местами даже морские бухты. Однако, и теперь ещё исчисляют в пятьдесят килограммов в год количество рыбы или моллюсков, съедаемое, в среднем, каждым жителем, а остающийся за покрытием внутреннего потребления огромный избыток служит предметом вывоза за границу (средняя годовая ценность улова в Канаде: 161.000.000 франк.). Канадские рыбные промыслы, не считая нью-фаундлендских, дают годовой доход вдвое больше против дохода, получаемого от этого рода промыслов Францией, и притом последняя посылает свои рыболовные суда частию в те же канадские воды. Рыба из озера Гурон и некоторых меньших озер, как, например, Ниппигона и Сент-Джона, славится как лучшая во всём бассейне Великих озер. Приморские провинции конфедерации, Новая Шотландия и Новый Брауншвейг, имеют, конечно, наибольшую долю участия в выгодах рыболовства, но Британская Колумбия также обогащается своим ловом рыбы (семги) и производством рыбных консервов. Треска одна дает четверть доходов; затем идут по порядку важности: сельдь, омар, лосось, макрель, палтус и другие виды. Рыбный экспорт направляется главным образом в Со-

единенные Штаты и на Антильские острова (в 1885 г. вывезено рыбы из Канады на сумму 41.392.000 франк., в том числе на 18.515.800 франк. в Соединенные Штаты и на 10.624.790 франк. в Вест Индию; в 1895—96 финансовом году общий вывоз рыбы составлял, по ценности, 51.405.000 франк. Англия, Португалия, Южная Америка также в широкой мере продовольствуются канадской рыбой.

Понятно, как важно было бы для конфедерации устранить всех своих соперников в производительном поле лаурентинских морей; она хотела бы разделить с Нью-Фаундлендом монополию этого промысла: отсюда частые споры между канадскими рыбопромышленниками и экипажами американскими и французскими,—споры, нередко дававшие повод к дипломатическим столкновениям между государствами. Но моряки Канады располагают также законными средствами для обеспечения и увеличения своего превосходства: благодаря береговым сигналам и подводным электрическим кабелям, протянутым от станции к станции, им нет более надобности блуждать в поисках за рыбой: они тотчас же извещаются о появлении стай рыб и отправляются прямо к мели. Соседство берега позволило им построить заводы для сушки и соления в наиболее удобных для того местах и даже опираться на побережье для устройства заколов. Они обладают также великолепными резервуарами для живой рыбы. Наконец, успехи морской зоологии дали возможность основать рыбоводные заведения, которые уже приносят доход и которые, может-быть, позволят современем рыбопромышленникам избегать опасностей открытого моря.

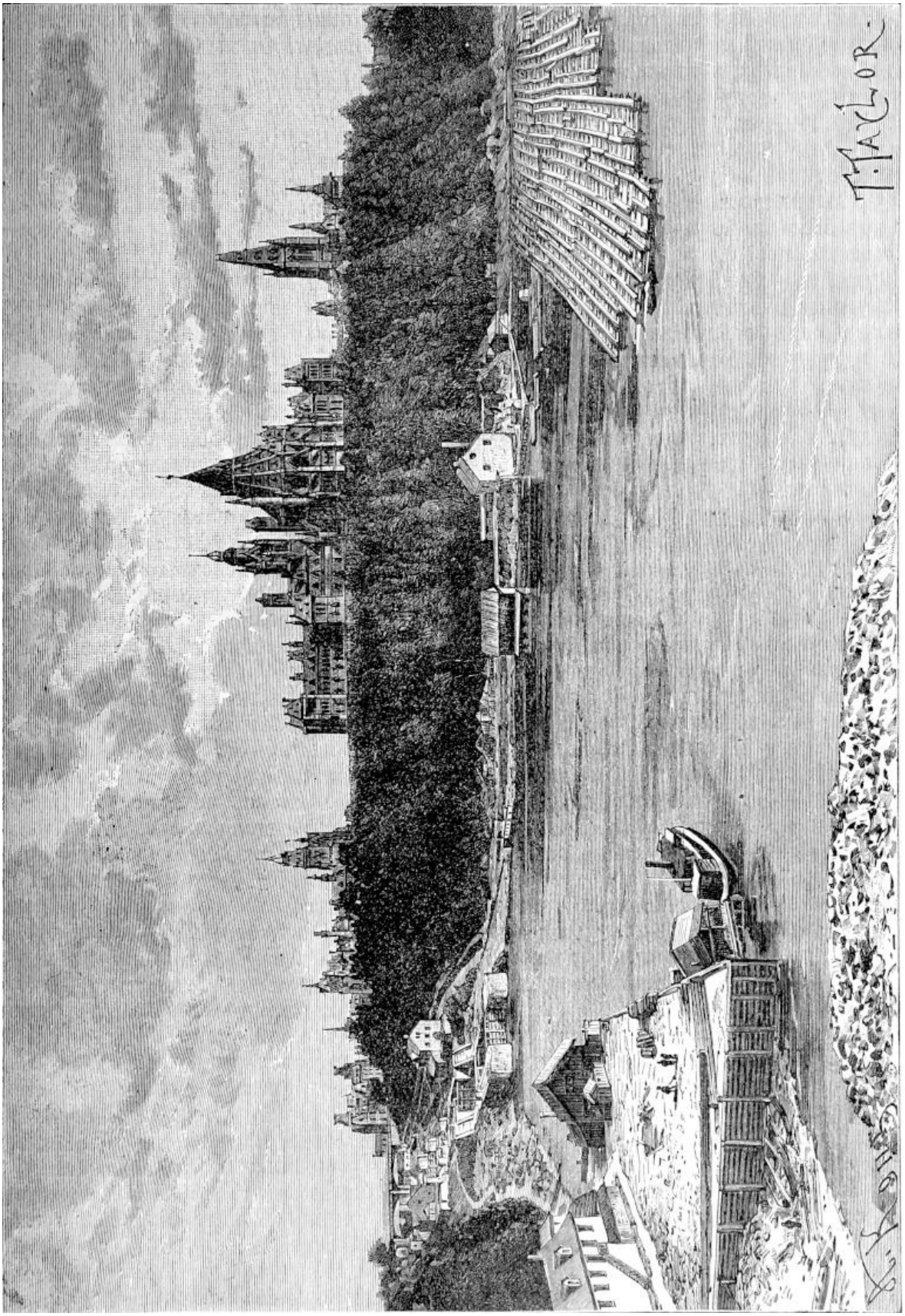
Рыболовная флотилия Канады в 1893 г.: 32.612 судов и лодок; общая численность рыболовного экипажа: 67.753 человека.

Доля Новой Шотландии: 14.338 судов и лодок, с 23.847 человек экипажа.

Канадский союз, очень богатый рудными месторождениями, разработывает их уже в таком размере, что может быть поставлен, как производитель металлов, в ряду второстепенных государств. Золотые прииска Новой Шотландии, давно уже открытые, доставляют ежегодно от 1 до 2 миллионов чистого металла; «золотые поля» Британский Колумбии, гораздо более обильные, дают золотопромышленникам вчетверо большую ценность, хотя добыча значительно уменьшилась с тех пор, как страна занимается земледелием. *Недавно открыты на реке Клондайк, притоке Юкона, богатейшие месторождения золота*. Из других металлов медь западного Онтарио и берегов Верхнего озера, повидимому, должна приобрести большую экономическую важность; что касается железа, то канадцы обладают огромными залежами этого металла, и при том именно руды лучшего качества находятся в непосредственном соседстве с каменноугольными копями; тем не менее добывание и обработка железа ещё в пренебрежении, так как привоз английских железных изделий и машин вполне достаточен для покрытия местного потребления. Но каменноугольные копи, как в Новой Шотландии, Кап-Бретоне, Новом Брауншвейге, так и в Британской Колумбии, год от году расширяют свое производство и даже конкурируют с Англией на рынках Нового Света; с другой стороны, разработка внутренних залежей угля, находящихся у восточного основания Скалистых гор, на линии тихо-океанской железной дороги, будет способствовать удовлетворению местного потребления, тем более, что в этих областях почва почти вся обезлесена. Фосфориты, соль, гипс, нефть, петроль и натуральные газы—таковы главные минеральные богатства долины Оттавы и полуостровного Онтарио, и почти везде находят превосходные строительные материалы. Важнейшими по обилию минеральных продуктов являются две области, лежащие на восточной и западной оконечностях Канадского государства,—Новая Шотландия и Британская Колумбия. Побережье Великих озер составляет третий горнопромышленный центр. *Добыча металлов и минералов в 1893 г. составляла, по ценности, 19.350.712 долл.; из этой суммы приходилось: на каменный уголь—2.422.259 долл., на никель—2.076.351 долл., на нефть—834.334 долл., на золото—927.244 долл., на медь—875.864 долл., на серебро—321.423 доллара.*

Экспорт Канады, страны новой, в страны с высоко развитой промышленностью, в Великобританию и Соединенные Штаты, само собой разумеется, должен состоять в сырье, в есте-

ственных продуктах, земледельческих и горнопромышленных. Плахи и доски, животные, рогатый скот, лошади и бараны, сыр, кожи, шерсть и меха, треска и другая рыба, наконец, каменный уголь и золото—вот главные товары, отправляемые отсюда за границу; из предме-

Дворецъ парламента въ Оттавѣ.

тов обработывающей промышленности вывозятся только изделия из дерева, дубленые и выделанные кожи и обувь, т.е. произведения, не требующие сложной обработки. Канада строит также, но в малом числе, деревянные суда для арматоров других наций. Впрочем, мануфак-

турная деятельность, работающая для местного потребления, получила сильное развитие с 1879 года, т.е. с того времени, когда Канаде предоставлено было установить таможенный тариф по всем статьям привоза, и она обложила пошлиной даже товары, посылаемые ей Англией; сюзеренная держава поставлена теперь в этом отношении на одну доску с Соединенными Штатами и платит те же ввозные пошлины. Число фабричных и заводских рабочих удвоилось, а капитал, помещенный в промышленные предприятия, утроился. Возникли новые отрасли промышленности, как, например, сахаро-рафинадное производство, бумагопрядильные и ткацкия мануфактуры: нет ни одного рода фабричной промышленности, который бы не был теперь представлен в городах бассейна св. Лаврентия; производство возросло особенно в Приморских провинциях и в южной части провинции Онтарио, области, где вся совокупность социальной жизни постепенно, путем естественного развития, складывается в промышленный тип.

Промышленные заведения Канадского союза в 1891 году: 75.768; число рабочих—367.865; ценность произведений—475.445.705 долларов.

Наиболее преуспевающие промышленные заведения—мукомольные мельницы, лесопильни, кожевенные заводы и фабрики обуви, и шерстопрядильные и ткацкия мануфактуры. Канадцы научаются обходиться без англичан по части изготовления принадлежностей одежды и предметов омеблирования: вместо того, чтобы отправлять за границу сырые материалы, они стараются оставлять их дома и переработывать в изделия.

Внешняя торговля Канадской конфедерации простирается, по ценности оборотов, до одного миллиарда франков или до 200 франков на каждого жителя,—пропорция, немного меньшая сравнительно с той, какая существует во Франции.

Обороты заграничной (специальной) торговли собственно Канады (без Нью-Фаундленда и Восточного Лабрадора) в фискальном 1897—98 году: привоз—601.125.000; вывоз—705.625.000 франков.

Этот торговый обмен совершается почти исключительно с Великобританией, сюзеренной державой, и с Соединенными Штатами, сопредельной страной, провинции которой переплетаются с провинциями Канадской конфедерации посредством Великих озер и реки св. Лаврентия. До недавнего времени Англия играла первенствующую роль в канадской привозной торговле; но, несмотря на давно установившиеся коммерческие связи, несмотря на увеличивающуюся легкость сообщения, которую представляют торговле с метрополией многочисленные и быстроходные трансатлантические паровые суда, в торговых сношениях Британской Америки замечается год от году всё более значительное отклонение в пользу Соединенных Штатов. Эта обширная страна, с 70-ти-миллионным населением, оказывает постепенно усиливающееся притягательное влияние на соседнюю конфедерацию, относительно гораздо менее могущественную. При том движение торгового обмена между этими двумя странами в действительности значительнее, чем оно показывается в таможенных отчетах, так как контрабанда легко пробирается на тысяче пунктах общей границы. Во многих частях смежной полосы товарные грузы проходят транзитом либо через Канадскую территорию, либо через Соединенные Штаты: так, продукты, направляющиеся из Миннеаполиса и с верхнего Миссисипи к Великобритании, следуют обыкновенно но железной дороге «Soo», т.е. по линии, проходящей мимо города Со-Сент-Мари (при водопаде Верхнего озера); даже Чикаго и Детройт имеют выгоду посылать в Европу по озерам и реке св. Лаврентия свои тяжеловесные и малоценные товары. С другой стороны, прямые линия сообщения из Торонто, Монреаля, Квебека к части атлантического берега, лежащей к югу от перешейка Шиньекто, по необходимости захватывают территорию Нью-Йорка или Новой Англии.

Английский ввоз в Канаду в фискальном 1895—96 г.:—32.980.000 дол.; вывоз из Канады в Великобританию—62.718.000 долл.; привоз из Соединенных Штатов в Канаду в 1895—96 г.:—58.574.000 долл.; вывоз из Канады в Соединенные Штаты—37.996.000 долл.

Совокупность канадской торговли с другими странами, кроме Британских островов и Соединенных Штатов, представляет только восьмую часть всего торгового обмена конфедера-

ции: «Западная Индия», т.е. различные Антильские острова, английские, французские и прочие, занимают первое место между второстепенными клиентами, и торговый обмен в этом направлении быстро возрастает, благодаря установлению новых линий пароходства. Что касается торговых сношений Новой Франции с старой, круто прерванных после квебекской катастрофы, то они возобновились только спустя столетие, да и теперь ещё не велики; торговля Франции с Канадой не достигает даже размера торговли Германии с этой заокеанской страной: французские коммиссионеры посылают туда только предметы роскоши и articles de Paris, в обмен на сырые продукты. После европейских стран, прибрежное население реки св. Лаврентия наиболее деятельную торговлю ведет с своим соседом, островом Нью-Фаундлендом.

Ценность торгового обмена Канады с другими странами, кроме Великобритании и Соединенных Штатов, в фискальном 1895—96 г. (в тысячах долларов): Антильские острова—4.826; Германия—6.538; Франция—2.011, Нью-Фаундленд—3.338.

Судов построено в Канаде в 1886 г.: 208, общая вместимость 37.531 тонна.

В настоящее время канадские негоцианты употребляют большие усилия, чтобы стать в более правильные деловые сношения с австралийскими государствами: сходство политических условий и полу-вассальной зависимости от английской короны служит им аргументами для получения субсидий в пользу их судов большой скорости. Благодаря своей трансконтинентальной железной дороге, проведенной от Квебека до Ванкувера, Канада представляет кратчайший путь между Европой и крайним Востоком: через её территорию проходит ближайшая дорога в Китай, и название «La Chine», данное в шутку аванпосту Монреаля, до некоторой степени оправдалось.

Канадская конфедерация принадлежит к группе государств, обладающих наиболее значительным торговым флотом. Хотя оффициально страна эта есть лишь одно из колониальных владений Великобритания, она превосходит большинство наций количеством и тоннажем своих торговых судов, уступая в этом отношении только Британским островам, Германии и Норвегии: в конце 1897 года коммерческий флот её состоял из 6.579 судов, общая вместимость которых равнялась 708.154 тоннам; кроме того, флот Нью-Фаундленда: 2.368 судов, с вместимостью 106.118 тонн. Правда, статистика включает в это число флотилии реки св. Лаврентия и озер; Манитоба имеет свой торговый флот, как и другие провинции Канадского союза. Однако, наибольшая часть торгового флота принадлежит «Приморским провинциям», Новой Шотландии, Новому Брауншвейгу, острову Принца Эдуарда; провинции Квебек и Онтарио первенствуют только по числу пароходов, большинство которых, впрочем, малого тоннажа. Теперь почти совсем перестали строить парусные суда, но каждый год флот увеличивается несколькими новыми пароходами.

Торговый флот трех Морских провинций (в 1888 г.): 4.097 парусных и 178 паровых судов, с общей вместимостью 783.035 тонн. Торг. флот Квебека: 1.586 парусных и 319 паровых судов, вместим. 189.064 т.; торговый флот Онтарио: 1.275 парусных и 610 паровых судов, вместим. 139.548 тонн.

Морские дороги и судоходные пути, представляемые внутри страны реками и озерами, продолжаются искусственными каналами. Прежде всего надо было провести обходные каналы на всех порогах реки св. Лаврентия, чтобы открыть непрерывный водный путь между морем и озером Онтарио, затем, этот озерной бассейн соединили с бассейном Эри каналом Велланд, и в настоящее время работают над прорытием другого канала, в обход водопада св. Марии (Sault-Sainte-Marie), канала, который избавит суда от необходимости проходить по территории Соединенных Штатов; впрочем, каналы, продолжающие линию св. Лаврентия, Велланд и св. Марии, открыты, со взиманием одинакового судоходного сбора, судам обеих наций. Кроме того, судоходная часть реки Ришелье приведена в сообщение с озером Шамплен и с сетью американских каналов; наконец, река Оттава и озеро Онтарио соединены цепью озер, связанных каналом Ридо. Крайне нужно также открыть прямой путь из озера Онтарио в Георгиевскую бухту, на севере полуостровной области верхней Канады, но это

дело, давно ужа начатое, ещё не доведено до конца. Канадские каналы, прежде выкапываемые только до глубины 2,75 метров, теперь имеют слой воды толщиною в 4 с четвертью метра и более. Общее протяжение каналов невелико, но искусственная сеть так хорошо дополняет естественную сеть рек и озер, что движение судоходства в сообщении с Соединенными Штатами могло возрасти в громадных размерах. Пропорционально численности населения, Канадский союз является первой страной в мире по количеству приходящих и отходящих судов.

Движение судоходства в Канаде в фискальном 1887—88 году: дальнего плавания: 30.807 суд., вместим. 9.197.803 т., экипажа 364.781 ч.; каботажн. плавания 100.116 суд., вместим. 18.789.279 т., экипажа 875.954 ч.

Судоходство с Соединенными Штатами, во внутренних водах: 33.496 судов, вместимостью 6.019.505 тонн, с 276.130 человеками экипажа.

Всего: 164.419 судов, вместим. 34.006.587 тонн, с 1.516.865 человеками экипажа.

Доля пароходства: 65.687 судов, вместимостью 24.278.487 тонн, или 71% всего тоннажа.

Движение в приморских портах в 1895—96 г.: в приходе 18.291 судно,—вместим. 5.895.360 тонн; в отходе—14.511 судов, вместим. 5.563.464 тонны.

Общее развитие судоходства и увеличение числа пристаней, естественно, должно было вызвать сооружение сети железных дорог. В 1835 году Канада построила свой первый рельсовый путь, от Лафирери до Сен-Жана, на Ришелье; в 1844 г. она ещё имела всего только 22 километра железных дорог, но с половины настоящего столетия начались подготовительные работы по сооружению двух магистральных линий: «междуколониальной», связывающей Приморские провинции, Новую Шотландию и Новый Брауншвейг, с прибрежными городами на реке св. Лаврентия, и главной линии (Great Trunck), соединяющей их с атлантическими портами Соединенных Штатов. Тихоокеанская железная дорога, главная срединная артерия страны и из всех трансконтинентальных линий Нового Света представляющая всемирной торговле кратчайший путь, была начата постройкою только в 1880 г.: но пять лет спустя это гигантское сооружение уже было приведено к концу; и теперь оно дополняется боковыми дорогами и ветвями, которые проникнут до Великого Севера в Аляску и на берега Гудсонова моря.

Общее протяжение железных дорог Канадской конфедерации 30 июня 1897 г.: 26.634 километров; длина строящихся: 351 килом.; в Нью-Фаундленде железных дорог—952 килом.

Стоимость постройки (к 30 июня 1888 г., при длине сети в 20.440 килом.) 3.780.000.000 франк., или, в среднем, 185.000 франк. на километр.

Число пассажиров, перевезенных в 1892 г.: 13.533.400, что составит немного более 2 поездок на каждого жителя.

Перевезено товаров в 1892 г. 22.190.000 тонн.

Доходы железных дорог в 1893 году: 52.042.397, расходы: 36.616.033 долл.

Хотя почти не населенная сравнительно с громадностью своего пространства, Канада занимает, однако, по протяжению железных дорог, восьмое место между государствами всего света; среднее ежегодное приращение её линий составляет около тысячи километров. Федеральное правительство владеет лишь небольшой частью сети, 1.852 километрами, представляющими основной капитал слишком 450 миллионов франков.

Компания тихоокеанской железной дороги, осыпанная милостями государственного бюджета в виде земель, денежных субсидий, уступкой построенных уже путей, богаче самого государства: главная линия, от Квебека до Ванкувера, имеет уже 4.932 килом. длины, и теперь она более, чем удвоилась вследствие проведения многих побочных путей, которые все построены на тех же условиях, как и первый, т.е. с уступкой земель, прилегающих с обеих сторон к дороге и выбранных, разумеется, между самыми плодородными. Таким образом общество капиталистов является собственником огромной площади земель, продажу которых отдельными участками оно может обставить такими условиями, при которых покупатели бу-

дут оставаться в зависимости от него. Владение лучшими местами в городах, которые оно помогает основывать, прибавляет новые привилегии к его монополии перевозок пассажиров и товаров: иной город не имеет даже доступа к берегу озера или реки, у которого или которой он основан. Это без сомнения большая опасность для канадского народа, что допустили организоваться такой могущественной компании и дали ей в руки оружие, которым она, конечно, не преминет воспользоваться для своих частных выгод, в ущерб общественным интересам. То же самое общество, кроме того, является, прямо или косвенно, хозяином пароходов, продолжающих его железнодорожную линию, с одной стороны к Европе, с другой—к Китаю и Австралии.

Компания тихоокеанской железной дороги в конце 1888 г.: длина сети 10.450 километров; основной капитал 986.000.000 фр.

Подобно железнодорожным, и телеграфные линии принадлежат в гораздо большей части финансовым компаниям, чем Канадскому государству. Последнее устроило сеть линий залива св. Лаврентия между различными станциями, а также телеграф канадского Лабрадора, извещающий о морских случайностях, очень частых в проливе Бель-Иль и в соседстве мелей. Правительство взяло на себя также постройку линий, не имеющих значения для торговли, которые соединяют в территориях Северо-Запада различные полицейские посты, местности, предоставленные для жительства индейцам, и конторы Гудсонской компании: оно же проложило подводный телеграф между Ванкувером и берегами Орегона. Что касается телеграфных проволок, протянутых от города до города в торговых областях, и междуокеанских электрических кабелей, проведенных к Великобритании и Франции, то постройка их была произведена финансовыми компаниями на свой риск, не без казенных субсидий, однако, и компании эти присвоивают себе все прибыли предприятия. Вскоре трансканадская сеть пополнится на западе подводными линиями к Австралии и к Китаю через Сандвичевы острова: тогда образуется полный магнитный круг околоземного шара. В 1897 г. канадские телеграфные линии все вместе имели 51.655, а нью- фаундлендские—2.115 километров длины; число переданных депеш было около 5.000.000.

Размеры почтовой корреспонденции удвоиваются с каждым десятилетием; она возрастает, разумеется, быстрее, чем народонаселение или сеть железных дорог, так как возрастание её обусловливается двумя прогрессами, воздействующими друг на друга—развитием торговли и распространением народного образования. Почтовое движение (пересылка писем, периодических изданий и проч.) в 1895—96 г. выразилось следующими цифрами: писем: закрытых—116.028.000, заказных—21.795.000, открытых—3.505.500; периодических и других печат. изданий—26.376.000; казенных отправлений—4.809.000.

Дело народного образования представляет замечательные успехи, судя потому, что пятая часть канадского населения состоит из учащихся, из которых около двух третей правильно посещают классы. *В 1893 г. в Канаде существовало 16.154 общественных и 903 других школ, с 999.297 учащихся. Из 14 университетов значительнейшие: торонтский (800 студентов), монреальский (650 студентов) и Виктории в Кобурге (670 студентов). Кроме того, существует 29 колледжей (6 женских) и 5 земледельческих школ*.

Что касается нравственной статистики, то большинство её явлений ускользают от регистрации. Вообще можно сказать, что проступки и преступления, пропорционально, гораздо многочисленнее среди населений английского языка.

Число осуждений за преступления и проступки, в один год: провинция Квебек—23 на 1.000 жителей; провинция Онтарио—17 на 1.000 жителей.

Пьянство заметно уменьшается во всех провинциях Канадского союза; свирепствуя главным образом в Манитобе, территории Северо-Запада и Британской Колумбии, оно всего менее делает жертв в провинции Квебек и в Акадии. Если употребление вина и водки уменьшается, то взамен того значительно увеличивается потребление пива.

Потребление крепких напитков в Канаде, в среднем на каждого жителя, в литрах:

	1878 г.	1888 г.
Водки	6,6	2,9
Пива	11,9	14,8
Вин	0,9	0,4

Хотя обыкновенно говорят, что пауперизма в Канаде не существует, однако, он уже появляется в промышленных городах, и во многих сельских местностях можно встретить целые банды просящих подаяния.

X. Администрация и правительство Канады

Канадская община автономна, за исключением только острова Принца Эдуарда, где муниципальная власть находится ещё, в силу старинной королевской хартии, в руках крупных землевладельцев. Хотя Канадская конфедерация имеет монархическое устройство по своему центральному правительству, но первичные её элементы, townships, или сельские округа, села и деревни с 750 и более жителей, городские поселения с 2.000 до 15.000 жителей, города с населением свыше 15.000 душ, графства или группы сельских обществ, образуют столько же отдельных маленьких республик: «Канада, говорят в шутку, первая страна в мире по производству политики, которое приходится на один квадратный километр.» Канадцы в гораздо более широкой мере пользуются самоуправлением, чем, например, жители французской общины, почти всецело зависящей от центральной власти, несмотря на республиканский образ правления в этом государстве. Совет каждой муниципальной личности, избираемый ежегодно плательщиками налогов, обсуждает и решает все вопросы, касающиеся приобретения общественных имуществ и порядка управления ими, назначения местных должностных лиц, выдачи пособий сельскохозяйственным или мануфактурным обществам, определения и взыскания штрафов; от него же зависит разрешить или запретить продажу крепких напитков в пределах общины.

Каждая из провинций составляет особое государство, располагающее собственными доходами и издающее собственные законы в своем парламенте, состоящем либо из одного собрания, как в Онтарио, либо из двух палат, как в провинции Квебек. Она сама назначает своих второстепенных должностных лиц, сама всецело руководит внутренней администрацией и местным законодательством; однако, ей не присвоены державные права относительно организации военных сил, национальной обороны, взимания таможенных пошлин и акцизных сборов, управления почтовой частью, юрисдикции по делам уголовным и бракоразводным; кроме того, законы, вотированные провинциями, могут быть не утверждены центральной властью, если последняя признает их противоречащими общей конституции Союза. Что касается территорий Северо-Запада, ещё не организованных в провинции, то они имеют смешанное правительство, состоящее из депутатов, избираемых народом, и из чиновников, назначаемых канадским министерством. Каждая провинция получает ежегодную субсидию из бюджета конфедерации.

В правительственных выборах могут подавать голос все «британские подданные» по рождению или по натурализации, достигшие двадцатиоднолетнего возраста и удовлетворяющие определенным условиям ценза, впрочем, не высоким: недвижимое имущество в 1.400 франков в городе, в 1.000 франк. в уезде, или наемное помещение, оплачиваемое сотней франков в год, достаточны для обеспечения избирательного права. Лица женского пола не участвуют в выборах; китайцы также лишены права голосования; обязанные даже очищать себя ввозной пошлиной в 50 пиастров за право пребывания в стране, желтолицые сыны Срединной империи, в случае проезда, рассматриваются как «запломбированный» товарный груз и перевозятся в запертых вагонах от одного до другого конца территории. Что касается индейцев, не сгруппированных в племена, то они уравнены в правах с белыми гражданами. Всякий иностранец может, после трехлетнего пребывания в стране, принести присягу на верноподданство пред надлежащим судьей и получить свидетельство о натурализации, кото-

рым ему присвоиваются все права и преимущества «подданного её британского величества».

Канадский парламент состоит из двух палат: «палаты общин» и «сената». В первой или нижней палате, которая считается представительницей народной воли, пропорционально числу жителей, теперь заседают 214 членов, из которых 65 принадлежат провинции Квебек; число членов от других провинций меняется после, каждой десятилетней всенародной переписи, соответственно относительной численной важности их населения.

Личный состав народного представительства и сената Канады до 1891 г.

Онтарио	92 депутата,	24 сенатора.
Квебек	65 „	24 „
Новая Шотландия	21 „	10 „
Новый Брауншвейг	19 „	0 „
Остров Принца Эдуарда	6 „	4 „
Британская Колумбия	6 „	3 „
Манитоба	5 „	3 „
Всего	214 депутатов;	78 сенаторов.

С 1891 г.: 215 депутатов и 80 сенаторов.

Из этого видно, что в настоящее время почти половина членов законодательного собрания приходится на долю провинции Онтарио. Имея, кроме того, выгоду нахождения в её пределах столицы страны, провинция эта в действительности располагает численным большинством посредством своих присутствующих делегатов. Представители избираются на пять лет, если не последует распущения законодательного собрания ранее срока его полномочий. Что касается 80 членов сената, то они назначаются пожизненно губернатором из числа лиц, достигших сорокалетнего возраста и владеющих состоянием по крайней мере в двадцать тысяч франков; кроме того, они обязаны иметь пребывание, оффициально, в той провинции, для которой они назначены. Генерал-губернатор, представитель королевы, но получающий содержание из канадского бюджета, председательствует в совете министров, состоящем исключительно из членов канадского парламента, выбираемых из среды большинства и ответственных перед палатами. Он имеет резиденцию в Оттаве, месте заседания парламента и столице конфедерации. Не раз уже поднимался вопрос о том, чтобы изъять этот город из юрисдикции провинции Онтарио и сделать его федеральным городом, подобно тому, как таковыми являются, в других американских государствах, Вашингтон и Буэнос-Айрес.

Канада имеет только кадры постоянной армии. Прежде, когда она была простым колониальным владением Великобритании, её крепости и главные города были заняты британскими гарнизонами, и английские военные корабли сторожили у её берегов. Сделавшись самостоятельным, Канадский союз теперь сам заботится о своей обороне. Правительство метрополии содержит вооруженную силу, в числе около 2.000 человек, только в цитадели Галифакса; содержанием маленького гарнизона в Эскимальте она принимает также некоторое участие в охране берегов Британской Колумбии, но доля этого участия ещё не определена окончательно. Законом предусмотрен рекрутский набор для сформирования регулярного войска; однако, до сих пор ещё не было надобности прибегать к этой мере, и число волонтеров всегда превышало число людей, потребное для службы. Номинальная сила действующей милиции простирается до 43.000 человек для всей Канады, но действительная численность обученных волонтеров не превышает 30.000 человек; волонтеры из горожан несут службу впродолжении двенадцати дней в году, тогда как добровольцы из сельских жителей призываются в лагерный сбор только раз в два года. Люди получают маленькое жалованье во время регулярного ученья, вооружение и обмундировка их производятся на счет казны. Правительство содержит, кроме того, «королевское военное училище» в Кингстоне и восемь солдатских школ, служащих для комплектования специального корпуса, предназначенного образовать ядро постоянной армии. В областях Великого Запада организован отряд «конной полиции», численностью в тысячу человек, объезжающий равнины по разным направлениям и в особенности обязанный следить за индейцами, чтобы они смирно сидели в своих становищах. Это самый деятельный корпус канадской милиции Франко-канадцев относительно

гораздо меньше между волонтерами, чем англичан: что бы ни говорили, англосаксы больше других любят «играть в солдатики».

Что касается запаса, состоящего из всех здоровых мужчин, не моложе 18 и не старше 60 лет от роду, то он заключает около миллиона ратников, разделенных на четыре класса, по возрасту и по семейному положению; никакая часть этой громадной силы никогда не была вооружаема, ни даже обучаема военным упражнениям: она существует лишь виртуально, как могущая быть призванной под знамена в случае, если бы угрожала опасность национальной независимости. Самый большой призыв войск имел место в 1870 г., когда ирландские фении намеревались вторгнуться в страну через границу Соединенных Штатов: тогда канадская армия, в количестве 19.500 человек при 20 орудиях, сосредоточилась на уязвимых пунктах территории; кроме того, дважды волонтеры были призываемы для действий против французских метисов Северо-Запада. Военный бюджет в Канаде весьма незначителен: так, например, в 1897—98 г. расходы но содержанию милиции составляли всего 6.815.280 франков. Во главе управления военной частью стоит министр милиции, входящий в состав оттавского правительства, но главнокомандующим армии является английский генерал, назначаемый королевой, хотя получающий содержание из федеральной казны.

Судебная иерархия Канады также зависит ещё от британского правительства, так как высшую инстанцию и для этой страны составляет тайный совет королевы; по гражданским делам происходит постоянное движение тяжущихся и адвокатов взад и вперед между канадскими судами и Лондоном, с большими издержками и с большим усложнением процедуры. А между тем Канада, кажется, уже в достаточной мере обзавелась судьями и трибуналами. Различные муниципалитеты могут, по просьбе ста домовладельцев, ходатайствовать перед губернатором провинции, в его совете, о назначении так называемого суда коммиссаров, члены которого исполняют свои обязанности безвозмездно, и который решает окончательно все дела о взыскании долгов, где сумма исков не превышает 25 пиастров. Мэры муниципалитетов тоже отправляют судебные функции, аналогичные функциям мировых судей; последние назначаются губернатором из числа лиц, владеющих недвижимой собственностью ценностью не менее 1.200 пиастров; им присвоена как гражданская, так и уголовная юрисдикция, они могут подвергать аресту лиц, обвиняемых в преступлениях, допрашивать свидетелей на предварительном следствии, подготовлять дела, подлежащие рассмотрению в общих судебных установлениях. Затем следуют, в иерархическом порядке, съезды мировых судей, полицейские судьи и рекордеры, также назначаемые губернатором. Окружные суды, председательствуемые одним из членов судебной палаты, заседают в каждом судебном округе,—делении, обнимающем известное число графств; им присвоена гражданская юрисдикция, и то по делам маловажным, тогда как судебные палаты решают гражданские процессы, не останавливаясь перед суммой иска или ценой предмета спора; они подразделяются, в случае надобности, на ревизионные суды и суды по делам о банкротствах. Суд Королевиной Скамьи (Queens' Bench), высший апелляционный трибунал каждой провинции, ведает как гражданские, так и уголовные дела; он состоит из шести судей, из которых один председательствует в ассизном уголовном суде, где дела разбираются с участием двенадцати присяжных заседателей; остальные пять членов суда Королевиной Скамьи собираются для суждения в качестве апелляционной инстанции. Члены судебных палат и суда Королевиной Скамьи назначаются федеральным правительством, но организация судебных учреждений и установление порядка судопроизводства зависят от провинциальных правительств. Над всеми этими областными судами возвышается оттавский верховный суд, состоящий из одного старшего и пяти младших (puisnes) судей, назначаемых королевой; он является высшей апелляционной инстанцией для всей Канады, в процессах уголовных и гражданских, но в последних лишь в том случае, если сумма иска превышает 2.000 пиастров. Верховный суд функционирует в то же время как политический совет и может обсуждать всякий вопрос, представленный на его рассмотрение генерал-губернатором из совета главного управления[1]. Наконец, когда сумма,

1 Napoleon Legendre, „Notre constitution et nos institutions";—Honore Mercier, „Esquisse generale de la

составляющая предмет тяжбы, превышает 1.250.000 франков, стороны, в случае неудовольствия, могут апеллировать в тайный совет королевы. В Канаде действует то же самое право, что и в Англии, т.е. право, имеющее существенно монархический характер; впрочем, федеральным парламентом сделаны некоторые изменения в английских законах. В провинции Квебек, с французским населением, уголовное право заимствовано у Англии, но гражданский кодекс почти всецело представляет собою старое французское право, действовавшее до революции: так, между прочим, там существует неограниченное право завещания; имущество передается в наследство по воле родителей.

В Канадском союзе, по смыслу его конституции, господствует принцип полного разделения Церкви и Государства. В самом деле, различные вероисповедания, католическое и протестантские, не имеют никакого прямого участия в государственном бюджете и пользуются его средствами лишь в виде пособий, выдаваемых в известных случаях их учебным заведениям. В нижней Канаде, где французские католики, в соединении с ирландцами, имеют огромный численный перевес, протестанты свободно исповедуют свою религию, точно также католики пользуются полной веротерпимостью со стороны протестантов других провинций, где большинство населения состоит из англосаксов различных сект.

Население Канады по вероисповеданиям (по переписи 1891 г.): католиков—1.992.017; методистов—618.000; пресвитериан—755.000: епископальных—646.000; баптистов—303.000; лютеран—64.000,—всего протестантов—около 2.774.000, евреев—6.414; язычников—61.127.

Конфедерация признает за всякой религиозной общиной право организоваться в самостоятельную корпорацию для целей культа или обучения детей; иезуиты не только имеют легальное существование, но им даже возвратили частию то, что у них было конфисковано в прошлом столетии. Религиозное устройство провинции Квебек сохранилось в том виде, в каком оно существовало во времена французского господства, и приходские священники собирают ещё так называемую «десятину», которая, впрочем, ныне составляет только двадцать-шестую часть налога: через этот доход они участвуют, в известной мере, в управлении делами провинции. Излишки доходов духовенства поступают, в большой части, в пользу монастырей и школ.

Начальное образование, обязательное во всех канадских провинциях, не было урегулировано в смысле единообразия; оттого относящиеся к нему вопросы вызывают горячие споры между канадцами, потому что, в провинциях с разнородным населением, вопросы эти затрагивают интересы расы, языка и вероисповедания. В старейшей, по времени заселения, провинции, в Квебеке, школы, за исключением нескольких частных учебных заведений,—конфессиональные, либо католические, либо протестантские. Так как католицизм есть религия огромного большинства жителей, то более шести седьмых детского населения получают воспитание под руководством католического духовенства. Совет, заведующий организацией школьного дела, состоит из всех католических епископов провинции, заседающих в ней по праву, и из равного числа светских членов, назначаемых правительством. Средние учебные заведения также в большинстве католические гимназии и институты или «монастыри», где преподавание находится почти исключительно в руках членов духовенства и монахинь; наконец, главный университет, старейшее высшее учебное заведение Канады, тоже католический, и между факультетами его первое место по числу студентов принадлежит богословскому. Но и протестанты имеют полное право учреждать свои конфессиональные школы и давать им то или другое устройство, по своему желанию. Протестантский училищный комитет, члены которого выбираются правительством, заведует школами и распределяет кредиты; кроме того, религиозное меньшинство каждого муниципалитета может, если оно недовольно школьной администрацией, избрать специальных попечителей для управления его делами по учебной части. Инспектора католических школ—католики, а протестантских—протестанты. В среднем, пособия от правительства немного больше для школ не-католических, но равноправность полна между двумя вероисповеданиями и, можно сказать также, между двумя

province de Quebec“.

языками, ибо католическим воспитанникам французского происхождения предметы преподаются на французском, а английским детям—на английском языке.

В провинции Онтарио, где большинство жителей протестанты, но где католики составляют многочисленное меньшинство, населения имеют свои конфессиональные школы; однако, так как в большинстве общин руководящая роль принадлежит протестантам, то многие «канадские» католики, хотя имеют полное право завести собственные школы, где французский язык преподавался бы наравне с английским, посылают своих детей в училища, где преподавание ведется на этом последнем языке.

Состояние народного просвещения в провинции Квебек в учебном 1886—87 году:

	катол.	протест.	всего
Начальных школ	3.586	988	4.584
Средних и высших учебных заведений	570	80	650
Общее число учащихся	221.611	33.648	255.259

Состояние народного просвещения в провинции Онтарио:

Начальных школ	5.395	-	-
(из них 224 кат.), с 472.458 учащихся	-	-	-
Средних и высших учебных заведений	42		15.313
Всего	5.437		487.771

В восточных графствах, лежащих в соседстве слияния рек св. Лаврентия и Оттавы, большинство, приобретенное франко-канадцами в некоторых городах, позволяет им основывать школы, где их язык играет преобладающую роль: отсюда политические столкновения, так как одни жалуются, что в этих заведениях мало обращается внимания на господствующий в провинции язык, а другие ссылаются на свое право вести преподавание, как им желательно. Повидимому, теперь в Онтарио начинает одерживать верх мнение, что школам следует придать чисто светский характер и сделать изучение английского языка обязательным, подобно тому, как это достигнуто в провинции Манитоба, где тоже существовала борьба между протестантскими английскими и католическими французскими школами. В Британской Колумбии и в Приморских провинциях общественное воспитание давно уже получило светский характер, и дети учатся Закону Божию в семье или частных заведениях. Употребление французской десятичной системы мер и весов легально и факультативно в Канаде, но редко практикуется.

Рессурсы, которыми располагает правительство для всех своих расходов, на администрацию, политику, армию, суды, школы, получаются главным образом от сбора таможенных пошлин, составляющих, в среднем, около 45 процентов с цены ввозимых товаров. Кроме того, конфедерация владеет землями, продажа которых, отдельными участками, прибавляет маленькую сумму, несколько сот тысяч франков, к годовому бюджету государства; главными посредниками в распределении почвы, как сказано выше, являются железнодорожные компании.

Бюджет Канады в финансовом 1898—99 году: обыкновенные доходы и расходы сбалансированы в сумме около 203 миллионов рублей.

Также как почти все другие государства, Канадский союз тратит больше, чем сколько имеет, и государственный долг его, хотя ничтожный в сравнении с долгом Франции, представляет сумму, равную доходам за несколько лет (долг Канады по бюджету 1897—98 г.: 1.776.500.000 франк.). Канадский бюджет возрастает гораздо быстрее, чем население; он более чем удвоился с 1878 г., когда цифра его едва достигала 112 миллионов франков. Кроме общегосударственного бюджета, каждая провинция имеет своей специальный бюджет и свой долг: так, провинция Квебек должна 48 миллионов франков.

Политическое состояние Канады различно изменялось с тех пор, как принцип колониальной автономий был признан Великобританией. Можно сказать, что создание Канадской «державы» или конфедерации восходит к 1841 году, когда Верхняя и Нижняя Канада соединились в одно государство; но другие провинции продолжали держаться особняком, не

имея иной политической связи с двумя лаурентинскими провинциями, кроме общей зависимости от Англии. Концентрационное движение возобновилось только в 1867 г„ и различные колонии употребили четыре года на дипломатические переговоры и соглашения, чтобы достигнуть образования Канадской «державы». Сначала две Канады, Верхняя и Нижняя, Новая Шотландия, вместе с Кап-Бретоном, и Новый Брауншвейг соединились в федерацию; в 1869 г. Гудсонская компания продала свои права на территорию Северо-Запада; в 1871 г. северо-американская Колумбия вступила в канадскую «Большую Британию»; наконец, в 1873 г. и остров Принца Эдуарда, самая малая из колоний Британской Америки, присоединился к своим могущественным соседям. Один только Ньюфаундленд остается вне Союза, хотя переговоры о вступлении его никогда вполне не прерывались, и общение на почве экономических интересов становится всё более и более тесным. Конфедерация благоразумно выжидает, чтобы щекотливые вопросы, относящиеся к рыбным промыслам, были окончательно разрешены.

*По новому делению, установленному законом 2 октября 1895 г., Канадский Союз, Dominion of Canada, распадается на следующие семь провинций и девять округов (пространство показано по результатам новейших измерений, а население по последней переписи):

		Пространство, квадр. килом.	Население в 1891 г. (вмест. с инд.)
Провинции	Онтарио	574.957	2.114.321
	Квебек	575.057	1.488.535
	Новый Брауншв.	72.776	321.263
	Новая Шотланд.	53.223	450.396
	О. Принц. Эдуард.	5.180	109.078
	Манитоба	191.538	152.506
	Британ. Колумб.	990.117	98.173
Округи	Ассинибойя	231.886	30.372
	Саскачеван	277.256	11.150
	Альберта	274.687	25.277
	Атабаска	686.322	33.168
	Киватин	1.672.000	
	Макензи	1.393.363	
	Унгава	1.070.900	
	Франклин	776.968	
	Юкон	582.726	
		9.428.957	4.833.239
Нью-Фаундленд, с Вост. Лабрадором		421.470	212.106 (97 г.)

Народонаселение Британской Северной Америки в 1897 г.: 5.398.096 душ*.

Громадное преимущество полной автономии, которою пользуется каждая провинция во всех своих внутренних делах, объясняет спокойствие, царствующее в политической жизни Канадского Союза, и доброе согласие, обыкновенно существующее между различными элементами населения. Без сомнения, конфедерация также имеет свои причины раздоров и смут; она ещё не ассимилировала туземцев в Британской Колумбии, а в территориях Северо-Запада два последовательных восстания Bois-Brules (так называются метисы, происшедшие от франко-канадцев и индианок) в Манитобе и Саскачеване доказали, как мало уравновешены интересы колонистов и метисов; страшные дебаты по поводу школ и языков бросают партии и провинции в горячую борьбу; недостаток плодородных и легко доступных земель начинает в некоторых округах вызывать необходимость эмиграции в больших размерах; наконец,—явление ещё более важное,—монополия торговли, устанавливающаяся в пользу железнодорожных компаний и синдикатов спекулянтов, грозит поработить граждан и заглушить дух предприимчивости.

Как ни серьезны политические и социальные задачи, которые предстоит разрешать Канадской конфедерации, они не представляются там в такой степени настоятельными, не терпящимии отлагательства, как в соседней республике. Грозный антагонизм рас, который так

много способствовал вспышке междоусобной войны и который, сохраняя по-прежнему свой опасный характер, существует ещё в южных штатах, не интересует непосредственно Канаду, которая уже в прошлом столетии отменила у себя рабство чернокожих; другие этнические и экономические столкновения, порождаемые огромным эмиграционным движением, направляющимся в Соединенные Штаты, будут иметь свое главное поле битвы в Аллеганских горах и в долинах Миссисипи: канадские провинции испытают лишь отраженное действие этой борьбы. Наконец, барышнический скуп земли, рудников, промыслов, грозящий обратить в ложь, в злую иронию хваленую американскую свободу, совершается несравненно быстрее в Соединенных Штатах, чем в провинциях северной конфедерации. Совершенно естественно поэтому, что большинство канадцев энергически сопротивляются притяжению могущественной соседней республики, к которой солидарность столь многочисленных интересов и самое положение географическое, казалось бы, должны их увлекать. Во время войны за независимость американских колоний, банды канадских инсургентов, побуждаемые Лафайетом, присоединялись к повстанцам Новой Англии, но они не были поддержаны общественным мнением своих соотечественников, и священники даже отказывались хоронить их тела по христианскому обряду[1]. С той эпохи в Канаде при всех больших политических кризисах образовались американские партии, но влияние их постоянно уменьшалось. С другой стороны, многие американцы, опасаясь, что присоединение канадских провинций может расстроить, к их невыгоде, равновесие партий в республике, также высказываются против союза с северными населениями континента. Однако, общее мнение в Соединенных Штатах таково, что Канада рано или поздно должна слиться с великой англо-саксонской республикой, и в конгрессе ораторы часто говорят об «очевидной судьбе», которая сгруппирует в одну нацию всех жителей Северной Америки. Чтобы противодействовать этой притягательной силе, некоторые из английских государственных людей предлагают образование «имперской Британии», т.е. конфедерации, в которую вошли бы, как равноправные члены, все старые английские колонии, Канадский Союз, Австралия, Южная Африка, может-быть, даже Индия; но эта политическая и таможенная лига, управляемая палатой, заседающей в Лондоне, необходимо должна бы была приносить в жертву интересы менее сильных государств. Именно Канаде пришлось бы пострадать при этой комбинации, а чрез то усилилось бы притягательное действие могущественной соседней республики. Канадцы и теперь уже задают себе вопрос, почему, не будучи представлены за границей своими собственными министрами, они зависят от Великобритании к управлении их делами. Современем они тем более будут жаловаться, что по своим псевдо-монархическим учреждениям страна их стоит одиноко в Новом Свете.

Как бы то ни было, ни одна партия, ни одна политическая группа не стремится ускорить ход событий: предоставляют судьбе осуществить это объединение, считаемое неминуемым; ни с той, ни с другой стороны нет постоянной армии, имеющей назначением обеспечить мир, приготовляя войну. Говорят себе только, что, в случае столкновения, американская республика будет иметь в своем распоряжении тот «последний довод», который дает сила: воля её совершится, как она совершилась при определении границ штата Мэн, берегов озера Шамплен и Британской Колумбии. Самые рьяные между американскими аннексионистами ограничились бы подготовлением путей таможенным союзом, который мало-по-малу превратился бы в политическую ассимиляцию, и много найдется канадцев, которые охотно дали бы себя соблазнить коммерческими выгодами этого союза. Впрочем, между англо-канадцами и американцами нет никакой разницы по расе и языку, а различие нравов и учреждений не важно: для них присоединение не повлекло бы за собою существенных перемен. Более серьезным событием было бы это присоединение для франко-канадцев, но они уже выдержали столько штурмов, выросли и окрепли, несмотря на столько противодействующих сил, сохранили свою национальность чрез столько трудностей и опасностей, что могут без боязни взирать на будущее: какова бы ни была будущая политическая группировка американских на-

1 Philippe Aubert de Gaspe, „Les anciens Canadien“.

ций, они войдут в неё свободным народом.

КОНЕЦ ПЯТНАДЦАТОГО ТОМА

Оглавление пятнадцатого тома

Том XV. Северная Америка....3
Глава I Новый Свет....3
1. История открытия....3
II. Физическая география двойного американского континента....31
III. Присоединение Америки к миру современной цивилизации....40
Глава II. Гренландия....50
Глава III. Полярный архипелаг....79
Глава IV. Аляска....101
Глава V. Канада и Нью-Фаундленд....135
I. Общий обзор....135
II. Британская Колумбия....137
III. Территория дальнего севера....161
IV. Бассейн озера Виннипег, покатость Гудсонова моря....183
V. Бассейн больших озер и реки св. Лаврентия....217
VI. Приморские провинции....291
VII. Лабрадор....313
VIII. Нью-Фаундленд (Новая Земля) и его мели....323
Сен-Пьер и Микелон....336
IX. Статистический обзор Канады....337
X. Администрация и правительство Канады....347